Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Липецкий филиал

II Заочная Всероссийская научно-практическая конференция

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

3 февраля 2023 года

Сборник трудов участников

Липецк – 2023

УДК 34
ББК 67.4

Противодействие преступности: современное состояние, особенности и проблемы. Электронный ресурс: Сборник трудов участников заочной научно-практической конференции (3 февраля 2023 г., Липецк) / Под общ. ред. Шагуновой В.М.- Липецк: Липецкий филиал РАНХиГС, 2023. – 1160 с.

В издание представлены материалы всероссийской научно - практической конференции «противодействие преступности: современное состояние, особенности и проблемы», проходившей 3 февраля 2023 года в Липецком филиале РАНХиГС. Организатором конференции выступила кафедра «Уголовное право, процесс и криминалистика».

Статьи сборника посвящены исследованию различных аспектов борьбы с коррупцией, в том числе на государственной службе, выявления проблем и определения основных направлений совершенствования законодательства в данной области.

Настоящее издание может представлять интерес для научных и практических работников различных отраслей знания, интересующихся проблематикой коррупции.

© Липецкий филиал РАНХиГС
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

Агекян А.Г. Анализ преступлений, связанных с хищением имущества путем проникновения в чужое жилище 14

Азжеуров А.В. Понятие психического насилия в уголовном праве 20

Акулова Д.В. Уголовно-правовая характеристика злоупотребления должностными полномочиями и их превышение 38

Алтухова Н.А. Особенности разграничения убийства двух и более лиц от смежных преступлений 46

Анапских В.К. Возможности и перспективы уголовно-правового воздействия на предупреждение преступлений 53

Андреева А.А. Неосторожная форма вины в преступлениях с формальным составом 62

Андреева Е.С. Теоритические аспекты системы преступлений против правосудия 67

Анютина А.А. Актуальные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в Италии 77

Базартынова Ю.С. Актуальные вопросы разграничения угрозы убийством со смежными составами преступлений 85

Байрамов М.Т. Преступление по мусульманскому уголовному праву понятие и виды 92

Безымянных М.М. Законодательная оценка общественной опасности склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства и ее влияние на дифференциацию уголовной ответственности 100

Бобылкин В.Д. Уголовно-правовая оценка угрозы как вида психического насилия 123
Бунина С.Н. Предупреждение экологической преступности 148
Бутерин В.В. Причины массовых беспорядков и реализация уголовной ответственности за их совершение 160
Вангорская Д.О. Международные правовые основы охраны культурного наследия 167
Варварина А.Е. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложной социально значимой информации публично (ст.ст. 207.1, 207.2 УК РФ) 179
Виньков А.А. О необходимости усиления уголовной ответственности за нарушение требований сохранения или использования объектов 191
Воеводин М.Ю. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления по законодательству зарубежных стран. 207
Волгина К.Д. Мировой опыт противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем 214
Волкова К.А. К вопросу о реализации принципа презумпции невиновности 224
Волокитина А.Ю. Оборот фальсифицированных лекарственных средств проблемы противодействия обороту фальсификации лекарственных средств в российской федерации 233
Гаврилова А.Ю. О зарубежном опыте противодействия легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем 241
Ганосова А.С. Некоторые вопросы квалификации 254

заранее не обещанного укрывательства преступлений
Гасанова А.К. Современные технические способы подделки подписи 266
Герасимова В.К. Проблемы установления в российском уголовном праве юридической природы соучастия в преступлении 276
Гнездилова А.А. Противодействие коррупции в России и за рубежом 285
Григорьева А.Р. К вопросу о проблеме формулирования дефиниций в уголовном законодательстве российской федерации, устанавливающем ответственность за убийства, совершаемые по найму 294
Григорьева А.Р. Криминалистическая характеристика убийств, совершенных по найму 300
Григорьева А.Р. Особенности расследования убийств, совершенных по найму 309
Григорьева А.Р. Проблемы отграничения убийств, совершаемых по найму от смежных составов преступлений и основные направления совершенствования уголовного закона об ответственности за такие убийства 316
Двуреченский Л.А. Особенности квалифицирующих признаков состава преступления уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов 325
Ерофеева Д.А. Уголовная ответственность за нарушение антидопинговых правил в российской федерации 335
Жестерев А.С. Грабеж как состав преступления проблемы квалификации и правоприменения 342
Жукалина Е.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений экстремистской 350

направленности
Запорожцева Н.В. Отграничение торговли несовершеннолетними от схожих составов 357
Зольникова А.Ю. Методика расследования кибермошенничества 364
Зубкова К.М. Ответственность за посягательства на информационную безопасность по законодательству зарубежных стран 374
Зябухина Е.И. Преступления против собственности в уголовном законодательстве германии 395
Иванченко Е.А. Особенности квалифицированных составов самоуправства и отграничение их от смежных составов 404
Калаева Е.Г. Проблемы квалификации террористического акта, повлекшего смерть человека 410
Калинина К.Ю. Вовлечения несовершеннолетнего в совершении преступления учимся у прошлого 417
Калугина О.О. Вопросы назначения наказания при наличии обстоятельств, смягчающих наказание 424
Калугина О.О. Назначение наказания при наличии обстоятельств, смягчающих наказание, характеризующих личность виновного 433
Карапсина Т.Д. Мошенничество в сфере компьютерной информации вопросы квалификации 442
Карлин В.А. Актуальные вопросы совершенствования законодательства за преступления, касающиеся криминального суицида 448
Карлин В.А. Проблемные вопросы института 455

доведения до суицида
Катышкина В.А. Проблема представления интересов потерпевшего при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ 461
Киселёв А.А. Уголовное право Дании 471
Клейменова А.А. Сравнительный анализ системы уголовного правосудия в различных странах мира преимущества и недостатки 479
Климов Ф.Л. Принудительные меры медицинского характера: к вопросу о целях их применения 484
Климов Ф.Л. Принудительные меры медицинского характера к вопросу о их правовой природе 488
Климов Ф.Л. Проблемные аспекты применения принудительных мер медицинского характера 492
Климова В.Ю. Разграничение организации незаконной миграции от смежных составов преступлений 500
Кнопкина К.С. Особенности составов преступления, предусматривающих уголовную ответственность за преступления против жизни и здоровья в Италии 507
Козлова В.Е. Уголовно-правовой анализ состава организации и участия в массовых беспорядках 517
Коровина И.О. Особенности расследования преступлений совершенными несовершеннолетними 525
Краснов М.С. Характеристика отдельных видов интернет-пиратства 532
Кузнецов М.А. Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия по законодательству зарубежных стран 543
Кузоваткина Д.О. Проблемы, возникающие при 561

квалификации и назначении наказания за причинение вреда здоровью
Куликова Е.М. Проблемы квалификации подделки сбыта и использования поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей и бланков 569
Кулина А.Р. Фиктивная регистрация граждан особенности и противодействие 577
Кустова Е.А. Личность преступника, занимающегося распространением порнографических материалов 588
Лаврищева А.Г. Вина и её формы в уголовном праве зарубежных стран 596
Лазарева А.А. Уголовно-правовой анализ современного фальшивомонетничества проблемы теории и практики 603
Лапшина С.И. К вопросу о посткриминальном поведении и правовых последствиях судимости 617
Лебедев А.А. История развития уголовного законодательства германии 626
Лигуз А.В. Проблемы квалификации превышения пределов необходимой обороны 633
Лыкова Н.В. Грабеж, пути противодействия формированию преступного поведения 643
Макарова М.Е. Уголовные наказания в государствах романо-германской системы права 653
Марчуков Д.Б. Общая криминалистическая характеристика преступлений коррупционной направленности 660
Мешков А.М. Критерии признания деяния преступлением в уголовном праве перспективы и вызовы 671
Мещерякова Я.О. Актуальные проблемы качества криминалогических исследований 677

Минаева М.И. Судебно-медицинская экспертиза по делам о насильственных действиях сексуального характера основание, особенности, процессуальный порядок назначения и проведения 685
Муровлянников К.П. Проблемы квалификации мошенничества в сфере страхования при отграничении от смежных преступлений 696
Никешина И.С. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий 707
Облов Д.Н. Особенности производства в суде с участием присяжных заседателей в уголовном процессе 717
Опарина С.А. ответственность за преступления против личности по уголовному уложению федеративной республики германии 730
Павленко С.Ю. Общая характеристика особенной части уголовного кодекса германии 737
Панкратов А.М. Проблемы квалификации управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость 747
Парахин Д.Р. Проблемы разграничения нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия от смежных составов преступлений 757
Петрухин А.С. Женская преступность вопросы детерминации и предупреждения 775
Пивоварова В.Н. Международное сотрудничество в сфере противодействия преступности почему это особенно важно на современном этапе 786
Пивоварова В.Н. Некоторые проблемные аспекты международного сотрудничества в сфере 791

противодействия преступности
Пивоварова В.Н. Понятие и признаки международного сотрудничества правоохранительных органов и судов по вопросу противодействия преступности и уголовного правосудия 795
Полуэткова Е.И. Общая характеристика особенной части уголовного кодекса Франции 803
Пономарев М.О. Теоретические основы обстоятельств, исключающих преступность деяния в уголовном праве 809
Пономарёва В.В. Развитие уголовного права США в двадцатом веке 818
Попова Ж.А. Проблемы обеспечения равенства доказывания в уголовном процессе 826
Решетникова А.В. Учет общественной опасности личности лица, признанного виновным в совершении преступлений 834
Ролдугина Л.Н. Противодействие преступлениям сексуальной направленности, 842
Романенко В.Н. Наркомания и преступность среди молодежи 852
Романенко С.А. Некоторые вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями 868
Романцова М.А. Вопросы квалификации убийства малолетнего 874
Рукавишникова А.Д. Реализация институтов амнистии и помилования проблемные вопросы 885
Рыжикова А.С. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации 895
Савченко М.С. Проблемы регламентации ответственности за распространение заведомо 901

ложной информации в условиях эпидемии и других чрезвычайных обстоятельств
Самокрайняя В.О. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов 910
Сафаров Э.С. Особенности разграничения нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта с административными нарушениями и смежными составами преступлений 916
Сафонкина Ю.А. Административная ответственность за нарушения правил оборота огнестрельного оружия 927
Седых С.И. Квалифицирующий признак «убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а ровно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера» в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве 937
Селиванова О.С. Понятие рецидива преступлений и его уголовно-правовое содержание 946
Смыкова Е.А. Опьянение как психическое расстройство при определении невменяемости на примере российской и западной уголовно-правовой практике 955
Сокольских О.И. Проблемы квалификации преступлений террористической направленности 966
Сокольских С.Р. Преступные деяния против полового самоопределения в уголовном праве германии 973
Сухачева К.А. К вопросу о признании лица потерпевшим в случаях совершения 981

неоконченного преступления
Ткач А.А. Вымогательство как преступное проявление современности 988
Толубаева М.А. Специально-криминологические меры предупреждения преступлений несовершеннолетних 998
Третьякова Д.В. Проблемы квалификации воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналиста 1008
Трунова Е.Н. Основные проблемы квалификации неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей 1017
Трунова Е.Н. Особенности привлечения к ответственности за неуплату средств на содержание родителей 1027
Труфанова А.В. Исторический анализ развития законодательства об уголовной ответственности за причинение вреда здоровью человека 1036
Устюхина А.Е. Проблемы противодействия торговле детьми как преступлению международного характера 1056
Фомин В.В. Особенности квалификации преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий 1065
Халеев А.М. Преступления против личности в уголовном праве США 1074
Хотеенко М.А. Проблемы уголовно-правового и иного предупреждения организованной преступности 1079
Чесноков Н.Д. Уголовно-правовые и криминологические аспекты рейдерства 1087
Чурсина Н.И. Понятие рецидива преступлений и его уголовно-правовое содержание 1092
Шанк В.В. Особенности квалификации 1100

нарушения неприкосновенности частной жизни
Шеховцова Д.А. Преступления, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних 1110
Шитикова М.Д. Понятие преступления в уголовном праве зарубежных стран 1120
Щеглова М.В. Проблемы правового регулирования обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств 1127
Щербатых В.Н. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности по законодательству зарубежных стран 1133
Щирова В.В. Источники уголовного права Англии 1145
Юшкова Ю.А. Проблемы применения наказаний, связанных с лишением свободы 1152

Агекян А.Г., студент 4 курса
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель.,
Шагунова В.М.

Agekyan A.G., 4th year student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturrer.,
Shagunova V.M.

АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ ПРОНИКНОВЕНИЯ В ЧУЖОЕ ЖИЛИЩЕ

ANALYSIS OF CRIMES, RELATED TO THE THEFT OF PROPERTY BY ENTERING SOMEONE ELSE'S HOME

Аннотация.

В данной научной работе будут рассмотрены основные критерии хищения с проникновением в чужое жилище, статистика по данному виду преступлений в Липецкой области и сделаны определенные выводы о состоянии преступности в нашей стране.

Abstract.

In this scientific work, the main criteria of theft with penetration into someone else's home, statistics on this type of crime in the Lipetsk region will be considered and certain

conclusions about the state of crime in our country will be drawn.

Ключевые слова: преступление; хищение; жилье; проникновение; статистика; потерпевший; преступник.

Keywords: crime; theft; housing; penetration; statistics; victim; criminal.

В Российской Федерации в соответствии с Конституцией установлено, что жилище каждого гражданина является неприкосновенным, никто не имеет право проникать в жилище против воли собственника. Но многие люди пренебрегают чужими интересами и совершают преступное посягательство на чужое имущество путем проникновения в чужое жилище.

Для начала стоит сказать о том, что в Российской Федерации осуществляется строгий контроль правоохранительными органами за безопасностью граждан и защитой их от преступных посягательств. По данным официального сайта МВД России «общее количество преступлений, зарегистрированных на территории Российской Федерации за девять месяцев текущего года, по сравнению с тремя кварталами 2021 года снизилось на 1,5%, в том числе тяжких и особо тяжких – на 5,3%». Данная статистика говорит о том, что политика, проводимая нашим государством в пропаганде безопасного образа жизни, а также санкции, введенные за совершение всех видов преступлений, благоприятно сказываются на нежелании лица совершать преступное посягательство. В данной работе будет рассмотрена категория преступлений, связанная с кражей из чужого жилья, она прописана в п.п. а части 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В Липецкой области статистика данной категории преступлений показывает следующую динамику. По данным официального сайта прокуратуры Липецкой области показывает то, что по статистике за 2022 год «почти половину от всех зарегистрированных преступлений (48,7%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем краж - 2118 (+5,1%)». Из данной статистики видно, что в нашем регионе очень распространены кражи и от общей массы преступлений составляют почти половину. Рассмотрим же основные положения по данному преступлению.

Кражей признается тайное хищение чужого имущества. Ответственность за данное преступление установлено в статье 158 УК РФ. Рассмотрим более подробно кражи с проникновением в чужое жилище. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дается следующее разъяснение. «Под незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище следует понимать противоправное тайное или открытое в них вторжение с целью совершения кражи, грабежа или разбоя. Проникновение в жилище может быть осуществлено и тогда, когда виновный извлекает похищаемые предметы без вхождения в соответствующее помещение. Уголовная ответственность за данное преступление предусмотрена в виде штрафа в размере от 100 000 до 500 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до полутора лет или без такового, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до 80 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за

период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового».

Субъектами данного преступления является преступник, который устроил незаконное проникновение в чужое жилище как правило с использованием специальных средств для взлома замков или вошедший в доверие к собственнику жилья – соответственно второй субъект - потерпевший.

Субъективную сторону кражи составляют два обязательных признака:

- умышленная форма вины с прямым умыслом;
- корыстная цель.

«Прямой умысел заключается в том, что виновное лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступлений последствий в виде причинения ущерба, и желает их наступления. Корыстная цель выражается в стремлении владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом».

Можно сказать, о том, что кража из чужого жилища носит материальный состав преступления с общественно опасными последствиями. Результатом данного деяния является получение корыстной выгоды путем завладения чужим имуществом и причинение тем самым имущественного и морального вреда собственнику данного имущества. Также одним из признаков кражи с проникновением является ненасильственный характер данного преступления, который не причиняет физического вреда здоровью собственнику данного жилья. Если вред будет причинен, это уже не кража, я разбой. Квартирные кражи относятся к числу тяжких преступлений и являются одними из самых трудных для установления

виновных лиц и расследования. Но на сегодняшний день статистика по раскрытию данного типа преступных посягательств говорит о том, что правоохранительные органы успешно справляются с задачей по поимке данного типа преступников и развивают методики по проведению неотложные следственных и оперативные мероприятия для своевременного раскрытия преступления по горячим следам. Для последующего уменьшения данной категории преступлений нужно пропагандировать в нашем обществе меры по безопасности своего имущества, а именно установка сигнализаций, видеокамер и т.д. Данные меры помогут предотвратить преступления, ведь на срабатывание сигнализации на вызов приедет частное охранное предприятие, группа быстрого реагирования или Росгвардия. А записи с камер видеонаблюдения помогут в кратчайшие сроки раскрыть преступление.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

3. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»

4. Хамаева, Л. В. Юридический анализ кражи с проникновением в жилище, помещение и иное хранилище / Л. В. Хамаева. // Молодой ученый. — 2018. — № 36 (222). — С. 45-49. — Текст: непосредственный

5. Официальный сайт Управления МВД России. URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 04.03.2023)

6. Официальный сайт Прокуратуры Липецкой области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_48 (дата обращения: 04.03.2023)

Азжеуров А.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор Соловьева В.В.

Azzheurov A.V., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: PhD in History, Solovieva V.V.

ПОНЯТИЕ ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

THE CONCEPT OF MENTAL VIOLENCE IN CRIMINAL LAW

Аннотация.

Борьба с криминальным насилием в современных условиях является одной из наиболее значимых задач любого государства. Она осуществляется различными средствами, в том числе и путем применения уголовно-правовых норм. Отечественное уголовное законодательство детально описывает традиционные формы преступного насилия (убийства, причинение вреда здоровью, изнасилования и т.п.), как правило, понимая под ним внешнюю (физическую) форму воздействия на человека. Вместе с тем насилие характеризуется дуалистической природой. Оно может проявляться не только в физической форме, но и быть

выражено в психологическом воздействии, оказывающим разрушающее (деструктивное) действие на личность.

Это обстоятельство не в полной мере отражается в Уголовном кодексе Российской Федерации и приобретает особую значимость в условиях фиксируемого криминологами существенного смещения насильственных форм воздействия в социально-психологическую сферу, появления новых видов социально опасного психологического воздействия на человека. В этом отношении статичность российского уголовного законодательства в части отражения психического насилия снижает его эффективность в плане борьбы с насилием в целом и психическими формами его проявления в частности.

Abstract.

The fight against criminal violence in modern conditions is one of the most significant tasks of any state. It is carried out by various means, including through the application of criminal law. Domestic criminal legislation describes in detail the traditional forms of criminal violence (murder, bodily harm, rape, etc.), as a rule, understanding it as an external (physical) form of influence on a person. However, violence is characterized by a dualistic nature. It can manifest itself not only in physical form, but also be expressed in a psychological impact that has a destructive (destructive) effect on a person.

This circumstance is not fully reflected in the Criminal Code of the Russian Federation and acquires special significance in the conditions of a significant shift of violent forms of influence into the socio-psychological sphere, recorded by criminologists, and the emergence of new types of socially dangerous psychological impact on a person. In

this regard, the static nature of Russian criminal legislation in terms of reflecting mental violence reduces its effectiveness in terms of combating violence in general and the mental forms of its manifestation in particular.

Ключевые слова: психическое насилие; квалификация преступлений, совершаемых с применением психического насилия.

Key words: mental violence; qualification of crimes committed with the use of mental violence.

Определение любого научного понятия представляет собой непростую задачу, решение которой всегда усложняется в отсутствие четких законодательных параметров. Это особенно актуально для категории психического насилия. Как верно указывает А.М. Подгайный, проблема определения этого понятия объясняется сложностью установления его уголовно-правовых и криминологических признаков[1; с. 428]. Кроме того, одна из существующих в теории проблем, связанных с установлением содержания психического насилия, как отмечают А.Н. Классен и А.Ю. Анохин, связана с отождествлением его с физическими формами проявления, а порой с непризнанием за ним самостоятельного уголовно-правового значения. Психическое и физическое насилие, пишут они, изучаются в уголовном праве как сопряженные, неразрывно связанные понятия[2; с. 26]. И если в отдельных научных работах психическое насилие (как способ совершения преступления) уравнивается по своему значению с физическими формами его проявления, [3; с.22] то в большей части трудов содержится указание на то, что такие «формы

сплетаются, сопровождают друг друга, служат взаимным аккомпанементом или просто различными сторонами единого поведенческого акта»[4; с. 102]. Как указывают по этому поводу Н.И. Панов и Б.В. Щур, психическое насилие, будучи на практике одним из наиболее распространенных способов совершения преступления, по непонятным причинам остается вне должного внимания со стороны наук уголовно-правового цикла [5; с. 30-31].

Сущность психического насилия во многом определяется его внешними признаками. Поэтому в отсутствие единой дефиниции психического насилия (как, впрочем, и насилия в целом) к ее определению удобно подходить с помощью метода индукции, описав сначала определяющие компоненты акта психического насилия. Иными словами, определить искомое понятие можно через установление его объективных и субъективных характеристик.

Однако прежде необходимо выяснить, что представляет собой сам термин «насилие». Словари обычно толкуют его как «неволя» (В.И. Даль), «притеснения, применение силы, беззаконье» (Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова). В юридической литературе насилие нередко трактуется как подавление свободы, ограничения свободного выбора [6; с. 20], что указывает на то, что насилие есть внешняя негативная характеристика поведения человека и способ подавления им воли другого лица.

Непременным признаком насильственного психического воздействия является воздействие на психику человека или психику людей в группе. При этом цель воздействия на указанные явления может

быть как промежуточной, так и конечной. Отличие насильственного психического воздействия от других видов насильственного воздействия устанавливается по признаку того, на какой предмет оно направлено. Для определения последнего необходимо установить цель насильственного воздействия. То, что термин «психическое» в характеристике насилия относится к предмету и объекту воздействия, а не к способу преступления, а также то, что физическое и психическое насилие различаются по предмету, подробнейшим образом осветил в своих работах Л.В. Сердюк [7; с. 5]. В частности, он отмечает: «Поскольку рассматриваемый вид насилия направлен против психики человека, то именно в анализе последней и следует искать ответы на вопрос о предмете и объекте психического насилия» [8; с. 28].

Психическое насилие, – указывает Е.Г. Веселов, – это любое целенаправленное деструктивное влияние на психику человека [9; с. 102]. Сложно признать это ёмкое определение удачным в уголовно-правовом смысле, поскольку оно не содержит указания на юридическую форму (юридическую роль) выражения психического насилия. Если следовать логике указанного выше автора, то под признаки уголовно-наказуемого психического насилия должны подпадать многие деяния, которое не относятся действующим уголовным законодательством к разряду преступных (например, неправильное воспитание ребенка или бытовые конфликты между гражданами и т.п.). Однако одним из достоинств представленной Е.Г. Веселовым дефиниции является то, что она позволяет установить предмет насильственного посягательства.

Предметом психического насилия является психика человека, как системное свойство

высокоорганизованной материи, заключающееся в активном отражении лицом объективного мира, построении неотчуждаемой от человека картины этого мира и саморегуляции на основе своего поведения и деятельности.

Исходя из этого, объектом психического насилия следует признавать общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности психики человека[10].

На основании сказанного можно установить, что психическое насилие посягает на однородную группу общественных отношений и, следовательно, характеризует поведение преступника. Оно является внешним по отношению к психике другой личности (личностей) раздражителем, вызывающим соответствующую психическую реакцию. С учетом этого можно предположить, что психическое насилие фактически выполняет роль способа совершения насильственного преступления и является качественной характеристикой деяния, совпадает с ним. Например, психическое насилие – это способ совершения преступления при высказывании угрозы причинения вреда потерпевшему, воспринимаемой им реально и оказывающей на него принуждающее информационное воздействие.

Надо заметить, что к такому выводу приходят многие современные исследователи[11; с.89]. Однако он может быть признан справедливым, только если понимать способ совершения преступления как единый комплекс действий[12; с. 65], систему действий, применяемых лицом для совершения преступления[13; с. 10].

Как верно указывает Т.А. Стельмах, способ совершения преступления, выступая объективной

характеристикой деяния и являясь его неотъемлемым признаком, не может быть тождественен ему. Способ не равноценен деянию по объему и содержанию. Именно поэтому следует различать способ совершения преступления и способ выполнения преступного действия [14; с.36]. Таким образом, при характеристике психического насилия нельзя поставить знак равенства между угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) и аналогичной угрозой при совершении изнасилования (п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ). Очевидно, что угроза в этих преступлениях выступает способом выполнения действия, однако в изнасиловании она не является способом совершения полового преступления.

В связи с этим многие ученые полагают, что психическое насилие в уголовном праве может быть выражено не только как способ совершения преступления. Так, при совершении отдельных видов преступлений оно нередко называется специалистами средством совершения преступления. Именно такую характеристику угрозе применения насилия как форме психического насилия дает А.А. Пионтковский, характеризуя насильственные хищения и вымогательство[15; с. 186].

В ряде случаев психическое насилие характеризуется как обстановка совершения преступления. Так предлагают оценивать В.В. Векленко и Е.Н. Бархатова те ситуации, когда грабитель с ружьем за спиной или с пистолетом за поясом, не угрожая непосредственно оружием потерпевшему, ночью в уединенном месте останавливает последнего и требует от него передачи имущества [16; с. 134].

Разнятся на этот счет и мнения практиков. Так, отвечая на вопрос о том, к какому из признаков состава

преступления относится психическое насилие, 54% опрошенных указали, что это – характеристика способа совершения преступления, 33% респондентов указало на то, что психическое насилие является описанием преступного действия, 10% – определяет обстановку преступления, 3% – средства совершения преступления.

Сказанное означает, что феномен психического насилия, изучаемый в уголовно-правовых рамках, достаточно многогранен, сложен для восприятия и не может быть с легкостью отнесен к тому или иному признаку состава преступления. Для ответа на вопрос о том, что представляет собой психическое насилие, полагаем, следует обратиться к работам по проблемам объективной стороны состава преступления. Многие отечественные ученые при изучении этого элемента состава предлагают включать в содержание способа совершения преступления признаки места, времени, обстановки и других обстоятельств, относящихся к признакам объективной стороны преступления [17; с. 150-151]. И в этом случае психическое насилие (в том числе и в приведенных выше примерах) можно было бы признать способом совершения преступления.

Однако следует заметить, что указанные объективные признаки преступления могут оказывать лишь определяющее значение при выборе способа его совершения, играть вспомогательную роль при установлении и описании способа действия, но сами по себе не могут быть его частью. Как верно указывают криминалисты, подобное отождествление привело бы к частичному отождествлению понятий способ совершения преступления и объективная сторона преступления [18; с.335]. И хотя, как указывал более полувека назад в одной из работ В.Н. Кудрявцев, способ только тогда способ, когда он сливается с деянием

(действием или бездействием)[19; с.67-68], это слияние, на наш взгляд, следует трактовать как одномоментное существование в пространстве и во времени, а не как совпадающие понятия.

Таким образом, психическое насилие в уголовном праве по своим внешним признакам в зависимости от конкретных условий его проявления может выступать способом или средством совершения преступления, а также характеризовать обстановку содеянного, которые в своей совокупности определяют способы выполнения запрещенного и уголовно-наказуемого деяния.

С учетом этого вывода можно детальнее взглянуть на объективные признаки психического насилия. Так, представляется, что в тех ситуациях, когда психическое насилие выступает в качестве способа или средства совершения преступления, оно, как правило, выражается в форме действия (например, при угрозе убийством, при грабеже или разбое). Однако, если речь идет об обстановке совершения преступления, то психическое воздействие может выражаться и в бездействии. Например, при неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ), когда родитель пренебрежительно и унизительно обращается с ребенком, игнорируя его просьбы, отказываясь или уклоняясь от оказания необходимой медицинской помощи и т.п. На это обстоятельство, в частности, обращает внимание Верховный Суд РФ, указывая, что жесткое обращение с детьми может проявляться в осуществлении родителями физического и психического насилия над ними[20; с.].

Современная практика в части оценки психического насилия, применяемого

к детям, к сожалению, придерживается

консервативного подхода и учитывает в качестве преступных в основном случаи физического или сексуального насилия над ребенком. Как отмечают специалисты, случаи психического насилия над детьми нередко находят отражение в материалах уголовных дел, однако уголовно-правовое значение они приобретают, как правило, в тех ситуациях, когда такое психическое насилие над потерпевшим сопряжено с физическим насилием [21; с. 92]. Такая ситуация не может быть признана удовлетворительной и требует усиления просветительской работы с представителями практики и прежде всего с работниками СК РФ.

Другой пример психического насилия, выражающегося в бездействии, приводит в одной из работ Р.Д. Шарапов. В частности, автор со ссылками на постановление высшей судебной инстанции о судебной практике по делам о взяточничестве (утратившее в настоящий момент свою силу) указывает, что вымогательство взятки может выражаться не только в виде прямого требования должностного лица дать взятку под угрозой совершения действий, способных причинить ущерб законным интересам гражданина, но и в виде поставления последнего в такие условия, при которых он вынужден дать взятку с целью предотвращения вредных последствий для его правоохраняемых интересов[22]. В этом случае, указывает Р.Д. Шарапов, вымогательство взятки носит замаскированный характер, совершается путем бездействия, создавая тем самым обстановку психологического прессинга[23; с. 217]. С учетом сказанного ранее, приведенный Р.Д. Шараповым пример бездействия скорее можно представить каксоздаваемую лицом обстановку совершения

преступления, характеризующую способ выполнения деяния при вымогательстве взятки.

Таким образом, можно заключить, что в объективной действительности психическое насилие может быть выражено как в активных действиях преступника, так и в бездействии. Причем, если оно выступает способом совершения преступления, то справедливо говорить в основном об активных действиях виновного лица.

При этом следует заметить, что для отнесения того или иного вида психического воздействия к разряду преступного насилия необходимо, чтобы оно отвечало критерию криминального влияния и обладало насильственным воздействием. Иными словами, криминальное психическое воздействие должно быть выраженным во вне противоправным и общественно опасным поведением, характеризующимся определенным интенциональным содержанием. В этом, на наш взгляд, и состоит его сущность.

Обычно в уголовно-правовом контексте насилие связывают с признаком его общественной опасности. Однако не все проявления психического насилия согласно букве закона признаются преступными. Так, например, не относятся к уголовному насильственному психическому воздействию такие правомерные действия, как психическое насилие в виде угрозы убийством, когда она выступает в качестве защитной меры при необходимой обороне, а также психическое насилие, выраженное в угрозе причинения вреда здоровью при задержании лица, совершившего преступление. Это обстоятельство, как представляется, обычно упускается учеными из виду при характеристике психического насилия.

Отличительная черта психического насилия, учитывая представление о его сущности, заключается в его противоправном влиянии на волю потерпевшего с целью причинения определенного вреда.

Именно поэтому при осуществлении уголовно-правового анализа психического насилия особое внимание следует уделять его субъективным признакам. К сожалению, отдельные авторы недооценивают это обстоятельство и предлагают определять способ совершения преступления, руководствуясь лишь объективными признаками деяния, не обращаясь к его волевым характеристикам [24; с. 6]. Однако науке давно известно, что достижению определенной цели всегда способствует выбор конкретных условий ее осуществления, которые в итоге и будут выражены в самом действии. Криминальное психическое воздействие, подобно любому другому способу совершения преступления, как верно указывал В.Н. Кудрявцев, немыслимо без волевого содержания, мотивов и целей, которые порождают и направляют преступление[25; с. 12-13].

Представляется, что психическое насилие – это такое психическое воздействие, которое преследует цель причинения вреда (психического, физического, материального). Эта цель может лежать далеко за рамками состава того или иного насильственного преступления и, как подчеркивает А.И. Рарог, в этом случае никогда не отождествляется с признаком преступных последствий [26; с. 115]. При этом цель позволяет охарактеризовать виновное отношение преступника в виде желания причинить определенный вред. В связи с этим многие ученые связывают криминальное психическое насилие с признаком прямоумышленности. Действительно, как пишет Р.И.

Михеев, цель, направленная на результат, находящийся за рамками состава, характеризует направленность умысла[27]. Отсюда следует, что психическое насилие является способом достижения такой цели. Само же психическое воздействие в данном случае следует рассматривать как сознательно выбранную субъектом и желаемую им модель собственного поведения.

Кроме того, вывод об исключительно умышленном характере психического насилия следует из лексического значения терминов, используемых законодателем при его описании (угроза, принуждение и др.)[28; с. 179].

Продолжая рассматривать субъективные признаки психического насилия, необходимо сделать небольшое уточнение, связанное с характеристиками субъекта его осуществления. Известно, что каждая из юридически значимых характеристик субъекта того или иного состава насильственного преступления определенным образом может влиять на выбор лицом конкретного способа совершения преступления.

Как отмечают специалисты, достигнув установленного законом возраста, человек способен осознавать не только фактические признаки, но и социальную значимость соответствующих способов действий [29; с. 75]. В связи с чем можно заметить, что уголовная ответственность за отдельные преступления, способом выполнения действий в которых может выступать психическое насилие, наступает с четырнадцати лет (ст. 131, 132, 161, 162, 163 УК РФ). Это означает, что уже с этого возраста лицо осознает противоправность и общественную опасность психического насилия при совершении указанных половых и корыстных преступлений. В иных случаях, например, при совершении угрозы убийством или

причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), при доведении до самоубийства (ст. 110 УК РФ), склонении к самоубийству или содействии совершении самоубийству (ст. 110.1 УК РФ), совершенных лицом в возрасте до 16 лет, психическое насилие не имеет уголовно-правового значения. Из этого следует, что уголовно-правовые рамки этого понятия во многом зависят и от характеристик субъекта преступления.

На основании изложенного можно предложить общее определение криминального психического насилия. Уголовно-наказуемое психическое насилие – это противоправное общественно опасное воздействие (способ выполнения деяния) на психику другого лица (или группы лиц) помимо или против его (их) воли, совершаемое с прямым умыслом и способное причинить или причиняющее психический, физический или материальный вред (ущерб).

Список цитируемой литературы:

1. Подгайный, А.М. К вопросу о понятии и формах криминального психического насилия над личностью / А.М. Подгайный // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – №4. – С. 428-429.

2. Классен, А.Н. Физическое и психическое насилие в уголовном праве: Учеб. Пособие / А.Н. Классен, А.Ю. Анохин. – Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – 85 с.

3. Поднебесный, А.Н. Психическое насилие как вид преступного насилия / А.Н. Поднебесный // XI Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: тезисы докладов. – Н. Новгород: Изд. Гладкова О.В, 2007. – С. 22-25.

4. Жордания, И.Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления / И.Ш. Жордания. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977. – 233 с.

5. Панов, Н.И. Об изучении способа совершения преступления в науках криминального цикла: междисциплинарный подход / Н.И. Панов, Б.В. Щур // Криминалист первопечатный. – 2013. – №6. – С. 17-33.

6. Шарапов, Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве / Р.Д. Шарапов. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – 297 с.

7. Сердюк, Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. Учебное пособие. / Л.В. Сердюк.- Волгоград.: Министерство внутренних дел СССР. Высшая следственная школа. Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1981. – 62 с.

8. Сердюк, Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование /Л.В. Сердюк; под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, докт. юрид. наук, профессора С.П. Щербы. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. – 377 с.

9. Веселов, Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация кандидата юридических наук / Веселов, Евгений Геннадьевич; [Кубан. гос. ун-т.]. – Краснодар, 2002. – 198 с.

10. В.П. против Болгарии. Сообщение №31/2011 / Практика международных договорных органов ООН // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – №1.

11. Полупан, Г.Ю. Уголовная ответственность за создание опасности: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное

право»: диссертация кандидата юридических наук / Полупан Галина Юрьевна; [Место защиты: Рос. акад. правосудия]. – М., 2013. – 178 с.

12. Васильев, А.Н. Планирование расследования преступлений / А.Н. Васильев, Г.Н. Мульдюгин, Н.Я. Якубович. – М.: Госюриздат, 1957. – 199 с.

13. Зуйков, Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации доктора юридических наук / Зуйков, Георгий Георгиевич; [Высш. школа МВД СССР]. – М., 1970. – 30 с.

14. Стельмах, Т.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика способа совершения убийства: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация кандидата юридических наук / Стельмах Татьяна Александровна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов] – М., 2012. – 192 с.

15. Курс советского уголовного права: Преступления против личности, ее прав. Хозяйственные преступления. В 6-ти томах: Часть особенная. Т. 5. / Кригер Г.А., Пионтковский А.А., Ромашкин П.С. – М.: Наука, 1971. – 572 с.

16. Векленко, В.В. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации /В.В. Векленко, Е.Н. Бархатова // Современное право. – 2013. – №7. – С. 134 – 137.

17. Шкеле, М.В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация кандидата

юридических наук / Шкеле, Мария Виталиевна; [С.-Петерб. ун-т МВД РФ]. – СПб., 2001. – 239 с.

18. Колесниченко, А.Н. Актуальные проблемы методики расследования преступлений / А.Н. Колесниченко // Вопросы государства и права. Сборник статей. - М.: Юрид. лит., 1970. - С. 330-337.

19. Кудрявцев, В.Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение /В.Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1957. – №8. – С. 67 – 68.

20. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. №44 // Российская газета. 20 ноября 2017 г.

21. Галкин, Д.В. Жестокое обращение: проблемы толкования и доказывания /Д.В. Галкин // Lex Russica. – 2016. – №4. – С. 88-94.

22. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. №24 (в ред. от 03.12.2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – №9.

23. Шарапов, Р.Д. Преступное насилие / Р.Д. Шарапов. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. – 490 с.

24. Пономарева, Н.П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации

кандидата юридических наук /Н.П. Пономарева; [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. – М., 1970. – 20 с.

25. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. – М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.

26. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие /А.И. Рарог. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 218 с.

27 Цит. по: Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие /А.И. Рарог.. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 218 с.

28. Зарипов, В.Г. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность. специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация кандидата юридических наук / Зарипов Валерий Галимович; [Место защиты: Акад. упр. МВД РФ]. – М., 2007. – 240 с.

29. Стельмах, Т.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика способа совершения убийства. специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация кандидата юридических наук / Стельмах Татьяна Александровна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов] – М., 2012. – 192 с.

Акулова Д. В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А. С.

Akulova D.V., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ И ИХ ПРЕВЫШЕНИЕ

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF ABUSE OF OFFICIAL POWERS AND THEIR EXCESS

Аннотация.

В статье описываются особенности регулирования уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями, а также за их превышение. Приводится криминалистическая характеристика данных видов преступлений. Производится разграничение составов.

Abstract.

The article describes the specifics of the regulation of criminal liability for abuse of official powers, as well as for

their excess. The criminalistic characteristics of these types of crimes are given. Differentiation of compositions is made.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, должностное лицо, правоохранительные органы, преступление, криминалистическая характеристика.

Keywords: abuse of official authority, abuse of official authority, official, law enforcement agencies, crime, criminalistic characteristics.

Проблемы расследования должностных преступлений находятся в поле пристального внимания законодательных и правоохранительных органов, осуществляющих планомерную деятельность по борьбе с преступностью в органах власти и учреждениях. Общественная опасность таких деяний обусловлена нанесением вреда деятельности государственной власти и органов местного самоуправления, что подрывает их авторитет и создает угрозу нормальной работы.

Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления — предусмотренные гл. 30 УК РФ общественно опасные деяния, посягающие на нормальное функционирование аппарата публичной власти: органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственной и муниципальной службы, совершаемые должностными лицами в связи с их служебным положением, а в случаях, предусмотренных нормами этой главы УК РФ, — государственными служащими и служащими органа местного самоуправления, не являющимися

должностными лицами, либо иными субъектами [4, с. 324] .

«Государственный аппарат» представляет собой единый механизм государственной власти в виде многоуровневых систем органов судебной, законодательной, исполнительной и судебной власти. Каждая такая система включает в себя множество подсистем.

Название раздела X УК РФ не в полной мере соответствует его содержанию, поскольку его нормами защищаются интересы не только государственной власти, но и местного самоуправления, то есть публичной власти в целом.

Следовательно, единый родовой объект всех этих преступлений составляет обширная группа общественных отношений, обеспечивающих легитимность, нормальное существование и функционирование всех ветвей государственной власти и местного самоуправления.

Видовым объектом преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления выступает совокупность общественных отношений по осуществлению нормальной (т. е. соответствующей закону) деятельности аппарата публичной власти: органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также государственных и муниципальных учреждений.

Среди должностных преступлений большое распространение получили злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 285 и ст. 286 УК РФ.

Целью установления юридической ответственности должностных лиц является побуждение должностных лиц к соблюдению и поддержанию служебной дисциплины, предотвращение небрежного отношения к выполнению служебных обязанностей, а также злоупотребления служебными полномочиями и их превышения. Юридическая ответственность за них является одним из наиболее действенных инструментов государственного управления, а также обеспечения реализации функций общественного контроля выполнения своих обязанностей должностными лицами, противодействия фактам ненадлежащего их выполнения и использования во вред обществу.

Наряду с основным непосредственным объектом, в качестве которого, как во всяком преступлении рассматриваемой группы, может выступать любой из элементов видового объекта (в зависимости от того, в какой сфере совершено преступление), злоупотребление должностными полномочиями посягает на конкретные права и законные интересы граждан или организаций, составляющие дополнительный либо факультативный объект должностного злоупотребления.

Злоупотребление должностными полномочиями является общим составом преступления для всех преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Превышение же должностных полномочий представляет собой один из самых распространенных и опасных его видов.

Состав преступления материальный и предполагает наступление хотя бы одного из общественно опасных последствий, предусмотренных нормой: вред охраняемым законом правам, свободам и

интересам отдельных граждан или государственным или общественным интересам, или интересам юридических лиц. Для наличия состава преступления причиненный вред должен быть существенным или повлекшим тяжкие последствия.

Если же общественно опасные последствия злоупотребление властью или служебными полномочиями заключаются в причинении вреда нематериального характера, вопрос об установлении, являются ли они существенными или тяжкими, имеет оценочный характер.

Понятие «должностное лицо» многократно используется в Конституции России. Так, в ст.41 говорится об ответственности должностных лиц за сокрытие фактов, создающих угрозу для жизни и здоровья людей. «Решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд», - сказано в ст.46 Конституции РФ [1]. К сожалению, единого понятия «должностное лицо» ни в федеральном законодательстве, ни в юридической науке нет, хотя используется оно и в конституционном, и в административном, ни в уголовном, и в других отраслях права.

Определим, кого уголовное право считает должностным лицом? В примечании 1 статьи 285 УК РФ сказано, что должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного

самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами ("золотая акция"), а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации [2].

Число преступлений данного вида не сокращается. Кроме того, эти преступления относятся к числу латентных, которые не повлекли за собой уголовно-правовых мер реагирования и воздействия со стороны органов, производящих преследование и привлечение виновных лиц к ответственности.

Указанные составы имеют немало общего, что выражается в полном совпадении ряда их признаков. Указанное обстоятельство влечет за собой сложности при разграничении норм ст. 285 и ст. 286 УК РФ и ошибки при квалификации конкретных преступлений.

Деяние при злоупотреблении должностными полномочиями может совершаться в форме как действия, так и бездействия, при превышении должностных полномочий – лишь в форме действия [3, с. 102].

Также следует отметить, что различается и характер деяний. При злоупотреблении должностными полномочиями лицо использует свои служебные полномочия вопреки интересам службы, что означает совершение таких деяний, которые были непосредственно связаны с осуществлением им своих прав и обязанностей. В соответствии с ч. 1 ст. 286 УК РФ деяние при превышении должностных полномочий представляет собой такие действия должностного лица, которые явно выходят за пределы предоставленных ему полномочий.

Таким образом основными должностными преступлениями являются злоупотребление и превышение должностных полномочий, уголовная ответственность за которые предусмотрена статьями 285 и 286 УК РФ. Так же стоит отметить, что превышение должностных полномочий является разновидностью злоупотребления должностными полномочиями. В данной статье было указано понятие должностного лица, которое описано в примечании 1 статьи 285 УК РФ. Несмотря на то, что злоупотребление и превышение находятся в тесной взаимосвязи они все же имеют ряд отличительных признаков. Например, различается характер деяния. Подводя итог можно отметить, что данная тема является актуальной, так как злоупотребление и превышение должностных полномочий относятся к преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

3. Калашников А. Г. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: разграничение составов преступлений. С. 102

4. Бодаевскоий, В. П. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В. П. Бодаевского, В. М. Зимина, А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2019. – 324 с.

Алтухова Н.А., Студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Altukhova N.A., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer, Shagunova V.M.

ОСОБЕННОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УБИЙСТВА ДВУХ И БОЛЕЕ ЛИЦ ОТ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

FEATURES OF DISTINGUISHING THE MURDER OF TWO OR MORE PERSONS FROM RELATED CRIMES

Аннотация.

Статья посвящена проблемам ответственности за один из видов убийства при отягчающих обстоятельствах. В частности, в ней рассматриваются критерии квалификации такого преступления, как убийство двух или более лиц, и его отграничение от убийства, совершенного неоднократно.

Abstract.

The article is devoted to the problems of responsibility for one of the types of murder under aggravating

circumstances. In particular, it examines the criteria for the qualification of such a crime as the murder of two or more persons, and its differentiation from murder committed repeatedly.

Ключевые слова: убийство, уголовный кодекс Российской Федерации, совокупность преступлений, отягчающие обстоятельства.

Keywords: murder, the Criminal Code of the Russian Federation, a set of crimes, aggravating circumstances.

В юридической литературе смежные преступления определяются как деяния, содержащие в себе схожие и отличающиеся признаки, которые служат основанием для разграничения схожих составов преступлений. В связи с этими большое внимание уделяется правильному установлению всех элементов состав, т.к. на их основе происходит определение уголовной нормы квалифицируемого деяния. Так, устанавливаются общественные отношения, защищаемые уголовным законом - это объект преступления (в преступных деяниях против жизни объектом посягательства является жизнь человека); субъект; объективная и субъективная стороны (последнее будет служить основным критерием отличия умышленных и неосторожных посягательств)[2, с. 250].

Прежде чем приступить к особенностям разграничения убийств двух и более лиц со смежными составами, в первую очередь стоит провести границу между простым убийством и рассматриваемой квалифицированной его разновидностью (убийством двух и более лиц). Схожесть их в том, что пункт «а» ч.2 ст. 105 УК основан на большинстве признаков состава ч.1 ст.105 УК, однако, отличительными признаками

будут являться: деяние в виде умышленного причинения смерти одному человеку (простое убийство) и умышленное лишение жизни нескольких лиц одновременно либо же в разное время (п. «а» ч.2 ст. 105 УК РФ).

Законодатель, прописывая уголовные нормы о привилегированных составах убийств, сделал акцент на смягчающих обстоятельствах, которые были учтены при установлении сроков уголовного наказания. В Уголовном кодексе РФ первым привилегированным убийством идёт статья 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного дитя). Соответствуя критериям иных преступлений против жизни, указанная статья определяет жизнь как объект преступления, при этом включает дополнительный признак в виде наличия особенного потерпевшего (новорожденного). Объективная сторона будет характеризоваться несколькими разновидностями умышленного лишения жизни ребёнка, которые могут быть выражены как в качестве действия, так и в форме бездействия (отказ кормить ребёнка) и включают: умышленное причинение смерти новорожденному во время родов либо непосредственно сразу же после родов (т.к. если смерть ребенку будет причинена матерью по прошествии продолжительного периода времени, преступление будет олицетворять уже состав квалифицированного убийства малолетнего); в условиях психотравмирующей ситуации; либо в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости[4, с. 52]. Субъективная сторона -умысел (при неосторожности ст.109 УК РФ). Субъект здесь представлен в виде специального - мать, достигшая 16 лет.

Следующий вид убийства осуществляется в состоянии бурного и стремительного эмоционального

процесса - аффекта (речь идет в первую очередь о физиологическом аффекте, а не о патологическом, при котором исключается вменяемость). В статье 107 УК отмечен потерпевший, чьи аморальные или противоправные действия, насилие, повлекли внезапно возникший умысел у виновного на лишение жизни данного потерпевшего (важным является отсутствие длительного разрыва во времени, т.к. аффект появляется всегда внезапно и влечет незамедлительные действия)[3, с. 288]. Стоит обратить внимание на вторую часть статьи 107 УК, определяющую то, что убийство двух и более лиц не будет квалифицированным деянием (п. «а» ч.2 ст. 105 УК) в том случае, если оно совершено в состоянии аффекта, лицом, достигшим 16 лет.

В статье 108 УК содержится нормативное разъяснение наказуемости за два самостоятельных состава. По части первой, с целью разграничения смежных составов, выделяют такой существенный критерий объективной стороны как превышение пределов необходимой обороны, при котором важным условием является пресечение посягательства. Особенность в том, что в роли объекта, в этом составе, выступает жизнь именно посягающего лица на охраняемые законом интересы. В связи с чем, данное преступление уголовный закон рассматривает как умышленные действия, явно несоответствующие характеру и опасности посягательства (ст. 37 УК). По части 2 сущность деяния заключается в убийстве, при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Объект - это жизнь человека, т.е. задержанного в связи с совершением преступного деяния. Субъективная сторона воплощена в наличии умысла, но смягчение наказания обусловлено

«стремлением виновного достичь общественно полезных целей: защитить правоохраняемые интересы, задержать лицо, совершившее преступление»[5, с. 353]. Возраст субъекта соответствует всем привилегированным составам (т.е. шестнадцатилетнее лицо).

В Кодексе также существует деяние, связанное с причинением смерти (ст. 109 УК), однако, оно отличается от убийства отсутствием умысла, т.к. может быть совершено только по неосторожности, с шестнадцатилетнего возраста. В связи с чем разработчики законодательства выделили его в самостоятельный состав. В части 3 установлено наказание за неосторожное лишение жизни двух и более лиц (именно это и является главным критерием разграничения с умышленным деянием по пункту «а» ч.2 ст. 105 УК).

Иной преступный состав предусмотрен статьёй 110 УК о доведении до самоубийства. Как считает О. С. Капинус, объективная сторона будет выражена тем, что «виновный выполняет действия, предусмотренные законом, которые вынуждают потерпевшего совершить самоубийство или покушение на самоубийство»[3, с. 76]. Законодатель отмечает такие способы совершения доведении до самоубийства как: угрозы, систематическое унижение человеческого достоинства, а также жестокое обращение (т.е. потерпевший сам лишает себя жизни под влиянием все этих факторов). При этом, одним из квалифицированных составов в статье является совершение деяния в отношении двух или более лиц, что соответственно влечет более строгое наказание.

Данное исследование не будет полноценным без анализирования и сравнения умышленного лишения

жизни и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК). Отграничение происходит на основе содержания субъективной стороны. Деяние, предусмотренное частью 4 ст. 111 УК, характеризуется наличием сразу двух форм вины, в следствие чего при расследовании и рассмотрении дела необходимо установить умысел по отношению к нанесению тяжкого вреда здоровью, и неосторожность при наступлении смерти потерпевшего (при убийстве только умысел)[1, с. 165]. Для квалификации по этой статье важно чтобы между ними двумя была причинно-следственная связь.

Таким образом, резюмируя всё вышесказанное, стоит отметить, что разграничение убийств двух и более лиц со смежными составами чаще всего осуществляется на основании субъективной стороны. Именно поэтому изучение и анализирование смежных преступлений, посягающих на жизнь, способствует правильной квалификации деяний (в т. ч. убийства двух и более лиц), а в последующем назначению справедливого названия.

Список цитируемой литературы

1. Бородин С.В., Малинин В.Б. Убийство - общая характеристика: монография. – СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. – С. 165.
2. Капинус О. С. Уголовное право России. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2018. – С. 250-251.
3. Капинус О. С. Уголовное право России. Особенная часть в 2 т. Том 1: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – С. 76.

4. Подройкина И.А. Преступления против личности: учебник для вузов / под ред. И. А. Подройкиной, Е. В. Серегиной. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – С. 52.

5. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов. Изд. 8-е, перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – С. 353.

6. Смирнова Л. Н. Особенности объективной стороны убийства, совершенного в состоянии аффекта // Молодой ученый. – 2020. – № 51 (341). – С. 288.

Ананских В.К., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А.

Ananskikh V.K., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

POSSIBILITIES AND PROSPECTS OF CRIMINAL LEGAL IMPACT ON CRIME PREVENTION

Аннотация.

Анализируются некоторые проблемы предупреждения преступлений органами внутренних дел. В частности, правового регулирования, определения критериев оценки. Определяются направления, способные интенсифицировать предупреждение преступлений с использованием возможностей оперативно-розыскной деятельности.

Abstract.

Some problems of crime prevention by the internal affairs bodies are analyzed. In particular, legal regulation, determination of evaluation criteria. The directions capable of intensifying the prevention of crimes using the capabilities of operational investigative activities are determined.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, понятие предупреждения преступлений, критерии оценки предупреждения преступлений, оперативно-розыскная профилактика.

Keywords: warning the crimes, notion of the warning the crimes, criteria of the estimation of the warning the crimes, operative-investigatory preventive maintenance.

В криминологической литературе особое место уделяется обеспечению предупреждения преступности как системе выработанных правоохранительными органами мер, направленных на профилактику совершения противоправных деяний. Вместе с тем в данную систему включаются меры, направленные на уголовно-правовое предупредительное воздействие.

Обращаясь к рассмотрению мер уголовно-правовой профилактики противоправных деяний, стоит отметить, что в криминологическом аспекте применение вышеуказанных мер должно представлять собой обеспечение специальной планомерной деятельности по использованию норм уголовного законодательства и наказания за совершение преступных деяний в целях их предупреждения. То есть основными системообразующими факторами, формирующими подсистему уголовно-правовой профилактики, выступают уголовная ответственность и уголовное наказание.

Представляется, что исследуемый вид профилактической деятельности может рассматриваться как система по отношению к своим элементам и частям. Одними из основных признаков, необходимых для выделения подсистем уголовно-правовой профилактики, могут выступать формы реализации метода уголовной ответственности и наказания. То есть угроза лежит в основе подсистемы привлечения к уголовной ответственности, т.е. общей превенции, а применение наказания находится в подсистеме специальной превенции.

При этом, объектом общей превенции является сознание лиц, не привлеченных к уголовной ответственности, а объектом специальной превенции выступает сознание лиц, совершивших преступление.

Изложенные нами соображения позволяют отметить, что деятельность по реализации общей превентивной функции уголовного законодательства, уголовной ответственности и наказания относится к системе уголовно-правовой профилактики противоправных деяний. В частности, изучение уголовного законодательства возможно отнести к подсистеме общесоциального предупреждения, воспитание уважения к закону является целью криминологической профилактики, а вот устрашение угрозой привлечения к уголовной ответственности и отбытие наказания за совершенное деяние является общей превенцией. Учитывая изложенное, полагаем, что практическая деятельность, которая реализует угрозу привлечения к уголовной ответственности и отбывания наказания, входит в подсистему общей превенции как часть уголовно-правовой профилактики.

Как известно, важную профилактическую роль играют нормы Особенной части Уголовного кодекса РФ

с так называемой двойной превенцией[1]. Это нормы об уголовной ответственности за такие деяния, которые создают условия для совершения других - более тяжких преступлений. Такие нормы имеют двойное профилактическое действие: во-первых, в отношении деяний, для борьбы с которыми они непосредственно предназначены; во-вторых, в отношении более тяжких преступлений, для которых создается благоприятная почва, если первые деяния останутся без реагирования. К ним относятся нормы об ответственности за хулиганство, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, истязание, незаконный оборот оружия, вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий и некоторые другие. Эффективность их профилактического воздействия зависит от того, насколько своевременно лицо будет привлечено к ответственности за деяние, создающее условия для совершения других, более опасных преступлений[2].

Для выделения элементов уголовно-правовой профилактики необходимо установить ее частные цели. Общая ее цель может быть разделена на определенные части, работу каждой из которых обеспечивает группа субъектов. В качестве таких целей могут выступать следующие: установление уголовно-правовых запретов под угрозой наказания за их совершение; пропаганда норм уголовного законодательства; противодействие совершению преступлений; раскрытие и расследование преступлений; рассмотрение уголовных дел в суде; исполнение мер уголовной ответственности в виде наказания.

Отмеченные выше цели соответствуют определенным видам правоохранительной деятельности, осуществляемой различными органами и

должностными лицами, т.е. субъектами. Данные субъекты выполняют названные цели в рамках осуществления стоящих перед ними задач, используя при этом свои специфические методы, приемы, силы и средства. Таким образом, представляется, что указанные цели можно рассматривать как системообразующие, создающие подсистемы уголовно-правовой профилактики, имеющие относительную самостоятельность. Отметим, что каждая из подсистем имеет свою структуру, функции, цели, при этом входит в другие системы, изучается и разрабатывается соответствующими научными дисциплинами.

По мнению Е.А. Шатунова: «Уголовный закон включает комплекс правовых запретов и мер государственного принуждения (наказаний и иных мер уголовно-правового характера), а также уголовно-правовых дозволений и поощрений. В совокупности они образуют превентивные и охранительные («карательные») уголовно-правовые средства защиты безопасности общества и государства от преступных посягательств»[3].

С.И. Курилов считает: «Поскольку современная уголовная политика направлена на либерализацию и гуманизацию уголовного законодательства, возникает потребность в применении не только принудительных уголовно-правовых мер, но и мер уголовно-правового поощрения, оказывающих воздействие на граждан для решения задачи предупреждения преступлений»[4].

Думается, что в рамках данной статьи необходимо уделить внимание рассмотрению подсистемы, связанной с противодействием совершению преступлений. В нее входят задачи профилактики и пресечения преступлений, т.е. недопущение совершения замышляемых, подготавливаемых и начатых

преступлений. За предотвращенное и пресеченное преступление, как правило, наступает ответственность, что свидетельствует о том, что выполнение данных задач отвечает за осуществление цели обеспечения неотвратимости ответственности, которая является частью общей цели уголовно-правовой профилактики. Таким образом, можно отметить, что предотвращение и пресечение преступлений относится к подсистеме уголовно-правовой профилактики. В данной деятельности реализация цели предупреждения преступлений происходит путем некоего внешнего вмешательства и оказания воздействия на сознание преступника. Включение этой деятельности в уголовно-правовую профилактику обосновано тем, что цель специальной превенции может быть достигнута только путем создания условий для воспрепятствования совершению преступлений.

Говоря об отграничении и отличиях уголовно-правовой профилактики от криминологического предупреждения, следует отметить, что они различаются по своим методам, по объекту, результату воздействия. Криминологическое предупреждение больше основано на методах убеждения. В уголовно-правовой профилактике данное убеждение используется в качестве угрозы привлечения к ответственности и неизбежности наказания. Также они отличаются по объекту своего воздействия, т.е. криминологическая профилактика воздействует как на внутренние, так и на внешние причины и условия совершения конкретных преступлений, а уголовно-правовая профилактика оказывает свое влияние только на факторы, относящиеся к личности.

По своей направленности криминологическая профилактика совершения преступлений больше влияет

на нравственное исправление, а уголовно-правовая может ограничиваться юридическим воспитанием и исправлением. По нашему мнению, отграничение двух рассмотренных подсистем предупреждения является необходимым элементом правильной научно обоснованной уголовной политики, проводимой нашим государством.

Следует также обратить внимание, что подсистема общесоциального предупреждения от рассмотренных выше подсистем отличается по признаку основной целевой направленности. То есть для общесоциальных процессов их профилактическое действие не является основной целью. Вместе с тем криминологическая и уголовно-правовая профилактика имеют основной целью предупреждение преступлений. Данные подсистемы отличаются по методам предупредительного воздействия. Например, методы криминологического предупреждения достаточно разнообразны, но менее специфичны, чем методы уголовно-правовой профилактики. Методы криминологической профилактики иногда по содержанию совпадают с методами общесоциальной деятельности, они носят экономический, организационный, идеологический и правовой характер. А в уголовно-правовой профилактике в качестве ее основного метода используются уголовная ответственность и наказание, обладающие свойствами убеждения и принуждения.

Показатели преступности, динамики роста и падения которой находятся в причинно-следственной связи с обществом, уровнем экономического развития государства, системой воспитания и прочими факторами, но самое главное – это осуществление деятельности по предупреждению преступности и при

правильной работе механизма предупредительного воздействия на преступность, ее результаты позволят избавиться обществу людей (социуму) от множества жизненных проблем.

Необходимо отметить, что в настоящее время в науку криминологию внедряются современные подходы к принципам проведения и интерпретации научного исследования, т.е. происходит внедрение методологического плюрализма. Можно отметит, что эти нововведения касаются не только криминологии, но и других общественных науках, при этом наблюдается процесс дискуссий между криминологами о эффективности и обусловленной необходимости применения новых методов и подходов к проводимым криминологическим исследованиям.

Многие исследователи в криминологии критически оценивают целесообразность новых подходов к методологии исследования правонарушений и преступности, поскольку именно преступность является весьма сложным многомерным социальным феноменом объективной реальности. В таких условиях, когда динамично изменяются масштабы и формы преступности ученым-криминологам требуется определить направления исследований, теоретический подход и концепцию фундаментальной криминологии на дальнейшую перспективу.

Список цитируемой литературы:

1. Побегайло, Э.Ф. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности. - М.: Высшая школа, 1988. - С. 47.

2. Базаров, Р.А. Проблемы предупреждения преступлений уголовно-правовыми мерами // Виктимология. - 2018. № 1. - С. 99.
3. Шатунов, Е.А. Меры уголовно-правового предупреждения терроризма и экстремизма: Материалы III Междунар. науч. конф. - Казань: Бук, 2015. - С. 126.
4. Курилов, С.И. Поощрительные нормы Общей части УК РФ, направленные на предупреждение преступлений // Законность. 2020. - № 12. - С. 8.

Андреева А.А.Курсант 3 курса
Россия, ФГКОУ ВО Восточно-Сибирский институт
МВД России
Научный руководитель: старший преподаватель
Габаев С.В.

Andreeva A.A. Cadet 3 courses
Russia, East Siberian Institute
Ministry of Internal Affairs of Russia
Supervisor: Senior Lecturer
Gabaev S.V.

НЕОСТОРОЖНАЯ ФОРМА ВИНЫ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С ФОРМАЛЬНЫМ СОСТАВОМ

ROUGH FORM OF GUILT IN CRIMES WITH A FORMAL COMPOSITION

Аннотация.

Автором рассмотрены вопросы содержания вины в неосторожных преступлениях, сконструированных по признакам формального состава преступления. Выявлены пробелы в формулировании элементов неосторожности. Предлагается отказаться от неосторожных преступлений с формальным составом.

Abstract.

The author considers the issues of the content of guilt in careless crimes, constructed on the basis of the formal corpus delicti. Gaps in the formulation of elements of negligence are revealed. It is proposed to abandon careless crimes with a formal composition.

Ключевые слова: вина, неосторожность, преступное легкомыслие, преступная небрежность.

Key words: guilt, negligence, criminal frivolity, criminal negligence.

Вопросы вины в уголовном праве относятся к учению о составе преступления. Данное учение является довольно консервативным, т.к. каких-либо новых, альтернативных, «прорывных» теорий за последние десятилетия в науке уголовного права не появилось. Вина традиционно дифференцируется по формам на умысел и неосторожность. При этом в специальной и учебной литературе в большей мере уделяется внимание умышленной форме вины, чем неосторожной. Возможно, это обусловлено тем, что умышленных преступлений совершается в несколько раз больше, чем неосторожных.

Тем не менее неосторожная форма вины представляет научный и практический интерес, т.к. положения о ней, изложенные в ст. 26 УК РФ, очень лаконичны, и ряд вопросов остаются за рамками законодательных конструкций. Законодательно неосторожная форма вины подразделяется на преступное легкомыслие (ч. 2 ст. 26 УК РФ) и преступную небрежность (ч.3 ст. 26 УК РФ). В содержании преступного легкомыслия и преступной небрежности легально предусмотрено предвидение (не предвидение) общественно опасных последствий, что приводит нас к выводу о формулировании содержания неосторожной формы вины только для материальных составов преступления. Отсюда возникает вопрос, возможна ли неосторожная форма вины в преступлениях с формальным составом, как например, в случае умышленной формы вины?

Законодательно умысел сформулирован тоже как для материальных составов преступления: и в прямом и косвенном умыслах речь идет о предвидении общественно опасных последствий и проявлении воли субъекта к наступлению или не наступлению этих последствий. При этом никого из специалистов не смущает, что в УК РФ практически половина составов умышленных преступлений не предусматривают никаких общественно опасных последствий, т.к. они описываются как формальные составы преступлений. Считается, что в случае формальных составов содержание умысла носит сокращенный характер, из него исчезает предвиденье общественно опасных последствий. Виновному достаточно осознавать общественную опасность своего деяния и желать (не желать) его совершить, отсюда делают вывод, что умышленные преступления, сформулированные по принципу формального состава преступления это всегда преступление с прямым умыслом.

В ч. 2 ст. 26 УК РФ, описывающей содержание преступного легкомыслия, законодательно не предусмотрено осознание общественной опасности совершаемого деяния (хотя как показывает практика такое осознание присутствует практически всегда [1, с. 262; 3, с. 20-28]), указано только предвидение наступления общественно опасных последствий и самонадеянный расчет на предотвращение как проявление воли лица. В преступной небрежности (ч. 3 ст. 26 УК РФ) интеллектуальный элемент отсутствует вообще, а волевой элемент сводится к действиям, которые лицо могло бы совершить будь он должным образом внимательно и предусмотрительно.

К неосторожным преступлениям с формальным составом преступления можно, например, отнести

деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 215, ч. 2 ст. 225, ч. 1 ст. 236, ч. 1 ст. 247 УК РФ. Если неосторожное преступление описывается в диспозиции уголовно-правовой нормы по типу формального состава, то возникает вопрос к содержанию вины в таком преступлении. Получается, что криминализирующим признаком является только неосторожное деяние, общественно опасные последствия в этом случае не наступают или лежат за рамками состава преступления. По всей видимости в случае преступного легкомыслия лицо должно осознавать общественную опасность своего общественного опасного деяния, и самонадеянно рассчитывать на его несовершение. В специальной литературе отмечается, что интеллектуальный элемент преступного легкомыслия связан исключительно с наступлением общественно опасных последствий, поэтому в неосторожных преступлениях с формальным составом преступления преступного легкомыслия быть не может [2, с. 41 - 42].

В отношении же неосторожного деяния с формальным составом, совершаемого по преступной небрежности в содержание вины войдет только не предотвращение его совершения в силу своей невнимательности и непредусмотрительности. Многие авторы признают возможность совершения неосторожного преступления с формальным составом по преступной небрежности. При этом получается нелогичная ситуация, когда совершение неосторожного деяния с формальным составом по преступному легкомыслию невозможно, а значит ненаказуемо, а по преступной небрежности возможно и наказуемо. С точки зрения общественной опасности это несправедливо, т. к. деяния, совершаемые по

преступному легкомыслию более общественно опасны, чем деяния, совершаемые по преступной небрежности.

Теоретически предложенное содержание неосторожной формы вины в формальных составах преступления может существовать, только возникает вопрос относительно признания подобных деяний общественно опасными, представляющими реальную угрозу обществу, чтобы их считать преступлениями. Не является ли излишней криминализацией признание возможности совершения деяния по неосторожности даже при отсутствии общественно опасных последствий?

Полагаем, что законодателю логичнее отказаться от конструирования неосторожных преступлений по типу формальных составов преступления в УК РФ. Ответственность за такие деяния должна регламентироваться административным законодательством.

Список цитируемой литературы:

1. Иванов, Н.Г. Курс уголовного права. Общая часть: учебное пособие. М., 2020. – 784 с.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. – 816 с.

3. Хилюта, В.В. Характер осознания в преступной неосторожности: всегда ли он отсутствует? / В.В. Хилюта // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2. С. 20 – 28.

Андреева Е.С., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А. С.

Andreeva E.S., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

ТЕОРИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

THEORETICAL ASPECTS OF THE SYSTEM OF CRIMES AGAINST JUSTICE

Аннотация.

В статье раскрываются понятие и история правового регулирования уголовной ответственности за преступления против правосудия, система преступлений против правосудия, приводятся различные классификации данного вида преступлений.

Abstract.

The article reveals the concept and history of the legal regulation of criminal liability for crimes against justice, the system of crimes against justice, provides various classifications of this type of crimes, characterizes crimes on

the example of the crime provided for in Article 299 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: преступление; правосудие; преступления против правосудия; ответственность; интересы правосудия.

Keywords: crime; justice; crimes against justice; responsibility; interests of justice.

Правосудие как объект уголовно-правовой охраны представляет собой сложный феномен, не имеющий материальной формы, однако объективно существующий в рамках общественных отношений, опосредованных нормами права. Преступное воздействие на него может быть оказано разными способами. Наиболее опасным следует считать тот, при котором наряду с интересами правосудия наносится урон иным объектам уголовно-правовой охраны, в частности интересам личности.

Деятельность системы правосудия во многом зависит от обеспечения ее защиты, включая уголовно-правовые средства, среди которых важную роль играют нормы об ответственности за посягательство на деятельность органов, осуществляющих правосудие. Данные преступления в общей системе преступлений против правосудия являются одними из наиболее опасных. Ответственность за них прописана в ст. ст. 294, 295, 296, 297, 298.1 и 311 Уголовного кодекса Российской Федерации. При посягательстве на деятельность органов судебной власти создаются предпосылки для принятия незаконных и необоснованных решений, что наносит ущерб авторитету судебной власти и способствует другим преступлениям против органов правосудия.

Принцип независимости судей относится к числу конституционных. Вмешательство посторонних лиц в деятельность правосудия грубо нарушает принцип независимости судей. Такие действия признаются УК РФ преступными.

Социально-правовая ценность правосудия заключается в том, что, с одной стороны, оно является средством достижения законности, правопорядка и справедливости, выступает надежным механизмом защиты общества в целом и каждого человека в отдельности от нарушения прав и административного произвола, а с другой - защищает государство от действий, ставящих под угрозу его единство, целостность и безопасность.

Правосудие всегда наделялось высоким авторитетом и рассматривалось обществом как особая функция власти, осуществляемая лицами, чья справедливость не должна вызывать сомнений. Высочайшее предназначение правосудия подчеркнуто в ст. 18 Конституции РФ, где сказано, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Состав преступления двуобъектный. Основным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органа правосудия. Дополнительным объектом являются психическая безопасность, физическая неприкосновенность, здоровье, отношения собственности судьи. Виновный посягает не только на интересы правосудия, но и на права личности, умаляя ее

достоинство и создавая опасность (угрозу) применения насилия [2].

Распространение клеветнических сведений обязательно должно быть связано с процессуальной деятельность потерпевшего, с целью оказать воздействие на процессуальную деятельность лица или отомстить за нее.

Указанные деяния объединены определенными объективными и субъективными признаками:

1) объектом, данной категории преступлений, являются общественные отношения, обеспечивающие независимость судебной власти и судебных органов;

2) объективной стороной всех этих преступлений выступают активные действия (за исключением ситуации, когда преступление, предусмотренное ст. 311 УК РФ совершено в форме бездействия);

3) все преступления в отношении судебных органов считаются оконченными с момента совершения общественно опасных деяний. Состав данных преступлений формальный.

4) субъективная сторона преступлений против органов судебной власти характеризуется только виной в форме прямого умысла (за исключением случаев, когда преступление, предусмотренное ст. 311 УК РФ совершено по небрежности);

5) уголовная ответственность по данным ст. ст. наступает, только для лиц, достигших 16-летнего возраста.

При посягательстве на жизнь органа, осуществляющего правосудие мотивами преступлений являются несправедливые, по мнению виновных, в отношении них или их близких приговоры и решения судебных органов по гражданским и уголовным делам

[5]. Причем данные преступления совершаются либо виновным единолично, либо в составе группы лиц.

Преступления, в виде угрозы убийством или применения насильственных действий в отношении органа, осуществляющего правосудие, выражаются:

а) в высказывании угроз (в том числе удаленно, например, с помощью телефона, электронной почты, видеоконференцсвязи и т.п.) и демонстрации средств, предназначенных для поражения живой цели (их муляжей) или подручных средств (например, молотка), способных нанести опасный вред здоровью судьи, либо создающих опасность для его жизни;

б) в высказывании угроз (в том числе удаленно [3, с. 466]) без конкретизации характера действий, направленных на причинение опасного вреда здоровью или на создание опасности для жизни судьи.

При этом угрозы в отношении органа, осуществляющего правосудие, могут высказываться как непосредственно судье, так и например, через его близких, помощника судьи, секретаря.

Мотивом преступлений является: возникшее личное неприязненное отношение к судье в связи с несогласием виновного с вынесенным ему законным решением или провозглашенным ему законным приговором.

Неуважение к органу, осуществляющему правосудие, в основном, проявляется во время судебного процесса (в том числе удаленно, с помощью видеоконференцсвязи) и выражается в умышленном публичном оскорблении судьи в неприличной, циничной форме, с целью унижения его чести и достоинства, подрыва авторитета судебной власти и грубого нарушения установленного порядка судопроизводства.

Клевета в отношении органа, осуществляющего правосудие, подразумевает под собой умышленное распространение виновным заведомо ложных сведений, в письменной или устной форме (в том числе удаленно), порочащих честь, достоинство и репутацию судьи, и подрывающих авторитет судебной власти [4, с. 1199].

Мотив преступления частично схож с мотивом преступления, направленного на неуважения к суду, то есть возникшее личное неприязненное отношение к судье, в связи с домыслами виновного о несправедливости вынесенного решения/приговора ему или его близким. Также допустим корыстный мотив, то есть данное преступление может являться способом совершения другого преступления, например, мошенничества [6, с.451].

Анализируя вышеизложенный материал можно сделать вывод о том, что несмотря на то, что все указанные преступления направлены на один объект они имеют существенные различия в способах совершения, мотивах, целях и даже субъектах (в зависимости от рассматриваемого дела).

Проблемой при квалификации указанной нормы является размытая диспозиция ст., связанная с местом совершения преступления, по которой у ученых до сих пор нет единого мнения.

Одни из них считают, что неуважение к судье может проявляться, как в зале судебного заседания, так и за его пределами независимо от того, когда оно совершено до, после или во время судебного разбирательства. Но обязательно должно быть связано с отправлением правосудия [4, с. 1199]. В данном контексте под пределами можно понимать, например, оскорбление виновным судьи за пределами здания суда, в связи с рассмотрением какого-либо дела.

Другие ученые склоняются к иному толкованию диспозиции – проявление виновным неуважения в здании суда как во время процесса, так и во время перерыва [3, с. 466].

В связи с разным толкованием одной и той же части ст., суды, к сожалению, по-разному выносят и судебные решения по одним и тем же преступлениям.

В заключение стоит отметить, что правильное разграничение деяний рассматриваемого вида преступлений от смежных составов, а также решение проблем их квалификации способствует эффективной профилактике посягательств на деятельность органов, осуществляющих правосудие.

Решениями данных проблем могут служить:

а) предупреждение участников процесса или нападающего о применяемых мерах наказания за совершение этих преступлений;

б) обучение судей правилам поведения в ситуациях, при которых существует реальная опасность за свою жизнь или здоровье;

в) усиленная борьба с коррупцией в судах;

г) устранение: ошибок и пробелов правовых норм, большого разброса между нижним и верхним пределами уголовно-правовых санкций;

д) повышение профессионального уровня адвокатов и юристов, оценка их знаний;

е) снабжение всех судей средствами мобильной тревожной сигнализации;

ж) обеспечение дополнительной охраной судей, связанных с рассмотрением дел организованных преступных группировок или дел экстремистской направленности.

Итак, правовая защищенность органов правосудия является одним из обязательных элементов укрепления судебной власти и повышения ее авторитета.

Из истории видно, что уже во времена Древней Руси существовала судебная система, вследствие чего появились и те, кто ей был недоволен, в том числе недоволен и самими судьями. В связи с этим стали совершаться преступления, посягающие на деятельность судебных органов, что привело к необходимости разработки специальных правовых норм, направленных на защиту этой деятельности. Изначально преступлений против судей было немного, но по мере развития общества стали развиваться и они.

Стоит отметить, что УК РФ направлен не только на защиту судьи, но и на защиту его близких. Исследования практической части позволили выявить главные мотивы совершения указанных преступлений. Среди них: негативное отношение к судьям в связи с многочисленными случаями коррупции в судебной системе РФ, юридическая неграмотность виновных и недостаточная квалификация судей, защитников и представителей.

Следом уже идут мотивы, связанные с корыстной целью, рассмотрением громких дел, ошибками в правовых нормах и др.

Согласно официальной статистике, количество преступлений, посягающих на жизнь и здоровье органов правосудия, с каждым годом стремительно возрастает. И большая часть из них совершается в регионах со «сложной» обстановкой.

Таким образом, правосудие является самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны. Под ним следует понимать упорядоченную законом деятельность судов по рассмотрению конституционных,

гражданских, административных и уголовных дел, а также содействующих этой деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, органов, исполняющих судебные акты, и адвокатуры. Классификация преступлений против судебной системы по основанию «субъект преступления» в первую очередь определяется взаимосвязью исполнителя с системой судопроизводства в широкой трактовке этого понятия. Исходя из этой позиции все составы преступлений против правосудия можно подразделить на две большие группы: совершаемые субъектами, имеющими специфические связи с судебной системой - посягательства «изнутри», а также на совершаемые субъектами, непосредственно не связанными судопроизводством, обладающих только общими признаками - посягательства «извне».

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

3. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Преступления против правосудия // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под

ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2017. Т. 2. – 466 с.

4. Капинус О. С. Преступления против правосудия. С. 1199.

5. Лебедев, В.Н. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) /Отв. ред. В.М. Лебедев.-13-е изд. –М.,2018.

6. Козаченко И.Я. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.,2018. С. 451.

Анютина А.А., студент
Россия, «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В. М.

Anyutina A.A., student
Russia, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch
Scientific adviser: senior lecturer Shagunova V. M.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В ИТАЛИИ

ACTUAL PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY AND SEXUAL FREEDOM OF THE INDIVIDUAL IN ITALY

Аннотация.

Работа посвящена анализу ряда проблем, связанных с законодательной регламентацией преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности в российском и зарубежном уголовном законодательстве. Статья содержит анализ различных подходов к определению объектов сексуальных посягательств на несовершеннолетних,

выявляя сущностные черты таких объектов, как половая свобода и половая неприкосновенность.

Abstract.

The work is devoted to the analysis of a number of problems related with legislative regulation of liability for crimes against sexual freedom and sexual immunity in Russian and foreign criminal legislation. The article contains the analysis of different approaches to defining the objects of sexual abuse of minors, revealing the essence of such objects as sexual freedom and sexual immunity.

Ключевые слова: закон, насильственные действия, ответственность, половая неприкосновенность, преступление.

Keywords: law, violent acts, responsibility, sexual integrity, crime.

До 1996 г. ответственность за такие серьезные половые преступления, как изнасилование, насильственные действия сексуального характера, похищение женщины с целью принуждения к браку, похищение женщины с целью совершения действий сексуального характера, а также все перечисленные преступные деяние, совершенные в отношении несовершеннолетнего лица, были предусмотрены в гл. I «О преступлениях против половой свободы» разд. IX «О преступлениях против публичной морали и добрых нравов» кн. II «О преступлениях в частности» УК Италии.

Законом от 15 февраля 1996 г. № 66 гл. I разд. XII кн. II была упразднена, преступления против половой неприкосновенности были перенесены в гл. III «О преступлениях против личной свободы» разд. XII «О

преступлениях против личности» кн. II УК Италии, при этом составы деяний были модифицированы[1].

Так, до принятия Закона 1996 г. № 66 УК предусматривал ответственность за изнасилование и иные действия сексуального характера в разных статьях УК, выделял тем самым два самостоятельных вида преступления. Под изнасилованием понималось принуждение с использованием насилия или угрозы другого лица к совершению полового акта. Изнасилование без отягчающих обстоятельств наказывалось лишением свободы на срок от 3 до 10 лет (ст. 519 УК Италии). За совершение действий сексуального характера, отличных от изнасилования, размер наказания сокращался на треть по сравнению с наказанием, назначаемым за изнасилование (ст. 522 УК Италии).

Закон 1996 г. № 66 объединил изнасилование и насильственные действия сексуального характера в единой норме — ст. 609—2, установившей ответственность за сексуальное насилие.

Согласно ст. 609—2 тот, кто посредством угрозы или насилия заставляет другого совершать или подвергаться действиям сексуального характера, наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет. Такому же наказанию подлежит лицо, которое принуждает другого совершить или подвергаться действиям сексуального характера:

воспользовавшись психической или физической неполноценностью потерпевшего лица в момент совершения деяния;

— вводя в заблуждение потерпевшее лицо, выдавая себя за другого.

Согласно этой же статье, в случаях меньшей тяжести деяния наказание

сокращается, но не более чем на две трети.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 609—2 УК Италии, может быть любое лицо, независимо от пола или сексуальной ориентации[2].

В итальянской доктрине и судебной практике указывается, что объединение в едином составе изнасилования и иных действий сексуального характера позволяет избежать многих трудностей следствия, связанных с унизительными для потерпевшего лица процедурами фиксации на теле определенных следов насилия и изучения подробностей различных видов сексуальных агрессий, позволяя единообразно наказывать любые виды сексуального поведения, связанного с угрозами, насилием или злоупотреблением властью[1].

Объективная сторона преступления заключается в любых умышленных действиях преступника (не обязательно заключающихся в проникновении в тело потерпевшего), которые посягают на личную свободу лица, не желающего никаких контактов сексуального характера.

Новая норма сформулирована таким образом, что характер физического вреда, причиненного сексуальным посягательством потерпевшему лицу, не имеет значения для квалификации. Однако исходя из принципа разумности права характер и степень причиненного вреда должны учитываться при назначении наказания[2].

Субъективная сторона сексуального насилия заключается в общем умысле, который проявляется в осознании и в желании совершить посягательство на сексуальную свободу лица, при этом не имеет значение, что целью такого посягательства может быть не получение полового удовлетворения, а любые иные

цели, как, например, унижение потерпевшего или месть[3].

В ст. 609—3 УК Италии предусматриваются отягчающие сексуальные посягательства обстоятельства. К таким обстоятельствам относятся совершение деяния:

- в отношении лица, не достигшего 14 лет;

- с использованием оружия, алкогольных, наркотических или сильнодействующих веществ, а также иных субстанций, причиняющих существенный вред здоровью человека;

- лицом, изменившим внешность или выдающим себя за должностное лицо;

- в отношении лица, подвергнутого ограничению свободы;

- в отношении лица, не достигшего 16-летнего возраста, лицом, являющимся родственником по восходящей линии, родителем, в том числе приемным, опекуном;

внутри или в непосредственной близости от учебного или образовательного учреждения, которое посещает потерпевшее лицо;

- в отношении беременной женщины;

в отношении лица, с которым виновный состоял в супружеских отношениях, даже после развода или в отношении лица, с которым виновный находился в отношениях привязанности, даже без сожительства;

- лицом, состоящим в преступной организации;

- если преступление совершено с тяжким насилием либо если оно повлекло тяжкие последствия для здоровья малолетнего.

При наличии таких обстоятельств наказание назначается в виде лишения свободы на срок от 6 до 12 лет. Наказание повышается на срок от 7 до 14 лет, если

преступное деяние совершено в отношении потерпевшего, не достигшего 10 лет.

Согласно ст. 609—7 дела о сексуальном насилии возбуждаются только по частной жалобе потерпевшего, которая должна быть подана в течение шести месяцев со дня совершения преступления. Однако, из этого правила есть исключения. Преступление становится делом публичного обвинения, если оно совершено в отношении лица, не достигшего 18 лет; либо оно совершено родственником по восходящей линии, родителем, в том числе приемным, опекуном или любым лицом, которому несовершеннолетний был вверен для воспитания, обучения или надзора, либо лицом, совместно проживающим в доме с несовершеннолетним; если преступление совершено должностным лицом; если преступление сопряжено с другим преступлением, которое является делом публичного обвинения.

В отдельную норму выделяется ответственность за групповое сексуальное насилие, которое является в любом случае делом публичного обвинения. Согласно ст. 609—8 ответственность за групповое сексуальное насилие предусмотрена в виде лишения свободы на срок от 6 до 12 лет. Наказание увеличивается при наличии отягчающих обстоятельств, указанных выше. Наказание может быть смягчено тому участнику, который внес наименьший вклад в подготовку или осуществление преступного деяния.

Важно отметить, что УК Италии в действующей редакции содержит достаточное количество правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за различные действия, посягающие на сексуальное развитие несовершеннолетних. К таким преступным деяниям кроме вышерассмотренных относятся

развращение малолетних (ст. 609—4 УК Италии) и соблазнение малолетних (ст. 609—11 УК Италии).

Согласно ст. 609—4 тот, кто совершает действия сексуального характера в присутствии лица моложе 14 лет, наказывается тюремным заключением на срок от одного года до пяти лет.

Согласно ст. 609—11 УК Италии тот, кто с целью совершения какого- либо из преступлений, предусмотренных статьями УК о сексуальном насилии, соблазняет лицо, не достигшее 16 лет, наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет, если в его действиях нет признаков более тяжкого преступления.

Важно отметить, что лицо, совершившее посягательство на несовершеннолетнего, не достигшего 18 лет, не может ссылаться в качестве оправдания на свою ошибку в возрасте потерпевшего, за исключением случаев, если ошибка была неизбежной (ст. 609—6).

УК Италии содержит в этой же главе «О преступлениях против личной свободы» также и другие нормы, посягающие на сексуальное развитие несовершеннолетних. УК Италии предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 12 лет и штрафа за организацию и содействию проституции лиц, не достигших 18 лет (ст. 600—2), за использование лиц моложе 18 лет в целях порнографии (ст. 600—3), за организацию и пропаганду туризма с целью эксплуатации проституции несовершеннолетних (ст. 600—5).

Отягчающими обстоятельствами являются: причинение вреда лицу, не достигшему 14 лет; осуществление преступления родственником по восходящей линии, родителем, в том числе приемным, опекуном или любым лицом, которому

несовершеннолетний был вверен для воспитания, обучения или надзора, либо лицом, совместно проживающем в доме с несовершеннолетним; применение насилия или угрозы. Смягчающим обстоятельством признается содействие следствию в расследовании деяния.

Также УК Италии предусмотрел уголовную ответственность за хранение порнографических материалов с участием несовершеннолетних. Это деяние наказывается лишением свободы на срок до трех лет (ст. 600—4). В отдельную норму вынес итальянский законодатель распространение виртуальных порнографических материалов с участием несовершеннолетних, однако в этом случае наказание сокращается на треть (ст. 600—4.1).

Список цитируемой литературы:

1. Авдеева Е. В. Половая неприкосновенность и половая свобода личности в национальных правовых системах // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 1. С. 23–26.

2. Всеобщая декларация прав человека: принята Генер. Ассамблеей ООН // КонсультантПлюс : справ. правовая система, 10 дек. 1948 г.

3. Кудринская Л. А. Опыт законодательного регулирования борьбы с сексуальным насилием в отношении детей в Европе и России / Л. А. Кудринская // Национальные приоритеты России. 2013. N 1 (8). С. 72–75.

4. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.

Базартынова Ю.С., Студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Bazartynova Y.S., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer, Shagunova V.M.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

TOPICAL ISSUES OF DISTINGUISHING THE THREAT OF MURDER WITH RELATED CRIMES

Аннотация.

В статье рассматривается такое преступление, как угроза убийством, определяется ее удельный вес в структуре насильственной преступности, разграничение со смежными составами преступлений и превентивная роль в предупреждении других насильственных преступлений.

Abstract.

The article considers such a crime as the threat of murder, determines its specific weight in the structure of

violent crime, differentiation with related crimes and preventive role in the prevention of other violent crimes.

Ключевые слова: убийство, угроза убийством, превентивные меры, смежные преступления, разграничение.

Keywords: murder, threat of murder, preventive measures, related crimes, differentiation.

Разграничение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и приготовления к убийству или покушению на него на практике вызывают определенные трудности. В литературе высказано несколько точек зрения по этому вопросу. Согласно одной из них содеянное надлежит квалифицировать по совокупности двух преступлений: как угрозу и приготовление к убийству, если виновный, помимо угрозы, осуществит еще и подготовительные действия к совершению преступления, которым он угрожает. Согласно другой ответственность должна наступать за приготовление к убийству.

Если отсутствует временной промежуток, то есть когда виновный сразу после совершения действий, охватываемых составом приготовления к преступлению, реализует действия направленные на покушение на убийство, либо совершает убийство, то речь идет об одном преступлении: приготовление к убийству, покушение на убийство или убийство. «Если же между выражением угрозы убийством и действиями, направленными на реализацию этой угрозы, прошел хотя бы незначительный промежуток времени, в ходе которого лицо, высказавшее угрозу не предпринимало каких-либо приготовительных действий, то действия виновного надлежит квалифицировать по совокупности

двух преступлений, как угрозу убийством и убийство (приготовление, покушение)».

При разграничении угрозы и приготовления к убийству следует исходить из положений ч. 1 ст. 30 УК РФ, устанавливающих признаки приготовления. Разграничение этих двух преступлений, как отмечает Х.Х. Абсатаров, необходимо проводить по объективным признакам[1, с. 107]. «При приготовлении субъект, готовясь к совершению убийства, предпринимает определенные конкретные действия для его осуществления в будущем. Такие действия не направлены ещё непосредственно на осуществление убийства и не угрожают в данный момент объекту посягательства жизни или здоровью. Часто будущая жертва не осведомлена о грозящей опасности и преступник даже не заинтересован в преждевременном сообщении о своей деятельности».

Исходя из этого, первым отличительным признаком является осведомленность потерпевшего, а именно то, что угроза убийством всегда доводится до сознания потерпевшего, а приготовление скрывается. В тех случаях, когда намерение лица совершить убийство и его приготовительные действия к тому ставятся в известность предполагаемому потерпевшему, возникают трудности в определении такого деяния как угроза убийством или действиями, направленными на совершение убийства.

Для чего необходимо изучать объективные данные совершенного деяния. Например, обстановка, в которой была высказана угроза; способ её выражения (например, демонстрация оружия, которое не было специально приготовлено для выражения угрозы); характер взаимоотношений виновного и потерпевшего (крайне неприязненные отношения, частые ссоры и

т.п.); предшествующее поведение виновного (часто хулиганил, избивал других лиц или потерпевшего; личность виновного (например, ранее судим) и т.д.[2, с. 261]

Таким образом, при разграничении угрозы убийством, предшествовавшей убийству или покушении на него следует исходить из следующих угрозы обстоятельств дела: а) длительность временного промежутка от угрозы до приготовления к убийству, покушения на убийство или совершения убийства; характер действий виновного в течение этого промежутка, есть ли в совершаемых им действиях состава приготовления к убийству или покушения на него; в) наличие возможности принять меры по защите от осуществления угрозы. Кроме специальных норм УК РФ содержит нормы, в которых угроза выступает либо способом совершения преступления, либо альтернативным деянием, либо признаком, отягчающим ответственность. В зависимости от характера и степени тяжести преступления она имеет различное значение и направленность. Сложность разграничения состоит в различном подходе к определению к характеру самой угрозы в данных составах и отсутствии методики такого отграничения в уголовном праве. Так в частности, Г.К. Костров выделяет составы, в которых угроза выступает в качестве главного и определяющего признака, и составы, в которых угроза выступает в качестве рядового признака, не касаясь при этом отграничения собственно угрозы от иных преступлений[4, с. 10].

В данном случае указанные нормы конкурируют со ст. 109 УК РФ как часть и целое[5, с. 10]. При этом статья 119 УК РФ выступает нормой-частью, а статьи об ответственности за различные виды принуждения нормами-целым. Угроза убийством или причинением

тяжкого вреда здоровью охватывается названными составами принуждения, и, кроме того, составы принуждений еще предусматривают ответственность собственно за принуждение к совершению определенных действий (бездействия) или к отказу от их совершения. Предпочтение в таком случае необходимо отдавать более полной норме[3, с. 296].По нашему мнению, при квалификации необходимо исходить, прежде всего, из определения характера угрозы, если угроза носит определенный характер, то проблем в квалификации не возникает. Так, если угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью высказана как способ подавления возможного или реального сопротивления потерпевшей в процессе изнасилования, то квалификация осуществляется по общей норме п. в ч. 2 ст. 131УК РФ. Если угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью была выражена после изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера с той целью, чтобы потерпевшее лицо никому не сообщило о случившемся, исходя из буквального уяснения названного постановления, возможна совокупность ч. 1 ст. 131 и ст. 119 УК РФ[6, с. 519].

«В тех случаях когда законодатель указывает на вид насилия: опасное для жизни или здоровья или неопасное для жизни или здоровья следует исходить их того, что угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью охватывается понятием насилия опасного для жизни и здоровья»[7, с. 857] и дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ не требует.

Таким образом, следует сделать вывод, что при квалификации угрозы, выступающей обязательным, альтернативным или квалифицирующим признаком,

необходимо исходить, прежде всего, из определения характера угрозы: а) если угроза носит определенный характер, то если она являлась способом совершения преступления квалификация осуществляется по общей норме; б) если она высказана после совершения основного преступления, то налицо совокупность преступлений; в) когда законодатель указывает на вид насилия, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью охватывается понятием насилия опасного для жизни и здоровья и дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ не требуется;) если вид насилия законодателем не определен, то необходимо исходить из размера максимальной санкции нормы охватывающей деяние в целом (норма-целое), если она превышает два года лишения свободы, то квалификация осуществляется только по этой норме, если меньше либо равна, то по совокупности со ст. 119 УК РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Абсатаров, Х.Х. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как преступление против личности : Уголовно-правовой и криминологический аспекты : специальность 12.00.08. «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» диссертация кандидата юридических наук / Абсатаров, Халиль Хамидуллович;[Место защиты:Челяб. гос. ун-т]. - Челябинск, 2005.- С. 106-108.

2. Бородин, С.В. Преступления против жизни = Crimes against life / С.В. Бородин. - СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003 (Акад. тип. Наука РАН).- С. 261.

3. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. - 2. изд., перераб. и доп. - Москва : Центр ЮрИнфоР, 2003 (ППП Тип. Наука). – С.296.

4. Костров, Г. К. Уголовно-правовое значение угрозы [Текст] : автореферат диссертации кандидата юридических наук /Г.К. Костров; [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак.]. - Москва : [б. и.], 1970.- С.10.

5. Левин, П.Н. Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» диссертация кандидата юридических наук / Левин Павел Николаевич; [Место защиты: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ]. - Москва, 2007.- С. 10.

6. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / [сост.: Бородин С. В., Трусова А. И.] ; под общ. ред. В. М. Лебедева. - Москва : Спарк, 2001. – С.519.

7. Шадрина Л. В. Отграничение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью от смежных составов преступлений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 856–860. – URL: http://e-koncept.ru/2013/53174.htm. (дата обращения 12.12.2022).

Байрамов М.Т., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель Шагунова В. М.

Bayramov M.T., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer Shagunova V. M.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПО МУСУЛЬМАНСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

A CRIME UNDER MUSLIM CRIMINAL LAW: CONCEPT AND TYPES

Аннотация.

В данной статье рассматривается законодательство мусульманских стран, в котором определяется понятие преступления. Научная работа затрагивает классификацию преступлений в религиозной правовой системе и виды ответственности за их совершение.

Abstract.

This article examines the legislation of Muslim countries, which defines the concept of crime. The scientific work touches on the classification of crimes in the religious legal system and the types of responsibility for their commission.

Ключевые слова: Преступление, Уголовное право, Право мусульманских стран, Законодательство, Закон, Ответственность, Виды преступлений

Keywords: Crime, Criminal Law, Law of Muslim countries, Legislation, Law, Responsibility, Types of crimes.

При изучении мусульманского уголовного права многие учёные в приложении к общему понятию преступлению сталкиваются с двумя сложностями.

Первая из них сводится к практически полному отсутствию в уголовно-правовой доктрине сколь-нибудь общего учения о преступлении. Вторая сложность сводится к чрезвычайной преплетённости, взаимосвязанности в мусульманском уголовном праве вопросов преступления, с одной стороны, и наказания. А также процессуального доказывания преступления, с другой.

В исламе под грехом понимают совершение запрещённого и несовершение обязательного действия. За грех положены либо каффара либо наказание. Под киффарой понимается именно религиозное покаяние.

Соответственно преступление по мусульманскому уголовному праву можно определить, как грех, посягающий на чьи-либо права, за который последует соответствующее наказание.

«Принципиально важным моментом является рассмотрение правонарушения как непослушания воле Аллаха. Поэтому по мнению мусульманских юристов, любое неправомерное в юридическом смысле поведение не просто представляет собой отклонение от предписаний мусульманского права, за которое следует соответствующая,, земная" санкция, но в то же время

выступает как религиозный грех, влекущий потустороннюю кару».

«Все деяния человека, согласно мусульманскому праву (шариату), делятся на пять категорий:

1. Обязательные (фард) либо для всех мусульман без исключения (пятикратная молитва), либо в зависимости от должностных обязанностей (действия муэдзина в мечети).

2. Желательные (мандуб) - это похвальные деяния, которые вознаграждаются в следующий жизни, но неисполнение которых не наказывается (добровольная молитва сверх всяких предписаний).

3. Дозволенные (джаиз) - поступки, не влекущие за собой одобрения или порицания.

4. Недостойные (махрух) - неприемлемые поступки, но и ненаказуемые ни в этом мире, ни на том свете (небрежность в отправлении обязанностей верующего)

5. Запретные (махзур) - наказуемые деяния и помыслы в обеих жизнях (на земле и на небе)».

К обязательным относятся действия, необходимость совершения которых прямо предписывается шариатом, а к запрещённым относятся такие действия, совершение которых не дозволяется либо никогда, либо без каких-либо условий.

Разрабатывая религиозную доктрину преступления, мусульманские юристы исходят из двух основополагающих религиозно-философских начал. Прежде всего они считают, что все поступки и даже мысли людей предопределяются волей Аллаха. По мнению представителей большинства мусульманских правовых школ, установленные божественным откровением рамки достаточно гибки, чтобы позволить человеку во многих

случаях самостоятельно выбирать вариант своего поведения. Поэтому любой серьезный проступок рассматривается как наказуемое нарушение мусульманских запретов.

Другим принципиально важным моментом является рассмотрение правонарушения как непослушания воли Аллаха. Поэтому, по мнению мусульманских ученых-юристов, любое неправомерное в юридическом смысле поведение – не просто отклонение от предписаний мусульманского права, за которое следует соответствующая «земная» санкция, но в то же время – религиозный грех, влекущий наказание Аллаха.

В мусульманском уголовном праве преступления делятся на три основных категории – хадд, кисас и тазир.

«Хадд» – обозначение преступлений, наказуемость которых определена в Коране и сунне. К этой категории преступлений относятся, например, прелюбодеяние, обвинение в неверности, клевета на целомудрие, распутство, воровство, пьянство, отступничество от ислама. Однако в доктрине к преступлениям категории «хадд» относятся некоторые преступления против государства. В частности, в Саудовской Аравии – это: посягательство на главу государства, восстание, бунт, неповиновение властям, расцениваемые как подрыв мусульманского строя, за которые Коран и сунна установили единственное наказание в виде смертной казни.

«Кисас» – преступление, за совершение которого положено «воздаяние равным», а также возможна выплата выкупа («дийа»). Примером преступления относимого к этой категории, является причинение ранения или увечья.

«Тазир» – это преступление, наказание за совершение которого точно не установлено Кораном, сунной или единогласным мнением муджахидов (признанных знатоков шариата). К этой группе преступлений могут быть отнесены, например, посягательства на права общины или личные интересы, не подпадающие под категории хадд и кисас. Мусульманские юристы преступления категории «тазир» делят на две группы: а) против религии, общественного
порядка и морали; б) против интересов личности.

Преступность деяний, подпадающих под перечисленные категории, нередко прямо установлена в уголовном законодательстве государств мусульманского системы. С другой стороны, имеется ситуации, когда уголовный закон содержит только преступления категории «тазир», а ответственность за преступления категории «хадд» и «кисас» возлагается в соответствии с нормами некодифицированного мусульманского права (например, в ст. 1 УК Объединенных Арабских Эмиратов 1987 г.)

Уголовно-правовой доктрине большинства мусульманских (в первую очередь - арабских) стран неизвестно понятие общего состава преступления. Под влиянием европейского континентального (преимущественно французского) уголовного права, в исламской юридической литературе используются понятия «элементы преступления, составляющие каждое отдельное преступление», и «элементы, присущие всем без исключения преступлениям». Например, общими элементами преступления по уголовному праву Бахрейна и Объединенных Арабских

Эмиратов являются: легальный, материальный и моральный.

В нормах шариата нет однозначного указания на возраст человека, к которому можно применить наказание, поэтому в уголовных законах исламских государств возраст субъекта нередко установлен относительно. Так, ст. 49 УК Судана 1983 г., говоря о минимальном возрасте уголовной ответственности, упоминает о «возрасте половой зрелости». С другой стороны, в ряде мусульманских стран минимальный предел возраста уголовной ответственности установленьна очень низком уровне (например, в Иране уголовная ответственность наступает по достижении 6-ти лет).

Преступление должно быть совершено по собственной воле. Вынужденный характер деяния исключает виновность лица в его совершении. Например, если будет доказано, что кража еды совершена голодным человеком, который долгое время не мог найти работу, то вина за преступление ляжет на общину, которая в этом случае должна обеспечить работой и деньгами человека, вынужденно совершившего воровство.

В исламской доктрине тяжесть совершенного преступления и, соответственно, вид наказания во многом ставится в зависимость от формы вины. Например, согласно саудовской религиозной традиции, в случае умышленного убийства потерпевшей стороне предлагается выбирать одно из трех: «воздаяние равным» (т.е. смертную казнь убийцы), прощение преступника или принятие «выкупа за кровь». Право выбора принадлежит родителям убитого, при отсутствии таковых – ближайшим родственникам. За

неосторожное убийство винновый должен уплатить «выкуп за кровь» и нести религиозное покаяние.

Мусульманское уголовное право сохраняет неравный правовой статус мужчины и женщины как субъекта преступления и потерпевшего от преступления. Так, в соответствии со ст. 5 УК Ирана, если мужчина-мусульманин умышленно убил женщину-мусульманку, то его следует приговорить к возмездию (если отсутствует

«выкуп за кровь»), но попечитель женщины обязан уплатить убийце половину «цены крови» до того, как казнить его по разрешению мусульманского суда. Если женщина-мусульманка умышленно убила мужчину-мусульманина, она должна быть приговорена к возмездию, а попечитель не должен ничего платить за кровь. Если достигнут договор о «выкупе крови» (100 верблюдов, либо 200 быков, либо 2000 баранов, либо их денежный эквивалент), то, согласно традиции, цена выкупа за жизнь женщины вдвое меньше, чем таковая за жизнь мужчины.

В заключении могу сказать, что исламское уголовное право является одной из самых сложных отраслей права. Под преступлением же в мусульманской правовой семье понимается любое неправомерное в юридическом смысле поведение, которое не просто представляет собой отклонение от предписаний мусульманского права, за которое следует соответствующая «земная» санкция, но в то же время выступает как религиозный грех, влекущий потустороннюю кару. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что система уголовного права мусульманских стран зависит напрямую от религии, т.е. ислама. Главная особенность норм мусульманского права в этом значении от религиозных правил

поведения - их обеспеченность принудительной силой государства. Вместе с тем, мусульманское уголовное право тесно взаимодействует с религиозными и моральными нормами, с обычаями в единой системе социально-нормативного регулирования, которая может быть названа мусульманским правом в широком смысле.

Исходя из вышесказанного, представляется возможным сделать следующий вывод: мусульманское уголовное право, а именно содержание его важнейших институтов: преступления и наказания, по всем своим характерным особенностям не соответствует общей направленности развития человеческой цивилизации.

Список цитируемой литературы

1. Коран
2. Сунна Абу-Дауда, книга 38 «О наказаниях худуд», хадис
3. Боронбеков С.Основные ценности ислама - объекты охраны шариата.//Государство и право, 2003, №2, с.92-100.
4. Уголовный кодекс Судана 1983
5. Уголовный кодекс ОАЭ 2007
6. Уголовный кодекс Ирана 1991
7. Учебник для вузов: В 2 т./ Под ред. Козочкина И. Д. - Т. 1: Общая часть. - М.: Издательство ИМП, 2001, стр. 386
8. Уголовное Право России: Учебник для вузов: В 2 т./ Под ред. Ветрова И. И., Ляпунова Ю. И. - Т. 1: Общая часть. - М., Новый Юрист, 1997, стр. 14

Безымянных М.М., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор Соловьева В.В.

Bezimyannikh M.M., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: PhD in History, Solovieva V.V.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ СКЛОНЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА И СОДЕЙСТВИЯ СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

LEGISLATIVE ASSESSMENT OF THE PUBLIC DANGER OF INDICATED TO COMMITTING SUICIDE AND FACILITATION TO SUICIDE AND ITS IMPACT ON THE DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY

Аннотация.

До недавнего времени Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривал ответственность лишь за доведение до самоубийства. В целях дополнительной уголовно-правовой защиты

жизни человека Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ в УК РФ была введена статья 1101, криминализовавшая склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению. Ввиду новизны статьи 1101 УК РФ потребность в ее научном анализе очевидна.

Abstract.

Until recently, the Criminal Code of the Russian Federation provided for liability only for incitement to suicide. In order to provide additional criminal legal protection of human life, Federal Law No. 120-FZ of 07.06.2017 introduced Article 1101 into the Criminal Code of the Russian Federation, which criminalized inducement to commit suicide and assistance in committing it. In view of the novelty of Article 1101 of the Criminal Code of the Russian Federation, the need for its scientific analysis is obvious.

Ключевые слова: склонение к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства

Keywords: inducement to commit suicide and assistance in committing suicide

Применительно к статье 110.1 УК РФ вопрос о законодательной оценке общественной опасности и ее влиянии на дифференциацию уголовной ответственности представляет интерес в следующих аспектах: согласованность мер ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие его совершению и доведение до самоубийства (статья 110 УК РФ), обоснованность специальной дифференциации ответственности за нерезультативное склонение к совершению самоубийства и содействие

его совершению в частях 1 и 2 статьи 110.1 УК РФ, соотношение общественной опасности склонения к совершению самоубийства и содействия его совершению.

Постановка вопроса о согласованности мер ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие его совершению и доведение до самоубийства обусловлена смежностью составов преступлений, предусмотренных статьями 110 и 110.1 УК РФ.

Длительное время ученые заявляли о пагубности расширительного толкования статьи о доведении до самоубийства и назревшей необходимости криминализации иных действий, инспирирующих суицидальное поведение [1]. В этом отношении уголовно-правовые нормы о склонении к совершению самоубийства и содействии его совершению консолидировали все те действия, которые ранее предлагалось включить в способы доведения до самоубийства. На наш взгляд, введение в УК РФ самостоятельной статьи 110.1, закрепившей упомянутые нормы, оказалось более удачным решением, чем дополнение статьи 110, так как уговоры, предложения, подкуп и обман в силу своей непосредственности и прямоты имеют существенные отличия от доведения до самоубийства. Очевидно, что и содействие самоубийству, предполагающее наличие у суицидента желания покончить с собой, не соответствует правовой природе деяния, предусмотренного статьей 110 УК РФ.

Не менее значимым фактором конструирования самостоятельных уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению, явилась необходимость проведения

детализированной дифференциации ответственности виновных.

В сравнении с основным составом доведения до самоубийства, санкция которого предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет, ответственность за результативное склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению, т.е. повлекшее самоубийство или попытку его совершения (часть 4), значительно строже. Так, санкция части 4 статьи 110.1 УК РФ позволяет назначить виновному лишение свободы на срок от пяти до десяти лет.

Столь существенное различие в мерах ответственности становится предметом критики на страницах уголовно-правовых изданий. Авторы отмечают, что вопреки законодательной оценке склонение к самоубийству является менее общественно опасным, чем доведение до него, поскольку его «способы по степени общественной опасности существенно уступают способам доведения до самоубийства <…>, [которые] сами по себе могут выступать в качестве самостоятельных составов преступлений, к примеру, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (статья 119 УК РФ), или истязание (статья 117 УК РФ), или побои (статья 116.1 УК РФ), или незаконное лишение свободы (статья 127 УК РФ)»[2; с.170].

Другая группа специалистов, анализируя различия в способах доведения до самоубийства и склонения к самоубийству, не без оснований отмечают, что «столь незначительное отличие едва ли следует использовать для дифференциации уголовной ответственности. И в том, и в другом случаях виновное лицо стремится к достижению одинакового результата. И в том, и в

другом случаях злоумышленник избирает для этого инструментарий, чаще носящий психологический характер. Кроме того, имеет ли значение для родственников лица, совершившего самоубийство, а также для общества и государства способ, каким лицо было доведено до данного поступка? Наиболее важным правовым значением обладает тот факт, что человек принял решение совершить суицид, но это решение было сформировано под влиянием извне» [3; с.203].

В свете рассматриваемого вопроса важно понимать, что различия между доведением до самоубийства и склонением к его совершению не сводятся лишь к способам их совершения. Принципиальным значением в этом вопросе обладают и иные объективные характеристики деяний, их содержание и целевая направленность. Так, склонение к самоубийству предполагает осуществление действий, с очевидностью направленных на формирование у потерпевшего желания совершить самоубийство, тогда как доведение до самоубийства выражается в косвенном воздействии на сознание жертвы, исключающем открытое сообщение ему идеи о совершении суицида.

Заметим, что при доведении до самоубийства жертва, пусть и под влиянием гнетущей обстановки и жестокого обращения, но все же самостоятельно приходит к мысли о совершении самоубийства. Склонение к самоубийству, напротив, характеризуются открытым навязыванием жертве идеи о совершении суицида, что, конечно, обладает большей общественной опасностью.

Аргумент о том, что способы доведения до самоубийства могут сами по себе выступать самостоятельными составами преступлений, также представляется довольно спорным, поскольку

упомянутые способы (угроза убийством, истязания, незаконное лишение свободы и т.д.) после внесения изменений в статью 110 УК РФ Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ охватываются основным составом преступления и не требуют дополнительной уголовно-правовой оценки. Кроме того, нельзя забывать, что перечень способов, закрепленных в части 1 статьи 110.1 УК РФ, является открытым, что не исключает возможность использования различных приемов физического и психологического прессинга не только в процессе доведения до самоубийства, но и при склонении к его совершению.

Обобщение изложенного позволяет заключить, что законодателем в целом верно учтены объективные и субъективные показатели, характеризующие степень общественной опасности склонения к совершению самоубийства, что обусловило установление за его совершение более строгой санкции в сравнении с санкцией за доведение до самоубийств. Этот подход поддерживается значительной частью правоприменителей (66,1 % из опрошенных нами экспертов заявили, что склонение к самоубийству обладает большей общественной опасностью, чем доведение до него).

Вместе с тем сопоставление общественной опасности доведения до самоубийства и содействия его совершению заслуживает оценки иного порядка. Как ранее было отмечено, обязательным признаком содействия совершению самоубийства является наличие совместного умысла на его осуществление. Потерпевший до начала оказания ему содействия должен проявить желание покончить с собой.

Таким образом, в отличие от доведения до самоубийства, содействие его совершению направлено

на укрепление уже имеющихся у потерпевшего суицидальных намерений, а не на их провокацию. По нашему убеждению, данный критерий – наличие или отсутствие у суицидента желания покончить с собой на момент начала взаимодействия с ним – напрямую влияет на степень общественной опасности содеянного. Из этого следует, что содействие самоубийству должно признаваться все же менее общественно опасным деянием, чем доведение до него.

В контексте проблем, вынесенных в название параграфа, отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об обоснованности дифференциации ответственности за нерезультативное склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению в частях 1 и 2 статьи 110.1 УК РФ. Как ранее было отмечено, состав преступления, предусмотренный частью 4 статьи 110.1 УК РФ, является материальным и устанавливает ответственность за склонение к самоубийству или содействие его совершению, повлекшие суицид или покушение на него. Иными словами, для признания данного преступления оконченным требуется наступление одного из альтернативных общественно опасных последствий в виде самоубийства жертвы или его попытки.

Получается, что при покушении на данное преступление, то есть при совершении склонения к самоубийству и (или) содействия его совершению, не повлекших самоубийства или его попытку (часть 3 статьи 30 и часть 4 статьи 110.1 УК РФ), максимальный срок наказания для виновного мог бы составлять семь лет и шесть месяцев лишения свободы, что в соответствии с частью 3 статьи 66 УК РФ равняется трем четвертям максимального срока или размера

наиболее строгого вида наказания, предусмотренного частью 4 статьи 110.1 УК РФ за оконченное преступление. Однако квалификация такого покушения исключается, поскольку части 1 и 2 статьи 110.1 УК РФ содержат самостоятельные усеченные составы склонения и содействия, объективная сторона которых не предусматривает наступление общественно-опасных последствий. Санкции же указанных частей 1 и 2 статьи 110.1 УК РФ предусматривают максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет и до трех лет соответственно. Насколько обоснована такая дифференциация ответственности?

Для начала отметим, что из анализа положений Особенной части УК РФ следует вывод о существовании двух апробированных вариантов установления ответственности за совершение фактически неоконченного преступного деяния:

- общий порядок – конструирование материального состава преступления, при наличии которого неоконченное преступление квалифицируется с учетом положений части 1 и 3 статьи 30 УК РФ;

- специальный порядок – конструирование усеченного состава преступления, посредством которого вводится самостоятельный уголовно-правовой запрет на приготовительные действия или действия, связанные с началом выполнения объективной стороны деяния.

Важно, что данные способы никогда не дублируют друг друга и применяются законодателем альтернативно. Во всех случаях конструирование усеченного состава преступления исключает наличие аналогичного материального состава и наоборот. Как правило, усеченной конструкции законодатель отдает предпочтение в тех случаях, когда приготовительные

действия или действия, связанные с началом выполнения объективной стороны деяния, обладают общественной опасностью равной или превышающей общественную опасность преступных последствий. В качестве классического примера можно привести статью 162 УК РФ, предусматривающую ответственность за нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия. Вполне логично, что закрепление в части 1 данной статьи усеченного состава разбоя делает бессмысленным установление самостоятельной ответственности за разбой, повлекший хищение чужого имущества.

Возвращаясь к статье 110.1 УК РФ, следует указать, что законодатель при ее конструировании использовал одновременно оба упомянутых варианта построения уголовно-правовой нормы, предусмотрев наряду с усеченным составом преступления (часть 1 и 2 статьи) ответственность за совершение деяния, повлекшего наступление общественно опасных последствий (часть 4 статьи). Не были при этом приняты во внимание и положения части 3 статьи 66 УК РФ о соотношении максимальных сроков наказания в виде лишения свободы за оконченное и неоконченное преступление. В результате наличие в статье 110.1 УК РФ усеченных составов преступлений искусственно занижает максимальный срок наказания в виде лишения свободы, который мог бы быть назначен за совершение покушения на результативное склонение к самоубийству или содействие его совершению по части 3 статьи 30, части 4 статьи 110.1 УК РФ, в случае со склонением более чем в 3 раза и в случае с содействием более чем в 2 раза.

Подводя промежуточный итог, отметим, что пояснительная записка к законопроекту, внесшему в УК РФ анализируемые изменения, определяет в качестве его цели «обеспечение безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних, создание мер, способствующих предотвращению самоубийств среди детей и борьбы с различными формами содействия суицидам» [4]. Однако, пытаясь обеспечить раннюю профилактику суицидальных проявлений, законодатель излишне детализировал статью об ответственности за склонение к самоубийству и содействие его совершению, предусмотрев в ее различных частях дублирующие и логически несогласованные уголовно-правовые нормы, что резко ограничивает возможности уголовно-правового противодействия деяниям, инспирирующим самоубийства.

В этой связи может быть предложено, как минимум, три варианта реформирования статьи 110.1 УК РФ:

- наиболее простым решением представляется сохранение как усеченных, так и материального составов преступлений при одновременном ужесточении санкций частей 1 и 2 до соответствия их мере наказания, которая могла бы быть назначена виновному за покушение на преступление, предусмотренное частью 4. Думается, что дальнейшее функционирование усеченных составов могло бы иметь существенное профилактическое значение. Уместно здесь вспомнить слова А.Э. Жалинского: «Уголовное право по природе вещей имеет символическое содержание, а поэтому воспринимается гражданами... как некий символ... как то, что несет определенное послание о намерениях государства, его политике, защищаемых ценностях» [5; с.44-45]. Между тем сама

по себе общепревентивная функция норм (части 1 и 2) не может выступать достаточным обоснованием их существования. Статья 105 УК РФ, к примеру, не содержит самостоятельного усеченного состава, связанного с началом выполнения действий, направленных на причинение смерти другому человеку, хотя это деяние и обладает высочайшей степенью общественной опасностью. Кроме того, предложенный вариант изменений не решает проблему дублирования норм и нарушения правил законодательной техники уголовного закона;

- отказ от материального состава преступления, предусмотренного частью 4, и ужесточение до уровня его строгости санкций частей 1 и 2, содержащих усеченные составы склонения и содействия. Представляется, что формулирование (сохранение) исключительно усеченного состава преступления должно сопровождаться установлением достаточно строгой санкции, которая позволяла бы назначать виновному наказание такого срока или размера, как если бы он совершил деяние, повлекшее наступление общественно опасных последствий. В противном случае, утрачивается сам смысл конструирования усеченного состава. Очевидно, что в анализируемом случае степень общественной опасности действий по склонению к самоубийству, а равно по содействию его совершению не превышает степень общественной опасности последствий в виде самоубийства жертвы или его попытки, что предопределяет все же невозможность повышения наказания по части 1 и 2 статьи 110.1 УК РФ до уровня санкции части 4 этой же статьи и неприемлемость такого варианта реформирования статьи в целом;

- исключение усеченных составов, предусмотренных частями 1–3 и устанавливающих ответственность за совершения деяний, не повлекших наступление общественно опасных последствий. Этот вариант предполагает сохранение лишь материального состава склонения к совершению самоубийства и содействия его совершению, повлекших самоубийство или его попытку. Данная модель изменений представляется наиболее обоснованной в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, материальная конструкция состава наиболее соответствует специфике рассматриваемых преступлений, выражающейся, прежде всего, в криминообразующем характере их последствий.

Во-вторых, такая законодательная регламентация обеспечит дифференциацию ответственности за неоконченное склонение к самоубийству и содействие его совершению, соответствующую положениям части 3 статьи 30 и части 4 статьи 66 УК РФ, что обеспечит повышение уровня защиты жизни и здоровья граждан.

В-третьих, исключение норм о самостоятельной ответственности за неоконченное склонение к самоубийству и содействие его совершению обеспечит логическую связь между положениями статьи 110.1 и смежной статьи 110 УК РФ, такой ответственности отдельно не предусматривающей.

К слову, на отсутствие взаимосвязи статей 110 и 110.1 УК РФ, в том числе на уровне их структуры, было обращено внимание Общественной палатой Российской Федерации еще в отзыве на законопроект об установлении дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению [6].

Анализ проблем дифференциации уголовной ответственности был бы не полным, если оставить без рассмотрения вопрос о законодательной оценке соотношения общественной опасности склонения к совершению самоубийства и содействия его совершению. Сопоставление санкций части 1 и части 2 статьи 110.1 УК РФ приводит к выводу о различной законодательной оценке общественной опасности действий по нерезультативному склонению к самоубийству и нерезультативному содействию его совершению. Так, максимальное наказание по части 1 статьи 110.1 УК РФ составляет до трех лет лишения свободы, тогда как по части 2 – до двух лет лишения свободы. Анализируя такое законодательное решение, следует принимать во внимание следующие обстоятельства.

Более аргументировано судить о сравнительной тяжести рассматриваемых составов преступлений позволяет схожесть действий по склонению к самоубийству и содействию его совершению с разновидностями соучастия в преступлении, в частности с подстрекательством и пособничеством. Согласно доктрине уголовного права и положениям уголовного законодательства фигура подстрекателя является более общественно опасной, чем фигура пособника. Наиболее весомым подтверждением данного тезиса являются положения части 4 статьи 31 УК РФ, регламентирующие условия освобождения от ответственности различных соучастников при добровольном отказе от совершения преступления. В данной норме законодатель устанавливает более строгие условия освобождения от уголовной ответственности подстрекателя и организатора совершения преступления. В отличие от пособника,

подстрекатель должен не просто предпринять все зависящие от него меры, чтобы предотвратить преступление, но и в действительности не допустить его совершения.

Мнение о большей общественной опасности подстрекательских действий, сравнимой с общественной опасностью действий исполнителя, является устоявшимся и в уголовно-правовой науке. Еще дореволюционные юристы отмечали, что «наказуемость подстрекателя равна наказуемости физического виновника. Хотя в пользу подстрекателя говорит то, что он сам не решился совершить преступление, но против него говорит то обстоятельство, что он – душа преступления, что последнее без него не было бы совершено» [7]. Аналогичной позиции придерживаются и современные исследователи[8].

Роль же пособника, напротив, традиционно рассматривается в качестве второстепенной, наименее опасной среди остальных соучастников. А.В. Шеслер в этой связи справедливо отмечает, что «пособник, укрепляя у исполнителя решимость совершить преступление, не порождает причинную связь, а лишь способствует ее развитию» [9]. Показательным примером снисходительного отношения к фигуре пособника является определение Верховного Суда Российской Федерации по делу Дюльдина, в котором Судебная коллегия по уголовным делам указала: «Согласно общим нормам, закрепляющим положения об ответственности соучастников преступления (глава 7 УК РФ), действия пособника представляют меньшую степень общественной опасности, нежели действия исполнителя этого преступления» [10].

Исходя из изложенного, законодательное решение об установлении более строгой санкции за содействие совершению самоубийства в сравнении с санкцией за склонение к его совершению представляется, по меньшей мере, спорным. «Трудно объяснить, почему наказание за содействие совершению самоубийства выше, чем за склонение к самоубийству <…> именно действия подстрекателя приводят к зарождению намерения совершить акт самоубийства», – заключают С.В. Дубовиченко и В.П. Карлов [11; с. 175]. Необъяснимым такой подход к дифференциации ответственности находят и иные исследователи суицидальных составов преступлений [12; с. 260].

Действительно, содействие совершению самоубийства укрепляет ранее возникшее у потерпевшего намерение покончить с собой, тогда как склонение к самоубийству порождает это желание, фактически выступая первопричиной совершения суицидальных действий. Очевидно, что склонение при этом должно наказываться строже, чем содействие самоубийству. Опрошенные нами эксперты (79,5 %) также подтвердили, что склонение к самоубийству обладает большей общественной опасностью в сравнении с содействием его совершению.

Еще более удивительно, что в части 4 статьи 110.1 УК РФ действия по склонению к самоубийству и содействию его совершению выступают в качестве альтернативных признаков одного состава преступления. Отличительным же признаком преступлений с альтернативными признаками состава принято считать их законодательное описание, предусматривающее несколько альтернативных действий (актов бездействия), совершение каждого из которых достаточно для признания в содеянном состава

преступления [13; с.101]. Из этого следует, что в части 4 статьи 110.1 УК РФ анализируемые действия рассматриваются законодателем, как обладающие уже равной общественной опасностью. Можно, конечно, предположить, что ранее имевшиеся различия в степени общественной опасности деяний нивелируются за счет наступления общественно опасного последствия, обладающего криминообразующим характером (самоубийства или его попытки). Однако почему тот же принцип не работает, к примеру, в отношении законодательной оценки наказуемости преступлений, предусмотренных статьями 105-109 УК РФ, последствием в которых так или иначе является причинение смерти другому человеку?

Анализируя вопрос обоснованности конструирования в части 4 статьи 110.1 УК РФ состава с альтернативными признаками, где в качестве таковых выступают действия по склонению и содействию, необходимо исходить из научно обоснованных правил формулирования таких составов и их функций.

Так, по мнению Н.Ф. Кузнецовой законодатель прибегает к альтернативным формулировкам в случаях, когда не удается найти единый обобщающий термин, как, например, убийство или кража; альтернатива признаков выполняет в этом случае функцию своего рода легального толкования [14; с.134]. Р.Р. Мусина считает, что конструирование составов преступлений с альтернативными признаками в УК РФ «способствует экономии нормативно-правового пространства в названном акте и ведет к уменьшению статей в его Особенной части»[15; с. 250].

Однако помимо технико-юридических функций составы с альтернативными признаками призваны, в первую очередь, законодательно исключать

искусственную множественность преступных деяний. Как верно отмечается в уголовно-правовой литературе, конструирование таких составов целесообразно в случаях, когда посягательство на определенный объект уголовно-правовой охраны может быть совершено несколькими, как правило взаимосвязанными деяниями, существенно не отличающимися по степени общественной опасности[16]. К примеру, перечисление в части 1 статьи 222УК РФ альтернативно возможных действий, связанных с незаконным оборотом и владением оружия, в частности его приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение, связано с тем, что указанные действия совершаются с уже изготовленным оружием, не влекут появление новых его единиц и обладают сходной общественной опасностью. Действие же по изготовлению оружия, обладающее большей общественной опасностью, справедливо криминализовано в самостоятельном составе, предусмотренном статьей 223 УК РФ.

Таким образом, обязательными критериями для включения в один состав преступления нескольких действий в качестве альтернативных его признаков являются схожесть их общественной опасности и однородность содержания. К сожалению, применительно к части 4 статьи 110.1 УК РФ эти социально-криминологические критерии учтены законодателем не были, поскольку действия по склонению и содействию имеют значительные различия не только в общественной опасности, но и в сущностных характеристиках, связанных с наличием у суицидента желания покончить с собой. В целом те же различия наблюдаются между рассматриваемыми деяниями и доведением до самоубийства, ответственность за совершение которого предусмотрена

в самостоятельной уголовно-правовой норме. В этой связи необходимо заключить, что рационального объяснения столь рассогласованному подходу к дифференциации ответственности за склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению, наблюдаемому как в части 1 и 2 статьи 110.1, так и в части 4 этой же статьи, не существует.

Наиболее удачным решением описанной проблемы видится установление ответственности за склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению в самостоятельных статьях Особенной части УК РФ. Ключевые преимущества этого варианта в том, что он позволит, во-первых, учесть различия в общественной опасности деяний при конструировании санкций уголовно-правовых норм и, во-вторых, придать описательный характер двум диспозициям основных составов преступлений, не перегружая их содержательно. Кроме того, в результате принятия предлагаемых изменений уголовно-правовые нормы об ответственности за склонение к самоубийству и содействие его совершению будут соответствовать правилам законодательной техники в сфере уголовного нормотворчества, в соответствии с которыми в одной статье уголовного закона должен быть закреплен один основной состав преступления.

Исследование законодательной оценки общественной опасности склонения к самоубийству и содействия его совершению в совокупности с ранее полученными результатами исследования приводит нас к следующим выводам.

1. Эффективность уголовно-правового противодействия склонению к самоубийству и содействию его совершению снижают законодательные просчеты, допущенные при конструировании статьи

110.1 УК РФ. Нормативная регламентация осуществлена бессистемно и непоследовательно, в результате чего:

- диспозиции норм носят назывной и отсылочный характер, что затрудняет квалификацию деяний и их отграничение от смежных преступлений, предусмотренных статьями 105, 110, 110.2 УК РФ;

- нарушена логико-правовая связь между положениями статей 110.1 и 110 УК РФ на уровне их структуры и санкций;

- наблюдается несогласованность мер ответственности за различные по своей общественной опасности склонение к самоубийству и содействие его совершению, что не соответствует правилам дифференциации ответственности и принципу справедливости.

2. Установление уголовной ответственности за нерезультативное склонение к самоубийству и содействие его совершению несомненно имеет существенное профилактическое значение. Однако в условиях существования материального состава преступления такое законодательное решение себя не оправдывает, поскольку часть 1 и 2 статьи 110.1 УК РФ предусматривают наказание меньше, чем полагалось бы за совершение покушения на результативное деяние, предусмотренное частью 4 статьи 110.1 УК РФ. Так, вопреки положениям части 3 статьи 66 УК РФ о соотношении наказаний за оконченное и неоконченное преступление максимальный размер наказания за нерезультативное склонение к самоубийству занижен более чем в 3 раза, за нерезультативное содействие совершению самоубийства – более чем в 2 раза.

Тем самым, пытаясь обеспечить раннюю профилактику суицидальных проявлений, законодатель

излишне детализировал статью 110.1 УК РФ, предусмотрев в различных ее частях дублирующие и логически несогласованные уголовно-правовые нормы.

3. Законодателем в целом верно учтены объективные и субъективные показатели, характеризующие степень общественной опасности склонения к совершению самоубийства, что обусловило установление за его совершение более строгой санкции в сравнении с санкцией за доведение до самоубийства. В то же время содействие самоубийству должно признаваться менее опасным деянием, чем доведение до него.

4. С учетом научно обоснованных правил законодательной техники в сфере уголовного нормотворчества сформулированы предложения по реформированию норм об ответственности за склонение к самоубийству и содействие его совершению:

- ответственность за совершение указанных деяний регламентировать в двух самостоятельных статьях Особенной части УК РФ (существующей 110.1 и новообразованной 110.3), что позволит учесть различия в их общественной опасности на уровне основных и квалифицированных составов;

- выстроить систему норм об ответственности за деяния, инспирирующие суицидальное поведение, исходя из их сравнительной тяжести, признав содействие самоубийству по отношению к доведению до самоубийства менее тяжким преступлением, а склонение к самоубийству – более тяжким;

- с учетом криминообразующего характера последствий склонения к совершению самоубийства и содействия его совершению основные составы этих преступлений сконструировать по типу материальных, в результате чего ответственность за совершение

нерезультативных деяний будет наступать в соответствии с общими нормами о неоконченном преступлении;

- с целью обеспечения необходимого уровня правовой определенности и исключения возможности расширительного толкования соответствующих уголовно-правовых норм придать их диспозициям описательный характер, исключить из них нетипичные способы совершения деяний, а также исправить иные технико-юридические недостатки.

Список цитируемой литературы:

1. Уколова, Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация кандидата юридических наук / Уколова Юлия Александровна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад.]. - М., 2008. - 24 с.

2. Дубовиченко, С.В. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ / С.В. Дубовиченко, В.П. Карлов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. - 2017. - Т. 2. - № 4. - С. 170-174.

3. Круковский, В.Е. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств / В.Е. Круковский, И.Н. Мосечкин // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2018. - № 4. - С. 196-215.

4. К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных

механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: пояснительная записка // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 1.02.2023).

5. Жалинский, А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. - М.: Проспект, 2016. – 400 с.

6. По результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 118634-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: заключение Общественной палаты Российской Федерации от 24.04.2017 «» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 1.02.2023).

7. Конспект по уголовному праву и процессу, составленный по лекциям профессоров Фойницкого, Случевского, Сергеевского и других. - Одесса, 1898. – 359 с.

8. Арутюнов, А.А. Соучастие в преступлении / А.А. Арутюнов. - М.: Статут, 2013. - 408 с.

9. Шеслер, А.В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении /А.В. Шеслер // Lexrussica. - 2015. - № 6. - С. 30 - 38.

10. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.08.2012 № 48-О12-65 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 1.02.2023).

11. Дубовиченко, С.В. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ / С.В. Дубовиченко, В.П. Карлов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. - 2017. - Т. 2. - № 4. - С. 170-174.

12. Гримальская, С.А. К вопросу о моменте окончания склонения к самоубийству или содействия совершению самоубийства / С.А. Гримальская // Избранные труды научно-педагогических работников Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. - М., 2019. - С. 255-261.

13.Ображиев, К.В. Сложные единичные преступления / К.В.Ображиев, Д.С. Чикин. - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2016. - 184 с.

14. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова. - Москва : Городец, 2007. - 332.

15. Мусина, Р.А. К вопросу об основаниях и способах формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны /Р.А. Мусина // Актуальные проблемы экономики и права. - 2011. - № 11. - С. 250-254.

16. Ображиев, К.В. Сложные единичные преступления / К.В.Ображиев, Д.С. Чикин. - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2016. - 184 с.

Бобылкин В.Д., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор
Соловьева В.В.

Bobylkin V.D., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: PhD in History,
Solovieva V.V.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА УГРОЗЫ КАК ВИДА ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF A THREAT AS A KINDMENTAL VIOLENCE

Аннотация

Борьба с криминальным насилием в современных условиях является одной из наиболее значимых задач любого государства. Она осуществляется различными средствами, в том числе и путем применения уголовно-правовых норм. Отечественное уголовное законодательство детально описывает традиционные формы преступного насилия (убийства, причинение вреда здоровью, изнасилования и т.п.), как правило, понимая под ним внешнюю (физическую) форму воздействия на человека. Вместе с тем насилие характеризуется дуалистической природой. Оно может

проявляться не только в физической форме, но и быть выражено в психологическом воздействии, оказывающим разрушающее (деструктивное) действие на личность.

Это обстоятельство не в полной мере отражается в Уголовном кодексе Российской Федерации и приобретает особую значимость в условиях фиксируемого криминологами существенного смещения насильственных форм воздействия в социально-психологическую сферу, появления новых видов социально опасного психологического воздействия на человека. В этом отношении статичность российского уголовного законодательства в части отражения психического насилия снижает его эффективность в плане борьбы с насилием в целом и психическими формами его проявления в частности.

Annotation

The fight against criminal violence in modern conditions is one of the most significant tasks of any state. It is carried out by various means, including through the application of criminal law. Domestic criminal legislation describes in detail the traditional forms of criminal violence (murder, bodily harm, rape, etc.), as a rule, understanding it as an external (physical) form of influence on a person. However, violence is characterized by a dualistic nature. It can manifest itself not only in physical form, but also be expressed in a psychological impact that has a destructive (destructive) effect on a person.

This circumstance is not fully reflected in the Criminal Code of the Russian Federation and acquires special significance in the conditions of a significant shift of violent forms of influence into the socio-psychological sphere, recorded by criminologists, and the emergence of new types

of socially dangerous psychological impact on a person. In this regard, the static nature of Russian criminal legislation in terms of reflecting mental violence reduces its effectiveness in terms of combating violence in general and the mental forms of its manifestation in particular.

Ключевые слова: угроза, психическое насилие
Key words: threat, mental violence

Угроза как первый из двух видов психического насилия упоминается в действующем уголовном законодательстве в различных качествах.

1. Угроза как самостоятельный состав преступления.

В ст. 119 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Уголовная ответственность за угрозу также установлена в ст. 296 УК РФ – угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде; в ст. 318 УК РФ, где указывается о применении насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозе применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей; в ст. 321 УК РФ – применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в отношении его с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им

содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы.

Особенностями данной угрозы являются следующие.

1) Как известно, уголовно-правовые средства используются для охраны наиболее важных общественных отношений. Исходя из расположения составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за угрозу в главах Особенной части УК РФ, можно сделать вывод о том, что угрозы посягают на три группы общественных отношений: отношения охраны жизни и здоровья, отношения правосудия и порядок управления.

2) Устанавливая уголовную ответственность непосредственно за угрозу, законодатель посчитал, что повышенной общественной опасностью, характерной для преступного деяния, обладает не любое её проявление. Подтверждением этому служит ст. 119 УК РФ, которой установлена ответственность лишь за отдельные формы угрозы. В частности, об уголовной ответственности будет идти речь только тогда, когда угроза будет выражена в применении насилия, опасного для жизни и здоровья (убийство, причинение вреда здоровью).

Исходя из признаков потерпевшего (судья, присяжный заседатель или иное лицо, участвующее в отправлении правосудия, а равно их близкие) и мотивов угрозы (в связи с рассмотрением дел или материалов в суде), расширяется круг уголовно-наказуемых угроз в ст. 296 УК РФ. В частности, помимо двух форм угрозы насилием, опасного для жизни и здоровья, также установлена ответственность и за угрозу уничтожением или повреждением имущества.

Следует отметить, что в ст. 318 УК РФ и ст. 321 УК РФ проявление угрозы не связано с объемом возможного насилия, что позволяет сделать вывод о том, что угроза применения насилия в этих составах преступлений может быть любой [1; с. 589]. Сущностным в понимании угрозы, применительно к названным преступлениям, является сам факт её высказывания в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, либо в отношении осужденного с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, уголовная ответственность за угрозу по действующему уголовному законодательству связывается со степенью её общественной опасности, с объемом возможных последствий от ее реализации (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью), специальными признаками потерпевших от преступления и характеристиками субъективной стороны.

3) Неотъемлемым признаком угрозы как самостоятельного состава преступления является ее реальность, то есть потерпевший должен иметь реальные основания опасаться такой угрозы. В ст. 119 УК РФ на это прямо указано. Однако необходимость установления реальности угрозы убедительно доказывается учеными [2; с.8] и подтверждается материалами судебной практики.

В судебной практике рассматриваемый признак трактуется следующим образом. Так, о реальности восприятия угрозы убийством в отношении Р. свидетельствовали действия виновного, выраженные в

том, что осужденный направлял ружье в сторону Р., передергивал затвор ружья, совершив до этого убийство брата Р. Таким образом, созданная виновным обстановка свидетельствовала о реальности угрозы[3].

Применительно к ст. 296 УК РФ, ст. 318 УК РФ и ст. 321 УК РФ нет специальных указаний относительно реальности осуществления угрозы. Это обстоятельство приводит некоторых исследователей к ошибочному выводу о том, что ситуации, в которых содержание угрозы не определено, не следует оценивать как угрозы, обладающие признаками реальности, ввиду чего они не должны получать уголовно-правовой оценки [4; с.96].

Важность установления содержания этого признака (угрозы убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества), многократно подчеркивалась в литературе185[5; с.95, 128, 146]. Аналогичным образом этот признак устанавливается и на практике.

4) Важным аспектом, характеризующим угрозу как самостоятельный состав преступления, является ответ на вопрос: собирался ли виновный реально осуществить угрозу?

Изучение судебной практики показывает, что единообразного подхода для этого не выработано.

В большинстве исследованных материалов уголовных дел суды при осуждении лиц за угрозу убийством не разрешали вопрос о желании или планах виновного реализовать такую угрозу. В этих решениях сам факт высказывания реальной угрозы являлся достаточным основанием для осуждения.

К примеру, приговором Падунского районного суда З. был осужден по ч. 1 ст. 119 УК РФ. Обстоятельствами дела установлено, что на почве личных неприязненных отношений З. устроил ссору со

своей бабушкой Б., в ходе которой, имея умысел, направленный на угрозу убийством последней, оторвал от бельевой тумбочки, стоящей в комнате, деревянную дверцу, которой стал размахивать над головой Б., высказывая в ее адрес угрозы убийством. Б. реально восприняла такие угрозы со стороны З., стала уклоняться, пытаясь избежать удара по голове, поскольку не могла оказать сопротивление З. в силу его физического превосходства и не могла убежать из квартиры, так как З. перегородил ей путь к выходу из квартиры, не давая возможность скрыться от него[6; с.97].

Между тем существует иная точка зрения в отношении этого вопроса. Например, в приговоре по обвинению Г. по ч. 1 ст. 119 УК РФ, при рассмотрении уголовного дела было установлено наличие реального намерения причинить смерть или тяжкий вред здоровью потерпевшей, в связи с чем суд оценил действия подсудимого как угрозу убийством. Из материалов дела следовало, что Г. угрожал убийством своей дочери (потерпевшей) с использованием направленной в ее сторону кочерги, от чего потерпевшая испытала испуг, восприняв угрозу реально. С учетом поведения виновного, высказывания словесных угроз, предмета, используемого в качестве орудия, суд признал наличие основания опасаться осуществления угрозы [6; с.97].

Таким образом, в данном случае суд, установив реальность намерения лица причинить смерть, квалифицировал действия подсудимого по ст. 119 УК РФ, оставив без юридической оценки действия по приведению таких намерений в реальность.

Представляется, что первый из приведённых подходов правильнее отражает суть уголовно-наказуемой угрозы. Ранее уже было отмечено, что для

ст. 119 УК РФ (равно как и для других статей УК РФ, предусматривающих ответственность за угрозу) в теории уголовного права и судебной практике выработана точка зрения, согласно которой потерпевший должен осознавать реальность высказываемой в его адрес угрозы. Именно это действие представляет собой психическое насилие, которое причиняет психический вред в виде страха за собственные жизнь и здоровье, а также за жизнь своих близких и за сохранность имущества.

Психическое насилие в виде угрозы следует считать в достаточной степени общественно опасным деянием, чтобы за сам факт его проявления можно было установить уголовную ответственность. Таким образом, реальное восприятие потерпевшим угрозы уже является основанием для привлечения высказывающего ее лица к уголовной ответственности. При этом факт реального осуществления такой угрозы должен оцениваться дополнительно.

5) Следует сказать также о проблеме, возникающей при уголовно-правовой оценке угроз, сопряженных с действиями, направленными на лишение жизни или причинение тяжкого вреда здоровью.

В современной судебной практике данная проблема также не находит единообразного решения.

Так, на основании результатов анализа уголовных дел представляется возможным выделить несколько квалификационных решений в подобных случаях.

а) Действия лица, направленные на реальное лишение жизни или причинение тяжкого вреда здоровью и выраженные в приготовлении к этим преступлениям, следует квалифицировать только по ст. 119 УК РФ, без дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 30 ст. 105 УК РФ или по ч. 1 ст. 30 ст. 111 УК РФ.

Так, Старооскольским городским судом П. был признан виновным в угрозе убийством К., когда имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, при следующих обстоятельствах. Вечером, находясь на улице, он умышленно, из ревности, нанес К. удар в область головы обухом топора. Когда она попыталась убежать от него, П. догнал ее и, взяв за волосы, повалил на снег и нанес ей удары обухом топора в область правой ноги и руки. Далее, держа К. руками за волосы, заталкивая ее в свой автомобиль, П. нанес еще ей несколько ударов ногами по туловищу. Посадив потерпевшую в салон автомобиля, П. проехал некоторое расстояние, затем, вытащив К. из автомобиля, повалил на землю и, встав коленями на ее руки в области предплечья, умышленно нанес ей кулаком удар в область лица снизу, а когда она, высвободив руки, закрыла ими лицо, нанес ей удары кулаками по рукам. В процессе совершения вышеуказанных действий из ревности, имея умысел на запугивание К., П. достал из кармана куртки кинжал и высказывал намерение лишить ее жизни: «Вывезу на речку, утоплю». Потерпевшая, с учетом интенсивности его действий, угрозу убийством восприняла реально. П. осужден по ст. 119 УК РФ. Давая оценку реальности угрозы, суд указал, что у К. были объективные основания опасаться осуществления угроз осужденного[6, с.99].

б) В случае, если осуществляется угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, которая перерастает в приготовительные к убийству или причинению тяжкого вреда здоровью действия, либо в действия, непосредственно направленные на совершение этих преступлений (в покушение на преступление), то действия виновного подлежат квалификации исключительно по ст. 105 и ст. 111 УК

РФ со ссылкой на соответствующую часть ст. 30 УК РФ. То есть, в таком случае угроза насилием является своеобразным обнаружением умысла, и, будучи существенно не отделенной во временном отношении от иных стадий преступной деятельности, поглощается ими.

Сошлемся на один из таких примеров такой уголовно-правовой оценки.

В результате столкновения автомашины «ЗИЛ-130» под управлением Ш. и мотоцикла «Ява-350» под управлением Д.М. последний скончался от полученных ран на месте дорожно-транспортного происшествия. Вскоре к месту ДТП подошел проживавший неподалеку отец погибшего Д.Э., который, узнав, что за рулем автомашины «ЗИЛ-130» находился Ш., высказал в его адрес угрозу убийством. Слышавшие эту угрозу свидетели, в том числе и жена самого Д.Э., советовали Ш. уйти с места ДТП, так как они опасались, что Д.Э. исполнит свою угрозу. Между тем Д.Э. после высказанной угрозы сразу же вернулся домой, достал из сейфа охотничье ружье и вновь направился к месту ДТП. Ш., увидев идущего с ружьем Д.Э., попытался убежать, но Д.Э. выстрелом из ружья ранил его, за что впоследствии был осужден за покушение на убийство. Вопрос о вменении Д.Э. угрозы убийством ни в ходе предварительного следствия, ни в судебном заседании, ни разу не ставился [7; с.69].

в) Действия лица, направленные на реальное лишение жизни или причинение тяжкого вреда здоровью и выраженные в приготовлении к этим преступлениям или покушении на них (включая высказывание угрозы), следует рассматривать по совокупности как угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и в зависимости от фактически

наступивших последствий как преступление, предусмотренное ст. 105 или ст. 111 УК РФ.

Так, приговором Кировского районного суда г. Перми осужден Д. за совершение преступлений, в том числе за угрозу убийством в адрес потерпевшей Х., которую высказал, взяв потерпевшую за волосы и приставив к ее шее нож, а также за причинение потерпевшей тяжкого вреда здоровью ударами ножом в живот, грудь и область спины. Данные действия Д. квалифицированы по ч. 1 ст. 119 и ч. 1 ст. 111 УК РФ [6; с.100-101].

Представляется, что при решении данного вопроса следует исходить из следующих обстоятельств. В том случае, если виновное лицо начинает осуществлять в действительности высказанную им угрозу, то преступные действия образуют иной состав более тяжкого преступления. Дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ в таком случае уже не требуется, а деяние квалифицируется как приготовление к преступлению или покушение на преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ или ст. 111 УК РФ. При этом следует иметь в виду, что деяние лица может быть квалифицировано как покушение на преступление или как приготовление к преступлению исключительно в том случае, если оно было прервано против воли виновного.

Однако на практике возможны и такие ситуации, при которых виновный по собственной воле, предварительно высказав угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а затем начав осуществлять ее, прерывает свои действия. Полагаем, что в таком случае, если фактически совершенные действия составляют самостоятельный состав преступления, отличный от деяния, предусмотренного

ст. 105 УК РФ или ст. 111 УК РФ, то совершенные деяния образуют совокупность преступлений. К примеру, если лицо, высказав угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, в последующем начинает выполнять объективную сторону насильственного преступления, нанося удары потерпевшему, однако самостоятельно принимает решение не доводить умысел до конца, то такие действия подлежат оценке по ст. 119 УК РФ и в зависимости от фактически нанесенного физического вреда здоровью или боли по ст. 112, 115 или ст. 116 УК РФ.

2. Угроза как способ совершения преступления.

Помимо установления уголовной ответственности непосредственно за угрозу, в отдельных случаях законодатель рассматривает её и как конструктивный признак состава преступления. В частности, анализ законодательства позволяет констатировать, что угроза может выступать в качестве способа совершения преступления.

Выделим следующие особенности отображения психического насилия в законе, характеризующие угрозу как способ совершения преступления.

1) Множественность объектов посягательства. Угроза как способ совершения преступления используется в целом ряде составов преступлений, посягающих на различные группы общественных отношений: отношения жизни и здоровья личности (ст. 120 УК РФ); отношения половой свободы и половой неприкосновенности, например (ст. 131 УК РФ); отношения собственности (ст. 162 УК РФ); отношения в сфере экономической деятельности (ст. 179 УК РФ); отношения общественной безопасности (ст. 227 УК РФ); отношения военной службы (ст. 333 УК РФ).

2) Реальность угрозы. Непосредственно в диспозициях уголовно-правовых норм нет специального указания на наличие этого признака. Между тем, теория уголовного права и судебная практика выработали подход, согласно которому угроза должна быть реальной.

Так, применительно к ст. 162 УК РФ А. И. Бойцов считает, что угроза применения насилия при характеристике состава разбоя должна быть действительной, то есть способной, по мнению потерпевшего, быть реализованной и воспринимаемой им равнозначно физическому насилию [8; с.477]. По сути об этом же идет речь и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», где говорится о том, что при разграничении грабежа и разбоя, когда высказанная виновным угроза применения насилия носит неопределённый характер, следует, среди прочего, учитывать субъективное восприятие угрозы потерпевшим[9].

3) Наличность угрозы, то есть она должна быть уже высказана и не потерять свою актуальность к тому моменту, когда потерпевший выполняет желаемые для виновного действия. При этом угроза может касаться как настоящего времени (например, при разбое), так и будущего времени (например, при вымогательстве или принуждении к совершению сделки или отказу от ее совершения).

Так, П. был осужден по ч. 1 ст. 162 УК РФ. Имея умысел на нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, заранее надев на лицо солнцезащитные очки, кепку, чтобы скрыть черты своей внешности, под видом покупателя зашел в

помещение магазина, где в это время находилась продавец данного магазина. П. достал из-под ремня принесенный с собой пневматический пистолет, и, обойдя барную стойку, с целью подавления воли потерпевшей к сопротивлению, передернул затвор, наставил пистолет на потерпевшую, преградив ей тем самым путь выхода из помещения магазина и не давая позвать на помощь граждан.

Подавляя волю потерпевшей к сопротивлению, П. приставил пистолет к её голове и под угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, незаконно потребовал от потерпевшей передать ему денежные средства, находящиеся в кассе. Потерпевшая, воспринимая реально угрозу и опасаясь за свою жизнь и здоровье, подошла к кассе, открыла ее и по требованию П. отошла к стене [6; с. 103].

Таким образом, в данном случае виновное лицо совершило хищение с угрозой применения насилия опасного для жизни и здоровья потерпевший непосредственно в момент ее высказывания.

4) Различное описание угрозы как способа совершения преступления:

- угроза не конкретизирована, например, в ст. 150 УК РФ установлена ответственность вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста;

- указывается на угрозу применения насилия, при этом объем такого насилия не установлен. В частности, в ст. 120 УК РФ установлена уголовная ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное применения;

- угроза связывается с конкретным объемом насилия. Например, в ст. 162 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;

- в диспозиции статьи Особенной части УК РФ предусмотрена угроза уничтожения или повреждения чужого имущества. В частности, в ст. 163 УК РФ установлена ответственность за вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких;

- в УК РФ установлена ответственность за угрозу распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких. В частности, в ст. 179 УК РФ установлена ответственность за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, при отсутствии признаков вымогательства;

- установлена ответственность за угрозу совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население. Такое описания угрозы

предусмотрено в уголовно-правовой норме об ответственности за террористический акт (ст. 205 УК РФ).

Важным дискуссионным вопросом квалификации, который связан с установлением угрозы как способа совершения преступления, является необходимость дополнительной квалификации по статьям УК РФ, устанавливающим ответственность непосредственно за состав угрозы. Данный вопрос связан с практикой применения ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью).

В теории имеется две точки зрения на этот счет.

Согласно первой из них, вопрос о разграничении единичных и множественных преступлений разрешается на основании общественной опасности деяния, оценка которой дана в санкции конкретной статьи Особенной части УК РФ. В том случае, если санкция статьи УК РФ, устанавливающая ответственность за угрозу более строгая, чем санкция статьи, устанавливающая уголовную ответственность непосредственно за преступление, в котором угроза выступает в качестве способа его совершения, то требуется дополнительная квалификация по ст. 119 УК РФ.

Иная позиция состоит в том, что угроза, являясь конструктивным признаком состава преступления, в любом случае данным составом преступления охватывается. Например, Н.А. Лопашенко применительно к ст. 179 УК РФ пишет: «дополнительная квалификация этой угрозы по ст. 119 УК РФ не требуется: она – обязательный признак состава, предусмотренного ст. 179 УК РФ»[10; с. 426].

Представляется, что последняя приведенная точка зрения ближе к истине. В том случае, если угроза

предусмотрена как конструктивный признак состава преступления, то учитывается ее влияние на степень общественной опасности совершенного преступления. В связи с этим негативные последствия, связанные с психологическим воздействием на личность путем угрозы, должны быть учтены при конструировании состава преступления, в котором угроза выступает в качестве способа его совершения.

Следует заметить, что данная точка зрения находит свое отражение и в судебной практике.

Так, действия Ч. квалифицированы по ст. 119 УК РФ и по п.п. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ. Исключая осуждение Ч. по ст. 119 УК РФ, Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что угроза убийством является одним из признаков состава вымогательства и дополнительной квалификации не требует[11].

3. Угроза как квалифицирующий признак состава преступления

Угроза как квалифицирующий признак состава преступления выступает в целом ряде составов преступлений. Рассмотрим её проявления в таком качестве в тексте закона:

1) Угроза выступает в качестве квалифицирующего признака в составах преступлений, которые посягают на следующие группы общественных отношений:

- личность. В частности, в п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ установлена уголовная ответственность за изнасилование, соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а также совершенное с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или к другим лицам;

- отношения, обеспечивающие право гражданина на охрану его конституционных прав. В частности, в ч.

2 ст. 139 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения;

- общественные отношения, связанные с нормальным развитием несовершеннолетнего. Например, в ч. 3 ст. 150 УК РФ установлена ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения;

- отношения собственности. В частности, в п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ предусмотрена ответственность за грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;

- экономические отношения. В ст. 170.1 УК РФ установлена ответственность за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета, сопряженную с насилием или с угрозой его применения;

- отношения, связанные с обеспечением общественной безопасности. В ст. 211 УК РФ предусмотрена ответственность за угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;

- отношения, обеспечивающие незыблемость основ конституционного строя и безопасности государства. В частности, в п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение

человеческого достоинства с применением насилия или с угрозой его применения;

- общественные отношения, связанные с осуществлением правосудия. В ч. 3 ст. 313 УК РФ установлена уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

- отношения порядка управления. В ч. 3 ст. 322 УК РФ предусмотрена ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения.

2) С точки зрения содержания угрозы как квалифицирующего признака отдельных составов преступлений законодатель указывает на следующие виды угрозы:

- угроза применения насилия без его конкретизации (п. «е» ч. 2 ст. 127 УК РФ);

- угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья человека (п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ);

- угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ);

- угроза применения насилия, не опасного для жизни и здоровья (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ);

- угроза уничтожения или повреждения чужого имущества (п. «б» ч. 2 ст. 178 УК РФ).

3) Важной характеристикой угрозы как квалифицирующего признака состава преступления является реальность восприятия такой угрозы потерпевшим. Этот признак уже рассматривался при характеристике угрозы как самостоятельного состава

преступления и угрозы как способа совершения преступления. К изложенному ранее следует добавить лишь то, что судебная практика также идет по пути установления реальности угрозы в каждом случае, когда она выступает квалифицирующим признаком в конкретном составе преступления.

Например, Г. осужден по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Он потребовал от несовершеннолетнего потерпевшего передать ему деньги. На отказ последнего Г., осознавая открытый характер своих действий, вновь потребовал немедленно передать ему деньги, высказав угрозу избить потерпевшего. Потерпевший, испугавшись, реально воспринимая угрозу и опасаясь ее осуществления, передал Г. 100 руб.[6;с. 108].

4) Сущностным при характеристике угрозы как квалифицирующего признака состава преступления представляется разрешение вопроса о наличности угрозы. Представляется, что возможны случаи, при которых ответственность за совершения деяния, соединенного с угрозой, может наступать и при отсутствии признака наличности. Смоделируем следующую возможную ситуацию: лицо с целью совершения грабежа высказывает угрозу применения насилия, не опасного для жизни и здоровья. Его деяние в таком случае в полной мере подпадает под п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Но потерпевший, хотя и воспринял угрозу реально, передавать желаемую для виновного вещь отказался. Виновный, в свою очередь, осознав бездейственность высказанной угрозы, выхватил эту вещь из рук потерпевшего и убежал, не применяя при этом никакого насилия.

На наш взгляд, в рассматриваемой ситуации наличности угрозы уже как таковой не было, но само деяние – открытое завладение имуществом – в итоге

было совершено. Следовательно, наличность угрозы не является ее обязательной характеристикой.

5) Еще одним важным моментом, на котором следует остановиться при изучении угрозы как квалифицирующего признака состава преступления, является вопрос, связанный с необходимостью дополнительной квалификации по статьям, устанавливающим уголовную ответственность за угрозу.

В теории уголовного права этот вопрос справедливо разрешается на основе сравнения санкций статей действующего уголовного законодательства. При этом возникает вопрос: каким образом такие санкции должны сравниваться? Ответ на него также имеется в теории уголовного права. Так, при решении вопроса о соотношении санкций сравниваются верхние границы санкции наиболее строгого наказания. В случае их совпадения сравниваются нижние границы санкций. В тех ситуациях, когда равны и они, учитывается альтернативная возможность назначения менее строгого наказания и, наконец, наличие дополнительного наказания.

Следует заметить: ввиду того, что основной состав угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью относится к категории преступлений небольшой тяжести и максимальное наказание в виде лишения свободы, предусмотренное за совершение подобных угроз, составляет 3 года, то с практической точки зрения дополнительная квалификация по ст. 119 УК РФ невозможна. К примеру, санкция за совершение похищения человека предусматривает наиболее строгое наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет (ч. 1 ст. 126 УК РФ). Похищение человека, совершаемое посредством угрозы применения опасного для жизни

или здоровья насилия (п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ), в свою очередь, наказуемо на срок от пяти до двенадцати лет лишения свободы. Общественная опасность угроз в данном случае учтена законодателем при установлении наказаний за квалифицированные виды преступлений, основной состав которых выполняется без угрозы насилием.

Все вышеперечисленные аспекты, подтверждаются судебной практикой. Подводя итог изложенному, отметим следующее:

1. Повышенной общественной опасностью, характерной для преступного деяния, обладает вовсе не любая угроза. При криминализации угроз характер и степень их общественной опасности законодателем связывается: 1) с тем, на какой объект уголовно-правовой охраны она направлена (отношения по охране жизни или отношения по охране здоровья и т.п.), 2) со специальными признаками потерпевшего от преступления, 3) с признаками субъективной стороны.

Угрозы, которые выступают в качестве способа совершения преступления или являются квалифицирующими признаками составов преступлений, в зависимости от их законодательного закрепления могут быть дифференцированы следующим образом: 1) угроза применения насилия без его конкретизации; 2) угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья человека; 3) угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; 4) угроза применения насилия, не опасного для жизни и здоровья; 5) угроза уничтожения или повреждения чужого имущества; 6) угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население.

2. Реальность как признак угрозы характерен для всех её разновидностей. Он связан с субъективным

восприятием потерпевшим высказанной в его адрес угрозы. В современной судебной практике реальность восприятия угрозы трактуется в зависимости от сложившейся конкретной обстановки, в которой она осуществлялась. Особое значение при установлении реальности угрозы могут иметь физические возможности виновного, данные о его личности и т.д.

Для признания угрозы не требуется устанавливать собирался ли виновный реально осуществить высказанную угрозу или нет. При этом факт реального осуществления такой угрозы должен оцениваться дополнительно при наличии соответствующих оснований.

3. Наличность как признак угрозы имеет значение только в том случае, если угроза выступает в качестве способа совершения преступления. Угроза должна быть уже высказана и не потерять свою актуальность к тому моменту, когда потерпевший выполняет желаемые для виновного действия. При этом угроза может касаться как настоящего времени (например, при разбое), так и будущего времени (например, при вымогательстве или принуждении к совершению сделки или отказу от ее совершения).

В случае, если угроза выступает как самостоятельный состав преступления, то момент его окончания связан с высказыванием угрозы, а следовательно, признак наличности не имеет юридического значения. Если угроза выступает квалифицирующим признаком, то возможны ситуации, при которых наличности угрозы уже нет, а деяние совершается.

4. При решении вопроса о дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ следует придерживаться следующих правил:

- если угроза предусмотрена как конструктивный признак состава преступления учитывается ее влияние на степень общественной опасности совершенного преступления. Исходя из этого, негативные последствия, связанные с психологическим воздействием на личность путем угрозы, должны быть учтены при конструировании состава преступления, в котором угроза выступает в качестве способа его совершения.

- в случае, если угроза выступает в качестве квалифицирующего признака состава преступления, то вопрос о дополнительной квалификации должен решаться на основе сравнения санкций статей УК РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. В двух томах. Т. 2 (постатейный) / Под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – 701 с.

2. Полупан, Г.Ю. Уголовная ответственность за создание опасности: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация кандидата юридических наук / Полупан Галина Юрьевна; [Место защиты: Рос. акад. правосудия]. – М., 2013. – 178 с.

3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу №66-АПУ17-1 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ №3 за 2017 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г.). – С. 80 – 81.

4. Верченко, Н.И. Угроза как вид психического насилия /Н.И. Верченко // Научный альманах. – 2016. – №7-2 (21). – С. 96.

5. Лукьянова, И.В. Угроза как преступление: социальная обусловленность криминализации и проблемы ответственности / И.В. Лукьянова. – Калуга: Издательство «АКФ «Политоп», 2004. – 190 с.

6. Клоченко, Л.Н. Психическое насилие: вопросы уголовно-правовой регламентации и квалификации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация кандидата юридических наук : 12.00.08 / Клоченко Лариса Николаевна; [Место защиты: ФГКОУ ВО Университет прокуратуры Российской Федерации]. - Москва, 2019. - 206 с.

7. Мазуков, С.Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством (по материалам Кабардино-Балкарской республики): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация кандидата юридических наук / Мазуков, Султан Хажисмелович. – Ростов-на-Дону, 1997. – 189 с.

8. Бойцов, А. И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 773 с.

9. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. №29 (в ред. от 16 мая 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – №1

10. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) / Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 673 с.

11. Официальный Интернет-сайт Верховного Суда Российской Федерации: Электронный ресурс: URL: http://www.supcourt.ru

Бунина С.Н., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А. С.

Bunina S.N., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

ENVIRONMENTAL CRIME PREVENTION

Аннотация.

В данной статье рассматриваются вопросы предупреждения преступлений в сфере природопользования, раскрываются основные характеристики рассматриваемого вида преступления.

Abstract.

This article discusses the prevention of crimes in the field of nature management, reveals the main characteristics of the type of crime under consideration.

Ключевые слова: экология, природопользование, предупреждение, Уголовный кодекс, окружающая среда.

Key words: ecology, nature management, warning, Criminal Code, environment.

Право каждого человека на благоприятную окружающую среду закреплено в основном законе нашей страны. Современный мир остро столкнулся с проблемой сохранения экологии и обеспечение экологической безопасности. Затронутый вопрос очень важен для нашего государства, все чаще страна и мир ы целом сталкиваются со стихийными бедствиями и различными экологическими катастрофа. Решить возникающие проблемы становится сложнее. В условиях современных глобальных экологических вызовов человечеству обеспечение экологической безопасности является одной из наиболее важных задач, стоящих перед любым государством, поэтому к специальным направлениям противодействия преступности относится борьба с экологической преступностью.

В качестве нормативных документов, регулирующих обеспечение экологической безопасности в РФ, можно отнести Экологическую доктрину Российской Федерации, утвержденную Распоряжением Правительства РФ №1225-р от 31.08.2002 г. [2], и Указ Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» № 176 от 19.04.2017 года. [5]. Цель принятия стратегии это формирование и реализация государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности на федеральном, региональном, муниципальном и

отраслевом уровнях. Создан для «планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяющим основные вызовы и угрозы экологической безопасности, цели, задачи и механизмы реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности. Достижение целей экологической безопасности осуществляется путем проведения единой государственной политики, направленной на предотвращение и ликвидацию внутренних и внешних вызовов и угроз экологической безопасности. Как уже было отмечено, одним из основных направлений деятельности по достижению экологической безопасности является борьба с экологической преступностью. Дефиниция экологической преступности включает в себя общественно опасное явление, которое наносит вред окружающей среде, представляет угрозу для человека, кроме того является массовым явлением, которое подрывает безопасность всего живого на земле. Исследование экологической преступности как сложного социального явления, наряду с закономерностями и тенденциями ее возникновения и развития, личностью преступника, причинами и условиями, способствующими совершению этого вида преступлений, в первую очередь направлено на обеспечение ее предупреждения. Причинами возникновения экологической преступности в России можно смело считать глобальные проблемы: бедности, угрозы со стороны высоких технологий, загрязнения окружающей среды, нарушения естественного биобаланса живых организмов, исчерпаемости природных ресурсов, критического изменения погодных условий, ухудшения здоровья людей, демографической катастрофы, терроризма, войн и др. в связи с чем

экологическая преступность требует исследования с использованием целостного подхода. Технический прогресс, социально-правовая доступность и одновременно высокая ликвидность природных ресурсов наряду с неэффективностью государственного контроля в области охраны окружающей среды и природопользования создали самые идеальные условия для распространения самого латентного вида преступности. Размер причиненного ущерба преступлениями в сфере экологии исчисляется миллионами рублей. Статистика по некоторым субъектам российской Федерации наглядно демонстрирует величину ущерба от такого рода преступлений. С учетом колоссального ущерба, количества реальных и потенциальных жертв все большую актуальность приобретают проблемы уголовноправовой охраны экологического правопорядка и обеспечения экологической безопасности, предупреждения экологической преступности в России.

Таким образом, можно составить криминологическую характеристику рассматриваемого вида преступности для достижения цели формирования подхода к предупреждению экологической преступности. Как уже было сказано, Экологическая преступность относится к категории наиболее опасной и латентной. Общественная опасность данного вида преступности выражается в посягательстве на конституционные экологические права: право на благоприятную окружающую среду, право на полную и достоверную информацию о состоянии окружающей среды, право на возмещение ущерба, причиненного экологическим преступлением. Признак латентности влияет на представление о действительном состоянии такой преступности, ее структуре и динамике, величине

и характере причиняемого ущерба. По результатам проведенного Д.В. Басаевым исследования, уровень латентности лесных преступлений составляет порядка 70 % [1, с.10]. Кроме того другие теоретики придерживаются похожего мнения и относят к наиболее латентным видам преступления против водных биологических и охотничьих ресурсов.

В качестве общих причин естественной латентности экологической преступности можно выделить: незнание граждан о нарушении их экологических конституционных прав, причинении экологического экзогенного и (или) эндогенного вреда; убежденность граждан в несовершенстве действующего уголовного и экологического законодательства, а также неверие правоохранительным органам (в возможности, механизмы раскрытия, расследования экологического преступления, защиту их прав как потерпевших от экологических преступлений); нежелание связываться с правоохранительными органами и обременять себя необходимостью участвовать в сложной и обременительной процедуре, связанной с расследованием экологического преступления; состояние незащищенности от лиц, совершивших экологическое преступление, и др. В качестве общих причин искусственной латентности экологической преступности можно выделить: несовершенство процессуального порядка стадии возбуждения уголовного дела; проблемы применения норм, регулирующих ответственность за экологические преступления; отсутствие продуманной системы обеспечения (технического, информационного, кадрового и т.д.) процесса раскрытия и расследования экологических преступлений; влияние коррупциогенных факторов и др. Отражением

латентности экологической преступности является количественная и качественная характеристика рассмотрения судами уголовных дел об экологических преступлениях.

Следует полагать, что показатели латентности также скрыты в количестве рассмотренных дел судами, большинство из которых рассмотрено в особом порядке судопроизводства, по правилам главы 40 УПК РФ [4]. Существует потребность в ужесточении ответственности за преступления в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Кроме того, исследования ученых подтверждают, что во многом экологическая преступность формируется по причине несовершенства специальных правил и требований экологического законодательства, т.е. законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования. Экологическая преступность в силу высокого уровня ее латентности и опасности экологического, экзогенного и эндогенного вреда угрожает национальной безопасности и общественному правопорядку, подрывает состояние защищенности личности, общества и государства.

Устойчивость экологической преступности выражается в повторяемости и регулярности совершения преступных деяний, о чем свидетельствует существующая условно объективная статистика. К количественным показателям экологической преступности относят ее состояние и динамику, к качественным — ее структуру и характер.

Системность как признак экологической преступности находит выражение в ее специфическом, сложном внутреннем устройстве, во взаимосвязанности и взаимообусловленности ее элементов.

Структурность экологической преступности раскрывается в соотношении групп и видов преступлений в рамках сложной структуры экологической преступности. Наибольший удельный вес имеют преступления, связанные с незаконным повреждением или уничтожением отдельных компонентов среды, причем значительная их часть относится к категории деяний небольшой и средней тяжести, а разрыв в количестве совершаемых экологических преступлений объясняется характеристиками конкретных природных территорий. Особо в структуре исследуемого вида преступности необходимо выделить профессиональную экологическую преступность, характеризующуюся большей масштабностью, общественной опасностью, интенсивностью, специфичностью средств и способов совершения преступлений, силой, напряженностью воздействия, посягательством на национальную безопасность. Профессиональная экологическая преступность отличается также тем, что ее субъектами являются должностные лица, на которые возложены функции планирования, распределения, управления и контроля в вопросах взаимодействия общества и окружающей среды. Эти лица уполномочены принимать решения на уровне расстановки приоритетов между экономическими и экологическими интересами. Данные субъекты в конечном итоге формируют статистику по вопросам охраны окружающей среды, природоохранной деятельности, в достоверности которой по объективным причинам приходится сомневаться. Образуется некий порочный круг, формирующий латентность экологических преступлений.

В системе целенаправленных мер по борьбе с экологической преступностью наряду с ее познанием

важным является международное взаимодействие государств по вопросам предупреждения экологической преступности, которая лишает развивающиеся страны ресурсов. Это препятствует их участию в решении более масштабных глобальных проблем в сфере международной безопасности, например вопросов изменения климата, необходимости отказаться от химических веществ, разрушающих озоновый слой во всем мире и прочие проблемы. Но осложняется и становится почти невозможным в связи с непростыми политическими отношениями между нашей страной и другими государствами.

С учетом криминологической характеристики экологической преступности попытаемся сформулировать современные теоретические и практические перспективы и направления предупреждения экологической преступности в России. Основными направлениями предупреждения экологической преступности представляются следующие:

– обеспечение состояния защищенности окружающей среды, личности, общества и государства от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий;

– повышение эффективности деятельности правоохранительных органов в целях наиболее действенного регулирования правоотношений по реализации норм законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования путем создания условий для охраны экологического правопорядка и обеспечения экологической безопасности. Деятельность правоохранительных органов в предупреждении преступности в сфере

охраны окружающей среды. Несмотря на то, что правоохранительные органы сами не владеют и не могут владеть в общем объеме нужными средствами для борьбы с экологическими преступлениями, в этой деятельности устойчиво участвуют работники многочисленных природоохранных органов и контрольных надзорных служб. Самой результативной формой профилактики нарушений природоохранительного законодательства является внесение органами внутренних дел представлений в соответствующие органы по фактам правонарушений и преступлений. При этом в представлении нужно указывать основания, причины и условия, которые содействуют нарушению природоохранительного законодательства, и предложения по их устранению.

В рамках предложенных направлений необходимо решить совокупность задач, а именно: разработать качественно новую модель эффективного планирования и осуществления предупреждения экологической преступности, исследовать и сформировать систему мер и эффективных методов профилактики и предупреждения экологических преступлений; проанализировать факторы, причины, условия, способствующие и препятствующие экологической преступности, влияющие на ее качественное и количественное изменение; изучить личность преступников, совершивших экологические преступления; сформулировать предложения по внедрению международного опыта в сфере предупреждения экологической преступности в отечественную практику; исследовать и выделить совокупность механизмов возможного совершенствования прогнозирования развития экологической преступности.

Необходимо констатировать, что, несмотря на растущие экологические проблемы, предупреждение преступлений, посягающих на экологическую безопасность и экологический правопорядок, не является приоритетным направлением деятельности государства. Приоритет отдается борьбе с экономической, коррупционной и корыстно-насильственной преступностью. При этом масштабы экологической преступности и ущерб, причиняемый ею, явно недооцениваются. Например, контрабанда животных и растений приравнивается к обороту наркотиков по доходности [3, с.106].

Вполне обоснованной становится необходимость создания единой концепции предупреждения экологической преступности, включающей в себя меры противодействия, направленные на решение следующих задач: устранение противоречий между природоресурсными и природоохранными нормами законодательства Российской Федерации, а также между законодательством в области охраны окружающей среды и нормами иных отраслей права; обеспечение реализации законодательных актов путем принятия подзаконных нормативных правовых актов, необходимых для полноценного применения федеральных законов; правовое закрепление необходимости представления экологического обоснования деятельности хозяйствующих субъектов, как одного из обязательных условий при проведении конкурсов, тендеров, аукционов на право реализации и (или) выбора проектов; развитие системы государственных стандартов Российской Федерации в области охраны окружающей среды, закрепление в правовой системе России международных экологических стандартов, обеспечивающих снижение

антропогенной нагрузки на окружающую среду; гармонизация отечественного законодательства в области охраны окружающей среды и норм международного права в этой области в рамках обязательств Российской Федерации по международным договорам; развитие и активизация судебных механизмов разрешения противоречий между интересами населения, субъектов хозяйственной деятельности и государства в области охраны окружающей среды; укрепление системы прокурорского надзора и реализация мер прокурорского реагирования в области охраны окружающей среды.

Список цитируемой литературы:

1. Басаев, Д.В. Охрана лесов: уголовно-правовые и криминологические аспекты (по материалам Республики Буря тии) : автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.В. Басаев. — СПб., 2004. — 26 с.
2. Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р (ред. от 29.12.2022) «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // СПС Консультант-Плюс: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
3. Татьянина, Л.Г. Понятие, сущность и современные перспективы предупреждения экологической преступности в Российской Федерации / Л.Г. Татьянина, А.С. Лукомская, Р.Р. Юлдошев // Всероссийский криминологический журнал.–2019.–№1.–С.103-113.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (редакция от 25 марта 2022 г.): [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.] // СПС

Консультант-Плюс: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

5. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 (ред. от 29.12.2022) «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС Консультант-Плюс: [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699

Бутерин В.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Рыжикова И.Д.

Buterin V.V., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Rizhikova I.D.

ПРИЧИНЫ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ И РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИХ СОВЕРШЕНИЕ
CAUSES OF MASS RIOTS AND THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THEIR COMPLETION

Аннотация.

Массовые беспорядки – это преступление больших групп людей против общественной безопасности, сопровождающиеся погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителям власти. В законодательстве Российской Федерации за совершение такого преступления предусмотрена уголовная ответственность, а именно, ст.212 УК РФ. Но что же

является причиной таких действий? И как происходит реализация уголовной ответственности за их совершение? Постараемся рассмотреть и дать ответы на данные вопросы в этой статье.

Abstract.

Mass riots are a crime against public safety by large groups of people, accompanied by pogroms, arson, destruction of property, the use of firearms, explosives or explosive devices, as well as armed resistance to government officials. The legislation of the Russian Federation provides for criminal liability for the commission of such a crime, namely, Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. But what is the reason for such actions? And how is the implementation of criminal liability for their commission? We will try to consider and give answers to these questions in this article.

Ключевые слова: массовые беспорядки, общественная безопасность, объективная сторона преступления.

Key words: riots, public safety, the objective side of the crime.

Если рассматривать массовые беспорядки как социальное явление, то можно сказать, что оно очень опасно, так как может причинить значительный вред обществу и государству, создаёт угрозу общественной безопасности и общественному порядку, а также жизни, здоровью и имущественным интересам граждан. Данное явление считается уголовно – наказуемым преступлением во многих странах. Но что же является его причиной?

Как правило, массовые беспорядки возникают вследствие политических, социально-экономических, этнических, религиозных и иных причин, существуют несколько классификаций. По способу возникновения бывают как организованные, так и спонтанные массовые беспорядки [1; 41].

Политические причины массовых беспорядков, как правило, связаны с проведением различных митингов, шествий, пикетирований, демонстраций, которые не были согласованы в порядке, установленном законом, а также организованы оппозиционными силами использующие непарламентские методы борьбы.

Социально-экономическими причинами массовых беспорядков могут стать безработица, инфляция, нехватка товаров первой необходимости и иные подобные причины.

Этнические причины массовых беспорядков могут возникнуть вследствие ущемления интересов национальных меньшинств, ущемления их прав, относительно, других национальных меньшинств, проживающих на прилегающей территории, а также конфликтов между ними.

Религиозными причинами массовых беспорядков могут стать конфликты между членами разных конфессий, оскорбление чувств верующих и иные.

Также причинами для массовых беспорядков могут стать: конфликты преступных группировок за сферы влияния; спортивные, культурные мероприятия, к примеру, драки между болельщиками или беспорядки на концертах вследствие употребления алкогольных напитков либо вследствие иных обстоятельств.

Характерной особенностью массовых беспорядков является объединение людей в толпу. Толпа – это

бесструктурное скопление людей, лишенных ясно осознаваемой общности целей, но связанных между собой сходством эмоционального состояния и общим объектом внимания. В таком скоплении активность людей увеличивается, но интересы отдельного индивида становятся менее значимым для него самого.

Толпы могут подразделяться в зависимости от активности, (непосредственно толпы) или пассивности участников, (публики, аудитории наблюдающей со стороны).

Толпа классифицируется в зависимости от доминирующего поведения участников на: агрессивную – когда у людей есть общий объект ненависти, которую в свою очередь тяжело или невозможно сдержать; паническую – когда люди пытаются спастись от реальной или несуществующей угрозы, при этом теряя самообладание и контроль над своим поведением; стяжающую – когда группа людей вступает в конфликт либо наносит ущерб чужому имуществу с целью заполучить товары материальной ценности, деньги или продукты, примером может послужить грабежи магазинов во время массовых беспорядков; экспрессивная – толпа, участники которой объединены одной эмоцией и поводом, к примеру, концерт или футбольный матч.

Таким образом, перед правоохранительными органами стоит важная задача предупреждения и пресечения массовых беспорядков. Сотрудники полиции должны стараться, чтобы противоправные действия граждан не переросли в массовые беспорядки, для этого им необходимо проявлять бдительность в поведении граждан, зарождающиеся конфликты выявлять и пресекать, зачинщиков и предполагаемых лидеров выявлять и задерживать, не поддаваться на

провокации, так как это может иметь негативные последствия [2].

Совершение данного деяния в Российской Федерации является преступлением против общественной безопасности. Ст. 212 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность. Реализация уголовной ответственности происходит в соответствии с действиями (объективной стороной) субъекта преступления, в последствие за которое будет назначено наказание. Преступление будет считаться оконченным с момента выполнения определённых действий субъектом преступления.

Анализируя ст. 212 УК РФ, можно увидеть, что разные её части предусматривают различную объективную сторону преступления, в соответствии с чем отличается и наказание. Посредством градации типового наказания происходит ранжирование вида и размеров наказания в зависимости от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание; корректирование общих минимальных и максимальных пределов наказания в зависимости от стадии совершения преступления [3].

Так, в ч.1 ст.212 УК РФ объективная сторона преступления состоит в организации массовых беспорядков, сопровождающихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, а равно подготовка лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них. Совершение действий субъектом преступления, указанных в

объективной стороне предусматривает лишение свободы от 8 до 15 лет.

В ч.2 ст.212 УК РФ объективная сторона преступления заключается в участии в массовых беспорядках, предусмотренных ч.1 ст.212 УК РФ. Наказывается лишением свободы от 3 до 8 лет.

В ч.3 ст.212 УК РФ объективная сторона преступления состоит в призывах к массовым беспорядкам, предусмотренных ч.1 ст.212 УК РФ, или к участию в них, а равно в призывах к насилию над гражданами.

В ч.4 ст.212 УК РФ объективная сторона преступления состоит в прохождении лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них. Наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

Таким образом, согласно данной статье привлекают к ответственности лиц, которые осуществляют организацию массовых беспорядков, а также участвуют в подготовке лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них; лиц занимающихся склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в совершение массовых беспорядков; лиц непосредственно принявших участие в массовых беспорядках; лиц осуществляющих призывы к массовым беспорядкам или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами; лиц которые прошли обучение, заведомо для обучающихся проводимых в целях организации массовых беспорядков либо участия в них, в том числе

приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов организации массовых беспорядков, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что проблема массовых беспорядков в современном обществе имеет достаточно острый характер, что требует к ней повышенного внимания со стороны правоохранительных органов и иных институтов власти. Помимо наказания за массовые беспорядки, власти должны проводить серьезную профилактическую работу для их недопущения.

Список цитируемой литературы:

1. Демидов Ю. Гражданские беспорядки: современность и история вопроса // Российская юстиция. 2008. № 12. С. 41-42.

2. Косяченко В.И. Особенности организации охраны общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий // Сайт МВД РФ/ URL:www.mvd.ru/press/release/4302

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022, с изм. от 08.12.2022). URL: www.consultant.ru

Вангородская Д.О., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор
Соловьева В.В.

Vangorodskaya D.O., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: PhD in History,
Solovieva V.V.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE

Аннотация.

Мировое сообщество более столетия назад признало важность сохранения культурного наследия. Результатом такого признания стало принятие ряда международных документов, направленных на противодействие посягательствам на объекты культурного наследия, в том числе в период вооруженных конфликтов.

Abstract.

The world community more than a century ago recognized the importance of preserving cultural heritage. The result of this recognition was the adoption of a number

of international documents aimed at countering encroachments on cultural heritage sites, including during armed conflicts.

Ключевые слова: международное сотрудничество, охрана культурного наследия.

Key words: international cooperation, protection of cultural heritage.

Культура играет ключевую роль в определении самобытности народов мира. Она, как и память человека, хранит накопленные знания, традиции, которые, образуя «коллективную память» общества, обеспечивают преемственность в его развитии. Без существования культурного наследия разрушается связь между прошлым, настоящим и будущим, а, следовательно, теряется чувство самоопределения народа, его уникальность.

Сохранение культурного наследия имеет неоспоримое значение для народов всего мира. Международное сообщество уже давно признало приоритет этой задачи и ведет активную политику в области сохранения предметов, представляющих культурную и историческую ценность. В настоящее время на мировом уровне существует отлаженная и организованная система сотрудничества, которая включает в себя административные, правовые, а также финансовые институты.

Одним из первых результатов международного сотрудничества в области охраны культурного наследия можно считать Брюссельскую декларацию о законах и обычаях сухопутной войны (принята по итогам Международной конференции по кодификации законов и обычаев войны, состоявшейся в 1874 г. в Брюсселе по

инициативе России), которая установила «правила и ограничения» ведения вооруженных столкновений и преследования со стороны властей за захват, умышленное разрушение и повреждение памятников, произведений искусства, научных и художественных учреждений в период ведения военных конфликтов (ст. 8). Этот документ рекомендовал сторонам конфликта принимать все необходимые меры, для предотвращения или, насколько это возможно, минимизации ущерба, который может быть нанесен культурным ценностям, находящимся на территории ведения военных действий[1].

Положения указанной Декларации в последующем были отражены в Гаагских конвенциях от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны и о бомбардировании морскими силами во время войны. Эти Гаагские конвенции, направленные на регулирование военных действий и гуманизацию войны, приняты по итогам Гаагских конференций мира, целью проведения которых была разработка соглашений в области подготовки законов и обычаев военных сражений[2].

Позднее, 14 мая 1954 г., также в Гааге межправительственной конференцией государств – членов ЮНЕСКО на основе Пакта Рериха была подписана Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [3](далее - Гаагская конвенция 1954 г.), которая стала первым международным документом, посвященным исключительно защите культурного наследия от военной агрессии.

Следующими важнейшими международными правовыми актами в сфере охраны культурного наследия стали Конвенция о мерах, направленных на

запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, принятая в Париже 14 ноября 1970 г. (ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1988 г. № 8423-XI [4](далее - Конвенция 1970 г.) и Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, которая была заключена в Париже 16 ноября 1972 г. [5](далее - Конвенция 1972 г.), а ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1988 г. № 8595-XI [6].

Страны – участницы Конвенции 1970 г. взяли на себя обязательство «принимать все необходимые меры, направленные на предотвращение приобретения музеями и другими учреждениями культуры, расположенными на их территории, культурных ценностей, являющихся предметом незаконного вывоза с территории государства-экспортера или незаконной передачи права собственности, информировать государство, с территории которого произошел незаконный вывоз культурной ценности, и подвергать административному или уголовному наказанию виновных в указанных нарушениях лиц» (ст.ст. 7, 8).

СССР ратифицировал Конвенцию 1970 г. указом Президиума ВС от 2 февраля 1988 г. № 8423-XI, взяв на себя обязательство по исполнению положений, направленных на противодействие незаконному обороту культурных ценностей, которые Российская Федерация, являясь правопреемником СССР, исполняет и по сей день.

Согласно Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. [7] контрабанда относилась к государственным преступлениям. Перемещение через таможенную границу Российской Федерации предметов

художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран наказывалось лишением свободы на срок от 3 до 10 лет с конфискацией имущества (ст. 78).

Невозвращение на территорию Российской Федерации в установленный срок предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран, вывезенных за ее пределы, влекло наступление уголовной ответственности по ст. 78.2 и наказывалось лишением свободы на срок до 8 лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой, а также конфискацией невозвращенных предметов.

Действующим Уголовным кодексом РФ, принятым в 1996 г., уголовная ответственность за контрабанду и невозвращение культурных ценностей на территорию Российской Федерации также предусмотрена.

В соответствии с Федеральным законом от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ (с изм. и доп.) «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»[8] Министерство культуры Российской Федерации (Минкультуры России) осуществляет функции по «контролю за учетом и ведением электронной базы данных всех перемещенных культурных ценностей, опубликованием сведений о них и ведением реестра культурных ценностей, предназначенных для обмена».

Минкультуры России и Федеральной архивной службой России обеспечивается «проведение мониторинга состояния и использования памятников истории и культуры, предметов Музейного фонда

Российской Федерации, документов библиотечных фондов, Архивного фонда Российской Федерации, а также кинофонда» [9].

В целях реализации положений Конвенции 1970 г. Министерство культуры России также регистрирует факты пропажи, утраты, хищения культурных ценностей и организовывает обеспечение оповещения государственных органов и общественности в Российской Федерации и за ее пределами об этих фактах [10].

Конвенция 1972 г. предписывает странам-участницам классифицировать ценности, расположенные на их территории, на «культурное наследие» и «природное наследие».

Культурным наследием, согласно ст. 1 Конвенции 1972 г., являются «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии».

В Конвенции 1972 г. впервые закреплено понятие «природное наследие», к которому отнесены «природные памятники, созданные физическими и

биологическими образованиями или группами таких образований, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения эстетики или науки; геологические и физиографические образования и строго ограниченные зоны, представляющие ареал подвергающихся угрозе видов животных и растений, имеющих выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки или сохранения; природные достопримечательные места или строго ограниченные природные зоны, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения науки, сохранения или природной красоты» (ст. 2).

Государства – участники Конвенции 1972 г. обязаны учреждать на своей территории, в случае если они еще не учреждены, одну или несколько служб по охране, сохранению и популяризации культурного и природного наследия, которые располагают соответствующим персоналом и средствами, позволяющими выполнять возложенные на них задачи (ст. 5).

Страны – участницы Конвенции 1972 г. предоставляют Комитету перечни ценностей культурного и природного наследия, расположенных на их территории, которые могут быть включены в Список всемирного наследия. Эти перечни не являются исчерпывающими и содержат документацию относительно места расположения данных ценностей и представляемого ими интереса. Комитет составляет, обновляет и публикует, когда этого требуют обстоятельства, Список всемирного наследия, находящегося под угрозой» - список ценностей, фигурирующих в Списке всемирного наследия, для спасения которых требуются значительные работы и для которых была запрошена помощь. В списке

указывается примерная стоимость необходимых восстановительных или иных работ (ст. 11).

При решении вопроса о включении той или иной культурной ценности в Список всемирного наследия, выносится заключение по итогам экспертизы Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), который является неправительственной профессиональной организацией при ЮНЕСКО и сотрудничает с Комитетом всемирного наследия.

Конвенцией 1972 г. также учрежден Фонд охраны всемирного культурного и природного наследия под названием «Фонд всемирного наследия» (ст. 15). Фонд является целевым и предоставляет помощь по заявкам. Такая помощь может заключаться в «исследовании художественных, научных и технических проблем, которые требуют охрана, сохранение, восстановление и популяризация культурного и природного наследия; направлении экспертов, техников и квалифицированных рабочих для обеспечения удовлетворительного выполнения утвержденного проекта; подготовке специалистов всех уровней в области выявления, охраны, сохранения, восстановления и популяризации культурного и природного наследия; предоставлении займов и субсидий и др.».

Среди принятых в последние годы международных документов в области сохранения памятников истории и культуры также стоит назвать Конвенцию об охране нематериального культурного наследия, которая была заключена в Париже в 2003 г. (далее - Конвенция 2003 г.).

Конвенция 2003 г. является первым документом, в котором закреплено понятие термина «нематериальное культурное наследие», что означает «обычаи, формы

представления и выражения, знания и навыки, связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, - признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия».

Конвенцией 2003 г. учрежден Межправительственный комитет по охране нематериального культурного наследия при ЮНЕСКО (ст. 5).

Страны – участницы Конвенции 2003 г. приняли на себя обязательства по охране нематериального культурного наследия, в частности: проведению политики, направленной на повышение роли нематериального культурного наследия (в том числе посредством проведения образовательных программ, направленных на повышение осведомленности о роли нематериального культурного наследия); созданию специализированных учреждений, занимающихся документацией по нематериальному культурному наследию, и др.

Существование столь значительного количества международных актов, посвященных сохранению культурного наследия, свидетельствует о том, что указанной проблемой озабочено все мировое сообщество. По всему миру ведутся реестры и каталоги, проводится систематизация и инвентаризация памятников истории и культуры.

Правоохранительные органы государств мира взаимодействуют при раскрытии и расследовании преступлений, посягающих на культурные ценности, при розыске и выдаче преступников, розыске и возвращении этих ценностей их законным владельцам.

Неоценимый вклад в защиту культурного наследия вносят международные организации, действующие под

эгидой ООН, такие как ЮНЕСКО и Комитет всемирного наследия.

Таким образом, можно констатировать, что на международном уровне сформированы основы для защиты культурных ценностей, а это свидетельствует о постепенном формировании в общественном сознании понимания важности их сохранения.

Положения международных документов формируют основные понятия и правовые основы сохранения культурного наследия, на которых строятся национальные обязательства государств по обеспечению сохранности культурного наследия, находящегося на их территориях, и недопущения причинения ущерба культурному наследию иных стран.

Осознавая непоправимые последствия утраты наиболее ценных объектов культурного наследия, международным сообществом уже в конце XIX в. были закреплены положения о недопущении актов агрессии в отношении культурных ценностей в случае возникновения и ведения вооруженных конфликтов, а также незаконных ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности.

Кроме того, своевременно реагируя на изменяющийся социальный и экономический уклад общества, международные документы обязывают защищать культурные и исторические памятники от угроз, возникающих при производстве строительных и иных работ. Имплементируя положения международных договоров государства-участники устанавливают соответствующие уголовно-правовые запреты в своем национальном законодательстве.

Список цитируемой литературы:

1. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны : принята 18 окт. 1907 г. в Гааге [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международного комитета Красного Креста. URL:https://www.icrc.org/ru/doc/resources

2. Конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны : принята 18 окт. 1907 г. в Гааге [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации. URL: https://doc.mil.ru/documents

3. Текст Протокола официально опубликован не был [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents : официальный сайт ООН

4.Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М. : Логос, 1993. С. 283–290, 610–611.

5. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, которая была заключена в Париже 16 ноября 1972 г : URL: http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf : официальный сайт ЮНЕСКО

6. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 марта 1988 г. № 8595-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1988. - № 11. - Ст. 171.

7. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года : утв. Верховным Советом РСФСР 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1960. - № 40. - Ст. 591. [Утратил силу с 1 янв. 1997 г. (Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1996. - № 25. - Ст. 2955].

8.О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации:

федер. закон от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ: принят Государственной Думой 5 февраля 1997 года: одобрен Советом Федерации 5 марта 1997 года [в ред. 11 июня 2021 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1998. - № 16. - Ст. 1799.

9. Об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов Музейного фонда Российской Федерации, документов библиотечных фондов, Архивного фонда Российской Федерации, а также кинофонда : постановление Правительства Рос. Федерации от 5 июля 2001 г. № 504 // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2001. - № 29. - Ст. 3015.

10.Об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов Музейного фонда Российской Федерации, документов библиотечных фондов, Архивного фонда Российской Федерации, а также кинофонда : постановление Правительства Рос. Федерации от 5 июля 2001 г. № 504 // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2001. - № 29. - Ст. 3015.

Варварина А. Е., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Varvarina A.E., student
Russia, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch
Scientific adviser: senior lecturer Shagunova V.M.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНО (СТ.СТ. 207.1, 207.2 УК РФ)

CRIMINAL LIABILITY FOR DISTRIBUTION KNOWINGLY FALSE SOCIALLY SIGNIFICANT INFORMATION PUBLICLY (CT.CT. 207.1, 207.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Аннотация.

В статье рассмотрены новые составы преступлений, об ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ) и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.2 УК РФ). Изучены основания для

криминализации новых запретов, обусловленных распространением новой коронавирусной инфекции. Высказываются отдельные критические замечания относительно целесообразности уголовно-правовых механизмов контроля за распространением информации. Дается характеристика объективных и субъективных признаков новых составов информационных преступлений. Обращается внимание на сложности установления причинно-следственной связи при совершении преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ. В завершении публикации затрагивается практически значимый вопрос об отграничении новых составов от смежных преступлений.

Abstract.

The article deals with the new offences, the responsibility for public dissemination of false information about circumstances that threaten the life and security of citizens (article 207.1 of the criminal code) and public dissemination of false public interest information, resulting in serious consequences (ст. 207.2 of the criminal code). The grounds for criminalization of new prohibitions caused by the spread of a new coronavirus infection are studied. Some criticisms are made about the appropriateness of criminal law mechanisms for controlling the dissemination of information. The article describes objective and subjective features of new types of information crimes. Attention is drawn to the complexity of establishing a cause-and-effect relationship when committing a crime under article 207.2 of the criminal code of the Russian Federation. At the end of the publication, the almost significant issue of distinguishing between related crimes.

Ключевые слова: публичность, распространения информации, общественно значимая информация, заведомо ложная информация.

Keywords: publicity, dissemination of information, socially significant information, knowingly false information.

Российское общество, как и весь мир, в условиях распространения новой коронавирусной инфекции столкнулось с весьма неординарной ситуацией. Помимо физического заражения массовые события подобного рода опасны также распространением паники, которая, в свою очередь, может привести к непредсказуемым последствиям с тяжелыми издержками для общества.

Причины возникновения паники носят информационно-психологический характер. Неполнота информации или ее полное отсутствие, намеренная дезинформация могут послужить распространению панических настроений.

Примером может быть паника, охватившая Поволжье в связи с аварией на Балаковской АЭС в ноябре 2004 г. В действительности произошла внештатная ситуация, в результате которой сработала аварийная защита энергоблока, но угрозы радиоактивного заражения или других тяжких последствий не было. Руководство станции и чрезвычайных служб не смогло своевременно довести информацию и успокоить население. В итоге стали распространятся слухи о взрыве реактора, заражении и проч. Остановилась работа предприятий, опасаясь радиации, сотни людей уехали подальше от станции, из аптек исчез йод и йодосодержащие препараты. Зафиксировано около десятка случаев отравления йодом[4, с. 1]. Отсутствие объективной информации о

рядовой ситуации, не представляющей опасности, привела к таким серьезным последствиям.

В целях обеспечения информационной безопасности УК РФ был дополнен новыми составами преступлений (ФЗ от 01.04.2020 № 100-ФЗ) об ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ), и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.2 УК РФ). Следует отметить, что целесообразность введения подобных норм обосновывалась до начала пандемии новой коронавирусной инфекции[7, с. 125].

Статья 207.1 УК РФ (Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан), предусматривает уголовную ответственность за «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств». Судя по расположению данного преступления, законодатель рассматривает его как состав смежный заведомо ложному сообщению об акте терроризма. Непосредственным объектом анализируемого преступления является общественная безопасность. Общественная безопасность понятие довольно абстрактное. Важно уточнить в чем, собственно, заключается вред объекту уголовно-правовой охраны и какие отношения призвана защищать новая норма. Современное общество является

информационным, а информационные отношения имеют жизненно важное значение для обеспечения общественной безопасности. Предметом, по поводу которого возникают охраняемые уголовным законом информационные отношения, является достоверная информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерахпо обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. На защиту этой информации направлена искомая норма. Путем распространения заведомо ложной информации граждане лишаются доступа к объективной информации, что может привести к распространению паники, массового неповиновения законным требованиям власти, создает угрозу нормальной жизнедеятельности предприятий, учреждений и организаций, подрывает доверие граждан к авторитету власти. Право на достоверную информацию нарушается не только путем умышленной дезинформации, но и путем сокрытия информации. Ответственность за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей предусмотрено ст. 237 УК РФ. Однако субъект этого преступления специальный в отличие от нормы, предусмотренной ст. 207.1 УК РФ.

Итак, объектом преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, выступают информационные отношения, возникающие по поводу распространения достоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.

В настоящее время проблема, когда традиционные СМИ утрачивают свое влияние и теряют аудиторию, приобретает особую значимость. Появилось множество альтернативных источников информации (твиттер,

фейсбук, телеграммканалы, мессенджеры и т.д.). Государственный контроль за альтернативными каналами информации весьма затруднителен.

Можно, а правильнее было бы сказать, нужно ли бороться с фейковыми новостями с помощью уголовно-правовых средств? Здоровая, конкурентная информационная среда должна снижать степень влияния фальшивой информации, но для этого необходимы СМИ, пользующиеся высоким уровнем доверия, для которых объективная информация является предметом журналистской чести. Стремление уголовно-правовыми средствами ограничить распространение фальшивой информации говорит о том, что сложившаяся система формирования информации не способна выявлять и нейтрализовать заведомо ложную информацию, что в условиях кризиса, вызванного распространением пандемии, приобрело особую остроту. Благоприятной средой для формирования ложных новостей на фоне роста заболевания стал низкий уровень доверия к официальным каналам информации, что неизбежно приводит к появлению уверенности, что от населения утаивают истинную информацию. Возможно ли решение данной проблемы с помощью уголовного закона? Позволим себе навеянную пандемией метафору: здоровая информационная иммунная система сама должна справляться с фейковыми вирусами, использование мощных антибиотиков в виде государственных запретов возможно, но как крайняя и временная мера. Мы не уверены в эффективности уголовно-правовых механизмов в этом случае, полагаем вполне достаточными использование административно-правовых средств контроля за распространением недостоверной информации.

Остается также неразрешенной коллизия норм уголовного закона с конституционными положениями и свободе слова и запрете цензуры, а также с международно-правовыми актами и правовой позицией Венецианской комиссии, Конституционного Суда РФ о том, что уголовно-правовой запрет на использование базовой ценности свободы слова возможен в том случае, когда некие призывы сопровождаются причинением вреда или реальной угрозой причинения вреда. Такие признаки закреплены только в ст. 207.2 УК РФ. С философских же позиций человек отличается от животного способностью к общению, поэтому такие ограничения должны быть разумными и минимальными, например, при известном наводнении в Крымске именно отсутствие информации как таковой привело к многочисленным жертвам.

Остается также неразрешенной коллизия норм уголовного закона с конституционными положениями и свободе слова и запрете цензуры, а также с международно-правовыми актами и правовой позицией Венецианской комиссии, Конституционного Суда РФ о том, что уголовно-правовой запрет на использование базовой ценности свободы слова возможен в том случае, когда некие призывы сопровождаются причинением вреда или реальной угрозой причинения вреда. Такие признаки закреплены только в ст. 207.2 УК РФ. С философских же позиций человек отличается от животного способностью к общению, поэтому такие ограничения должны быть разумными и минимальными, например, при известном наводнении в Крымске именно отсутствие информации как таковой привело к многочисленным жертвам.

Объективная сторона анализируемого состава преступления включает в себя деяние, которое

выражается в публичном распространении «под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств» (ст. 207.1 УК РФ).

В анализируемой норме законодатель сознательно ушел от использования бездействия как формы совершения деяния, хотя смежные составы преступлений (ст.ст. 140 и 237 УК РФ) делают упор как раз на непредоставлении информации или отказе от предоставления информации. Эти нормы включают также активную форму деяния в виде предоставления ложной информации. Отсутствие информации не менее опасно, чем умышленное введение в заблуждение. Мы прекрасно помним печальный опыт утаивания действительных масштабов ката строфы на Чернобыльской АЭС.

Субъективная сторона публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, характеризуется прямым умыслом. Умыслом виновного должен охватываться ложный характер распространяемых сведений, на что указывает термин «заведомо» в тексте нормы [5, с. 22]. В Обзоре судебной практики ВС РФ от 30.04.2020 уточняется, что целью действий лица является доведение такой информации до сведений других лиц. Лицо должно осознавать, что доводит заведомо ложные сведения об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан до других лиц и желает совершить эти действия. Мотивы и цели в законе не

названы. Это может быть хулиганские побуждения, личные интересы , идеологические мотивы и проч.

Никаких специальных требований относительно субъекта преступления закон не содержит, а значит субъект общий. Ответственность наступает с 16 лет.

Второй состав информационного преступления предусмотрен ст. 207.2 (Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия) УК РФ: «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека».

Конструктивно статья состоит из двух частей. В ч. 1 ст. 207.2 УК РФ содержится основной состав преступления, в ч. 2 данной статьи имеется два квалифицирующих признака: «То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия».

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ выступают информационные отношения, возникающие по поводу распространения общественно значимой информации. Дополнительным объектом является здоровье другого человека. В качестве факультативного объекта, предусмотренного ч. 2 ст. 207.2 УК РФ, выступает жизнь другого человека, нормальная деятельность органов государственного управления, отношения собственности, общественный порядок и пр.

Отличаются исследуемые нормы конструкцией объективной стороны преступления. Деяние, предусмотренное ст. 207.1 УК РФ, имеет формальный состав. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие

последствия является материальным составом преступления. В уголовном законе предусмотрено наступление общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью человека.

Характеристика деяния в ст. 207.2 УК РФ ничем не отличается от аналогичного признака, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ.

Субъективная сторона преступления характеризуется неосторожной формой вины. Это еще один отличительный признак преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ от умышленного деяния, закрепленного ст. 207.1 УК РФ.

Субъект преступления общий в обоих составах преступления. Возраст ответственности предусмотрен с 16 лет.

Квалифицированный состав, предусмотрен ч. 2 ст. 207.2 УК РФ. Он включает два признака - причинение по неосторожности смерти или иных тяжких последствий[9, с. 213].

Остановимся на вопросах отграничения анализируемых составов от смежных составов преступлений.

К смежным составам преступлений мы можем отнести отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ) и сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 237 УК РФ). Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) также может рассматриваться как смежный состав преступления. Его отличия от рассматриваемых норм довольно очевидны и не требуют специального анализа.

От новых информационных преступлений отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ) отличается по предмету и объекту преступления.

Это преступление затрагивает конституционное право граждан на ознакомление «с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы» (ст. 24 Конституции РФ). Различаются также нормы по характеру последствий (причинение вреда права и законным интересам граждан), субъективной стороне (умышленное преступление в отличие от предусмотренного ст. 207.2 УК РФ) и субъекту. Субъектом отказа в предоставлении гражданину информации является должностное лицо.

Гораздо больше общего анализируемые нормы имеют с преступлением, предусмотренным ст. 237 (Сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей) УК РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

3. Лебедев В.Н. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) /Отв. ред. В.М. Лебедев.13-е изд. М.,2018.

4. Козаченко И.Я. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.,2018. С. 451.

5. Андреев, В.Л., Соловьев, В.С. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в период распространения новой коронавирусной инфекции (covid-19) на территории российской федерации // Общество и право. 2020. №2 (72).

6. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая / под ред. Л.В. ИногамовойХегай. М.: Проспект, 2016.

7. Клюковская, И.Н., Тер-Аванесова, И.Н. Умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях - новый вызов государственной безопасности в современном мире // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Особенная часть. Раздел IX (постатейный). Том 3 / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017 // КонсультантПлюс, Версия Проф. 2020.

9. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юристъ, 2007.

10. Кукузеева А.В., Мустафина, В.А., Рахматулин, З.Р. Уголовно-правовой анализ публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан // Modern Science. 2020. №5-3.

Виньков А.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор
Соловьева В.В.

Vinkov A.A., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: PhD in History,
Solovieva V.V.

О НЕОБХОДИМОСТИ УСИЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СОХРАНЕНИЯ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ON THE NEED TO STRENGTHEN CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF THE REQUIREMENTS FOR THE PRESERVATION OR USE OF OBJECTS CULTURAL HERITAGE

Аннотация.

Сохранение уникальных по своей природе образцов культурной и исторической жизнедеятельности ушедших эпох требует от государства принятия адекватных мер по усилению ответственности за нарушения, в результате совершения которых происходит уничтожение или повреждение

объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. В статье, с использованием накопленного научного опыта, делается вывод о недостаточности криминализации и пенализации состава преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ. На основании обобщения правоприменительной практики, результатов экспертного опроса автором предложены изменения в санкцию ст. 243.1 УК РФ, в результате принятия которых будет изменена категория преступления, а соответственно изменится подследственность, подсудность уголовных дел указанной категории, появится возможность привлечения к уголовной ответственности за приготовление к совершению преступления.

Abstract.

The preservation of examples of cultural and historical activity of bygone eras, unique in their nature, requires the state to take adequate measures to increase responsibility for violations that result in the destruction or damage of cultural heritage sites, identified cultural heritage sites of the peoples of the Russian Federation. The article, using the accumulated scientific experience, concludes that the criminalization and penalization of the corpus delicti under Art. 243.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on a generalization of law enforcement practice, the results of an expert survey, the author proposed changes to the sanction of Art. 243.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as a result of which the category of the crime will be changed, and accordingly the investigative jurisdiction, the jurisdiction of criminal cases of this category will change, it will be possible to bring to criminal responsibility for preparing to commit a crime.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, памятники истории и культуры, выявленные объекты культурного наследия, культурные ценности, археологическое наследие, уголовная политика государства, криминализация, пенализация, усиление уголовной ответственности, изменение категории преступлений, общественная опасность.

Keywords: objects of cultural heritage, monuments of history and culture, identified objects of cultural heritage, cultural values, archaeological heritage, criminal policy of the state, criminalization, penalization, increased criminal liability, changing the category of crimes, public danger.

Криминализация нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, повлекшее по неосторожности их повреждение либо уничтожение была осуществлена законодателем путем отнесения общественно опасного деяния к числу преступных посредством выделения и закрепления отдельных признаков преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ. Рассматриваемый процесс был реализован законодателем через призму общей гуманизации и либерализации уголовной политики государства[1]. Это обстоятельство оказало существенное влияние на содержание Федерального закона от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии», которым в УК РФ была включена ст. 243.1. Содержание Федерального закона, в точном соответствии с его названием, уделяет исключительное внимание противодействию

правонарушениям в области археологии и сохранению археологического наследия [2]. Анализ социальной обусловленности и общественной опасности криминализируемого правонарушения не проведен и в пояснительной записке к законопроекту, что свидетельствует о непоследовательности реализации уголовно-правовой политики государства в части сохранения культурно-исторического наследия [3]. Это подтверждает мнение большинства отечественных правоведов о наличии симптомов кризиса уголовной политики России на современном этапе развития [4]. Подобное состояние стало результатом игнорирования законодателем ряда уголовно-правовых проблем, среди которых, применительно к преступлениям в отношении памятников истории и культуры, следует выделить: отсутствие явно выраженной цели уголовно-правовой политики государства и, как следствие, разноплановость и бессистемность вносимых в уголовный закон изменений; социальная необоснованность уголовно-правовых предписаний; отсутствие четких критериев отграничения административных правонарушений и преступлений; низкая эффективность научного сопровождения законотворческого процесса.

Их разрешение возможно только путем восполнения пробелов криминализации состава преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ.

Социальную обусловленность необходимости усиления уголовной ответственности за нарушение требований сохранения объектов культурного наследия можно проанализировать на основании изучения статистических данных. Так, в соответствии с Реестром пропавших, утраченных, похищенных культурных ценностей (открытые данные Минкультуры России) период с 1998 по 2023 гг. в России в связи с

нарушением требований сохранения, использования и государственной охраны было безвозвратно утеряно 22968 объектов культурного наследия федерального, регионального и муниципального значения, выявленных объектов культурного наследия [5]. По мнению М.А. Кауфмана, при криминализации деяния недооценка (игнорирование) степени его общественной опасности является одной из наиболее типичных ошибок, допускаемых законодателем [6]. Изложенная позиция полностью применима к преступлению, предусмотренному ст. 243.1 УК РФ. Правовая природа общественной опасности преступления определяется путем установления объективных и субъективных признаков содеянного, их полного, всестороннего анализа и сопоставления. При этом должна учитываться направленность деяния на охраняемые законом социальные ценности и причиненный им вред6. Посредством установления ценностных характеристик объекта и предмета преступного посягательства, характера и обратимости последствий определяется степень общественной опасности совершенного преступления. Указанные значимые факторы не были учтены при конструировании ст. 243.1 УК РФ. По нашему мнению, ценностные характеристики предмета преступного посягательства должны быть определяющими при конструировании санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Следует согласиться с мнением Д.С. Лихачева, нашедшим свое отражение в ст. 7 проекта «Декларации о культуре», о том, что культура обладает правом на защиту. Любые действия, ведущие к уничтожению памятников истории и культуры, должны быть квалифицированы как преступление против

человечества [7]. Оно было изложено ученым-гуманистом в проекте составленной Декларации применительно к вопросу о международно-правовой ответственности за преступления против культурного наследия и в полной мере применимо к национальному законодательству страны.

Проблема усиления ответственности за преступления в отношении объектов культурного наследия актуальна и можно сделать вывод о несоответствии наказания важности подлежащего охране объекта и предмета преступного посягательства. Обращаясь к санкции исследуемой статьи, следует дать характеристику объекту и предмету преступного посягательства преступлений, посягающих на объекты культурного наследия, выявленные объекты культурного наследия, культурные ценности (ст. 243, 243.1 УК РФ). Так, видовым объектом преступлений выступают общественные отношения, обеспечивающие общественную нравственность. Общим предметом преступления являются объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов РФ, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ, выявленные объекты культурного наследия, культурные ценности, находящиеся в неразрывной связи с обозначенными объектами. Указанные предметы материального мира должны обладать ценностью для всего многонационального народа Российской Федерации и являться неотъемлемой частью Всемирного культурного наследия (преамбула Федерального закона № 73-ФЗ).

В отличие от ст. 167, 168 УК РФ, схожих со ст. 243 и 243.1 УК РФ по признакам объективной стороны и частично - предмету преступного посягательства, представляющего значительную материальную

ценность, преступления в отношении культурного наследия имеют особый видовой объект - общественные отношения, обеспечивающие общественную нравственность. Они затрагивают взгляды человека на эстетику, достоинство, уважение и память о культурных достижениях предшествующих поколений, культурную и историческую самобытность народа [8]. Указанное обстоятельство является фактором, повышающим общественную опасность совершенного преступления, что должно быть отражено в санкциях ст. 243 и 243.1 УК РФ. К примеру, хищение чужого имущества, предусмотренное ст. 158 УК РФ и хищение предметов, имеющих особую ценность, предусмотренное ст. 164 УК РФ, значительно отличаются друг от друга по характеру и размеру наказания. Так, преступление, квалифицируемое по ч. 1 ст. 158 УК РФ, в соответствии со ст. 15 УК РФ является преступлением небольшой тяжести, размер максимального наказания за совершение которого не превышает двух лет лишения свободы, тогда как преступление, квалифицируемое по ч. 1 ст. 164 УК РФ, отнесено законодателем к категории тяжких, размер максимального наказания за совершение которого установлен законодателем до десяти лет лишения свободы.

Квалифицированные составы преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 164 и ст. 243, 243.1 УК РФ, частично схожи по предмету преступного посягательства, признакам объективной стороны, видовому объекту преступного посягательства. Л.Р. Клебанов предложил включить рассматриваемые преступления в самостоятельный раздел - «Преступления в отношении культурных ценностей», тем самым подчеркивая схожесть рассматриваемых составов по объекту преступного посягательства [9, с.

266]. Применительно к преступлению, квалифицированному как хищение предметов, имеющих особую историческую, художественную или культурную ценность, повлекшее их уничтожение, порчу или разрушение, это дополнительный объект - общественные отношения в сфере общественной нравственности. Кроме этого, появляется дополнительный признак объективной стороны состава преступления в виде общественно опасных последствий - безвозвратной (обратимой) утери ценного предмета. При этом уничтожение, порча или разрушение ценного предмета влияет на изменение категории преступления. В соответствии со ст. 15 УК РФ преступление, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 164 УК РФ, является особо тяжким. Изложенное вызывает сомнения в соразмерности и справедливости наказания за преступление, предусмотренное ст. 243.1 УК РФ, поскольку последствия, как признаки объективной стороны материального состава рассматриваемого преступления, схожи с последствиями объективной стороны состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 164 УК РФ.

При конструировании санкции ст. 243.1 УК РФ законодателем не учтены ценностные характеристики предмета преступного посягательства. Решение о признании памятника, архитектурного ансамбля или достопримечательного места выявленным объектом культурного наследия принимается на основании проведенного региональным органом охраны объектов культурного наследия исследования его историко-культурной ценности (ч. 3 ст. 16.1 Федерального закона № 73-ФЗ). Последующее изменение статуса выявленного объекта культурного наследия происходит на основании исследования его исторической,

археологической, архитектурной, градостроительной, культурологической, эстетической, этнологической и (или) научной ценности. Соответственно, разрушая или повреждая объект культурного наследия, выявленный объект культурного наследия, виновное лицо воздействует на предметы материального мира (памятники, архитектурные ансамбли, достопримечательные места), историческая и культурная ценность которых определена при наделении их особым историко-культурным статусом. Они еще до совершения в отношении них преступления были признаны особо ценными предметами материального мира, свидетельствующими о жизнедеятельности ушедших эпох, цивилизаций, определенных исторических событий и личностей, являлись источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Криминализация неразрывно связана с пенализацией преступления. По мнению В.Н. Кудрявцева, пенализация является неотъемлемым элементом криминализации. Пенализация устанавливает уголовное наказание за деяния, ранее признанное преступлением. Показатель интенсивности криминализации - это степень пенализации [10, с. 244]. По нашему мнению, исходя из сущности пенализации, рассматривать ее только в качестве элемента криминализации неверно. В соответствии с принципами и основаниями уголовной ответственности, указанными в ч. 2 ст. 2 УК РФ, за совершение криминализованных деяний должно быть определено соответствующее наказание. В связи с тем, что наказуемость - обязательный признак преступления, следует признать, что пенализация неразрывно связана с криминализацией как независимая форма реализации уголовной политики

государства [11, с. 52]. Однако пенализация не сводится только к установлению размера и вида наказания за противоправное деяние, она дополнительно включает в себя процесс внесения в санкции действующего уголовного закона изменений, направленных на ужесточение ранее установленных наказаний.

Обратимся, например, к проблеме пенализации состава преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ. Она проявляется в виде несоответствия наказаний, изложенных в санкции рассматриваемой статьи, общественной опасности совершенного преступления. Так, за действия, предусмотренные диспозицией ст. 243.1 УК РФ, предусмотрено наказание в виде штрафа в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок. М.И. Ковалев привел следующие требования к построению санкций статьи уголовного закона:

1) полное соответствие санкции степени общественной опасности деяния с позиции уголовной политики государства, правосознания и морали;

2) внутренняя согласованность санкции в смысле исключения существенных отличий в наказуемости равных по степени общественной опасности преступлений [12].

Изложенное свидетельствует о необходимости внесения в санкцию ст. 243.1 УК РФ изменений, направленных на усиление уголовной ответственности. Максимальное наказание в виде лишения свободы следует увеличить до шести лет лишения свободы с ограничением свободы на срок до двух лет или без

такового. Это будет согласовываться с санкцией ч. 2 ст. 243 УК РФ, поскольку предметом преступления в ст. 243.1 УК РФ и ч. 2 ст. 243 УК РФ могут быть схожие по своим характеристикам объекты культурного наследия, а именно особо ценные объекты культурного наследия народов Российской Федерации, объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) включенные в Список Всемирного культурного наследия, объекты археологического наследия, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленные объекты археологического наследия, уничтожение или повреждение которых может произойти в результате нарушения требований их сохранения или использования со стороны собственников или иных законных владельцев. Предельный размер штрафа следует увеличить до трех миллионов рублей или заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет. Кроме этого, следует увеличить до четырехсот часов предельный срок отбытия наказания в виде обязательных работ, до пяти лет предельный срок отбытия наказания в виде принудительных работ.

Увеличение предельного срока отбывания наказания в виде лишения свободы скажется и на изменении категории преступления, отразится на вопросах рецидива, сроках погашения, снятия судимости, подследственности и подсудности уголовных дел. У правоприменителя появится возможность привлечения к уголовной ответственности за приготовление к совершению преступления.

Изменение категории расследуемого преступления положительно скажется на увеличении сроков давности привлечения к уголовной ответственности, которые в

настоящее время в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ составляют два года. Указанная проблема по исследуемому составу преступления является актуальной, так как позволяет виновному лицу избежать уголовной ответственности. Так, дознавателем отделения дознания УМВД России г. Санкт-Петербургу 29.04.2021 г. на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекращено уголовное дело в отношении И., повредившего в результате использования объект культурного наследия федерального значения. И. без соответствующего согласования с Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства г. Санкт-Петербурга произвел надстройку мансардного этажа в жилом доме на ул. Марата Центрального района города. В результате его противоправных действий памятнику истории и культуры был нанесен ущерб в крупном размере. В денежном эквиваленте он был оценен в 2 000 000 рублей. Однако наказания за содеянное И. избежал в связи с тем, что преступление было выявлено по истечении более года с момента его совершения, а в ходе проведенного дознания не была своевременно назначена экспертиза в целях определения характера и размера вреда причиненного объекту культурного значения. В результате срок давности для привлечения к уголовной ответственности истек.

Указанный факт не является единичным. Так, 12.12.2021 г. дознавателем отделения дознания УМВД России по г. Омску по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть за истечением срока давности, прекращено уголовное дело, возбужденное по факту уничтожения объекта культурного наследия

регионального значения «Жилого дома постройки конца XIX, начала XX вв.».

Кроме этого, в соответствии со ст. 31 УПК РФ повышение категории преступления повлечет изменение подсудности уголовного дела. В настоящее время преступления, квалифицированные по ст. 243.1 УК РФ, подсудны мировым судьям. Усиление санкции исследуемой статьи позволит изменить подсудность уголовных дел, что является вполне логичным, поскольку рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.13, 7.14.1 КоАП РФ, схожих по объективным признакам с составом преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, происходит в районных судах.

Изменение категории преступления сделает невозможным прекращение уголовного дела (преследования) за деятельным раскаянием, предусмотренным ст. 28 УПК РФ, в отношении лиц, уничтоживших или повредивших объект культурного наследия. В настоящее время это возможно и явно не соответствует характеру совершенного преступного деяния и наступившим общественно опасным последствиям.

Так, 25.12.2021 г. дознавателем отделения дознания УМВД России по г. Санкт-Петербургу в связи с деятельным раскаянием прекращено уголовное дело в отношении граждан Щ. и И., умышленно повредивших объект культурного наследия «Дом А.А. Лишневского», расположенный на ул. Лахтинской г. Санкт-Петербурга. Преступниками была демонтирована рельефная композиция с фронтона дома. Согласно выводам судебной экспертизы, причиненный в результате действий Щ. и И. ущерб был оценен в размере 664 483 рубля, который был полностью возмещен. Факт

возмещения причиненного ущерба должен был быть учтен дознавателем при расследовании уголовного дела, но он не должен был вступать в противоречие с принципом справедливости наказания (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Преступления в отношении объектов культурного наследия представляют повышенную общественную опасность, так как в результате их совершения возникает угроза безвозвратной утраты уникальных ценностей народа Российской Федерации. Поэтому усиление уголовно-правовых санкций за преступление, предусмотренное ст. 243.1 УК РФ, не опасно, так как оно сбалансировано и криминологически обоснованно.

Полагаем, что предложенные меры будут способствовать устранению законодательных пробелов, формированию иного, более ответственного отношения к процессу профилактики, выявления и пресечения преступлений в отношении памятников истории и культуры со стороны сотрудников правоохранительных органов, представителей органов исполнительной власти. Они улучшат общее состояние дел в сфере охраны и использования объектов культурного наследия народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия.

Список цитируемой литературы:

1. Гуслова, Э.В. Криминализация и пенализация деяния как форма реализации уголовной политики /Э.В. Гуслова // Вестник Воронежского института МВД России. - 2014. - № 1. - С. 224-228.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части

пресечения незаконной деятельности в области археологии: федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ (в ред.от 28 декабря 2017 г.) // Собрание законодательства Российского законодательства. -2013. - № 30. - Ч. I. - Ст. 4078.

3. Пояснительная записка к законопроекту № 217902-6.- [Электронный ресурс] - URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/ (Spravka)?OpenAgent&RN=217902-6

4. Гаврилов, Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Велби, Проспект, 2008. 208 с. // СПС «Консуль-тантПлюс»

5. Реестр пропавших, утраченных, похищенных культурных ценностей / Портал открытых данных Министерства культуры РФ. - [Электронный ресурс] URL :https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-heritage_lost_objects/ 6. Кауфман, М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве / М.А. Кауфман // Журнал российского права. - 2016. - № 9 (237). - С. 92-101.

7. Лихачев, Д.С. Декларация прав культуры / Д.С. Лихачев. - [Москва] : Логос, [2000?]. - 8 с.

8. Данилов, В.А. Уголовная ответственность за хищение предметов, имеющих особую научную, культурную, историческую и художественную ценность /В.А. Данилов // Бизнес в законе. - 2007. - № 3. - С. 110-112.

9. Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей : специальность 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация доктора юридических наук / Клебанов Лев Романович; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. - Москва, 2012. - 512 с.

10. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. - Москва : Юрид. лит.- 352 с.

11. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации / А.И. Коробеев // Закон. - 2015. - № 8. - С. 46-59.

12. Ковалев, М.И. Уголовное правотворчество и законодательная техника /М.И. Ковалев // Криминология и уголовная политика. - 1985. - № 3. - С. 112-114.

Воеводин М. Ю., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Беденко А.В.

Voevodin M. Y., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer Bedenko A.V.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

CRIMINAL LIABILITY FOR INVOLVING MINORS IN THE COMMISSION OF A CRIME UNDER THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Аннотация.

В статье раскрываются понятие и история правового регулирования уголовной ответственности за за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления по законодательству зарубежных стран.

Abstract.

The article reveals the concept and history of the legal regulation of criminal liability for involving minors in the

commission of a crime under the legislation of foreign countries.

Ключевые слова: преступление; правосудие; преступления против правосудия; ответственность; интересы правосудия.

Keywords: crime; justice; crimes against justice; responsibility; interests of justice.

Для более полного и точного раскрытия сущности статьи 150 УК РФ, а также некоторых ее особенностей необходимо провести некую аналогию с опытом зарубежных стран и с тем, каким образом их Кодексы и иные НПА разрешают проблему вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений.

Начиная анализ вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления «по законодательству зарубежных стран, стоит заметить, что в основном в зарубежных странах (ФРГ, Нидерланды, США, Франция и др.) законодатель не выделяет в отдельную главу, однако во всех нормативных документах различных стран» так или иначе есть определённые признаки вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления.

Так, в УК Испании существуют статьи, предусматривающие наказание за вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией (ст. 187), в участие в порнографических представлениях (ст. 189), бродяжничество (ст. 225) и попрошайничество (ст. 233) [1, с.37]. Стоит отметить, что основной ценностью в данном случае является нормальное развитие личности несовершеннолетнего [2, с. 63].

Однако, как было сказано выше, практически все европейские страны не выделяют эти преступления в особую категорию, а рассматривают их в совокупности с другими схожими правонарушениями против

нравственности [3, с. 15]. Поэтому необходимо более внимательно рассмотреть опыт стран постсоветского пространства, так как у законодательств этих государств есть общая составляющая, которая поможет более скрупулёзно проанализировать данный вид преступлений.

Так, в УК Азербайджана [4] , а именно в 171 статье установлена ответственность за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией или иных аморальных действий, перечень которых не приводится. Скорее всего законодатель признает такими действиями алкоголизм, бродяжничество и т. д, однако тот факт, что перечень не приведен, делает охрану интересов несовершеннолетних менее эффективной.

В УК Армении в статье 166 прописано вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление алкогольных напитков, немедицинское употребление сильнодействующих или иных одурманивающих веществ, проституцию, бродяжничество или попрошайничество, совершение действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера [5]. По сравнению с азербайджанским УК такой подход с исчерпывающим перечнем является более удобным и действенным.

В УК Республики Беларусь встречаются сразу несколько глав, которые устанавливают ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений [6]. К ним можно отнести преступления против половой свободы и преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних. В данных главах законодатель выделил ответственность за совершение антиобщественных действий, причем в одной главе предусмотрены наказания как за вовлечение

совершеннолетнего, так и несовершеннолетнего, причем вовлечение последних влечет более строгую ответственность, так как их общественная опасность и последствия более вредны для общества. [7]

В статье 171 УК Грузии [8] так же, как и в других УК стран СНГ, установлена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных деяний, таких, как бродяжничество, проституция и т. д. Кроме того, грузинские законодатели добавили к этому списку вовлечение в незаконное употребление одурманивающих средств и лекарственных средств без рецепта врача.

Если же брать во внимание УК Республики Казахстан [9], то его явной отличительной особенностью является то, что в нем законодатель выделил специальную главу «Уголовные правонарушения против семьи и несовершеннолетних», где содержатся статьи, предусматривающие наказание за вовлечение несовершеннолетнего в:

1) совершение преступления;

2) совершение антиобщественных действий (в том числе, в неоднократное употребление алкоголя, одурманивающих веществ или токсикоманию);

3) занятие проституцией (в том числе, с помощью насилия, шантажа, использования зависимого положения).

Кроме того, в данных статьях предусматривается специальный субъект-это лица, которые занимаются воспитательской или педагогической деятельностью, что, кстати говоря, имеет явную схожесть с УК РФ. Так в статьях 131 и 132 УК Казахстана за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений специальными субъектами влечет для этих самых субъектов пожизненный запрет занятия

воспитательской или педагогической деятельностью. Однако интересным представляется тот факт, что склонение несовершеннолетних к употреблению наркотиков или психотропных веществ относится к главе «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Так, в статье 138 прописано, что при наступлении тяжких последствий или смерти несовершеннолетнего лицо, склонившее его на употребление этих веществ, может понести наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Также вовлечение несовершеннолетнего в пьянство и употребление наркотиков и психоактивных веществ встречается и в статье 157 УК Кыргызстана [10]. Интересной особенностью данного кодекса является то, что сюда же входит и принуждение несовершеннолетнего к вступлению в брак, что, по мнению киргизских законодателей, является антиобщественным поведением, так как оно разрушает институт семьи, ведь в силу своего возраста несовершеннолетний не может вступать в брачные отношения (в основном принуждению подвергаются малолетние лица женского пола) Кроме того, это может нанести серьезный ущерб их психическому развитию.

Таким образом, практически для всех стран постсоветского пространства характерно объединение отдельных видов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений в отдельные статьи или главы, причем в тех кодексах, где данный вид преступлений выделен в отдельную главу, представляют собой более четкую и структурированную систему, поэтому для большей структуризации УК РФ предлагается объединить статьи 150, 151 (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных деяний), 151.1 (Розничная продажа

несовершеннолетним алкогольной продукции), ч. 7 ст. 240 (Вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетнего), ч. 2 ст. 242 (Вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции), п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ (Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) в одну главу, которую можно было бы назвать «Преступления против нормального физического, психического и нравственного развития несовершеннолетних», однако при этом главы 20 и 25 УК РФ не должны утратить свою силу.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

3. Уголовный кодекс Испании. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 37.

4. Белов В.Ф. Преступления против семьи и несовершеннолетних. М.: Изд-во «РУСАКИ», 2002. С. 61

5. Николаева Ю.В. Дифференциация преступлений против несовершеннолетних в России: монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2011. С. 15

6. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 780-IQ (по сост. на 06.10.2020 г.) // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. 2000. № 4. Ст. 251.

7. Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 № ЗР528 (по сост. на 18.01.2021 г.) // Официальные ведомости Республики Армения. 2003. № 25. Ст. 407.

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (по сост. на 06.01.2021 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76. 2/50.

9. Гулякевич Д.Л. Уголовно-правовая охрана ребенка в Республике Беларусь: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2015. С. 142.

10. Уголовный кодекс Республики Грузия от 22.07.1999 № 2287-вс (по сост. на 28.09.2020 г.) // Сакартвелос саканонмдебло мацне. 1999. Ст. 209

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (по сост. на 30.12.2020 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 13. Ст. 83.

12. Уголовный кодекс Кыргызской республики от 01.10.1997 № 68 (по сост. на 31.12.2020 г.) // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской республики. 1997. № 7. Ст. 229.

Волгина К.Д., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Иванова М.А.

Volgina K.D., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Ivanova M.A.

МИРОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

WORLD EXPERIENCE IN COUNTERING THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF PROCEEDS FROM CRIME

Аннотация.

В данной статье описывается международный опыт противодействия легализации (отмывания) доходов, а также методы борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем полученных преступным путем в целях совершенствования и изменения законодательства Российской Федерации в данной сфере.

Abstract.

This article describes the international experience of countering the legalization (laundering) of income, as well as methods of combating the legalization of proceeds from crime obtained by criminal means in order to improve and amend the legislation of the Russian Federation in this area.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, отмывание денег, уголовное право, национальная безопасность, ФАТФ.

Keywords: money laundering, money laundering, criminal law, national security, FATF.

Легализация преступных доходов представляет серьезную угрозу не только экономической безопасности Российской Федерации, как и любому другому отдельно взятому государству, но и мировой экономической стабильности в целом. В условиях глобализации финансовых рынков борьба с таким опасным видом экономической преступности приобретает более выраженные формы и требует использования эффективных методов, постоянно совершенствующихся в международном масштабе.

Актуальность исследования обусловлена активно нарастающим процессом глобализации мировой экономики, который влечет за собой увеличение масштабов экономической преступности, в том числе и легализации доходов, полученных преступным путем. Организация эффективной системы предотвращения и противодействия легализации преступных доходов, как в национальном, так и международном масштабах, способна существенно снизить мотивацию в получении таких доходов, выявлять и уничтожать источники их

происхождения, и, соответственно, сократить количество совершаемых противоправных действий. В этой связи предотвращение и противодействие легализации преступных доходов стало одной из важнейших задач как каждой отдельно взятой страны, так и всего международного сообщества.

Поскольку процесс легализации преступных доходов реализуется преимущественно, используя международные преступные связи, были созданы специальные международные организации, осуществляющие координацию работы в сфере предотвращения и противодействия такой деятельности, ключевой из них является Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF).

Наибольший интерес по противодействию отмыванию преступных доходов (далее ПОД) представляет опыт стран, чьи города признаны финансовыми столицами мира, где, в связи растущими объемами финансовых потоков, всегда найдутся компании или частные лица, которые будут стремиться использовать возможность для легализации (отмывания) денег, полученных незаконным путем. Опыт ПОД других стран может быть полезен для применения РФ с целью унификации своего национального законодательства и использования в правоприменительной практике.

В настоящее время мировыми финансовыми центрами признаны такие города как Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго, Бостон, Сан-Франциско в США, Шанхай и Гонконг в Китае, Осака и Токио в Японии, Цюрих и Женева в Швейцарии, Франкфурт в Германии и другие.

Основу национальных уголовных законодательств ПОД указанных стран составляют нормы, имплементированные из международных документов и

рекомендаций по ПОД. К таким документам на сегодняшний день относятся Конвенции ООН: «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» от 20 декабря 1988 г. (далее Венская Конвенция), «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 г. (далее Палермская Конвенция), «Против коррупции», от 31 октября 2003 г. (далее Меридская Конвенция). Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег ФАТФ (FATF, Financial Action Task Force) выступает стратегическим вектором ПОД, на основании которого, в перечисленных выше конвенциях, заложены основные положения ПОД.

Проведем анализ уголовных норм ПОД в некоторых странах, которые лидерами в области ПОД. Традиционно рассмотрение начнем с США, так как США является пионером становления ПОД.

США - самая мощная экономика в мире, новатор и активный международный игрок в борьбе с отмыванием денег, также имеет долгую историю борьбы с отмыванием денег внутри страны, начиная с мер по борьбе с организованной преступностью, войны с наркотиками и заканчивая, недавно принятым в целях борьбы с терроризмом, «Патриотическим актом». Однако американская модель ПОД недостаточно учитывает международное значение американского рынка и продолжает концентрироваться на стадии размещения отмывания денег с акцентом на контроль операций с наличными. Отмывание незаконно полученных денежных средств стало уголовно наказуемым в США после принятия в 1986 г. Закона «О борьбе с отмыванием денег».

Уголовное законодательство в отношении борьбы с отмыванием денег в США является строгим и грозит

длительными тюремными сроками, серьезными конфискациями, а также устанавливает жесткие требования к отчетности. Согласно параграфа 1956 Закона «О контроле за отмыванием денег» (Money Laundering Control Act) лицо несет ответственность за совершение финансовой сделки или попытку такой сделки с имуществом, зная, что это имущество является доходом от незаконной деятельности, а также скрывает или маскирует природу, нахождение, источник, владение или контроль над доходами от незаконной деятельности. Под ответственность также подпадает такие действия как транспортировка, перевозка, передача или попытка этих действий с доходами, полученными от незаконной деятельности с целью скрыть, замаскировать природу, нахождение, источник, владение или контроль над доходами от незаконной деятельности [3, с. 21]. С учетом, что данное преступление для США является достаточно серьезным, предусмотренное наказание является также суровым, учитывая его общественную опасность, либо штрафом до 500 тыс. долларов США, либо лишением свободы до 20 лет. Параграф 1957 не требует доказывания намерения и знания цели финансовой операции, а также от какого именно преступления производится совершение указанных действий с имуществом. Достаточно только того, лицо знает, что собственность приобретена в результате преступной деятельности, что упрощает процедуру уголовного преследования.

Ещё одним характерным моментом уголовных норм США в части ПОД, является то, что имеется определение термина «финансовая операция», который включает в себя: депонирование, снятие со счета, перевод, обмен валюты, заем, предоставление кредита, приобретение или продажа акций, облигаций,

сертификатов вклада или других денежных документов, использование личного банковского сейфа или любые другие выплаты, переводы или доставка путем, через или в финансовую организацию каким бы то ни было способом. Следует обратить внимание, что даже простая передача денег от одного лица другому с намерением скрыть источник, право собственности, местоположение или контроль над деньгами, считается финансовой операцией в соответствии с законом.

Таким образом, уголовные нормы ответственности в США за отмывание денежных средств, полученных незаконным путем, предусматривают наличие косвенного умысла и дают определение термину «финансовая операция». Уголовная ответственность и соразмерные, сдерживающие санкции за отмывание применяются к юридическим лицам, которые наказываются теми же уголовными и гражданскими штрафами. Уголовному наказанию подлежит любое лицо за сговор и покушение, а также, уличенное в пособничестве и в консультировании и подстрекательстве к совершению преступления.

К недостаткам уголовного закона, по нашему мнению, можно отнести то, что предметом преступления отмывания является только денежные инструменты или средства и достаточно ограниченный круг предикативных преступлений, без которых в США невозможно привлечь к ответственности за отмывание.

В литературе можно встретить аргументированное мнение о том, что российское законодательство ПОД представляет собой «существенно упрощенный и механически сокращённый перевод положений американского законодательства».

В ФРГ ответственность за отмывание денежных средств отражена в параграфе 261 Уголовного кодекса

Германии: «Отмывание денег; укрывательство незаконно полученных имущественных выгод». Согласно указанной норме, уголовной ответственности подлежит лицо, которое скрывает предмет, добытый в результате совершении противоправного деяния, утаивает его происхождение или препятствует установлению происхождения этого предмета, его местонахождения, конфискации, изъятию или сохранению такого предмета или угрожает совершить такие действия, а также приобретает для себя или для третьего лица, или хранит или использует для себя или другого лица, если ему было известно происхождение предмета в то время, когда он его приобретал. Также наказанию подлежит лицо за покушение на действия, перечисленные выше. Противоправными деяниями являются преступления и проступки. Совершение преступления предусмотрено как с прямым, так и с косвенным умыслом, который заключается в совершении противоправного деяния лицом по легкомыслию вследствие чего он не распознает, что предмет получен в результате совершения противоправного деяния.

Уголовным кодексом ФРГ также предусмотрено освобождение от уголовной ответственности лица, которое добровольно сообщит о деянии до момента полного его раскрытия правоохранительными органами. Максимальное наказание предусматривает лишение свободы сроком до десяти лет, если преступление совершено лицом в виде промысла или в качестве члена банды, которая организовалась для постоянного отмывания денег [2, с.288].

Другим интересным фактом германского законодательства является то, что, в отличие от российского, в немецком законе прямо прописано, что

предметы, полученные незаконным путем за пределами ФРГ, на территории ФРГ также признаются незаконными, что позволяет признать в качестве предикатных преступлений на территории ФРГ те деяния, за которые по уголовному закону ФРГ отсутствует ответственность. Тем самым немецкий законодатель полностью выполнил требование международных конвенций в данной части.

В качестве недостатка германского уголовного законодательства, по нашему мнению, является тот факт, что лицо, привлеченное к уголовной ответственности по предикатному преступлению, не подлежит привлечению за отмывание, а также то, что, законом предусмотрены основания по освобождению от уголовной ответственности за отмывание, что противоречит концепции международного сообщества по криминализации и ужесточении наказания за отмывание [5, с.460].

Подводя итоги анализа уголовного законодательства, рассмотренных стран установлено, что национальные законодательства имеют свои подходы ПОД, которые строятся на основе международного подхода ПОД и с учетом своих традиций и обычай. Наличие уголовной ответственности за отмывание в национальных законодательствах свидетельствует о признании указанного деяния общественно опасным, представляет угрозу безопасности финансовой, экономической и, как следствие, в политической сфере, а также угрозу безопасности сохранения мира и стабильности.

Ориентируясь на положительный опыт зарубежного уголовного законодательства по ПОД, нами предлагается: 1) рассмотреть в качестве субъекта преступлений о легализации (отмывании) не только

физическое, но и юридическое лицо; 2) рассмотреть возможность совершения преступлений не только с прямым, но и с косвенным умыслом и по неосторожности; 3) расширить нормы об уголовной ответственности за легализацию (отмывание) в пространстве путем внесения дополнения в ст. 174 (174.1) УК РФ следующего содержания: «…даже, если противоправное деяние не подпадает под юрисдикцию Российской Федерации, но является правонарушением в месте совершения…», что позволит привлекать лиц за легализацию (отмывание) незаконных доходов, полученных от преступлений, совершенных на территории других стран и не являющихся преступлениям на территории Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // СЗ РФ. - 2001. № 33 (часть I). - Ст. 3418.

2. Борисов, А. Н. Комментарий к Федеральному закону «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (постатейный) / А.Н. Борисов. - М.: Деловой двор, 2017. – 288 с.

3. Власова М.И. Противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма в США / М.И. Власова– М.: Издание Центра подготовки персонала Центрального банка Российской Федерации, 2008. – 21с.

4. Киселев, И. А. Борьба с отмыванием преступных доходов / И.А. Киселев. – М.: Юриспруденция, 2017. – 359 с.

5. Тосунян, Г. А., Викулин, А. Ю. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств в финансово-кредитной системе: Опыт, проблемы, перспективы: Учебно-практическое пособие / Г. А. Тосунян, А. Ю. Викулин, - М.: Дело, 2016. – 460 с.

6. Якимов, О. Ю. Легализация доходов, приобретенных преступным путем / О.Ю. Якимов. - М.: Юридический центр, 2017. - 200 с.

Волкова К.А., студент
Россия, ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», Санкт-Петербургский филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Петрова О.В.

Volkova K.A., student
Russia, Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Petrova O.V.

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ

ON THE QUESTION OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE

Аннотация:

Настоящая статья раскрывает природу принципа презумпции невиновности, его характерные особенности и тенденции в уголовном судопроизводстве. Представлены мнения и точки зрения ученых в области уголовного процесса на практику реализации принципа презумпции невиновности в уголовном процессе. По результатам работы выявлены некоторые проблемы реализации принципа презумпции невиновности, обоснованы и предложены рекомендации по их решению.

Abstract.

This article reveals the nature of the principle of the presumption of innocence, its characteristic features and trends in criminal proceedings. The opinions and points of view of scientists in the field of criminal procedure on the practice of implementing the principle of the presumption of innocence in the criminal process are presented. Based on the results of the work, some problems in the implementation of the principle of the presumption of innocence were identified, recommendations were justified and proposed for their solution.

Ключевые слова: презумпция невиновности, уголовный процесс, принципы уголовного судопроизводства, реализация принципов.

Key words: presumption of innocence, criminal procedure, principles of criminal proceedings, implementation of the principles.

Российская Федерация является демократическим государством. Это напрямую закреплено в Основном законе – Конституции Российской Федерации [1]. На значимость демократического характера государства и необходимость реализации основ его функционирования неоднократно обращал внимание Президент страны В.В. Путин [10].

Распространение демократических основ осуществляется по отношению ко всем институтам, отраслям, общественным отношениям. Не исключением является и уголовное судопроизводство. Целевым направлением уголовного судопроизводства является обеспечение необходимого уровня защищенности прав и свобод человека и гражданина от посягательств, угрожающих жизни, здоровью, государственным,

общественным и частным интересам. При более детальном анализе особенностей уголовного судопроизводства, необходимо отметить, что данный государственный институт обеспечивает организацию обоснованного привлечения виновных лиц к ответственности и ограждает невиновных лиц от преследования и ограничения их прав и свобод.

Реализация демократических основ уголовного судопроизводства обеспечивается посредством множества инструментов и механизмов. Совершенно особенными в данном случае выглядят принципы уголовного процесса, их совокупная система.

Принципы уголовного судопроизводства призваны заложить фундамент, основополагающие начала, в соответствии с которыми должны реализовываться все, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством процедуры. Цель принципов – обеспечить соответствие уголовного судопроизводства конституционно-правовым стандартам, сохранить баланс между уголовным преследованием и защитой прав участников уголовного процесса.

Одним из важнейших принципов уголовного судопроизводства выступает презумпция невиновности. Презюмируемая невиновность лица, подвергшегося уголовному преследованию, определяет его процессуальный статус на протяжении всего уголовного судопроизводства, является социальным и правовым основанием его прав в процессе, и, в идеале, должна исключать преждевременное и необоснованное обращение с ним как с преступником. Именно из презюмируемой невиновности обвиняемого проистекает безусловное требование обоснованности любого допускаемого в рамках уголовного процесса ограничения его прав и свобод.

Признаваемая, как на законодательном, так и на правоприменительном и научном уровне, презумпция невиновности, тем не менее, вызывает существенные вопросы – в контексте практики своей реализации, эффективности законодательного закрепления. До сих пор нет ясности относительно сущности данного принципа, особенностей его применения на различных стадиях уголовного судопроизводства. Имеется ряд значительных проблем правового регулирования и правоприменительной практики в сфере реализации принципа презумпции невиновности. На наличие данных проблем, в том числе, указывает практика деятельности Конституционного Суда Российской Федерации [4].

Представляется, что в сложившихся условиях выявление и конкретизация проблем правового регулирования и практики реализации принципа презумпции невиновности – актуальное и значимое направление исследования в области уголовного судопроизводства.

Одной из проблем видится позиция законодателя по конкретизации лиц, в отношении которых действует презумпция невиновности. И.В. Волкова называет данную проблему «парадоксом» и пишет о том, что «презумпция невиновности применяется только к лицам, обвиняемым в совершении противоправных действий, наказуемых законом. Таким образом, можно предположить, что презумпция актуальна только в ситуациях, когда человек действительно де-факто считается виновным» [7, с. 11]. М.Г. Решняк отмечает, что «невиновным считается человек, в отношении которого уже собраны достаточные доказательства совершения им преступления. С другой стороны, он считается невиновным до тех пор, пока его виновность

не установлена приговором суда. Получается некое противоречие» [9, с. 58].

На наш взгляд, с представленными мнениями можно согласиться лишь отчасти. С одной стороны, действительно, предусматривая при определении презумпции невиновности указание только на обвиняемого, законодатель оставляет за рамками целый ряд лиц, также участвующих в уголовном судопроизводстве со стороны защиты (подозреваемый, подсудимый). Нельзя забывать и о том, что международное право не включает институт привлечения в качестве обвиняемого, а термины «обвинение» и «обвиняемый» использует в широком смысле — как любая преследовательская деятельность. В многочисленных решениях ЕСПЧ отмечается, что термину «обвинение» должно придаваться содержательное, а не формальное значение, что «обвинение» может быть определено как «официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно наказуемое правонарушение» и что «сказалось существенным образом на положении (подозреваемого)» [2; 3 с. 388-389]. Более того, имеются лица, в отношении которых может вестись производство до возбуждения уголовного дела. В отношении данных лиц могут производиться отдельные следственные действия, иные процессуальные и поисковые мероприятия. Представляется, что действие презумпции невиновности должно распространяться и на них. С другой стороны, нельзя согласиться с той частью представленных выше позиций, согласно которым в закреплении презумпции невиновности обвиняемого имеется какое-либо противоречие. Как верно отмечает В.И. Радченко:

«Даже факты предъявления следователем лицу обвинения и утверждения прокурором обвинительного заключения не означают признания обвиняемого преступником. До вступления приговора в законную силу суждения о виновности лица не имеют окончательного юридического значения» [8, с. 45]. В этой связи, считаем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, закрепляющее презумпцию невиновности, нуждается в соответствующей корректировке. На наш взгляд, следует исключить указание на какую-либо одну или несколько категорий участников уголовного судопроизводства, заменив ее на более пространственную формулировку. На наш взгляд, таким образом будет обеспечен более широкий охват презумпции невиновности в контексте всех участников уголовного судопроизводства, в отношении которых оно ведется.

Еще одной проблемой видится отсутствие нормативной конкретизации границ действия принципа презумпции невиновности. Действующее законодательство закрепляет императив о единственности источника признания лица виновным. Таковым источником признается вступивший в законную силу приговор суда. Фактически, таким образом устанавливается граница действия принципа презумпции невиновности [6, с. 86-91]. В то же время, не совсем понятно, о каком именно решении суда идет речь. Является ли таковым решение суда первой инстанции? Если да, то как быть в ситуациях, когда данное решение было отменено? Нарушается ли в таких ситуациях принцип презумпции невиновности или нет? К сожалению, ответа на данный вопрос законодательство не содержит. На наш взгляд, на

сегодняшний день необходимо дополнение ч. 1 ст. 14 УПК РФ в целях уточнения границ действия принципа презумпции невиновности.

Таким образом, нужно отметить, что презумпция невиновности одновременно представляет собой гарантированное Основным законом право, процессуальную гарантию и принцип уголовного судопроизводства. В этом заключается значение рассматриваемого принципа.

Учитывая значимость презумпции невиновности, полагаем возможным обратить внимание на следующие направления по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в данной области.

Во-первых, следует исключить указание на какую-либо одну или несколько категорий участников уголовного судопроизводства, заменив ее на более пространственную формулировку. На наш взгляд, таким образом будет обеспечен более широкий охват презумпции невиновности в контексте всех участников уголовного судопроизводства, в отношении которых оно ведется.

Во-вторых, в связи с тем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не дает четкого ответа на вопрос о границах действия принципа презумпции невиновности, полагаем, что представленную выше схему их определения необходимо закрепить в действующем УПК РФ

В случае принятия указанных предложений, в ч. 1 ст. 14 УПК РФ будет необходимо внести следующие изменения: слово «обвиняемый» заменить на слово «каждый», слова «вступившим в законную силу» дополнить словами «до исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты».

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

2. По делу Девеер против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 27 февраля 1980 г. (п. 42).

3. По делу Экле против Федеративной Республики Германия : постановление ЕСПЧ от 15 июля 1982 г. (п. 73) // Европейский Суд по правам человека. Избр. решения : в 2 т. М., 2000. С. 388–389.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова» // Российская газета, 3 августа 2022 г. № 169.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 2022 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского» // Собрание законодательства Российской Федерации, 6 июня 2022 г. № 23 ст. 3912.

6. Борзунова, Н. Ю. Принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве и проблемы его реализации / Н. Ю. Борзунова, К. Л. Максимова, А. М. Цечоев // Социология и право. – 2020. – № 4(50). – С. 86-91.

7. Волкова И.В. Презумпция невиновности как контрфактуальный принцип // Передовые технологии современного гуманитарного знания: перспективы развития и модернизации: материалы всерос. науч.-практ. конф. (3 декабря 2021 г.) / Изд-во «Форпост науки». – Хабаровск, 2021. С. 11-16.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Под общей редакцией В. И. Радченко. М., 2015. 284 с.

9. Решняк, М. Г. Презумпция невиновности: понятие и сущность, социальная и юридическая природа возникновения / М. Г. Решняк // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2010. – № 2(17). – С. 58-62.

10. Государство и общество должны быть в гармонии // Российская газета URL: https://rg.ru/2020/10/22/putin-rasskazal-o-sile-gosudarstva-urokah-pandemii-i-nastoiashchej-demokratii.html (дата обращения: 15.08.2022).

Волокитина А.Ю., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А. С.

Volokitina A. Y., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

ОБОРОТ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБОРОТУ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

TURNOVER OF FALSIFIED MEDICINES: PROBLEMS OF COUNTERACTING THE TURNOVER OF FALSIFIED MEDICINES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация:

Охрана жизни граждан и их здоровья актуальна в любой период современных государств. Лекарственное обеспечение относится к важнейшим составляющим здравоохранения и занимает одно из важнейших мест в

решении глобальных вопросов национальной безопасности страны. Сущность криминальной угрозы лекарственной безопасности здоровья граждан заключается в фальсификации лекарственных средств, при этом, российский рынок весьма насыщена такими медикаментами. Проблема заключена в том, что фальсифицированные лекарственные средства легко конкурируют с легальными из-за низких цен.

Abstract.

The protection of life of citizens and their health is relevant in any period of modern states. Drug supply refers to the most important components of health care and takes one of the most important places in solving global issues of national security of the country. The essence of the criminal threat to citizens' health security is falsification of medicines, at the same time, the Russian market is quite saturated with such medicines. The problem is that falsified medicines can easily compete with legal because of low prices.

Ключевые слова: уголовно-правовое противодействие преступности в уголовном праве, производство, хранение, перевозка, сбыт товаров, обращение лекарственных средств.

Keywords: criminal law counteraction to crime in criminal law, production, storage, transportation, sale of goods, circulation of medicines.

Несовершенство уголовно-правового содержания ФЛС порождает не только трудности учета и контроля за распространенностью данных преступлений, но и правовую проблему. Без определения четких границ объекта уголовно-правового воздействия немыслимо

эффективное законодательство, включающее в себя адекватные уголовно-правовые средства противодействия рассматриваемому виду преступлений. Исходя из этих критериев, следует признать, что высказанные замечания и предложения, направленные на совершенствование норм законодательства, обеспечивают более высокий уровень противодействия обороту ФЛС уголовно-правовыми средствами [1, С. 112].

Под уголовно-правовым противодействием преступности в уголовном праве понимается деятельность по применению уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера к лицам, признанным виновными в совершении преступлений, а равно по их профилактике. Данная деятельность должна опираться на разработанные понятия «преступление» и «наказание», научно обоснованные объективные тенденции развития преступности, а также уголовно-правовые нормы. Для того, чтобы высказать замечания и предложения, необходимо провести анализ норм уголовного закона, применяемых для квалификации общественно опасных деяний в сфере оборота ФЛС. На российском фармацевтическом рынке ФЛС большое количество, однако, данные официальной статистки не отражали данный факт до 2014 года включительно из-за отсутствия в УК РФ специальной нормы, ныне ст. 238.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за совершение указанного преступления. В связи с этим правоохранительные органы не имели возможности прицельно противодействовать данному преступному явлению [2, С. 133].

На этом фоне отмечалась определенная неадекватность государственных мер по противодействию обороту ФЛС. Поэтому вполне

правомерно говорить о том, что оборот ФЛС как общественно опасное деяние ощутимо угрожает национальной безопасности государства и, в частности, здоровью населения, поскольку оно (государство) не может обеспечить действенную защиту права на лекарственную безопасность граждан и их здоровье. Важнейшим содержательным элементом уголовно-правового противодействия выступает установление круга преступных деяний путем выработки критериев преступного и наказуемого (криминализация) и исключение из круга преступлений деяний с учетом этих критериев (декриминализация). Предложение о необходимости включения в УК РФ специальной нормы, предусматривающей ответственность за ФЛС, впервые было обосновано в 2001 году в г. Москва на международной научно-практической конференции «Борьба с ФЛС в России». В отличие от других европейских стран уголовное законодательство России было слишком лояльно по отношению к производителям и продавцам фальшивых лекарств. До недавнего времени производители недоброкачественных и ФЛС привлекались к ответственности по ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка или сбыт товаров, не отвечающих требованиям безопасности», которая предусматривает штраф до 300 тыс. руб. или лишение свободы до двух лет. В большинстве случаев виновные наказывались штрафом.

В целях защиты жизни и здоровья населения был принят Федеральный закон от 31.12.2014 № 532-ФЗ, направленный на сокращение масштабов оборота фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных ЛС, а также медицинских изделий и биоактивных добавок. В

частности, в УК РФ появились три новые статьи, предусматривающие уголовную ответственность за указанные правонарушения.

Регулирование конкуренции закупок лекарственных препаратов требует пересмотра действующего законодательства с точки зрения достаточности мер ответственности. Это не просто экономические преступления, это преступления против жизни и здоровья людей. Сама мера ответственности должна отбивать охоту совершать такого рода преступления. Здесь вопрос не только в эффективности использования бюджетных средств, но и защиты и сохранности здоровья. Необходимо разработать систему профилактики и упреждения. Отметим на недавние послабления в сфере регулирования обращения фальсифицированных препаратов и медицинских изделий, которые, на наш взгляд, требуют пересмотра. Речь идет об изменениях в ст. 238.1 УК РФ (обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок), несколько смягчающих ответственность за подобные преступления. На такое предложение подталкивает количество данных нарушений медицинского законодательства в 2020 году: за прошлый год специалисты структуры выявили 87 тыс. нарушений, было внесено более 2 тыс. представлений, в суды заявлено 12 тыс. исков в защиту интересов пациентов, объявлено 4 тыс. предостережений, 22 тыс. человек привлечены к административной и дисциплинарной ответственности, возбуждено 24 уголовных дела.

Несмотря на, безусловно, прогрессивное значение рассматриваемого закона, нельзя не отметить, что

законодатель так и не нашел ответы на многие вопросы, которые возникали в ходе обсуждения законопроекта. И именно эти спорные моменты могут оказать существенное влияние на эффективность применения Закона о фальсификации в реальных правоотношениях.

Первая проблема – это содержание объективной стороны состава преступления. Трудности на данном этапе в первую очередь обусловлены специфической терминологией ФЗ «Об обращении лекарственных средств». В то же время необходимо было интегрировать понятийный аппарат в уголовное законодательство, которое, в свою очередь, в большей своей части оперирует уголовно-правовой терминологией. Подобная проблема, например, до сих пор остается актуальной для преступлений в экономической сфере: понятия, используемые в рамках данной главы УК РФ, зачастую не совпадают по своему содержанию с определениями аналогичных терминов, применяемыми в частноправовой сфере. Данная проблема затрудняет применение указанных норм на практике, а также приводит к возникновению парадоксальных ситуаций, когда криминализируются те деяния, которые являются законными с точки зрения гражданского права [3, С. 462].

Наибольшее количество вопросов вызывает понятие «обращение». Понятие «обращение лекарственных средств» раскрыто в ст. 4 ФЗ «Об обращении лекарственных средств» и включает в себя «разработку, доклинические исследования, клинические исследования, экспертизу, государственную, регистрацию, стандартизацию и контроль качества, производство, изготовление, хранение, перевозку, ввоз в Российскую Федерацию, вывоз из Российской Федерации, рекламу, отпуск, реализацию, передачу,

применение, уничтожение лекарственных средств». В Законе о фальсификации в понятие «обращение» (ст. 238.1 УК РФ) включено только производство, ввоз в Российскую Федерацию и сбыт фальсифицированных лекарственных средств. Очевидно, что предложенное понимание значительно уже определения, закрепленного в действующем законодательстве, что, в свою очередь, может привести к проблемам правоприменения новых норм. Например, исходя из буквального толкования, законодатель не криминализирует такие действия, как хранение, вывоз из Российской Федерации, перевозка, изготовление (отличное от производства в понимании ФЗ «Об обращении лекарственных средств»). Таким образом, все это оставляет большой простор для дальнейшего существования рынка фальсифицированных лекарственных средств в России [4, С. 243].

В то же время не стоит и чрезмерно расширять данное понятие, как это было сделано на стадии рассмотрения законопроекта о фальсификации в отношении административной ответственности. Предлагалось объективную сторону правонарушения описать как «действия в сфере обращения фальсифицированных лекарственных средств». Напротив, в этой ситуации (если толковать понятие в соответствии с действующим законом) административная ответственность должна была бы налагаться и за уничтожение выявленных фальсификатов, и за проведение контроля качества, и даже потребитель должен был бы привлекаться к ответственности за применение фальсификатов. В окончательной редакции Закона о фальсификации данная проблема была устранена, но, как и в случае с уголовной ответственностью, понятие «обращение

лекарственных средств» раскрыто недостаточно широко.

Список цитируемой литературы:

1. Берзинь, О. А. Криминалистические задачи по противодействию преступности в сфере производства и оборота фальсифицированных лекарственных средств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 15. – С. 111-116.

2. Венедиктов, А. А. К вопросу о способе совершения преступления, как элементе криминалистической характеристики незаконного обращения лекарственных средств // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности – 2018. – № 5. – С. 131-135.

3. Проняева А. В. К вопросу о криминалистической характеристике фальсификации лекарственных средств / А. В. Проняева // Молодой ученый. – 2021. – № 18 (360). – С. 462-464.

4. Рарог, А. И. Содержание преступного обращения ненадлежащей медицинской продукции / А. И. Рарог // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – № 10(2). – С. 243-259.

Гаврилова А.Ю., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Рыжикова И.Д.

Gavrilova A.Y., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Rishikova I.D.

О ЗАРУБЕЖНОМ ОПЫТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

ON FOREIGN EXPERIENCE IN COUNTERING LEGALIZATION (LAUNDERING) PROCEEDS OF CRIME

Аннотация.

В статье рассматриваются вопросы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, за рубежом. Проведен анализ деятельности в США и странах Европы.

Abstract.

The article deals with the issues of countering the legalization (laundering) of proceeds from crime abroad. The analysis of activities in the USA and European countries was carried out.

Ключевые слова: легализация преступных доходов; отмывание доходов, полученных преступным путем.

Key words: money laundering; laundering of proceeds from crime.

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, как преступление, весьма актуально для многих развитых и развивающихся экономик мира. Это преступление известно многим зарубежным уголовным кодексам и законам. В связи с этим большое значение приобретает зарубежный опыт выявления таких преступлений, их расследования, а также противодействия такому опасному явлению, как легализация преступных доходов. В настоящее время мы наблюдаем наличие не только зарубежного, но и международного законодательства, направленного на противодействие отмыванию грязных, преступных денег. Для России, безусловно, важным является изучение данного опыта с целью совершенствования национального законодательства. К сожалению, сегодня нельзя сказать точно, как будет и дальше осуществляться взаимодействие России и других государств на правовом международном поле. В связи с выходом из Совета Европы после начала проведения специальной военной операции в Украине, в России в январе 2023 года анонсирован отказ от ряда международных нормативных актов, конвенций, участницей которых была Российская Федерация.

Нельзя исключить, что это только начало процесса, а подобные меры коснутся и других международных актов в будущем. В рамках настоящей магистерской диссертации мы рассмотрим уголовное законодательство некоторых зарубежных стран в сфере противодействия легализации преступных доходов.

Следует отметить, что зарубежные государства строят свое законодательство на основе многих международных соглашений. Суть заключается в том, что исследуемое нами преступное деяние часто выходит за пределы территориальных государственных границ. Незаконно полученные денежные средства выводятся в другие страны, проходят через специально разработанную процедуру финансовых операций, приобретая в конце, условно говоря, «законный» вид. В странах, где банковская система наиболее развита, также развито и законодательство, и правоприменительная практика по борьбе с отмыванием денег.

Значительный опыт в настоящее время приобретен Соединенными Штатами Америки. Бороться с этим явлением там начали еще в семидесятые годы прошлого века. Также стоит отметить, что само понятие «отмывание» также пришло из США и вошло в уголовные законы многих стран, включая Россию.

Приведем интересный пример из американской судебной практики, который известен также историкам, изучающим историю организованной преступности. В 1931 году с участием присяжных заседателей в городе Чикаго в суде рассматривалось уголовное дело по факту совершения преступлений знаменитым гангстером Аль Капоне. Его признали виновным в неуплате налогов и назначили наказание — одиннадцать лет лишения

свободы. И здесь была выявлена одна серьезная проблема. Как оказалось, у Капоне нет денег, чтобы заплатить налоги, у него не было никаких легальных источников получения им денежных средств. Таким образом, несмотря на то, что он был привлечен к ответственности за совершение экономических преступлений, эта ответственность стала лишь частичной. Источники получения незаконного дохода нужно было легализовать, то есть источник платежа налога должен быть легальным. Именно в этом и проявился смысл «отмывания». Нужно легализовать источник дохода и уплатить с него налог. Тогда бы Капоне смог избежать уголовного преследования за их неуплату [2].

Таким образом, американская уголовная юстиция пришла к пониманию сильной зависимости отмывания преступных доходов и иных, сопутствующих преступлений. Но выявить эту зависимость и раскрыть иные, сопутствующие преступления оказалось очень сложной задачей. Здесь выявилась еще одна серьезная задача для американской юстиции — осознать, что отмывание преступных доходов представляет повышенную общественную опасность, является ключевым способом уклонения от ответственности за экономические преступления отдельными лицами или преступными группами. Именно это дало все основания считать легализацию преступных доходов самостоятельным преступлением.

Именно эта повышенная общественная опасность легализации способствовала существенному ужесточению уголовной ответственности за подобные преступления. Кроме того, было обращено внимание на тот факт, что при создании международных связей с другими государствами в финансовой сфере, возможен

экстерриториальный характер легализации. Это вызвало опасения, что вред финансовой система Соединенных Штатов может наноситься даже за пределами их юрисдикции.

Проблема легализации преступных доходов стала, по сути, вопросом национальной безопасности. Конгресс утвердил основные законы, повлиявшие впоследствии на финансовую политику не только США, но и Европы. Эти законы коснулись контроля за организованной преступностью, за распространением наркотических средств, а также банковской тайны.

Следует отметить, что банковское законодательство США также проходило свои пути развития. Банки долго сохраняли свою независимость от государства. Например, по запросу правоохранительных органов они не выдавали информацию о своих клиентах. Но данная практика оказалась порочной, поскольку во многих случаях банки покрывали легализацию доходов своих клиентов, которые те имели от преступной деятельности. Информация о счетах и банковских операциях оставалась тайной. Только в 1995 года, спустя шестьдесят с лишним лет был принят закон о мерах, направленных на борьбу с фальсификацией документов и операций в банковской сфере, а также на борьбу с легализацией преступных доходов [2].

Что касается европейских государств, нетрудно предположить, что законодательство по противодействию легализации в Европе появилось позже американского. Собравшись в 1998 г. в Базеле на заседании стран Большой семерки, их представители — руководители центральных банков — приняли «Декларацию по принципиальным положениям, относящимся к отмыванию доходов от криминального бизнеса». Именно эта декларация установила основные

правила для борьбы с легализацией денег через банковские системы государств-участников.

Правила обязывали установить личности клиентов банков, соблюдать неукоснительно законодательство о банковских операциях, не участвовать в сомнительных сделках и сотрудничать с представителями правоохранительных систем [3; 84].

Своей задачей, как государства, так и банки видели недопущение потери доверия клиентов банков. Если бы такие меры не были приняты, банки потеряли бы репутацию, поскольку считались состоящими в связи с преступным сообществом.

Большинство государств мира установили в своих уголовных законах (кодексах) ответственность за легализацию преступных доходов.

Учитывая, что есть государства с достаточно жесткой охраной банковской тайны, они также не отказались от сотрудничества с мировым сообществом. Это, в первую очередь, Швейцария и Люксембург.

В последние десятилетия все большее внимание уделяется коллективной экономической безопасности. В этом направлении строится экономическая политика Европейского Союза, стран-кандидатов и стран-ассоциированных членов с Европейским союзом. Значительное внимание уделяется актам ООН и Организации экономического сотрудничества и развития.

К ряду международных правовых документов присоединилась Российская Федерация. Так, ею в 2001 г. была ратифицирована Конвенция Совета Европы от 8 ноября 1990 г. «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» [4].

В настоящее время президент РФ В.В. Путин внес в Госдуму законопроект, которым предлагается

прекратить действие в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы [1]. Пока в этом перечне нет вышеуказанной конвенции, однако есть Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 года. Полагаем, что в недалеком будущем станет известна судьба и других международных договоров, включая Конвенцию об отмывании доходов от преступной деятельности.

Сегодня легализация преступных доходов стала международным, транснациональным преступлением. Задача преступников состоит в том, чтобы сначала вывести деньги из страны, а уже потом легализовать их на территории другого государства.

Рассмотрим основные направления борьбы с легализацией преступных доходов в Европе.

Первой страной, которая ратифицировала Конвенцию Совета Европы об отмывании преступных доходов, стала Великобритания. Это произошло в 1990 году. С целью исполнения требования Конвенции в Великобритании принимается ряд законов. Среди них закон, устанавливающий ответственность за отмывание доходов, полученных как результат любого преступного деяния; а также Положение о противодействии легализации преступных доходов. Данный акт установил контрольные процедуры, касающиеся банковской сферы, а также процедуры взаимодействия с представителями правоохранительной системы. Так, банковский работник обязан сообщить правоохранителям, если сделка или операция кажутся ему сомнительными, или же сомнение вызывает переводимая сумма. Также в Великобритании учреждена специальная должность в финансовых учреждениях — инспектор по контролю за недопущением отмывания денег. Если же банковский

работник откажется от информирования правоохранительных органов, то это расценивается как преступное бездействие, за которое установлена уголовная ответственность. В данном случае речь идет о специальном субъекте преступления. Но есть варианты и с общим субъектом. Так, это может коснуться любого лица, которое предполагает, что некие денежные средства получены в результате совершения преступления, однако не сообщает о своих подозрениях. Ответственность за недонесение, по нашему мнению, слишком строга и составляет до пяти лет лишения свободы [5].

Активно с отмыванием преступных денег ведется борьба в Германии. Там действует закон о выявлении доходов, полученных преступным путем. Под легализацией преступных средств, согласно германскому законодательству, понимается укрытие или создание источников происхождения ценностей. К ним относятся не только денежные средства, но и драгоценные металлы, ценные бумаги и т.п. Также, как и в Великобритании, в Германии обязательным является уведомление правоохранителей о всех подозрительных финансовых операциях. Эти обязанности возложены не только на банковских работников, но и на представителей других профессий: адвокатов, нотариусов, бухгалтеров, финансовых консультантов, арбитражных управляющих и т.п. Полагаем, что такая практика является правильной. Так, во многих сферах общественной жизни включаются механизмы противодействия незаконной легализации преступных доходов. Полагаем также, что и в России следует закрепить подобную практику. Предвидя, что у такого предложения есть множество противников, так как оно не соответствует ни российскому менталитету, ни

юридической технике формулирования уголовно-правовых норм. Однако в силу высокой общественной опасности исследуемого преступления следует перейти и к применению подобных мер.

В Германии в структуре исполнительной власти действует Федеральное ведомство уголовной полиции, оно занимает высшее положение по сравнению с органами полиции на региональном уровне (на уровне земель). Данное ведомство полномочно проводить расследования за рубежом фактов, указывающих на легализацию доходов. Также могут привлекаться и иные органы, например таможенная служба [5].

Рассмотрим практику противодействия легализации преступных доходов во Франции. Аналогичным образом во Франции осуществляется контроль за подозрительными финансовыми операциями и нетипичными сделками, проводимыми в отсутствии экономического обоснования. Учетные документы по всем сделкам и операциям в обязательном порядке хранятся в течение пяти лет; постоянно проводится обучение банковских работников и работников кредитных организаций.

Клиенты банков и финансовых организаций проверяются самым тщательным образом. Особый интерес представляют ситуации, когда отсутствует связь между лицом, управляющим счетом и владельцем счета. Особо тщательно проверяются юридические лица, их фактические адреса, род деятельности, цели деятельности, заявленные в учредительных документах. Также повышенное внимание уделяется сделкам на сумму более восьми тысяч евро.

Основные органы, задействованные в противодействии легализации, это — Французская

банковская комиссия, органы финансовой разведки (действуют с 1990 года) и главный банк страны.

В Италии контроль за законностью денежных средств и иного имущества начал осуществляться раньше, чем во многих других европейских странах. Италия — это государство, в котором прочные корни пустила организованная преступность. В восьмидесятые годы двадцатого столетия начинает действовать закон «О борьбе с мафией». Этот закон сделал возможной проверку счетов лиц, причастных к членству в мафии, а также проведение расследования по произведенным ими финансовыми операциям.

Затем, в 1990 г. принимается закон, регулирующий деятельность финансовых и кредитных институтов государства. Обязательной регистрации подлежали операции, превышающие сумму в двадцать миллионов лир.

Также законодательством Италии в 1990 году была установлена уголовная ответственность за операции по легализации преступных денег на сумму более двадцати миллионов лир, и что важно, — впервые в законодательство был введен термин «преступная организация «мафия».

Легализация преступных доходов наказывается в Италии лишением свободы на срок до 12 лет и большим денежным штрафом. Предусмотрен специальный субъект — лицо, использующее свое должностное положение.

Следует заметить, что Италия является государством, в котором запрещены ценные бумаги на предъявителя. Эксперты полагают, что это значительно снижает возможность легализации преступных доходов.

В Италии, также как и во Франции, действуют органы финансовой разведки. Это структурное подразделение главного банка страны [5].

Ключевой задачей органов финансовой разведки являются предупреждение и противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма средствами финансового анализа.

Расследование по выявленным финансовым операциям проводит орган, именуемый как финансовая гвардия, которая подчиняется Министерству финансов и одновременно Генеральному штабу Вооруженных сил.

Финансовая гвардия проводит следственные действия, расследуя финансовые и налоговые преступления. В этом отношении она похожа не действовавший ранее в Российской Федерации такой орган, как Налоговая полиция, которая была упразднена двадцать лет назад.

К полномочиям Финансовой гвардии относятся также оперативно-розыскные мероприятия и выявление контрабанды.

Похожая практика существует и в Испании. Деятельность по противодействию легализации преступных доходов курирует Центральный банк Испании. В него направляются все отчеты по работе с подозрительными клиентами, отчеты о разовых операциях лиц, не являющихся клиентами, данные внутреннего учета и т.д.

В Испании действует Комиссия по вопросам предотвращения легализации капиталов, целью которой является контроль за деятельностью кредитно-финансовых институтов королевства. В состав комиссии входят представители Главного казначейского управления, Центрального банка, Национальной

комиссии рынка ценных бумаг, а также полиции, гражданской гвардии, налоговой и таможенной служб [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Соединенные Штаты Америки и страны Европы накопили значительный опыт в противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов, вывели на достойный уровень законодательство, оказывают помощь при расследовании преступлений, совершенных за пределами государств. Накоплена значительная научная база, собрана богатая правоприменительная практика. Общим выводом к данному параграфу является следующее: для противодействия легализации преступных доходов нужно взаимодействие, поскольку преступность вышла на транснациональный уровень.

Список цитируемой литературы:

1. Законопроект, инициированный Президентом Российской Федерации В.В. Путиным № 279220-8 о прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы. — URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-ag-proanalizirovali-zakonoproekt-o-prekrashchenii-deystviya-mezhdunarodnykh-dogovorov-sovet/

2. Кривов, А.В. Уголовно-правовое противодействие легализации активов, приобретенных преступным путем. - Автореферат дис... канд. юрид. наук. – М.: 2022.

3. Рудая Т. Ю. Зарубежный опыт в сфере борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем // Юристъ – Правоведъ. 2012. № 6. С. 83–86.

4. Портал правовой информации Государственной Думы Российской Федерации. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/279220-8

5. Противодействие легализации преступных доходов в Европе – Методический журнал «Международные банковские операции». — URL: http://www.reglament.net/bank/mbo/2009_5_article.htm

Ганосова А.С., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: Старший преподаватель
В.М.Шагунова

Ganosova A.S., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer
V.M. Shagunova

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАРАНЕЕ НЕ ОБЕЩАННОГО УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ
SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION IN ADVANCE NOT PROMISED CONCEALMENT OF CRIMES

Аннотация

В настоящей статье проводится анализ практики применения ст.316 УК РФ, рассматриваются проблемные вопросы, связанные с квалификацией заранее не обещанного укрывательства преступлений, определением отграничительных признаков этого преступления от других видов преступной деятельности, а также делается вывод о необходимости принятия нового постановление Пленума Верховного суда РФ, посвященного обобщению судебной практики по данным преступлениям, содержащего рекомендации

по актуальным вопросам их квалификации, для сокращения количества ошибок в правоприменительной деятельности. Полученные выводы могут использоваться для разработки предложений по совершенствованию уголовного законодательства, обеспечивающего охрану интересов правосудия, в целом, и нормы, предусматривающей ответственность за заранее не обещанное укрывательство, в частности

Abstract

This article discusses the problematic issues connected with qualification of in advance not promised concealment of crimes, delimitation this crime from other types of criminal activity, and also the conclusion about the necessity of a new decision of the Supreme Court of the Russian Federation for the generalization of judicial practice on these crimes, containing recommendations on topical issues of their qualifications, for reduction the number of mistakes in law-enforcement activity

Ключевые слова: заранее не обещанное укрывательство преступлений, квалификация заранее не обещанного укрывательства, отграничение от недонесения о преступлении, прикосновенность к преступлению

Keywords: in advance not promised concealment of crimes, qualification of in advance not promised concealment of crimes, delimitation of the non-reporting of crime, the implication in the crime

Проведенный анализ судебной практики применения ст.316 УК РФ об укрывательстве преступлений показывает, что у правоохранительных органов и судов возникают затруднения в применении этой нормы. Это, в свою очередь, нередко приводит к

ошибкам при квалификации данного общественно опасного деяния.

Не касаясь вопросов отграничения заранее не обещанного укрывательства преступлений от пособничества [4], отметим некоторые вопросы квалификации рассматриваемого деяния, вызывающие затруднения на практике.

Одна из распространенных ошибок, допускаемых как следственными органами, так и судами общей юрисдикции при квалификации укрывательства преступлений, связана с вопросом отграничения укрывательства от недонесения.

Так, в описательной части приговора Дзержинского районного суда г. Волгограда указано: «Помогайдин, достоверно зная, что Марочкин и Симонов совершили особо тяжкое преступление – вымогательство квартиры потерпевшего, не являясь близким родственником Марочкина и Симонова, не заявил о совершенном данными лицами преступлении в правоохранительные органы». О наличии каких-либо других действий, составляющих объективную сторону заранее не обещанного укрывательства преступлений, совершенных Помогайдиным указано не было.

Коллегия Волгоградского областного суда приговор суда первой инстанции в части, касающейся осуждения по ст.316 УК РФ, отменила и производство по делу прекратила за отсутствием состава преступления, признав за Помогайдиным право на реабилитацию.

Во многих изученных нами уголовных делах и приговорах судов, правоприменитель указывает на несообщение о совершении другими лицами преступления как на одно из объективных проявлений укрывательства. Обоснованно ли подобное понимание

этого преступления? Решение этого вопроса связано, прежде всего, с определением возможности совершения укрывательства путем бездействия. Например, лицо, совершившее убийство, оставляет орудие преступления, добытые им предметы и т.п. в помещении, принадлежащем своему знакомому. Тот, понимая происхождение данных предметов, не препятствует в этом из-за дружеских чувств, из-за страха или по другим соображениям и, впоследствии, не сообщает об этом органам правопорядка. Можно ли указанное бездействие квалифицировать как укрывательство? На наш взгляд – нет. В данном случае состав преступления отсутствует.

По-нашему мнению, если хозяин предоставил помещение для сокрытия этих предметов, выразив свое согласие словесно или в форме конклюдентных действий – налицо укрывательство преступления. Аналогично надо оценивать ситуацию, когда лицо обнаруживает у себя орудие, средства или предметы, имеющие отношение к преступлению, укрытые ранее основным преступником, достоверно зная об их происхождении, бездействует, т.е. оставляет их у себя до того, как их заберет основной преступник. В данном случае речь не может идти об укрывательстве, хотя имеются и противоположные мнения.

Еще с дореволюционных времен преобладающей являлась точка зрения, что укрывательство может совершаться только путем активных физических действий по сокрытию преступления. Толковые словари русского языка также объясняют «сокрытие» как процесс действия по смыслу глагола сокрыть: скрыть, утаить. Нашу точку зрения поддерживает большинство опрошенных нами специалистов.

Следующая актуальная проблема связана с возложением ответственности за укрывательство на лиц, преследующих цель сокрытия совершенного ими другого преступления.

Так, приговором Лыткаринского городского суда Московской области лицо признано виновным в совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, опасного для его жизни, группой лиц, а также в заранее не обещанном укрывательстве особо тяжкого преступления – убийства этого лица.

Проверив в кассационном порядке материалы дела, Московский областной суд отменил приговор Лыткаринского городского суда в части осуждения по ст.316 УК РФ, указав следующее: «Суд не учел, что осужденный был не только очевидцем лишения жизни потерпевшего, но и принимал участие в причинении ему тяжкого вреда здоровью, которое было совершено непосредственно перед его убийством. Таким образом, он, помогая укрывать убийство, скрывал тем самым и свое преступление, связанное с причинением группой лиц тяжкого вреда здоровью».

Подобные ошибки в квалификации, прежде всего, связаны с неправильным пониманием уголовно-правовой природы заранее не обещанного укрывательства как формы прикосновенности, которая может быть только при совершении основного преступления другими лицами. Прикосновенность к собственному преступлению уголовно ненаказуема. Лицо не подлежит уголовной ответственности за укрывательство собственного преступления, так как «преступный акт включает в себя не только совершение преступления, но и сокрытие преступления» [5].

Таким образом, действия, выполненные лицом для сокрытия собственного преступления, если им предшествовало совершение, либо непосредственное участие в совершении другого преступления, не образуют заранее не обещанного укрывательства.

Касаясь вопросов квалификации заранее не обещанного укрывательства, необходимо отметить, что предварительная преступная деятельность, т.е. приготовление и покушение на укрывательство, с точки зрения теории уголовного права, вполне возможна. При этом добровольный отказ от совершения заранее не обещанного укрывательства возможен лишь при отказе от выполнения действий, составляющих объективную сторону данного деяния, после дачи обещания укрыть преступника или основное преступление. После выполнения хотя бы одного действия, непосредственно направленного на сокрытие преступника или преступления, может иметь место лишь деятельное раскаяние.

Укрывательство является оконченным с момента совершения любых действий по сокрытию преступника или преступления. При этом состав является оконченным независимо от того, была ли виновным фактически достигнута цель укрывательства. Связывание момента окончания этого преступления с действительным осуществлением указанной цели является неправильным.

Большое значение для правильной квалификации заранее не обещанного укрывательства по признакам субъективной стороны, имеет установление содержания умысла укрывателя.

Лицо может быть привлечено к ответственности только за укрывательство того преступления, характер которого охватывался его умыслом. Например, если по

обстоятельствам дела виновный осознавал, что им укрывается причинение смерти по неосторожности, тогда как на самом деле было совершено убийство, то он вообще не может быть привлечен к уголовной ответственности, поскольку укрывательство умышленного убийства не охватывалось его умыслом, а укрывательство причинения смерти по неосторожности ненаказуемо. В тех случаях, когда укрываемое преступление отягощено квалифицирующими признаками, сознание укрывателя должно охватывать и эти признаки, в обратном случае уголовная ответственность за укрывательство не наступает.

Нельзя поспорить с тем, что определить тяжесть преступления, особенно по квалифицирующим признакам могут только лица, имеющие специальное образование. В связи с этим, многие исследователи настаивают на позиции, согласно которой необходимый для привлечения к уголовной ответственности минимум осведомленности укрывателя должен заключаться в знании им рода совершенного преступления. По их мнению, «требование знания виновным того, что он укрывает именно особо тяжкое преступление, является требованием знания самого закона и умения дать юридическую оценку исходному преступлению, т.е. квалифицировать его» [7]. На наш взгляд, данная точка зрения является приемлемой только в отношении преступлений, неквалифицированные виды которых относятся к категории особо тяжких (в УК их немного). Знание субъекта о преступлении, уголовная ответственность за укрывательство которого наступает только при наличии квалифицирующих признаков, обязательно должно включать и знание квалифицирующего обстоятельства.

Так, например, при оценке субъективной стороны укрывательства преступления, предусмотренного п. «д» ч.2 ст.126 УК РФ (Похищение несовершеннолетнего), знание укрывателем о несовершеннолетии похищаемого лица является обязательным для установления. Принятие во внимание лишь общей осведомленности о факте похищения, является недостаточным для наступления уголовной ответственности за укрывательство этого преступления. Игнорирование этого обстоятельства ведет к объективному вменению. По мнению автора, расширение категорий преступлений, за укрывательство которых наступает уголовная ответственность, устранило бы эту проблему, сделав достаточным осознание виновным общественной опасности своего поведения, того, что своими действиями он препятствует осуществлению правосудия и создает благоприятные условия для осуществления преступной деятельности.

Определенные вопросы на практике вызывает квалификация укрывательства, совершенного несколькими лицами. В 48 % изученных нами уголовных дел укрывательство совершено в соучастии, для которого наиболее распространена простая форма, а именно − соисполнительство. Сложное соучастие для заранее не обещанного укрывательства нехарактерно, т.к. подстрекателями и организаторами укрывательства, как правило, выступают лица, совершившие основное преступление. Хотя, встречаются и случаи, когда желание совершить данное преступление возбуждают другие лица. Но они, как правило, в дальнейшем участвуют в выполнении объективной стороны. Так, Соломин, Ермоченков, Шевцов и Бурцев распивали спиртные напитки в квартире, принадлежащей

Соломину. В процессе распития между Соломиным и Бурцевым произошла ссора, в ходе которой у Соломина возник умысел на убийство Бурцева. Соломин предложил Бурцеву поехать домой на мотоцикле. После этого Бурцев, Соломин и Шевцов, который не был посвящен в преступные намерения Соломина, на мотоцикле поехали в направлении Шахты №6 Узловского района Тульской области. По дороге Соломин остановил мотоцикл и, имея умысел на убийство, нанес Бурцеву множественные удары лопатой в область головы и шеи, отчего последний скончался на месте. Далее Соломин попросил Шевцова, бывшего очевидцем убийства, закопать труп с целью сокрытия совершенного преступления. Шевцов, решив, что одним им с Соломиным не справится, вернулся на мотоцикле в квартиру, где уговорил Ермоченкова оказать помощь в укрытии трупа, после чего они вернулись на место происшествия и произвели закапывание трупа. Таким образом, Швецов совершил подстрекательские действия на совершение укрывательства Ермоченковым, но из-за последующего участия в выполнении действий, составляющих объективную сторону данного преступления, он тоже будет соисполнителем.

Следует обратить особое внимание на квалификацию укрывательства, совершенного несколькими лицами, при котором это деяние выполняется супругом или близким родственником основного преступника, а другое лицо, не обладающее указанными признаками, организует или возбуждает желание на его совершение. Согласно примечанию к ст.316 УК, лицо не подлежит уголовной ответственности за укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником. Следовательно, такие случаи нельзя

признать соучастием из-за отсутствия его количественного признака. Они должны рассматриваться как посредственное причинение. Виновного, не являющегося супругом или близким родственником, следует признать исполнителем заранее не обещанного укрывательства.

Некоторые сложности представляет вопрос квалификации заранее не обещанного укрывательства продолжаемых и длящихся преступлений. Следует согласиться с рядом исследователей, считающих не вполне обоснованным отнесение заранее не обещанного укрывательства продолжаемого и длящегося преступления к соучастию в преступлении, без учета субъективной стороны деяния укрывателя [3]. Если лицо, оказывая содействие преступнику в укрывательстве совершающегося преступления, осознает длящийся характер основного (укрываемого) преступления, то квалифицировать его деяние следует как соучастие в этом преступлении. Например, лицо принимает на хранение огнестрельное оружие, которое ему передает другое лицо для того, чтобы избежать ответственности, такие действия будут рассматриваться как соисполнение основного преступления, в данном случае незаконного хранения оружия. Если деяние укрывателя не будет охватываться объективной стороной состава длящегося преступления, то оно будет образовывать пособничество в его совершении.

Квалификация укрывательства продолжаемого преступления аналогичным образом зависит от содержания умысла лица. Если лицо, укрывая неоконченное продолжаемое преступление, осознает, что оно является частью ряда тождественных деяний, направленных на достижение единой преступной цели, то его поведение следует квалифицировать как

соучастие в этом продолжаемом преступлении. В противном случае – как заранее не обещанное укрывательство.

Рассмотрение некоторых вопросов квалификации заранее не обещанного укрывательства преступлений и практики применения нормы, предусмотренной ст.316 УК РФ показало, что затруднения связаны, как с неправильным пониманием и установлением объективных и субъективных признаков укрывательства, так и с применением законодательно закрепленных, а также выработанных доктриной уголовного права и судебной практикой правил квалификации. Весомый вклад в сокращение количества подобных ошибок, могло бы внести новое постановление Пленума Верховного суда, посвященное обобщению судебной практики по данным преступлениям и содержащее рекомендации по актуальным вопросам их квалификации.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (в ред. от 01 июля 2020 г.) // Рос. газета. 1993. 25 дек.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. Ст. 2954.
3. Баймурзин Г.И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата, 1968. 257 с.
4. Бобраков И. А. Уголовно-наказуемое укрывательство преступлений : монография. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2023. 92 с.

5. Князьков А.А. Теория и практика квалификации преступлений : учебное пособие. Ярославль : ЯрГУ, 2018. 100 с.
6. Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Ленинград,1957. 129 с.
7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общ. Тула: Автограф, 2001. Т.1.754 с.
8. Эсенбаев Н.Б. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство по законодательству Кыргызской Республики: дисс…канд. Юрид. наук. М., 2006. 187 с.

Гасанова А.К., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Краснодарский университет
МВД России», Ставропольский филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Прокопенко Н.А.

Gasanova A.K., student
Russia, Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Stavropol branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate
Professor
Prokopenko N.A.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПОДДЕЛКИ ПОДПИСИ

MODERN TECHNICAL METHODS OF SIGNATURE FORGERY

Анотация.

В статье рассмотрены наиболее распространенные на данный момент способы технической подделки подписи, детально описаны их признаки и методы выявления. Сделан вывод, что подпись как один из основных реквизитов документов может осуществлять свою удостоверительную функцию лишь тогда, когда она выполнена именно тем лицом, от имени которого оставлена. Успешное выполнение задач исследования и идентификации подделок подписи напрямую зависит от оснащения экспертных подразделений современным криминалистическим оборудованием.

Abstract.

The article discusses the currently most common methods of technical forgery of a signature, describes in detail their features and methods of detection. It is concluded that a signature, as one of the main details of documents, can perform its certifying function only when it is performed by the person on whose behalf it was left. The successful completion of the tasks of researching and identifying signature forgeries directly depends on equipping expert units with modern forensic equipment.

Ключевые слова: судебная экспертиза, документ, подпись, техническая подделка подписи, заключение эксперта.

Keywords: forensic examination, document, signature, technical forgery of signature, expert conclusion.

Как известно, совершение преступлений определенных категорий (мошенничество, присвоение или растрата чужого имущества, незаконное предпринимательство, уклонение от уплаты налогов и т. п.), а также любых нотариальных действий, проведение банковских операций обычно связано с использованием документов, среди обязательных реквизитов которых значится подпись (графическое начертание, которое обозначает личность его исполнителя и выполняется им с целью удостоверения фактов, событий и др.)

Однако подпись может осуществлять свою удостоверительную функцию лишь тогда, когда он выполнен именно тем лицом, от имени которого значится.

В условиях стремительного развития средств оперативной полиграфии подпись остается едва ли не единственным рукописным элементом в современном документообороте, что предопределяет чрезвычайную

актуальность ее исследования как объекта судебной экспертизы.

Сегодня кроме традиционной подделки подписей с подражанием «на глаз», «по памяти», после предварительной тренировки) злоумышленники очень часто прибегают к технической подделке подписей в документах с целью придания им максимального сходства к аутентичной подписью. Используя различные технические приемы, они могут воспроизводить оригиналы любых подписей с большой точностью.

Несмотря на основательные научные результаты, полученные учеными-криминалистами, вопросы всестороннего исследования способов технической подделки подписей и систематизации их характерных признаков нуждаются в более детальной проработке, учитывая неуклонный процесс усовершенствования технических средств, которые правонарушители используют для этих целей.

В общем понимании техническая подделка подписи представляет собой механическое копирование с применением определенных средств и приспособлений настоящей подписи-оригинала. Несмотря на то, что по скопированной подписи нельзя сделать вывод о степени сформированности письменно-двигательного навыка, еще на стадии раздельного исследования судебной почерковедческой экспертизы подпись исследуют с целью определения наличия подделки ее с помощью любого технического средства. Ввиду того, что в случае технической подделки подписи выявить даже отдельные признаки почерка исполнителя обычно невозможно, а, следовательно, и отождествить личность исполнителя очень сложно, основной задачей технического исследования подписи прежде всего

является установление факта технической подделки, а также ее способа.

Среди основных способов подделки подписи можно назвать:

- воспроизведения подписи путем карандашной подготовки с последующей обводкой;
- копирование подписи через копировальную бумагу;
- копирование подписи передавливанием по штрихам ее оригинала (подлинной подписи);
- копирование подписи на просвет;
- влажное копирование;
- использованиее рельефного клише (факсимиле);
- проекционный способ с использованием пантографа;
- использование копировально-множительной техники.

Лицо, подделывая подпись, постоянно контролирует этот процесс, вследствие чего пишет медленно, часто отрывает пишущий прибор от бумаги, подрисовывает штрихи, вносит в выполненные штрихи изменения [1, с. 406].

Воспроизводя подпись путем карандашной подготовки с последующей обводкой, подлинную подпись перерисовывают остро заточенным карандашом, а затем обводят красящим веществом. Для этого способа подделки характерны такие признаки как замедленность движений во время выполнения штрихов-обводок в виде излома, извилистости и искривления прямолинейных штрихов, угловатой формы овалов и полуовалов; наличие немотивированных остановок пишущего прибора в виде тупых начал и окончаний штрихов; сдвоенность штрихов; наличие остатков карандашных штрихов, а

также следов их подчистки. Микроскопическое исследование при увеличении в 40 крат позволяет выявить морфологию штрихов и частиц красящего вещества, а именно в штрихах графитного карандаша – светлые бороздки от твердых включений в стержне, четко очерченные границы штриха, распределение красящего вещества карандаша в направлении его движения во время написания, кристаллическую структуру частиц графита. Кроме того, в косых лучах света в штрихах наблюдают характерный блеск и неравномерно размещенные в виде отдельных частиц – «чешуйки» красящего вещества [2, с. 156].

При копировании подписи через копировальную бумагу, документ с настоящей подписью кладут на копировальную бумагу и затем на поддельный документ. Настоящую подпись обводят легким нажатием заостренного предмета, копируя контуры подписи, которую затем обводят пишущим прибором (некоторые штрихи при этом не перекопируются из-за слабого нажатия). Этому способу подделки присущи следующие признаки: замедленность темпа движения; большая интенсивность окрашивания штрихов подписи; неполное совмещение штрихов, выполненных через копировальную бумагу, со штрихами обводки; наличие частиц красящего вещества копировальной бумаги; наличие следов механического удаления красящего вещества копировальной бумаги.

Способ копирования подписи передавливанием по штрихам ее оригинала подобен к описанному выше: документ с подписью накладывают на поддельный документ, а копирование проводят нажатием, обводя подлинную подпись любым заостренным предметом (при этом часто используют подложку). Контур подписи в виде углубленных штрихов обводят пишущим

прибором. Следы рельефа, образовавшиеся на обороте листа бумаги, маскируют заглаживанием.

Основными признаками этого способа подделки подписи можно считать: замедленность темпа движений в штрихах; наличие вдавленных бесцветных штрихов; неполное совмещение вдавленных штрихов со штрихами обводки; наличие следов маскировки рельефных штрихов (заглаживание, блеск).

Самый простой метод выявления этого способа подделки – фотосъемка в косо падающем освещении (с наименьшим углом падения лучей).

Копируя подпись «на просвет», поддельный документ накладывают на документ с подлинной подписью, которую потом обводят. Когда бумага поддельного документа достаточно прозрачна, подпись копируют без каких-либо предварительных операций, а если непрозрачна, копирование осуществляют перед ярким источником света.

К основным признакам, характеризующим этот способ подделки подписи, относятся: замедленность темпа движений в штрихах; совпадение общей конфигурации поддельной и подлинной подписи (или нескольких поддельных подписей); затекание красителя в нижней части штрихов в случае копирования на вертикальной поверхности; возможно перенесение штрихов из настоящего документа на оборот поддельного.

Установить подделку подписи копированием "на просвет" довольно сложно, поскольку отдельные признаки не проявляются, а некоторые из них могут напоминать подделку подписи с предварительной подготовкой. Облегчить исследование может наличие у эксперта документа с подлинной подписью, с которого осуществили копирование или нескольких поддельных

подписей, скопированных с одного аутентичного. Основным доказательным признаком копирования «на просвет» является совпадение размеров и конфигурации поддельной и подлинной подписей или совпадение их частей. Эти совпадения можно установить, измеряя размеры подписей и их частей; совмещая поддельную подпись с настоящей (или нескольких поддельных подписей, скопированных с одной настоящей, по прямой или ломаной линиям); оптически накладывая в одинаковых масштабах спорную подпись с аутентичной (или несколько спорных подписей, скопированных с одной подлинной); накладывая прозрачные сетки на сравниваемые подписи.

Влажное копирование подписи существенно отличается от предыдущих способов подделки. В этом случае на поддельный документ переносят красящее вещество подлинной подписи с сохранением ее строения и конфигурации, используя материалы, поверхность которых имеет повышенную копировальную способность (фотографическая бумага или пленка, полихлорвиниловая пленка и тому подобное). К настоящей подписи прижимают материал с воспринимающей поверхностью. Полученное зеркальное изображение переносят на подделываемый документ. В связи с тем, что копирование подписи осуществляют в два приема, оттиск может оказаться очень слабым, а потому изображение поддельной подписи нередко дорисовывают или обводят чернилами. С этой целью красящее вещество добавляют к штрихам на промежуточном клише.

Основными признаками этого способа подделки являются: бледность красителя, возможные перерывы линий штрихов; расплывчатые края штрихов; отсутствие рельефа в штрихах; поверхностное

размещение красителя в штрихах; наличие загрязнений и остатков постороннего вещества; возможны двойные штрихи подводки; люминесценция штрихов подписи и прилегающего участка документа или изменение других свойств бумаги (блеск, матовость и т.д.).

В случае изготовления большого количества поддельных документов подписи, как правило, наносят с помощью рельефного клише (факсимиле), являющегося точной копией подлинной подписи. Признаки применения факсимиле аналогичны признакам оттисков печатей и штампов и зависят от способа их изготовления.

Проекционный способ подделки подписи и подделки с использованием пантографа – довольно сходны. При проекционном способе подпись фотографируют и из полученного негатива через фотоувеличитель проецируют на соответствующий участок документа с последующей обводкой (при этом можно изменять размер подписи). Аналогично получают подпись и с помощью чертежного прибора пантографа, только вместо негатива используют ранее полученное контурное изображение подписи.

При этом достаточно точно сохраняется конфигурация букв и других элементов подписи, их относительные размеры, то есть пропорциональность. Прибор позволяет также изменять общие размеры подписи, увеличивая или уменьшая ее. Совпадение размеров букв, их элементов, росчерка и других частей подписи оставляет впечатление существенного внешнего сходства исследуемой подписи и образцов, которые служили оригиналом во время подлога. Конечно, между этими подписями нет существенных различий (кроме изменения масштаба). Из-за наложения подписей друг на друга они могут полностью совпасть.

Однако это обстоятельство как раз и свидетельствует о технической подделке, поскольку одинаковые по размеру и конфигурации подлинные подписи одного и того же лица практически не встречаются. Признаки замедленности движений объясняются тем, что заранее подготовленное контурное изображение подписи обводят постепенными относительно медленными движениями. А различие отдельных, менее выраженных признаков исследуемой подписи и оригинала обусловлена тем, что исполнитель подлога не в состоянии полностью повторить движения исполнителя подлинной подписи, поэтому и допускаются те или иные отклонения от оригинала.

В последние годы преступники нередко подделывают подпись, копируя ее из подлинного документа с использованием современной монохромной или полихромной копировально-множительной техники. Чаще всего для этого пользуются ксерокопировальными аппаратами с электрофотографическим способом нанесения изображений, лазерными и струйными принтерами. В итоге в штрихах поддельной подписи обнаруживают признаки прибора, а не ее рукописного исполнения.

Подводя итого, можно сказать, подпись как один из основных реквизитов документов может осуществлять свою удостоверительную функцию лишь тогда, когда она выполнена именно тем лицом, от имени которого оставлена. В то же время подпись едва ли не единственный рукописный элемент в документах, являющихся объектом исследования в рамках судебной почерковедческой экспертизы. Преступники, прибегая к технической подделке подписи, пытаются достичь ее максимального визуального подобия с настоящей подписью. Идентифицировать личность исполнителя по

технической подделке подписи довольно сложно, соответственно основной задачей технического исследования подписи, как правило, является установление факта технической подделки и способа ее выполнения. Используя новейшие достижения технического прогресса, правонарушители постоянно совершенствуют технику подделки подписи, а следовательно для успешного выполнение задач исследования и идентификации подделок экспертные подразделения должны быть обеспечены современным криминалистическим оборудованием.

Список цитируемой литературы:

1. Криминалистическая техника. Справочная книга юриста / под ред. Б. И. Шевченко. –М.: Госюриздат, 1959. – 528 с.

2. Павленко, С. Д. Образцы экспертных заключений. Криминалистическое исследование документов / С. Д. Павленко, Н. С. Золотарь, Ю. П. Попов, Т. И. Мороз.– Киев: РИО МВД УССР, 1989. – 204 с.

Герасимова В.К., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал, Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С..

Gerasimova V.K., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

PROBLEMS OF ESTABLISHING THE LEGAL NATURE OF COMPLICITY IN A CRIME IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Аннотация.

В настоящее время сохраняется устойчивая тенденция к увеличению количества групповых преступлений, что обусловливает актуальность проблем правильного определения в отечественном уголовном праве юридической природы соучастия в преступлении. Решение данных проблем имеет не только теоретическое, но и, безусловно, большое практическое

значение, прежде всего при обосновании уголовной ответственности соучастников преступного деяния. Усвоение юридической природы соучастия в преступлении, ее сущности оказывает непосредственное влияние и на законотворческую деятельность. В определении правовой природы соучастия в преступлении имеется сложность, связанная с тем, что в одних случаях соучастие образует институт Общей части уголовного закона, а в других является самостоятельным преступлением, предусмотренным его особенной частью. Именно поэтому важно обоснование на теоретическом уровне уголовной ответственности соучастников при различных формах и видах соучастия в преступлении. Правильная квалификация поведения всех соучастников преступления зависит прежде всего от четкого понимания и определения сущности юридической природы соучастия. Сделан вывод о том, что институт соучастия в преступлении сочетает в себе и акцессорный, и самостоятельный принципы ответственности соучастников преступления.

Abstract.

Currently, there is a steady tendency towards an increase in the number of gang crimes, which determines the relevance of the problems concerning the correct definition of the legal nature of complicity in a crime in the domestic criminal law. The solution of these problems is not only of theoretical, but also of great practical importance, especially for the justification of criminal liability of accomplices of a criminal act. The understanding of the legal nature of complicity in a crime and its essence has a direct impact on lawmaking activity. There is a difficulty concerning the definition of the legal nature of complicity in a crime. It is due to the fact that in some cases, complicity forms the

institution of the general part of the criminal law, while in other cases it is a separate crime provided by the special part of the criminal law. That is why it is important to justify the criminal liability of accomplices in various forms and types of complicity in a crime at the theoretical level. The correct qualification of the behavior of all accomplices of a crime depends primarily on a clear understanding and defining the essence of the legal nature of complicity. It is concluded that the institution of complicity in a crime combines both the accessory and independent principles of responsibility of accomplices of a crime.

Ключевые слова: уголовная ответственность, государственная измена, шпионаж, государственная безопасность, состав преступления.

Keywords: complicity; problems of complicity; qualification of crimes; criminal liability; socially dangerous consequences.

На протяжении всей истории развития отечественного уголовного права с институтом соучастия в преступлении связана одна из наиболее острых дискуссий. Сложным и неоднозначным в теории уголовного права является вопрос о юридической при роде соучастия. Возникшие в конце XIX – начале XX вв. и сохранившиеся до наших дней дискуссии ученых свидетельствуют о том, что вопрос разрешения данной проблемы остается открытым. Между тем правильное определение юридической природы соучастия в преступлении представляет не только теоретический интерес, но и, безусловно, имеет практическое значение, прежде всего при обосновании уголовной ответственности соучастников преступного деяния. Кроме того, усвоение юридической природы соучастия,

ее сущности оказывает непосредственное влияние и на законотворческую деятельность.

В самом определении правовой природы соучастия в преступлении заключается сложность, которая выражается в том, что в некоторых случаях соучастие образует институт Общей части, а в других является самостоятельным преступлением, предусмотренным в Особенной части уголовного права. Именно поэтому актуальным является обоснование на теоретическом уровне уголовной ответственности соучастников в преступлении при различных формах и видах соучастия.

В соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Указанное основание уголовной ответственности является единственным. По сути, это значит, что лицо подлежит уголовной ответственности только в том случае, когда в совершенном им общественно опасном деянии имеются все признаки конкретного состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, а в некоторых случаях, кроме того, и Общей частью УК РФ. В теории уголовного права сложилось мнение, что соучастие не создает особых или дополнительных оснований уголовной ответственности, то есть оно предполагает применение общих принципов ответственности по уголовному праву.

П.И. Гришаев и Г.А. Кригер отмечают по этому поводу: «Не вызывает никаких сомнений, что ответственность соучастников как лиц, совершивших общественно опасное действие, должна обосновываться таким же путем, как и ответственность индивидуально действующих лиц». По мнению других ученых, на

стороне таких соучастников, как организатор, подстрекатель и пособник, по сути, не содержится состава преступления, так как они не выполняют объективной стороны преступления, указанного в Особенной части УК РФ. Однако известно, что состав преступления образуется не только из признаков, которые содержатся в нормах Особенной части УК РФ. Конструкция состава может включать и признаки норм Общей части. Именно поэтому для соучастника, который не является исполнителем преступления, основанием ответственности необходимо считать совершение деяния, содержащего как признаки состава преступления, в котором он принимал непосредственное участие, так и признаки, закрепленные в соответствующей части ст. 33 УК РФ, имеющей законодательное описание его функциональной роли [3, с. 27]. Иначе говоря, основанием ответственности организатора, подстрекателя и пособника является конкретное преступление, совершенное исполнителем, предусмотренное статьей Особенной части УК РФ, с применением ст. 33 УК РФ.

С другой стороны, деяние исполнителя (соисполнителей) преступления квалифицируется лишь по соответствующей статье Особенной части УК РФ, без ссылки на ст. 33 УК РФ. Тем не менее это не свидетельствует о том, что преступление, совершенное исполнителем, не имеет признаков состава преступления, содержащихся в нормах Общей части УК РФ.

При едином основании уголовной ответственности всех соучастников преступления не должно игнорироваться ее самостоятельное значение, что прослеживается в ст. 33 УК РФ, в которой разделяется

роль каждого соучастника одного преступления. В силу этого лицо, которое организовало преступление или руководило его исполнением, несет ответственность за организацию преступления. Лицо, которое склонило исполнителя к совершению общественно опасного деяния, будет отвечать за подстрекательство к преступлению, а лицо, содействовавшее совершению преступного деяния, будет нести ответственность за пособничество в преступлении.

Таким образом, необходимо правильно квалифицировать поведение всех соучастников, что, по нашему мнению, зависит прежде всего от четкого понимания и определения сущности юридической природы соучастия, которая также может являться научным обоснованием этой квалификации.

В конце XIX в., с накоплением достаточного опыта научной разработки проблем соучастия, по вопросу определени уголовной ответственности за преступления, совершенные в соучастии, в России сложились две противоположные теории.

Одна из них основывалась на признании акцессорной природы соучастия, другая, напротив, исходила из отрицания акцессорности и утверждения самостоятельной ответственности всех и каждого из соучастников за совершенное преступление [1, с. 171-173; 4, с. 373-378].

Первая концепция соучастия была разработана представителями классической школы уголовного права, которая, в свою очередь, восприняла идеи Великой французской революции, нашедшие отражение в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., а именно: идею равенства всех людей перед законом, принципа «нет преступления и наказания без закона» и соответствия наказания тяжести совершенного

преступления. Законодательное закрепление эти идеи нашли в УК Франции 1791 г., а затем и в УК 1810 г.

(Кодексе Наполеона). Основополагающие институты правового учения о преступлении и наказании, состава преступления, форм вины, соучастия, стадий совершения преступления, разработанные представителями классической школы права, стали законодательным оформлением в уголовных кодексах Франции гарантий тех прав и свобод личности, которые были провозглашены первой буржуазно-демократической революцией. Уголовная ответственность устанавливалась только за конкретное деяние, содержащее признаки состава преступления, совершенное виновно и находящееся в причинной связи с преступным результатом [5, с. 13].

На основе этих развивающихся идейных положений возникла теория акцессорной природы соучастия, которая, в свою очередь, была воспринята незначительной частью российских исследователей в области уголовного права. Причина этого состоит в том, что, будучи встроенным в континентальную европейскую систему права, российское уголовное право рецепиировало ряд уголовно-правовых принципов и традиций данной школы, в том числе касающихся регламентации института соучастия. Тем не менее развитие системы общественных и правовых отношений, теории уголовного права, практики уголовного правотворчества внесло в регламентацию института соучастия частичные изменения и дополнения.

Например, действующий УК Франции от 22 июля 1992 г. в ст. 127.7 устанавливает: «Является соучастником преступления или проступка лицо, которое умышленно оказанием помощи облегчило их

подготовку или совершение. Является также соучастником лицо, которое подарком, обещанием, угрозой, приказанием, злоупотреблением влияния или власти подстрекнет к совершению преступного деяния или даст наставление по его совершению»*. Более того, Закон от 22 июля 1992 г. N 92-686, который внес поправки в положения УК, относящиеся к наказанию преступлений и проступков против нации, государства и общественного порядка, содержит ст. 411-11. Согласно норме «прямое подстрекательство путем обещаний, предложений, давления, угроз или насильственных действий к совершению одного из преступлений, предусмотренных в настоящей главе, в случае, если это подстрекательство не повлекло последствий по не зависящим от воли исполнителя обстоятельствам, карается…»**.

Следовательно, можно отметить, что французский законодатель определяет самостоятельную деятельность такого соучастника, как подстрекатель, выделяя отдельную норму в Особенной части УК Франции, тем самым не ставя его уголовную ответственность в зависимость от действий исполнителя преступления.

Более того, Уголовный кодекс Франции 1810 г., ограничив соучастие обязательными объективными и субъективными признаками, поставил в определенные рамки и пределы соучастия, исключив из него любые формы прикосновенности к

Список цитируемой литературы:

1. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М.: Госюриздат, 1959. 255 с.

2. Никифоров Б.С. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик //

Важнейший этап в развитии советского права: труды научной сессии ВИЮН. М., 1960. С. 28-47.

3. Пушкин А. Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников преступления // Законность. 2001. N 3. С. 27-30.

4. Познышев С.И. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. 668 с.

5. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб., 2007. 565 с.

6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Тула: Автограф, 2001. 800 с.

7. Колоколов Г. О соучастии в преступлении. М., 1881. 220 с.

8. Козаев Н.Ш. Основание уголовной ответственности за шпионаж / Н. Ш. Козаев, Д. А. Рясов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 12-2. – С. 100-104.

9. Илларионов, Т. В. Уголовная ответственность за государственную измену / Т. В. Илларионов // Молодой ученый. – 2020. – № 22. – С. 257-259.

10. Улезко, С. И. Уголовная ответственность за шпионаж: основные направления совершенствования / С. И. Улезко, И. Д. Мальцагов // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2021. – № 1(41). – С. 85-88.

Гнездилова А.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А.С.

Gnezdilova A.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

ANTI-CORRUPTION IN RUSSIA AND ABROAD

Аннотация.

В настоящее время коррупция и противоправные действия, связанные с ней распространились на все уровни организации управления. В России преступления коррупционной направленности по прежнему занимают одни из лидирующих позиций в отчетах правоохранительных органов. Тем более актуальными становятся вопросы поиска эффективных путей противодействия коррупционным схемам чиновников и руководства юридических лиц. Этим, несомненно, важным вопросам, на основе анализа

опыта США и Великобритании, посвящена предлагаемая статья.

Abstract.

Currently, corruption and illegal actions associated with it have spread to all levels of management organization. In Russia, corruption-related crimes still occupy one of the leading positions in the reports of law enforcement agencies. All the more relevant are the issues of finding effective ways to counter the corruption schemes of officials and the management of legal entities. Based on an analysis of the experience of the United States and Great Britain, this article is devoted to these, undoubtedly, important issues.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, международный опыт, государственная власть.

Key words: corruption, anti-corruption, international experience, government

Вопросы, связанные с борьбой с коррупцией, всегда были отдельными и касались развивающихся демократических стран. Ведь именно коррупционное поведение государственных чиновников тормозит развитие страны, нарушает права и свободы граждан и в конечном итоге снижает денежные поступления в бюджеты всех уровней.

В целях эффективной борьбы с угрозой коррупции органы власти и их должностные лица, имеющие право осуществлять надзорные функции, принимают комплекс превентивных мер. Однако, как и все люди, наделенные определенными полномочиями, они сами могут стать объектом коррупционной

деятельности, причинив больший вред обществу и стране.

Помимо этого, коррупция выступает как правонарушение, имеющее высокую степень общественной опасности [10, с.21]. Нередко взятки используются для обеспечения заключения выгодных государственных и муниципальных контрактов, проведения необходимых проверок, предоставления государственных услуг, а также получения налоговых льгот и других поощрений.

Согласно данным международной организации Transparency International, Россия по степени коррумпированности занимает 144 место из 183, уступая Гвинее, Мексике и Мальдивам. Неудачная борьба с коррупцией в России — главная слабость страны.

Применительно к российским реалиям коррупционные процессы развиты достаточно сильно, это подтверждается статистическими данными Верховного суда РФ, Следственного комитета РФ и МВД РФ. В соответствии с официальной информацией, за 2022 год за преступления коррупционной направленности были осуждены 11 тысяч человек (в 2021 - 9,5 тысяч), с января по июнь 2019 года было возбуждено 11,5 тысяч дел о коррупции, общий ущерб государству - 40 миллиардов рублей [6]. Подобная ситуация указывает на то, что противодействие коррупции и меры ее профилактики необходимо осуществлять последовательно и с максимально возможной эффективностью.

Таблица 1. Судебная практика коррупционных дел в России и мире

СТРАНА	**ОПИСАНИЕ ДЕЛА**

Швейцария	В мае 2015 года швейцарские власти прознали, что 14 чиновников из ФИФА замешаны в отмывании денег, растратах и договорных матчах. Это тянулось четверть века. Из-за скандала президенты ФИФА Йозеф Блаттер и УЕФА Мишель Платини ушли в отставку. В общей сложности спортивные чиновники получили более $150 млн.
Южная Корея	Южная Корея регулярно ловит чиновников на взятках, но каждый раз находятся смельчаки, которые думают, что способны перехитрить систему. В конце 2016 года президента страны Пак Кын Хе отстранили от должности. Она предоставляла доступ к секретным документам подруге, которая вымогала деньги у крупных южнокорейских корпораций и переводила их на счета некоммерческих фондов. Таким образом было получено $70 млн.
Россия	Наиболее громкий случай борьбы с коррупцией в России произошел, когда в апреле 2019 года поймали главу второго отдела управления «К» полковника Кирилла Черкалина.

	За 9 лет он «заработал» на пять квартир, два загородных дома, шесть земельных участков, 14 объектов нежилой недвижимости и две машины. Ну и, конечно, не будем забывать про 800 млн рублей, 72 млн долларов и 8 млн евро, что хранились у родителей.

Со второй половины XX века чиновники возвели борьбу со взяточничеством в ранг государственной политики. К 2022 году противодействие коррупции в ряде стран вышло на новый уровень.

США. В Соединённых Штатах Америки за коррупционные схемы предусмотрены штрафы в тройном размере или тюремное заключение от 15 лет. Существует специальный этический кодекс. Для государственных должностей нет никакого иммунитета — любой чиновник легко привлекается к уголовной ответственности, пусть и в особом порядке [3, с.48].

Ограничивается право государственного служащего на заработок по совместительству — его размер не должен превышать 15% оклада, причем ограничение действует в течение двух лет после увольнения.

Сингапур. Центральное звено противодействия взяткам в Сингапуре — Бюро по расследованию случаев коррупции. Этот независимый орган проверяет действия чиновников, ищет слабые звенья в системе управления и пытается их устранить. Отчетность строго контролируется у всех должностных лиц. Административные барьеры и излишняя бюрократия устраняется.

В Финляндии строгий общественный контроль: высокая свобода СМИ, прозрачность и гласность принятия решений должностными лицами, компактность административной системы и достойная зарплата чиновников [1, с.26].

Борьбе с коррупцией в России долгое время не уделялось достаточного внимания. В 2008 году президент РФ утвердил первый Национальный план противодействия коррупции.

Разработка основных положений государственной антикоррупционной политики и пакет законов строились на трёх основных принципах:

Меры по противодействию коррупции должны быть органичной частью политики государства по изменению негативных тенденций в государственном и хозяйственном управлении, сформировавшихся за предыдущие десятилетия, и должны быть просчитаны с точки зрения последствий.

Принимаемые правовые положения должны не только сформировать механизм противодействия коррупции, но и содержать импульс для его дальнейшего развития.

Новые правовые нормы должны «вписываться» в правовую систему Российской Федерации, «не ломать» ее и не вносить чуждые для нее элементы, а также быть реально выполнимы.

В конце 2008 г. приняли пакет антикоррупционных законов. С него начался этап создания законодательных основ противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы России. В пакет законов вошли:

Федеральный закон «О противодействии коррупции» [7];

Федеральный конституционный закон, вносящий изменения в ст. 10 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» [8]; два федеральных закона, вносящих изменения в почти 30 федеральных законов.

7 мая 2013 был принят Федеральный закон № 79-ФЗ [9]. Он ввёл запрет на владение счетами и хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами РФ, пользование иностранными финансовыми инструментами для отдельной категории лиц.

Современный этап реализации государственной антикоррупционной политики направлен прежде всего на организацию исполнения Федерального закона «О противодействии коррупции», соответствующих указов Президента Российской Федерации и других нормативных правовых актов Российской Федерации по созданию действенного механизма противодействия коррупции.

Некоторые эксперты считают, что результат противодействия коррупции к 2022 году далеко не идеален. Обратите внимание на статистику, приведённую в первой части статьи. Сказываются отсутствие строгой системы отбора кадров, непрозрачность отчетности и перегруженный бюрократический аппарат.

Есть мнение, что России следует перенимать опыт, характерный для Сингапура и ряда других азиатских стран: упрощать бюрократические процедуры, строго следить за действиями госслужащих и надзирать за соблюдением антикоррупционного законодательства и этических норм [2, с.88].

Для успешной реализации антикоррупционных мер необходим обмен опытом между регионами,

федеральными структурами, а также органами местного самоуправления. Проблему коррупции можно решить только с помощью «комплекса мероприятий, проводимых последовательно в каждой области ее возможного проявления, в том числе направленных не только на искоренение, но и на недопущение появления способствующих коррупции факторов».

Таким образом, проанализировав законодательство Российской Федерации и некоторых зарубежных стран можно сделать вывод, что борьба с коррупцией происходит во всех сферах общественной жизни, при этом детальное внимание уделяется превентивным мерам. Российские законодатели на постоянной основе совершенствуют формы и методы коррупционного контроля.

Отсутствие четких инструкций и принятие установленных стандартов делают нынешнюю антикоррупционную политику, основанную на Национальном антикоррупционном плане, неэффективной. На мой взгляд, коррупцию невозможно искоренить. Если когда-нибудь федеральные законы начнут действовать, то это не остановит наших "уважаемых грабителей", они станут более осторожными.

Список цитируемой литературы:

1. Бочарников И.В. Зарубежный опыт противодействия коррупции / И.В. Бочарников //Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – №9. – С.26-29.

2. Куракин А.В. Административно-правовые аспекты юридической ответственности в механизме противодействия коррупции в системе государственной

службы РФ / А.В.Куракин // Административное и муниципальное право. – 2018. – №5. – С.87-89.

3. Лабин Д. К., Соловьева А. В. О месте международного инвестиционного права в системе международного права//Московский журнал международного права. – 2018. – №. 3. – С. 40-51

4. Поляков М. М. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в государственном управлении //Актуальные проблемы российского права. – 2017. – №. 9. – С. 109-115.

5. Симонова А. Е. Вопросы эффективности организации объединенных наций в отношении современных угроз миру //Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2016. – №. 14- 2. – С. 139-140.

6. Согласно данным информационного агентства России ТАСС [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tass.ru/info. (Дата обращения: 08.02.2023).

7. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ "О Правительстве Российской Федерации" // Российская газета. – 2020. – №251.

8. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "О противодействии коррупции" // Российская газета. – 2008. – №266.

9. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации" (ред. от 28.1.2022) // Российская газета. – 2004. – №162.

10. Шарова С.А., Уивер К.С., Брегман Р., Коллини Г.С Антикоррупционное регулирование в России и США // Закон. – 2015. – №5. – С.17-24.

Григорьева А.Р., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Рыжкова И.Д..

Grigorieva A.R., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Ryzhkova I.D.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ДЕФИНИЦИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, УСТАНАВЛИВАЮЩЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВА, СОВЕРШАЕМЫЕ ПО НАЙМУ

ON THE ISSUE OF THE PROBLEM OF FORMULATING DEFINITIONS IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ESTABLISHING RESPONSIBILITY FOR MURDERS COMMITTED FOR HIRE

Аннотация.

В статье рассматриваются проблемы определения понятия убийств, совершенных по найму, определение найма и наемничества.

Abstract.

The article deals with the problems of defining the concept of murders committed for hire, the definition of hiring and mercenary activities.

Ключевые слова: убийство по найму, наемник, наемничество.

Keywords: murder for hire, mercenary, mercenary.

Убийством признается умышленное причинение смерти другому человеку, ответственность за которое предусмотрена ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), которая включена в Особенную часть Уголовного кодекса РФ в раздел «Преступления против личности». Одним из квалифицирующих признаков данной статьи является убийство, совершенное по найму (п. «з» ч.2 ст. 105 УК РФ). Законодатель отнес это деяние к категории особо тяжких преступлений. Это преступление имеет материальный состав, т.е. оно считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий, а именно, смерти человека.

В истории российского уголовного права термин «убийства, совершенного по найму», впервые был отдельно обозначен Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 г. Однако законодательные определения понятий «наем» и «наемничество» отсутствуют.

Согласно толковому словарю Ушакова термин «нанять» толкуется как «принять, пригласить для

работы за плату на определенных условиях». Наемником, там же, называется «тот, кто продался кому-н., кто из низких, корыстных побуждений защищает чужие интересы» [6].

В толковом словаре Кузнецова понятие «нанять» так же означает «принять для выполнения какой-л. работы на определенных условиях». Наемника там определяется как «тот, кто за плату готов выполнить какое-л. преступное действие, выгодное, нужное нанимателю» [7].

Таким образом, понятие «найм» предполагает нанятие кого-либо для выполнения некой работы за плату, а термин «наёмник» - выполнение работы за плату в интересах нанимателя.

Отметим, что в УК РФ включено понятие «наемник», относящееся, однако, к ст. 359, предполагающей участие наемников в вооруженных конфликтах и военных действиях. Так, наемником в примечании к данной статье признается лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей.

Из этого примечания мы также делаем вывод, что наемник действует в целях получения материального вознаграждения. Именно такой смысл вкладывает законодатель в это понятие. Несмотря на то, что в ст. 105 УК РФ данный термин отсутствует, можно прийти к заключению, что законодатель не видит иного смыслового содержания, кроме того, что наем предполагает вознаграждение.

«Платой», по толковому словарю Ожегова – является «денежное вознаграждение, возмещение за что-н.» [4].

Таким образом, наем означает получение лицом вознаграждения, за которое он выполняет определённую работу для нанимателя. Убийство по найму может быть совершено не только ради получения материального вознаграждения, но и иного.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 указано, что под убийством по найму понимается убийство, обусловленное получением исполнителем материального или иного вознаграждения [3].

Г.Н. Борзенков считает, что наемное убийство совершается «всегда…за вознаграждение, хотя не обязательно в денежной форме» [1, с. 66]. Таким вознаграждением может быть передача наёмнику некого имущества, как движимого, так и недвижимого. Однако в основном наёмник за свою работу получает вознаграждение в денежной форме.

Таким образом, убийство по найму – умышленное лишение потерпевшего жизни, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения [8, с. 31].

Некоторые учёные считают, что синонимом убийства по найму является термин «заказное убийство». Так, А. Стуканов придерживается мнения, что термины «убийство по найму» и «заказное убийство» являются равнозначными [5, с. 44].

В толковому словаре Ожегова понятие «заказать» определяется как «поручить кому-н. изготовить, сделать что-н.» [4]. Т.е., заказ может быть выполнен без материального вознаграждения, в отличие от найма.

Так, С.Х. Нафиев считает, что убийство по заказу не имеет корыстного мотива [2, с. 13].

Мы видим, что мнения учёных о тождественности понятий наемного убийства и заказного убийства разнятся. Однако большинство ученых считает, что эти термины взаимозаменяемые. В следственной практике также эти понятия синонимично заменяются друг другом.

Полагаем, что во избежание смешения понятий и ошибок в квалификации преступных деяний законодателю следует закрепить в УК РФ понятие убийства по найму.

Предлагаем дополнить ст. 105 УК РФ примечание следующего характера:

Убийством, совершаемым по найму, признается умышленное лишение потерпевшего жизни, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения.

Список цитируемой литературы:

6. Борзенков, Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья : Учебно-практическое пособие. / Г.Н. Борзенков. – Москва : ИКД «Зерцало-М», 2005. – 144 с.

7. Нафиев, С.Х. Корыстное убийство: понятие, виды, квалификация. (Уголовно-правовые и криминологические аспекты): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Нафиев Сайфихан Хабибуллович; Науч. рук. И.Я. Козаченко. – Челябинский государственный

университет. – Челябинск, 1999. – 207 с. – Место защиты: Челябинский государственный университет.

8. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 янв. 1999 г. № 1: ред. от 3 марта 2015 г. // Российская газета. – 1999. – № 24.

9. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – URL: https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm– Режим доступа: Glasses.ru : [сайт]

10. Стуканов, А. Убийства по найму: только факты / А. Стуканов // Законность. – 1997. – № 5. – С. 43-44.

11. Толковый словарь Ушакова. – URL: https://onlinedic.net/ushakov/page/word31889.php – Режим доступа: ONLINEDIC.NET : [сайт]

12. Толковый словарь Кузнецова. – URL: http://rudictionary.com/kuzhecov/Nanjat-13367.html#gsc.tab=0 – Режим доступа: Словари. Энциклопедии : [сайт]

13. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под. общ. ред. Л.М. Прозументова. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 844 с.

Григорьева А.Р., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Рыжкова И.Д..

Grigorieva A.R., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Ryzhkova I.D.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПО НАЙМУ

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF KILLS COMMITTED FOR HIRE

Аннотация.

Статья посвящена особенностям раскрытия и расследования наемных убийств, вызывающих беспокойство населения и повышенный общественный резонанс. Совершение исследуемых убийств киллерами затрудняет установление и изобличение заказчиков и создает проблемы при их раскрытии и расследовании. На основе анализа данных различными учеными дефиниций убийства по найму авторы предлагают свое определение этой категории и выделяют характерные ее

признаки. Большое внимание уделяется рассмотрению структуры и содержания криминалистической характеристики наемных убийств, описанию ее элементов, анализ которых способствует выдвижению наиболее вероятных версий о заказчике, а также сообщениям о преступлении. Авторы полагают, что внесение в 2013 г. изменений в уголовно-процессуальное законодательство позволило увеличить количество не только проверочных мероприятий, но и некоторых следственных действий, способствующих получению ориентирующей и доказательственной информации еще до возбуждения уголовного дела. С нашей точки зрения, в число следственных действий, проводимых в процессе рассмотрения сообщений о преступлении, необходимо включить получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, поскольку оно относится к числу невербальных процессуальных действий.

Abstract.

The article is devoted to the specifics of the disclosure and investigation of assassinations that cause public concern and increased public response. The commission of the investigated murders by killers makes it difficult to identify and expose customers and creates problems in their disclosure and investigation. Based on the analysis of data by various scientists of definitions of murder for hire, the authors propose their definition of this category and highlight its characteristic features. Much attention is paid to the consideration of the structure and content of the criminalistic characteristics of assassinations, the description of its elements, the analysis of which contributes to the nomination of the most likely versions about the customer, as well as reports of the crime. The authors believe that the

introduction of amendments to the criminal procedure legislation in 2013 made it possible to increase the number of not only verification measures, but also some investigative actions that contribute to obtaining orienting and evidentiary information even before the initiation of a criminal case. From our point of view, the number of investigative actions carried out in the process of reviewing reports of a crime should include obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices, since it belongs to the number of non-verbal procedural actions.

Ключевые слова: убийство по найму, криминалистическая характеристика убийства, расследование убийств, раскрытие преступлений, первоначальный этап расследования

Keywords: murder for hire, criminalistic characteristics of murder, murder investigation, crime detection, initial stage of investigation

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации – человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Убийство – тяжкое преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 105 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ). Одним из квалифицирующих признаков данной статьи является убийство, совершенное по найму (п. "з" ч.2 ст. 105 УК РФ).

Под убийством, совершенным по найму, понимается умышленное лишение жизни человека исполнителем преступления за вознаграждение, по поручению и в интересах заказчика.

Криминалистическая характеристика убийств по найму предусматривает характеристику его отдельных

элементов: обстановку совершения преступления (время, место и др.); криминалистическую характеристику личностей виновных; криминалистическую характеристику потерпевшего; механизм совершения преступления (способы подготовки, совершения убийства и сокрытия следов); особенности следообразования.

Исполнитель убийства по найму (наемный убийца) – это человек, исполняющий поручение заказчика убийства за материальное или иное вознаграждение. Личной заинтересованности в смерти конкретного человека он не имеет.

Наемными убийцами в основном являются профессионалы в своем деле, постоянно повышающими свою квалификацию. Таких убийств синонимично называют киллерами. Как правило, они входят в состав организованной преступной группы. Наемники-одиночки встречаются реже, но они также контактируют с криминальным миром в поиске заказных убийств. Давая характеристику личности исполнителя убийства по найму, стоит отметить, что чаще всего ими являются мужчины в возрасте от 20 до 35 лет, не имеющие семьи, ведущие скрытый, антисоциальный образ жизни. Большинство из них официально трудоустроены, тем самым отводя подозрения от своей преступной деятельности. Многие из них в прошлом проходили службу в армии, а кто-то даже принимал участие в боевых действиях (Афганистан, Чечня и др.), где и получили первоначальную подготовку. Также в подавляющем большинстве случаев наемники являются бывшими военными, спортсменами, сотрудниками правоохранительных ведомств, обладающими определенными навыками, необходимыми для

совершения преступления. Многие наемные убийцы привлекались к уголовной ответственности за насильственные преступления. Психологически они решительны и хладнокровны, уверены в своих силах, отличаются дерзостью, жестокостью, наглостью.

Так, в феврале 2015 г. на Большом Москворецком мосту в Москве, при свидетеле, был застрелен российский политический и государственный деятель Борис Немцов. Обвиняемыми признали бывших военнослужащих чеченского батальона, квалифицируя их действия по ст. 105, п. "ж","з" ч. 2 и ч. 3 ст. 222 УК РФ.

Однако убийство по найму может быть совершено и "бытовым", "случайным" наемником. В отличие от профессионального наемного убийцы, он совершает преступление в силу стечения определенных обстоятельств. Для него убийство по найму не является профессией и основным источником дохода. "Случайный" наемный убийца в прошлом также мог проходить службу в армии, участвовать в боевых действиях, зачастую ранее привлекался к уголовной ответственности за корыстно-насильственные или же насильственные преступления.

Таким образом, общественная опасность профессионального наемного убийцы и бытового имеет существенное различие. Профессиональные наемные убийцы имеют более повышенную общественную опасность, поскольку такие преступления совершаются лицом, для которого убийство других – это источник заработка, они находятся в постоянном поиске заказов и пребывают в готовности убивать.

Заказчиком убийства по найму признается лицо, непосредственно заинтересованное в лишении жизни конкретного человека и являющееся инициатором

преступления. Заказчик желает смерти жертве, для её убийства он нанимает убийцу, которому за это выплачивает материальное или иное вознаграждение.

Роль заказчика наемного убийства определяется конкретно в каждом преступлении, исходя из фактических обстоятельств дела. В одних случаях он может являться организатором, в других же только подстрекателем, или же быть и пособником, и подстрекателем в одном и том же преступлении. Также заказчик на последней стадии совершения преступления может стать его соисполнителем. Чаще всего им является лидер преступной группы; коммерческий руководитель; член семьи жертвы. Одни, например, заказывая наемное убийство, пытаются устранить конкурента, другие получить наследство.

Организатором подобного преступления чаще всего является сам заказчик наемного убийства.

В большинстве наёмных убийств присутствует посредник, который осуществляет поиск исполнителя преступления, а в последующем становится лицом, через которого поддерживает связь заказчик с исполнителем. В некоторых случаях он принимает участие в подготовке совершения преступления и в сокрытия следов.

Жертвами убийства по найму в основном становятся мужчины. Это обусловлено тем, что они чаще чем женщины занимают руководящие посты в политике, бизнесе, а также занимаются преступной деятельностью.

Ключевым элементом в криминалистической характеристике убийства по найму является место, способ и время совершения преступления.

Местами совершения большинства наемных убийств становятся уличные дворы, подъезды домов;

городские дороги и автомагистрали; подземные парковки и др.

Убийство по найму совершается путем использования огнестрельного и холодного оружия; путем удушения или отравления ядами; с применением взрывных устройств; с использованием транспортных средств.

Со способом совершения преступления непосредственно связан механизм следообразования и локализации следов, поиск и изучение которых способствует правильному и своевременному раскрытию преступления. Необходимо как можно скорее произвести осмотр места происшествия для поиска следов преступления. Так, после убийства с использованием огнестрельного оружия, на месте выстрела можно обнаружить гильзы; на теле и одежде стрелявшего могут остаться следы от выстрела и др. Для эффективного обнаружения следов производится опрос свидетелей, если таковые имеются, а также заключения специалистов, позднее – экспертов.

Однако в большинстве случаев, после выполнения заказа, в целях сокрытия следов, наемники уничтожают предметы, вещи, на которых они могли оставить следы. К примеру, поджигают автомобиль, из которого производили выстрел в потерпевшего, предварительно уничтожив следы своего пребывания в этом автомобиле.

Сокрытие наемных убийств может заключаться в инсценировке события, делая видимость происшествия без криминальной составляющей. Также, в ряде случаев, заказчик пытался избавится от наемного убийцы, посредников, боясь шантажирования с их стороны или возможного разоблачения правоохранительными органами.

Время совершения убийств по найму чаще всего приходится на утренние часы будничных дней (с 8 до 10 часов), когда жертва уезжает из дома на работу, либо на вечерние часы, когда она возвращается домой (с 18 до 20 часов).

Таким образом, вывод о том, что было совершено именно убийство по найму, возможно лишь при комплексном изучении всех обстоятельств преступления, что и позволяет в дальнейшем создать его комплексную криминалистическую характеристику.

Список цитируемой литературы:

1. Бродневская, Я.В. Соотношение убийств, совершаемых по найму, и иных посягательств на жизнь человека / Я.В. Бродневская // Журнал российского права. – 2009. – №11. – С. 130-136.
2. Гайков, И.В. Проблемы квалификации и регламентации ответственности за убийство по найму: диссертация… кандидата юридических наук: 12.00.08 / Гайков Игорь Викторович. – г. Ростов-на-Дону, 2004. – 23 с.
3. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 янв. 1999 г. № 1: ред. от 3 марта 2015 г. // Российская газета. – 1999. – № 24.
4. Стуканов, А. Убийства по найму: только факты / А. Стуканов // Законность. – 1997. – № 5. – С. 43-44.
5. Соколова, С.А. Проблемы уголовно-правовой квалификации на примере разграничения убийства по найму и убийства из корыстных побуждений / С.А. Соколова // Законность и

правопорядок в современном обществе. – 2015. – №24. – С. 155-160.

6. Прозументова Л.М. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 844 с.

Григорьева А.Р., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Рыжкова И.Д.

Grigorieva A.R., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Ryzhkova I.D.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПО НАЙМУ

FEATURES OF INVESTIGATION OF MURDERS COMMITTED FOR HIRE

Аннотация.

Выявлена и обоснована необходимость использования нормативно-правовой базы, юридического и лингвистического анализа в процессе расследования заказных убийств. Методика расследования умышленных убийств, совершаемых по найму, лишь схематично определяет круг сведений о фактических обстоятельствах дела и личности виновного, достаточных для того, чтобы обеспечить раскрытие преступления и решить вопрос о виновности

лица, его совершившего. В рамках следствия и пределы применения конкретных методических рекомендаций следователь определяет самостоятельно, опираясь на собственный опыт и исходя из интересов обеспечения полноты, объективности и всестороннего расследования уголовного дела, что требует от него высокого профессионализма, глубоких знаний и ответственности.

Abstract.

The necessity of using the regulatory framework, legal and linguistic analysis in the investigation of contract killings has been identified and justified. The methodology of investigation of premeditated murders committed for hire only schematically defines the range of information about the actual circumstances of the case and the identity of the perpetrator, sufficient to ensure the disclosure of the crime and solve the question of the guilt of the person who committed it. Within the framework of the investigation and the limits of the application of specific methodological recommendations, the investigator determines independently, based on his own experience and based on the interests of ensuring the completeness, objectivity and comprehensive investigation of a criminal case, which requires him to be highly professional, in-depth knowledge and responsibility.

Ключевые слова: расследование; заказные убийства; раскрытие и расследование заказных убийств.

Keywords: investigation; contract killings; disclosure and investigation of contract killings.

Под убийством, совершенным по найму, понимается умышленное лишение жизни человека исполнителем преступления за вознаграждение, по поручению и в интересах заказчика. Ответственность за

это преступление предусмотрена п."з" ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ.

Основными признаками наёмных убийств является: демонстративный характер - может быть совершено при скоплении народа, убийца демонстрируя тем самым свою дерзость, жестокость, силу; временем совершения преступления является начало или конец рабочего дня, когда жертва уезжает на работу или возвращается с нее; местом совершения преступления является уличный двор, лестничные площадки и подъезды домов и т.д.; имеются данные о слежке за потерпевшим; убийство было совершенно с использованием огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, путем отравления ядом и другими эффективными средствами поражения; путем контрольного выстрела в голову, сердце; отсутствуют признаки других составов преступления; у потерпевшего имелся высокий статус в обществе, политике или преступном мире (занимал руководящую должность и т.п.); оставление на месте преступления орудий убийства, с отсутствием или минимальным количеством следов на них и др. При наличии максимального количества таких признаков, следствием выдвигается версия о совершении убийства именно наемным убийцей.

Расследование убийства по найму большинством ученых-криминалистов делится на несколько этапов: первоначальный, последующий и заключительный.

Первоначальный этап начинается с момента сообщения о преступлении, обнаружении трупа или тяжело раненого потерпевшего. При рассмотрении сообщения о наемном убийстве большое поисковое и доказательственное значение имеют:

1) Обнаружение и допрос свидетелей, целью которого является получение информации о приметах убийцы, об обстоятельствах совершенного преступления, о мотивах убийцы и других деталях, необходимых для раскрытия преступления по «горячим следам»;

2) Осмотр места происшествия, в ходе которого происходит обнаружение и изъятие следов, оставленных убийцей, а также определяются возможные следы, которые могли остаться на убийце (например, следы от пороха на плече);

3) Наружный осмотр трупа, основной задачей которого является определение способа и примерного времени убийства;

4) Назначение и производство судебно-медицинской экспертизы трупа и вещественных доказательств, а также других исследований (например, судебно-баллистической, если убийство было совершено из огнестрельного оружия и т.д.);

5) Предъявление для опознания трупа в случае, если личность погибшего не установлена;

6) Организация работы кинолога со служебно-розыскной собакой в целях поиска следов запаха и их дальнейшего использования при расследовании преступления (выслеживание по ним убийцы и т.д.);

7) В случае, если труп обнаружен на местности, проводится осмотр прилегающей к месту убийства территории, с целью обнаружения вещественных доказательств (выброшенное оружие преступления и т.д). Если труп был обнаружен в помещении, устанавливается, каким образом убийца мог в него проникнуть, для установления возможного круга подозреваемых и причастных к преступлению

лиц. Большое внимание уделяется обнаружению следов преступления;

8) Подворно-поквартирный обход близлежащих к месту преступлению домов, в поиске очевидцев наемного убийства и получения от них информации о преступлении. В случае наличия оснований проводятся обыски.

10) Перекрытие возможных путей бегства преступников.

Основной задачей следственных и оперативных мероприятий на первоначальном этапе расследования наемного убийства является поиск круга лиц, возможно причастных к убийству для того, чтобы в последующем выйти на лиц, его совершивших.

Для расследования и раскрытия наёмных убийств криминалистической наукой разработана методика расследования, которой руководствуются следственные органы в своей работе.

Основу методики расследования убийств по найму могут составлять типичные следственные ситуации, с учётом которых выдвигаются соответствующие версии и планируется расследование. Наиболее распространёнными являются следующие типичные ситуации:

1) Имеются сведения о личности потерпевшего, но личность преступника неизвестна, сведений о нем не имеется, также как и о мотиве убийства. Свидетели преступления отсутствуют;

2) Имеются сведения о личности потерпевшего и о мотиве преступления, но данные о преступнике отсутствуют. Имеются свидетели преступления.

Реже могут иметься сведения об исполнителе наемного убийства и о потерпевшем, однако заказчик преступления неизвестен и др. следственные ситуации.

Создание определенной методики расследования конкретного преступления происходит с момента получения следователем минимальной информации о совершенном преступлении. Расследование планируется с соблюдением разработанных криминалистической наукой принципов расследования: индивидуальности, динамичности, конкретности, оптимальности и реальности.

Важной особенностью планирования расследования наёмных убийств является проработка сразу нескольких наиболее вероятных версий, которые должны проверяться одновременно.

На последующем этапе расследования происходит подтверждение или опровержение следственных версий. Начинается доказательственный процесс, который включает в себя сбор, оценку и исследование доказательств по делу; задержание соучастников преступления, доказывание их виновности.

На этом этапе в основном происходит задержание и допрос участников преступления, обыски, назначение различных экспертиз и т.д.

На заключительном этапе расследования анализируются доказательства, собранные по делу, а также происходит ознакомление с материалами дела участников процесса, заявление ими ходатайств.

Являясь хорошо спланированным и подготовленным преступлением, исполненным, как правило, профессионалом в своём деле, раскрытие и расследование убийств по найму по-прежнему является довольно сложной задачей, что требует немало усилий и времени правоохранительных органов.

Список цитируемой литературы:

7. Бродневская, Я.В. Соотношение убийств, совершаемых по найму, и иных посягательств на жизнь человека / Я.В. Бродневская // Журнал российского права. – 2009. – №11. – С. 130-136.

8. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 янв. 1999 г. № 1: ред. от 3 марта 2015 г. // Российская газета. – 1999. – № 24.

9. Стуканов, А. Убийства по найму: только факты / А. Стуканов // Законность. – 1997. – № 5. – С. 43-44.

10. Прозументова Л.М. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 844 с.

Григорьева А.Р., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Рыжкова И.Д..

Grigorieva A.R., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Ryzhkova I.D.

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ УБИЙСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ПО НАЙМУ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТАКИЕ УБИЙСТВА

PROBLEMS OF DELINEATION OF MURDERS COMMITTED FOR HIRE FROM RELATED CRIMES AND THE MAIN DIRECTIONS OF IMPROVING THE CRIMINAL LAW ON RESPONSIBILITY FOR SUCH MURDERS

Аннотация.

В статье рассматривается история закрепления в уголовном законодательстве ответственности за

убийство по найму, рассматривается проблема ограничения убийства по найму от смежных составов преступлений, определяются основные направления совершенствования уголовного законодательства об ответственности за убийства по найму.

Abstract.

The article examines the history of the consolidation of responsibility for murder for hire in criminal legislation, considers the problem of limiting murder for hire from related crimes, defines the main directions for improving criminal legislation on responsibility for murder for hire.

Ключевые слова: убийство по найму, убийство из корыстных побуждений, корысть, найм

Keywords: murder for hire, murder for mercenary motives, self-interest, hiring

В уголовном законодательстве РСФСР убийство по найму признавалось разновидностью убийства из корыстных побуждений. Так, в уголовных кодексах РСФСР 1926 г. и 1960 г. отсутствовал такой квалифицирующий признак как убийство, совершенное по найму [5, с. 225].

Однако в связи с изменившийся криминологической обстановкой в стране, возникшей незадолго до и после распада СССР (конец 1980-х – начало 1990-х гг.), возросло количество умышленных преступлений. Либерализация экономики, большой разрыв между богатыми и бедными и другие факторы, повлекли за собой рост числа убийств, совершаемых по найму.

Так, 17 октября 1994 года в результате подрыва в здании редакции газеты «Московский Комсомолец»

погиб его военный обозреватель Дмитрий Холодов. Убийство не раскрыто до сих пор [4].

Приведем еще один пример, 1 марта 1995 г. в подъезде своего дома, путем прицельных выстрелов в упор, был расстрелян двумя наемными убийцами гендиректор телеканала ОРТ Владислав Листьев. Убийство так же не было раскрыто [3].

Законодателем 29 апреля 1993 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР, УПК РСФСР и ИТК РСФСР», в котором в ст. 102 УК (умышленное убийство) в качестве дополнения был внесен подпункт «н», где как квалифицирующий признак убийства расценивалось «умышленное убийство, совершенное по предварительному сговору группой лиц», что стало шагом на пути введения в уголовном кодексе формулировки: «убийство, совершенное по найму» [5, с. 227].

13 июня 1996 г. был принят действующий уголовный кодекс Российской Федерации, где в п. «з» ч. 2 ст. 105 законодателем впервые было закреплено убийство, совершенное по найму. В этом же пункте отмечается и убийство из корыстных побуждений. Таким образом, убийство по найму было отграничено от убийства из корыстных побуждений.

Однако на практике до сих пор существует проблема отождествления убийства, совершенного по найму с убийством из корыстных побуждений, что является ошибочным.

Для правильной квалификации преступления, следует отличать убийство из корыстных побуждений, особенностью которого является субъективный признак – корысть, от убийства, совершенного по найму,

обязательной характерной чертой которого признается объективный признак – наем [8, с. 157].

В толковом словаре Ожегова корысть определяется как выгода, материальная польза [7]. Таким образом, под корыстью понимается стремление к получению выгоды, обогащению.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъясняется, что под корыстными побуждениями следует понимать желание получить материальную выгоду для виновного или других лиц (деньги, имущество или права на его получение, права на жилплощадь и т.п.) или избавиться от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.) [6]. Ранее в этом пункте присутствовало указание на «иные» корыстные побуждения, однако оно было исключено, что многие исследователи считают правильным. Однако на практике возникают ситуации, когда исполнитель совершает убийство, руководствуясь иными мотивами, к примеру, ради борьбы с иноверцем.

Позиция исследователей об обязательном наличии корыстного мотива в убийстве по найму является неоднозначной. Одни ученые считают, что оно может быть совершено и без корыстных побуждений, другие же полагают, что в убийстве по найму все-таки всегда присутствует корыстный мотив. Например, И.В. Гайков считает, что: «Убийство по найму, как правило, совершается по корыстным мотивам. Данная мотивация роднит его с такими составами преступления, как убийство, совершенное из корыстных побуждений, и убийство, сопряженное с разбоем или вымогательством (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) [2, с. 13]. Однако указанное

сходство является односторонним и только частичным, поскольку сам состав преступления — убийство по найму предполагает наличие и других мотивов. Например, у организатора (заказчика) предполагается такой мотив, как месть».

Однако убийства, совершенные по найму, имеют признаки, отличающие его от убийства из корыстных побуждений:

1. исполнитель убийства не является его инициатором, он не имеет личной заинтересованности в смерти жертвы. При убийстве по найму исполнитель не является инициатором преступления, он совершает убийство по инициативе заказчика, за счет которого и удовлетворяет корыстные побуждения. Однако при совершении убийства из корыстных побуждений исполнитель преступления является его инициатором, удовлетворяя корыстный мотив за счет потерпевшего;

2. убийства по найму всегда совершаются в соучастии. Соучастие является обязательным признаком убийства по найму, в совершении которого участвуют как минимум двое: заказчик и исполнитель преступления. Их действия подлежат самостоятельной квалификации.

3. корыстный мотив является обязательным признаком субъективной стороны только для исполнителя преступления.

Н.И. Дюбова указывает, что убийство по найму, отличается от убийства из корыстных побуждений тем, что совершается в форме действия, а убийство из корыстных побуждений может быть совершено как в форме действия, так и бездействия; в составе убийства из корыстных побуждений присутствует дополнительный объект – отношения по охране собственности, в убийстве по найму он отсутствует;

убийство по найму может быть совершено только с прямым умыслом, в отличие от убийства из корыстных побуждений, которое может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом [1, с. 133].

Также убийство, совершенное по найму, следует отграничивать не только от убийства из корыстных побуждений, но и от других посягательств, объектом состава преступления которых также является жизнь человека.

Так, в случае посягательства по найму на жизнь государственных или общественных деятелей (ст. 277 УК РФ); лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ); сотрудников правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ), следует выяснить, что является объектом преступления, жизнь или же государственная власть. Т.е. необходимо установить, на что было осуществлено посягательство.

Убийство по найму отличается от данных составов преступлений по конструкции объективной стороны. Оно считается преступлением с материальным составом, т.е. с момента наступления общественно опасных последствий – смерти потерпевшего. При посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа преступления считаются оконченными на стадии приготовления либо покушения, т.е. являясь по своей конструкции преступлениями с усеченным составом.

На основании изложенного можно сделать вывод, что убийство, совершенное по найму, имеет признаки, отличающие его от рассмотренных нами видов убийств, отождествление с которыми не должно допускаться.

Основным признаком, позволяющим разграничить убийство по найму от убийства из корыстных побуждений, должно признаваться не стремление исполнителя преступления получить материальное или иное вознаграждение, а его объективную сторону, отношения между нанимателем и исполнителем – найм. В убийстве из корыстных побуждений найм отсутствует.

Считаем необходимым, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ изложить в следующей редакции: «из корыстных побуждений, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом». Убийство, совершенное по найму, следует выделить отдельным пунктом, так как оно отличается повышенной общественной опасностью, по сравнению с другими признаками, указанными в пунктах данной статьи, добавив в ч. 2 ст. 105 УК РФ п. «о»: «убийство, совершенное по найму».

Выделение убийства по найму в отдельный пункт поможет восполнить пробелы, не закрепленные в уголовном законодательстве, например, вопрос о профессиональном исполнителе убийства по найму, использующем этот промысел как основной источник дохода. Также это способствовало бы выделению конкретных признаков всех участников убийства по найму, что позволило бы в дальнейшем избежать латентности преступности. Кроме того, тем самым будут созданы условия для более точной и правильной квалификации действий участников преступления.

Споры о том, является ли убийство, совершенное по найму корыстным, будут продолжаться до момента разъяснения этого вопроса Пленумом Верховного суда РФ. На сегодняшний день существует противоречие между п. «з» ст. 105 УК РФ, в соответствии с которой

убийство по найму находится в одном пункте с иными корыстными убийствами, и Постановлением Пленума ВС РФ от 22 января 1999 г. №1, допускающим получение исполнителем материального или иного вознаграждения, подчеркивая тем самым, что наемник может руководствоваться не только корыстными побуждениями при совершении убийства [6].

Список цитируемой литературы:

1. Бродневская, Я.В. Соотношение убийств, совершаемых по найму, и иных посягательств на жизнь человека / Я.В. Бродневская // Журнал российского права. – 2009. – №11. – С. 130-136.
2. Гайков, И.В. Проблемы квалификации и регламентации ответственности за убийство по найму: диссертация… кандидата юридических наук: 12.00.08 / Гайков Игорь Викторович. – г. Ростов-на-Дону, 2004. – 23 с.
3. Дело об убийстве Владислава Листьева. – URL: http://ria.ru/spravka/20150301/1050038445.html (дата обращения: 20.01.2023 г.). – Режим доступа: РИА «Новости» : [сайт]
4. Дело об убийстве Дмитрия Холодова. – URL: https://ria.ru/20191017/1559802647.html. (дата обращения: 20.01.2023 г.). – Режим доступа: РИА «Новости» : [сайт]
5. Наумова, Т.Ю. Убийство по найму: историко-правовой анализ криминализации состава преступления в отечественном уголовном законодательстве / Т.Ю. Наумова // Молодой ученый. – 2018. – №24 (210). – С. 225-228.
6. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ: постановление Пленума Верховного Суда

РФ от 27 янв. 1999 г. № 1: ред. от 3 марта 2015 г. // Российская газета. – 1999. – № 24.

7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – URL: https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm (дата обращения: 20.01.2023 г.). – Режим доступа: Glasses.ru : [сайт]

8. Соколова, С.А. Проблемы уголовно-правовой квалификации на примере разграничения убийства по найму и убийства из корыстных побуждений / С.А. Соколова // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2015. – №24. – С. 155-160.

Двуреченский Л.А., Студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель, Шагунова В.М.

Dvurachenskyi L.A., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior lecturer, Shagunova V.M.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ, СБОРОВ, СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ

FEATURES OF QUALIFYING SIGNS OF THE CORPUS DELICTI EVASION OF TAXES, FEES, INSURANCE PREMIUMS

Аннотация.

Уплата налогов и сборов является конституционной обязанностью, закрепленной статьей 57 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой каждый должен платить законно установленные налоги и сборы. Уклонение от уплаты налогов является общественной опасностью, так как, скрывая доходы, налогоплательщики причиняют существенный ущерб бюджету государства.

Abstract.

The payment of taxes and fees is a constitutional obligation enshrined in Article 57 of the Constitution of the Russian Federation, according to which everyone must pay legally established taxes and fees. Tax evasion is a public danger, since by hiding income, taxpayers cause significant damage to the state budget.

Ключевые слова: налоги, преступление, уклонение от уплаты налогов, экономические преступления.

Keywords: taxes, crime, tax evasion, economic crimes.

Вопросы квалификации при применении уголовного законодательства и правоприменительной практики достаточно частое явление, поэтому одной из задач данной работы является как раз выявление, анализ и рассмотрение вариантов решения указанной проблемы.

Проблема момента начала и окончания налоговых преступлений уже на протяжении нескольких лет является одной из самых актуальных и обсуждаемых в уголовном праве. Как уже говорилось ранее, существует две точки зрения – первая, что уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов является длящимся преступлением. Представители данной точки зрения утверждают, что конституционная обязанность по уплате налога и сбора при совершении преступления, предусмотренного статьей 199 УК РФ не прекращается с момента, когда лицо перестает уплачивать определенные суммы в бюджет государства, прекращается эта обязанность только с моментауплаты определенной законом суммы

налога в бюджет РФ. Многие научные деятели предлагают сравнивать уклонение от уплаты налогов и сборов с хищением, однако, в противовес можно привести статью 165 УК РФ, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, а в связи с тем, что целью налогового преступления является не хищение у кого-либо денежных средств, а противоправное сбережение собственного имущества, то позиция исследователей о сравнении уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов с хищением просто теряет смысл, тем более что причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием признается единичным продолжаемым преступлением, а уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов считается, по мнению ученых поддерживающих первую точку зрения – длящимся. Вторая точка зрения отрицает позицию точки зрения того что преступление, предусмотренное ст. 199 УК РФ является длящимся и у них тоже есть на это весомые аргументы.

К таким аргументам относится, прежде всего ППВС РФ № 48, которое четко указывает на то, что моментом окончания преступления выраженного в уклонении от уплаты налогов, сборов, страховых взносов может быть только фактическая неуплата указанных обязательных платежей.

Вторым аргументом будет считаться то, что сам термин «уплата налога» включает в себя учет объекта налогообложения, подачу налоговых отчетных документов и правильное исчисление налога. То есть под собой данный термин имеет в виду не только саму неуплату налога, но еще и в обмане органов ФНС, что считается налоговым мошенничеством. Из этого

исходит вывод о том, что такое преступление уже по определению не может быть длящимся.

Разграничение составов мошенничества и уклонения от уплаты налогов на сегодняшний день считается одной из главных проблем квалификации налоговых преступлений. Однако, стоит отметить, что эта проблема касается не всех видов налогов, а скорее одного – налог на добавленную стоимость. Встречается данная проблема обычно при возмещении НДС, что по своей сути является нормальным процессом в деятельности организации, а не результатом преступной деятельности. В случае возникновения у юридического лица налога на добавленную стоимость к возмещению, то одни и те же деяния могут быть квалифицированы и по ст. 159 УК РФ, и по ст. 199 УК РФ, а в некоторых случаях возможна и совокупность преступлений.

Нюанс, который возникает при квалификации преступления по статье 159 УК РФ, заключается в утрате гарантии на освобождение от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье 199 УК РФ, то есть при полной уплате недоимки с пени и штрафом, освобождения от уголовной ответственности лица не предусмотрено. Помимо того, крупный размер в ст. 159 УК РФ и в ст. 199 УК РФ существенно различается – 250 тысяч рублей и 15 миллионов рублей соответственно. Собственно, скорее всего именно поэтому вопрос квалификации противоправного возмещения НДС остается открытым по сей день и по факту решается лишь желанием следователя или судьи.

При рассмотрении Апелляционного определения Московского городского суда от 26.03.2018 N 10-2295/2018 в первой инстанции была выбрана

квалификация возмещения НДС по ст. 159 УК РФ, поскольку в данном случае лицо зачисляло полученные суммы вычетов по НДС на счета организаций, созданных без цели осуществления хозяйственной деятельности. Лицо совершало преступление в составе организованной группы, поэтому судпризнал виновным по ч. 4 ст. 159 УК РФ[1].

В соответствии с апелляционным определением Верховного Суда Республики Коми от 27.09.2017 № 22-2217/17 суд принял решении о квалификации возмещения НДС как преступления предусмотренного ст. 199 УК РФ. В рамках дела Коз-в Г.В. включил в вычеты по НДС сведения по операциям с фирмами-однодневками, которые не осуществляли реальную хозяйственную деятельность, и в последующем направил возмещение по НДС в счет будущих выплат по тому же налогу[3]. Суд первой инстанции квалифицировал данное преступление по совокупности п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ и ч. 3 ст. 159 УК РФ. Однако суд апелляционной инстанции принял во внимание, что целью данного деяния было именно уменьшение будущих суммналога, подлежащих уплате, а не изъятие денежных средств из бюджета. Следовательно, дополнительная квалификация по ч. 3 ст. 159 УК РФ была признана излишней, и возмещение НДС стало квалифицироваться только по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ.

Исходя из данных примеров, есть необходимость разъяснить аспекты, на которые судам следует обращать внимание. К таким аспектам можно отнести: умысел лица, причины возмещения налога, обстоятельства о ведении реальной хозяйственной деятельности, действия руководителя или иного представителя организации и их направленность и др.

Ожидалось, что такие разъяснения будут даны в Постановлении Пленума №48, однако, разъяснения по данной проблематике даны не были.

Необходимо выделить проблему, касающуюся бланкетности норм, регламентирующих уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов.

В Постановлении №48 дискуссионным является пункт 3, который касается вопроса обратной силы уголовного закона, регламентирующего уголовную ответственность за налоговые преступления. В данном вопросе законодатель ссылается на нормы об обратной силе, содержащиеся в пункте 4 ст. 5 НК РФ. Так, в соответствии с Налоговым Кодексом РФ, законодательные акты, улучшающие каким-либо образом положение налогоплательщика, «могут иметь обратную силу, если прямо предусматривают это». Поскольку Постановление № 48 имеет отсылку именно к этому положению, то оно в некой степени противоречит принципу обратной силы, закрепленному в ст. 10 УК РФ, так как в пункте 1 данной

статьи закреплено, что «уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу…». Серьезность этой проблемы заключается в том, что в основе лежит важнейшее положение – действие уголовного закона во времени. На данный момент это противоречие не идентифицировано в практике, поскольку Постановление опубликовано относительно недавно (26.11.2019), однако, при возникновении коллизий при квалификации, существует вероятность того, что данная норма будет

проверена на конституционность.

Одним из главных вопросов, обязательно требующих рассмотрения, является вопрос периода, равного 3 финансовым годам, во время которого исчисляется крупный и особо крупный размер. Так, в практике возможны случаи, когда уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов продолжается на протяжении более трех лет, и в последующем выходит за рамки указанного в ст. 199 УК РФ трехлетнего периода. Однако, неизбежно возникает вопрос: как квалифицировать действия лица, который продолжает уклоняться от уплаты налогов на протяжении более длительного срока и размер суммы неуплаченных налогов достигает особо крупного размера. Существует несколько вариантов квалификации.

Первый вариант решения этого вопроса заключается в разделении преступления на несколько эпизодов, совершенных за период, превышающий трех лет. Таким образом, суд будет вынужден создать искусственную совокупность и судить лицо за совершение двух и более преступлений (в том случае, если размер суммы неуплаченных платежей в обоих эпизодах превышает 15 миллионов рублей для налогов и сборов и 6 миллионов рублейдля страховых взносов). Так лицо будет осуждено за два преступления по ст. 199 УК РФ;

Во втором варианте решения данной проблемы необходимо презюмировать, что при преодолении срока в три финансовых года умысел сохраняется, и в таком случае появляется возможность ссылаться на концепцию с одноименным названием. В соответствии с концепцией единого продолжаемого преступления, где все эпизоды охватываются единым умыслом, суммы неуплаченных налогов, сборов, страховых

взносов будут суммироваться. На данный момент эта проблема не разрешена устойчивым выбором одного из вариантов при разрешении налоговых споров.

В налоговом законодательстве также не существует норм, которые закрепляют право налоговых органов предъявления требований о взыскании к физическому лицу, виновному в совершении уклонения от налогов, сборов, страховых взносов организацией, также там не содержатся нормы, регламентирующие взыскание недоимки с руководителя.

Долгое время существовала практика двойного взыскания ущерба как с организации, так и с физического лица, поскольку суд указывал, что предметом иска являлось не взыскание недоимки, а возмещение имущественного вреда.

Подводя итог рассмотрения положений законодательства относительно уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов организацией-плательщиком, правоприменительной и судебной практики, удалось выявить наиболее острые вопросы квалификации. Так, один из наиболее обсуждаемых вопросов – о моменте окончания налогового преступления. Даже учитывая наличие позиции правоприменителя по этому вопросу, в научном сообществе закрепились два противоположных мнения по проблеме: что преступление является длящимся, а момент окончания заключается в уплате налоговой недоимки и вторая точка зрения, в соответствии с которой моментом окончания преступления является момент фактической неуплаты обязательных платежей. Второй проблемой являлось разграничение составов ст. 159 УК РФ и ст. 199 УК РФ в вопросе возмещенияНДС.

В судебной практике не сложилось единого

варианта квалификации, соответственно, требуется вмешательство правоприменителя с целью формирования единого подхода. Третья проблема – это бланкетность норм, касающихся налоговых преступлений. Дискуссионным в данном случае является п.3 Постановления №48, который отдает приоритет принципу обратной силы закона, применимой к налоговому законодательству, а не к уголовному. Также было указано на наличие вопроса, касающегося преступлений, выходящих за предусмотренный законом период в три идущихподряд финансовых года. Единой подход в судебной практике еще не выбран. Однако существует два варианта решения: рассматривать преступление как отдельные эпизоды, равные не более трем финансовым годам, или же выходить за рамки установленного периода при условии наличия единого умысла.

Заключительным вопросом для рассмотрения стало взыскание ущерба с физических лиц, виновных в совершении уклонения от уплаты налогов, сборов, страховых взносов организацией. В судебной практике существует практика, в соответствии с которой суд взыскивает сумму, равную налоговой недоимке юридического лица, с физического лица, объясняя это тем, что взыскивается не налоговая недоимка, а ущерб, причиненныйгосударству.

Список цитируемой литературы:

1. Ермолаева, Н.А, Сальников А.В., Щепельков В.Ф. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о субъекте налоговых преступлений / Н.А. Ермолаева, А.В. Сальников, В.Ф. Щепетильников. // Криминалист, 2012. – С.22-28. –

Текст: непосредственный.

2. Рарог, А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам / А. И. Рарог. – Москва: Проспект, 2015. – 229 с.

3. Определением Верховного Суда Республики Коми от 27.09.2017 № 22-2217/17 [Электронный ресурс]. – Официальный портал судов общей юрисдикции горда Москвы. – URL: http://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.03.2018 № 10-2295/2018 [Электронный ресурс]. – Официальный портал судов общей юрисдикции горда Москвы. – URL: http://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/

Ерофеева Д. А
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Erofeeva D.A.
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИДОПИНГОВЫХПРАВИЛ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CRIMINAL LIABILITY FOR ANTI-DOPING VIOLATIONS RULES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация.

В статье разбираются вопросы установления уголовной ответственности за нарушение антидопинговых правил в настоящее время. В 2016 году Уголовный кодекс РФ был дополнен статьями, которые закрепляют уголовную ответственность за склонение спортсмена к использованию допинга и за использование допинга независимо от согласия спортсмена.

Abstract.

The article deals with the issues of establishing criminal liability for violations of anti-doping rules at the present time. In 2016, the Criminal Code of the Russian Federation was supplemented with articles that establish criminal liability for inducing an athlete to use doping and for using doping regardless of the athlete's consent.

Ключевые слова: тренер, допинг, антидопинговые правила, запрещенные субстанции, спортсмен.

Keywords: coach, doping, anti-doping rules, prohibited substances, athlete.

В последнее время Российская Федерация была втянута в ряд скандалов, связанных с употреблением допинга во время международных соревнований. Множество спортсменов были лишены своих наград, либо не были допущены к участию в соревнованиях из-за употребления различных препаратов. Так, в связи с нарушением антидопинговых требований к Олимпийским играм в 2016 году не была допущена вся сборная по легкой атлетики Российской Федерации. По данным Всемирного антидопингового агентства (ВАДА) по применению допинга на первом месте стоит Россия – 373 случая за 2014-2015 годы. При этом многие спортсмены не были осведомлены, что используют запрещенные средства, поскольку тренеры или спортивные врачи не уведомляли их об этом. Проблема допинга в настоящий момент является одной из главнейших проблем в современном профессиональном спорте, поскольку употребление допингов спортсменами не только наносит ущерб их здоровью, но и подрывает принцип справедливости в спорте. В связи с ужесточением в 2015 году

антидопинговых мер, предусмотренных Всемирным антидопинговым кодексом ВАДА, и принимая во внимание множественные случаи нарушений антидопинговых правил, в Российской Федерации назрела необходимость установления ответственности за применение допинга в спорте. Федеральным законом от 22.11.2016 N 392-ФЗ в национальное законодательство РФ были внесены дополнения, устанавливающие не только административную, но уже и уголовную ответственность за нарушение антидопинговых правил.

Законодательное определение допинга определяет в законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», под которым понимается нарушение антидопинговых требований и правил, в частности использование либо попытки использования вещества и применение мер, включенных в перечни веществ и методов, запрещенных к использованию в спорте.

Ответственность профессиональных спортсменов, врачей, тренеров, работников организаций в сфере борьбы с допингом и других уполномоченных лиц за нарушение антидопинговых правил устанавливается согласно Общероссийских антидопинговых правил, Всемирного антидопингового кодека ВАДА и законам нашего государства.

В 2005 году была принята Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте, указывающая на обеспокоенность всех государств использованием допинга и последствиями его употребления для физического здоровья спортсменов и указывающая на нарушение справедливости при организации спортивных соревнований в случае его употребления. Она содержит аналогичное российскому определение «допинга» и конкретизирует ответственность за

нарушение антидопинговых правил и требований. Конвенция против применения допинга (ETS № 135), принятая в 1989 году, дает более узкое определение «допинга»: «допинг в спорте» означает введение спортсмена, а также употребление спортсменами различных видов запрещенных лекарственных препаратов или методов допинга. Согласно этому документу, участники, ратифицировавшие Конвенцию, должны принимать нормативно-правовые акты, правовые ограничения доступности допинга, в том числе, нормы, направленные на контроль перевозки, импорта, хранения, сбыта, а также применения в спорте запрещенных фармакологических веществ и методов допинга.

Согласно разделу 22 Общероссийских антидопинговых правил, принятых в 2016 году, спортсмены должны знать и обязательно соблюдать антидопинговые требования; быть доступными в любой момент с целью получения у них проб, нести ответственность за то, какую пищу и препараты употребляет; информировать специалистов в сфере медицины и спорта и персонал об их обязанностях не использовать допинг, нести ответственность за то, что медицинские препараты, которые они используют в целях лечения не нарушают законодательство и антидопинговые требования; сотрудничать с антидопинговыми подразделениями и органами по всем вопросам, связанным с расследованиями. При этом не имеет значения, оказало ли влияние использование или попытка использования запрещенного фармакологического вещества на результаты, показанные на соревнованиях.

Помимо запрещенных препаратов, Кодекс ВАДА указал на запрет 1) отказа от сдачи проб, 2) без

уважительных причин неявку на сдачу проб или 3) уклонение от сдачи проб другими средствами.

Тренеры и медицинский персонал спортсмена должны также знать и соблюдать антидопинговые правила и не должны использовать никакие запрещенные вещества или запрещенные методы без уважительной причины. Согласно разделу 9 нарушение Общероссийских антидопинговых правил, совершенное спортсменом, соревновавшимся в индивидуальном виде спорта, определенное в результате тестирования, автоматически влечет к отмене всех результатов, полученных в результате соревнований, в том числе спортсмен должен отдать все медали и призов, пересчитываются очки.

Под склонением спортсмена к употреблению допинга, согласно примечанию к данной статье, понимаются любые действия, совершенные умышленно и способствующие использованию спортсменами запрещенных субстанций, либо использование запрещенного метода, в том числе совершенные путем обмана, советов, предложений, уговоров, указаний, предоставления информации либо запрещенных фармакологических веществ, средств для применения методов, запрещенных антидопинговыми правилами, а также устранения препятствий для использованию запрещенных субстанций и либо запрещенных методов. При этом для применения данной статьи и привлечения к ответственности не имеет значение, действительно ли употреблял спортсмен запрещенное вещество или нет, отразилось ли применение запрещенных препаратов на изменение его спортивных результатов или нет.

Субъектом данного преступления выступают тренеры, специалисты в области спортивной медицины и иные уполномоченные лица в области физической

культуры и спорта, такие как дежурный в спортивном зале, администратор тренировочного процесса, директор спортивной организации или спортивной школы и др. Сами спортсмены за употребление запрещенных препаратов уголовную ответственность не несут, поскольку наказание к ним применяются руководителями международных и российских спортивных федераций. Кроме этого, не будут нести уголовную ответственность продавцы таких препаратов и врачи иных медицинских учреждений, не относящихся к спортивной медицине.

Квалифицированный состав предусматривается в следующих случаях: при совершении указанного склонения группой лиц по предварительному сговору, с применением шантажа, насилия, с угрозой применения насилия, в отношении заведомо несовершеннолетнего спортсмена, а также в отношении двух или более лиц. Верхний предел наказания за данное преступление устанавливается до одного года лишения свободы с дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до четырех лет или без такового. Таким образом, деяние, предусмотренное ст. 230.1 УК, будет относиться к преступлениям небольшой тяжести. Наказание в виде лишения свободы до трех лет с дополнительным наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового назначается в тех случаях, если указанные действия, повлекли смерть спортсмена по неосторожности или повлекли иные тяжкие последствия.

Таким образом, внесение изменений в Уголовный кодекс в области борьбы с употреблением допинга в

российском спорте направлено на выполнение антидопинговых правил и требований тренерами, специалистами по спортивной медицине и иными специалистами в сфере физической культуры и спорта. Безусловно, оно будет способствовать существенному сокращению случаев применения запрещенных препаратов, либо методов спортсменами, что, в свою очередь, будет способствовать снижению возможного риска для здоровья спортсменов.

Список цитируемой литературы:

1. Приказ Минспорта России от 09.08.2016 № 6947 «Об утверждении Общероссийских антидопинговых правил»// http://www.rusada.ru/sportsman/documents/all-Russian_anti-doping_rules

2. Кудашова И.В. Административная ответственность за правонарушения в сфере подготовки спортсменов // Вестник Казанского юридического института МВД. - 2015. - № 1 (19).

3.Приказ Минспорттуризма России от 16.04.2012 № 347 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации» // Российская газета. - 2012. - №5782 (109).

4. Проект федерального закона № 1027801-6 «О внесении изменений в статью 6.18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/

Жестерев А.С., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Zhesterev A.S., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

ГРАБЕЖ КАК СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНННИЯ

ROBBERY AS A CRIME: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND LAW ENFORCEMENT

Аннотация.

В настоящее время преступления против собственности являются одними из наиболее распространенных преступлений в России. В связи с чем, в данной статье раскрываются особенности разграничения кражи и грабежа как преступлений против собственности. Целью статьи является исследование признаков грабежа и проведение сравнительного анализа отдельных признаков состава данного преступления с помощью методов анализа и синтеза. Изучение норм уголовного законодательства и положений судебной практики позволяет выявить

отличительные признаки грабежа и провести его разграничение.

Abstract.

Currently, crimes against property are among the most common crimes in Russia. In this connection, this article reveals the features of the distinction between theft and robbery as crimes against property. The purpose of the article is to study the signs of robbery and conduct a comparative analysis of the individual characteristics of the crime with the help of methods of analysis and synthesis. The study of criminal law and judicial practice makes it possible to identify the distinctive features of robbery and to distinguish it.

Ключевые слова: Ключевые слова: кража, грабеж, квалификация, преступления против собственности, отграничение смежных составов.

Keywords: Theft, robbery, qualification, crimes against property, separation of related compounds.

После краж в иерархии правонарушений против собственности на втором месте стоит грабеж и в среднем составляет приблизительно 8 %. Уголовная статистика наиболее часто регистрирует грабежи с отягчающими обстоятельствами, среди которых превалирует повторность, предварительный сговор, проникновение в жилище, совершение организованной группой, применение насилия и т. п. Чаще остальных совершают грабеж те лица, то не имеет постоянного источника дохода (60 %.). Кроме того, преступление в виде грабежа совершается наиболее часто группой лиц (свыше 50 %), рецидивистами (40 %), несовершеннолетними (25 %).

Социально-экономические преобразования, начавшиеся в России, породили новые формы собственности, среди которых приоритет отдается частной собственности. Наряду с этим стали прогрессировать такие тенденции, как упадок экономики, безработица, коррупция.

В настоящее время существует необходимость тщательного изучения состояния законодательного регулирования составов кражи и грабежа и ответственности за их совершение, а также совершенствования правоприменительной практики и повышения эффективности деятельности государственных органов по их предупреждению, в связи с чем в теории уголовного права и правоприменительной практике имеется множество дискуссионных вопросов, связанных с квалификацией деяний, содержащих признаки этих преступлений и их отграничения. Так, выносятся судебные решения, где преступление, первоначально квалифицированное как грабеж, переквалифицируется затем на кражу и наоборот. Множество ошибок совершается из-за неправильной оценки способа совершения кражи или грабежа как хищений (тайно или открыто). Указанные обстоятельства определили выбор исследования — определения особенностей состава преступления грабежа.

Прежде чем перейти к субъективным и объективным характеристикам данного состава, обратимся к истории.

Первое упоминание о грабеже датируется 1440–1456 г. В Новгородской судной грамоте «О суде и о закладе на наездщики и на грабещики» выделяется

отдельная статья, в которой упоминается слово «грабеж»: «А кто кого утяжет в татьбе с поличным, или в розбое, или в грабежи, или в поголовщине, или в холопстве, или от полевой грамоте, ино взять судьям от судной грамоты четыре гривны, а от безсудно и две гривны» . Следующее упоминание грабежа как преступления можно найти в Судебнике Ивана Грозного от 1550 г.: «А которой ищея взыщет бою и грабежу, и ответчик скажет, что бил, а не грабил, и ответчика в бою обвинити и безчестье на нем взяти; а в пене, посмотря по человеку, что государь укажет; а в грабеже суд и правда, а во всем не обвинити» Именно в данном нормативном акте впервые на законодательном уровне предпринята попытка разделения двух составов преступления, таких как грабеж и разбой. Оба примера свидетельствуют о том, что уже на ранних этапах развития Руси как централизованного государства такой состав преступления, как грабеж, был известен законодателю.

Вплоть до конца XVIII в. четкой границы разделения составов преступления, связанных с посягательством на имущество, не было. Лишь в указе Екатерины II от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» произошло выделение трех видов воровства: воровство-грабеж, воровство-кража, воровство-мошенничество.

В период советской власти произошла смена концепций в области уголовного законодательства. Так, в УК РСФСР 1922-го и 1926 гг. грабеж был отнесен к имущественным преступлениям.

Таким образом, подводя промежуточный итог, стоит отметить, что грабеж как отдельный состав преступления известен законодателю с XV в. В ходе

дальнейшего реформирования законодатель старался разграничить отдельные составы имущественных преступлений. Важно отметить, что со сменой политического строя в стране изменялись и квалифицирующие признаки грабежа. На данном этапе используется конструкция, которая была закреплена с принятием действующего УК РФ.

В ныне действующем УК РФ грабежу как отдельному составу преступления, посвящена ст. 161.

Согласно отчету Министерства внутренних дел, за январь — декабрь 2017 г. было совершено свыше двух миллионов преступлений. При этом на долю имущественных: краж, грабежей и разбоев — приходится 52,3 % от общего числа преступлений. Следовательно, можно сделать вывод, что вопросы правоприменения и квалификации грабежа как отдельного состава преступления весьма актуальны, поскольку больше половины преступлений в России связаны с посягательством на имущественные права граждан. Все три состава, указанные выше, близки по объекту посягательства: имущественные права граждан.

Они различаются по объективной стороне:

– преступление совершается тайно (кража);

– преступление совершается открыто или с угрозой применения насилия, не опасного для жизни и здоровья (грабеж);

– преступление совершается с применением насилия опасного для жизни или здоровья (разбой). Основная сложность в квалификации данных преступлений состоит в том, что в момент совершения преступления объективная сторона может мгновенно измениться. Например, лицо, совершавшее кражу, т. е. тайное хищение чужого имущества, было застигнуто в момент совершения преступления. Именно с того

момента, когда посягающий осознал тот факт, что совершает преступление в присутствии владельца или третьих лиц, его деяния следует квалифицировать как грабеж, несмотря на то что в начале преступления были выполнены все условия объективной стороны, характерные для кражи.

Как уже было отмечено, среди всех имущественных преступлений грабеж выделяется на основании двух критериев: открытый способ хищения и возможность применения насилия, которое не является опасным для жизни или здоровья. Учитывая указанные критерии, необходимо сформулировать обстоятельства, которые необходимо принимать во внимание при квалификации грабежа. Во-первых, квалифицирующий признак: возможность применения насилия — может выражаться не только в физическом, но и в психологическом аспекте. Во-вторых, лицо, совершающее преступное посягательство, может применить насилие не только в отношении собственника или третьих лиц, но и в отношении всех лиц, которые, по мнению виновного, могут помешать ему осуществить задуманное. В-третьих, насилие, не представляющее опасности для жизни или здоровья, как правило, выражается в действиях, которые могли причинить боль (например, побои или ограничение свободы).

Следующий момент, заслуживающий внимания, это квалификация грабежа с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Незаконным проникновением в жилище, помещение или хранилище считаются такие действия виновного, которые осуществляются открытым или тайным способом вопреки установленному запрету или лицом, не имеющим на это права, с целью завладения

чужим имуществом. Если же грабеж совершило лицо, находившееся в помещении правомерно и законно, действия виновного нельзя квалифицировать как грабеж с незаконным проникновением.

Таким образом, конструкция грабежа как отдельного состава преступления появилась на Руси лишь в XIII в. Такое позднее включение связано с тем, что изначально понятие грабежа было чуждо русскому праву и навязывалось извне.

На современном этапе развития, отечественный законодатель четко отделил грабеж от других имущественных преступлений путем установления отдельных квалифицирующих признаков. Несмотря на это, судебная практика бывает противоречивой, и очень часто Верховному Суду РФ приходится давать разъяснения по вопросу квалификации грабежа как отдельного состава преступления.

Непосредственным объектом грабежа, также как и кражи выступают общественно-правовые отношения, которые обеспечивают охрану конкретной формы собственности, в которой находится похищенное имущество.

Предметом кражи и грабежа выступает чужое имущество. В качестве объекта кражи выступают отношения собственности, тогда как объектом грабежа с насилием признается также и личность потерпевшего, а именно его телесная неприкосновенность и личная свобода. В качестве отличительного признака кражи и грабежа выступает объективная сторона. Кража является тайным хищением чужого имущества, тогда как грабеж — это открытое хищение чужого имущества.

В заключение отметим, что важна также и оцененная стоимость похищенного. Уголовное наказание за кражу наступает только в том случае, если

она совершена в крупном объеме (более 2,5 тыс. рублей по ст. 158 уголовного кодекса РФ). А грабеж, каким бы удачным или неудачным для грабителя он ни был, всегда будет только уголовно наказуем.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

3. История развития и современное состояние уголовного законодательства в сфере противодействия грабежам.

4. Кравцов И. А., Колесников Р. В. Криминологическая характеристика несовершеннолетних, совершающих хищения // Вестник Воронежского института МВД России. — 2018. — № 3 — С. 1–4

Жукалина Е.А., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Кузнецов В.А.

Zhukalina E.A., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kuznetsov V.A.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF EXTREMIST CRIMES

Аннотация.

В статье раскрывается понятие преступлений экстремистской направленности, их виды и причины совершения.

Abstract.

The article reveals the concept of extremist crimes, their types and causes of commission.

Ключевые слова: преступление; экстремизм; виды экстремизма; причины экстремизма.

Keywords: crime; extremism; types of extremism; causes of extremism.

В современном мире преступления экстремистской направленности являются огромной проблемой для безопасности государств и всего мира в целом. Несмотря на то, что все государства осознают проблему и делают все возможное для её устранения, данный вид преступлений не перестаёт совершаться.

Преступления экстремистской направленности становятся более заметны среди других преступлений, проявление расовой, национальной, религиозной ненависти и вражды инициируется не только национальной либо расовой принадлежностью, но и также политическими или идеологическими предпочтениями, угрожая безопасности нашего современного государства и общества.

Впервые термин «экстремизм» в отечественном нормативном правовом акте использовали в Указе Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти по борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации».

В законе понятие «преступления экстремистской направленности» дается в УК РФ в примечании 2 к ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества»: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные

соответствующими статьями Особенной части и пунктом «е» части первой статьи 63 УК РФ».

Следует отметить, что существует достаточно много разновидностей преступлений экстремистской направленности, именно поэтому существует значимая необходимость в их систематизации по разным основаниям.

1. В зависимости от особенностей использования квалифицирующих признаков выделяются:

— преступления, где экстремистские действия выступают как квалифицированная форма совершения другого общественно опасного деяния. К примеру, убийство, побои, истязания и т.д.

— «Вандализм».

— преступления, заключающиеся только в осуществлении деяний, признаваемых экстремизмом — это самостоятельные составы, предусматривающие ответственность за отдельные деяния экстремистского характера.

В зависимости от родового объекта посягательства следует выделить:

— преступления экстремистской направленности, посягающие на конституционные права и свободы человека и гражданина, в том числе на жизнь и здоровье конкретного лица (ст. 105, 111, 112, 115-117, 119, 136 УК РФ);

— преступления экстремистской направленности, посягающие на общественную безопасность, здоровье населения и общественную нравственность (ст. 213—214, 244 УК РФ);

— преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства (ст. 280, 282, 282.1 и 282.2 УК РФ).

3. В зависимости от формы проявления преступления, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства, их следует делить на:

— преступления, не связанные с деятельностью экстремистских организаций (ст. 280, 282 УК РФ);

— преступления, связанные с деятельностью экстремистских организаций и сообществ (ст. 282.1, 282.2 УК РФ);

— преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 282.1 УК РФ).

Следует помнить, что непосредственно в круг преступлений экстремистской направленности входят те уголовно наказуемые деяния, которые по прямому указанию законодателя содержат названный мотив в качестве конститутивного либо квалифицирующего признака, а также те, которые совершаются по мотивам ненависти и вражды, пусть на этот мотив прямо в законе и не указывается [1, с.14].

Виновный, действующий по мотиву ненависти или вражды, может преследовать несколько различающихся по своему содержанию целей. Например, спровоцировать открытый конфликт или к мести за какие-либо действия [2, с.26]

В настоящее время информационные технологии играют все более значимую роль в нашей жизни, они пронизывают все сферы общества. Из-за того, что они используются в самых различных направлениях, некоторые приспособили их для совершения преступных деяний, в том числе преступлений экстремистской направленности.

Информационные и телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет» широко используются для

совершения различных преступлений. В этих системах также идет формирование мотивационной сферы молодежи, а конкретнее несовершеннолетних, психика которых восприимчива к информации, относящейся к запрещенному контенту [3, с.144].

Одними из негативных последствий возникновения и развития информационного общества и цифрового мира являются появление и неуклонный рост числа преступлений, основанных на опасной идеологии террористического и экстремистского толка и связанных с ее дальнейшим распространением, в свою очередь, приводящим к вовлечению в террористические и экстремистские сообщества и организации все новых членов [4, с.24].

Понять причины совершения преступлений весьма трудно. Существует целый комплекс, который содержит базовые, а также вариативные факторы совершения преступлений. Первые связаны со стадией развития общества и социально-экономическим положением человека в обществе. Вариативные факторы зависят от личности преступника и его мотивации.

Одно из отличий экстремистов от других преступников - это отсутствие специальных причин и мотивов. Их побуждают совершать преступления одни и те же факторы, носящие как объективную, так и субъективную природу, однако, помимо этого, есть еще некоторые отличительные знаки.

Так, к примеру, отличительной особенностью таких преступлений является то, что условия и причины их совершения смешиваются, именно поэтому теоретически их разъединить очень сложно.

Экстремизм не может возникнуть «в вакууме». Растущие в том или ином обществе недовольства, ощущение несправедливости могут привести к тому,

что обещания предоставления более широких возможностей и осуществления радикальных преобразований становятся привлекательными для многих людей [5, с.116].

Таким образом, преступления экстремистской направленности являются актуальной проблемой для общества и государства. Под ними следует понимать преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части и пунктом «е» части первой статьи 63 УК РФ. Существует достаточно много разновидностей преступлений экстремистской направленности, именно поэтому существует значимая необходимость в их систематизации по разным основаниям. Существует целый комплекс, который содержит базовые, а также вариативные факторы совершения преступлений, поэтому разобраться в причинах совершения преступлений экстремистской направленности довольно сложно.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] //

Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

3. Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. - 2011. - № 10. - С. 11- 16.

4. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): Дис. доктора юрид. наук. - М., 2011. С.42.

5. Иванцов С.В., Узембаева Г.И. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. М., Юрлитинформ. 2018. Сер. Уголовное право. С.144.

6. Узембаева Г.И. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 24 с.

7. Антонян Ю.М. Психология терроризма // Научный портал МВД России. 2012. № 3 (19). С. 106-110.

Запорожцева Н.В., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А. С.

Zaporozhceva N.V., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ТОРГОВЛИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ОТ СХОЖИХ СОСТАВОВ

DELINEATION OF TRAFFICKING IN MINORS FROM SIMILAR COMPOUNDS

Аннотация.

Статья посвящена рассмотрению современных проблем регламентации и реализации уголовной ответственности за одно из наиболее опасных преступлений против свободы человека — торговлю людьми, совершаемую в отношении несовершеннолетних.

Abstract.

The article is devoted to the consideration of modern problems of regulation and implementation of criminal

liability for one of the most dangerous crimes against human freedom — trafficking in persons committed against minors.

Ключевые слова: преступления против свободы человека, торговля людьми, торговля несовершеннолетними, уголовная ответственность.

Keywords: crimes against human freedom, human trafficking, trafficking in minors, criminal liability.

Действующая уголовно-правовая норма об ответственности за торговлю людьми ст. 127.1 УК РФ была введена 2003 г. наряду со ст. 127.2 УК РФ, установившей наказание за использование рабского труда. Эти дополнения уголовного законодательства были сделаны в следствие подписания Российской Федерацией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и Протоколов к ней, в том числе Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, в особенности женщинами и детьми, и наказании за нее.

В связи с тем, что в п. «б» ч. 2 ст. 1271 УК РФ в качестве квалифицирующего признака изначально предусматривалось совершение деяния в отношении заведомо несовершеннолетнего, одновременно было принято законодательное решение о признании утратившей силу ст. 152 УК РФ об ответственности за торговлю несовершеннолетними. Вместе с тем ст. 127.1 УК РФ в первоначальной редакции существенно сужала сферу уголовно-правовой охраны общественных отношений, обеспечивающих свободу человека в целом и свободу несовершеннолетних, в частности, поскольку в данной статье не была учтена возможность совершения иных сделок с потерпевшим, а также

предусматривался такой конститутивный признак, как цель эксплуатации человека.

После законодательных изменений, внесенных в ст. 127.1 УК РФ в 2008 г., эти недостатки были практически полностью устранены, за исключением сохранения цели эксплуатации в качестве обязательного признака для признания преступными действий в виде вербовки, перевозки, укрывательства, передачи и получения человека.

На наш взгляд, это обстоятельство свидетельствует об отсутствии необходимой последовательности и полноты при регламентации уголовной ответственности за торговлю людьми, особенно применительно к случаям совершения этого деяния в отношении несовершеннолетних, поскольку в соответствии с Конвенцией о правах ребенка участвующие в ней государства обязаны принимать все необходимые меры по предотвращению похищения детей, торговли и контрабанды несовершеннолетними в любых целях и в любой форме. Именно с учетом данных международно-правовых положений и была сформулирована указанная выше ст. 152 УК РФ, утратившая силу, закономерно располагавшаяся в гл. 20 УК РФ о преступлениях против интересов семьи и несовершеннолетних.

В 2012 г. было изменено содержание квалифицирующего признака, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ: из первоначальной формулировки было исключено указание на заведомую осведомленность виновного о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего. Вместе с тем такое указание было сохранено в смежных уголовно- правовых нормах об ответственности за похищение, незаконное лишение свободы и использование рабского труда

несовершеннолетних, что также свидетельствует о недостаточной последовательности и системности законодательных изменений в области уголовно-правовой охраны свободы несовершеннолетних.

Эффективность уголовно-правового противодействия торговле людьми в целом и торговле несовершеннолетними, в частности, на наш взгляд, также снижается вследствие отступления законодателя от требования правовой определенности при регламентации признаков основного и квалифицированных составов этого преступления, в том числе совершаемого в отношении несовершеннолетних.

Прежде всего, это замечание относится к перечню альтернативных действий, образующих объективную сторону состава торговли людьми (купля-продажа человека, совершение иных сделок с ним и т.д.).

В связи с этим на практике обращаются к определениям таких действий, встречающихся в иных отраслях права, например, гражданского, что не вполне справедливо применительно к торговле людьми, в том числе детьми, поскольку человек ни при каких условиях не может рассматриваться в качестве товара, особенно когда виновные лица используют беспомощное и (или) зависимое состояние потерпевшего, являющееся типичным для несовершеннолетних.

Большое значение для формирования единообразной и эффективной практики реализации уголовной ответственности за торговлю людьми имеет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58, в котором разъясняются многие вопросы, возникающие у правоприменителей при производстве по уголовным делам о большинстве преступлений против свободы человека.

В этом постановлении, в частности, раскрывается содержание действий, образующих объективную сторону состава торговли людьми, конкретизируется момент окончания данного преступления в зависимости от особенностей его внешнего проявления.

Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ не разъяснил вопросы, связанные с квалификацией и доказыванием торговли людьми, совершенной в отношении несовершеннолетних, а также с определением соотношения данного деяния с другими преступлениями, например, с использованием рабского труда, вовлечением в занятие проституцией и т. д.[1]

Вследствие этого вопросы уголовной ответственности за торговлю несовершеннолетними, образно говоря, остаются в тени ответственности за торговлю людьми в целом, что обусловлено отмеченным выше решением законодателя, « растворившим» состав торговли детьми, входивший в систему преступлений против семьи и несовершеннолетних, в ст. 127.1 УК РФ, направленной на охрану свободы любого человека вне зависимости от его возрастных особенностей, связей с родителями и иными близкими родственниками.

Отметим, что торговлю людьми, в том числе при ее совершении в отношении несовершеннолетних, нельзя признать распространенным преступлением с точки зрения официальной статистики, прежде всего, с позиции данных о судимости, что, на наш взгляд, не должно расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего об отсутствии необходимости совершенствования правовых и иных мер противодействия данному негативному социальному явлению.

Так, в 2018 г. за торговлю людьми было осуждено 19 лиц, в том числе 13 лиц за совершение этого деяния в отношении несовершеннолетнего. В 2019 г. – 25 и 8 лиц; в первые шесть месяцев 2020 г. — семь и пять лиц, соответственно[2].

Однако не следует забывать о том, что купля-продажа несовершеннолетнего, а равно другие действия, наказуемые по ст. 127.1 УК РФ, обладают высокой латентностью и, как правило, являются предпосылкой для совершения иных преступлений против потерпевшего, например, с принуждением к занятию той или иной антиобщественной, противоправной деятельностью (проституцией, попрошайничеством и т.д.) либо с насильственными деяниями, включая изнасилование или иные насильственные действия сексуального характера.

Таким образом, торговля несовершеннолетними в настоящее время рассматривается в качестве разновидности торговли людьми в целом, вместе с тем, соответствующие посягательства на свободу детей обладают особенностями, в совокупности обусловливающими существенное повышение их общественной опасности, в том числе в связи с возрастом потерпевших, дополнительным нарушением интересов семьи, сопряженностью с другими преступлениями.

Список цитируемой литературы:

1 О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми». Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 24 декабря 2019 № 58. // Рос. Газета. – № 296. – дек. 2019.

2 Краткая характеристика состояния преступности [Электронный ресурс]. – Главный информационно-аналитический центр МВД РФ. – URL: https://мвд.рф/folder/101762

Зольникова А.Ю., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Zolnikova A.Y., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА

METHODS OF INVESTIGATION OF CYBERBULLYING

Аннотация.

В данной статье рассматриваются проблемные вопросы, которые возникают при расследовании кибермошенничества. Из-за появления и развития киберпреступлений перед криминалистикой возник целый ряд вызовов, среди которых, в первую очередь, стоит отметить криминалистическое обеспечение расследования киберпреступлений. Нельзя не согласиться с тем, что правоохранительные органы должны иметь полное представление о том, как

противодействовать подобным преступлениям и как раскрывать их. Это особенно актуально сейчас, когда киберпреступления в своей совокупности образуют новый вид преступности — киберпреступность, для которой уже характерны специфические способы совершения преступных деяний и др.

Abstract.

This article discusses the problematic issues that arise during the investigation of cyberbullying. Due to the emergence and development of cybercrimes, criminology has faced a number of challenges, among which, first of all, forensic support for the investigation of cybercrimes. It is impossible not to agree that law enforcement agencies should have a full understanding of how to counteract such crimes and how to solve them. This is especially relevant now, when cybercrimes collectively form a new type of crime — cybercrime, which is already characterized by specific ways of committing criminal acts, etc.

Ключевые слова: кибермошенничество, майнинг, криминалистика, следователь, способ совершения преступления, мошенник, Интернет.

Keywords: cyberbullying, mining, criminalistics, investigator, method of committing a crime, fraudster, Internet.

В 2020 году пандемия коронавирусной инфекции стала причиной появлений новых способов совершения киберпреступлений. Одним из новых способов мошенничества — это предложение выплатить компенсацию за пребывание в карантине. Мошенники, используя сеть «Интернет», распространяют ложные сведения о том, что государство якобы выплачивает

всем без исключения гражданам денежные средства из-за карантина. В объявлении о такой выплате может содержаться ссылка на интернет-сайт, который является двойником официального сайта (например, Минздрава России). На нём можно заполнить анкету о получении денег, но для осуществления выплаты предлагается оплатить комиссию (для создания электронной подписи, проверки данных «получателя» выплаты и т. п.). В конечном итоге люди, которые не разобрались в «Пандемийных» законах, оплачивают комиссию и остаются без денежных средств.

Другой способ — кибермошенничество при облачном майнинге (т. е. при добыче криптовалюты с помощью удалённых компьютерных мощностей) состоит в том, что компания, предлагающая услуги удалённого майнинга, берёт с пользователей плату для того, чтобы приобрести оборудование, добывать на нём криптовалюту и платить вознаграждение пользователям. Однако на деле умысел мошенников направлен на то, чтобы получить деньги и не выплачивать вознаграждение либо выплачивать, но в течение непродолжительного времени. Этот способ мошенничества часто сочетается с другими, например, создание фальшивых сайтов-двойников известных компаний. Этот и иные подобные способы можно объединить понятием «кибермошенничество».

Следовательно, оба способа совершения киберпреступления направлены на завладение денежными средствами путём их хищения. Но каждый из них, несомненно, предопределяет разные ход и тактику расследования преступлений.

Во-вторых, не все общественные отношения с участием предметов, против которых совершаются киберпреступления, должным образом урегулированы

отечественным законом. Речь идёт, например, о криптовалюте, посягательства на которую пока что не квалифицируются как хищения. Однако наука не может и не должна игнорировать это по той причине, что криптовалюта не является полностью легальной (для свободного обращения физическими лицами).

Таким образом, характеристика наиболее распространённых способов совершения киберпреступлений доказывает, что исследуемый вид преступлений является крайне разнообразным.

Можно утверждать, что современные способы совершения кибермошенничества имеют следующие основные черты: во-первых, постоянное обновление и появление новых способов совершения киберпреступлений. Наглядным примером является «кибермошенничество», которое уже включает в себя целый ряд различных мошеннических схем, где задействованы компьютеры, сеть «Интернет» и другие информационные технологии; во-вторых, разные способы киберпреступлений могут комбинироваться друг с другом; в-третьих, новые способы совершения киберпреступлений возникают стремительно из-за изменений, которые происходят в жизни общества. Например, много новых способов киберпреступлений возникло из-за пандемии. То есть преступники находят способы воспользоваться текущими условиями жизни, новыми технологиями и другими изменениями. Следовательно, это приводит к устареванию устоявшихся на практике методик по расследованию киберпреступлений.

Одним из следствий указанных проблем является то, что привлечение к уголовной ответственности за совершение киберпреступлений не носит частого характера. Так, согласно статистическим данным

Верховного суда России, за первое полугодие 2021 г. за совершение отдельных киберпреступлений было осуждено: за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) — 44 человека; за незаконный оборот порнографических материалов в сети «Интернет» (ч. 3 ст. 242 УК РФ) — 87 человек; публичные призывы к экстремистской деятельности в сети «Интернет» (ч. 2 ст. 280 УК РФ) — 105 человек [1].

Успех расследования кибермошенничества во многом предопределяется количеством и качеством оперативно-розыскной информации, полученной ещё до возбуждения уголовного дела. Субъекту расследования крайне желательно, учитывая специфику противоправного воздействия на компьютерную информацию при совершении мошенничества, иметь в своём распоряжении уже на этапе, предшествующем возбуждению уголовного дела, максимально возможный объём сведений по основным аспектам предмета доказывания [2].

Такой информационный задел, с одной стороны, позволяет минимизировать риски по построению мошенниками результативной системы противодействия расследованию, а с другой — выполняет в случае необходимости своеобразную разъясняющую функцию для субъекта расследования, так как многообразие способов кибермошенничества неизбежно порождает сложности в понимании технологических особенностей воздействия на компьютерную информацию при совершении подобного рода преступлений.

Несомненно, важную роль в организации расследования кибермошенничества играют эксперты и специалисты, которые владеют компьютерными технологиями: умеют выявлять следы данного

преступления, могут восстановить некоторые данные, предотвратить уничтожение следов и т. п.

Разработка методики расследования кибермошенничества должна предполагать, что следователь и другие субъекты, принимающие участие в производстве по делу, должны понимать специфику компьютерных преступлений и разбираться в самих информационных технологиях. Следовательно, субъект расследования должен хорошо ориентироваться в телекоммуникационной области, в сфере компьютерной информации, а также уметь правильно пользоваться теми средствами и приёмами, которые необходимы для выявления следов кибермошенничества. Подобное возможно при условии, что следователь обладает необходимыми познаниями, а также стремится реализовать принцип специализации при расследовании компьютерных преступлений. Стоит отметить, что в России в последнее время начинают образовываться специализированные подразделения, направленные на противодействие компьютерным преступлениям, в том числе кибермошенничеству.

Особенностью кибермошенничества, как было сказано ранее, является её транснациональный и сложно организованный характер [3]. Это значит, что подобная преступность носит колоссальные масштабы и имеет возможности противодействовать правоохранительным органам (не только российским). Значит, для эффективного и успешного расследования кибермошенничества необходимо налаженное взаимодействие российских правоохранительных органов с зарубежными, в том числе международными.

Компьютерные технологии, задействованные при совершении кибермошенничества, предполагают особую логику в их применении, которая основана на

строгой дисциплине, предъявляемой к мыслительному процессу. У преступников формируется своя собственная логика. Ей должен противостоять следователь и лица, которые ему содействуют [4]. Важным требованием к следователю в таком случае является дисциплинированность, предполагающая способность к самоорганизации и сосредоточенности при решении непростых задач, а также готовность к изучению нового, так как данная сфера развивается стремительными темпами.

Поэтому рассмотренные особенности и проблемы организации расследования кибермошенничества требуют нового криминалистического подхода для следственных органов. Помимо разработки новых научно обоснованных криминалистических рекомендаций (которые уже предлагаются исследователями), видится целесообразным развитие деятельности правоохранительных органов. В перспективе представляется необходимым развитие уголовного и уголовно-процессуального законодательства таким образом, чтобы достижения науки криминалистики могли быть использованы для расследования кибермошенничества.

Как правило, исследователями предлагаются организационные изменения в системе правоохранительных органов. Так, А. Р. Братусин считает, что сформировалась потребность в новом специализированном органе, «возможно даже в статусе федерального агентства или министерства, который возьмет на себя решение задач по разработке и реализации Концепции информационной безопасности нового типа, которая будет способна в полной мере дать адекватный ответ на все возрастающие угрозы в информационной сфере». Эту идею следует поддержать,

так как один из главных недостатков расследования кибермошенничества — недостаточная техническая квалификация следствия [5].

Что касается развития законодательства, то отдельными исследователями высказываются идеи о том, что кибермошенничество, как и киберпреступления в целом, обуславливают потребность в новом виде доказательств — «электронные доказательства». Соответственно, ими предлагается закрепить в УПК РФ соответствующую статью, где будет раскрыто понятие и особенности новых электронных доказательств (в ст. 74). Эта идея представляется интересной, однако она выходит за рамки криминалистики.

Таким образом, организация расследования кибермошенничества наглядно показывает, что требуется пересмотр устоявшихся в науке криминалистики и в практике тактики и методики расследования преступлений. В частности, типичные следственные ситуации, характерные для традиционного мошенничества, здесь не актуальны: кибермошенник может находиться в другом городе или даже в другой стране, и потерпевший может не иметь никакого представления о том, кто и когда похитил у него имущество.[6]

Следовательно, предлагаются основы для нового криминалистического подхода для следственных органов. Видится целесообразным развитие деятельности правоохранительных органов следующими путями:

во-первых, организационные изменения в системе правоохранительных органов. Недостаточная техническая квалификация следствия может быть устранена, если организация работы следствия будет предполагать наличие отдельного отдела, который

будет специализировать на расследовании кибермошенничества (или на помощи в таком расследовании);

во-вторых, законодательные изменения, которые отразят разработки науки криминалистики. Так, в перспективе видится возможным закрепить в УПК РФ понятие и особенности нового вида доказательств — электронных.

Список цитируемой литературы:

1. Отчёт о числе осуждённых по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ за первое полугодие 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671 (дата обращения: 02.02.2023).
2. Юрочкин Н. С. Кибермошенничество: характеристика, приемы и методы его совершения // Таврический научный обозреватель. — 2016. — № 12–2 (17) —.С.12-17— URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kibermoshennichestvo-harakteristika-priemy-i-metody-ego-sovershеniya (дата обращения: 02.02.2023).
3. Красовская Н. Р., Гуляев А. А. К вопросу о кибермошенничестве // Вестник Удмуртского университета. Социология. Международные отношения. — 2022. — № 1. — С. 116-119 — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kibermoshennichestve (дата обращения: 02.02.2023).
4. Бураева Л. А. О вопросах противодействия кибератакам, совершаемым в интернет-пространстве на современном этапе // Проблемы экономики и юридической практики. 2018.

— № 3. — С. 109-113— URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-voprosah-protivodeystviya-kiberatakam-sovershaemym-v-internet-prostranstve-na-sovremennom-etape (дата обращения: 02.02.2023).

5. Шхагапсоев З. Л., Бураева Л. А. Киберпреступность и киберконфликты в современной России // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 3. — С 18-22 — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-i-kiberkonflikty-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 02.02.2023).

6. Билан, А. Н. Методика расследования кибермошенничества / А. Н. Билан. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 32 (427). — С. 65-68. — URL: https://moluch.ru/archive/427/94355/ (дата обращения: 02.02.2023).

Зубкова К.М., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор Соловьева В.В.

Zubkova K.M., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: PhD in History, Solovieva V.V.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХСТРАН

RESPONSIBILITY FOR INFRINGEMENTS ON INFORMATION SECURITY UNDER THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Аннотация.

Процесс информатизации нашел свое отражение в уголовном законодательстве зарубежных стран раньше чем в российском. В этой связи исследование уголовного законодательства зарубежных стран представляет научный интерес с позиции выявления перспективных направлений развития уголовного законодательства в данной сфере, которые могли быть заимствованы отечественным законодателем.

Abstract.

The informatization process was reflected in the criminal legislation of foreign countries earlier than in Russia. In this regard, the study of the criminal legislation of foreign countries is of scientific interest from the standpoint of identifying promising areas for the development of criminal legislation in this area, which could be borrowed by the domestic legislator.

Ключевые слова: информационная безопасность; уголовная ответственность за посягательства на информационную безопасность; зарубежное законодательство

Keywords: information security; criminal liability for encroachments on information security; foreign legislation

Уголовное законодательство зарубежных стран характеризуется преимущественно отсутствием системного подхода к уголовно-правовой охране информационной безопасности. Однако в некоторых странах информация, охраняемая законом, выделена в качестве родового или видового объекта. Так, в УК республики Польша глава XXXIII получила название «Преступления против охраны информации» [1]. Ввиду того, что такой подход представляет интерес с позиции настоящего исследования, остановимся на исследовании этой главы подробно. В соответствии с положениями ст. 265 данной главы, устанавливается уголовная ответственность за нарушение конфиденциальности государственной тайны. Ст. 266, в свою очередь, предусматривает ответственность за незаконные действия в отношении нескольких видов информации с ограниченным доступом. Так, ч. 1 ст. 266 гласит, что наказанию подлежит тот, кто вопреки предписаниям закона или принятого на себя обязательства раскрывает

или использует информацию, которая стала известна ему в связи с осуществляемой функцией, выполняемой работой, публичной, общественной, хозяйственной или научной деятельностью. Ч. 2 этой же статьи говорит о том, что наказанию подлежит публичное должностное лицо, которое раскрыло неуправомоченному лицу информацию, составляющую служебную тайну, или информацию, которую получило в связи с выполнением служебной деятельности, раскрытие которой может причинить вред охраняемому правом интересу. Таким образом, нормы ст. 266 направлены на охрану профессиональной и служебной тайн. Ст. 267 УК Польши предусматривает ответственность за нарушение тайны переписки. Еще одна статья анализируемой главы направлена на защиту информации, имеющей существенное значение. Уголовной ответственности подлежит тот, кто уничтожает, повреждает, удаляет или изменяет запись информации, имеющей существенное значение, либо иным способом делает невозможным или значительно затрудняет управомоченному лицу ознакомление с ней. Наказуемы и аналогичные действия в отношении записи на компьютерном носителе информации. В отдельный состав преступления выделены уничтожение, повреждение, удаление или изменение записи на компьютерном носителе информации, имеющей особое значение для обороноспособности страны, безопасности связи, функционирования правительственной администрации, иного государственного органа или администрации органа самоуправления, либо нарушение или невозможность автоматизированного собирания или передачи такой информации. Вместе с тем, в отдельную главу XXXIV «Преступления против достоверности

документов» выделены преступления против безопасности информационного ресурса.

В остальных зарубежных странах регламентация ответственности за посягательства на информационную безопасность решается иным образом. И хотя отдельные главы получили название «Преступления против информационной безопасности», они включают в себя уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления, против безопасного использования информационно-телекоммуникационных технологий. Так, например, Уголовный кодекс Республики Беларусь включает в себя главу 31 «Преступления против информационной безопасности», где предусмотрена ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации; разработку, использование либо распространение вредоносных программ; нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети и другие[2]. Конфиденциальность информации, составляющей тайну, охраняется по УК Беларуси статьями, которые расположены в других разделах и главах. К таковым относятся: ст. 177 «Разглашение тайны усыновления (удочерения)»; ст. 1771 «Незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей»; ст. 178 «Разглашение врачебной тайны»; ст. 179 «Незаконные собирание либо распространение информации о частной жизни»; ст. 203 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений»; ст. 203 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений». Ответственность за разглашение государственной тайны по УК Беларуси дифференцируется по форме вины: так ст. 373 предусматривает ответственность за

умышленное разглашение государственной тайны, а ст. 374 – за разглашение государственной тайны по неосторожности. Нельзя не сказать о том, что в УК Беларуси криминализовано умышленное разглашение служебной тайны (ст. 375). Дифференцированный подход использует белорусский законодатель и к ответственности за посягательства на неприкосновенность коммерческой тайны. Ст. 254 предусматривает ответственность за коммерческий шпионаж, под которым понимается похищение либо собирание незаконным способом сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, с целью их разглашения либо незаконного использования. Разглашению же коммерческой тайны в УК Беларуси посвящена отдельная статья.

Аналогичный подход использует и таджикский законодатель. Уголовный кодекс Республики Таджикистан содержит раздел XII «Преступления против информационной безопасности» с главой 28 «Преступления против информационной безопасности». Данная глава включает в себя 6 статей, предусматривающих ответственность за преступления в сфере компьютерной информации[3]. Таким образом, информационная безопасность в УК Беларуси и Таджикистана связана с охраной лишь общественных отношений в сфере безопасного использования информационно-телекоммуникационных технологий. В них, как и в уголовном законодательстве большинства зарубежных государств, нормы, устанавливающие ответственность за посягательства на информационную безопасность, содержатся в различных разделах и главах.

Ответственность за преступления против права на информацию и защиты информации от неправомерного

доступа, в частности, преступлений, посягающих на конфиденциальность информации, составляющей личную или семейную тайну, тайну связи традиционно регламентируется в главах или разделах о преступлениях против конституционных правы граждан. Такой подход можно встретить в УК Республики Армения в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» [4]. Во всех странах «западной ветви» романо-германской правовой системы, понятие «частная жизнь» имеет более широкий объем. Так, в Уголовном уложении Федеративной Республики Германия в 15 разделе «Нарушение неприкосновенности частной жизни и частных тайн» в ст. 203 предусмотрена ответственность за нарушение частных тайн, то есть разглашение тайны, относящейся к личной жизни, либо производственной или коммерческой тайны, которая была доверена лицу или стала иным образом известна при осуществлении деятельности [5]. Таким образом, немецкий законодатель установил уголовную ответственность за разглашение профессиональной и служебной тайны, как производных от тайны частной.

Французский законодатель использует такой термин, как «интимность частной жизни», посягательство на которую может заключаться в: перехвате, записи или передаче без согласия лица конфиденциально высказанных слов; фиксации, записи или передаче изображения лица, находящегося в частном месте, без его на то согласия. Наказуемо также доведение указанных слов или изображения лица до сведения общественности, либо за попустительство этим действиям [6].

Право на тайну связи или тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, выступая как составляющее права на неприкосновенность частной жизни, также охраняется уголовным законодательством зарубежных стран. Однако и здесь можно выделить несколько отличий. Так, бельгийский законодатель отнес нарушение тайны переговоров или телефонных переговоров к преступлениям против общественного порядка. В УК Испании и вовсе отсутствует специальная норма о нарушении этой тайны [7]. Ст. 197 УК Испании направлена на охрану неприкосновенности частной жизни в целом, а уголовная ответственность наступает за собирание и разглашение сведений без согласия их владельца, содержащихся в письмах, в сообщениях по электронной почте, сведений, находящихся в информационных, электронных или телевизионных картотеках, архивах, а также использование специальных технических средств для этих целей. Ст. 198 и 199 связаны со ст. 197, и они касаются случаев, когда субъектом преступления является государственный служащий, а также лицо, которому чужие секреты стали известны в связи с профессиональной деятельностью. Интересен с позиции юридической техники прием эстонского законодателя, который в ст. 156 Пенитенциарного кодекса «Нарушение тайны сообщений» отказался от перечисления всевозможных средств связи, с помощью которых такие сообщения передаются, изложив диспозицию ч. 1 достаточно емко, но в тоже время лаконично: «Нарушение тайны переписки и сообщений, передаваемых с помощью средств связи». В Уголовном уложении Федеративной Республики Германия дифференцирована ответственность за нарушение

тайны переписки и нарушение почтовой и телекоммуникационной тайны. Под нарушением тайны переписки там понимается вскрытие запечатанного письма или другого запечатанного письменного документа, не предназначенного для этого лица, либо ознакомление с содержанием такого письменного документа без его вскрытия с помощью технических средств. Нарушением же почтовой и телекоммуникационной тайны является передача сведений о фактах, составляющих почтовую или телекоммуникационную тайну, владельцем или сотрудником корпорации, профессионально занимающейся почтовым или телекоммуникационным обслуживанием, либо вскрытие этими лицами послания, которое было запечатано и вверено им.

Посягательства на конфиденциальность врачебной тайны криминализованы в отдельных статьях в законодательстве ряда стран. Это УК Алжира, Армении, Беларуси, Бельгии. В УК Казахстана и вовсе введена отдельная глава «Медицинские уголовные правонарушения», где ст. 321 предусмотрена ответственность за разглашение врачебной тайны, которое выражается в разглашении медицинским работником без профессиональной или служебной необходимости сведений о заболевании или результатах медицинского освидетельствования пациента, выразившееся в сообщении сведений о наличии у лица ВИЧ/СПИД.

Общий состав преступления, состоящего в разглашении профессиональной и (или) служебной тайны, существует в уголовном законодательстве значительного числа зарубежных стран. Помимо упомянутых выше УК Польши, Кореи, Нидерландов и Японии, это УК Беларуси, Франции, Испании, Израиля,

Австрии, Швеции, Швейцарии и других государств. Например, в Пенитенциарном кодексе Эстонии это ст. 157 «Нарушение обязанности хранить тайну, ставшую известной в связи с профессиональной или служебной деятельностью», в соответствии с которой лицо подлежит уголовной ответственности за разглашение информации о состоянии здоровья, частной жизни или коммерческой деятельности другого лица, если на него возложена вытекающая из закона обязанность хранить в тайне такую информацию, и она стала известной в связи с профессиональной или служебной деятельностью.

В отдельную главу выделены посягательства на тайну в УК Кореи, глава XXXV которого так и называется «Преступления, связанные с нарушением тайны». В ней предусматривается ответственность за разглашение профессиональной тайны и нарушение тайны связи. Аналогичный подход можно наблюдать в УК Японии и Нидерландов.

Криминализованы в большинстве зарубежных стран и незаконные действия в отношении сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну. Причем собирание сведений, составляющих это вид тайн, в ряде государств именуется как «промышленный или коммерческий шпионаж». Так, например, ст. 254 УК республики Беларусь предусматривает ответственность за коммерческий шпионаж, то есть похищение либо собирание незаконным способом сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, с целью их разглашения либо незаконного использования. УК Австрии также предусматривает ответственность за нарушение коммерческой или производственной тайны, выведывание коммерческой или производственной тайны. При этом выведывание коммерческой или

производственной тайны в пользу иностранного государства рассматривается как более опасное преступление.

Различным образом в законодательстве зарубежных стран решен вопрос об установлении уголовной ответственности за разглашение государственной тайны. Так, например, Уголовный кодекс Австрии содержит специальный раздел, в котором предусматривается ответственность за умышленное разглашение государственной тайны (ст. 252), выдачу государственной тайны (ст. 253) и выведывание государственной тайны (ст. 254). Понятие государственной тайны содержится в ст. 255 УК Австрии. Под таковой понимаются «сведения, предметы или познания, включая письменные материалы, чертежи, модели и сообщения о том, что является доступным ограниченному кругу лиц и должно содержаться в тайне от иностранной власти, надгосударственных или межгосударственных образований, чтобы предотвратить опасность причинения тяжкого вреда обороне Австрийской Республики или для отношений Австрийской Республики с иностранной властью или с надгосударственным или межгосударственным образованием». Уголовное законодательство ФРГ отличается более детальным подходом к вопросу охраны государственной тайны. Уголовный кодекс ФРГ включает пять статей, предусматривающих посягательство на государственную тайну. Это шпионаж (ст. 94), разглашение государственной тайны (ст. 95), завладение государственной тайной с целью ее выдачи или разглашения (ст. 96), шпионская агентурная деятельность (ст. 98). В ст. 97а Уголовного уложения ФРГ предусмотрена ответственность за выдачу

нелегальных тайн – сведений о фактах нарушения свободного демократического строя или сохраняющиеся в тайне от партнеров ФРГ факты нарушения межгосударственных соглашений об ограничении вооружения.

Определение государственной тайны приводится в ст. 93 УК ФРГ, согласно которой таковой являются факты, предметы или сведения, которые доступны только ограниченному кругу лиц и должны держаться в тайне от иностранной власти, с целью предотвратить опасность причинения тяжкого вреда внешней безопасности Федеративной Республики Германии».

Уголовный закон Франции, в отличии от других, не только не раскрывает понятия государственной тайны, но и не использует этот термин как таковой. Вместо этого французский законодатель использует понятие «тайны национальной обороны». В соответствии с ч.1 ст. 413-9 УК Франции тайну национальной обороны составляют: сведения, технологии, предметы, документы, информационные данные и данные картотек, относящиеся к национальной обороне, которые являются объектом охранных мер, направленных на то, чтобы ограничить их распространение. К тайне национальной обороны могут быть отнесены и иные сведения, если их разглашение может причинить вред национальной обороне или раскрыть тайну национальной обороны. Порядок отнесения сведений к тайне национальной обороны устанавливает специальный декрет Государственного совета.

Ст. 413-10 УК Франции включает два различных состава преступления, посягающего на тайну национальной обороны. Так, объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 413-10 УК,

состоит из таких действий как: изъятие, воспроизведение или уничтожение сведений и ознакомление с ними посторонних лиц. Ч. 2 данной статьи предусматривает уголовную ответственность за попустительство действиям, перечисленным выше, совершенное любым лицом, в распоряжении которого находилась тайна национальной обороны. Ст. 413-11 УК Франции предусматривает ответственность за завладение сведениями, относящимися к тайне национальной обороны, их уничтожение, изъятие, воспроизведение, ознакомление широкой публики или какого-либо лица, не имеющего на это право с такими сведениями. Субъектом данного преступления может быть любое лицо, не указанное в ст. 413-10 УК Франции. Наказуемо по УК Франции и такое деяние, как передача какому-либо иностранному государству, иностранному предприятию или иностранной организации, а также предприятию или организации, находящимся под иностранным контролем либо их уполномоченным сведений, технологий, предметов, документов, информационных данных и данных картотек, которые хотя и не относятся к вышеупомянутой тайне национальной обороны, однако их использование, распространение или собирание может причинить вред основополагающим интересам нации (ст. 411-6). Преступным является также собирание и хранение таких сведений для последующей передачи указанным выше субъектам (ст. 411-7) и осуществление в пользу иностранного государства, иностранного предприятия или иностранной организации, а также предприятия или организации, находящихся под иностранным контролем либо их уполномоченных деятельности, имеющей целью получение или передачу устройств, сведений,

технологий, предметов, документов, информационных данных картотек, использование, распространение или собирание которых может причинить вред основополагающим интересам нации (ст. 411-8).

В уголовном законе Испании также не упоминается понятие «государственная тайна», вместо него используется «тайна и информация, связанные с национальной обороной». Это закрытая или секретная информация, способная нанести ущерб национальной безопасности. Посягательство на нее выражается в таких альтернативных действиях, как: доставание, подделка, порча, раскрытие секретных сведений.

Преступления, посягающие на безопасность информационного ресурса в ряде зарубежных стран, как и в России, относятся к посягательствам против порядка управления. Так, например, УК Беларуси в главе 33 «Преступления против порядка управления» содержит ст. 377 «Хищение, уничтожение, повреждение либо сокрытие документов, штампов, печатей, хищение бланков», ст. 378 «Хищение личных документов», ст. 379 «Незаконные приобретение либо сбыт официальных документов», ст. 380 «Подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков». УК Китайской Народной Республики180 в главе 6 «Преступления против порядка управления и общественного порядка» в ст. 280 предусматривает ответственность за фальсификацию, подделку, куплю-продажу или кражу, грабеж, уничтожение официальных документов, удостоверений, печатей государственных органов; фальсификацию печатей компаний, предприятий, учреждений и общественных объединений; фальсификацию или подделку паспортов граждан. Иначе регламентирована ответственность за подделку документов в Уголовном

уложении ФРГ, где в разделе 23 «Подделка документов» содержится сразу 12 статей. Преступлениями там признаются: подделка документов, подделка технических записей, подделка значимых для доказывания данных, сокрытие документов, подделка медицинских документов и другие. УК Кореи в главе XX «Преступления, касающиеся документов» также предусматривает ответственность за подделку официальных документов, подделку частных документов, подделку медицинского сертификата и других. При этом в УК Кореи в отдельную главу выделены преступления, «относящиеся к печатям», дифференцируя тем самым уголовную ответственность за подделку документов и их реквизитов – печатей. При этом санкции за подделку или незаконное присвоение печати ниже, чем за аналогичные действия в отношении документов.

Что касается группы преступлений против безопасного использования информационно-телекоммуникационных технологий, то следует отметить, что изначально, с их появлением, законодательство зарубежных стран стало развиваться в двух направлениях:

-более широкое толкование традиционных норм;

-разработка специализированных норм о компьютерных преступлениях.

Большинство государств встало на второй путь, разрабатывая специализированные нормы о компьютерных преступлениях, которые появились в уголовном законодательстве практически всех зарубежных стран. При этом они либо выделяются в самостоятельный раздел или главу, либо рассредоточены по различным разделам или главам.

Уголовное законодательство стран СНГ, в целом, характеризуется единообразным подходом к криминализации преступлений в сфере компьютерной информации, во многих из них были восприняты положения Модельного уголовного кодекса стран СНГ. Например, Уголовный кодекс Туркменистана и его глава 33 «Преступления в сфере компьютерной информации» предусматривают ответственность за следующие деяния: ст. 333 «Нарушение законодательства о правовой охране алгоритмов, программ для электронных вычислительных машин (ЭВМ), баз данных и топологий интегральных микросхем», ст. 334 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 335 «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ». Последние две статьи аналогичны ст. 272 и 273 УК РФ, а ст. 333 является новой и в законодательстве других республик не встречается.

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики содержит главу 30 – «Киберпреступления»[9]. Ранее она именовалась «Преступления в сфере компьютерной информации». Ст. 271 данной главы предусматривает уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной системе. В примечании к названной статье раскрываются ключевые понятия, такие как «компьютерная система», под которой подразумевается любое устройство или группа подсоединенных друг к другу устройств, которые совершают автоматизированную обработку данных, согласно соответствующим программам. А под «компьютерной информацией» подразумевается любая информация (факты, сведения, программы и понятия), пригодные для работы, обработки в компьютерной системе. Помимо этого, глава 30 УК Азербайджана

предусматривает ответственность за: неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 272); неправомерное вмешательство в компьютерную систему или компьютерную информацию (ст. 273.); оборот средств, изготовленных для совершения киберпреступлений (ст. 273-1); фальсификацию компьютерных данных (ст. 273-2). Что касается фальсификации компьютерных данных, то под ней понимается несанкционированное, преднамеренное введение, изменение, уничтожение или блокирование компьютерных данных с целью выдать фальсифицированные компьютерные данные за аутентичные (действительные) компьютерные данные или использовать их. Новый УК Республики Казахстан, вступивший в силу в январе 2015 г. содержит главу 7 «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи», уже название которой можно признать весьма удачным [10]. Вышеназванная глава включает в себя 9 статей: ст. 205 «Неправомерный доступ к информации, в информационную систему или информационно-коммуникационную сеть»; ст. 206 «Неправомерные уничтожение или модификация информации»; ст. 207 «Умышленное нарушение работы информационной системы или информационно-коммуникационной сети»; ст. 208 «Неправомерное завладение информацией»; ст. 209 «Принуждение к передаче информации»; ст. 210 «Создание, использование или распространение вредоносных компьютерных программ и программных продуктов»; ст. 211 «Неправомерное распространение электронных информационных ресурсов ограниченного доступа»; ст. 212 «Предоставление услуг для размещения Интернет-ресурсов», преследующих противоправные цели; ст. 213 «Неправомерное изменение идентификационного кода абонентского

устройства сотовой связи, устройства идентификации абонента, а также создание, использование, распространение программ для изменения идентификационного кода абонентского устройства».

При характеристике зарубежного законодательства прослеживается отсутствие унифицированного подхода к описанию состава неправомерного доступа к компьютерной информации. В качестве объекта этого преступления в большинстве государств признается информационная безопасность (Англия, Канада). Предметом данного преступления признаются компьютерные данные. Например, п. «а» ст. 202 Уголовного уложения ФРГ предусматривает уголовную ответственность за незаконное получение лицом данных для себя или другого лица, которые предназначались не для него, находились под специальной защитой от неправомочного доступа. Ст. 202 содержит специальное указание о том, что она распространяется только на данные, хранятся или передаются электронным, магнитным или иным непосредственно не воспринимаемым способом. П. «b» ст. 202, введенный в Уголовное уложение в 2007 г., предусматривает ответственность за незаконное получение данных не уполномоченным лицом посредством применения технических средств дли себя или другого лица, в процессе их непубличной передачи или электромагнитной трансмиссии через установку электронной обработки данных. Таким образом, под уголовно-правовой охраной находятся данные, передаваемы посредством телекоммуникаций (телефон, факс, телетайп) и компьютерной коммуникации (электронная почта), независимо от формы и кодировки этих данных или ее отсутствия.

Встречается и более широкое понимание предмета – информации или программ, предназначенных для использования в связи с электронной обработкой данных (Дания); сети компьютерных данных и услуги (Канада). Ст. 186-1 УК Франции предусматривает уголовную ответственность за неправомочный перехват данных в телекоммуникационных системах. В соответствии с ч. 1 ст. 323, преступным является неправомерный доступ к автоматизированной системе обработки данных или части этой системы, если в результате доступа были уничтожены или изменены данные, содержащиеся в системе или ухудшено функционирование системы. Ч. 2 этой статьи предусматривает ответственность за воспрепятствование работе или нарушение функционирования системы автоматизированной обработки данных. Ч. 3 ст. 323 посвящена изменению данных в системах с целью подлога или мошенничества. Из анализа приведенных норм можно сделать вывод, что под защитой уголовного закона находятся данные и телекоммуникационные системы.

В большинстве развитых стран предусмотрена ответственность за совершение следующих видов преступлений в сфере компьютерной информации:

-посягательство на конфиденциальность данных;

-неуправомоченное проникновение в компьютеры и их сети;

-компьютерный саботаж;

-преступления в сфере компьютерной информации экономического характера (мошенничество).

Преступления в сфере компьютерной информации экономического характера, как правило, расположены в соответствующих главах и разделах. Подтверждением вышесказанному могут служить ст. 278, 287 УК

Польши, находящиеся в главе XXXV «Преступления против имущества». Эти нормы предусматривают ответственность за получение без согласия управомоченного лица чужой компьютерной программы с целью извлечения имущественной выгоды (ст. 278 УК Польши); влияние неправомочным на то лицом на автоматизированное преобразование, собирание или передачу информации, или изменение, удаление, введение новой записи на компьютерный носитель информации с целью получения имущественной выгоды или причинения вреда другому лицу (ст. 287 УК Польши).

Проведенный анализ наглядно свидетельствует о том, что в зарубежных странах различно решается вопрос об уголовно-правовой охране информационной безопасности. Лишь в уголовном законодательстве Польши можно увидеть системный подход к уголовно-правовой охране информации. Еще ряд зарубежных государств системно охраняют посредством уголовного закона различные виды тайн. В целом же, в большинстве зарубежных стран, как и в России, нормы, устанавливающие ответственность за посягательства на информационную безопасность, рассредоточены по всей Особенной части уголовного закона. В то же время в отдельные разделы или главы выделены статьи, предусматривающие в качестве преступлений незаконные деяния в отношении компьютерной информации

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Республики Польша = Criminal Code of the Republic of Poland (1997, amended 2021) [Электронный ресурс]. URL:

https://www.legislationline.org
/download/id/4172/file/Polish%20CPC%201997_am%202020
03_en.pdf (дата обращения: 2.02.2023).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (в ред. от 5 января 2022 г.) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь
http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900275#load_text_none_1_ (дата обращения: 2.02.2023).
3. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.12.2022 г.) [Электронный ресурс]. URL:
https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325(дата обращения: 2.02.2023).
4. Уголовный кодекс Республики Армения = Criminal Code of the Republic of Armenia (2003) (в ред. от 16.12.2021) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#0 (дата обращения: 2.02.2023).
5. Уголовное уложение ФРГ (1971) (as of 2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8253/file/Germany_CC%20am2019_de.pdf (дата обращения: 2.02.2023).
6. Уголовный кодекс Республики Франция = Criminal Code of the French Republic (as of 2020). [Электронный ресурс] URL: https://www.legislationline.org /download/id/8546 (дата обращения: 2.02.2023).
7. Уголовный Кодекс Королевства Испания = Criminal Code of The Kingdom of Spain (1995) (as of 2013) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/.pdf (дата обращения: 2.02.2023).

8. Уголовный кодекс Австрии (1974) = Criminal Code of the Republic of Austria (1974) (as of 2015) [Электронный ресурс].URL: http://www.refworld.org/docid/3ae6b5bf0.html (дата обращения: 2.02.2023).
9. Уголовный кодекс Республики Азербайджан =Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (1999) (с изм. и доп. по состоянию на 27 декабря 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/ download/id/8304/file/Azerbaijan_CC_am2018_en.pdf (дата обращения: 2.02.2023).
10. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 2 февраля 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id (дата обращения: 2.02.2023).

Зябухина Е. И., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В. М.

Zyabukhina E. I., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer Shagunova V. M.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГЕРМАНИИ

CRIMES AGAINST PROPERTY IN GERMAN CRIMINAL LAW

Аннотация.

В статье рассматриваются преступления против собственности в уголовном законодательстве Германии.

Abstract.

The article deals with crimes against property in the criminal legislation of Germany.

Ключевые слова: кража; присвоение; разбой; вымогательство; укрывательство; мошенничество.

Keywords: theft; embezzlement; robbery; extortion; concealment; fraud.

Доктрина германского уголовного права и законодатель ФРГ разделяют данную категорию преступных деяний против собственности на две группы:

1) преступные деяния против собственности и отдельных имущественных благ (ценностей);

2) имущественные преступные деяния, направленные против имущества лица в целом. Под имущественными преступными деяниями понимаются такие преступные деяния, которые направлены против имущества или отдельных имущественных ценностей другого лица.

Существование двух групп преступных деяний данного вида было учтено при составлении разделов Особенной части УК, описывающих имущественные преступные деяния. Однако следует иметь в виду, что данные разделы были выделены по внешним признакам и не отличаются системностью. Поэтому разд. XIX посвящен прежде всего наиболее часто встречающимся на практике посягательствам на собственность – краже и присвоению имущества. В разд. XX (§ 249– 256) объединены посягательства на собственность и имущество по виду посягательства (насилие и угроза его применения). В разд. XXI (§ 257-262) включены преступные деяния, которые, с одной стороны, посягают на собственность или имущество, а с другой – затрагивают государственные интересы и являются своеобразным видом присоединяющейся преступной деятельности. В разд. XXII (§ 263– 266) содержатся исключительно имущественные преступные деяния, в разд. XXVII (§ 303–305) – преступные деяния против собственности (повреждение имущества). В разд. XV (§

284-297) собраны как имущественные преступные деяния, так и деликты против различных абсолютных прав [2].

Например, по виду охраняемых правовых благ преступные деяния первоначально делятся на две группы: деликты против абсолютных прав и деликты против имущества как такового в целом. Например, в первую группу входят деликты против собственности, к которым относятся так называемые деликты присвоения, например: кража, присвоение имущества и разбой, обособленная группа самовольного использования (т.е. без разрешения владельца) чужой веши (незаконное использование транспортного средства (§ 248b) и незаконное использование заложенных вещей (§ 290), а также деликты, связанные с повреждением имущества (§ 303-305, § 308, абз. 1).

Таким образом, говоря о преступных деяниях против собственности, прежде всего, имеется в виду уголовно-правовая защита состояния лица с формальной точки зрения, т.е. его прав как собственника [3].

Преступления против собственности различаются по способу посягательства. Состав грабежа уголовному праву Германии неизвестен. В УК отсутствует определение понятий имущественных преступлений. Характеристика деяния дается через признаки, указанные в диспозиции. Размер похищенного не указывается и практически на квалификацию не влияет [1].

В разд. XIX Особенной части УК вошли составы **кражи** и **присвоения имущества**. Поэтому он носит одноименное название. Оба указанных состава относятся к так называемым деликтам присвоения. Предметом данных преступных посягательств являются

чужие движимые вещи. По уголовному праву ФРГ основное отличие этих составов друг от друга заключается в следующем: при краже субъект преступления всегда изымает вещь с целью обращения ее в свою собственность или собственность третьих лиц. При присвоении элемент изъятия отсутствует, так как лицо использует соответствующие полномочия по владению или хранению вещи, переданные ему собственником вещи. С систематической точки зрения преступные деяния, входящие в данный раздел, можно разделить на следующие группы:

1) кража;

2) присвоение имущества (§ 246);

3) незаконное использование транспортного средства (§ 248b);

4) хищение электрической энергии (§ 248c).

В соответствии со ст. 242 УК кража состоит в том, что лицо изымает у другого лица чужую движимую вещь, с намерением обратить ее в свою собственность или собственность другого лица.

Предметом здесь являются только движимые вещи. Энергия, например, относится к отдельному разделу. Вопрос о принадлежности вещи рассматривается с позиций гражданского права. Мотив не влияет на квалификацию кражи.

Субъективная сторона - прямой умысел. Кража отличается от временного пользования вещью.

Наказание - до 5 лет лишения свободы или штраф.

Кража при отягчающих обстоятельствах:

Наказание от 3 мес. до 10 лет лишения свободы.

Отягчающие обстоятельства:

взлом, либо использование поддельного ключа, либо, если преступник прячется в помещении;

похищенная вещь находилась под специальной охраной (сейф и др.);

совершение кражи как промысел;

кража вещи из церкви;

кража вещи, имеющей значение для науки, искусства, истории, если она публично экспонируется;

использование беспомощного положения собственника или другого лица, у которого находится вещь;

кража личного огнестрельного оружия, пулемета, автомата и другого автоматического оружия или взрывчатого вещества.

За кражу совершенную с применением оружия, или совершенную бандой устанавливается ответственность в виде лишения свободы сроком от 6 мес. до 10 лет (ст.244 УК).

Следующее преступление против собственности это присвоение (ст.246 УК):

Это обращение в свою собственность чужой движимой вещи, находящейся на хранении или в доверительной собственности.

Наказание - лишение свободы сроком до 3 лет или штраф.

Семейная кража (ст.247 УК):

Это кража у родственника, опекуна или сожителя. Преследуется в уголовном порядке только по жалобе потерпевшего.

В соответствии со ст. 248 можно выделить следующее:

«а» - Присвоение и кража вещей, имеющих малозначительную стоимость.

Преследуется только по жалобе потерпевшего или, когда суд и правоохранительные органы сочтут это необходимым.

«в» - Незаконное использование транспортного средства (угон).

«с» - Кража электроэнергии.

Наказание - до 2-х лет лишения свободы или штраф.

Следующее преступление - разбой и вымогательство (ст.249 УК):

Кто с применением насилия или угрозы, опасной для жизни и здоровья, изымает чужую движимую вещь, с намерением обратить ее в свою собственность или собственность другого лица, наказывается лишением свободы сроком не менее 1 года.

Но возможно и более высокое наказание.

Разбой при отягчающих обстоятельствах:

1. С наказанием не менее 3-х лет лишения свободы.

угроза оружием или другим опасным орудием;

использование другого средства, чтобы воспрепятствовать другому лицу;

тяжкий вред здоровью потерпевшего.

2. С наказанием не менее 5 лет лишения свободы.

применение оружия или другого опасного орудия;

физические истязания (пытки), связанные с опасностью причинения смерти потерпевшему.

Разбой, повлекший смерть потерпевшего, карается лишением свободы на срок от 10 до 15 лет, либо пожизненно.

Разбойная кража наказывается как и разбой.

В соответствии со ст. 253 УК регламентируется ответственность за вымогательство.

Кто с применением насилия или его угрозой принуждает потерпевшего к совершению или воздержанию от совершения какого-либо действия и тем причиняет вред имуществу потерпевшего в целях

незаконного обогащения карается лишением свободы на срок до 5 лет или штрафом.

Такое деяние является противоправным, если вред или угроза вреда признаются предосудительными. Например, если лицо требует вернуть долг, то вымогательства не будет.

Отягчающими обстоятельствами являются совершение вымогательства в виде промысла, либо бандой. Такие деяния караются лишением свободы сроком до 15 лет.

Следовательно, в ст. 255 рассматривается разбойное вымогательство:

Такое деяние совершается с применением насилия, либо с угрозой его применения, опасными для жизни и здоровья.

Далее рассмотрим ст. 260 укрывательство:

Общественно опасное действие, направленное на противодействие расследованию и представляющее собой сокрытие как самого преступника, так и всевозможных улик, которые могли бы способствовать следствию. Наказывается сроком от 6 мес. до 10 лет лишения свободы. В случаях совершения укрывательства в виде промысла или бандой - от 1 г. до 10 лет.

В соответствии со ст. 263 УК мошенничество

Лицо, которое действуя с намерением получения имущественной выгоды, причиняет ущерб имуществу другого лица путем сообщения искаженных фактов, сокрытием фактов или введением в заблуждение наказывается лишением свободы на срок до 5 лет.

Отягчающими обстоятельствами являются: совершение в виде промысла, бандой, в крупном размере, с нанесением вреда большому количеству людей, приведение потерпевшего в состояние

экономической нужды, злоупотребление полномочиями должностного лица, фальсификация наступления страхового случая. Такие деяния караются лишением свободы на срок до 10 лет.

Также в ст. 263 УК регламентируется компьютерное мошенничество:

«а»- Воздействие на компьютерные данные, неправомерное создание программ и др. Караются лишением свободы на срок до 5 лет или штрафом.

«в»- Компьютерные мошенничества, связанные с получением кредита и др.

Также интересно, что утаивание и растрата заработной платы караются, например, лишением свободы сроком до 5 лет.

Необходимо отметить, что в Особенной части УК не дано определения понятия «обработка данных». Его разъяснение – задача правоприменительной практики и науки. Правоведы Германии по этому вопросу единодушны в том, что данные представляют собой кодированную информацию. К «обработке данных» относятся все технические процессы, которые посредством восприятия данных, их записи и использования во взаимодействии друг с другом в программе приводят к определенному результату в работе. Под понятием «влияет» по смыслу § 263а понимается такое воздействие на процесс обработки данных, в результате которого лицо, совершая указанные в законе действия, получает доступ к процессу компьютерной обработки данных, контролирует его и уничтожает данные, которые содержат предписания по распоряжению имуществом.

Разнообразными являются преступления уничтожение и повреждение имущества, предусмотренные главой 27 УК ФРГ. Основным

считается состав, закрепленный в ст. 303 УК, согласно которому незаконное уничтожение или повреждение чужой собственности карается лишением свободы до двух лет или штрафом. Специальными видами уничтожения незаконные манипуляции с данными (ст. 303 УК), компьютерная диверсия (ст. 303 в УК). Кроме того, более тяжкими уголовно наказуемыми случаями указанного преступления является уничтожение или повреждение общественно важной собственности (ст. 304 УК), сооружений (ст. 305 УК), важных производственных объектов (ст. 305 УК).

Список цитируемой литературы:

1. Аистова Л. С., Д. Ю. Краев Уголовное право зарубежных стран : учебное пособие / Л. С. Аистова, Д. Ю. Краев. 2013. С. 132.
2. Крылова Н. Е. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть: учебник для вузов / Е. Н. Крылова, Н. А. Голованова, В. Н. Еремин, М. А. Игнатова, И. Д. Козочкин, А. В. Серебрянникова. М., 2023. С. 397. ОТСЮДА
3. Серебрянникова А. В. Уголовное право Германии. Учебное пособие для вузов / А. В. Серебрянникова. М., 2023. С. 124.

Иванченко Е.А., Студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Ivanchenko E.A., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer Shagunova V.M.

ОСОБЕНОСТИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СОСТАВОВ САМОУПРАВСТВА И ОГРАНИЧЕНИЕ ИХ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

FEATURES OF QUALIFIED COMPOSITIONS OF ARBITRARINESS AND THEIR RESTRICTION FROM RELATED COMPOSITIONS OF CRIMES

Аннотация.

Настоящая статья посвящена проблемам определения состава самоуправства и отграничения его смежных составов преступлений и административных правонарушений. Данный вопрос является актуальным в связи с возникающими в практике следственных органов и судов проблемами привлечения к ответственности за самоуправство.

Abstract.

This article is devoted to the problems of determining the composition of arbitrariness and delineating its related components of crimes and administrative offenses. This issue is relevant in connection with the problems of bringing to justice for arbitrariness arising in the practice of investigative bodies and courts.

Ключевые слова: уголовный кодекс Российской Федерации, самоуправство, предполагаемое право, оспаривание права.

Keywords: The Criminal Code of the Russian Federation, arbitrariness, presumed right, challenging the right.

Устанавливая состав преступления, исходя из ч. 2 ст. 330 УК РФ, законодательство разграничивает ответственность за данный вид наказания. Здесь происходит выделение квалифицирующего признака, который заключается в том, что в ходе совершения преступления лицо прибегает к применению насилия, либо к угрозе применения такового.

Особенность данного состава определяется следующими обстоятельствами:

Под насильственным самоуправством признаётся такое преступление, в котором содержится от двух объектов преступления, и, в дополнение, под объектом посягательства выступает порядок управления, совершение конкретных действий. Что касаемо дополнительного субъекта, то здесь принято считать, что под ним признается физическое, либо психическое здоровье потерпевшего. В качестве дополнительного субъекта не исключается практика признания свободы потерпевшего лица.

Следует указать, как важный критерий, что самоуправство – это сложное преступление. Как

следствие, здесь реализуется от двух последствий данного правонарушения. Под ними принято понимать значимый вред, произошедший в результате этого противоправного действия, а также последствия посягательств непосредственно на субъект, где не исключается применение физического и, или психического насилия, а равно с этим и угрозы их применения

Физическое и психическое насилие отличается не только по содержанию, но и по вызываемому ими преступному вреду. В частности, физическое насилие причиняет телесную травму, может вызвать изменения в организме человека, связанное с причинением тяжкого, средней тяжести или легкого вреда, а равно физического вреда, не имеющего самостоятельного уголовно-правового значении, а психическое насилие непосредственно воздействует на психику человека и, подавляя свободу волеизъявления потерпевшего, способно причинить психическую травму.

Что касаемо квалифицирующих признаков самоуправства, то тут следует отметить, что исходя из части 2 статьи 330 УК РФ квалифицирующим признаком самоуправства выступает именно способ совершения преступления, который выражен в непосредственном применении насилия или угрозы его применения. Состав преступления характеризуется как формально-материальный. Следовательно, противоправное деяние будет окончено как с момента угрозы или применения насилия, так и с момента причинения вреда здоровью.

Рассмотрим наглядно само понятие угрозы. Угроза характеризуется прямым воздействием на психику потерпевшего. Что касаемо её содержания, то им является факт доведения до потерпевшего намерения применить насилие. Существует ряд различных способов выражения

угрозы: письменный, устный, по телефону и так далее. В ст. 330 УК РФ законодатель не конкретизирует степень тяжести возможного вреда здоровью при применении насилия. Однако, анализируя санкции соответствующих статей УК РФ, можно сделать вывод о том, что составом самоуправства не охватывается причинение тяжкого вреда здоровью. В этом случае деяние квалифицируется по совокупности преступлений со ст. 111 УК РФ. При неосторожном отношении к причинению тяжкого вреда здоровью деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений со ст. 118 УК РФ.

Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, легкого вреда здоровью, побои, истязание, угроза убийством или причинения тяжкого вреда здоровью полностью охватываются диспозицией части 2 ст.330 УК РФ и дополнительной квалификации не требуют.

Такие деяния, как причинение смерти или тяжкого вреда здоровью уже выходят за пределы состава ч. 2 ст. 330, а значит, и требуют дополнительной квалификации по ст. 105 и 111 УК РФ. Когда самовольные действия образуют признаки самостоятельных составов иных преступлений (к примеру, может быть нарушение неприкосновенности жилища, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, отказ в предоставлении гражданину информации и т.п.), то они квалифицируются по соответствующим статьям УК РФ, которые предусматривают уголовную ответственность за эти преступления.

Вместе с тем между физическим и психическим насилием имеется тесная взаимосвязь, не только как явлений реальной действительности, но и как юридических категорий. Обнаруживая генетическую связь физического и психического насилия, законодатель устанавливает ответственность за их

применение в рамках одной части статьи уголовного закона. Однако существующая регламентация насильственного самоуправства не лишена недостатков. Анализ уголовного закона свидетельствует о том, что законодатель полагает равную типовую общественную опасность угрозы применения насилия и насилия, не опасного для жизни или здоровья. Насилие, опасное для жизни и здоровья, значительно повышает общественную опасность содеянного, поэтому должно предполагать более строгую ответственность. На основании автор полагает необходимым введение в статью 330 УК РФ части 3, где регламентировалась бы ответственность за самоуправство, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, в части 2 - установить ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровье, а равно угрозу применения насилия.

Увеличение преступных самоуправных действий, которые совершаются не в одиночку, а группой лиц, значительно увеличивает общественную опасность данного противоправного деяния при этом совершение самоуправства группой лиц по предварительному сговору менее опасно, чем совершение этого преступления организованной группой, что должно найти отражение в виде соответствующего размещения этих признаков в структуре статьи уголовного закона.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: квалифицирующим признаком (ч. 2, ст. 330 УК РФ) признается применение насилия или угроза его применения. Насилие может заключаться в нанесении потерпевшему побоев, ограничении его свободы, причинении ему иной физической боли или легкого вреда здоровью. Угроза применения насилия может быть любой

и выражаться в психическом воздействии на потерпевшего, вплоть до угрозы убийством.

Список цитируемой литературы:

1. Артюшкина, С. В. Уголовная ответственность за самоуправство: сравнительно-правовой анализ : учебное пособие / С. В. Артюшкина ; С. В. Артюшкина ; Саратовский юридический ин-т МВД России. – Саратов : СЮИ, 2011. – 88 с
2. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. В. Б. Боровикова, А. А. Смердова. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – 473 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 3 т. Том 3. Особенная часть. Разделы IX –XII / В. Т. Томин [и др.] ; ответственные редакторы В. Т. Томин, В. В. Сверчков. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 481 с. – (Профессиональные комментарии). – ISBN 978-5-534-02541-5. – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/434273.
4. Малинин, В. Уголовная ответственность за самоуправство / В. Малинин, В. Капканов // Уголовное право. – 2006. – № 4. – С. 37-41.

Калаева Е.Г., Студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Kalaeva E.G., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer Shagunova V.M.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА, ПОВЛЕКШЕГО СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF A TERRORIST ACT THAT CAUSED THE DEATH OF A PERSON

Аннотация.

Настоящая статья посвящена проблемам квалификации террористического акта, повлекшего смерть человека. Проанализированы проблемы квалификации преступных деяний, подпадающих под признаки объективной и субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205 Уголовного кодекса РФ.

Abstract.

This article is devoted to the problems of qualification of a terrorist act that caused the death of a person. The problems of qualification of criminal acts falling under the signs of the objective and subjective side of the corpus delicti provided for in Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, квалификация, преступление, устрашение, безопасность.

Keywords: terrorism, terrorist act, qualification, crimes, intimidation, security.

В п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ была установлена ответственность за террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти человеку. Законодатель, внеся данное изменения, опирался только на точку зрения авторов, считающих, что общественная безопасность как объект преступления охватывает причинение любого вреда, в том числе смерть гражданина и вред, причиненный здоровью. Данное изменение вызывает трудности на практике в отграничении террористического акта от убийства. Это связано с тем, что законодателем не были учтены положения ст. 2 Конституции РФ, в соответствии с которыми высшей ценностью являются человек, его права и свободы. А высшей ценностью любого человека является его право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ). Представляется, что любое посягательство на жизнь должно находить самостоятельную правовую оценку. В частности, возникает вопрос, как квалифицировать террористический акт, во время которого умышленно причинили смерть не одному человеку, а нескольким?

На наш взгляд, в данном случае было бы логичным давать убийству двух или более лиц самостоятельную правовую оценку, поскольку в ст. 205 УК РФ нет такого особо квалифицирующего признака. Чаще всего причиной террористических актов является неспособность государства разрешить давно существующие или возникающие национальные, расовые, социально-экономические, религиозные проблемы. Российское общество еще в недавнем прошлом обладало устойчивым иммунитетом к терроризму, однако, в настоящее время он нарушен. Это связано с тем, что терроризм аккумулировал в себе социальные противоречия пока они не достигли уровня конфликта.

Сложность квалификации террористического акта обусловлена тем, что он причиняет вред общественной безопасности и другим объектам уголовно-правовой охраны.

В связи с изложенным мы рассмотрим вопрос квалификации террористического акта, повлекшего умышленное причинение смерти человеку.

Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» в п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ была установлена ответственность за террористический акт, повлекший умышленное причинение смерти человеку, что, на наш взгляд, необоснованно. Законодатель, внося изменения, поддержал точку зрения авторов, считающих, что общественная безопасность как объект преступления охватывает причинение любого вреда, в том числе смерть гражданина и вред здоровью. По нашему мнению, данное изменение неудачно, что, в свою

очередь, вызывает трудности на практике в отграничении террористического акта от убийства. Во-первых, законодатель, внося изменения, не учел положения ст. 2 Конституции России, где отмечается, 20 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» что высшей ценностью являются человек, его права и свободы. Высшей ценностью любого человека является его право на жизнь (ст. 20 Конституции).

Любое посягательство на жизнь, на наш взгляд, должно находить самостоятельную правовую оценку. Во-вторых, как квалифицировать террористический акт, во время которого умышленно причинили смерть не одному человеку, а нескольким.

В этом случае правоприменителю придется дать действиям виновных в убийстве двух и более лиц самостоятельную правовую оценку, поскольку в ст. 205 УК РФ нет такого особо квалифицирующего признака.

Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данной категории дел не внесли окончательной ясности в вопросы квалификации террористического акта и применения указанных норм. Наоборот, некоторые предложения Пленума Верховного Суда РФ по квалификации преступлений по совокупности противоречат своим же предложениям в других постановлениях.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечается, что, если лицо во время разбойного нападения совершает убийство потерпевшего, содеянное следует квалифицировать по

совокупности преступлений по п. «з» части второй ст. 105 УК РФ, а также по п. «в» части четвертой ст. 162 УК РФ).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» предлагается действия участников незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества (преступной организации), совершивших террористический акт, квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и соответственно ст. 208, 209 или 210 УК РФ (п. 13).

Как видим, в вышеуказанных Постановлениях Пленума Верховного Суда предлагается квалифицировать деяния по совокупности преступлений.

Однако в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» отмечается, что в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует.

Непонятна логика предложенных рекомендаций. В одних случаях предлагается квалифицировать деяния по совокупности преступлений, в других не усматривают этой совокупности преступлений. Степень общественной опасности умышленного причинения смерти человеку, на наш взгляд, значительно выше общественной безопасности. Тем

более если в ходе террористического акта умышленно причинили смерть двум и более лицам[4, с. 33].

Пленум Верховного Суда РФ в этом случае предлагает квалифицировать деяние только по ст. 205 УК РФ. Хотя в законе говорится только об умышленном причинении смерти человеку (одному лицу). Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ своим предложением присвоил себе право аутентичного толкования уголовного закона. Также непонятно, почему проявляется гуманизм в отношении террориста, убившего одного или двух и более лиц. Ведь если следовать рекомендациям Пленума Верховного Суда РФ, то наказание в отношении такого террориста может быть назначено в виде пожизненного лишения свободы либо 20 лет лишения свободы - максимальный срок. Допустим, судьи назначат наказание террористу в виде лишения свободы на 20 лет, но не пожизненное лишение свободы. Тем самым проявят гуманизм, не учитывая принцип справедливости.

Если же действия лица, совершившего террористический акт с умышленным причинением смерти человеку, квалифицировать по совокупности преступлений (ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 либо ч. 2 ст. 205 УК РФ), то такому лицу может быть назначено наказание по совокупности преступлений и в соответствии с ч. 5 ст. 56 УК РФ при полном или частичном сложении сроков лишения свободы окончательный срок не должен превышать 30 лет. В этом случае принцип социальной справедливости будет реализован в полном объеме.

Список цитируемой литературы:

1. Бриллиантов, А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Учебник. / А.В. Брилиантов. – Москва: Проспект, 2018. – 1184 с. – ISBN 978-5-392-18568. – Текст: непосредственный.

2. Кругликов, Л.Л. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для бакалавров / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – 4-е изд. , перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2014. – 816 с. – ISBN 978-5-392-11494-8. – Текст: непосредственный.

3. Лебедев, В.М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Общая часть: 4 т. Т. 1 / В.М. Лебедев. – Москва: Издательство Юрайт, 2020 – 316 с. – (Профессиональные комментарии).– ISBN 978-5-534-00044-3. – Текст: непосредственный.

4. Сидоренко, А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики. - М.: Кучково поле, - 2015. - С. 33.

Калинина К.Ю., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А.С.

Kalinina K.Y., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УЧИМСЯ У ПРОШЛОГО.

INVOLVEMENT OF A MINOR IN COMMITTING A CRIME: LEARNING FROM THE PAST.

Аннотация:

В данной статье рассматривается проблема вовлечения несовершеннолетних лиц в преступления и антиобщественные действия, причины и способы противодействия. Анализ эффективной уголовно-правой борьбы с преступностью среди подростков на примере УПК РСФСР 1960 г. и действующего УПК РФ.

Abstract.

This article discusses the problem of involving minors in crimes and antisocial actions, causes and methods of counteraction. Analysis of the effective criminal law fight against crime among adolescents on the example of the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1960 and the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: вовлечение, преступления, противоправные действия, несовершеннолетний, уголовная ответственность.

Keywords: involvement, crimes, illegal actions, minor, criminal liability.

В России подростки являются той категорией населения, которая подлежит особому вниманию и защите со стороны государства. Именно поэтому приобретает актуальность законодательное закрепление их прав и свобод на максимальном уровне. Проблема преступности среди несовершеннолетнего населения, как зародыш среди имеющихся преступлений, одна из действующих, главных проблем. Законодательство Российской Федерации направлено на вскрытие конкретных причин преступных действий молодого поколения, с целью их уменьшения. Факторов влияния большое количество, начиная с отрицательного влияния внешней среды, личности самого несовершеннолетнего, заканчивая формированием правосознания, как у законных представителей, так и у самого государства.

Глава 50-я уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации регулирует

производство по уголовным делам в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. Закон убеждает нас, что установлены все необходимые требования, обязательные для исполнения лицом, проводящим предварительное расследование по такому уголовному делу.

В действующем УПК РФ законодатель уже разграничивает участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в ходе досудебного производства по уголовному делу и в судебном заседании, в отличии от УПК 1960г, тем самым уделяя особое внимание защите прав и интересов несовершеннолетних лиц. При производстве следственных действий по уголовным делам в современном уголовно - процессуальном кодексе РФ, наряду с защитником (адвокатом), необходимо обязательное участие законных представителей несовершеннолетних, педагогов, психологов (ст. 48, 191, 424-426 УПК РФ).

При этом если провести сравнительный анализ ст. 392 УПК РСФСР 1960 года Статья 392. Обстоятельства, подлежащие установлению по делам несовершеннолетних. При производстве предварительного следствия и судебного разбирательства по делам несовершеннолетних необходимо обратить особое внимание на выяснение следующих обстоятельств:

1) возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения);

2) условия жизни и воспитания;

3) причины и условия, способствовавшие совершению преступления несовершеннолетним;

4) наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников [2].

и УПК РФ 2022 года ст. 421. Обстоятельства, подлежащие установлению.

1. При производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в статье 73 настоящего Кодекса, устанавливаются:

1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;

2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;

3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, в действующем уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации [1]., п. 3 ст. 392 «причины и условия, способствовавшие совершению преступления» УПК 1960-го года отсутствует.

Таким образом, «игнорируя» предпосылки совершения преступных деяний лицами, которые не достигли 18-летнего возраста, обусловленных разными взаимосвязанными причинами опекунов, родителей, попечителей, (антисоциальное состояние в семье, насилие, буллинг) влияние социального и экономического развития определённого региона, элементов преступности, и др. Для предотвращения мер противоправного характера необходимо проводить профилактические действия социальной девиации среди подростков.

Проникая в сознание людей через средства коммуникации: телевиденье, журналы, в современном мире основной своей платформой распространения преступность часто выбирает Интернет. Вследствие этого, в современном мире общество становится незащищённым в полном объёме, под угрозой проникновения находятся все сферы жизни. Несмотря на своё отрицательное влияние, СМИ имеет так же обратную – положительную сторону. Мы можем наблюдать, как защищённость социальной сферы выходит на передний план международной повестки дня вследствие возрастающего уровня разноплановых угроз.

Неблагоприятный стиль воспитания, нарушения внутрисемейных взаимоотношений, конфликтность, агрессия в детско-родительских отношениях – всё это без исключения приводит к формированию отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Кроме того, есть различные методы вовлечения подростков в противоправную деятельность. Одним из таких способов может являться формирование у несовершеннолетнего чувства собственного превосходства над окружающими, либо напротив - подчеркивание его умственной или физической неполноценности по отношению к лицу, в отношение которого планируется совершение преступного посягательства. [10]

Важно отметить, что совершение преступлений несовершеннолетними гражданами обусловлено вовлечением их в преступную деятельность, которые в конечном итоге приводят к совершению преступного деяния.

Целенаправленная работа с несовершеннолетними по профилактике преступных проявлений должна проводиться по трём главным направлениями:

единая воспитательная деятельность с учащимися;

профилактическая работа с группой риска;

предупреждение рецидива;

коррекционно-педагогическая работа с подростками, участвующими в деструктивных неформальных объединениях. [11]

Не смотря на снижение преступности среди несовершеннолетних по России снижение на 17,2% [9], в целях предотвращения антиобщественных движений коррекционная работа с подростками должна проводиться не только психологами и педагогами, но и воспитательно - профилактическую работу следователя и дознавателя.

Таким образом, результат решение вопросов профилактики преступности несовершеннолетних должен быть первостепенным направлением общегосударственной политики в области борьбы с преступностью. Несмотря на определённые недостатки в представленной области со стороны органов, учреждений системы профилактики, на сегодняшний день она является весьма перспективной, что частично подтверждается официальной статистикой преступности среди подростков. [4, с. 286] Но, безусловно, остаётся место для её дальнейшего усовершенствования и решения актуальных проблем профилактики преступности несовершеннолетних.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г.// надлежащие Рос. газета 22.12.2001 (в ред. от 30.12.2021)
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960)
3. Буланова Н.В., Деятельность прокурора по осуществлению уголовного преследования: /Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 2011. – 116 с.
4. Дворник А.Н. Организационные аспекты работы следователя по предупреждению преступлений несовершеннолетних. в сборнике: молодые ученые в решении актуальных проблем науки. 2018. С. 283-287
5. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 288 с.
6. Профилактика экстремизма в молодежной среде: информационно методический сборник. – Иркутск. 2020. – 131 с.
7. Рыбальская В.Я. О процессуальных гарантиях прав потерпевших в производстве по делам несовершеннолетних // Проблемы борьбы с преступностью: Труды Омской ВШМ и Иркутского университета. Омск; Иркутск, 1975. С. – 85.
8. https://epp.genproc.gov.ru/web/mmtp/activity/protecting_children/faq/ug?item=49434430
9. https://53.мвд.рф/news/item/25115733
10. http://rccvetik.ru/upload/medialibrary/393/6-profilaktika-vovlecheniya.pdf

Калугина О.О., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А.С.

Kalugina O.O., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ

ISSUES OF SENTENCING IN THE PRESENCE OF CIRCUMSTANCES MITIGATING THE PUNISHMENT

Аннотация.

В статье автор обращает внимание читателей на законные возможности, позволяющие снизить установленную санкцией статьи уголовного кодекса планку наказания с помощью различных методов. Автор подчеркнул важность института индивидуализации уголовного наказания.

Abstract.

In the article, the author draws the readers' attention to the legal possibilities that allow reducing the penalty level established by the sanction of the article of the Criminal Code with the help of various methods. The author emphasized the importance of the institution of individualization of criminal punishment.

Ключевые слова: наказание, признание вины, смягчающие обстоятельства, лишение свободы.

Keywords: punishment, admission of guilt, mitigating circumstances, imprisonment.

В современном мире проблемы назначения уголовного наказания являются наиболее актуальными на данном этапе развития Российского законодательства. Это обусловлено, прежде всего тем, что Уголовный Закон Российской Федерации предусматривает ряд обстоятельств как смягчающих, так и отягчающих вину лица, совершившего противоправное деяние. В данном научной работе речь пойдет об основных вопросах назначения уголовного наказания при наличии обстоятельств, смягчающих наказание.

«Правовой основой обстоятельств, смягчающие наказание, выступает ст. 61 УК РФ. Законодатель в качестве смягчающих признает 10 обстоятельств. Особо отметим, что данный перечень является открытым и суд может признать любое обстоятельство, смягчающее наказание»[3, с. 21]. Целесообразно отметить, что, учитывая характер и совокупность различных смягчающих обстоятельств, суд при назначении уголовного наказания может рассматривать таковые как исключительные обстоятельства, которые позволяют назначить наказание с применением статьи 64 УК РФ.

Данная статья подразумевает назначение наказания более мягкого, чем описано в санкции инкриминируемого виновному деяния. Это говорит о том, что обстоятельства, смягчающие наказание, играют существенную роль в формировании специальных положений и правил назначения виновному лицу уголовного наказания.

Для того чтобы разобраться в видах и особенностях вышеуказанных обстоятельствах, необходимо понимать вообще значение понятия «обстоятельства, смягчающие наказание». Стоит отметить, что в уголовном законе нет единого определения данному понятию. На практике это может привести к ошибочному толкованию обстоятельств, смягчающих наказание. На наш взгляд, целесообразно внести дополнение в статью 6 УПК РФ, изложив понятие «обстоятельства, смягчающие наказание» следующим образом:

«Обстоятельства, смягчающие наказание» - это свойственные конкретному лицу факторы, указывающие на меньшую степень опасности виновного лица, обвиняемого в совершении преступления, для самого себя, общества и государства, наличие которых позволяет назначить менее строгое наказание, близкое к минимуму, или же минимальное наказание в пределах санкции инкриминируемой статьи».

Подобное закрепление в законодательстве позволит избежать разночтений данного понятия на практике и значительно уменьшит количество нарушений, связанных с ошибочным толкованием. Как показывает практика, при рассмотрении уголовных дел суды в качестве основного смягчающего обстоятельства опираются на «признание вины» или же «явка с

повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления». Данное обстоятельство имеет законодательное закрепление в пункте «и» части 1 статьи 61 УК РФ. При рассмотрении уголовного дела в особом порядке данное обстоятельство имеет существенное значение, но ведь такое рассмотрение уже предполагает признание обвиняемым своей вины и выражает его согласие с предъявленным обвинением.

При рассмотрении дела в особом порядке наказание не может превышать двух третей от максимально возможного, но если учитывать вышеперечисленное обстоятельство, то подсудимый может рассчитывать на дополнительно смягчение ответственности за совершенное деяние. На наш взгляд это недопустимо, так как по сути признание вины уже улучшило положение подсудимого, позволив ему выйти в особый порядок, и на дополнительное смягчение ответственности по данному обстоятельству лицо, совершившее противоправное деяние, рассчитывать не должно.

Как уже упоминалось выше, ряд обстоятельств, смягчающих наказание, по современному уголовному праву не является исчерпывающим. На наш взгляд это не является допустимым для информационного этапа развития общества, так как в условиях быстро меняющейся действительности должен быть конкретный список обстоятельств, на которые должен опираться суд при определении размера уголовного наказания. Опираясь на судебную практику, можно сказать, что выделяются некоторые дополнительные обстоятельства, смягчающие наказание, такие как:

«1.не состоит на учетах в специализированных государственных органах

2. наличие различных заболеваний, группы инвалидности, травмы;

3. отсутствие судимостей»[4, с. 34].

Справедливо будет заметить, что неограниченный список смягчающих вину обстоятельств, способствует возникновению на практике различных проблем. В качестве примера можно привести следующее обстоятельство. Например, при работе с судебной практикой было выявлено, что ряд судей при вынесении судебных решений в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, учитывал состояние здоровья, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, наличие иждивенцев, наличие заболеваний, инвалидность именно как смягчающее вину обстоятельство, а некоторые другие суды вышеуказанные факторы относили к характеристикам личности лица, совершившего противоправное деяния.

Сама система идентификации личности лица, совершившего противоправное деяние, вызывает многочисленные споры среди ученых-юристов по всеми миру. Это объясняется тем, что многие не согласны с отсутствием единого перечня смягчающих вину обстоятельств. Таким образом Ю. Б. Мельникова говорит, что «учету подлежат только те социально значимые свойства и особенности, которые имеют уголовно-правовое значение. Личность виновного должна учитываться, главным образом, в связи с совершенным им преступлением»[1, с. 108]. С данным мнением нельзя не согласиться, так как лишь, опираясь на конкретное значимое обстоятельство, можно судить о личности виновного лица.

А вот Таганцев Н.С. в своей работе «Русское уголовное право» говорит о том, что характерные особенности личности, проявленные при совершении преступления, такие как физические, психические, различные наклонности, отдельные черты характера, воля лица, являются лишь одним из множества элементов, которые определяют как общественное, так и индивидуальное значение совершенного им общественно-опасного деяния, а следовательно, влияющим на назначение ему справедливого наказания. С данной позицией также нельзя не согласиться, ведь лишь всестороннее изучение личности виновного позволит выделить конкретное обстоятельство, на которое суд может ориентироваться при назначении наказания. На наш взгляд обе позиции являются верными в определенной мере. Нельзя не учитывать личность виновного лица, но и нельзя отдавать первостепенное значение характеристики личности лица, совершившего противоправное деяние. Характеристика личности может расцениваться судом как одно из обстоятельств, смягчающих наказание. Анализируя судебную практику, необходимо отметить, что при назначении наказания суд достаточно полно и развернуто описывает характеристику личности лица, совершившего противоправное деяние. Данное обстоятельство расходится с позицией многих ученых-юристов. Они говорят о том, что в уголовных делах достаточным будет наличие двух-трех кратких характеристик личности. «Так, в 98% приговоров была учтена личность преступника исходя из:

а) социально-демографических данных: поведение в быту (73%); отношение к учебе, труду, общественным и государственным интересам (20%); имущественное положение (20%); семейное положение (14%); наличие

иждивенцев (12%); возраст (10%); занимаемая должность, профессия (2%);

б) психофизиологических: наличие или отсутствие психических аномалий или расстройств (63%); состояние здоровья (27%); совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения (14%); инвалидность (8%);

в) по правовому статусу: наличие судимостей (59%); наличие ранее административных наказаний (12%)»[2, с. 56].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на практике характеристика личности виновного лица учитывается всесторонне и достаточно детально, опираясь на множество факторов. Нет единого мнения о том, можно ли все эти обстоятельства объединить в одно и назвать «характеристикой личности виновного». Одни говорят о полном и детальном анализе и учете каждого конкретного факта в отдельности, другие же выступают за обобщенное понятие и не видят смысла в детальном толковании характеристики личности как обстоятельстве, смягчающим наказание. Все это является следствием законодательного пробела и выражается, как уже говорилось выше, в отсутствии единого исчерпывающего перечня обстоятельств, смягчающих наказание для лица, совершившего противоправное деяние. Среди ученых также идет спор о том, как относится конкретное смягчающее обстоятельство к совершенному противоправному деянию. Так, В.В. Мальцев поднимает вопрос об обязательности учета конкретного обстоятельства, смягчающего наказание, для конкретного противоправного деяния. Данная позиция представляется интересной и достаточно дискуссионной. Это обуславливается тем, что при

назначении наказания, по мнению автора, необходимо разграничивать относимость конкретного смягчающего обстоятельства с видом совершенного преступления. Но на практике возникают определенные разногласия по этому поводу. Опираясь на статистику судов, можно говорить о том, что учитываются все смягчающие вину обстоятельства, независимо от вида преступления, ведь личность человека, его права и свободы признаются в нашей стране наивысшей ценностью. На наш взгляд нельзя пренебрегать одним смягчающим вину обстоятельством только из-за того, что оно никак не соотносится с конкретным преступлением. Упущение такового может повлиять на такую цель наказания как исправление осужденного.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо сделать вывод о том, что вопросов относительно назначения наказания при наличии смягчающих вину обстоятельств достаточное количество как в теории, так и на практике. Разногласия ученых-теоретиков и юристов на практике возникают из-за недостаточного законодательного закрепления данных положений. Лишь полное и точное урегулирование возникших ситуаций, путем внесения отдельных положений в статьи законов способно как в теории, так и на практике снизить волну противоречивых мнений относительно обстоятельств, смягчающих наказание.

Список цитируемой литературы:

1. Мельникова Ю.Б. Личность преступника и индивидуализация уголовного наказания // Советское государство и право. 2017. № 8. С. 108.
2. Прохоров Л.А. Обязательное смягчение наказания при наличии позитивного посткриминального

поведения виновного // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 9. С. 56.

3. Розенко С.В. Проблемы назначения уголовного наказания, при наличии обстоятельств, смягчающих наказание // Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 7. С. 21.

4. Шкредова Э.Г. Учет личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как один из критериев справедливого наказания // Журнал Российского права. 2016. № 5. С. 34.

Калугина О.О., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А.С.

Kalugina O.O., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ ВИНОВНОГО

SENTENCING IN THE PRESENCE OF CIRCUMSTANCES MITIGATING THE PUNISHMENT, CHARACTERIZING THE IDENTITY OF THE PERPETRATOR

Аннотация.

Выясняется соотношение понятий «личность виновного» и «смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства». Сделан вывод, что смягчающие и отягчающие обстоятельства могут характеризовать как личность виновного, так и совершенное им преступление. При этом личность виновного

характеризуют не только обстоятельства, учтенные в качестве отягчающих и смягчающих наказание, но и иные свойства личности, влияющие на назначение наказания. Предложено привести в Уголовном кодексе России примерный перечень обстоятельств, относящихся к личности виновного и подлежащих учету при назначении наказания.

Abstract.

The purpose of the article is to clarify the relationship between the concepts of «personality of the guilty» and « mitigating and aggravating circumstances». The author comes to the conclusion that mitigating and aggravating circumstances can characterize both the personality of the perpetrator and the crime committed by him. The author notes, that the identity of the perpetrator is characterized not only by the circumstances taken into account as aggravating and mitigating punishment, but also by other characteristics of the individual influencing the imposition of punishment. According to the author, the Criminal code of Russia should give an approximate list of circumstances relating to the identity of the perpetrator and to be taken into account when imposing punishment.

Ключевые слова: наказание; назначение наказания; личность виновного; смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства; индивидуализация наказания.

Keywords: punishment; sentencing; personality of the perpetrator; mitigating and aggravating circumstances; individualization of punishment.

В современном мире в условиях быстро изменяющейся действительности при назначении

наказания лицу, обвиняемому в совершении преступления, учитываются различные обстоятельства, которые либо смягчают, либо отягчают наказание, а также характер и степень общественной опасности, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, личность виновного. В данной работе необходимо наиболее полно раскрыть обстоятельства, смягчающие наказания, характеризующие личность виновного. Это является актуальным, так как в условиях активного становления и развития института правового государства и гражданского общества человек, его права и свободы, личность лица выдвигаются на первый план.

В современном уголовном законодательстве выделяют 3 обстоятельства, смягчающих наказание, которые характеризуют личности виновного. К таковым относят:

1. несовершеннолетие виновного
2. беременность
3. наличие малолетних детей у виновного.

Данные положения закреплены в пункте б, в, г части 1 статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации. Остановимся подробнее на каждом из них.

Одним из наиболее распространенных обстоятельств, на которые ссылаются при назначении наказания, выступает именно возрастной ценз, а именно несовершеннолетие виновного лица. Признание вышеуказанного обстоятельства таковым является отражением такого принципа современного уголовного права как гуманизм. «В случае совершения несовершеннолетним преступления, когда отсутствуют основания для его освобождения от уголовной ответственности либо наказания, ответственность подростка реализуется с учетом положения п. «б» ч. 1

ст. 61 УК РФ, согласно которому несовершеннолетие виновного является обстоятельством, смягчающим наказание»[3, с. 34].

Одним из основных факторов личности лица, совершившего противоправное деяние, не спроста выступает его несовершеннолетие. В современной российской науке можно также встретить такие тождественные понятия как переходный возврат, некоторые ученые называют его кризисным, кто-то отдает предпочтение термину «трудный возраст». Все это является обобщенным вариантом понятия «несовершеннолетие».

На наш взгляд «несовершеннолетие» это период жизни, когда физическое, моральное, духовное, эмоциональное становление личности подростка не завершено. Именно в этот период, по мнению многих психологов, очень трудно предугадать поведение и действия подростка, ведь происходит социальное становление личности. В этот промежуток времени происходит формирование модели поведения, нравственных идеалов, принципов, системы жизненных приоритетов. Как уже отмечалось выше, под воздействием неблагоприятных факторов именно в период несовершеннолетия возможно становление ложных идеалов, сниженной оценки себя как личности в целом и искаженных ценностей. Все это может стать причиной вовлечения несовершеннолетнего лица в противоправные действия.

Важно понимать тот факт, что именно возрастной критерий лица, совершившего противоправный поступок, определяет его психическое развитие, подверженность его влиянию со стороны антиобщественного поведения, его вовлеченность в антисоциальные круги. Статистические данные, взятые

за последние 5 лет отражают неутешительную картину. В ней говорится о том, что среди профессиональных преступников подавляющее большинство свое первое преступление совершили именно в несовершеннолетнем возрасте. Именно поэтому при оценке личности, совершившей преступление, очень важно учитывать возрастной критерий.

В правовой юридической науке основанием смягчения ответственности за совершенное противоправное деяние очень справедливо выступают возрастные особенности личности. Это обуславливается тем, что недостаточная волевая зрелость, неспособность самостоятельно принимать решения, эмоциональная нестабильность приводят к необдуманным действиям, а, следовательно, и негативным последствиям. Как уже утвердившийся факт, многие подростки совершают преступления из-за желания быть похожим на «крутого» взрослого, чем-то выделиться или же просто привлечь внимание. Также необходимо отметить, что учитывая вышесказанные критерии, для исправления несовершеннолетнего преступника по статистике нужно меньше времени для исправления. На основании этого следует сделать вывод, что несовершеннолетие виновного как обстоятельство, смягчающее наказание, является актуальным вопросом для дальнейшего изучения и рассмотрения.

Вторым обстоятельством, смягчающим наказание и характеризующим личность виновного лица выступает беременность. Необходимо сразу отметить, что данное положение применимо только к женщинам, совершившим противоправное деяние. Давайте попробуем разобраться, почему данного обстоятельство в теории и практике Российского уголовного

законодательство выступает исключительно как обстоятельство, смягчающие наказание.

«В юридической литературе отсутствует единство относительно учета данного фактора. Так, Г. З. Анашкин определяющее значение придает именно самому состоянию беременности вне зависимости от его влияния на совершение преступления. М. Н. Становский более подробно обосновывает такую позицию, увязывая особое психофизиологическое состояние женщины в этот период с возможностью формирования мотивации на совершение противоправных деяний . Совсем категоричной представляется позиция Л. А. Долиненко, полагающей, что во всех случаях совершения преступления беременной женщиной ее состояние должно рассматриваться как обстоятельство, смягчающее наказание»[2, с. 76]. И действительно неоднозначность мнений вызывает различные противоречия на практике.

Можно сказать о том, что вышеуказанные мнения ученых-юристов сводятся к тому, что беременность как исключительное обстоятельство, смягчающее уголовное наказание, рассматривается именно как совершение преступления женщиной заведомо находящейся в состоянии беременности. Здесь речь идет именно о самом факте беременности на момент совершения преступления.

Противоправное деяние должно быть совершено женщиной ни до, ни после, а именно в период беременности, ведь именно данное состояние оказывает сильное влияние на совершение преступления с точки зрения эмоционального состояния. Применение данного обстоятельства как фактора, смягчающего наказание, отражает действие принципа гуманизма уголовного законодательства Российской Федерации.

«В то же время отдельные исследователи по-прежнему подчеркивают, что состояние беременности, независимо от ее срока, смягчает наказание при совершении преступления любой тяжести, различных степени и характера общественной опасности, а также безотносительно к тому, находится или не находится это преступление в какой-либо зависимости от состояния беременности»[4, с. 39]. Таким образом можно сделать вывод, что беременность женщины, совершившей противоправное деяние, рассматривается как обстоятельство, смягчающее наказание, опираясь лишь на моральные нормы и принципы уголовного судопроизводства.

Третьим обстоятельством, смягчающим наказание и характеризующим личность виновного лица, выступает наличие малолетних детей. В первую очередь стоит также отметить, что данное обстоятельство в первую очень является отражением принципа гуманизма и справедливости современного российского законодательства. «Это обстоятельство может быть учтено при назначении конкретных видов уголовного наказания, более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, освобождении от уголовной ответственности и наказания и т.п., а в случае злоупотребления родительскими правами — привести к отказу в применении амнистии, отмене отсрочки отбывания наказания и т.п.»[1, с. 16]

Сам факт наличия у лица, совершившего противоправное деяние, малолетних детей уже предполагает его рассмотрение как обстоятельство, смягчающее наказание, ведь защита детей, обеспечение их право на жизнь с родителями первостепенная задача Российской Федерации.

В современной российской науке также отсутствует единое мнение по поводу факта признания данного обстоятельства исключительно смягчающим вину. Как уже было сказано выше для ряда преступлений, против несовершеннолетних, данное обстоятельство играет обратную роль. А вот для других преступлений наоборот оказывает положительную динамику при назначении наказания виновному лицу.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному необходимо сделать вывод о том, что обстоятельства, смягчающие наказание, характеризующие личность виновного, являются отражением таких принципов уголовного судопроизводства как справедливость и гуманизм. На практике нет единого мнения по поводу применения данных обстоятельств как фактор, смягчающий ответственность за совершенного противоправное деяние. При их применении надо учитывать множество различных положений и конкретное лицо, оценивать его поведение и возможность его исправления при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации. Возникшие на практике разногласия ученых-юристов по данной проблематике являются еще одним подтверждением актуальности темы исследования в настоящее время и будущем.

Список цитируемой литературы:

1. Габдрахманова Э.Ф. Признание наличия малолетних детей у виновного смягчающим наказание обстоятельством: проблемы правоприменения // Крымский научный вестник. 2018. № 6 (9). С. 16.
2. Дядюн К.В. Беременность как обстоятельство, смягчающее наказание, в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 7. С. 76.
3. Селиверстов А.Э. Несовершеннолетие виновного как обстоятельство, смягчающее наказание // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2018. № 6. С. 34.
4. Чечель Г.И. Беременность как обстоятельство, смягчающее наказание // Общество и наука. 2018. № 23. С. 39.

Карапсина Т.Д., студентка 4 курса
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель Шагунова В.
М.

Karapsina T.D., student 4th year
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Lipetsk Branch
Supervisor: senior lecturer Shagunova V. M.

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

CYBERCRIME: THE ISSUES OF QUALIFICATION

Аннотация.

В статье рассмотрено хищение в сфере компьютерной информации, относимое действующим уголовным законодательством к специальному составу мошенничества. Автор приходит к выводу о том, что хищение в сфере компьютерной информации, несмотря на схожесть с мошенничеством – это самостоятельная форма хищения чужого имущества, поскольку не включает в себя обман в качестве способа совершения преступления.

Abstract.

The article deals with theft in the sphere of computer information, which is considered to be a special composition of fraud by the current criminal legislation. The author comes to the conclusion that theft in the field of computer information, despite the similarity with fraud, is an

independent form of theft of someone else's property, since it does not include deception as a way of committing crime.

Ключевые слова: мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, способ совершения мошенничества, обман.

Keywords: Fraud, cybercrime, the way of committing fraud, deception.

На сегодняшний день практически все сферы человеческой деятельности так или иначе связаны с компьютерами, позволяющими создавать, накапливать, хранить, обрабатывать и передавать большие объемы информации. Несмотря на безусловную значимость подобных технологий, они также создают ряд негативных тенденций и проблем. Одной из таких проблем является злоупотребление возможностями компьютерной техники, что привело к развитию новых видов преступлений, в этот список вошло и мошенничество в сфере компьютерной информации.

Современный Уголовный кодекс Российской Федерации содержит целый ряд взаимосвязанных норм о мошенничестве. Это, во-первых, общая норма о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), а также специальные нормы о мошенничестве в различных сферах (ст. 159.1-159.6 УК РФ).

Стоит отметить, что специальные нормы о мошенничестве – результат сравнительно недавних изменений законодательства [4, с. 918-923]. Такая новелла была вызвана, во-первых, одной из криминогенных закономерностей рынка – разнообразием видов мошеннических уловок, непрекращающимися процессами их видообразования и постоянного приспособления к изменяющейся

экономической организации производства и обмена. Эта закономерность оказала большое влияние на усложнение непосредственных объектов мошенничества [6].

Во-вторых, как отмечается в литературе, общая норма ст. 159 УК РФ не в полной мере учитывала особенности тех или иных экономических отношений, а потому не позволяла должным образом обеспечить защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий [6].

Легальное понятие мошенничества в сфере компьютерной информации содержится в ч. 1 ст. 159.6. Согласно данной норме, оно представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Однако вопрос об отнесении указанного деяния к мошенничеству представляется спорным [5, с. 92-98].

Криминализация хищения в сфере компьютерной информации в качестве мошенничества предполагает, что деяние, ответственность за которое установлено ст. 159.6 УК РФ, может быть не сопряжено с обманом конкретного человека, например, когда деньги перечисляются с одного счета на другой в результате неправомерного доступа к компьютерной информации в компьютерной системе банка. До введения в действие ст. 159.6 УК РФ к подобным деяниям также применялась общая норма о мошенничестве – ст. 159 УК РФ, но по существу по аналогии.

В настоящее время для квалификации преступления по ст. 159.6 злоупотребление компьютерной

информацией должно быть именно способом хищения. Если же преступник использует электронную почту или интернет-магазин, обманывая при этом конкретных потерпевших, способом хищения будет не злоупотребление компьютерной информацией, а обман человека, который в данном случае квалифицируется по ст. 159 УК РФ.

Квалификация хищения в сфере компьютерной информации в качестве кражи также представляется не вполне обоснованной ввиду того, что в компьютерной системе не хранятся вещи, денежные средства или иное имущество, на которые посягает преступник. Компьютерная система хранит лишь информацию об этом имуществе или его передвижении. Если преступник намерен завладеть денежными средствами либо иным имуществом с помощью компьютерных технологий, он делает это путем внесения ложных данных в компьютерную систему, манипулирования с программами, данными и т. д., тем самым добиваясь получения разрешения на использование имущества.

Результатом изложенного становится вывод, что хищение в сфере компьютерной информации – это не специальный состав мошенничества, а самостоятельная форма хищения чужого имущества с присущими ей уникальными способами совершения преступления. Применение же к хищению в сфере компьютерной информации традиционных норм о мошенничестве и краже представляется не вполне удачным и допустимым. На основании этого статью 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» следует исключить, поскольку данное деяние нельзя квалифицировать как мошенничество, в первую очередь в связи с отсутствием особого способа совершения преступления – обмана. При этом хищение чужого

имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей следует выделить в качестве отдельной нормы главы 21 УК РФ – «Хищение с использованием компьютерной информации».

Список цитируемой литературы:

4. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

6. Безверхов, А. Г. Мошенничество и его виды: вопросы законодательной регламентации и квалификации // Уголовное право. 2015. № 5. – 416 с.

7. Майоров, А. В. Уголовно-правовая характеристика мошенничества: вопросы квалификации // В сб.: Наука ЮУрГУ: материалы 68-й научной конференции. Челябинск: Министерство образования и науки Российской Федерации; Южно-Уральский государственный университет, 2016. – с. 24-27

8. Майоров, А. В. К вопросу об обеспечении экономической безопасности (виктимологический

аспект) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 2 (31). С. 78-84

9. Мусаелян, М. Ф. О некоторых проблемах, связанных с введением в УК РФ специальных составов мошенничества // Российский следователь. 2016. № 10. 378 с.

Карлин В.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Кузнецов В.А.

Karlin V.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kuznetsov V.A.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ КРИМИНАЛЬНОГО СУИЦИДА

TOPICAL ISSUES OF IMPROVING LEGISLATION FOR CRIMES RELATED TO CRIMINAL SUICIDE

Аннотация.

В статье раскрывается сущность понятия «криминальный суицид». Автор анализирует составы преступлений, предусмотренные ст. 110 УК РФ, называет ряд уголовно-правовых проблем, касающихся противодействия криминальному суициду, которые заслуживают особого внимания, а также предлагает пути их решения.

Abstract.

The article reveals the essence of the concept of "criminal suicide". The author analyzes the elements of crimes provided for by Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, names a number of criminal law problems related to countering criminal suicide that deserve special attention, and also suggests ways to solve them.

Ключевые слова: суицид, самоубийство, преступность, преступления, девиантное поведение, социально-негативные явления.

Keywords: suicide, crime, crimes, deviant behavior, socially negative phenomena.

Алгоритм организационно-правовых мер противодействия суицидальным преступлениям со стороны государства, а также иных общественных органов предусматривает комплекс законодательно регламентированных профилактических, превентивных, организационных, правовых и социально-экономических мер в целях выявления, предупреждения и устранения рассматриваемых преступлений.

Предупреждение самоубийств в обществе с помощью регламентированных законом мер противодействия является базовым элементом системы профилактики преступлений, которые выражаются в организации деятельности, побуждающей к совершению суицидов, а также доведения, склонения к самоубийству, либо содействия ему.

Однако главной задачей российского уголовного законодательства в настоящее время по-прежнему остается выработка законодательных способов противодействия суицидам. Еще недавно преступление, предусмотренное статьей 110 УК РФ, законодатель

относил к преступлениям средней тяжести, несмотря на его высокую общественную опасность.

Необходимо отметить и то, что использование в описании объективной стороны содействия совершению самоубийства только деяний, входящих в круг пособничества преступлению, породило проблемы в квалификации такого содействия, характерные и для самого преступного пособничества. Думается, что ограниченный перечень действий пособника не охватывает всех случаев оказания содействия совершению анализируемого деяния. Например, содействие преступлению в виде финансовой помощи преступнику с учетом буквального толкования уголовного закона нельзя относить к пособничеству в преступлении[1]. Следовательно, предоставление денежных средств лицу, решившему совершить суицид, используя которые, он затем приобретает средства либо орудия для совершения самоубийства, нельзя признавать в качестве запрещенных деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 110.1 УК РФ.

Речь о самоубийстве необходимо вести исключительно тогда, когда лишение жизни стало результатом самостоятельных и осознанных действий потерпевшего, предвидевшего наступление летального исхода. Вследствие этого Р. Шарапов справедливо отмечает, что из сферы суицидального поведения должны быть исключены случаи, когда опасные для жизни действия не связаны с осознанными представлениями о собственной смерти[2].

Неспособность лица осознавать характер и значение совершаемых в отношении его действий в силу болезненного состояния психики либо возраста Верховный Суд РФ признает психической беспомощностью потерпевшего. В практике применения

уголовного закона утвердилось правило квалификации, согласно которому склонение либо содействие самоубийству лица, сознание и воля которого ограничены, следует признавать убийством путем посредственного совершения преступлени[3].

Проблемой в настоящее время видится то, что среди ученых нет единства в понимании психического отношения виновного к общественно опасным последствиям в квалифицированных составах содействия суициду. Обратим внимание и на то, что сами поводы возникновения проблем в установлении вины при ассистированном самоубийстве при наличии отягчающих обстоятельств были созданы законодателем путем закрепления в статье рассогласованных между собой положений закона.

Так, ч. 5 ст. 110.1 УК РФ устанавливает повышенную ответственность в случаях, когда деяния, предусмотренные ч. 1 или ч. 2 этой статьи, в конечном итоге имели своим результатом самоубийство либо покушение на него несовершеннолетним, или лица, которое заведомо для виновного находилось в беспомощном состоянии, материальной либо иной зависимости от виновного, или женщины, которая заведомо для виновного находилась в состоянии беременности. Тем не менее в диспозициях норм, закрепленных в ч.ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ, нет упоминания о специальных признаках потерпевшего. Напротив, указанный перечень потерпевших предусмотрен в качестве отягчающих обстоятельств, но в ч. 3 ст. 110.1 УК РФ, о которой в ч. 5 указанной статьи упоминаний нет.

В части 6 ст. 110.1 УК РФ закреплена ответственность за действия, повлекшие самоубийство двух или более лиц, когда такие последствия наступили в

результате деяний, указанных в ч. 1 , 2 и 3 данной статьи. Вместе с тем ответственность за сам факт содействия совершению самоубийства в отношении двух и более лиц без наступления последствий имеет место только в п. «в» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ.

Думается, что отличие содействия от иных форм причастности к самоубийству заключается в том, что лицо, оказывающее помощь потерпевшему в причинении себе смерти, проявляет свою преступную деятельность после возникновения у последнего решимости совершить акт суицида. Своим поведением виновный только укрепляет уже возникшее помимо его воли желание лица лишить себя жизни, а не побуждает потерпевшего к этому.

При разграничении содействия совершению самоубийства и организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства (ст. 110.2 УК РФ), необходимо принять во внимание, что любого вида содействие, так же как и склонение, невозможно квалифицировать в качестве абстрактного понятия - они всегда ориентированы на конкретных адресатов. Для анализируемой преступной деятельности как характерный признак возможно определить отсутствие конкретизации жертв преступного поведения.

Также необходимо принять во внимание, что на основании ст. 110.2 УК РФ ответственность предусматривается исключительно в связи с организацией деятельности, которая ориентирована на цель побудить к совершению суицида, но не собственно организацию содействия для совершения самоубийства. Очевидно, что случаи, когда лицом организуется предоставление физической либо интеллектуальной

помощи в целях совершения суицида со стороны конкретного потерпевшего, необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 110.1 УК РФ.

Прежде всего следует отметить, что на сегодняшний момент отсутствует единообразие как в правоприменительной (судебно-следственной) деятельности при квалификации исследуемого состава, так и в доктринальном понимании преступления, указанного в ст. 110 УК РФ. Несмотря на то, что норма уже не новая и введена практически 5 лет назад, у судов всё ещё существуют определенные проблемы с назначением наказания за приведенные выше преступления.

Но также следует отметить и работу, которая ведется законодателем в данном направлении. Достаточно часто поднимаются вопрос по снижению уровня как суицидов, так и криминальных суицидов. Однако до сих пор отсутствует законодательная дефиниция криминального суицида. Для преодоления данного правового пробела предлагается внести соответствующие изменения в статью 110, а именно в примечании указать: Криминальный суицид - это самостоятельное умышленное лишение себя жизни, совершенное в результате преднамеренного психологического либо иного воздействия, при котором у суицидента сохраняются объективные возможности руководить своими действиями.

Список цитируемой литературы:

1. Карагодин, В.Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних: монография. – М.: Проспект. – С. 261

2. Шарапов, Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное нраво. – 2017. – № 6. – С. 81.

3. Жаркова, М.А. Основные меры но предотвращению и профилактике самоубийств в России // Закон и нраво. – 2018. – № 12. – С. 76

Карлин В.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Кузнецов В.А.

Karlin V.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kuznetsov V.A.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА ДОВЕДЕНИЯ ДО СУИЦИДА

PROBLEMATIC ISSUES OF THE INSTITUTE OF BRINGING TO SUICIDE

Аннотация.

В статье раскрывается сущность понятия «криминальный суицид». Автор анализирует составы преступлений, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ, называет ряд уголовно-правовых проблем, касающихся противодействия криминальному суициду, которые заслуживают особого внимания, а также предлагает пути их решения.

Abstract.

The article reveals the essence of the concept of "criminal suicide". The author analyzes the elements of

crimes provided for by Article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, names a number of criminal law problems related to countering criminal suicide that deserve special attention, and also suggests ways to solve them.

Ключевые слова: суицид, самоубийство, преступность, преступления, девиантное поведение, социально-негативные явления.

Keywords: suicide, crime, crimes, deviant behavior, socially negative phenomena.

Состав преступления, закрепленный в ч. 2 статьи 110.1 УК РФ предусматривает ответственность за «содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства». Этимология слова «содействие» демонстрирует сходство с законодательной конструкцией пособничества в совершении преступления с той разницей, что речь идет о содействии в совершении самоубийства, а не преступления[1, с. 97].

Трудно объяснить, почему наказание за содействие совершению самоубийства выше, чем за склонение к самоубийству. При содействии самоубийству лицо, давая советы и указания другими способами, укрепляет решимость потерпевшего совершить самоубийство, но оно воздействует уже на человека, который планирует покончить с собой, при этом облегчает ему достижение этой цели. При склонении такой решимости у потерпевшего нет, именно действия виновного приводят к зарождению намерения совершить акт самоубийства. Не

случайно действия подстрекателя всегда оценивали как более опасные в сравнении с пособничеством.

Сложности также вызывает вопрос об ответственности лица, в действиях которого имеется одновременно и склонение к совершению самоубийства, и содействие в его совершении. Квалификация по совокупности нарушает принцип non bis in idem, поскольку ведет к двойному учету одних и тех же обстоятельств[3, с. 108]. Эта ситуация приводит к искусственному созданию конкуренции между ч.1 и ч.2 статьи 110.1 УК РФ, разрешить которую с точки зрения правил о конкуренции весьма проблематично. Вменение одной из частей исключает юридическую оценку действий, предусмотренных другой частью. Не позволяет выйти из этой ситуации и ч.3 данной статьи, так как ее применение ограничивается кругом специальных потерпевших от посягательства или способом совершения преступления.

Полагаю, что содействие следовало бы закрепить в качестве альтернативного признака сложного состава преступления наряду со склонением к самоубийству. Подобные составы уже предлагались в науке уголовного права.

Криминализация содействия и склонения к самоубийству также остро ставит вопрос об отграничении этих преступлений от убийства, в частности, от случаев эвтаназии, где лицо также оказывает помощь в лишении жизни (к примеру, лицо дает шприц со смертельной инъекцией), а склонение к самоубийству имеет сходство с опосредованным убийством руками самой жертвы.

Содействие и склонение к самоубийству вполне можно рассматривать как завуалированные формы приготовления или покушения на убийство. Для такого

суждения имеются основания, так как доведение до самоубийства не содержит прямого либо косвенного умысла на убийство, в то же время, употребляя термин «склонение к самоубийству», законодатель ставит практически неразрешимую задачу отграничения склонения к самоубийству от убийства, ибо в такой конструкции присутствует целеполагание - смерть человека.

Глагол «довести» в русском языке имеет значение «привести в какое-либо состояние, вызвать, породить какие-нибудь последствия». Это означает, что лексическое значение слова «довести» не ограничено никакими способами совершения этого деяния. То есть довести до самоубийства можно иначе, чем это закреплено в ч. 1 статьи 110 УК РФ, например, путем уговора, подкупа, обмана или иным способом. Из этого следует, что содержание уголовно-правового понятия «доведение до самоубийства» может быть расширено за счет дополнения его новыми способами совершения преступления, перечисленными законодателем в ч. 1 статьи 110.1 УК РФ. Несмотря на то что их перечень является открытым, представляется, что в него следовало бы включить шантаж как общеизвестный способ устранения конкурентов в политической, экономической сфере.

Анализ способов содействия совершению самоубийства, регламентированных в ч. 2 статьи 110.1 УК РФ, показывает, что совершение этого преступления «указаниями» установлено законодателем ошибочно. Указание совершить самоубийство характеризует не содействие, а склонение. По смыслу закона при содействии виновный действует при уже готовом желании потерпевшего покончить с собой, а при склонении – сам «формирует» такое решение. Поэтому

следовало бы отнести данный способ совершения преступления к склонению к совершению самоубийства.

Нельзя не заметить, что в ч. 2 статьи 110 УК РФ и ч. 3 статьи 110.1 УК РФ законодателем выделены одни и те же квалифицирующие признаки. Вероятно, это свидетельствует в пользу того, что уголовно-правовой запрет на совершение данных деяний может быть установлен в одной статье в соответствии с принципом экономии текста УК РФ при правотворчестве. Поэтому, на наш взгляд, нет необходимости в дополнении УК РФ новой статьей 110.1.

Кроме этого, представляется, что квалифицирующие признаки данных преступлений следовало бы дополнить новым признаком – «с целью совершить преступление или облегчить его совершение», как это предлагается в научной литературе[2, с. 170].

Дифференциация законодателем ответственности за исследуемые преступления в ч. 4 статьи 110.1 УК РФ показывает, что основные составы склонения и содействия по конструкции объективной стороны отличаются от состава доведения до самоубийства, так как для признания их оконченными не требуется установления факта самоубийства или покушения на самоубийство. На наш взгляд, следовало бы пойти другим, более традиционным путем и момент окончания преступлений определить так же, как и в статье 110 УК РФ. На наш взгляд, неоконченная преступная деятельность в этом случае должна влечь ответственность по правилам статьи 30 УК РФ.

Подводя итог данному параграфу следует отметить, что в современном обществе деяние, предусмотренное ст. 110 УК РФ, продолжает

представлять значительную общественную опасность, поскольку посягает на наиболее ценное благо личности – жизнь человека. Вместе с тем потерпевшим при доведении до самоубийства может выступать не каждый человек, а лишь тот, который в момент совершения акта суицида понимает характер и значение совершаемых им действий и может руководить ими. Законодатель в диспозиции ст. 110 УК РФ (Доведение до самоубийства) не конкретизирует форму вины, при которой может совершаться данное деяние, однако вопрос ее установления имеет принципиальное значение для квалификации содеянного. Полагаем, что доведение до самоубийства может совершаться только с умыслом.

Список цитируемой литературы:

1. Волконская, Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С.97.
2. Дубовиченко, С.В., Карлов, В.П. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2017. – № 4. – С.170.
3. Милова, И.Е., Милова, Е.А. К вопросу о развитии представлений об уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2017. Т. 1. – №3. – С. 108.

Катышкина В.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А.С.

Katishkina V.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ПРОБЛЕМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 264 УК РФ

THE PROBLEM OF REPRESENTING THE INTERESTS OF THE VICTIM IN THE INVESTIGATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 264 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация.

В настоящей статье рассмотрены ключевые проблемы представительства потерпевшего лица в уголовном процессе. Представлен анализ нормативных положений представителя как участника уголовного процесса. Дан сравнительный анализ положения

представителя на этапе предварительного расследования и судебного следствия.

Abstract.

This article discusses the key problems of representation of the victim in criminal proceedings. The analysis of the normative provisions of the representative as a participant in the criminal process is presented. A comparative analysis of the position of the representative at the stage of preliminary investigation and judicial investigation is given

Ключевые слова: представитель, потерпевший, представитель потерпевшего, уголовный процесс.

Keywords: representative, victim, victim's representative, criminal proceedings.

Институт представительства является одним из ключевых правовых конструкций любой процессуальной отрасли права. Однако в уголовном процессе представительство приобретает крайне специфические особенности, связанные во многом наличием процессуального деления на стадии предварительного расследования и судебного следствия. Анализируя правовое строение уголовного процесса, теоретиками-процессуалистами отмечается фундаментальное разделение процессуальной структуры на так называемый подготовительный этап – предварительное расследование и непосредственный этап – судебное следствие. При этом отмечается наличие так называемой стадии – процессуальной проверки, выраженное зачастую в осуществлении процессуальных мероприятий по проверки сообщения о преступлении. Однако стоит отметить, что с точки

зрения буквального толкования закона, стадия проверки не выделяется законодателем в отдельный этап, а рассматривается скорее, как форма подготовки к стадии предварительного расследования. С данным законодательным решением не согласны ключевые фигуры российской уголовно-процессуальной доктрины.

В аспекте расследования преступлений, в сфере безопасности дорожного движения, вопрос представительства потерпевшего в уголовном процессе, встает крайне актуально. Своевременная реализация процессуальных правомочий, позволяет в сложных следственных ситуациях, ходатайствовать о совершении следственных действий, оценивать и ставит на обсуждения вопросы перед экспертом (ввиду того, что сама экспертиза по указанной категории дел является наиболее весомым доказательством).

Кроме того, важность представления интересов потерпевшего на этапе расследования уголовного дела по делам о ДТП, обусловлена и необходимостью представления интересов в рамках гражданского иска о возмещении вреда здоровью и морального вреда. Вопрос современности действий в рамках данных правомочий встает наиболее актуально.

Компенсация морального вреда потерпевшему в уголовном процессе представляет способ защиты его личных неимущественных прав. Она предусмотрена в случаях причинения вреда преступлением и регламентирована рядом норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Так, в ч. 1 ст. 42 УПК РФ сказано, что потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред. Подобная позиция законодателя

нашла свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», в котором разъясняется, что потерпевший вправе предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда при производстве по уголовному делу (п. 9).

Возмещение морального вреда закреплено и в структуре уголовно-процессуальной реабилитации (ст. 136 УПК РФ). Научный интерес к вопросам компенсации морального вреда, причиненного потерпевшему дорожно-транспортными преступлениями, которые являются предметом настоящего исследования, объясняется, во-первых, их недостаточной правовой регламентацией; во-вторых, проблемами, возникающими в судебной практике при определении размера возмещения вреда; в-третьих, явным невниманием со стороны ученых.

Специфика изложенного выше, обуславливает различные особенности процессуальной регламентации статуса представителя потерпевшего как участника уголовного процесса. В связи с этим, на практике, реализация прав представителя потерпевшего сталкивается с рядом трудностей, выраженных следующими обстоятельствами.

Во-первых, ключевой проблемой реализации прав представителя потерпевшего на стадии проверки сообщения о преступлении (до следственной проверки) является проблема ознакомления с материалами доследственной проверки. По общему правилу, норма ст. 24 Конституции РФ обязывает государственные органы (в том числе органы местного самоуправления) предоставлять процессуальную и фактическую возможность гражданам знакомится с документами и

иными материалами, находящиеся в непосредственной связи с ними. Данная норма направлена на закрепление конституционного принципа открытости деятельности органов государственной власти в отношении конкретных лиц, чьи права и законные интересы могут быть затронуты такой деятельностью. Исключение, составляет комплекс сведений, составляющих охраняемую законом тайну (государственную, банковскую и т.д.) в отношении которой законом установлен специальный правовой статус в силу соразмерной необходимости ее защиты. В силу этого, руководствуясь принципами конституции и нормами ст. 144-145 потерпевшему и его представителю предоставляется возможность ознакомления с материалами доследственной проверки по ходатайству последнего и в установленные законом сроки.

При этом на практике возникают случаи, когда должностными лицами органа предварительного расследования чинятся препятствия в осуществлении процедуры ознакомления. Неправомерные отказы в ознакомлении обуславливаются зачастую якобы отсутствием процессуального статуса лица, чьи права и законные интересы затрагиваются проведенной проверкой [1, 85].

Данное обоснование нельзя признать приемлемым, поскольку помимо конституционного принципа (ст. 24 Конституции РФ) данные правомочия конкретизируются и специальными подзаконными нормативно-правовыми актами. Так, в частности, поскольку во время осуществления доследственной проверки, материал имеет правовой статус обращения к нему применимы, в частности, положения п. 2 ст. 5 Федерального закона от 02.05.2006 г. №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской

Федерации» предоставляющие возможность знакомится с информацией, содержащейся в документах и иных источников, сформированной при рассмотрении обращения лица в государственный орган или иным должностным лицом. При этом аналогичная позиция, закреплена и в специализированном подзаконном источнике – Инструкции об организации рассмотрения обращения граждан в Министерстве внутренних дел РФ (п. 9.2 утв. Приказом МВД России от 12.09.2013 №707), согласно которому в целях ознакомления с материалами, затрагивающими права и интересы лиц, такая возможность предоставляется по ходатайству лица.

В связи с этим, поскольку из общих положений уголовно процессуального закона следует, что представитель потерпевшего обладает аналогичными процессуальными правами, ознакомление с материалами доследственной проверки должно быть предоставлено на равных условиях, при подаче ходатайства лица и подтверждения его полномочий. Так как проблема реализации права на ознакомление лежит в плоскости психологического нежелания должностных лиц, предоставлять законную процессуальную возможность, считаем необходимым разрешить указанную проблему посредством издания коллективных методических рекомендаций (или инструкции) о порядке реализации потерпевшим и его представителем процессуальных прав и законных интересов на этапе предварительного расследования [2, 671].

В этой связи не вполне удачной выглядит редакция ч. 1 ст. 44 УПК РФ. В последнем предложении этой нормы сказано, что гражданский истец может

предъявить гражданский иск для имущественной компенсации морального вреда.

Его смысл позволяет сделать вывод, что заявить требование о компенсации морального вправе и юридическое лицо. Помимо этого, в ч. 1 ст. 44 УПК используется словосочетание «имущественная компенсация морального вреда», в то время, как вышеназванные нормы УПК РФ (ч. 4 ст. 42, ч. 2 ст. 136) и ГК РФ (ст. 151, п. 1 ст. 1101) предусматривают только денежную форму размера компенсации.

Таким образом, в случае совершения дорожно-транспортного преступления, потерпевшим, которому причинен моральный вред, может являться лишь гражданин (пешеход, пассажир, водитель другого транспортного средства). В соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, последствием которого явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве - к одному из родственников.

В целях исключения несогласованности норм уголовно-процессуального и гражданского законодательства, регулирующих вопросы компенсации морального вреда, причиненного потерпев- шему дорожно-транспортным преступлением, предлагаем изложить ч. 1 ст. 44 УПК РФ в следующей редакции: «Гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Физическое лицо вправе предъявить гражданский иск о денежной компенсации морального вреда. Решение о признании

гражданским истцом оформляется определением суда или постановлением судьи, следователя, дознавателя».

Иной актуальной проблемой остаются трудности правовой регламентации полномочий законного представителя в современном уголовном процессе. Так, в частности, закрытый характер перечня лиц, определенных уголовно-процессуальным законом в качестве законного представителя. В данный перечень не включены приемные родители несовершеннолетнего. Кроме того, не представляется возможным установить кто именно является законным представителем несовершеннолетнего, помещенного на попечение в специализированную организацию или учреждение. Также является проблемных установить возможность законного представительства для лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Ввиду отсутствия нормативного регулирования данного вопроса, установить какую-либо ясность возможно лишь путем системного толкования ст. 437 и ст. 5 УПК РФ, с помощью которого удается установить перечень законных представителей как близких родственников ли же должностных лиц органов опеки и попечительства. Однако при этом, возникает трудность в определении тех, кто является близким родственником лица. Законодательные формулировки, которые могли бы хоть в сколькой то мере внести ясность в данный вопрос – отсутствуют. В связи с чем, считаем необходимым разрешение данной проблемы осуществить средствами судебного толкования, посредством принятия Постановления Пленума ВС РФ.

Доктрина российского уголовного процесса преимущественно поддерживает позицию законодателя об обязательной необходимости в наличии

представителя интересов потерпевшего. Однако существует и неортодоксальная позиция, согласно которой, при достижении определенного возраста, несовершеннолетний может самостоятельно предоставлять собственные интересы. В частности, следует отметить, что, в частности, материалы Европейского суда по правам человека указывают на неэффективность норм уголовно-процессуального закона в части лишения несовершеннолетнего возможности самостоятельной защиты собственных интересов. Главным аргументов в данном случае является возможность наличия противоречивых интересов представителя потерпевшего и потерпевшего несовершеннолетнего, поскольку последний не может самостоятельно определять своего представителя [3, 175].

Практика ЕСПЧ предоставляет возможность несовершеннолетнему самостоятельно обращаться в суд. Следует признать, что такие довольно необычные теоретические положения в целом обладают некоторым рациональным основанием. Считаем необходимым предоставление потерпевшему несовершеннолетнему при достижении возраста 14 лет, возможности самостоятельно выбирать представителя потерпевшего из числа законных представителей. В том числе считаем справедливым императивное закрепление необходимости должностных лиц, учета мнения несовершеннолетнего, которое демонстрировало бы реализацию процессуальной самостоятельности несовершеннолетнего как лица, обладающего собственным интересом.

Таким образом, комплекс обнаруженных проблем позволяет говорить о недостаточной регламентации вопросов представительства потерпевшего при

расследовании преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ. Вместе с тем, данные проблемы приобретают особенную актуальность при такой категории дел. Поскольку стадия расследования уголовного дела при такой категории дел, охватывает собой и гражданские правоотношения, в составе гражданского иска на этапе уголовного процесса. Взаимосвязанность доказательств как в уголовном деле, так и при представлении интересов в рамках гражданского иска, обуславливают необходимость более комплексной реализации своих процессуальных правомочий. Ввиду указанного обстоятельства, разрешение уголовного процессуальных проблем в контексте указанных преступлений представляется наиболее актуальным.

Список цитируемой литературы:

1. Марковичева Е.В. Проблемы законного представительства в российском уголовном процессе / Е.В. Маркович // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. - №9. - 2008. - С. 85-91.

2. Татьянина Л.Г. Марковичева Е.В. Процессуальное положение законного представителя в современном российском уголовном процессе / Л.Г. Татьянина Е.В. Маркович // Вестник удмуртского университета. - №4. - 2021. - С. 669-673.

3. Башинская И.Г. О практике возмещения морального вреда, причиненного потерпевшим в результате дорожно-транспортных преступлений / И.Г. Башинская // Теория и практика общественного развития. – 2014. - №6. – С. 174 – 178.

Киселёв А.А., бакалавр
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В.М.

Kiselev A.A., Bachelor
Russia, "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
Federation", Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer
V.M. Shagunova

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ДАНИИ

DANISH CRIMINAL LAW

Аннотация.

В статье описывается кодифицированное уголовное законодательство Дании, его общая и особенная части.

Abstract.

The article describes the codified criminal legislation of Denmark, its general and special parts

Ключевые слова: общая часть, особенная часть, уголовной кодекс, система наказаний, тюремное заключение, штраф.

Keywords:. general part, special part, criminal code, system of punishments, imprisonment, fine.

Как и большинство актов уголовного права европейских юридических традиций, уголовный закон Дании в буквальном переводе именуется «наказательственным кодексом», но для удобства понимания в силу сложившихся обычаев научного оборота сохраним в изложении привычное для отечественных юристов название «уголовный кодекс». Для уголовного права Дании в целом характерна приверженность социологическому направлению юриспруденции.

Уголовное право Дании кодифицировано. УК 1930 г. стал одним из наиболее заметных явлений в буржуазном уголовном законодательстве первой половины XX в. В нем была сделана попытка сочетать концепции "неоклассической" и социологической школ уголовного права. В УК 1930 г. предусмотрены весьма широкие пределы судейского усмотрения. Он допускал применение уголовного закона по аналогии, что мотивировалось стремлением избегать подробных описаний составов преступления (аналогия допускалась и в предшествующем УК 1866 г., но тогда она оправдывалась возможными пробелами). Наряду с мерами наказания в УК 1930 г. предусмотрены помещение в работный дом и другие "меры безопасности" для некоторых категорий правонарушителей. Этим Кодексом была введена также принудительная кастрация, однако на практике она не применялась. Смертная казнь в Дании отменена в законодательном порядке в 1978 г., а до этого фактически не применялась с 1950 г., после казней нацистских преступников и коллаборационистов.

Уголовный кодекс Дании, также известный как Уголовный кодекс Дании (датский : Straffeloven),

является кодификацией и основой уголовное право в Дании. Обновленный официальный полный текст охватывает 29 глав

Общая часть.

Принцип законности приобретает несколько иное звучание: преступлением признаются только деяния, наказуемые в соответствии с законом или с «полностью сопоставимыми с ним актами». Также весьма широко допускается и судебное усмотрение. Непосредственно в Уголовном кодексе содержится множество норм, содержащих процессуальные положения. Для территориальных автономий – Гренландии и Фарерских островов – приняты свои уголовные кодексы, по содержанию практически тождественные общедатскому УК, но отдельные отличия присутствуют: так, в Гренландии не применяется тюремное заключение, но предусмотрены принудительные работы и запрет проживания на определенной территории.

Принцип действия закона во времени (в том числе и правило обратной силы уголовного закона) делает акцент не на сравнении старого и нового законов, а на сравнении приговоров, которые могут быть вынесены по старому и по новому законам (то есть в призме прикладного правоприменения с учетом сложившейся прецедентной базы и бланкетных связей уголовного закона с другими нормативными актами. Иные меры уголовно-правового характера, не относящиеся к наказанию, применяются в соответствии с законом, действующим на момент принятия юрисдикционного решения. При рецидиве могут применяться законы, действующие на момент совершения первого преступления.

Действие уголовного закона в пространстве характеризуется и тем, что принцип гражданства по

аналогии распространяется и на тех, кто постоянно проживает в Дании (в случае совершения преступления за рубежом), также покровительством пользуются граждане Норвегии, Швеции, Финляндии и Исландии (Скандинавский союз). Уголовный кодекс Дании также распространяется на все преступления, где бы они ни совершались, если они посягают на интересы Дании, датских граждан, лиц, постоянно проживающих в Дании, или граждан скандинавских стран.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния:

• необходимая оборона (ее эксцесс – превышение разумно необходимого для предотвращения опасности, эксцесс ненаказуем, если разумно объясняется страхом или волнением);

• исполнение законного приказа;

• отправление публичных функций (арест и т. д.);

• крайняя необходимость.

Отсутствует определение понятий ***«преступление»*** и ***«наказание»***. Социальная опасность понимается в аспекте опасности преступника, а не преступления. Минимальный возраст ответственности – 15 лет. Покушение понимается весьма широко и охватывает стадию приготовления; величину ответственности за покушение определяет «стойкость умысла». Покушение наказуемо лишь в том случае, если стадия оконченного преступления, на которое посягает лицо, наказывается тюремным заключением. Уголовной ответственности юридических лиц посвящена целая глава (5-я), к ним в основном применяются штрафы. К юридическим лицам приравниваются «предприятия одного лица» – аналог российского индивидуального предпринимателя без образования юридического лица.

Система наказаний трехэлементная:

тюремное заключение (от 30 дней до 16 лет или пожизненно, заключенным могут предоставляться отпуск и выходные дни, заключение под стражу (арест от 7 дней до 6 месяцев) и штраф (как основное, так и дополнительное наказани. Меры, альтернативные уголовному наказанию: освобождение досрочно «под честное слово», отсрочка исполнения приговора (пробация), общественные работы (от 40 до 240 часов), иные меры, которые суд сочтет целесообразными для предотвращения будущих преступлений (параграф 68: надзор, определение места жительства и работы, лечение от алкогольной и наркотической зависимости, психотерапия, психиатрическое лечение, передача на попечение, конфискация преступных доходов, орудий и средств преступления, запрет заниматься определенной деятельностью и т. д.). Смягчающие наказание обстоятельства: ошибка в праве, фактическая ошибка, совершение преступления в силу зависимости от другого.

Возможные штрафы за нарушение датского уголовного кодекса:

- От 1 до 60 дневные штрафы (§ 51),
- Ограниченные по времени тюремные приговоры на срок от 7 дней до 20 лет (§ 33) с возможностью условно-досрочного освобождения через половину этого срока (но не менее двух месяцев) отбыл (§ 38),
- Пожизненное заключение (§ 33) с возможностью условно-досрочного освобождения через 12 лет (§ 41),
- Отсроченный тюремный срок, возможно, до 6 месяцев без отстранения (§ 58) и подлежит пяти годам испытательного срока (§ 56) и до 300 часов общественных работ (§ 63).

Дети младше 15 лет не подлежат наказанию (§ 15), а дети до 18 лет не могут быть приговорены к пожизненному заключению (§ 33.2).

Правонарушители, у которых установлено, что они действуют нерационально из-за тяжелого психического заболевания или инвалидности, всегда не подлежат наказанию, в то время как преступники с ограниченной ответственностью могут быть признаны непригодными к наказанию в каждом конкретном случае базис (§ 16). Однако к таким правонарушителям могут быть применены другие меры, такие как наблюдение, психиатрическое лечение или «лишение свободы» на неопределенный срок (§ 68).

Особо опасные преступники могут быть приговорены к лишению свободы на неопределенный срок (§ 70).

Особенная часть.

Она включает в себя, как и в Российском уголовном кодексе составы и виды преступлений, такие как:

12. глава Преступления против государственной независимости и безопасности. (Действие, направленное на то, чтобы с помощью иностранной помощи, силой или угрозой ее применения поставить Датское государство или любую его часть под иностранное правление или отделить любую часть государства, наказуемое пожизненным тюремным заключением.)

13. глава Преступления против государственной власти и высших органов власти, терроризм. (действие, направленное на то, чтобы с помощью иностранной помощи, силой или угрозой изменить штат форфорфатнинген или вывести его из строя, наказывается пожизненным тюремным заключением.)

14. глава Преступления против государственной власти. (вербовка на иностранную военную службу.)

15. глава Преступления против общественного порядка и мира. (непристойное обращении с вещью, принадлежащей церкви и используемой для использования в церкви.)

16. глава Преступления на государственной службе или выполнение служебных обязанностей. (работник на государственной службы необоснованно раскрывает или использует конфиденциальную информацию.)

17. глава Ложное объяснение и ложное обвинение. (дача ложных показаний в суде.)

18. глава Преступления, связанные с платежными средствами. (подделка денежных средств.)

19. глава Преступления, связанные с доказательствами. (подделка документов.)

20. глава Преступления Альменфарлиге. (поджег чужой собственности.)

21. глава Различные действия Альменфарлиге. (уничтожение или повреждение общественных памятники или объектов.)

22. глава Бетлери и злонамеренные действия. (предоставление жилья для незаконных азартных игр или организация их.)

23. глава Преступления в семье. (вступление в половую связь с родственником по нисходящей линии.)

24. глава Сексуальные преступления. (изнасилование.)

25. глава Преступления против жизни и тела. (убийство.)

26. глава Преступления против личной свободы. (торговля людьми.)

27. глава Мир и права собственности. (публичные заявления, направленные на провокацию актов насилия или вандализма.)

28. глава Преступления против собственности. (кража.)

29. глава Специальные положения, касающиеся юридических лиц. (нарушение юридическим лицом уголовного законодательства.)

Список цитируемой литературы:

1. Сводный закон № 871 от 07.04.2014 (Уголовный Кодекс Дании). https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2014/871

2. *Арямов А.А. У*головное право зарубежных государств. https://law.wikireading.ru/73054

Клейменова А.А.., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель.,
Шагунова В. М.

Kleimenova A.A., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer., Shagunova V.M.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ССИТЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL JUSTICE SYSTEM IN VARIOUS COUNTRIES OF THE WORLD: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Аннотация.

Система уголовного правосудия является важной составляющей правовой системы каждой страны, и ее эффективность напрямую влияет на безопасность и справедливость в обществе. В данной статье будет произведен сравнительный анализ системы уголовного правосудия в различных странах мира, выявлены преимущества и недостатки каждой системы, а также определены основные факторы, влияющие на ее эффективность**.**

Abstract.

The criminal justice system is an important component of each country's legal system, and its effectiveness directly affects security and justice in society. This article will make a comparative analysis of the criminal justice system in various countries of the world, identify the advantages and disadvantages of each system, as well as identify the main factors affecting its effectiveness**.**

Ключевые слова: уголовный процесс, модели уголовного процесса, восстановительное правосудие, правонарушитель, потерпевший, причинение вреда, компенсация, лишение свободы, преступление.

Keywords: criminal process, models of criminal process, restorative justice, offender, victim, infliction of harm, compensation, deprivation of liberty, crime.

США: Система уголовного правосудия в США имеет некоторые преимущества, такие как высокий уровень технической оснащенности, широкий спектр юридической помощи и высокий уровень профессионализма уголовных адвокатов. Однако система также имеет недостатки, такие как высокая стоимость юридической помощи, длительность процессов и частые ошибки судов.

Франция: Французская система уголовного правосудия также имеет свои преимущества, такие как прямое включение жюри в процесс принятия решений и судебную экспертизу, а также быстроту процессов. Однако, система может страдать от недостаточной гибкости и некоторых формальных ограничений, которые могут ограничивать эффективность рассмотрения дел.

Китай: Китайская система уголовного правосудия отличается от других систем своей традиционной судебной культурой, которая нацелена на соблюдение порядка и жесткую ответственность за нарушения закона. Кроме того, система включает в себя широкий спектр средств правовой защиты, таких как административное наказание, юридическую помощь и допросы. Однако система может страдать от недостатка независимости и прозрачности, что может приводить к недостаточному защите прав граждан.

Швеция: Шведская система уголовного правосудия отличается высокой степенью независимости судебной власти и прозрачностью процесса рассмотрения дел. Кроме того, система включает в себя сильную социальную поддержку для обвиняемых и жертв, юридическую помощь, что может снизить риск ошибочных решений и обеспечить более справедливый процесс. Однако система также имеет свои недостатки, такие как низкую скорость процессов, что может приводить к задержкам и недовольству со стороны обвиняемых и потерпевших.

Российская система уголовного правосудия имеет свои уникальные особенности и характеризуется рядом преимуществ и недостатков. С одной стороны, система России обладает высокой степенью централизации и единоначалия, что способствует быстрому и эффективному реагированию на угрозы безопасности общества. Кроме того, в России применяется презумпция невиновности, что означает, что обвиняемый несет доказательную нагрузку на свою вину [1. ст. 49]. Общественная опасность деяния, может быть связана не только с его последствиями, но и с самой сущностью деяния, его целями и мотивами [1. ст.

14]. Это защищает права и свободы обвиняемых и помогает предотвратить неправомерные обвинения.

Однако, Российская система уголовного правосудия также имеет свои недостатки. Прежде всего, система характеризуется высоким уровнем коррупции и произвола в судебных процессах, что подрывает доверие общества к правосудию и увеличивает риск ошибочных решений. Кроме того, длительные предварительные следствия и судебные процессы могут приводить к задержкам и нарушениям прав человека.

Для повышения эффективности и справедливости уголовного правосудия в России необходимы меры по борьбе с коррупцией и произволом в судебных процессах, усилению защиты прав обвиняемых и потерпевших, а также совершенствованию процедур. Особое внимание следует уделить развитию качественной юридической помощи и повышению уровня профессиональной подготовки судей, следователей и адвокатов.

В целом, Российская система уголовного правосудия имеет свои преимущества и недостатки, и ее эффективность зависит от многих факторов. Однако, необходимо продолжать работу над улучшением системы, чтобы обеспечить справедливость и эффективность уголовного правосудия и защитить права и свободы граждан.

Таким образом, каждая система уголовного правосудия имеет свои преимущества и недостатки, и выбор оптимальной системы зависит от многих факторов, таких как культурные и правовые традиции, социально-экономические условия и уровень развития юридической инфраструктуры. Однако, независимо от выбранной системы, необходимо обеспечить ее эффективность и справедливость через строгое

соблюдение закона и обеспечение доступа к качественной юридической помощи для всех граждан.

В заключение, сравнительный анализ системы уголовного правосудия в различных странах мира показал, что каждая система имеет свои уникальные особенности и эффективность зависит от многих факторов. Однако, все системы должны стремиться к обеспечению справедливости и эффективности, чтобы обеспечить безопасность и уважение прав граждан в обществе.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

Климов Ф.Л., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Кузнецов В.А.

Klimov F.L., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kuznetsov V.A.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА: К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

COMPULSORY MEDICAL MEASURES: TO THE QUESTION OF THE PURPOSES OF THEIR APPLICATION

Аннотация.

В статье рассматриваются цели принудительных мер медицинского характера и пути их достижения. Юридические цели применения принудительных мер медицинского характера сопоставляются с целями наказания, целями медицинской помощи осужденным. Оценивается возможность достижения таких целей принудительных мер медицинского характера, как

излечение психических расстройств, улучшение состояния лица с психическим расстройством и предупреждение совершения им новых общественно опасных деяний.

Abstract.

The article discusses the goals of compulsory medical measures and ways to achieve them. The legal goals of the use of compulsory medical measures are compared with the goals of punishment, the goals of medical care for convicts. The possibility of achieving such goals of compulsory medical measures as the cure of mental disorders, improving the condition of a person with a mental disorder and preventing them from committing new socially dangerous acts is evaluated.

Ключевые слова: цели принудительных мер медицинского характера; цели наказания; медицинская помощь; осужденные; психические расстройства.

Keywords: goals of compulsory measures of medical character; goals of punishment; medical care; the convicted; mental disorders.

Одним из ключевых отличий института принудительных мер медицинского характера от института уголовного наказания является цель их применения на современном этапе [2, с. 132]. Однако, даже несмотря на это, казалось бы явное отличие двух названных уголовно-правовых институтов, некоторые ученые в области отечественного уголовного права все же высказывают в содержании собственных научных работ мысли о том, что принудительные меры медицинского характера способны при их грамотном применении добиться исправления лица, совершившего

общественно опасное, уголовно-наказуемое деяние, запрещенное действующим российским уголовным законом[3, с. 130].

Между тем, с подобного рода утверждением вряд ли можем согласиться в полной мере, ведь рассматриваемый нами уголовно-правовой институт, по нашему личному профессиональному убеждению, первостепенно призван способствовать вовсе не исправлению, а излечению лица, совершившего общественно опасное, уголовно-наказуемое деяние, запрещенное действующим российским уголовным законом, которое объективно нуждается в оказании грамотной и квалифицированной медицинской помощи в силу установленного у него психиатрического диагноза (например, шизофрении, биполярного психического расстройства, иного). Отсюда представляется совершенно очевидным, что за счет применения принудительных мер медицинского характера не получится достичь того воспитательного и исправительного эффекта, который, к примеру, достигается посредством назначения соразмерного уголовного наказания лицу, совершившему преступное деяние[1, с. 97].

Еще одна цель, которая достигается за счет применения рассматриваемого нами уголовно-правового института, это предупреждение совершения новых общественно опасных, уголовно-наказуемых деяния, запрещенных действующим российским уголовным законом, указанным лицом, страдающим каким-либо диагностированным и клинически подтвержденным психиатрическим диагнозом. Так, за счет применения в отношении него грамотного медицинского лечения со всей очевидностью закономерным образом снижается риск «рецидива» в

поведении указанного лица, что, к слову, способствует также и повышению уровня общественной безопасности на сегодняшний день.

Тем самым, становится очевидно, что применение принудительных мер медицинского характера как уголовно-правового института чрезвычайно важно и значимо на сегодняшний день в России.

Список цитируемой литературы:

1. Белик Ю.С. Принудительные меры медицинского характера: понятие, сущность, правовая природа // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 96-98.

2. Греку В.В: Принудительные меры медицинского характера: особенности и проблемы законодательной регламентации. – Москва: Юрайт, 2020. – 184 с. – (Проф. образование). – Текст: непосредственный.

3. Полубинская С.В. К вопросу о правовой природе принудительных мер медицинского характера // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 1. – С. 128-132.

Климов Ф.Л., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Кузнецов В.А.

Klimov F.L., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kuznetsov V.A.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА: К ВОПРОСУ О ИХ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ

COMPULSORY MEDICAL MEASURES: TO THE QUESTION OF THEIR LEGAL NATURE

Аннотация.

Анализируются доктринальные толкования принудительных мер медицинского характера, которые даются учеными в научной и учебной литературе по уголовному праву, поскольку единое понимание юридической природы, этих мер позволит установить факт окончания формирования института принудительных мер медицинского характера, как состоявшегося института российского уголовного

законодательства, а также выработать меры, по совершенствованию уголовного закона, если эти толкования отличаются.

Abstract.

The doctrinal interpretations of compulsory medical measures, which are given by scientists in the scientific and educational literature on criminal law, are analyzed, since a common understanding of the legal nature of these measures will allow to establish the fact of the end of the formation of the institute of compulsory medical measures, as an established institute of Russian criminal legislation, as well as to develop measures to improve the criminal law, if these interpretations differ.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера; Уголовный кодекс; лицо, представляющее опасность по своему психическому состоянию.

Keywords: compulsory measures of a medical nature; Criminal Code; a person who poses a danger due to his mental state.

В настоящее время одним из наиболее дискуссионных вопросов в отечественной уголовно-правовой доктрине остается вопрос о сущности и правовой природе принудительных мер медицинского характера[1, с. 184]. Отчасти, по нашему мнению, это связывается с отсутствием легального определения рассматриваемой категории в положениях действующего российского уголовного законодательства, что, безусловно, влечет за собой и отсутствие единообразного видения ее сущности среди отечественных ученых-правоведов.

Рассмотрим кратко и обзорно существующие авторские точки зрения относительно поставленного вопроса. Так, в частности, С.В. Полубинская в содержании собственного научного труда отмечает, что принудительные меры медицинского характера являются по своей юридической природе иными мерами уголовно-правового характера, и не имеют ничего общего с наказанием как уголовно-правовой категорией[2, с. 131].

Однако, далеко не все отечественные ученые в области уголовного права придерживаются подобного видения, напротив, многие из них подвергают ее вполне обоснованной и справедливой критике. Так, в частности, Ю. С. Белик пишет, что в отличии от всех иных мер уголовно-правового характера, ныне предусмотренных действующим российским уголовным законодательством, применения принудительных мер медицинского характера не требует обязательного учета со стороны судебных органов характера и степени общественной опасности содеянного, а также любых иных обстоятельств совершенного преступного деяния[3, с. 97].

Указанному автору свойственна точка зрения, согласно которой принудительные меры медицинского характера являются разновидностью мер государственного принуждения, однако, с таким видением мы не можем позволить себе согласиться в силу того, что государственное принуждение является методом реализации правовых предписаний, а вовсе не критерием для правильного определения сущности разнообразных уголовно-правовых явлений.

Вследствие чего даже столь краткий научный анализ позволяет нам прийти к выводу о том, что точка зрения С.В. Полубинской является наиболее верной,

ведь, помимо изложенной выше аргументации, об этом также свидетельствуют и предписания действующего российского уголовного законодательства: так, нормы, регламентирующие порядок применения рассматриваемого нами института помещены отечественным законодателем в раздел VI Уголовного кодекса РФ, именуемый «Иные меры уголовно-правового характера». Представляется необходимым и целесообразным с целью окончания существующей научной дискуссии по данному вопросу сделать соответствующее уточнение о правовой природе рассматриваемого института в содержании действующего российского уголовного законодательства.

Список цитируемой литературы:

1. Греку В.В: Принудительные меры медицинского характера: особенности и проблемы законодательной регламентации. – Москва: Юрайт, 2020. – 184 с. – (Проф. образование). – Текст: непосредственный.
2. Полубинская С.В. К вопросу о правовой природе принудительных мер медицинского характера // Вестник экономики, права и социологии. – 2021. – № 1. – С. 128-132.
3. Белик Ю.С. Принудительные меры медицинского характера: понятие, сущность, правовая природа // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 96-98.

Климов Ф.Л., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Кузнецов В.А.

Klimov F.L., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kuznetsov V.A.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE USE OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES

Аннотация.

Статья посвящена рассмотрению принудительных мер медицинского характера. Уголовный закон содержит ряд противоречивых положений, что затрудняет восприятие сущности рассматриваемого института. Представляется, что данный пробел может быть восполнен с учетом имеющихся доктринальных исследований, однако и в юридической литературе возникают определенные трудности при решении заявленной проблемы.

Abstract.

The article is devoted to the consideration of compulsory medical measures. The Criminal Law contains a number of contradictory provisions, which makes it difficult to perceive the essence of the institution in question. It seems that this gap can be filled taking into account the available doctrinal studies, however, certain difficulties arise in the legal literature when solving the stated problem.

Ключевые слова: уголовная ответственность; иные меры уголовно-правового характера; принудительные меры медицинского характера; меры безопасности.

Keywords: criminal liability; other measures of a criminal-legal nature; compulsory medical measures; security measures.

Регулирование исполнения принудительных мер медицинского характера в российском законодательстве обычно проводилось на уровне инструкций, принимаемых Министерством здравоохранения по согласованию с правоохранительными ведомствами. Однако ч. 3 ст. 97 УК РФ прямо указывает на законодательный уровень правового регулирования этого вопроса.

Уже после принятия действующего уголовного закона Минздравом РФ была предпринята попытка урегулировать на подзаконном уровне некоторые вопросы практического осуществления принудительного лечения. С этой целью 23.07.1999 было издано методическое письмо "О порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные

деяния (ст. 21 и ч. 1 ст. 81 Уголовного кодекса Российской Федерации)", согласованное с Верховным судом РФ, Генеральной прокуратурой РФ и Министерством внутренних дел РФ.

Тем не менее, данное письмо было отозвано по указу Министерства Юстиций Российской Федерации, так как оно увидело в нем юридические аспекты, возможные к установлению лишь законом. В связи с чем, данный недостаток в системе легального регулирования исполнения назначенных судом принудительных медицинских мер, по всей вероятности, должен быть восполнен разработкой и принятием специального закона.

Следуя из вышесказанного, главным недостатком в юридическом регламентировании исполнения принудительных мер медицинского характера является отсутствие регулирующего законодательства. Мы считаем, что стоит острая необходимость принятия особого закона, устанавливающего порядок исполнения данных мер, а характерной особенностью данного закона обязано стать сочетание принципов законодательства о здравоохранении, защищающего права лиц, страдающих психическими расстройствами, с положениями уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленными на обеспечение общественной безопасности и предусматривающими ограничение прав и личной свободы правонарушителей.

Законодательному регулированию подлежат, в частности, четкое и принципиальное разграничение принудительных мер медицинского характера, предусмотренных уголовным законодательством, и различных недобровольных мер психиатрической помощи, оказываемых в порядке, установленном Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях

прав граждан при ее оказании», процедура применения которых относится к сфере гражданского процессуального права; уточнение и дифференциация круга лиц, к которым могут быть применены принудительные меры.

Юридическое регулирование также должно затрагивать ограничение прав психически нездоровых граждан, в связи с назначением им различных видов принудительных медицинских мер, а также требования безопасного режима содержания таких пациентов в психиатрических стационарах разного типа.

Важно также определить и уточнить критерии выбора каждого из четырех предусмотренных УК РФ видов принудительного лечения, что должно облегчить слаженную работу судов и экспертов-психиатров, приведя их к унификации вопросов дифференцированного применения названных мер, в связи с тем, что критерии, которые прописаны в УК РФ (ст. 100, 101), недостаточно определены и конкретизированы.

Важным является надлежаще юридически зафиксировать современное положение относительно субординации и ступенчатости подчинения учреждений, которые проводят принудительное лечение, а также разграничение их финансирования: из бюджета субъекта РФ или же федеральное. На сегодняшний день, на принудительном лечении состоят порядка 24 тысяч человек, из которых порядка 17 тысяч – в психиатрических стационарах. В связи с чем, учитывая обширный объем работы медицинских учреждений, связанных с принудительным лечением, при проведении оценки эффективности их работы, не стоит брать в расчет находящихся на лечении лиц, дабы не снизить обеспеченность, например, штатную.

Учитывая тот факт, что урезание срока нахождения в стационаре, которое несет за собой непременный сдвиг в сторону улучшения, может привести к проявлению рецидива поведения или даже повторения преступного деяния, следует на законодательном уровне определить порядок проведения принудительного лечения в тех ситуациях, когда по нескольким уголовным делам лицу назначены разные принудительные меры медицинского характера, исполняющиеся вместе, когда, например, обязательное лечение снимается по одному уголовному делу, однако по другому ещё действует, в связи с чем лицо должно оставаться на лечении.

Также, следует сохранить право граждан, которым предписано принудительное лечение, на пенсию, получение которой должно строится на общих основаниях, так как признание их нетрудоспособности не должно стоять под вопросом, хотя на сегодняшний это является часто оспариваемым фактом, не смотря на положение, содержащееся в ч. 2 ст. 13 Закона РФ "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании", или неверно истолковывается Медико-социальными экспертными комиссиями - МСЭК).

Что касается пациентов, которым предписано наблюдение у специализированного врача-психиатра, а также амбулаторный надзор, то в отношении них должно быть проведено более глобальное юридическое исследование. Например, важным вопросом для изучения является возможность допущения вышеупомянутых лиц к работе, не лишая их права получить листок нетрудоспособности, если возникнет такая нужда. Возможно также создание специализированных условий и рабочих мест без отрыва от амбулаторного лечения. Другим важным

вопросом становится обеспечение психически больных лиц медикаментами, так как иначе снижается эффективность принудительного лечения медицинского характера, а может и вовсе стать бесполезным, так как отсутствие медикаментозного вмешательства в лечении психически больных людей (ввиду отсутствия у них финансовой обеспеченности) зачастую повышает возможность рецидива преступного деяния в будущем.

Следует отметить, что работа психиатров, осуществляющих периодическое мед. освидетельствование и, соответственно, диагностирующих наличие или отсутствие оснований для осуществления принудительных мер медицинского характера, является важным аспектом для обсуждения на правовом поле, так как в правовых актах отсутствуют чётко сформулированные и прописанные нормы, по которым проводится медицинская комиссия. Сроки проведения таких комиссий также не прописаны, что зачастую становится камнем преткновения в спорных ситуациях, а также в процессе судебных разбирательств.

В вопросах применения принудительных мер медицинского характера, важно также упомянуть значимость слаженной работы и качественного сотрудничества дифференцированных организаций, содействующий в заключении, перемещении или освобождении лица от принудительных мед медицинского характера. В следствии чего, стоит острая необходимость в упоминании норм взаимодействия, регламентировании порядка сотрудничества и структуры несения обязанностей сотрудниками здравоохранения, ФСИН и других причастных органов.

Что касается применения медицинских мер принудительного характера по месту постоянного проживания (регистрации), то следует установить такую

возможность для психических больных лиц на легальном уровне. Однако, стоит также внести коррективы, касающиеся возможности прохождения лечения по другому сценарию, а также необходимо прописать какие именно медицинские службы и структуры имеют право на проведение подобного лечения.

Важно отметить также важный вопрос, касающийся применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц без определенного места жительства, а также иностранных лиц, не имеющих гражданства Российской Федерации. Несмотря на заключенную странами СНГ Конвенцию о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения лечения, можно заметить отсутствие действенных результатов её заключение, ведь немаловажным является и тот факт, что данная конвенция действует лишь в отношении граждан стран СНГ, что также полностью исключает из ракурса внимания лиц без определенного места жительства.

В соответствии с вышесказанным, нашим предложением является необходимость установки единообразных условий для выдачи паспортов или других удостоверяющих личность документов гражданам, которым назначено лечение. А здравоохранительные учреждения, параллельно, должны грамотно заводить книги по делопроизводству и ведению таких больных. Данная мера является столь важной, так как согласно УК РФ, при применения принудительных мер медицинского характера, а именно помещения в лечебное учреждение, паспорт или другой документ, принимаемый организацией в качестве подтверждения личности, является не менее важным,

чем решение суда, по которому данное лечение будет осуществляться.

Список цитируемой литературы:

1. Жариков, Н. М. Судебная психиатрия: учебник для вузов / Н. М. Жариков. – Москва: Проспект, 2019. – 345 с.
2. Иванов, А. И. Российское законодательство X - XX веков / А. И. Иванов. – Москва: Норма, 2018. – 988 с.
3. Иванов, А. И. Законодательство первой половины XIX века. / А. И. Иванов. – Москва: Норма, 2018. – 1080 с.
4. Калинина, Т. М. Принудительные меры медицинского характера: понятие, виды, цели / Т. М. Калинина // Lex Russica. – 2013. – № 6. – С. 521-525.
5. Осадчая, Н. Г., Семенцова, И. А. Особенности назначение и исполнение принудительных мер медицинского характера психически аномальным лицам / Н. Г. Осадчая, И. А. Семенцова // Юристъ - Правоведъ. – 2013. – № 4 (59). – С. 59-65.

Климов В.Ю., Студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Klimov V.Y., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer, Shagunova V.M.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

DIFFERENTIATION OF THE ORGANIZATION OF ILLEGAL MIGRATION FROM RELATED CRIMES

Аннотация.

В статье рассматриваются причины различных видов миграции и их взаимосвязь с преступностью; анализируются формулировка и содержание статей 322, 322.1, 322.2, 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматриваются признаки организации незаконной миграции с позиции системности и согласованности уголовного законодательства.

Abstract.

The article examines the causes of various types of migration and their relationship with crime are considered; the wording and content of Articles 322 322.1, 322.2, 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. The signs of the organization of illegal migration are considered from the standpoint of consistency and consistency of criminal legislation.

Ключевые слова: вынужденные мигранты; миграционный контроль; незаконная миграция; квалификация преступлений.

Keywords: forced migrants; migration control; illegal migration; qualification of crimes.

Новую уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность за организацию незаконной миграции, следует отличать от уже существовавшей ранее ст. 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации».

Данная уголовно-правовая норма говорит именно о пересечении границы без действительных документов либо без надлежащего разрешения. В этом случае к ответственности будет привлекаться лицо, которое перемещалось через границу организаторами.

Объективная сторона преступления заключается в физическом пересечении границы РФ при условии отсутствия документов или разрешения на такое пересечение, в случае если оно необходимо. Уголовная ответственность наступает при наличии умышленной формы вины, а субъектом выступает лицо, достигшее 16 лет[4, с. 147].

Таким образом, в данном случае ответственность понесет лицо, которое незаконно пересекает

государственную границу РФ, при этом не имея оснований для этого. Любая организационная деятельность не охватывается данным составом преступления.

Например, в приговоре Московского районного суда Санкт-Петербурга от 21 марта 2017 г. № 1-337/20172 установлено, что при прохождении паспортного контроля на въезд в Российскую Федерацию пассажиров авиарейса в пассажирском терминале авиационного комплекса международного пункта пропуска, гражданка Ж., предъявила сотруднику контрольно-пропускного пункта в качестве документа, дающего право на пересечение Государственной границы Российской Федерации чужой документ – паспорт, который не принадлежит предъявителю.

В соответствии с примечанием данная статья не применяется, если правила пересечения Государственной границы РФ нарушили иностранные граждане и лица без гражданства для использования права политического убежища в соответствии со ст. 63 Конституции при условии, что в их действиях нет состава иного преступления.

Также следует разграничивать ст. 322.1 и также новые нормы 322.2 и 322.3 УК РФ. По сути, все они являются этапами одного масштабного преступления по нелегальному перемещению иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию России. Статья 322.2 УК РФ предусматривает ответственность за фиктивную регистрацию. Фиктивность в этом случае предполагает, фактическое отсутствие регистрации, и не проживание зарегистрированного лица по указанному адресу. Как правило, данное преступление совершается уже после пересечения границы и не всегда организатором незаконной миграции.

Опять же подчеркивается, что данное преступления может входить в состав организации незаконного пребывания в РФ. Полагаем, что в данном случае преступления связана с регистрационной деятельностью, почему должно квалифицировать по совокупности[3, с. 44].

Статья 322.3 УК РФ предусматривает ответственность за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства. Э.Р. Голубева пишет: «Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ, состоит в фиктивной постановке на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в РФ. Фиктивность постановки означает, что постановка на учет производится на основании предоставления заведомо недостоверных (ложных) сведений или документов, а также постановка на учет без намерения пребывать (проживать) в этих помещениях или без намерения принимающей стороны предоставить им эти помещения для пребывания (проживания)»[2, с. 26].

Нужно учитывать, что в этом случае говорит о миграционном учете. Миграционный учет - государственная деятельность по фиксации и обобщению предусмотренных Законом сведений об иностранцах и лиц без гражданства. Место пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации - жилое помещение, не являющееся местом жительства, а также иное помещение, в котором иностранный гражданин или лицо без гражданства находится. Учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания - фиксация сведений о нахождении

иностранного гражданина или лица без гражданства в месте пребывания.

В связи с наличием такого признака субъективной стороны преступления как «в целях совершения преступления на территории России», который является квалифицирующим признаком преступления, существует необходимость разграничения ст. 322.1 УК РФ с террористическими и экстремистскими преступлениями. Преступление, изложенное в ст. 322.1 УК РФ, как уже отмечалось, относится к неиспользуемым нормам, и касается подрыва общественной безопасности. Для квалификации имеет значение установление террористических или экстремистских целей, а не просто совершение преступлений с целью наживы. В случае установления наличия террористических или экстремистских связей, потребуется квалификация

по специальным нормам УК РФ. В практике на данный момент отсутствует опыт квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ, но в теории высказывается мнение, что в таких случаях не требуется квалификация по совокупности, т.к. подрывная террористическая или экстремистская деятельность может включать в себя организацию незаконной миграции, в связи с чем дополнительная квалификация не нужна.

Ввиду схожести объективных и субъективных признаков рассматриваемых деяний целесообразно провести их сопоставительный анализ для правильной и точной квалификации указанных посягательств. Существенные различия рассматриваемых составов преступлений заключаются в объективных признаках, к которым относятся объект и объективная сторона преступления. Уголовная ответственность за совершение всех вышеуказанных преступлений

предусмотрена разделом 10 Особенной части УК РФ «Преступления против государственной власти», главой 32 «Преступления против порядка управления».

Также, необходимо учитывать, что указанное преступление нередко становится основанием для совершения других преступлений, в частности таких как терроризм и экстремизм. С.А. Бучаков пишет: «Поскольку организация незаконной миграции стала сверхприбыльным промыслом, то она закономерно оказалась в сфере интересов организованной преступности, которая не существует без получения сверхприбыли. Целеустремлённая деятельность транснациональной организованной преступности в сфере нелегальной миграции – это её существенная детерминанта, которая не только эксплуатирует стихийные миграционные процессы, но и организует их, придавая им черты бизнеса. Это проявляется в формировании чёрного рынка услуг, использования бедственного положения мигрантов для собственного обогащения, похищения их, и торговля ими в целях криминальной эксплуатации. В сфере незаконной миграции можно подчас усмотреть также переплетение интересов транснациональной организованной преступности и спецслужб иностранных государств. Последние придают рассматриваемому процессу ещё большую целеустремлённость и организованность» [1, с. 116].

Учитывая данные факты необходимо отметить, что террористические преступления, экстремизм и иные преступления, направленные на подрыв состояния безопасности в стране нередко совершаются посредством организации незаконной миграции соответствующих преступников. Такие деяния требуется квалифицировать по совокупности

преступлений, т.к. данные деяния являются видами различной преступной деятельности.

Итак, нами были изучены вопросы, касающиеся проблем квалификации по ст. 322.1 УК РФ и разграничения со смежными составами. В связи с тем, что организация незаконной миграции является специфическим видом преступной деятельности, существует не так много составов преступлений, которые можно назвать смежными, а значит и устранить проблемы в этой сфере легче. Основные факторы разграничения касаются объективной стороны преступления, связанной с непосредственным пересечением границы и незаконного пребывания на территории страны.

Список цитируемой литературы:

1. Бучаков, С. А. Незаконная международная миграция и угроза терроризма // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 16. – № 2. – С. 116.

2. Голубева, Э. Р. Проблемы отграничения организации незаконной миграции от смежных составов преступлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – № 2(80). – С. 26.

3. Илов, В. Н. Некоторые проблемы квалификации организации незаконной миграции по объективной стороне преступления // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 12-2. – С. 44.

4. Маякова, А. С. Некоторые аспекты противодействия правонарушениям в сфере организации незаконной миграции // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 4. – С. 147.

Конопкина К.С., студент 3 курса
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель Шагунова В.М.

Konopkina K.S., 3rd year student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer Shagunova V. M.

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМАРТИВАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В ИТАЛИИ

FEATURES OF THE ELEMENTS OF THE CRIME PROVIDING FOR CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH IN ITALY

Аннотация.

В данной статье представляется анализ статьей уголовного кодекса Италии в области ответственности за деяния, посягающие на жизнь и здоровье личности. Также проводится сравнение с нормами российского уголовного законодательства.

Abstract.

This article presents an analysis of the articles of the Italian Criminal Code in the field of responsibility for acts that infringe on the life and health of an individual. A

comparison is also made with the norms of Russian criminal legislation.

Ключевые слова: уголовное законодательство, деяния, убийство, причинение вреда здоровью.

Keywords: criminal law, acts, murder, causing harm to health.

Статья 3 Всеобщей декларации прав человек, которая отражается в законодательстве каждой страны гласит: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность»[1]. Преступления против жизни и здоровья являются наиболее опасными посягательствами на личность. В уголовном законодательстве зарубежных стран устанавливается ответственность за данные преступления, но способы регламентации, границы наказуемости существенно различаются, если сравнивать с российским законодательством в отрасли уголовного права.

Наибольший интерес вызывает правовая система Италии, которая, как и правовая система России, относиться к континентальной правовой семье. Акты, изданные государственными органами, осуществляющими согласно Конституции законодательную функцию, и акты делегированного законодательства являются источником права в Италии. В уголовном праве основным источником является Уголовный кодекс, принятый в 1930 г. и вступивший в законную силу 1 июля 1931 г. Данный Уголовный Кодекс постоянно совершенствуется путем принятия законов и декретов, изменяющих отдельные уголовно-правовые нормы.

Уголовный кодекс Италии состоит из Общей и Особенной части. Общая часть расположена в Книге I.

Особенная часть изложена в Книге II - «О преступлениях в частности» и Книге III «О проступках в частности». В структуре Общей части Уголовного Кодекса Италии на первом месте стоит институт наказания, и только потом говорится о преступлении, при этом понятие преступления отсутствует. В зависимости от наказания, в соответствии со ст.39 УК Италии: «уголовные правонарушения делятся на преступления и проступки в соответствии с различными видами наказаний, установленных для них настоящим Кодексом»[2].

Также, анализируя общую часть уголовного законодательства Италии можно заключить, что основу уголовной ответственности составляет не только материальный, но и психологический элемент. По мнению Н.Е. Крыловой: «материальный элемент включает все объективные признаки деяния, т.е. действие или бездействие, причинную связь и вредные последствия»[3].

Согласно уголовному кодексу вина является субъективной стороной преступления. Это подтверждает ст. 42 УК Италии которая гласит: «Никто не может быть наказан за действие или бездействие, предусмотренное законом как уголовное правонарушение, если оно не совершено осознанно и по своей воле»[2].Уголовное законодательство Италии закрепляет признаки у субъекта преступления как достижение возраста 14 лет и вменяемость. Нормы, которые устанавливают ответственность за деяние, посягающие на жизнь и здоровье расположены в Книге II, в разделе XII «Преступления против человека». Данные нормы можно разделить две группы: преступления против жизни и преступления против здоровья.

К преступлениям против жизни относятся: Убийство (ст. 575), Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 578), Убийство по обоюдному согласию (ст. 579), Подстрекательство или помощь в самоубийстве (ст. 580), Умышленное убийство (ст. 584) и Непредумышленное убийство (ст. 589)[2].

Норма, закрепляющая ответственность за посягательство на жизнь установлена в статье 575 «Убийство» УК Италии. Изучая указанную статью, можно заметить, что в данной норме не раскрывается понятие убийства. Деяние лица, «... которое приводит к смерти человека» является объективной стороной преступления.

Анализируя нормы общей части и норму, закрепленную в ст. 575, можно прийти к заключению, что субъектом данного преступления является вменяемое лицо, достигшее 14 лет. Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины. Наказание за данное преступление заключается лишением свободы на срок не менее двадцати одного года, а санкция в виде пожизненного лишения свободы за совершение данного преступления назначается при наличии отягчающих обстоятельств. К ним относятся как общие отягчающие обстоятельства, перечисленные в ст. 61 Книги I, так и специальные, указанные в статьях 576 и 577. Это совершение преступления:

- с целью скрыть другое преступление;
- с применением пытки или действуя с жестокостью, с использованием отравляющих средств или ядовитых веществ;
- с целью скрыться от правосудия, во избежание ареста, захвата или тюремного заключения или из корыстных побуждений;
- с заранее обдуманным умыслом;

Есть возможность установить факт, что убийство супруга, брата или сестры, усыновленного отца или матери или усыновленного ребенка или против связанного лица по прямой линии родственников само по себе относится к отягчающим обстоятельствам, но наказывается не пожизненным лишением свободы, а тюремным заключением на срок от двадцати четырех до тридцати лет, а если же деяние против восходящего родственника или потомка совершено «по отвратительным или бесполезным причинам», то назначается пожизненное лишение свободы.

Статья 578 закрепляет ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка. Указанное преступление характеризуется следующими признаками. Во-первых, это время совершения деяния - сразу после рождения или во время родов. Во-вторых, обстановка совершения, вызванная условиями «материального и морального отказа, связанными с рождением»[2]. Субъектом данного преступления является мать новорожденного. Наказание за данное преступление установлено в виде лишения свободы на срок от четырех до двенадцати лет. Действия иных лиц, не являющихся субъектами, приравниваются к убийству и наказываются соответственно. Однако, если они действовали с целью оказать содействие матери, наказание может быть снижено от одной трети до двух третей.

Особый интерес вызывает норма, регламентирующая ответственность за убийство с согласия потерпевшего (ст. 579 УК Италии). Изучение статьи позволяет заключить, что потерпевшем в указанной статье может быть только вменяемое лицо, которое достигло18 лет, и давшее свое согласие добровольно. За данное деяние предусмотрено

наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет. В случае, если согласие на причинение смерти получено от лица, у которого есть наличие заболеваний психики, а также от лица, злоупотребляющего алкогольными или наркотическими веществами; или путем применения насилия или обмана, то его действия преступника приравниваются к убийству, закрепленному в ст. 575 - 577 УК Италии.[2]

Следующей нормой в рамках преступлений, посягающих на жизнь, выступает статья 584 «Умышленное убийство» УК Италии. Согласно данной статье, как убийство квалифицируются и действия лица, приведшие к смерти потерпевшего в результате побоев (ст. 581) или причинения вреда здоровью (ст. 582). Но в отличие от убийства, закрепленного в статье 575, за данное деяние назначается более мягкое наказание в виде лишения свободы от десяти до восемнадцати лет. Наказание увеличивается при наличии отягчающих обстоятельств перечисленных в ст. 576 на одну треть до половины и ст. 577 или до одной трети, если факт совершен с применением оружия или агрессивных веществ.

Уголовное законодательство Италии закрепляет ответственность и за причинение смерти по неосторожности. Статья 589 объединяет в себе, во-первых, причинение смерти по неосторожности, во-вторых, причинение смерти при нарушении правил дорожного движения или на производстве. Наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до пяти лет. Минимальный срок наказания увеличивается до одного года в случае нарушения правил дорожного движения или на производстве. Наказание увеличивается, в случае наступления тяжких последствий, выражающиеся в причинении смерти двум

и более лицам или смерти одного лица и причинения вреда здоровью хотя бы еще одного лица. В указанном случае наказание может быть увеличено до трех раз, но не может превышать двенадцать лет.

В уголовном кодексе Италии предусмотрена ответственность и за действия лица, направленные на склонение к самоубийству. Статья 580 УК Италии не раскрывает способы склонения, а только указывает на две формы действия - склонение и помощь в самоубийстве. От наступивших последствий зависит характер наказания. Если лицо совершит самоубийство, то назначается наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет. В тех случаях, когда попытка самоубийства приведет к последствиям в виде причинения средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, назначается наказание в виде лишения свободы на срок от одного до пяти лет. Если эти действия направлены на лицо в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, лицо, у которого имеется психическое заболевание, или злоупотребляющее алкогольными или наркотическими веществами, то наказание увеличивается. В случаях, если эти действия направлены на лиц, не достигших четырнадцати лет, то действие виновного приравниваются к убийству.

К преступлениям, посягающим на здоровье, можно отнести «Причинение вреда здоровью» (ст. 582) и «Причинение вреда здоровью по неосторожности» (ст. 590).

В уголовном законодательстве Италии деяния, причинившие вред здоровью квалифицируются по одной статье 582. В зависимости от длительности выздоровления лица, выделяют «травму», «серьезную травму» и «очень серьезную травму». Данные виды

травм можно соотнести с понятиями «легкий», «средней тяжести» и «тяжкий» вред здоровью как в российском законодательстве.

Согласно диспозиции ст. 582 легкий вред здоровью выражается в телесном повреждении, которое приводит к физическому или психическому заболеванию потерпевшего, когда время выздоровления не превышает сорок дней, наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до трех лет. В случаях, когда заболевание длится менее двадцати дней и при отсутствии отягчающих обстоятельств, виновное лицо привлекается к ответственности только по заявлению потерпевшего. Вред здоровью средней тяжести будет в тех случаях, когда действия лица, причиняющий физический вред, опасный для жизни; если период выздоровления превышает сорок дней; когда действия виновного привели к утрате органом выполнять свои функций, в полном объеме. В данном случае наказание увеличивается и назначается в размере от трех до семи лет. Если наступают последствия в виде: неизлечимого заболевания; психического расстройства, утраты конечности или утраты органом его функций, неспособности к продолжению рода, потери речи или обезображиванию лица, вред здоровью относится к тяжкому. В данном случае назначается наказание в виде тюремного заключения на срок от шести до двенадцати лет.

Статья 590 уголовного законодательства Италии устанавливает ответственность за причинение вреда здоровью по неосторожности, и предусматривает наказание в виде штрафа, который зависит от вида вреда здоровью. Особенность данной нормы заключается в том, что по ней квалифицируются и действия, причинившие вред в результате нарушения

правил дорожного движения или предотвращения несчастных случаев на производстве. Если вред причинен двум и более лицам, то наказание в виде штрафа увеличивается, или в виде лишения свободы.

Проведенный анализ статей, которые предусматривают ответственность за преступления против жизни и здоровья делает возможность сделать выводы, характеризующих отличительные особенности данных преступлений. Так для преступлений, посягающих на жизнь, отягчающие обстоятельства закреплены в отдельных статьях данной главы, а также учитываются обстоятельства, закрепленные в общей части УК Италии. Причинение вреда здоровью квалифицируется по статье, которая устанавливает ответственность за легкий вред здоровью, а причинение вреда здоровью средней и тяжкой степени выступают как отягчающие обстоятельства. К указанным статьям также применяются отягчающие обстоятельства, закрепленные в статьях данного раздела и перечисленные в общей части. Если сравнивать санкции итальянского уголовного законодательства и российского, то можно прийти к выводу, что в Италии более суровые наказания за деяния против жизни и здоровья за счет больших сроков лишения свободы, когда в России за аналогичные преступления предусматривается наказание в виде лишения свободы на сроки меньше, чем указывается в законе вышеуказанного государства.

Список цитируемой литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс] URL:

https://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html (Дата обращения 05.03.2023)

2. Уголовный кодекс Италии 1930 г.[Электронный ресурс]URL:https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005241456/

3. Крылова Н.Е. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть: учебник для вузов / Отв. редактор Н. Е. Крылова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М: Юрайт, 2023. — 397 с.

Козлова В.Е., студент 4 курса
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель., Шагунова В.М.

Kozlova V.E., 4th year student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer., Shagunova V.M.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОСТАВА ОРГАНИЗАЦИИ И УЧАСТИЯ В МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКАХ

CRIMINAL LAW ANALYSIS OF THE COMPOSITION OF THE ORGANIZATION AND PARTICIPATION IN MASS RIOTS

Аннотация.

В статье рассматриваются проблемы уголовно-правовой оценки массовых беспорядков, вызывающие большие трудности в правоприменительной деятельности. Констатируется несовершенство статьи 212 УК РФ, которая предусматривает, по сути, шесть самостоятельных преступлений, мотивы и цель организации массовых беспорядков.

Abstract.

The article deals with the problems of criminal law assessment of mass riots, which cause great difficulties in

law enforcement. The imperfection of Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides, in fact, six independent crimes, motives and purpose of organizing mass riots, is stated.

Ключевые слова: преступление; массовые беспорядки; организация массовых беспорядков; ответственность; состав преступления; квалификация преступления; посягательство на общественную безопасность.

Keywords: crime; mass riots; organization of mass riots; responsibility; composition of the crime; qualification of the crime; encroachment on public safety.

Важное место в процессе уголовно-правовой характеристики любого преступления, в том числе и массовых беспорядков, занимает его объект. Под ним понимается «совокупность взятых под охрану уголовным правом общественных отношений, против которых направлено посягательство». От того, насколько четко определен объект, во многом зависит квалификация преступления и правильность назначения ответственности за данное преступление.

В уголовном праве наблюдается полисемия взглядов об объекте преступления, квалифицированного по статье 212 Уголовного кодекса Российской Федерации. К примеру, Ткаченко В.И. и Брайнин Я.М. полагают, что «массовые беспорядки направлены против органов государственного управления в области охраны общественной безопасности и правопорядка» [4, С.80].

Из двух классификаций объекта преступления наиболее распространенной является по «вертикали»,

согласно которой объект преступления делится на общий, родовой, видовой и непосредственный.

Общий объект массовых беспорядков – это отношения в обществе, которые складываются по поводу охраны общественной безопасности.

Под родовым объектом массовых беспорядков следует понимать общественные отношения, обеспечивающие безопасность в различных сферах жизни общества, т.е. общественная безопасность и общественный порядок. К которым относится экологическая и общественная безопасность, безопасность здоровья населения, безопасность движения и эксплуатации транспорта, а также безопасность информационного характера.

У видового объекта исследуемого преступления немало сходств с родовым. К нему исследователи относят общественную безопасность.

Что касается непосредственного, то учёный-юрист В.П. Малков под непосредственным объектом массовых беспорядков предлагает понимать «защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз, связанных с массовыми нарушениями общественного порядка» [6, С. 125]. Исходя из этого под непосредственным объектом массовых беспорядков следует правильно понимать именно общественную безопасность в узком смысле.

Сложная законодательная конструкция состава массовых беспорядков порождает вопрос о том, является ли данное преступление многообъектным.

В соответствии со статьей 212 УК РФ объективная сторона массовых беспорядков выражается в совершении виновным следующих действий,

предусмотренных в качестве самостоятельных составов преступлений:

1. Организация массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ);

2. Подготовка лица для организации массовых беспорядков или участия в них (ч. 1 ст. 212 УК РФ);

3. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков (ч. 1.1 ст. 212 УК РФ);

4. Участие в массовых беспорядках (ч. 2 ст.212 УК РФ);

5. Призывы к массовым беспорядкам или участию в них, а ровно призывы к насилию над гражданами (ч. 3 ст.212 УК РФ);

6. Прохождение лицом обучения в целях организации массовых беспорядков либо участия в них (ч. 4 ст.212 УК РФ) [2].

В юридической литературе организация массовых беспорядков – это деятельность лица, направленная на объединение толпы или руководство ей для насилия, погромов, поджогов, уничтожения имущества, применения огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказания вооруженного сопротивления представителю власти. Судебная и следственная практика относят к организации массовых беспорядков процессы, связанные с их организацией, подстрекательством народных масс, подготовку материалов, которые способны инициировать общественные волнения, которые перерастают в массовые беспорядки [5, с. 67]. Действия организатора массовых беспорядков, принимавшего непосредственное участие в самих массовых беспорядках, полностью охватываются ч. 1 ст.

212 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по совокупности с ч. 2 ст. 212 УК РФ.

Э. А. Арипов в понятие организации включает любую «деятельность лица или нескольких лиц, умышленно вызвавших толпу на совершение погромов, разрушений, поджогов, …», а также «действия по руководству осуществления толпой указанных деяний и оказанием сопротивления представителю власти» [6, С. 128].

В законе не определяется цель, которую преследуют организаторы массовых беспорядков, а также нет указания на мотивы, которыми руководствуются участники беспорядков. Например, организаторы массовых беспорядков в местах лишения свободы могут организовать участников с целью дестабилизации деятельности учреждения или установления «своих правил и порядков». Организаторы массовых беспорядков в обществе могут преследовать и цель дестабилизации социально-политической обстановки в конкретном населенном пункте или в целом по стране.

Выделять в качестве отдельного состава преступления наряду с организацией руководство представляется неэффективным, так как эти действия выполняются одним лицом и практически не разделены во времени.

По сравнению с организацией и инициированием массовых беспорядков меньшей по силе является участие в массовых беспорядках, т.е. непосредственное совершение насилия, погромов, поджогов и иных действий, предусмотренных в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ. Уголовную ответственность несут только те участники беспорядков, которые непосредственно совершили погромы, поджоги и другие противоправные

действия, указанные в диспозиции ч.1 ст. 212 УК РФ. Если лицо находилось в составе толпы, но ничего противоправного не совершило, то он не может подвергаться ответственности.

Одним из необходимых элементов состава любого преступления является его субъект. Ранее уголовный закон предусматривал, что за совершение преступлений, предусмотренных ст. 212 УК РФ, уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени их совершения шестнадцатилетнего возраста. Но Федеральный закон от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ в ст. 20 УК РФ внес изменения, согласно которым ответственность за участие в массовых беспорядков (ч. 2 ст. 212 УК РФ) наступает с четырнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона преступления – это психическое (внутреннее) отношение лица, связанная с совершением преступления. В субъективную сторону входят такие элементы, как вина, мотив, цель.

Массовые беспорядки — умышленное преступление. Существует разные мнения об умысле совершения преступления одни авторы считают, что преступление может быть совершенно только с прямым умыслом, другие — с прямым или косвенным. Признавать возможность совершения организации массовых беспорядков с косвенным умыслом нет оснований. Состав данного преступления — формальный, он будет считаться оконченным с момента совершения действий, указанных в ч. 1 ст. 212 УК РФ. Организовать массовые беспорядки с косвенным умыслом невозможно, так как это противоречит сути деятельности организатора. Общепризнанным является то, что организатор действует только с прямым умыслом.

Мотивы и цели могут быть различными, например, они могут быть связаны с желанием отомстить властям, но могут просто отражать мнение народа, но через призму действий неконтролируемой толпы переросшие в противоправные деяния. Нередко во втором случае как раз погромы, пожары и прочие проявления массовых беспорядков вспыхивают бесконтрольно. Мотив данного преступления также влияет на его квалификацию. Исходя из этого, массовые беспорядки можно определить, как действия большой группы людей (толпы), представляющие реальную угрозу для общественного порядка и общественной безопасности, а также для личной безопасности граждан, сопровождающееся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и устройств, а также вооруженным сопротивлением власти.

Проанализировав состав данного преступления, можно сделать вывод, что общим объектом преступления является общественная безопасность и общественный порядок, а дополнительным - жизнь, здоровье, собственность и нормальное функционирование органов власти и управления. Объективная сторона заключается в действиях - насилии, погромах, поджогах, уничтожении имущества, применении огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, оказании вооруженного сопротивления представителю власти. Субъектом выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, а участники массовых беспорядков в возрасте от 14 до 16 лет могут нести ответственность за совершение преступлений,

перечисленных в ч. 2 ст. 20 УК. Субъективная сторона выражается в прямом умысле.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.
3. Козаченко И.Я. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.,2018. С. 451.
4. Кумышева М.К. К вопросу о массовости в уголовно-правовой характеристике массовых беспорядков // Актуальные вопросы современного права. Пути теоретического и практического решения проблем: сб. статей Междунар. научно-практической конф. / Уфа, 16 октября 2017 г. Уфа: ООО Аэтерна. 2017. С. 79-81.
5. Шишпор К.А. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ): маг. …дис. Красноярск: СФУ, 2017. 105 с.
6. Кругликов Л.Л. Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для бакалавров / Кругликов Л.Л., отв.ред. проф. 4-е изд., перерабю и доп. М., 2013. С. 423.

Коровина И.О., бакалавр
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Korovina I.O., bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕРШЕННЫМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY MINORS

Аннотация.

В статье рассматриваются тактические и процессуальные подходы при производстве следственных действий в отношении несовершеннолетних.

Abstract.

The article discusses tactical and procedural approaches in the conduct of investigative actions against minors.

Ключевые слова: несовершеннолетние; уголовный процесс; уголовное дело; преступление.

Keywords: minors; criminal proceedings; criminal case; crime.

В современном мире практически в каждом государстве дети пользуются специальным правовым статусом, не исключение и Россия. Становление уголовной политики в отношении несовершеннолетних происходит поэтапно, и тенденции её развития имеют прямую взаимосвязь с уровнем преступности лиц, не достигших совершеннолетия.

Богомолов В.П. отмечает, что «практически каждое второе преступление совершается несовершеннолетним не единолично, а в группе. Большая часть преступлений, по которым они осуждены, - тяжкие. По статистике 80% совершаемых несовершеннолетними преступлений относятся именно к этой категории, причем преобладающую роль играют имущественные». [3]

Современное положение несовершеннолетних в уголовном и уголовно-процессуальном праве определяется, в основном, содержанием проводимой государством политики. В настоящее время она направлена в первую очередь на защиту законных прав и интересов данной категории лиц, ставя на второе место карательную направленность, поскольку система мер непринудительного характера, мер социальной защиты и помощи несовершеннолетним слабо развита в нашей стране. [4]

Особенности предварительного расследования по уголовным делам с участием несовершеннолетних лиц закреплены в главе 50 УПК РФ, которая имеет название «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних». [2] Так как уголовное и

уголовно-процессуальное право взаимосвязаны, в УК также выделен самостоятельный раздел V «Уголовная ответственность несовершеннолетних».

Одной из главных особенностей проведения предварительного расследования по делам с участием несовершеннолетних является то, что в случае если в ходе расследования будет установлено, что несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый, совершил преступное деяние небольшой или средней тяжести впервые, то его исправление может быть осуществлено без применения наказания, предусмотренного нормами УК РФ. Прокурор, следователь или дознаватель с согласия прокурора имеют право вынести постановление о прекращении уголовного дела и обратиться в суд с ходатайством о применении в отношении несовершеннолетнего принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ, которое в дальнейшем вместе с уголовным делом направляется прокурором в суд. [1]

Стоит отметить, что прекращение уголовного преследования по вышеуказанным основанием возможно лишь в случае, если сам несовершеннолетний обвиняемый и его законный представитель против этого не возражают.

Предварительное расследование по уголовным делам в отношении несовершеннолетних имеет отличительные особенности участия данных лиц в отдельных следственных действиях. Одной из таких является порядок вызова несовершеннолетнего к следователю (дознавателю). Он осуществляется не напрямую, а через законных представителей. В случае если подозреваемый (обвиняемый) несовершеннолетний

находится под стражей, то вызов осуществляется через администрацию места содержания под стражей.

При осуществлении допроса подозреваемого (обвиняемого) не достигшего 16 летнего возраста, а также достигшего, но страдающего психическим расстройством либо отстающего в психическом развитии, присутствие педагога является обязательным. Как правило это способствует уменьшению уровня стресса, снижению психического напряжения. Следует заметить, что участие родителей, наоборот, считается нежелательным, ведь при их присутствии подозреваемый (обвиняемый) начинает стыдиться, замыкаться и боится рассказать правду. Но в то же время, по окончанию предварительного следствия следователю или дознавателю необходимо ознакомить несовершеннолетнего и его законных представителей с материалами дела.

Следует отметить, что следователь (дознаватель), завершив предварительное расследование, имеет право не предъявлять подозреваемому (обвиняемому), не достигшему 18 лет, те материалы уголовного дела, которые могут оказать на него отрицательное воздействие, о чем должен вынести соответствующее постановление. Но ознакомление законных представителей с ними все же является обязательным.

Ещё одной особенностью является место осуществления следственного действия. Исходя из общего правила, оно осуществляется по месту предварительного расследования. Но тут следует иметь ввиду, что участие лица, не достигшего 18 лет, придает особое значение непосредственно подготовке к проведению следственного действия, в рамках которой выясняются личностные особенности подростка и именно основываясь на них решается в каком месте

будет осуществляться то или иное следственное действие.

В случае, если следователь получит достоверные данные о неустойчивости психики несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), он вправе провести следственное действие в условиях, привычных для подростка, что в свою очередь будет способствовать облегчению установления психологического контакта и получению более точных показаний об обстоятельствах происшествия. Также не стоит забывать, что при получении показаний должен присутствовать защитник, его законный представитель, а при необходимости педагог или психолог, что тоже может быть затруднительно. [5]

Немаловажную роль играет вопрос о времени проведения следственного действия. Не рекомендуется вызывать несовершеннолетнего для проведения следственных действий во время учебных занятий или во время обеда, прогулки в случае нахождения подростка под стражей.

Одной из особенностей работы с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) является то, что в силу возраста их психика слабо развита и соответственно восприятие происходящих событий может быть не точным. У данных лиц отсутствуют достаточные знания и жизненный опыт, в связи с чем возникает вероятность неспособности правильной оценки ситуации, поступков (своих и окружающий), а также внушению и обильному фантазированию. В связи с этим частым следственным действием в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) является очная ставка.

Проведение очной ставки между несовершеннолетними зачастую позволяет устранить

сомнения, которые имелись в материалах уголовного дела, ведь подростки начинают спорить друг с другом и в процессе могут выдать правдивые показания.

Таким образом, особенностями расследования уголовного дела с участием несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) являются должное внимание к его психическому состоянию, а также соблюдение особенностей проведения следственных действий с обязательным участием защитника, законного представителя и в некоторых случаях педагога или психологи. Изучив все особенности, подготовившись к ним, следователь (дознаватель) значительно повышает вероятность положительных результатов расследования.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Российская газета, № 249.

3. Богомолов В.П. Актуальность исследования проблем обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. №12. С. 35-38.

4. Орлова Ю.Р. Особенности расследования и предупреждения преступлений несовершеннолетних /Ю.Р. Орлова – М.: Щит-М. 2007. - С. 180.

5. Хабарова Г.В. К вопросу об особенности производства следственных действий с участием несовершеннолетних // Актуальные проблемы

уголовной и уголовно-процессуальной политики РФ: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 2015.

Краснов М.С., Студент
Россия, ФГБОУ ВО «Международно-правового отделения
Иркутского юридического института»
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Шишмарева Е.В.

Krasnov M.S., student
Russia, International Law Department of the Irkutsk Law Institute
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Shishmareva E.V.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ИНТЕРНЕТ-ПИРАТСВА

CHARACTERISTICS OF CERTAIN TYPES OF INTERNET PIRACY

Аннотация.

В статье рассматривается проблема интернет-пиратства, в частности формы и отдельные виды интернет-пиратства. Представлены отдельные виды использования незаконного контента с описанием механизма осуществления противоправной деятельности и приведены данные об масштабах этих деяний. Также буду предложены варианты повышения эффективности борьбы с интернет-пиратством.

Abstract.

The article deals with the problem of Internet piracy, in particular forms and certain types of Internet piracy. Some types of illegal content use are presented with a

description of the mechanism of illegal activity and data on the scale of these acts are provided. Options will also be offered to improve the effectiveness of the fight against Internet piracy.

Ключевые слова: интернет-пиратство, виды интернет-пиратства, «зеркало», противоправная деятельность, цифровая среда, сеть Интернет, интеллектуальная собственность, авторское право.

Keywords: Internet piracy, types of Internet piracy, "mirror", illegal activity, digital environment, Internet, intellectual property, copyright.

Защита авторских прав в цифровой среде с каждым годом увеличивает свою актуальность, поскольку с развитием технологий появляются новые возможности для посягательства на интеллектуальные права для дальнейшего их использования. Правообладатели несут значительные потери вследствие бесконтрольного распространения их продукции в сети Интернет. Этому способствует отсутствие четких государственных механизмов защиты и контроля интеллектуальных прав. К тому же интернет-пиратство осуществляется различными способами, в различных формах и видах, поэтому законодателю необходимо подстраиваться под постоянное изменение этого явления для создания достойного механизма способного защитить авторские права в сети Интернет.

Основной причиной широкого распространения интернет-пиратства является несвоевременное принятие норм способных урегулировать такую деятельность в сети Интернет. Отсутствие действенного механизма влияния на нарушителей как следствие не работы

законодательной нормативной базы многих стран мира привело к тому, что проблема приобрела глобальный характер. Высокая скорость трафика, доступность подключения для огромного количества людей привели к тому, что с момента размещения работы в интернет-ресурсах до скачивания и публикации его на пиратский сайт могут пройти в считанные минуты. Нарушителями становятся не только злоумышленники, занимающиеся незаконным распространением контента, в том числе с целью получения прибыли от рекламы на своих ресурсах, но и конечные пользователи, которые скачивают или просматривают онлайн этот контент.

В сложившейся практике рассмотрения уголовных дел устанавливая факт незаконного использования объектов авторских и смежных прав, суд должен выяснить и указать в приговоре, какими именно действиями были нарушены права авторов произведений. В частности к таким действия относится распространение в сети Интернет авторских прав без оформления в соответствии с законом договора либо соглашения. Само распространение интеллектуальных прав в сети Интернет может осуществляться в виде различных форм и видов незаконного использования охраняемых прав. Для создания эффективного механизма борьбы с противоправной деятельность будет целесообразно их охарактеризовать.

Для создания эффективного механизма защиты интеллектуальных прав необходимо обозначить формы и виды их нарушения.

К основным формам можно отнести:

1. Копирование (скачивание) объектов интеллектуальной собственности без разрешения правообладателя конечными пользователями;

2. Установка на электронные устройства копий программ, распространяемых без лицензии;

3. Использование объектов интеллектуальной собственности с нарушением условий лицензионного договора. [4]

Виды незаконного использования контента определяют в зависимости от того, на какие объекты интеллектуальной собственности направлены противоправные действия. Выделяются следующие виды пиратства:

1) Литературное пиратство

Под литературным пиратством понимается вид незаконной деятельности по неправомерному копированию текстов книг и продажа их на рынке. Сейчас пиратство литературных произведений ставит их авторов в положение, когда они не могут получить достаточную прибыль с распространения своих работ в сети Интернет. Хотя существуют электронные варианты книг, на данный момент чтение произведений с пиратских ресурсов представляет собой упрощенный вариант доступа к литературным произведениям. Тем самым уничтожается возможность реализации авторов произведений в цифровой среде. Борьба с литературным пиратством в большей мере возымела успехи, — на данный момент найти пиратские платформы по распространению литературных произведений достаточно проблематично из-за активной деятельности государства в этой сфере.

По расчетам «Ведомостей» продавцы электронных книг в 2021 г. не получили почти четверть доходов из-за пиратского рынка. Продажи этого товара в прошлом году выросли на 34% до 11 млрд. руб. — как следует из данных крупнейшего продавца – группы компаний «Литрес». Сегмент аудиокниг за указанный период, по

оценке «Литрес», вырос на 43% и превысил 3,2 млрд. руб. При этом размер рынка пиратских книг в 2021 г., по оценке Ассоциации по защите авторских прав в интернете, оказался около 2-3 млрд. руб., т. е. четверть от легального. [5]

2) Видеопиратство;

Видеопиратство — это нелегальное распространение копий фильмов, телепередач в локальных сетях через Интернет с целью получения прибыли. Фильмы как объект авторского права в цифровой среде имеют свои особенности. Главная особенность видеопродукции заключается в том, что она приносит прибыль в первые дни после выхода в прокат. С целью защиты авторских прав важно не допустить распространения нелегальных копий в сети Интернет в этот период. [6] Данное обстоятельство было учтено при разработке Федерального закона от 02.07.2013 N 187-ФЗ, указывающего на необходимость быстрой блокировки доступа к информационным ресурсам, на которых размещена нелегальная видеопродукция

Антипиратское подразделение Group-IB Anti-Piracy подготовило отчёт с анализом российского рынка пиратского видео. В 2018 году будет поставлен новый рекорд по количеству просмотров пиратских фильмов. Специалисты подсчитали, что количество запросов в популярных поисковых системах на «просмотр фильмов и сериалов бесплатно» составил почти 10 млрд. Таким образом, исходя из суммарной аудитории пользователей интернета в России, примерно 90 млн. человек, на каждого пользователя в среднем приходится около 110 просмотров пиратских копий кинокартин. Подразделение Group-IB заявило, что по итогам прошлого года пиратский рынок вырос на 21% до $85

млн. Столько зарабатывают преступники, которые выкладывают фильмы для бесплатного просмотра в интернете. [15]

3) Аудиопиратство;

К аудиопиратству можно отнести деятельность интернет-ресурсов по размещению нелегальных копий музыкальных произведений. Это выражается в виде копирования, распространения и продажи музыкальных произведений. Обмен музыкальными композициями в Интернете принял огромный масштаб благодаря развитию P2P-технологий.

По данным Международной федерации звукозаписывающей индустрии (IFPI) 38% потребителей музыкального контента по-прежнему получают его незаконными путями, например, посредством торрент-треккеров. [3] В отчете указанно, что четверо из десяти пользователей получают контент из нелегальных источников.

4) Пиратство компьютерных игр;

Под пиратством компьютерных игр понимается тиражирование и распространение контрафактных носителей; производство контрафактной продукции, внешний вид которой практически полностью соответствует легальным образцам. Этот вид пиратства схож с видеопиратством, поскольку основная прибыль для производителя поступает в первые дни продаж. Но государство не уделяет должного внимания рынку компьютерных игр из-за его низкой развитости на территории России, поэтому создаётся благоприятная среда для распространения нелицензированного контента

Маркетинговая исследовательская фирма Tru Optik в течение нескольких лет отслеживала активность на торрент-трекерах, чтобы подробнее изучить

популярность разнообразного медиапродукта у молодой аудитории. Согласно их отчёту за 2014 год было скачано 2,4 миллиарда пиратских игр. [14]

5) Пиратство программного обеспечения.

Под пиратством ПО следует понимать незаконное распространение ПО или создание контрафактного ПО, которое нелегально копируют или продают. Помимо заработка от рекламы на ресурсах распространения нелицензированной продукции пиратского ПО могут быть использованы для распространения вирус-программы, программы-шпионы, фишинговые сообщения, которые могут привести к распространению персональной информации или поломке систем. Из-за отсутствия обновлений у разработчиков пиратского ПО появляется возможность дальнейшего внедрения вредоносных программ в компьютеры пользователей.

В отчете Global Software Survey за 2018 год, эксперты BSA подсчитывают удельный вес программ, которые используются без покупки. Также оценивается средний размер ущерба, который наносит страна производителям софта, нелегально используя их программы. Заражение нелицензионного ПО вредоносными программами наносит денежный ущерб компаниям по всему миру в размере 359 млрд. долларов в год. В целом проникновение пиратского ПО в центральной и восточной Европе составляет 57%. Самый низкий уровень пиратства наблюдается в странах Северной Америки (16%) и Западной Европы (26%), что оказывает влияние на общемировую статистику: в целом по миру использование пиратского софта составляет 37%. [13]

Для каждого вида интернет-пиратства существуют свои специализированные платформы, на которых они распространяются, что помогает определить

направление деятельности пиратских платформах (Например, «Bajui» — источник нелегальных закачек музыки; «free-tv-video-online» — нелицензионные копии новинок кинопроката и свежие телепрограммы; «Darkwarez» — источник нелегально распространяемых видеоигр). [12] Как представляется, государство не предпринимает серьезных мер в отношении этих площадок. Основное внимание государственных органов направлено на блокировку наиболее используемых платформ, (таких как **Extratorrent.cc** — **ресурс, на котором размещается** более 1,4 миллиона пиратских файлов, число пользователей измеряется десятками миллионов, а количество посещений составляет почти десять миллиардов в месяц). Как показывает практика, эти ресурсы продолжают функционировать после блокировки посредством использования сайтов-«зеркал», полностью копирующих первоисточник.

Для решения этих проблем государству необходимо обратить внимание на иные виды интернет-пиратства. Нужно создать автоматизированный механизм блокировки сайтов-«зеркал» для дальнейшего прекращения распространения пиратского контента. Также целесообразно вводить дополнительные санкции в отношении потребителей пиратских платформ в виде штрафов, временного или полного отключения интернет-трафика со стороны провайдера и другие меры, препятствующие доступу к незаконному контенту.

Список цитируемой литературы:

1. Еськин Д.Л. Цифровое пиратство в России: состояние на начало 2020 года / Д.С. Еськин. —

Текст: электронный // Вестник научных конференций. - 2020. - № 3. - С. 143-144.— URL: https://ukonf.com/doc/cn.2020.03.01

2. Косумов, А. А. Некоторые проблемы защиты результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет / А. А. Косумов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 28 (423). — С. 170-171. — URL: https://moluch.ru/archive/423/94045/

3. Музыкальная индустрия // PWC. – Текст: электронный. – URL: https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2019/muzykalnaya-industriya.html (дата обращения: 20.12.2022).

4. Новая "антипиратская" инициатива: окажутся ли под защитой все объекты авторских прав 28 октября 2013 / СПС «Гарант.ру». Текст: электронный. –URL: http: https://www.garant.ru/article/501059/

5. Пираты отняли почти четверть доходов у продавцов электронных книг // Ведомости. – Текст: электронный. – URL: https://www.vedomosti.ru/media/articles/2022/01/31/907188-pirati-otnyali-knig

6. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» от 02.07.2013 N 187-ФЗ / СПС «Консультант Плюс» Текст: электронный. –URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148497/ (дата обращения: 20.12.2022).

7. Смирнов, Д. К. Нарушение интеллектуальной собственности / Д. К. Смирнов, Ж. С.

Мухамбетов. — Текст: электронный // Молодой ученый. — 2018. — № 10 (196). — С. 128-131. — URL: https://moluch.ru/archive/196/48638/

8. Самые скачиваемые фильмы 2012 года. Сколько украли пираты // Filmpro. – Текст: электронный. –URL: https://www.filmpro.ru/materials/26129

9. Формы Принудительное лицензирование контента: мнение экспертов / СПС «Гарант.ру». Текст: электронный. –URL: https://www.garant.ru/article/1566986/

10. Центр цифровых прав подвел итоги пяти лет борьбы с виртуальным пиратством // Центр защиты прав СМИ. – Текст: электронный. – URL: https://digitalrights.cen-ter/sobytiya/tsentr-tsifrovykh-prav-podvel-itogi-borby-s-piratstvom/

11. Чевтаева Л.Н. Интернет-пиратство: вчера и сегодня / Л. Н. Чевтаева. – Текст: электронный // Вестник Саратовского государственного технического университета. - 2013. - Т. 4. - № 1 (73). - С. 284-289. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-piratstvo-vchera-i-segodnya

12. Широков, Д. Д. Пиратство с использованием сети Интернет и других информационных технологий: несколько слов о квалификации и законодательной регламентаци / Д. Д. Широков. — Текст: электронный // Молодой ученый. — 2021. — № 53 (395). — С. 132-134. — URL: https://moluch.ru/archive/395/87527/

13. Software Management: Security Imperative, Business Opportunity // Global Software Survey. — Текст: электронный. —URL: https://nonews.co/wp-content/uploads/2018/09/BSA2018

14. Ian Birnbaum. The state of PC piracy in 2016 / Ian Birnbaum. – Текст: электронный. // PC GAMER. — 2016. — URL: https://www.pcgamer.com/the-state-of-pc-piracy-in-2016/2/

15. 2018-й год может поставить антирекорд по количеству просмотров пиратских фильмов // Group-IB. – Текст: электронный. – URL: https://www.group-ib.ru/media-center/press-releases/antipiracy-statistics-record-2018/

Кузнецов М.А., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор Соловьева В.В.

Kuznetsov M.A., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: PhD in History, Solovieva V.V.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS UNDER THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Аннотация.

Историко-культурное наследие каждой страны составляет общую культуру человечества, сохранение которой обеспечивает неразрывную духовную связь поколений и является хранилищем исторической памяти, необходимой для устойчивого развития всех социальных институтов. Сохранение культурного наследия способствует поддержанию национальной, культурной, духовной идентичности каждого государства.

Abstract.

The historical and cultural heritage of each country constitutes the common culture of mankind, the preservation of which ensures the inseparable spiritual connection of generations and is a repository of historical memory necessary for the sustainable development of all social institutions. The preservation of cultural heritage contributes to the maintenance of the national, cultural and spiritual identity of each state.

Ключевые слова: объекты культурного наследия; охрана объектов культурного наследия; законодательство зарубежных стран

Key words: objects of cultural heritage; protection of cultural heritage sites; legislation of foreign countries

На международном уровне сформирована хорошо отлаженная система сотрудничества, которая включает в себя многочисленные организации. Помимо этого, в законодательстве почти каждой страны закреплены положения, направленные на сохранение культурного наследия и защиту его от посягательств.

Рассмотрим подробнее, что представляет собой охрана объектов культурного наследия, а именно установление ответственности за посягательства на памятники истории и культуры по законодательству отдельных зарубежных стран.

Так, в уголовном законе Австрии [1] норма о сохранении памятников истории и культуры содержится в разделе «Преступные деяния против имущества». Ответственность установлена за повреждение «общественного памятника или предмета, находящегося под охраной памятников; вещи имеющей общепризнанную научную, фольклорную,

художественную или историческую ценность» (§ 126). Совершение указанных действий наказывается штрафом или лишением свободы сроком до 2 лет.

Уголовный кодекс Республики Албания содержит целый ряд норм об ответственности за преступления, против культурных ценностей[2]. Например, кража произведений искусства и культуры (ст. 138) наказывается штрафом или лишением свободы на срок до 5 лет. В случае, если предметом посягательства являются произведения искусства и культуры, имеющие общегосударственное значение, деяние наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет.

Незаконный ввоз, вывоз, транзит и торговля произведениями искусства и культуры с целью получения материальных или иных выгод наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет (ст. 138/а).

Мошенничество с произведениями искусства и культуры с представлением произведения искусства или культуры как оригинального или автором, отличным от настоящего, наказывается штрафом или тюремным заключением на срок до 4 лет (ст. 147).

За умышленное уничтожение или повреждение произведений культуры предусмотрены штраф или тюремное заключение на срок до 3 лет. Если предметом посягательства является произведение культуры национального значения, установлено наказание в виде штрафа или тюремного заключения на срок до 8 лет (ст. 160).

Контрабанда культурных ценностей наказывается лишением свободы на срок до 10 лет (ст. 176).

Уголовный кодекс Республики Франция [3] (далее - УК Франции) содержит гл. II «Об уничтожении, повреждении и порче», в которую включена ст. 322-3-1, предусматривающая ответственность за повреждение и

уничтожение имущества, в случае если оно является «культурной ценностью и находится в общественном достоянии или которое выставляется, хранится, даже временно, в музее Франции, библиотеке, медиа-библиотеке или архивном отделе, либо в здании, предназначенном для богослужения».

В соответствии со ст. 322-3-2 УК Франции установлена ответственность за незаконный транзит, перевозку, хранение, продажу, приобретение или обмен культурных ценностей, представляющих археологический, художественный, исторический или научный интерес, или если ценности были незаконно вывезены с места проведения боевых операций.

За совершение указанных преступлений, а также в случае покушения, предусмотрено наказание в виде штрафа или 7 лет лишения свободы.

По Уголовному кодексу Швеции [4] (далее - УК Швеции) разрушение или повреждение имущества, движимого или недвижимого, представляющего большую культурную значимость, признается тяжким преступлением и наказывается лишением свободы на срок до 6 лет (ст. 3 гл. 12).

Уголовный кодекс Королевства Испания[5] (далее - УК Испании), помимо распространенных норм об ответственности за хищение предметов художественной, исторической, культурной или научной ценности (ст. 235), присвоение предметов, имеющих культурную или историческую ценность (ст. 253), уничтожение или повреждение объектов, имеющих культурную ценность (ст. 289), содержит составы преступлений, неизвестные уголовному законодательству многих других стран.

Так, например, ст. 319 УК Испании предусматривает уголовную ответственность в виде

лишения свободы на срок до 4 лет или штрафа для строителей, конструкторов или технических директоров, осуществляющих неразрешенные работы по градостроительству на местах, которые имеют признанную художественную, историческую или культурную ценность. Суд также может обязать виновных лиц произвести снос незаконной постройки за их счет.

Кроме того, в УК Испании нормы о посягательствах на памятники архитектуры, имеющие историческую ценность, выделены в отдельную главу «О преступлениях против объектов исторического наследия».

За снос или разрушение здания, имеющего особую защиту в силу исторической, художественной, культурной или выдающейся ценности установлено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет или штрафа до 24 месячных заработных плат (ст. 321). Суд также может обязать виновных лиц провести реконструкцию или реставрацию сооружения независимо от необходимого возмещения убытков третьим лицам.

Наказание в виде штрафа или тюремного заключения сроком до 2 лет предусмотрено для должностных лиц или государственных служащих, которые дали положительное заключение на проект сноса или ухудшения здания, имеющего особую защиту, заведомо зная о незаконности этого проекта (ст. 322).

За причинение ущерба архиву, реестру, музею, библиотеке, учебному заведению, аналогичному институту, или имуществу, имеющему художественную, историческую, культурную, научную или мемориальную ценность, а равно археологическим раскопкам, ст. 323 УК Испании предусмотрено

наказание в виде штрафа или лишения свободы на срок до 3 лет. Те же деяния, совершенные по неосторожности, согласно ст. 324 УК Испании, наказываются штрафом до 18 месячных заработных плат.

В период военных сражений культурное наследие подвергается наиболее серьезной угрозе уничтожения. Несмотря на существующие международные соглашения, регламентирующие правила, средства и методы ведения войны, конфликтующие стороны, стараясь причинить наибольший ущерб противнику, выбирают объектом нападения места и территории, представляющие национальную, культурную или историческую ценность. В связи с этим в уголовном законодательстве ряда стран предусмотрены специальные нормы, устанавливающие ответственность за уничтожение или повреждение культурного наследия в период вооруженных конфликтов.

Так, в соответствии со ст. 613 УК Испании наказанию в виде лишения свободы на срок от 4 до 6 лет подлежит лицо:

а) совершившее или отдавшее приказ о нападении на культурные ценности или места отправления культа, являющиеся культурным или духовным наследием лиц, и которые наделены защитой в силу специальных соглашений, если эти ценности или места не находятся в непосредственной близости от военного объекта и не используются в военных целях;

б) за неправомерное использование культурных ценностей или мест отправления культа в военных целях;

в) за присвоение, грабеж или вандализм в отношении культурных ценностей, упомянутых в п. «а».

В Уголовном кодексе Федеративной республики

Германия [6](далее - УК ФРГ) нормы об ответственности за преступления, посягающие на сохранность культурного наследия, находятся в разд. 27 «Повреждение имущества». В соответствии с § 304 «Повреждение предметов общественного достояния» ответственность несет тот, «кто противоправно повреждает или разрушает предметы, которые служат объектом почитания действующего на территории государства религиозного общества, или вещи, предназначенные для богослужения, или надгробные памятники, общественные памятники, природные памятники, предметы искусства, науки или ремесла, которые хранятся в общественных собраниях или публично выставлены, или предметы, которые служат общественным нуждам или для украшения дорог, площадей или сооружений». Содеянное наказывается штрафом или лишением свободы сроком до 3 лет. В соответствии с разд. 19 «Кража и незаконное присвоение» похищение имущества, имеющего отношение к науке, искусству или истории, является кражей с отягчающими обстоятельствами и наказывается лишением свободы сроком до 10 лет.

Уголовным кодексом Литовской Республики [7] (далее - УК Литвы) установлена ответственность: за кражу имущества, имеющего историческую, научную или культурную ценность — лишение свободы на срок до 8 лет (ст. 178); грабеж в отношении имущества, имеющего значительную историческую, культурную и научную ценность (ст. 181); вымогательство в отношении имущества, имеющего значительную историческую, культурную и научную ценность (ст. 182); незаконное присвоение или растрату имущества, имеющего значительное научное, историческое или культурное значение - лишение свободы на срок до 10

лет) (ст. 183, 184).

Ответственность за незаконное присвоение найденного клада или имущества, имеющего значительную историческую, культурную и научную ценность, предусмотрена ст. 185 УК Литвы.

Уничтожение или повреждение имущества, имеющего значительную историческую, культурную и научную ценность, в соответствии со ст. 187 УК Литвы, наказывается лишением свободы на срок до 5 лет. То же деяние, совершенное по неосторожности, наказывается по ст. 188.

В Уголовном кодексе Китайской Народной Республики [8] (далее - УК КНР) нормы о посягательствах на культурные ценности обособлены в§ 4 «Преступления против управления культурными ценностями» гл. 6 «Преступления против общественного порядка и порядка управления».

За умышленную порчу и уничтожение культурных ценностей, находящихся под охраной государства, или культурных ценностей, определенных в качестве таковых основными всекитайскими организациями по охране культурных ценностей и организациями по охране культурных ценностей провинциального уровня, ответственность установлена ст. 324 УК КНР.

Статьи 325 и 326 УК КНР содержат нормы о запрете продажи, дарения иностранным гражданам запрещенных к вывозу за границу культурных ценностей и продажи в целях получения прибыли культурных ценностей, которые в соответствии с государственными законами не могут являться объектами хозяйственной деятельности.

Если в нарушение Закона об охране культурных ценностей государственные музеи, библиотеки и иные организации осуществили продажу или самовольную

передачу негосударственным организациям или частным лицам коллекционных культурных ценностей, находящихся под охраной государства, по отношению к организации применяются штрафные санкции, а руководители организации и другие лица, несущие непосредственную ответственность, наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или арестом (ст. 327).

Статьей 328 УК КНР установлена ответственность за откапывание и разграбление памятников древней культуры, древних захоронений, представляющих историческую, культурную и научную ценность, определенных таковыми основными всекитайскими организациями по охране культурных ценностей и организациями по охране культурных ценностей провинциального уровня, а также за руководство группой, занимавшейся откапыванием и разграблением памятников древней культуры, древних захоронений; откапывание и разграбление находящихся под охраной государства имеющих научную ценность окаменелостей древнего человека и окаменелостей древних позвоночных животных.

УК КНР также предусмотрена ответственность за кражу архивных документов, являющихся государственной собственностью, и их продажу (ст. 329). Наказание за совершение указанных преступлений установлено в виде лишения свободы от 3 до 10 лет и штрафа.

Законотворцы Чехии, Болгарии, Польши, Швеции, Литвы, Азербайджана и Армении также не обошли вниманием проблему сохранения культурных ценностей в период вооруженных конфликтов.

Уголовный кодекс Чешской Республики [9] предусматривает наказание в виде лишения свободы на

срок до 10 лет за использование запрещенных средств и методов войны, среди которых нападение на всемирно признанный памятник культуры или использование такого памятника в военных целях (ст. 411).

Уголовным кодексом Республики Болгария [10] установлена ответственность для того, «кто в нарушение правил международного права о ведении войны уничтожит, повредит или приведет в негодное состояние культурные, исторические памятники и предметы, произведения искусства, строения и сооружения культурного, научного или другого гуманитарного значения». За указанное деяние предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет.

Такое же наказание назначается лицу, незаконно совершившему кражу или сокрытие указанных предметов (ст. 114).

Расположение запрета в главе «Преступления против мира и человечества» свидетельствует о важном значении, которое придают сохранению культурного наследия.

В соответствии со ст. 264d Уголовного кодекса Швейцарии [11] нападение на культурные ценности, транспортные средства, предназначенные для их транспортировки, или персонал, а также на здания, предназначенные для целей науки, искусства, религии или образования, пользующиеся международной защитой, наказывается лишением свободы на срок не менее 3 лет.

Уголовным кодексом Республики Польша [12] предусмотрена ответственность для тех, «кто на оккупированной, занятой территории или на территории, на которой идут боевые действия, нарушая международное право, уничтожает, повреждает или

захватывает культурные ценности» (§ 1 ст. 125); если деяние касается ценностей, имеющих особое значение для культуры, для виновных предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет (§ 2 ст. 125).

Неправомерное использование опознавательных знаков для культурных ценностей наказывается лишением свободы на срок от 3 лет (§ 2 ст. 126).

В соответствии ст. 106 УК Литвы «Уничтожение охраняемых объектов, либо расхищение культурных ценностей» уголовная ответственность наступает для лица, виновного в уничтожении, или которое отдало приказ об уничтожении исторических памятников, объектов культуры, искусства, образования, воспитания, науки или религии, охраняемых международными договорами или национальными правовыми актами, или использует такие объекты для военных действий, разграбляет или присваивает национальные ценности на оккупированной или аннексированной территории, уничтожает или причиняет им ущерб, совершает в отношении них акты вандализма. Такие деяния наказываются лишением свободы на срок до 12 лет.

Уголовным кодексом Республики Азербайджан [13](ст. 116) установлена ответственность за нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, включая преобразование без военной необходимости культурного наследия в объект нападения или использование культурного наследия ООН или непосредственно прилегающих территорий для поддержки военных операций; уничтожение или присвоение культурного наследия в крупном размере, либо совершение кражи, грабежа, незаконного присвоения или актов вандализма в отношении культурного наследия; незаконный вывоз культурных ценностей с оккупированных территорий, передачу или

прекращение права собственности на культурные ценности, расположенные на этой территории; проведение любых археологических раскопок на оккупированной территории, за исключением случаев, когда это требуется для немедленной охраны, учета или сохранения культурного наследия; изменение культурного наследия или изменение его использования с целью сокрытия или уничтожения его культурных, исторических или научных доказательств.

Статья 390 Уголовного кодекса Республики Армения[14] устанавливает уголовную ответственность за серьезные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, а именно: нанесение ударов по особо охраняемым, четко обозначенным, культурным, духовным и историческим памятникам, произведениям искусства, церемониальным местам и причинение им крупного ущерба в результате штурма, если эти объекты не находятся в непосредственной близости от военных объектов и если отсутствуют сведения, свидетельствующие об использовании этих исторических памятников, произведений искусства, церемониальных мест противником в военных целях.

Непринятие командиром или должностным лицом в пределах его полномочий всех возможных мер по предотвращению преступлений, предусмотренных ст. 390, совершаемых подчиненными, если командир знал или располагал информацией, которая в данной ситуации должна была помочь ему сделать вывод о том, что подчиненный совершает или склоняется к совершению преступления, и если в пределах его полномочий он не принял всех возможных мер по запрещению или предотвращению этого нарушения, влечет наказание в виде лишения свободы на срок до 12

лет.

Лицо, отдавшее приказ о совершении преступления, предусмотренного ст. 390, наказывается лишением свободы на срок до 15 лет (ст. 391).

Кроме того, в уголовном законодательстве ряда стран закреплены нормы об ответственности за осквернение памятников истории и культуры, не имеющие аналогов в Уголовном кодексе РФ.

Так, ст. 358 «Нарушение общественного порядка» УК Чехии устанавливает ответственность в виде тюремного заключения на срок до 2 лет для лица, совершившего осквернение исторического или культурного памятника.

В статье 229 «Незаконные действия, связанные с охраняемым государством памятником культуры» УК Латвии [15], помимо ответственности за действия, причиняющие имущественный ущерб памятнику, предусмотрена ответственность за осквернение охраняемого государством памятника культуры, а также за незаконный вывоз из Латвийской Республики охраняемого государством памятника культуры или его незаконное отчуждение, в виде штрафа или тюремного заключения до 2 лет.

В соответствии со ст. 294 Уголовного кодекса Республики Казахстан [16] осквернение зданий, иных сооружений, памятников истории и культуры, природных объектов, охраняемых государством, а равно умышленная порча имущества на транспорте или в иных общественных местах наказывается штрафом, исправительными работами или арестом.

Под осквернением понимается нанесение надписей или рисунков, а также совершение иных действий, оскорбляющих общественную нравственность.

Уголовным кодексом Республики Беларусь [17] (далее - УК РБ) предусмотрена ответственность за надругательство над историко-культурными ценностями - ст. 346. Деяние, предусмотренное данной статьей, выражается в высказываниях или других действиях, связанных с глумлением, безнравственным, циничным и оскорбительным отношением к историко-культурным ценностям. Уголовная ответственность по указанной статье наступает при отсутствии признаков ст. 344 УК РБ «Умышленные уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности».

Федеральное законодательство об использовании и охране памятников истории и культуры Соединенных Штатов Америки кодифицировано в Своде законов США – в разделе 16 «Сохранение (Conservation)»: гл. 1 «Национальные парки, военные парки, монументы и морское побережье»; гл. 1А «Исторические места, здания, объекты и древности»[18].

В соответствии с Законом 1966 г. «Об охране памятников истории, имеющих национальное значение» в США ведется Национальный реестр, в который вносятся территории, здания, сооружения и другие объекты, имеющие ценность с точки зрения американской истории, архитектуры, археологии, техники и культуры. Ответственность за ведение Национального реестра возложена на министра внутренних дел (Свод законов США разд. 16 гл. 1А).

Кроме того, на министра внутренних дел возложена ответственность за сохранение национальных памятников истории и культуры, которая включает в себя обязанность вести работу по восстановлению, реконструкции, содержанию

исторических мест, зданий и объектов, а также исторической или археологической собственности национального значения.

В Своде законов США содержится ряд принципиальных определений, связанных с памятниками истории и культуры, а также положения об ответственности за нарушение законодательства об использовании и охране памятников истории и культуры.

Так, лицо, виновное в нарушении правил и предписаний, изданных министром внутренних дел по вопросу сохранения памятников истории, подвергается штрафу до 500 долл. (Свод законов США разд. 16 гл. 1А § 462).

Лица, которые без разрешения министра внутренних дел проводят археологические раскопки, присваивают предметы раскопок, уничтожают их или наносят им иной вред, подлежат наказанию в виде штрафа в размере до 500 долл. или лишению свободы на срок до 90 дней.

Таким образом, результаты анализа уголовного законодательства зарубежных стран в части установления ответственности за посягательства на памятники истории и культуры свидетельствуют о том, что в законодательстве большинства стран содержатся составы преступлений, аналогичные имеющимся в УК РФ. Однако наряду с довольно распространенными (универсальными) нормами о хищении культурных ценностей, их неправомерном использовании, уничтожении и повреждении, которые присутствуют как в законодательстве стран романо-германской правовой системы, так и стран системы общего права, существует ряд особенностей, неизвестных отечественному законодательству.

Так, например, существуют различия в форме вины при уничтожении и повреждении культурных ценностей: умышленная - в Албании, Китае, Испании, Азербайджане; умышленная и неосторожная - в Беларуси, Армении; во Франции, Германии, Литве так же, как и в России, форма вины не конкретизирована.

Опыт установления уголовной ответственности за причинение вреда памятникам истории и культуры в период вооруженного конфликта, несомненно, стоит рассматривать как положительный и обратить на него внимание при дальнейшем совершенствовании отечественного законодательства. В частности, целесообразно было бы установить ответственность для лица, отдавшего приказ о нападении на объекты культурного наследия, не оправданном военной необходимостью.

Отдельного внимания заслуживают также имеющиеся в уголовном законодательстве Чехии, Латвии, Казахстана и Беларуси нормы об ответственности за осквернение памятников истории и культуры.

Список цитируемой литературы:

1.Уголовный кодекс Австрии (1974) = Criminal Code of the Republic of Austria (1974) (as of 2015) [Электронный ресурс].URL: http://www.refworld.org/docid/3ae6b5bf0.html

2. Уголовный кодекс Республики Албания = Criminal Code of the Republic of Albania (1995, amended 2017). [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/download/.pdf

3. Уголовный кодекс Республики Франция = Criminal Code of the French Republic (as of 2020). [Электронный

ресурс] URL: https://www.legislationline.org /download/id/8546
4. Уголовный кодекс Королевства Швеции = Criminal code of the Kingdom of Sweden (1962, amended 2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/download
5.Уголовный Кодекс Королевства Испания = Criminal Code of The Kingdom of Spain (1995) (as of 2013) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/.pdf
6.Уголовное уложение ФРГ (1971) (as of 2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8253/file/Germany_CC%20am2019_de.pdf
7. Уголовный кодекс Литовской Республики = Criminal Code of Lithuania (2000) (as of 2017) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/ download/id/8272/file/Lithuania .pdf (дата обращения: 2.02.2023).
8.Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (1997) [Электронный ресурс]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/ce/cgvienna.htm
9.Уголовный кодекс Чешской Республики = Criminal Code of the Czech Republic (2009, amended 2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/ download/id/6370/file/Czech%20Republic_CC_2009_am2011_en.pdf (дата обращения: 2.02.2023).
10. Уголовный кодекс Республики Болгария = Criminal Code of the Republic of Bulgaria (1968) (as of 2021) [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int /edocs/lexdocs/laws/en/bg/bg024en.pdf
11. Уголовный кодекс Швейцарии (1937) (as 2019) [Электронный ресурс].

URL:https://www.legislationline.org/download/id/8561/file/Swiss_CC_1937_am112019_en.pdf
12. Уголовный кодекс Республики Польша = Criminal Code of the Republic of Poland (1997, amended 2021) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org /download/id/4172/file/Polish%20CPC%201997_am%202020 03_en.pdf
13.Уголовный кодекс Республики Азербайджан =Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (1999) (с изм. и доп. по состоянию на 27 декабря 2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/ download/id/8304/file/Azerbaijan_CC_am2018_en.pdf
14. Уголовный кодекс Республики Армения = Criminal Code of the Republic of Armenia (2003) (в ред. от 16.12.2021) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#0 (дата обращения: 2.02.2023).
15. Уголовный кодекс Латвийской Республики = Criminal Law of the Republic of Latvia (1998, amended 2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8266/file/Latvia_.pdf
16. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 2 февраля 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id

Кузоваткина Д.О., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Kuzovatkina D.O., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior lecturer, Shagunova V.M.

ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ И НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

PROBLEMS ARISING IN THE QUALIFICATION AND SENTENCING FOR CAUSING HARM TO HEALTH

Аннотация.

Данная статья посвящена особенностям квалификации и назначения наказания при причинения вреда здоровью. Так же выделены проблемы квалификации такого рода преступлений.

Abstract.

This article is devoted to the features of qualification and sentencing in case of harm to health. The problems of qualification of such crimes are also highlighted.

Ключевые слова: квалификация, наказание., преступление, вред здоровью, обстоятельства, смягчающие наказание.

Keywords: murder, the Criminal Code of the Russian Federation, a set of crimes, aggravating circumstances.

Для осуществления правосудия важна правильная квалификация, когда преступление получает оценку в соответствии с точным смыслом уголовно-правовой нормы и установленными фактическими обстоятельствами его совершения.

Прежде всего, правильная квалификация служит обеспечению назначения виновному справедливого наказания, достижению целей наказания, указанных в ст. 43 УК РФ. Говоря о роли и значении квалификации преступлений, Л.Д. Гаухман справедливо отмечает, что «правильная квалификация преступления включает не только его правовую, но и более широкую социальную оценку. Она является важной гарантией осуществления правосудия в точном соответствии с законом. Она необходима для привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Только при такой квалификации вынесенный судом приговор может быть признан законным и обоснованным, выражающим оценку от имени государства совершенного преступления и личности осужденного»[1, с. 234].

Исследуя квалификацию преступлений, причиняющих вред здоровью, необходимо исходить из того, что она обеспечивается не только правильным применением уголовно-правовых норм, но и строжайшим соблюдением требований уголовно-процессуального закона.

Наличие права на согласие причинения вреда собственному здоровью. Например, согласие на причинение легкого вреда своему здоровью позволяет потерпевшему решить привлекать ли человека, причинившего вред к уголовной ответственности или нет, так как согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УПК РФ, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ, и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым[5].

«Форма согласия лица на причинение вреда его собственному здоровью может быть выражена в устной или письменной форме либо в действиях. Например, в действиях выражается согласие лица на заражение венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией при вступлении по собственной инициативе в половое сношение с лицом, заведомо страдающих венерической болезнью или больным ВИЧ-инфекцией, т.е. при осознании факта наличия у последнего одного из указанных заболеваний.

В иных случаях согласие лица на причинение вреда собственному здоровью, повлекшее тяжкий или вред средней тяжести в общественно полезных или нейтральных целях, следует признавать по ч. 2 ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание.

Сегодня в теории уголовного права существует проблема определения, во-первых, вида причинения вреда собственному здоровью при совершении указанного преступления, и, во-вторых, субъекта данного преступления.

Наука уголовного права использует такое понятие, как «членовредительство». Многие исследователи в своих трудах рассматривали «членовредительство» более в широком смысле, например, как искусственное повреждение различных органов или тканей тела, расстройство нормальной деятельности внутренних органов, вызывание различных заболеваний, в том числе психических[2, с. 764]; искусственное ухудшение или обострение действительно существующих болезней различными способами[3, с. 828]; причинение временного или постоянного вреда здоровью (умышленное заражение себя какой-либо инфекционной болезнью: грипп, туберкулёз; охлаждение организма до серьёзной простуды или обморожения, повреждение указательного пальца и т.п.). Однако в данном понимании к «членовредительству» отнесены не только повреждения органов, но и заболевания, истощение организма, что не соответствует норме уголовного законодательства»[6, с. 126].

Анализируя понятие «членовредительство» как сознательное повреждение различных органов (руки, ноги, глаза и др.) или тканей своего тела, например, самострел, введение внутрь различных веществ и растворов, вызывающих расстройство здоровья, использование для этого различных механизмов и т.п.; причинение себе умышленного повреждения какого-либо органа или тканей своего тела с помощью огнестрельного, холодного оружия, других предметов, лекарственного, химического или биологического вещества и иных воздействий целесообразно считать при определении видов причинения военнослужащим вреда своему здоровью путем причинения какого-либо повреждения как способ уклонения от исполнения обязанностей военной службы. Способы

членовредительства могут быть самыми разнообразными: механические, химические, термические, радиационные и т.п. Данное положение подтверждает диспозиция ст. 339 УК РФ.

Наиболее сложным вопросом квалификации является анализ ст. 339 УК РФ. На основании ст. 339 УК РФ причинение военнослужащим себе какого-либо повреждения (членовредительства) как способа уклонения от исполнения обязанностей военной службы путём симуляции болезни или иными способами считается уголовно наказуемым. В данном случае преступлением признаётся уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путём «причинения себе какого-либо повреждения». Однако с правовой точки зрения такое «повреждение» в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (в ред. ред. от 24.09.2022 г.) должно представлять собой основание освобождения лица, являющегося военнослужащим, от исполнения обязанностей военной службы. Так, пп. «а» п. 1 ст. 23 данного закона гласит, что от призыва на военную службу освобождаются граждане: «... признанные ограниченно годными к военной службе по состоянию здоровью ...»[4].

Судебная практика допускает случаи совершения членовредительства не самим военнослужащим, а по его просьбе другим лицом. Из этого вытекают проблемы квалификации противоправных действий военнослужащего, которому по его просьбе причинен вред, и лица, непосредственно причинившего данное деяние. Так, согласно науке уголовного права, вред здоровью может причинить либо сам военнослужащий, либо по его просьбе другие лица, но исполнителем

преступления признаётся военнослужащий, а другие лица, причинившие вред, отвечают за соучастие в уклонении от военной службы и за причинение вреда здоровью военнослужащего. Однако при совершении данного преступления вид соучастия не конкретизируется и не указывается роль каждого соучастника в силу несоответствия понятии «организатор», «подстрекатель», «пособник» в данном преступлении с содержанием диспозиции ст. 33 УК РФ, что является определяющим при квалификации содеянного, а соответственно данные действия следует квалифицировать по ст. 339 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ. И лица, причинившие вред здоровью военнослужащему по его просьбе, признаются соисполнителями уклонения военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы.

Как известно, действующий УК РФ предусматривает три категории вреда здоровью: тяжкий (ст. 111), средней тяжести (ст. 112) и лёгкий вред (ст. 115).

При причинении телесных повреждений здоровью военнослужащего по его просьбе, если последствия влекут за собой тяжкий или средней тяжести вред, существует ошибка квалификации деяний по совокупности преступлений, так как соответствующие нормы в ст. 339 УК РФ и ст.ст. 111 или 112 УК РФ соотносятся как «специальная» и «общие», что обусловлено специальным мотивом причинения вреда здоровью военнослужащего, выражающимся в побуждении способствовать последнему уклониться от исполнения обязанностей военной службы.

Положение о квалификации преступления при конкуренции общей и специальной норм регламентировано действующим УК РФ. На основании

ч. 3 ст. 17 УК РФ если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, то совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Отмеченное обосновывает квалификацию действий лица, причинившего в анализируемой ситуации вред здоровью военнослужащего по просьбе последнего, как соисполнителя преступления уклонения военнослужащего от исполнения обязанности военной службы различными вышеуказанными способами только по ст. 339 УК РФ.

Таким образом, в настоящее время вопросы, связанные с причинением и согласием на причинение вреда собственному здоровью, решаются неоднозначно. Для признания деяния преступным и избежания ошибок квалификации необходимо в полной мере выполнять требования уголовного закона.

Исследуя квалификацию преступлений, причиняющих вред здоровью, необходимо исходить из того, что она обеспечивается не только правильным применением уголовно-правовых норм, но и строжайшим соблюдением требований уголовно-процессуального закона.

Список цитируемой литературы:

1. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва : Центр ЮрИнфоР, 2010. – С.234.

2. Игнатов А.Н. Уголовное право России : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»: в 2 т. / под ред. А. Н.

Игнатова, Ю. А. Красикова. -Т. 2: Особенная часть. - М. : Норма, 2005. – С. 764.

3. Рарог А.И. Российское уголовное право : Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»: В 2-х т. / М. : Профобразование : ЦПЛ, 2001.- С. 828.

4. Российская Федерация. Законы. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ: принят Государственной Думой 6 марта 1998 года; одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 года (в ред. от 24сентября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 13. - Ст. 1475.

5. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года; одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года (ред. от 29 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. - № 52. - Ст. 4921.

6. Филатова, О.Н. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие преступлениям, причиняющим вред здоровью человека: специальность 12.00.08. «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право: диссертация кандидата юридических наук /Филатова Олеся Николаевна; [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. - Тамбов, 2010. - С. 125-126.

Куликова Е.М., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С..

Kulikova E.M., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОДДЕЛКИ СБЫТА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД, ШТАМПОВ, ПЕЧАТЕЙ И БЛАНКОВ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF COUNTERFEIT SALES AND USE OF FORGED DOCUMENTS, STATE AWARDS, STAMPS, SEALS AND LETTERHEADS

Аннотация.

Статья посвящена изменениям, которые произошли в уголовном законодательстве в рамках подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков. На основе теоретического анализа исследуется действующее законодательство в указанной области, отмечаются проблемные вопросы.

Abstract.

The article is devoted to the changes that have occurred in criminal legislation in the framework of forgery, manufacture or sale of forged documents, state awards, stamps, seals, letterheads. On the basis of theoretical analysis, the current legislation in this area is investigated, problematic issues are noted.

Ключевые слова: подделка, официальный документ, паспорт, удостоверение, использование, ответственность, проблемы

Keywords: forgery, official document, passport, certificate, use, responsibility, troubles.

В условиях развития правового регулирования в различных сферах системы частных и публичных отношений, субъектами которых выступают как органы государственной власти, так и физические лица, существенно возрастает роль документооборота в аспекте обеспечения возникающих правоотношений.

Субъектам приходится иметь дело как с официальными, так и иными видами документов, нуждающихся в уголовно-правовой охране, поскольку лишь подлинные документы обеспечивают нормальное функционирование органов государственной власти.

Однако в современном обществе возникают все новые и более изощрённые способы подделки указанных предметов. Официальные и иные виды документов используются при совершении таких преступлений, как: мошенничество, присвоение и растрата, незаконное пересечение границы РФ и др.[4, с. 255]

В статью 327 УК РФ в июле 2019 г. был внесен ряд серьезных изменений, которые расширили сферу её действия. Теперь уголовная ответственность наступает не

только за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков, но и за их оборот (приобретение, хранение, перевозка). Однако, несмотря на такую распространенность, в практике применения ст. 327 УК РФ многие вопросы до сих пор не нашли своего однозначного решения, что дополнительно подчеркивает актуальность выбранной темы работы.

В новой редакции исследуемой статьи законодатель выделил в отдельную часть (ч. 2 ст. 327 УК РФ) положения, предусматривающие ответственность за подделку или сбыт паспорта гражданина или удостоверения. Спорным остается вопрос: «В связи с чем законодатель пошел на подобное выделение положений, касающихся паспорта и удостоверения, в отдельную часть», т.к. их юридическая природа остается до сих пор неясной[1, с. 31].

Объяснением может являться то, что уровень общественной опасности данных преступлений выше по сравнению с подделкой и использованием других официальных документов, и они наиболее распространены в нашем государстве. Однако согласно ст. 325 УК РФ данные виды документов отнесены к числу важных личных. На наш взгляд, подобная коллизия порождает разную правоприменительную деятельность, что является недопустимым.

Таким образом, считаем, что способом решения данной проблемы будет исключение из ч. 2 ст. 327 УК РФ положений, указывающих на паспорт гражданина. Помимо этого, важный личный документ, например, как в рассмотренном случае, зачастую является разновидностью официального документа. Поэтому приведение законодательства к общему виду позволит прийти к единообразной правоприменительной практике.

Юридическая оценка действий лица, которое приобретает поддельный официальный документ и затем его использует, в уголовно-правовой литературе рассматривается довольно редко.

Уголовный кодекс РФ определяет пособника в ч. 5 ст. 33 как лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путём, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы. В исследуемом нами вопросе предоставление информации (анкетных данных) является не столь значимым обстоятельством при юридической оценке деяния, по сравнению с установлением факта заранее данного обещания приобрести подделанные официальные документы. При таких обстоятельствах имеет место интеллектуальное пособничество в виде заранее данного обещания приобрести предметы, добытые преступным путём. Как указывает А.В. Шеслер, интеллектуальное пособничество состоит в психическом воздействии на сознание и волю другого соучастника с тем, чтобы укрепить уже возникшую независимо от пособника решимость совершить преступление[6, с. 327].

Важным для правильного определения формы соучастия является установление готовности лица, подделывавшего документ, к такому преступлению. К примеру, в настоящее время достаточно часто можно встретить лиц (или даже группы), которые за деньги предлагают подделать любой документ. Из анализа судебной практики видно, что в большинстве случаев такие лица ищут клиентов в сети интернет или предлагают свои

услуги прямо в местах выдачи официальных документов (данные факты распространены в медицинских учреждениях, где выдаются справки формы 083/у-89). Можно сказать, что названные лица занимаются подделкой документов в виде промысла, т.е. постоянно и за вознаграждение, и умысел совершать эти преступления у них возникает заранее, ещё до обращения к ним конкретного гражданина.

Поэтому действия лица, передающего свои анкетные данные названным лицам и обещающего заранее приобрести поддельный официальный документ, следует квалифицировать как пособничество, т.е. по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 327 УК РФ.

Когда же заранее данное обещание приобрести поддельный документ порождает у исполнителя желание совершить преступление, подделать документ, имеет место не интеллектуальное пособничество, а подстрекательство. Наиболее типичными способами подстрекательства к подделке документов являются уговор, который представляет собой убеждение исполнителя в необходимости совершить подделку, или подкуп – создание у соучастника материальной заинтересованности в преступлении (обещание денег, имущества, выполнения ответных, выгодных для исполнителя действий).

В качестве примера можно привести решение Кулундинского районного суда Алтайского края, которым В. осуждена за изготовление и сбыт поддельного официального документа, совершенные ею по просьбе своей родственницы . Однако к ответственности родственница привлечена не была, ее действия органы предварительного следствия не нашли необходимым – ошибочно, на наш взгляд, – квалифицировать как подстрекательство к подделке официального документа.

Изученные приговоры и обвинительные заключения по данной категории преступлений (всего в ходе исследования было рассмотрено 614 решений судов о совершении преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, рассмотренных судами Алтайского, Красноярского, Забайкальского краев, Кемеровской, Новосибирской, Томской, Тюменской, Омской, Иркутской, Читинской областей, республик Алтай, Тыва и Хакасия) позволяют утверждать, что большинство обвиняемых в подделке лиц признавали свою вину и самостоятельно рассказывали органам предварительного следствия и суду, что они собственноручно занимались подделкой изъятого у них документа. Других доказательств их вины именно по факту подделки в материалах дела не предоставлялось. Следовательно, в ситуации, когда лицо будет знать, что ответственность за подделку документа, обнаруженного у него, но изготовленного другим человеком, не наступает, ему будет выгодно утверждать, что подделкой занимался не он. Доказать факт изготовления поддельного документа именно этим лицом в большинстве случаев невозможно (здесь мы не говорим о ситуациях, когда преступник изготовил документ с помощью собственного компьютера и принтера (проведение соответствующей экспертизы прояснит ситуацию))[3, с. 69]. В случаях же, когда документ изготовлен на компьютерной технике знакомых или, когда имела место дописка, подчистка или замена фотографии, органы предварительного следствия и суды вынуждены будут основываться только на показаниях самого обвиняемого и наличии у него реальной возможности осуществить подделку документа.

Подводя итог рассмотренному вопросу, отметим, что действия лица, передавшего свои анкетные данные для изготовления поддельного официального документа, необходимо расценивать как пособничество (ч. 5 ст. 3, ч. 1

ст. 327 УК РФ), а в случае если лицо выступает инициатором и склоняет кого-либо к подделке – подстрекательством (ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 327 УК РФ).

Учитывая, что судебная практика по данному вопросу максимально разнообразна, а зачастую факт «заказа» изготовления поддельного официального документа вообще остается за рамками судебного решения и лицо несёт ответственность только за его использование, стоит острая необходимость в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу. Постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации ст. 327 УК РФ способствовало бы искоренению казуистичности, существующей в современной период, и становлению единой судебной практики применения данной нормы.

Список цитируемой литературы:

1. Быкова Т.В. Является ли паспорт официальным документом? // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2017. – № 12 (12). – С. 30-33.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный) : [в 2 т.] / [А. В. Бриллиантов и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова ; Российская акад. правосудия. - 2-е изд. - Москва : Проспект, 2016. - 22 см. Т. 1. - 2016. - 792 с.

3. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3–х т. / А. В. Наумов. – Москва : Волтерс Клувер, 2016.. – Т. 3. 146 с.

4. Никонов, П.В., Шиханов В.Н. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ): Учебное пособие. СПб., 2016. 644 с.

5. Подройкина, И.А., Серегина Е.В., Улезько С.И. Уголовное право. Общая часть. В 2 т. Том 2 : учебник

для вузов / И. А. Подройкина [и др.] ; ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 280 с.

6. Шеслер, А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности: учеб. пособие. –Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2015. – 869 с.

Кулина А.Р., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Салахетдинова Л.Н.

Kulina A.R., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Salakhetdinova L.N.

ФИКТИВНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ГРАЖДАН: ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR OFFENSES RELATED TO THE PLACE OF RESIDENCE OF MINOR CHILDREN

Аннотация.

В статье рассматриваются актуальные проблемы регистрационного учета мигрантов в Российской Федерации. Анализируются проблемы привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к уголовной ответственности за фиктивную регистрацию.

Abstract.

The article discusses the current problems of registration of migrants in the Russian Federation. The problems of bringing foreign citizens and stateless persons

to criminal responsibility for fictitious registration are analyzed.

Ключевые слова: миграционная политика, фиктивная регистрация, иностранный гражданин, уголовная ответственность, административное правонарушение, жилое помещение.

Keywords: migration policy, fictitious registration, foreign citizen, criminal liability, administrative offense, residential premises.

В современном мире одним из ключевых факторов массового перемещения населения является миграция. Миграция в условиях глобализации становится одной из проблем, с которой сталкивается множество государств. Для сохранения целостности государства руководство должно разработать политико-правовую стратегию и программу регулирования перемещения населения. Конструктивная и продуманная миграционная политика государства позволяет экономически развивать страну. Вопрос миграционной политики - это ключевая проблема по обеспечению национальной безопасности, а также поддерживает оптимальный баланс трудовых ресурсов, а также сохранение устойчивого экономического роста. В современных условиях сокращения числа численности населения РФ и трудоспособного населения, а также модернизация миграционной политики становятся актуальной проблемой.

В нынешних условиях борьба с незаконной миграцией стала одной из наиболее важных задач, которая в свою очередь подразделяется на множество более частных, призванных противодействовать

незаконной миграции. Одним из таких направлений является борьба с фиктивной регистрацией граждан.

В частности, Россия подписала соглашение о сотрудничестве между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью (принято 11 июня 2010 года), в соответствии с которым стороны сотрудничают в предупреждении, пресечении, выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконной миграцией, в том числе преступлений, совершенных организованными группами.

Сегодня наше государство столкнулась с двойной проблемой в сфере правового регулирования миграционного контроля: проблемой активизации миграционных мировых движений и необходимостью урегулирования внутригосударственного перемещения лиц. При этом на первый план выходит необходимость формирования системы надлежащего контрольного механизма в отношении обоих явлений общественной действительности, что и является вопросом высокой актуальности, или даже определяющим в современных условиях.

Под фиктивной постановкой на учет иностранных граждан или лиц без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации понимается постановка их на учет по месту пребывания в Российской Федерации на основании представления заведомо недостоверных (ложных) сведений или документов, либо постановка иностранных граждан или лиц без гражданства на учет по месту пребывания в Российской Федерации в помещении без их намерения фактически проживать (пребывать) в этом помещении или без намерения принимающей стороны предоставить им это помещение для фактического проживания (пребывания), либо

постановка иностранных граждан или лиц без гражданства на учет по месту пребывания по адресу организации, в которой они в установленном порядке не осуществляют трудовую или иную не запрещенную законодательством Российской Федерации деятельность. Такие преступления относятся к преступлениям небольшой тяжести и наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового [1, с. 92].

С января 2014 года в законодательстве появилась уголовная ответственность за фиктивную регистрацию граждан Российской Федерации по месту жительства (пребывания).

За совершение преступлений, предусмотренных статьей 322.2 УК РФ (т.е. за фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации) и статьей 322.3 УК РФ (за фиктивную постановку на учёт иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации), предусмотрено наказание - штраф в размере от 100 до 500 тыс. рублей, а также лишение свободы на срок до 3 лет.

Организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без

гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации влечёт за собой ответственность по статье 322.1 УК РФ с наказанием в виде лишения свободы на срок до 7 лет.

Фиктивная регистрация граждан или лиц без гражданства по месту жительства и месту пребывания, а также фиктивная постановка на учет иностранных граждан или лиц без гражданства влечет уголовную ответственность.

Статьей 322.2 Уголовного кодекса РФ предусмотрена уголовная ответственность за фиктивную регистрацию гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в РФ, а равно фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в РФ.

Статья 322.3 УК РФ влечет уголовную ответственность за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации. Статьи 322.2, 322.3 УК РФ введены в Уголовный кодекс РФ 21.12.2013, однако граждане продолжают регистрировать за денежное вознаграждение иностранных граждан по месту своего жительства, не имея намерения фактически предоставлять им жилое помещение, или обращаться с заявлениями о фиктивной постановке на миграционный учет иностранных граждан или лиц без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации, при этом многие не осведомлены об уголовной ответственности за вышеуказанные действия [2, с. 56].

Отличить фикцию от реальной регистрации – значит установить такие факты, как например

невозможность зарегистрированному гражданину пользоваться жилым помещением, в котором он был зарегистрирован. Действующее на данном этапе законодательство не определяет размеры жилой площади, которые являются минимально необходимыми для заселения. Это создает возможность для фиктивной регистрации большого количества граждан в одном жилом помещении.

Правоохранителям же следует помнить, что грань между преступлением и административным правонарушением определяется степенью общественной опасности деяния.

Проблема регистрационного учета мигрантов в целом является насущной и касается не только реально желающих зарегистрироваться мигрантов (которым собственники квартир, в которых они проживают, зачастую в этом отказывают), но также и тех граждан, которые заключают договоры о найме жилья, не вселяя по факту и получая за это вознаграждение. В этой сфере уже сформировался свой рынок, с общепринятыми расценками и условиями.

Прежде всего, следует учитывать, что в соответствии с положениями ст. 24 Федерального закона от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» иностранные граждане могут въезжать в Российскую Федерацию и выезжать из Российской Федерации при наличии визы по действительным документам, удостоверяющим их личность и признаваемым Российской Федерацией в этом качестве, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом, международными договорами Российской Федерации или указами Президента Российской Федерации [3, с. 32].

Таким образом, общий принцип пребывания иностранных граждан в Российской Федерации предполагает наличие у них визы для въезда в Россию, что определяет и порядок осуществления иностранцами трудовой деятельности в нашей стране, предполагающий получение работодателем (заказчиком работ/услуг) разрешения на привлечение и использование иностранных работников, оформления иностранному гражданину приглашения на въезд в целях осуществления трудовой деятельности и разрешения на работу, а иностранным гражданином соответственно - рабочей визы.

В настоящее время одной из актуальных проблем в сфере миграции является создание так называемых «резиновых квартир».

Такое название получили квартиры, собственники которых не взирая на фактическое несоответствие площади помещения количеству зарегистрированных на нем граждан, заключали договора, получали деньги за прописку от иностранцев, зачастую «заселяя» таким образом десятки, а то и сотни иностранных граждан в одну квартиру.

Так как в законодательстве не установлены нормы площади на 1 человека для проживания, ФМС не находит оснований для отказа в постановке на учет, даже зная о большом количестве зарегистрированных по данному адресу граждан. Зарегистрировать гражданина можно достаточно просто – по почте или обратившись лично.

Законодательство постоянно совершенствуется в целях противодействия фиктивной регистрации. Так, давно назревший вопрос регистрации так называемых «микродолей» в жилых помещениях разрешен. Вступивший в силу 1 сентября 2022 года Федеральный

закон от 14 июля 2022 года N 310-ФЗ, запретил любые сделки по приобретению и отчуждению долей жилого помещения, если на такую долю, исходя из общего количества собственников, приходится площадь менее 6 квадратных метров.

Иными словами, приобретение «микродоли» площадью менее 6 квадратных метров в любом жилом помещении не представляется возможным - подобная сделка не пройдет регистрацию в Росреестре, поскольку будет являться ничтожной. В большей степени такие нововведения связаны с проблемой черных риелторов и рейдерскими захватами квартир. Так, приобретая «микродоли» и законно вселяясь в квартиру, некоторые жильцы делали жизнь других собственников невыносимой, а соответствующие обращения в правоохранительные органы, не во всех случаях являлись эффективными, поскольку, несмотря на размер доли, собственник в соответствии с действующим законодательством имеет право пользоваться, владеть и распоряжаться такой долей [1, с. 43].

Зачастую, добросовестные собственники продавали свои доли по низкой цене и выезжали из квартиры. По сути такая ситуация является принуждением к продаже квартиры на невыгодных условиях.

Также принятый закон продолжает борьбу с фиктивной регистрацией, поскольку «предприимчивые» граждане предлагают покупку 1/100 или еще более незначительных долей в квартире для оформления регистрации, например, с целью оформления ребенка в детский сад в нужном районе или получения мер социальной поддержки, зависящих от места регистрации.

Принятый закон, исходя из его содержания, не имеет обратной силы, то есть, любая сделка по отчуждению микродоли, совершенная до дня, следующим за днем вступления закона в силу, не может быть признана ничтожной по данному основанию.

При этом граждане, являющиеся собственниками «микродолей», не будут лишены права собственности, однако, пока остается вопросом, смогут ли они свободно распоряжаться такими долями в имуществе после вступления поправок в силу или смогут отчуждать долю только одному из собственников с целью их объединения.

Более подробные разъяснения по вопросу применения соответствующих положений закона, наверняка, будут даны в последующем.

Собственники квартир, в которых уже есть недобросовестные владельцы микродолей, могут уже сейчас начинать действовать имеющимися законными методами решения данной проблемы.

Так, необходимо фиксировать все злоупотребления и нарушения общественного порядка со стороны недобросовестного собственника, обращаясь в правоохранительные органы для того, чтобы попытаться пресечь противозаконные действия во внесудебном порядке.

Еще один важный шаг на пути к спокойной жизни - признание «микродоли» малозначительной и осуществление ее принудительного выкупа ее в судебном порядке по рыночной цене, определенной на основании оценки в соответствии со статьей 252 ГК РФ.

Для успешного исхода дела и удовлетворения заявленных исковых требований важно правильно оценить соотношение долей и общей площади квартиры, зафиксировать факты злоупотреблений со

стороны сособственника и грамотно составить исковое заявление.

В таких спорах истцам важно доказать, что, фактически, вселиться на спорную долю невозможно, в связи с отсутствием изолированного помещения, соответствующего площади доли.

Исходя из положений действующего законодательства заявителям, скорее всего, не придется доказывать, что «микродоля» площадью менее 6 квадратных метров является непригодной к проживанию, а единственным возможным вариантом решения проблемы может быть принудительный ее выкуп.

Таким образом, фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства - это регистрация на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов, либо регистрация в жилом помещении без намерения проживать в нем, либо регистрация без намерения собственника предоставить это помещение для проживания.

Список цитируемой литературы:

1. Волынский, А.Ф. Оперативно-разыскная деятельность в системе организации раскрытия и расследования преступлений / Волынский, А.Ф. // Российский следователь. - 2017. - № 21. - С. 43 - 48.

2. Гончаров, Д. Ю., Гончарова, С. Г. Общественная опасность фиктивного миграционного учета иностранных граждан или лиц без гражданства / Д. Ю. Гончаров, С. Г. Гончарова // Правопорядок: история, теория, практика. - 2021. - №3 (30). - С. 56-59. *

3. Дорошенко, О.М. К вопросу о взаимодействии полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации по противодействию правонарушениям в области миграционного учета./ Дорошенко, О.М., Федорова И.В. // Миграционное право. - 2017. - № 4. - С. 32 - 34.

4. Разин, М.В. Особенности миграционной ситуации в РФ в период пандемии COVID-19 / М.В. Разин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2020. - №11-1. - С. 92-95.

Кустова У.А., магистрант
Россия, Россия, ФГБОУ ВО «Краснодарский университет МВД России»
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Токаренко Е.С.

Kustova U.A., Master's student
Russia, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Tokarenko E.S.

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, ЗАНИМАЮЩЕГОСЯ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

THE IDENTITY OF THE CRIMINAL INVOLVED IN THE DISTRIBUTION OF PORNOGRAPHIC MATERIALS

Аннотация.

В рамках данной статьи автор дает анализ особенностям личности преступника, который занимается распространением порнографических материалов. Как показывает практика, многие лица, которые занимается распространением указанных материалов, обладают определенными психическими отклонениями, которые возможно установить только в рамках психолого-психиатрической экспертизы. Зачастую такие лица даже не могут мотивировать своего поведения. Однако, не редкие случаи, когда лицо осуществляет распространение порнографических материалов исключительно с целью получения

материальной выгоды, то есть личностные характеристики таких преступников могут быть весьма разнообразными. Анализ криминалистической литературы показывает, что на современном этапе личности преступника, занимающегося распространением порнографических материалов, уделяется повышенное внимание на доктринальном уровне.

Abstract.

Within the framework of this article, the author analyzes the characteristics of the personality of a criminal who distributes pornographic materials. As practice shows, many persons who distribute these materials have certain mental abnormalities that can only be established within the framework of a psychological and psychiatric examination. Often such persons cannot even motivate their behavior. However, it is not uncommon for a person to distribute pornographic materials solely for the purpose of obtaining material benefits, that is, the personal characteristics of such criminals can be very diverse. Analysis of the forensic literature shows that at the present stage, the identity of the criminal involved in the distribution of pornographic materials is given increased attention at the doctrinal level.

Ключевые слова: порнография, порнографические материалы, личность преступника, психологические отклонения, психолого-психиатрическая экспертиза.

Keywords: pornography, pornographic materials, criminal identity, psychological rejection

Шарапов Р.Д. отмечает, что на современном этапе распространение порнографических материалов

осуществляется в основном онлайн, то есть с использованием Интерне-пространства, что усложняет поиск лица, занимающегося таким распространением [5, с. 46].

Что касается личностных свойств личности, занимающейся распространением порнографических материалов, то следует отметить, что среди таких преступников преобладают мужчины, на долю женщин приходится только 24,8%. При этом Эминов В.Е., анализируя личность таких преступников, отмечает, что мужчинами и женщинами движут разные мотивы. Автор подчеркивает, что женщины осуществляют распространение порнографического материала в целях получения прибыли, то есть финансовая выгодна – это основной мотив. Что касается мужчин, то чаще всего они осуществляют распространение таких материалов в целях удовлетворения своих сексуальных потребностей, для реализации сексуальных фантазий и т.п. [6, с. 150]. То есть материальная выгода не является для таких лиц существенным мотивом.

Варданян А.В. пишет, что не редко у лица, занимающихся распространением порнографических материалов, преступная мотивация возникает в связи с наличием психологических отклонений [2, с. 38]. При этом такие отклонения могут не проявляться во внешнем мире, то есть их не возможно установить без проведения специальной экспертизы – психолого-психиатрической. В такой ситуации основными задачами психолого-психиатрической экспертизы являются:

-квалификация психического состояния лица;

- выявление особенностей умственной деятельности лица, которые препятствуют осознаю противоправности осуществляемых действий, в

частности, по распространению порнографических материалов;

- определение степени влияния характерологических особенностей на реализацию противоправного поведения.

Что касается возрастного критерия, то чаще всего распространение порнографического материала осуществляют молодые люди (в возрасте до 35 лет). Гусарова М.В. пишет, что порнографические материалы, исходя из анализа судебной и следственной практики, чаще всего распространяют мужчины в возрасте до 32 лет. Доля несовершеннолетних преступников очень маленькая [3].

Если распространение порнографических материалов осуществляется в целях получения материальной выгоды, то чаще всего у преступников отсутствуют какие-либо психологические отклонения. Однако, в такой ситуации характерна иная тенденция – совершение преступление в составе группы лиц. В последние годы сотрудниками органов внутренних дел была предотвращена деятельность нескольких организованных преступных групп, изготавливавших и распространявших через Интернет и международные почтовые компании порнографические материалы с участием российских детей, а также занимавшихся похищением несовершеннолетних и принуждением их к занятию проституцией. Названные преступные группы действовали в пяти областях европейской части страны. Только по одному уголовному делу во время обысков были изъяты магнитные и иные носители, содержащие более 30 тыс. порнографических изображений с участием детей.

Анализ научной и учебной литературы позволил прийти к выводу, что на современном этапе среди

исследователей на доктринальном уровне уделяется повышенное внимание личности преступника, который занимается распространением детских порнографических материалов. Так Польшиков А.В. пишет, что в целом причины распространения такого материала могут быть заложены как в самой личности преступника, так и в его окружении. Данный автор подчеркивает, что степень адекватности объяснения личности преступника в деятельности служит критерием для определения эффективности индивидуального предупреждения. Автор подчеркивает, что большинство преступников, осуществляющих распространение детских порнографических материалов, имеет постоянно место работы, обладают постоянным и устойчивым заработком [4].

В целом среди лиц, осуществляющих распространение порнографических материалов, можно выделить два нижеследующих типа:

Во-первых, лица, обладающие деформацией психосексуальной ориентацией, что является психическим отклонением.

Во-вторых, лица, осуществляющие распространение порнографических материалов из-за корыстной заинтересованности.

Первая группа преступников наиболее латентна. Первая группа преступников наиболее сложная в плане профилактики и предупреждения, поскольку зарождение преступной мотивации обусловлено психическими отклонениями. Соответственно, в первую очередь, такое лицо должно подвергаться лечению. Однако, далеко не все психические отклонения поддаются лечению, не смотря на современный высокий уровень медицины и достижений науки, в том числе и психиатрии.

Антонян Ю.М. пишет, что характер и степень общественной опасности изготовления (следовательно, и склонения несовершеннолетних) порнографических материалов с их участием и хранения, рекламирования или же распространения совершенно различны. По их мнению, имеет смысл разграничить эти преступные действия, поскольку мотивационная сфера и отношения преступника к деянию в этих случаях не тождественны. В первом случае преступник действует более дерзко, наносит непоправимый вред физическому и нравственному здоровью ребенка, поскольку совершает насильственные действия сексуального характера. Соответственно и криминологические меры борьбы должны быть отличны [1, с. 34].

В целом следует отметить, что порнография является сложным социально-правовым феноменом, который в целом может быть рассмотрен в трех аспектах:

1. Как уголовно-наказуемое деяние.
2. Как социальное явление.
3. Как криминогенный фактор[5, с. 45].

Порнография, распространение порнографических материалов, как и любой вид преступности, является сложным явлением, который в своей основе имеет как правовые, так и социальные составляющие, то есть носит комплексный характер.

Таким образом, в рамках данной статьи была дана характеристика личности преступника, занимающегося распространением порнографических материалов. Мы видим, что в криминалистической науке среди авторов повышенное внимание уделяется мотивационным процессам, так как именно на их основе выделается два основных типа личности, которые занимаются распространением порнографических материалов. Мы

видим, что наибольшую сложность представляют те преступниками, которые обладают психическими отклонениями и расстройствами в психосексуальной ориентации. По нашему мнению, необходимо вести учет лиц, которые обладают подобного рода психическими расстройствами, так как они являются потенциальными преступниками. Учет таких лиц позволит осуществлять контроль и надзор за ними. Однако, сложность заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев распространение порнографических материалов осуществляется с использованием сети «Интернет» и ее широких возможностей, а осуществлять полный контроль за онлайн пространством пока не представляется возможным.

Список цитируемой литературы:

1. Антонян Ю.М. Состояние и особенности сексуальной преступности: Уч. пос. / Ю. М. Антонян, М. И. Могачев. М.: ВНИИ МВД России, 2004. С. 34.
2. Варданян А.В. Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья личности на сексуальной почве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. N 3(30).
3. Гусарова М.В. Незаконный оборот порнографических материалов или предметов: уголовно-правовые и криминологические аспекты. 2021 // Электронная библиотека диссертаций (дата обращения 27.01.2023).

4. Польшиков А.В. Криминологическая характеристика лиц, совершающих изготовление и оборот детской порнографии в сети «Интернет»//Общество и право. 2019 № 2.

5. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Законность. 2021. N 8. С. 43 - 48.

6. Эминов В.Е. Сексуальные преступники: криминолого-психологический характер // Актуальные проблемы российского права. 2016. N 5. С. 147 - 153.

Лаврищева А.Г., бакалавр
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Lavrishcheva A.G., Bachelor's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer Shagunova V.M.

ВИНА И ЕЁ ФОРМЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
GUILT AND ITS FORMS IN THE CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Аннотация.

В статье на основе сравнительного анализа положений уголовного законодательства о вине и судебных прецедентов отдельных стран общего и континентального права, а также стран исламской правовой традиции выявляются общие правовые проблемы, относящиеся к концепции виновной ответственности. Особое внимание уделяется понятию вины и критериям, применяемым для разграничения умышленных и неосторожных преступлений. Исследование демонстрирует, что несмотря на определенные различия концепций, касающихся сущности и значения вины, есть общие для всех теорий уголовного права положения, например, акцент на моральную сторону поведения лица как обоснование справедливости его наказания. Однако ни одна из

доктрин виновной ответственности не используется в уголовном правосудии в полной мере. Делается вывод, что потребности правоприменительной практики приводят к упрощению многих правил о градации видов и оттенков вины (если речь не идет о причинении вреда жизни или здоровью), а также к использованию форм вины с минимальной или отсутствующей психической составляющей.

Abstract.

The article, based on a comparative analysis of the provisions of criminal legislation on guilt and judicial precedents of individual countries of common and continental law, as well as countries of the Islamic legal tradition, identifies common legal problems related to the concept of culpable liability. Particular attention is paid to the concept of guilt and the criteria used to distinguish between intentional and reckless crimes. The study demonstrates that despite certain differences in concepts concerning the essence and meaning of guilt, there are provisions common to all theories of criminal law, for example, an emphasis on the moral side of a person's behavior as a justification for the justice of his punishment. However, none of the doctrines of culpable responsibility is fully used in criminal justice. It is concluded that the needs of law enforcement practice lead to the simplification of many rules on the gradation of types and shades of guilt (if we are not talking about harming life or health), as well as the use of forms of guilt with minimal or no mental component.

Ключевые слова: сравнительно-правой анализ; теория вины; виновность; умысел; намерение; неосторожность; строгая ответственность.

Keywords: comparative legal analysis; theory of guilt; guilt; intent; intent; negligence; strict liability.

В уголовном праве проблема понимания вины является центральной, поскольку именно на институте вины строится вся правоприменительная деятельность. Однако до настоящего времени отсутствует единый подход к пониманию вины. При этом в мире имеет место множество уголовно-правовых концепций понимания вины. Кроме того, некоторые авторы предлагают свои определения понятия вины, не соответствующие существующим концепциям, что говорит о значимости для науки уголовного права рассматриваемой проблемы [1].

В Великобритании, а также в США и других странах, воспринявших правовую модель общего права, вина (mens rea) объемная категория, поскольку включает в себя, например, мотивацию и цели, как необходимые составляющее злоумышленности, т. е. моральной упречности состояния ума. Необходимость оценить заслуживают ли морального порицания когнитивные процессы лица – высочайший стандарт соблюдения прав человека. С другой стороны, это настолько абстрактная и сложная для доказывания категория, что не удивительно появление такой прагматичной концепции, как строгая ответственность (strict liability), которая признает возможность привлечения к уголовной ответственности без вины в случае совершения преступлений malum prohibitum (противоправных исключительно вследствие наличия запрещающего их акта, например, нарушение правил дорожного движения, охоты, декларирования, безопасности продукции, уплаты налогов и т. д.). С учетом достаточно тонкой грани между преступлениями

malum in se и malum prohibitum, концепция строгой ответственности оказывается очень востребованной в США, несмотря на то, что в прецедентах Верховного суда США последовательно указывается, что отсутствие в формулировке статутов упоминания о виде вины не может истолковываться как устранение этого элемента из состава преступления [2].

В уголовном праве Австрии выделяют субъективное и объективное направление уголовно-правовой теории. Сторонники первого направления ядром преступления считают вину, основанием же наказания они называют не совершение деяния, соответствующего составу преступления, а наличие у субъекта определенной внутренней направленности против охраняемого правом блага. Вина же выступает пороком волеобразования, свидетельствующим об отсутствии должного отношения субъекта к охраняемым правом благам и ценностям. Сторонники объективного направления говорят о вине как о признаке, дающем характеристику субъективной стороны преступления, и выделяют следующие ключевые признаки: 1. биологический – достижение возраста уголовной ответственности и вменяемость субъекта; 2. психологический – внутреннее психическое отношение субъекта к деянию; 3. нормативный – оценка психического отношения субъекта с позиций правомерности поведения [3].

В уголовном праве стран романо-германской правовой семьи выделяются умышленная и неосторожная формы вины. При этом умышленная форма вины включает прямой и косвенный умысел, а неосторожная – преступную самонадеянность (легкомыслие) и преступную небрежность. Например, § 15 Уголовного кодекса ФРГ гласит: «Наказуемо только

преднамеренное действие, если закон отчетливо не предусматривает наказание за небрежное действие» [4], таким образом, выделяется преднамеренное и неосторожное действие.

Вместе с тем уголовные кодексы таких государств, как Боливия, Италия, Перу, Эквадор и ряда других включают «претеринтенциональную» форму вины. Претеринтенциональными признаются деяния, образуемые посредством совершения умышленного акта, последствия которого абсолютно превысили преследуемую исполнителем цель» [5].

В уголовном законе Франции имеет место деление умышленной формы вины на степени: «предумысел» и «специальный умысел». Согласно Французскому уголовному предумышленностью является умысел, сформированный до действий по совершению определенного преступления или проступка. Предумысел выступает конструктивным признаком убийства, квалифицирующим признаком применения пыток и др. Другая степень умышленной вины – специальный умысел (имеет место при совершении преступного деяния с конкретной целью) [6]. Аналогичное деление умышленной вины закреплено в уголовных кодексах Афганистана, Бельгии, Ирака, Люксембурга, Туниса и некоторых других стран, которые следуют концепции французского уголовного права.

В исламском праве теория вины базируется на максиме «суть определяется в соответствии с намерением» (al-Umūr bi Maqāsidihā) [7]. Вина считается широкой категорией, основанной на цели и фактической ошибке в том смысле, что виновными являются деяния, совершенные с порицаемой целью, а невиновными – вследствие извинительной. Поскольку

цель, как и любая другая психическая компонента, очень сложна для доказывания, то в исламском праве прямо признается, что психика преступника не может быть исследована. Фактически вина сводится к изучению объективных признаков, в частности используемых орудий. Проблема заключается в том, что подобный подход синонимичен презюмированию наличия вины, что очень четко прослеживается в распределении бремени доказывания: обвиняемый имеет право попробовать доказать, что, например, вопреки использованному при убийстве летальному оружию, он не имел намерения убить. Причем даже это право признается за лицом не всеми религиозными школами.

Рассмотрев формы вины зарубежных стран, в целом можно отметить, что имеют место и умышленная, и неосторожная вина. В Уголовных кодексах ряда зарубежных стран отсутствуют нормы, специально выделяющие формы вины, однако в нормах Особенных частей встречаются указания на конкретную форму вины. В ряде зарубежных стран имеют место, так называемые «промежуточные» формы вины, а именно: предумысел, претеринтенциональная форма вины, так именуемая «двойная» форма вины и некоторые другие, которые представляются целесообразными для применения, поскольку могут способствовать достижению основных целей уголовного наказания – объективности, индивидуализации.

Список цитируемой литературы:

1. Козельская Н.Л. Уголовно-правовые концепции вины на примере ряда зарубежных

государств. // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. С. 221.

2. Кораблёва С.Ю. Концепции вины и проблемы определения виновности в уголовном праве России и зарубежных стран. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. С. 295.

3. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. ред. С.П. Щербы. М.: «Юрлитинформ», 2010. – с. 164.

4. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. докт. юрид. наук, профессор Д.А. Шестакова; перевод с немецкого Н.С. Рачковой. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 129.

5. Уголовное право зарубежных стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lawdiss.org.ua/books/175.doc.html (дата обращения 05.03.2023).

6. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.twirpx.com/file/ 379964/ (дата обращения: 05.03.2023).

7. Аль-Баити М.А.А. К вопросу о видах и формах вины в мусульманском уголовном праве. // Исламоведение. 2013. С. 57.

Лазарева А.А., студентка
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А.С.

Lazareva A.A., student
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch, Lipetsk
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

CRIMINAL LAW ANALYSIS OF MODERN COUNTERFEITING: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Аннотация.

Данная статья содержит анализ объективных и субъективных признаков фальшивомонетничества, которые, как правило, связаны между собой, необходимы и достаточны для квалификации содеянного как преступления. В уголовно-правовой и криминологической литературе изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг нередко именуют фальшивомонетничеством. По

существу, это термин-синоним, обозначающий то же преступление, но не закрепленный законодательно, поэтому в данной статье он используется наряду с законодательным названием. К тому же он значительно короче и лаконичнее. При анализе любого преступления необходимо выделять и анализировать внешние (объективные), наблюдаемые со стороны, и внутренние (субъективные) признаки преступного посягательства.

Abstract.

This article contains an analysis of objective and subjective signs of counterfeiting, which, as a rule, are interconnected, necessary and sufficient to qualify the deed as a crime. In the criminal law and criminological literature, the manufacture, storage, transportation or sale of counterfeit money or securities is often referred to as counterfeiting. In essence, this term is a synonym for the same crime, but not legally fixed, so in this article it is used along with the legislative name. In addition, it is much shorter and more concise. When analyzing any crime, it is necessary to identify and analyze external (objective), observable from the outside, and internal (subjective) signs of criminal encroachment.

Ключевые слова: Фальшивомонетничество, подделка денежных знаков, подделка ценных бумаг, поддельные валютные ценности.

Keywords: Counterfeiting, counterfeiting of banknotes, counterfeiting of securities, counterfeit currency values.

Норма, предусматривающая ответственность за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, излагается в

разделе VIII «Преступления в сфере экономики», таким образом, родовым объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование экономики государства. Видовым объектом преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности по производству, регулированию, распоряжению, обмену и потреблению материальных благ и услуг. Опираясь на уголовно-правовую доктрину и сложившуюся судебную практику, под непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, мы понимаем общественные отношения, складывающиеся в сфере кредитно-денежного обращения России и иностранных государств, а также в сфере выпуска и обращения ценных бумаг.

Предметом преступления являются поддельные денежные знаки России (банкноты и монеты Банка России, которые на основе правовых норм выполняют экономические функции, необходимые и достаточные для их оборота) [1, с. 65], поддельные внутренние ценные бумаги (государственные или другие ценные бумаги в валюте Российской Федерации), поддельные валютные ценности (иностранная валюта и внешние ценные бумаги). Указанные предметы обязательно должны иметь существенное внешнее сходство с теми денежными знаками и ценными бумагами, что находятся в официальном обращении в качестве средств платежа, по форме, размеру, цвету и основным реквизитам, но при этом быть фальшивыми, т.е. изготовленными неофициально. Субъекту, проводящему расследование, необходимо установить степень сходства подделки с подлинными денежными

знаками и ценными бумагами. Для этого назначается технико-криминалистическая экспертиза документов.

В уголовно-правовой науке в качестве признака объекта преступления наряду с предметом преступления признается потерпевший - лицо, которое претерпело или претерпевает в настоящее время негативные последствия в связи с совершением преступления. В результате сбыта поддельных денег или ценных бумаг потерпевшими являются лица, возмездно приобретающие поддельные денежные знаки и ценные бумаги. В этом случае страдают имущественные права добросовестных приобретателей поддельных денег или ценных бумаг. В науке также обсуждается вопрос о том, можно ли считать добросовестного сбытчика поддельных денег или ценных бумаг потерпевшим? Или же в этом случае сбытчик является свидетелем? [2, с. 132]

По нашему убеждению, лицу, добросовестно заблуждающемуся в подлинности имеющихся у него денег или ценных бумаг, в действиях которого не усматривается цель сбыта подделок и отсутствует признак «за ведомости», причиняется моральный, а иногда и физический вред. То есть добросовестный сбытчик поддельных денег или ценных бумаг является потерпевшим.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется совершением деяния в следующих формах: изготовление указанных в диспозиции предметов в целях сбыта; хранение и перевозка указанных в диспозиции предметов в целях сбыта; сбыт указанных в диспозиции предметов. Изготовление, согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. №2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте

поддельных денег или ценных бумаг» [3], понимается как частичная подделка денежных купюр или ценных бумаг (переделка номинала подлинного денежного знака, подделка номера, серии облигации и других реквизитов денег и ценных бумаг), а также как изготовление полностью поддельных денег и ценных бумаг. Таким образом, изготовление - это создание предмета преступления с помощью копировальных, множительных, иных технических средств, если при этом обеспечивается его существенное внешнее сходство с денежными знаками и ценными бумагами, находящимися в официальном обращении. Изготовление поддельных денежных знаков или ценных бумаг имеет место независимо от того, был ли подделан предмет полностью или частично.

Изготовление фальсифицированных денег или ценных бумаг считается оконченным с момента изготовления хотя бы одного фальшивого экземпляра с целью сбыта независимо от того, удалось ли осуществить сбыт подделки. Способы подделки и количество фальсифицированных предметов на квалификацию деяния не влияют, однако учитываются при оценке степени общественной опасности содеянного и назначении меры наказания.

Незаконное хранение представляют собой действия лица, сопряженные с незаконным владением предметами преступления, независимо от продолжительности такого хранения. Умышленные действия лица, совершающего действия, направленные на перемещение предметов преступления из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта,

применяемого в виде перевозочного средства, являются незаконной перевозкой.

Сбыт предметов преступления состоит в их использовании в качестве средства платежа, размене, дарении и ином запуске в денежно-кредитное обращение. Правоприменительная практика указывает, что под сбытом понимаются любые формы отчуждения поддельных денег или ценных бумаг, связанные с пуском в обращение этих подделок [4].

Расширение объективной стороны поспособствовало оптимизации противодействия уголовно наказуемым деяниям, связанным с хранением и перевозкой в целях сбыта поддельных денежных знаков, что подтверждается массивом судебных актов, в которых в качестве оснований принятия решений по уголовным делам излагаются эти новые самостоятельные формы проявления объективной стороны состава преступления.

Сбыт признается оконченным преступлением с момента принятия кем-либо хотя бы единичной фальшивки как подлинного денежного знака или государственной ценной бумаги. Ответственности подлежат не только лица, занимающиеся изготовлением или сбытом, но и лица, обладающие поддельными деньгами или ценными бумагами, осознающие этот факт и тем не менее использующие их в кредитно-денежных отношениях. В случае если преступное намерение не было доведено до конца по не зависящим от преступника обстоятельствам, деяние необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 186 УК РФ как умышленные действия, направленные на сбыт заведомо поддельного денежного знака или ценной бумаги.

Так, гражданин С., имея в своем распоряжении единственную поддельную денежную купюру, хранил

таковую в целях сбыта. Для реализации преступного замысла и доведения преступления до конца гражданин выполнил действия, направленные на сбыт денежного билета, который не довел до конца по не зависящим от него обстоятельствам. С учетом этого суд квалифицировал действия С. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 186 УК РФ как покушение, то есть умышленные действия, непосредственно направленные на сбыт заведомо поддельного банковского билета Центрального банка РФ [5].

Действующим Уголовным кодексом Российской Федерации субъектом преступления признается лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное действие или бездействие и способное нести за него уголовную ответственность. Согласно ст. 20 УК РФ, уголовной ответственности за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16-летнего возраста.

Содержание субъективной стороны в рамках общего понятия состава преступления включает в себя один обязательный признак - вину, а также факультативные признаки. Субъективная сторона изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг характеризуется прямым умыслом. В пользу этого тезиса свидетельствует конструкция состава как формального и специальная цель при изготовлении, хранении и перевозке - желание сбыть поддельные деньги или ценные бумаги. Отсутствие таковой цели у субъекта исключает ответственность. Выделяются следующие интеллектуальные элементы прямого умысла:

- осознание общественной опасности действий, то есть что лицо понимает их фактическое содержание, социальное значение и предвидит характер нарушаемых им законных интересов;

- предвидение последствий, то есть лицо осознает и прогнозирует вред, который будет причинен охраняемым интересам.

Как мы уже отмечали, состав рассматриваемого преступления является формальным, поэтому прямой умысел исключает предвидение последствий, а волевой элемент переносится на сам факт совершения преступного деяния. Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг характеризуются прямым умыслом, то есть лицо осознает общественную опасность своего поведения и желает действовать таким образом. Помимо осознания общественной опасности совершаемого деяния может присутствовать осознание противоправности - запрещенности законом такого деяния.

Мотив совершения преступления в науке уголовного права традиционно связывают с внутренними побуждениями субъекта, вызывающими решимость совершить преступление, которыми лицо руководствуется при совершении противоправного деяния [6, с. 34]. Анализ правоприменительной практики показал, что мотивы совершения рассматриваемого преступления чаще всего оказываются низменными (корыстными), реже - альтруистическими (из сострадания) и иными.

Интересно, что в качестве ярких свойств личности фальшивомонетчика проявляются необходимость признания собственной значимости, креативность и «корыстная» ориентация. Исследование, проведенное И.Е. Максимовой, показало, что у большинства

осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, прослеживается специфическое отношение к деньгам. Среди положительных и важных качеств человека первым неизменно выбирается характеристика «богатый», самыми значимыми ценностями признаются «состояние, должность». Лица, «профессионально» занимающиеся сбытом поддельных денег и ценных бумаг, - это люди, умеющие войти в доверие, владеющие специальными психологическими приемами, актерскими способностями, имеющие познания по обращению ценных бумаг. В большинстве случаев это люди с высшим образованием [7, с. 63].

Нередко правоохранительные органы испытывают серьезные трудности при доказывании субъективной стороны преступления. Так, имеется негативный опыт доказывания мотивов совершения преступлений из-за поверхностного их изучения сотрудниками правоохранительных органов, отождествления понятий «мотив» и «цель». Не секрет, что зачастую имеет место доказывание не истинного мотива деятельности, а ложного либо ошибочного объяснения подозреваемым противоправного поведения [8, с. 24].

Фальшивомонетничество относится к той категории уголовных преступлений, совершение которых группой лиц по предварительному сговору происходит гораздо чаще, нежели преступником-одиночкой. В таких преступных организациях есть организаторы, изготовители и сбытчики. Чаще всего роль организатора берут на себя мужчины среднего возраста, обладающие преступным опытом, зачастую имеющие связи в преступном мире. Как правило, изготовители обладают специальными знаниями и навыками в области полиграфии, цинкографии,

фотографии, технического исследования документов, однако широкий круг доступного копировально-множительного и компьютерного оборудования влияет на «компетенцию» современных фальшивомонетчиков. Соотношение мужчин и женщин в этой преступной среде примерно следующее: мужчины -90 %, женщины встречаются крайне редко, их роль состоит чаще всего в сбыте поддельных денег - 22 % [9, с. 16].

Обращаясь к вопросу квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков преступления, отметим, что в науке уголовного права квалифицирующими считаются признаки состава преступления, свидетельствующие о повышенной общественной опасности деяния (по сравнению с отраженной при помощи основного состава), «обстоятельства, определяющие характер и типовую степень общественной опасности деяния, законодательную оценку вида поведения» [10, с. 54]. Квалифицирующий признак, закрепленный в ч. 2 ст. 186 УК РФ, «те же деяния, совершенные в крупном размере», относится к объективной стороне, характеризуя масштаб преступной деятельности.

Данный квалифицирующий признак усиливает уголовную ответственность за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг в крупном размере (свыше 2,25 млн рублей) - санкцией предусмотрено лишение свободы на срок до 12 лет со штрафом (до 1 млн рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода, осужденного за период до пяти лет) или без него. Кроме того, в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы может быть назначено ограничение свободы на срок до 1 года (ч. 2 ст. 53 УК РФ).

Правоприменительная практика показывает, что, так как преступное деяние, предусмотренное ч. 2 ст.186 УК РФ, относится к особо тяжким преступлениям, в ходе предварительного следствия к подозреваемым избирается самая строгая мера пресечения -содержание под стражей [11].

Анализ примечания к ст. 169 УК РФ показал возможное неоднозначное толкование понятия «стоимость». Единого мнения на этот счет нет и в науке. На практике для вычисления размера причиненного ущерба действуют следующие основные «системы исчисления» [12, с. 284]:

1) исходя из указанного на поддельных купюрах номинала;

2) исходя из стоимости товаров, приобретенных за поддельные деньги (в случае соответствующей формы сбыта). В арбитражной практике стоимость ценных бумаг определяется по документам, подтверждающим их оплату [13];

3) исходя из рыночной стоимости находящихся в обращении подлинных ценных бумаг, ставших объектом подделки. Такая оценка может быть дана в ходе производства экспертизы. Думается, было бы полезно дополнить ст. 186

Уголовного кодекса РФ примечанием, регламентирующим оценку ущерба.

Особо квалифицированный состав преступления, в котором указан признак, усиливающий общественную опасность и наказуемость деяния, в сравнении с квалифицированным составом - особо квалифицирующий признак изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, содержит часть 3 ст. 186 УК РФ. Этот признак характеризует обстоятельства объективных свойств

преступления (групповой способ совершения противоправного деяния, в том числе в крупном размере) -совершение организованной группой. Очевидно, законодатель отразил факт повышения степени общественной опасности совершаемых преступлений только на лишение свободы, фактически оставив дифференциацию материальной ответственности на совесть суда. Думается, есть смысл ужесточить ответственность и на уровне штрафа.

Исходя из изложенного, полагаем необходимым внести следующие изменения. Дополнить ст. 186 Уголовного кодекса РФ примечанием, регламентирующим оценку ущерба. Нами предлагается следующая редакция: «Примечание. При определении крупного размера следует исходить из эквивалента, соответствующего номинальной стоимости подделанных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлических монет, государственных ценных бумаг, других ценных бумаг в валюте Российской Федерации, иностранной валюте или ценных бумаг в иностранной валюте».

Кроме того, полагаем, что в диспозицию ч. 3 ст. 186 УК РФ необходимо включить такой квалифицирующий признак, как особо крупный размер ущерба (свыше 9 млн рублей). Анализ составов ст. 186 УК РФ показал, что законодательно факт повышения степени общественной опасности совершаемых преступлений отражен только на таком виде наказания, как лишение свободы. Дифференциация же материальной ответственности фактически оставлена законодателем на совесть суда. Представляется целесообразным ужесточить ответственность и на уровне штрафа.

Список цитируемой литературы:

1. Крылов О.М. Правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации: монография/ О.М. Крылов / отв. ред. С.В. Запольский. - М.: КОНТРАКТ, 2014.
2. Гусаков С.В. Добросовестный сбытчик при расследовании фальшивомонетничества: свидетель или потерпевший? / С.В. Гусаков // Человек: преступление и наказание: сборник материалов межвузовской научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов, слушателей и студентов (22 марта 2013 г.). -Рязань: Акад. ФСИН России, 2014.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (ред. от 06.02.2007) // Российская газета. - 1994. - 14 июля.
4. Кассационное определение СК по уголовным делам Кировского областного суда от 10 февраля 2011 г. по делу № 22-305 [Электронный ресурс]. -Доступ из справочной системы «Гарант».
5. Приговор Туапсинского районного суда Краснодарского края от 12.12.2014 по делу № 1-222/14.
6. Карягина О.В. Мотив как обязательный признак преступного поведения/ О.В. Карягина: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации». - Омск, 2015.
7. Максимова И.Е. Личностные особенности фальшивомонетчиков/ И.Е. Максимова// Интеллектуальный потенциал вузов - на развитие Дальневосточного региона России: материалы VIII

Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 6 кн. - Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2016. - Кн. 2.
8. Неустроева А.В. Правовые криминалистические проблемы установления субъективной стороны преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ А.В. Неустроева. - Саратов, 2011.
9. Пономарева Н.С. Взаимообусловленность характеристики личности преступника-фальшивомонетчика и общественной опасности совершаемого им преступления/ Н.С. Пономарева // Современное право. - 2015. - № 9.
10. Кругликов Л.Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние/ Л.Л. Кругликов // Вестник Ярославского государственного университета. - 2015. - № 4.
11. Апелляционное постановление Московского городского суда от 19 ноября 2014 г. по делу № 1015633/14; Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 июня 2014 г. по делу № 10-8014/14; Апелляционное постановление Московского городского суда от 09 июня 2014 г. по делу № 10-5930/14; Апелляционное постановление Московского городского суда от 27 марта 2014 г. по делу № 10-4527/14.
12. Котсылева Г.В., Муженская Н.Е. Руководство для следователя и дознавателя по расследованию отдельных видов преступлений/ Г.В. Котсылева, Н.Е. Муженская. - М.: Проспект, 2014. - Ч. 1.
13. Определение ВАС РФ от 27.08.2008 № 10924/08 по делу № А32-17817/2007-55/430.

Лапшина С.И., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Рыжкова И.Д.

Lapshina S.I., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the
Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
I.D. Rizhkova.

К ВОПРОСУ О ПОСТКРИМИНАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ И ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ СУДИМОСТИ

ON THE ISSUE OF POST-CRIMINAL BEHAVIOR AND THE LEGAL CONSEQUENCES OF A CRIMINAL RECORD

Аннотация.

В статье подробно рассмотрены способы прекращения состояния судимости, улучшения положения осужденного, а также последствия наличия у лица судимости.

Abstract.

The article discusses in detail the ways of ending the state of criminal record, improving the situation of the convicted person, as well as the consequences of having a criminal record.

Ключевые слова: судимость, погашение судимости, снятие судимости, посткриминальное поведение.

Keywords: criminal record, repayment of criminal record, removal of criminal record, post-criminal behavior.

В настоящее время уголовно-правовое законодательство развивается таким образом, что правовое положение осужденного в большинстве случаев меняется в отрицательную сторону. Современное российское законодательство содержит нормативно-правовые акты, которые подтверждают данную тенденцию, например:

1) п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ предполагает, что рецидив преступления является отягчающим обстоятельством при назначении наказания;

2) ст. 60 УК РФ предполагает, что при назначении наказания может быть учтена характеристика личности, совершившей преступление;

3) ст. 134 УК РФ содержит положение о том, что повторное совершение идентичного преступления значительно увеличивает срок назначаемого наказания.

Ст. 86 УК РФ подразумевает, что если на момент совершения преступления предыдущая судимость была погашена, то следующее наказание не будет соответствовать указанным выше, т. е. не

будет ужесточения наказания за совершенное преступление. [1]

Уголовное законодательство предполагает два вида прекращения состояния судимости. Первое – это погашение. Второе – снятие. В первом случае осужденный должен полностью отбыть наказание. Во втором, по ходатайству лица, при его безупречном поведении, либо при издании акта об амнистии.

Существует такой процесс, как обратное действие уголовного закона. Он также может стать основанием прекращения состояния судимости. Данные положения содержатся в ст. 10 УК РФ.

Делая вывод, можно утверждать, что существует два способа улучшения положения осужденного:

1) изменение общих условий ликвидации уголовно-правовых последствий судимости, в результате чего происходит улучшение в отношении большого круга осужденных, вне зависимости от вида совершенного преступления;

2) улучшение фактических условий ликвидации правовых последствий судимости, что обусловлено изменениями в уголовно-правовой оценке конкретного совершенного лицом деяния, его преступности и наказуемости.

Однако могут возникать такие ситуации, например, когда осужденный отбыл наказание, либо освобожден от отбывания наказания, судимость не снимается. Но такие случаи встречаются достаточно редко, так как на это должно повлиять множество факторов одновременно.

Говоря о ретроактивном действии уголовного закона как улучшающего условия ликвидации связанных с судимостью уголовно - правовых

последствий, считаем логичным определить основные проявления этой так называемой специальной оптимизации.

1. Устранение преступности совершенного лицом деяния. Например, декриминализация Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, совершенного в размере до 250 тыс. руб.(ст. 165 УК РФ), наряду с прекращением отбывания наказания или с прекращением предъявления требований, обусловленных применением условных видов освобождения от наказания (ст. 73, 79 УК РФ и др.), влечет за собой признание лица, совершившего соответствующее преступление до вступления указанного закона в силу, не имеющим судимости.

2. Изменение категорийности совершенного лицом преступления. Оно возможно как на уровне общих положений уголовного закона о категориях преступлений (ст. 15 УК РФ), так и на уровне санкций конкретных статей Особенной части УК РФ. [1]

В данном случае осужденный имеет право подать ходатайство с просьбой о пересмотре дела, и в случае, если категория преступления была изменена на менее тяжкую, то и срок отбывания наказания может измениться в меньшую сторону.

3. Смягчение уголовного наказания. Имеются в виду любые варианты изменения закона, при учете которых наказание, назначенное лицу, может быть смягчено или подлежит смягчению в обязательном порядке, что, в свою очередь, способно вылиться в улучшение условий аннулирования связанных с судимостью уголовно-правовых последствий.

Сокращение минимального и/или максимального пределов наказания за конкретное преступление,

являющееся следствием изменившейся законодательной регламентации либо самого преступного посягательства, либо установленной за его совершение санкции.

Заключая в себе главным образом смягчение наказания, указанныеи другие схожие с ними варианты изменений закона в отдельных ситуациях могут выступать или выступают в обязательном порядке в качестве оптимизирующих условия аннулирования связанных с судимостью уголовно-правовых последствий. Это может выражаться в сокращении срока погашения судимости и/или в переносе начала его исчисления на более раннее время – в зависимости от стадии, на которой лицо обращается в суд с ходатайством о пересмотре приговора.

В Российской Федерации последние несколько лет наблюдается снижение количества осужденных лиц. Такая тенденция вполне ожидаема, так как она является результатом учета преступности в целом. В 2019 г. наблюдалось увеличение численности зарегистрированных преступлений на 1,6%, однако это все равно не повлияло на общую тенденцию снижения преступности в последние годы. А данный факт положительно повлиял на состояние судимости в целом.

Нельзя не заметить, что существует ряд проблем, которые на протяжении длительного времени существуют в практике применения помилования, амнистии, условно-досрочного освобождения, снятия и погашения судимости и других смежных правовых институтов. Следует отметить, что все они в значительной степени влияют на осознание осужденным своей вины, действительно стимулируют их правомерное поведение, определяют

добросовестное отношение к основным средствам исправления, являются реальным стимулом для получения поощрений и т.д.

Исследуя данную проблему, А.Я. Гришко отмечает, что помилование – это больше, чем просто поощрение – это «акт прощения, милосердия со стороны государства, применяемый к лицу, осужденному за совершение преступления в установленном законом порядке, в связи с исключительными обстоятельствами или во время отбывания наказания, с учетом личности осужденного и потерпевшего, семейного положения осужденного, иных обстоятельств, свидетельствующих о невозможности совершения им нового преступления. [2]

С данным утверждением невозможно не согласиться, однако, существует такой фактор, как посткриминальное поведение осужденного. Во многом оно является определяющим по сравнению с остальными составляющими, так как, если поведение ранее осужденного лица не изменится в лучшую стороны после исполнения наказания, то цель этого наказания в конечном итоге так и не будет достигнута.

Для того, чтобы понимать на сколько реально осужденный изменил свое поведение в положительную сторону, можно только в случае проведения сравнения. Необходимо провести наблюдение за тем, как ведет себя человек в отношении других людей, как он относится к труду, к руководству. В процессе отбывания наказания личностные качества осужденного чаще всего очень меняются по сравнению с теми характеристиками, которые были ему присущи ранее. Делать вывод необходимо по событиям и фактам последнего времени. В итоге его поведение

становится правомерным либо противоправным, происходит это в результате специфики отбытия наказания. Данный фактор обязательно должен быть учтен, при направлении им ходатайства о помиловании.

Уголовно – исполнительное право считает окончание посткримиального поведения с момента отбытия уголовного наказания. Однако, если обратить внимание на то, что после освобождения из исправительных учреждений, лицо остается в той или иной степени ограниченным в своих правах, в том числе и конституционных. Соответственно, заключительной стадией посткриминального поведения следует считать момент погашения или снятия судимости, так как после этого человек вновь приобретает права, которыми обладал ранее, до назначения наказания. [3]

Как известно, после снятии или погашения судимости аннулируются все ее правовые последствия. Но с таким утверждение бывает трудно согласиться, так как практика в некоторых случаях говорит об обратном.

После отбытия наказания права значительно ущемлены, и во многих случая не только самого лица. Это может распространяться на родственников бывшего осужденного. Примером может служить то, что при устройстве на работу в правоохранительные органы существует необходимость пройти специальную проверку на предмет наличия судимости как лица устраивающегося на данную работу, так и его близких родственников. [3]

Ст. 86 УК РФ содержит в себе положение о том, что, если осужденный во время отбытия наказания вел себя безупречно, то до истечения установленного

срока судимость может быть погашена. Однако, уголовное законодательство не раскрывает такое понятие как «безупречное поведение», не указывает сроки подачи ходатайства, перечень документов. На практике могут встречаться такие случаи, когда суд дает одинаковую оценку поведению осужденного, но при этом выносит разные решения по поводу снятия судимости.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что необходимо усовершенствовать правовой механизм, регулирующий процесс снятия судимости, для того, чтобы устранить существующие проблемы. А именно то, что данные несовершенства отрицательно влияют на правоприменительную деятельность, а также препятствуют реализации законных прав лиц, имеющих судимость.

Также отметим, что в случае рецидива, непогашенная судимость будет являться квалифицирующим признаком и соответственно появятся соответствующие отрицательные последствия.

На основе вышесказанного хотелось бы отметить, что посткриминальное поведение нельзя считать завершенным сразу после отбытия наказания. Необходимо увеличить этот срок до момента снятия или погашения судимости.

В целом, посткриминальное поведение явление очень сложное, требующее изучения, проработки. В этом понятии заложено несколько факторов, таких как, психологическое состояние лица, эмоциональное, юридическая точка зрения и др.

Состояние судимости порождает негативные правовые последствия не только для лица, совершившего преступление и осужденного за него, но

и для близких родственников.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

2. Гришко А.Я. О правовой природе помилования // Проблемы теории наказания и уголовно-исполнительного права. Томск, 2003. С. 61.

3. Реформирование уголовно – исполнительной системы: теоретический проект / под общ. ред. А.А. Раймера. М., Рязань, 2009. С.7.

Лебедев А.А., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. препод., Шагунова В.М.

Lebedev A.A., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior lecturer, Shagunova V.M.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF GERMAN CRIMINAL LAW

Аннотация.

В данной статье рассматривается как развивалось уголовное законодательство Германии, соотносятся основные этапы его развития от первых закреплённых источников до той формы, которое оно приняло в данный момент.

Abstract.

This article examines how the criminal legislation of Germany developed, correlates the main stages of its development from the first fixed sources to the form that it has taken now.

Ключевые слова: уголовное право, история, уголовное право зарубежных стран, история развития уголовного права, уголовное право Германии.

Keywords: criminal law, history, criminal law of foreign countries, history of the development of criminal law, German criminal law.

За время своего действия УК Германии многократно изменялся, что было вызвано зигзагами исторического развития самого немецкого государства (период Веймарской республики, эпоха нацизма и денацификации, создание после Второй мировой войны двух немецких государств, объединение ФРГ и ГДР, а в последние годы определенная унификация уголовного законодательства в рамках ЕС) [2, с. 27].

Становление немецкого права относится к XI—XIII вв., что связано с развитием феодализма в Западной Европе. До этого германские варварские племена, получившие самостоятельность в связи с распадом Западной Римской империи, руководствовались нормами, состоящими из обычаев, и нормами, заимствованными из римского права. В целом право представляло собой обычное право, и в период феодальной раздробленности государственные образования, такие как Бавария, Саксония, Швабия, Тюрингия и множество других, имели каждое свой свод норм, регулирующих общественные отношения, большое место среди них занимали нормы церковного права.

В XIII—XVI вв. усиливается феодальная раздробленность, и Германия при наличии императорской власти делится на еще большее количество княжеств, графств и более мелких феодальных образований (например, баронства), каждое

из которых имело свою собственную правовую систему. Среди памятников феодального права можно отметить Варварские правды, Салическую правду, Золотую буллу, Саксонское Зерцало. Но по своей силе и значимости выделяется Каролина — Constitutio Criminalts Carolina — как правовой акт общегерманского права, принятый в 1532 году. Если до принятия Каролины в указанных источниках германского права преобладали нормы гражданского оборота и получили развитие нормы уголовно-процессуального характера, то в Каролине уголовно-правовые нормы занимают такой объем и имеют такое значение, что о ней можно говорить как о памятнике уголовного права.

По своему содержанию нормы Каролины носили крайне суровый, репрессивный характер. Основным наказанием являлась смертная казнь в ее самых жестоких видах, таких как колесование, четвертование, которыми карались как посягательства на личность, так и посягательства на государственную и церковную власть.

Историческое значение Каролины заключается в том, что с нее начался процесс становления общенемецкого уголовного права, завершившийся к моменту формирования немецкого государства как централизованного федеративного государства, в состав которого к 1871 году вошли все немецкие земли. Этот процесс ознаменовался принятием 15 мая 1871 г. Уголовного уложения Германской империи, которое является основой действующего Уголовного кодекса (УК) Федеративной Республики Германии (ФРГ).

Уголовное уложение Рейха от 15 мая 1871 г. было опубликовано 14 июня 1871 г. в Сборнике законов Рейха6 как Закон «О редактировании Уголовного

уложения Северогерманского альянса в Уголовное уложение Германского рейха», вступивший в силу 1 января 1872 г. Документ содержал 370 параграфов (79 положений Общей части и 271 – Особенной). Уголовное Уложение 1871 года состояло из трех частей. В первой части содержались положения о разграничении преступлений, проступков и полицейских нарушений; об ответственности германских граждан в случае совершения правонарушений за границей. Во второй части излагались общие вопросы уголовного права: о стадиях преступления, о соучастии, о смягчающих и отягчающих обстоятельствах. Третья часть включала в себя нормы, касающиеся отдельных видов преступлений, то есть представляла собой особенную часть. Среди преступлений на первое место ставили государственные: оскорбление императора и местных государей, фальшивомонетничество, основание тайных организаций, участие в союзе с целью незаконного противодействия применению законов или мероприятий органов управления. Специальная глава посвящалась преступлениям против религии. Значительное внимание Уложение уделяло преступлениям против собственности и против личности. Среди полицейских нарушений Уложение называет довольно широкий круг деяний: изготовление печати, нарушение правил о выезде за границу, хранение оружия и т.п. Основной целью наказания являлось устрашение, особенно если речь шла о тяжких преступлениях. Наиболее сурово наказывались лица, совершавшие государственные преступления, преступления против религии и против собственности. Вместе с тем в Уложении прослеживается стремление построить карательную систему с учетом личности преступника и совершенного им преступления.

Уголовное право, восприимчивое к поворотам политического курса, характеризовалось в Германии в XX в. чередованием прогрессивной и реакционной тенденций в своем развитии. По окончанию второй мировой войны и разгрома фашизма на основе Потсдамских соглашений нацистское законодательство было отменено и восстановлено действие УК 1871 г. с редакционными исправлениями до 1933 г. Именно в этом году Веймарская республика пала и к власти пришел Гитлер, который значительно исказил уголовное право Германии. После принятия Конституции 1949 г. наметилась некоторая демократизация уголовного права.

Источниками уголовного права Германии являются: Конституция 1949 г., уголовный кодекс 1871 г., специальные федеральные уголовные законы, уголовное законодательство земель, иностранное уголовное законодательство. Особенностью уголовного права Германии является то, что оно не полностью кодифицировано. Наряду с уголовным кодексом существуют и многочисленные некодифицированные уголовно-правовые нормы, содержащиеся в различных законах.

Интересен тот факт, что некоторые нормы уголовного законодательства содержатся в основном законе страны – в Конституции. В ней, в частности, в ст. 102 говорится об отмене смертной казни, в ст. 103 (2) – о том, что никто не может быть подвергнут многократному наказанию за одно и то же деяние, в ст. 104 – о допустимости лишения свободы только на основании уголовного закона и по судебному приговору. По Конституции ФРГ является федерацией земель. Для нее характерен дуализм уголовного законодательства: оно может исходить как от

федеративной республики в целом, так и от каждой из входящих в ее состав земель. Этим объясняется параллельное существование федерального уголовного права и уголовного права земель. Соотношение между ними издавна (еще со времен имперской Конституции 1871 г.) основывалось на принципе так называемого «конкурирующего законодательства». Сущность этого принципа может быть выражена в следующей формуле, введенной еще Веймарской Конституцией: «Имперское право ломает право земель». Если федеральный законодатель издает нормы, противоречащие нормам, содержащимся в законах отдельных земель, то последние утрачивают силу. В основе действующего УК лежит Уголовное Уложение Германской империи от 15 мая 1871 г. Последующие редакции Уложения существенно изменили его содержание. Это объясняется, главным образом, крутыми переменами в германской уголовной политике.

Помимо уголовного законодательства Германии в каждой земле имеется свое уголовное законодательства. Особенностью его формирования является то, что уголовное законодательство земель регулирует те уголовно-правовые отношения, которые не нашли своей регламентации в законодательстве федерации. Несмотря на то, что федеральное уголовное законодательство достаточно полно и четко регулирует уголовно-правовые отношения, некоторые полномочия в части назначения наказания и уголовной ответственности реализуют субъекты федерации. Однако федеральный законодатель оставляет за собой право приоритета в регулировании уголовно-правовых отношений в случае установления противоречий между федеральным и земельным законодательством [1, с. 18].

Список цитируемой литературы:

1. Волосова Н.Ю. Уголовное право зарубежных стран / Н.Ю. Волосова. Оренбург: ОГУ, 2018. С. 168

2. Наумова А.В. Уголовное право зарубежных стран / А.В. Наумова. М.: Юрайт, 2018. С. 285

Лигуз А.В., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Liguz A.V., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF EXCEEDING THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE

Аннотация.

В статье рассматривается актуальная проблема юридической квалификации необходимой обороны, необходимая оборона, являясь одним из обстоятельств правомерного причинения вреда, на практике вызывает наибольшие трудности при квалификации.

Abstract.

The article deals with the actual problem of the legal qualification of the necessary defense, the necessary defense, being one of the circumstances of lawful harm, in practice causes the greatest difficulties in qualification.

Ключевые слова: Необходимая оборона, квалификация, превышение пределов, посягательство, преступление, самозащита.

Keywords: Necessary defense, qualification, exceeding the limits, encroachment, crime, self-defense.

Под необходимой обороной в уголовном законодательстве понимается зашита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия [1]. Основанием для применения необходимой обороны является нарушение прав и свобод личности или угроза такого нарушения (юридический факт), что типично для охранительных правоотношений.

Заметим, что в статье 37 Необходимая оборона УК РФ используется такой прием юридической техники как правовой перечень, то есть конкретный перечень благ и интересов, подлежащих защите в порядке необходимой обороны, а также условий правомерности необходимой обороны. Отметим, что необходимая оборона фактически имеет двойное назначение в механизме правового регулирования: она нацелена одновременно на обеспечение беспрепятственной и нормальной реализации прав, свобод и законных интересов субъекта и на укрепление законности и правопорядка, тем самым реализуя юридические гарантии правового статуса субъектов права. Необходимая оборона относится к пресекательным мерам самозащиты, поскольку нацелена на пресечение противоправных действий.

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее — Постановления) обращается внимание на три важных момента: 1) на кого распространяются положения института необходимой обороны? 2) чьи интересы разрешено защищать при необходимой обороне? 3) при каких обстоятельствах возможно применение насилия к посягающему?

Вопрос о том, на кого распространяются положения института необходимой обороны, не является праздным. Дело в том, что действия сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и иных лиц, применяющих оружие, физическую силу, боевую технику и иные средства при выполнении своих профессиональных обязанностей, регулируются специальными нормативными актами. В данных специальных нормативных актах могут предусматриваться дополнительные требования к действиям сотрудников или военнослужащих по сравнению с положениями Уголовного законодательства о необходимой обороне.

Чьи интересы разрешено защищать при необходимой обороне? На бытовом уровне правосознания существует мнение, что необходимая оборона по существу является самообороной. Для этого имеются определенные основания. История уголовного законодательства свидетельствует о том, что необходимая оборона длительное время понималась именно как самооборона. Отсутствие состояния необходимой обороны исключает право на применение

насилия к посягающим. При этом право на защиту интересов других лиц сомнению не подвергается.

При каких обстоятельствах возможно применение насилия к посягающему лицу? В правоприменительной практике нередко со стороны сотрудников правоохранительных органов встречается утверждение, что если обороняющийся мог избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти, то его действия не могут быть признанными совершенными в состоянии необходимой обороны. Однако данное утверждение противоречит требованиям закона. Кроме того, необходимо также иметь в виду, что лицо, подвергшееся противоправному нападению, вправе принять активные меры для защиты и причинить посягавшему на него вред и в том случае, когда он имел полную возможность уклониться от столкновения с нападавшими.

Проблемы квалификации необходимой обороны вызваны в числе прочего разным доктринальным пониманием сущности необходимой обороны. В частности, Н.Н. Карпов и А.Ю. Клейн отмечают, что необходимая оборона представляется неотъемлемым правом каждого человека, которое направлено на свою личную защиту, своих благ, законных интересов и иных ценностей, а также является правом, присущим каждому, поскольку каждому человеку может понадобиться использование необходимой обороны, а справедливая квалификация на практике в данном случае выступает важным инструментом в противоборстве с преступной деятельностью. Необходимая оборона представляется им составляющей правовой системы и выступает сдерживающим аспектом преступности, так как перспектива жесткой

отдачи от обороняющегося наиболее лучше воздействует на преступника, чем вероятность получения наказания в рамках правосудия. Также Н.Н. Карпов и А.Ю. Клейн отмечают, что необходимо ограничить необходимую оборону от самосуда и провоцирования нападения с последующей симуляции необходимой обороны из корыстных, хулиганских и криминальных побуждений [2, с. 38].

Кроме того, остро стоит проблема определения превышения пределов необходимой обороны. Данное положение дел связано с тем, что нечетко определяются пределы соразмерности правовой самозащиты личности.

При квалификации необходимой обороны также должна быть установлена наличность совершенного посягательства. Данное условие правомерности необходимой обороны определяет время существования такого состояния, а именно момент начала посягательства и его окончание. На уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 предоставлен ряд значимых разъяснений относительно установления данных моментов при квалификации необходимой обороны. Право потерпевшего на необходимую оборону возникает в момент посягательства и заканчивается моментом прекращения применения в отношении него насилия, угрозы ее применения. Соответственно, если потерпевший причиняет вред посягателю после того, как он прекратил свои противоправные действия, то преступное деяние потерпевшего квалифицируется на общих основаниях.

Установление момента, с которого появляется право на необходимую оборону, является определяющим в институте необходимой обороны. В

некоторых случаях данный вопрос не вызывает сложностей в силу того, что необходимая оборона применялась в ответ на уже начавшееся посягательство. Сложности возникают в тех случаях, когда посягательства еще не было, а обороняющийся уже начал действовать.

Одним из наиболее важных вопросов, касающихся института необходимой обороны, является вопрос о том, при каких условиях такая оборона будет признана необходимой. Традиционно принято делить условия правомерности необходимой обороны на условия правомерности, относящиеся к общественно опасному посягательству, и условия правомерности, относящиеся к защите.

Факт действительности совершенного посягательства раскрывает такое обязательное условие правомерности необходимой обороны, как реальность. На практике установление реальности необходимой обороны вызывает множество вопросов. Потерпевший в момент посягательства не всегда может однозначно определить степень опасности противоправных действий, совершаемых в отношении него. Однако, отражая причиненный вред потерпевший должен не допустить превышения пределов необходимой обороны. В противном случае он сам будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 108, 114 УК РФ (Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.) в зависимости от характера и степени

наступивших общественно опасных последствий. Так, например, при уличном грабеже потерпевший не может однозначно установить, собирается ли грабитель убить его или только причинить вред здоровью. В этой связи, потерпевшему достаточно сложно сориентироваться и отразить общественно опасное посягательство таким образом, чтобы не превысить пределов необходимой обороны.

Кроме того, квалификация необходимой обороны осложнена таким оценочным понятием, фигурирующим в ст.37 УК РФ, как «неожиданность». Данный оценочный термин предусмотрен в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, введенной в вышеуказанную статью уголовного закона в 2003 г. Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения.

На практике возникают сложности в процессе доказывания факта неожиданности. При нападении у потерпевшего, как правило, есть несколько секунд для того, чтобы оценить ситуацию и осознать факт нападения и применения в отношении него насилия. Соответственно, за считанные секунды потерпевший должен совершить определенные действия для обеспечения своей защиты. Также потерпевший не всегда может установить факт окончания противоправного посягательства. Кроме того, посягательство может быть возобновлено и уже в другой форме, более опасной для жизни и здоровья потерпевшего. В этом случае для того, чтобы пресечь данные действия посягающего и предотвратить возможность повторных действий посягающего,

потерпевший может выбрать наиболее надежный способ — убить нападающего.

Если угрозы жизни потерпевшему не было и в суде не удалось доказать факт неожиданности нападения, то потерпевший будет привлечен к уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

Таким образом, «неожиданность» и «явная угроза жизни» являются оценочными понятиями, раскрытие сущности и содержания данных терминов осуществляется судебными органами. Данный подход нельзя признать обоснованным, так как судьба потерпевшего полностью зависит от судейского усмотрения, судом могут быть не приняты во внимание определенные детали произошедшего. При квалификации необходимой обороны, прежде всего, следует учитывать, что у потерпевшего не было умысла на причинение вреда жизни и здоровью посягающего. Напротив, именно посягающим было применено насилие в отношении потерпевшего, то есть он действовал с умыслом. Поэтому в каждой конкретной ситуации необходимо оценивать все значимые детали совершенного посягательства, субъективные факторы.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, повлекшее по неосторожности смерть посягавшего лица, квалифицируется только по части 1 статьи 114 УК РФ. Не влечет уголовную ответственность умышленное причинение легкого вреда здоровью посягавшего лица либо нанесение побоев, а также причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства.

Итак, при квалификации необходимой обороны правоприменительные органы сталкиваются с определенными проблемами, обусловленными, прежде всего, оценочным характером ряда понятий, фигурирующих в ст. 37 УК РФ. Многие вопросы правовой оценки действий, совершаемых при защите или в связи с защитой от преступного нападения, решаются следственными, прокурорскими и судебными органами по-разному, а иногда по одному и тому же делу различные судебные инстанции принимают противоположные решения.

Согласно исследованиям, в правоприменительной практике по уголовным делам, за последние несколько лет более чем в 50 % случаях действия лиц, которые соответствовали критериям правомерности необходимой обороны или относились по признакам превышения пределов необходимой обороны, органы предварительного следствия квалифицировали по ст. 105 или 111 УК РФ. Такая статистика еще раз отражает сложность данного института.

Главная проблема заключается не в недостатках положений уголовного законодательства о необходимой обороне, а в ее неоднозначном толковании правоприменительными органами. Практически всегда в судебной практике вопреки требованиям и духу уголовного закона предполагается превышение пределов необходимой обороны. Особенно значимыми являются ситуации, когда лицо защищает себя и свою семью от насилия, а впоследствии оно привлекается к уголовной ответственности. Избежать уголовной ответственно бывает возможно нередко только в случае, когда ситуация приобрела общественный резонанс.

Таким образом, при квалификации необходимой обороны правоприменительные органы сталкиваются с

определенными проблемами, обусловленными, прежде всего, оценочным характером ряда понятий, фигурирующих в ст. 37 УК РФ. Необходимо на законодательном уровне чётко определить и закрепить все факторы, свидетельствующие о необходимой обороне, и обязать суды их учитывать. Также следует подвергнуть корректировке и уточнению понятие соразмерности. Так, к примеру, при неравных физических данных использование обороняющимся оружия против значительно превосходящего по силе нападающего должно быть признано правомерным и законным вне зависимости от последствий такого применения. Также должны быть максимально конкретизированы все абстрактные понятия.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022)

2. Карпов, Н.Н., Клейн, А.Ю. Необходимая оборона: проблемы квалификации и применения / Н.Н. Карпов, А.Ю. Клейн // Вестник образовательного консорциума «Среднерусский университет». - 2018. – № 12. – С. 38-40.

Лыкова Н.В., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО Липецкий государственный технический университет, Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Ю.И. Дук.

Lykova N.V., Master's student
Russia, Lipetsk State Technical University, Lipetsk Branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor Y.I. Duk.

ГРАБЕЖ, ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФОРМИРОВАНИЮ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

ROBBERY, WAYS TO COUNTER THE FORMATION OF CRIMINAL BEHAVIOR

Аннотация.

Статья посвящена вопросам влияния причин и условий на формирование криминального поведения населения и создания условий способствующих совершению грабежей. Авторы проанализировали состояние и динамику всей регистрируемой преступности и грабежей в Российской Федерации с целью установления количественных характеристик и доли грабежей в общем объеме преступности. Особое внимание уделили причинам и условиям, способствующим формированию криминального поведения и совершения грабежей. Авторами разработаны предложения по снижению уровня криминализации населения нашей страны.

Abstract.

The article is devoted to the influence of causes and conditions on the formation of the criminal behavior of the population and the creation of conditions conducive to the commission of robberies. The authors analyzed the state and dynamics of all registered crime and robberies in the Russian Federation in order to establish quantitative characteristics and the share of robberies in the total crime. Particular attention was paid to the causes and conditions that contribute to the formation of criminal behavior and the commission of robberies. The authors have developed proposals to reduce the level of criminalization of the population of our country.

Ключевые слова: преступность, криминализация населения, грабеж, причины, условия, противостояние.

Keywords: crime, criminalization of the population, robbery, causes, conditions, confrontation.

Мировое сообщество в настоящий период времени переживает очередные потрясения, причины которых лежат в глубоком историческом прошлом и постоянно обостряются в периоды возрождения однополярного мира. Инициаторами однополярного мира выступают западные страны во главе с США, провозгласившие себя мировыми властителями, остальному международному сообществу они уготовили роль своих вассалов или колоний. Большая часть мирового сообщества не согласна с таким мироустройством и выступает против. Не устраивает и Российскую Федерацию, которую западные страны во главе с США вынудили начать специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации Украины,

предварительно накачав ее вооружением и развратив народ Украины националистическими и фашистскими идеологиями. Все это направлено на уничтожение России для последующего ее разграбления как происходило в историческом прошлом не раз. Разграблению подлежат и все остальные государства постсоветского пространства оставшиеся без поддержки России. Ведение такой сложной военной операции требует от нашей страны, от всего населения, от всего государственного аппарата, общественных организаций и объединений, российского бизнеса корректировки, а во многих случаях разработки новых общественных отношений в самых разнообразных областях жизнедеятельности нашего общества. Особое внимание, на наш взгляд, необходимо обратить на внутригосударственные проблемы, мешающие не только успешно завершить специальную военную операцию, но и двигаться более динамично по пути развития нашего государства. Одной из существенных проблем является преступность. Ее высокий уровень и неустойчивая динамика существенно мешает развитию позитивных процессов в нашей стране.

Реформы, начавшиеся в девяностые годы прошлого столетия, спровоцировали достаточно большое количество социальных, экономических и иных потрясений, с последствиями которых мы сталкиваемся до сих пор. Их противоречивость и нестабильность особенно в социально-экономической сфере за последние десятилетия породили множество диспропорций, явившихся криминогенными факторами, что обусловило рост уровня преступности в несколько раз, а в отдельные годы в несколько десятков раз. При этом наибольшую опасность представляют тяжкие и особо тяжкие преступления, наличие высокого уровня

рецидива, проникновение организованной преступности во властные структуры и большая доля преступлений, связанных с завладением чужого имущества в общем объеме зарегистрированной преступности.

Многие российские ученые, в частности, В.Д. Рожков отмечали, что с середины 90-х годов в России просматривается тенденция к росту открытых форм завладения чужим имуществом – грабежей и разбоев, способом совершения которых является насилие, представляющее собой повышенную социальную опасность [1, с.187.].

Выход из «лихих девяностых» не ознаменовался снижением уровня и динамики преступности, так, например, по данным МВД РФ в 2004 году около половины вех зарегистрированных преступлений у нас в стране составляли корыстные и корыстно-насильственные. Среди них: кражи – 1276880 преступлений при этом рост к предыдущему году составил 11%, грабежи – 251433 рост 27%, разбои – 55448 рост 13%, мошенничества – 126047 рост 44%. Если обратиться к статистическим данным МВД РФ, то можно наблюдать следующую динамику уровня регистрируемой преступности в нашей стране, в том числе грабежей.

Таблица 1. Динамика регистрируемой преступности в Российской Федерации

	1987	1991	2003	2007	2021
Всего зарегистрировано	1185914	2167964	2756398	3582541	2004404
Грабежей	30441	101956	198036	295071	31456

Анализируя динамику регистрируемой преступности, мы видим, что ее уровень 2021 года является достаточно высоким и превышает уровень середины «перестроечного» периода восьмидесятых годов прошлого столетия практически вдвое.

Необходимо исходить из того, что общественная опасность любого преступления находится в прямой зависимости от его распространенности. Увеличение общественно опасных деяний, к которым, безусловно, относится и грабеж свидетельствует, что общественным отношениям может быть причинен повышенный ущерб. Этим показателем государство извещается об опасности и необходимости усилить предупредительное воздействие уголовного закона на лиц, способных совершить общественно опасное деяние [4, с.4-5.].

Действительно опасность, которую представляют тяжкие и особо тяжкие преступления подвергать, сомнению не приходится в силу определения их таковыми на государственном уровне. Государство достаточно четко определило уголовную ответственность в отношении лиц, совершивших грабеж и закрепило ответственность в нормах уголовного законодательства Российской Федерации за данное преступное деяние. При этом эффективность уголовно-законодательной базы по противодействию грабежей напрямую зависит от знаний причин и условий, формирующих криминальное поведение человека. Исследование причин и условий преступности, а также преступного поведения при совершении грабежей находятся в поле зрения ученых и специалистов практически во всех странах мирового сообщества, Российская Федерация не является исключением. В нашей стране учеными проделана огромная работа в

исследовании корыстных посягательств, к которым относится и такое криминальное посягательство как грабеж. По их мнению, основными причинами влияющими, на совершение грабежей являются:

1) наличие в близком окружении, лиц пропагандирующих прямо или косвенно корыстно-паразитическое отношение к окружающему миру, наличие пропагандистов «романтики» преступного мира и «красивой жизни». Такое окружение вырабатывает у молодого человека стойкую паразитическую мотивацию, формирующую уклонение от общественно полезного труда, службы в Вооруженных силах, желание пожить за чужой счет. Все это приводит к приобретению стойких антисоциальных привычек, пьянству, употреблению наркотиков, увлечению азартными играми. Данный образ жизни, основанный на удовлетворении такого рода потребностей, требует ежедневного наличия достаточно крупных денежных средств, источником которых в подавляющем большинстве случаев является криминал;

2) формирование в социальной среде психологии накопительства (вещизма). Данный фактор создает ложные ценности, ставя на первое место не духовное богатство человека, а материальное. Средства массовой информации и иные источники формируют определенный стереотип «успешного» человека, определяя его значимость в обществе исключительно наличием дорогих вещей. Однако, приобретение дорогих автомобилей, квартир, загородных дач, яхт и иных предметов роскоши невозможно за короткий промежуток времени законным путем;

3) деформация морально-нравственных ценностей. Данный фактор характеризует деформацию сознания

человека, ломает устоявшиеся веками ориентиры и способствует этому изменению снова окружающая среда. Немаловажная роль в этом формировании отводится экономике и если она основана на разделении, членов общества на очень богатых и очень бедных, причем первых единицы, а вторых миллионы, то это обязательно приведет к социальному неравенству и криминализации населения. Пропаганда культа насилия, жестокости, порнографии идей вседозволенности, подмена золотого фонда человеческой культуры низкопробным, пошлым «искусством» это прямой путь к криминализации населения;

4) распространение алкоголизма и наркомании в обществе. Влияние алкоголизма и наркомании является достаточно серьезным негативным явлением, влияющим на криминализацию населения нашей страны. Так в 2021 году по данным МВД РФ было выявлено 262452 лиц, совершивших преступление в алкогольном опьянении и 6620 находившихся в наркотическом опьянении [3]. Нередкими являются случаи совершения алкоголиками и наркоманами грабежей с целью приобретения алкоголя и наркотических средств.

Условия как показала практика, играют не менее важную роль, способствующую совершению грабежей:

1) слабая защищенность объектов и участков местности в границах, которых происходит преступное событие. Данное условие характеризуется слабой организации или упущениями в хозяйственной или организационно-управленческой деятельности органов местного самоуправления и организаций, осуществляющих управлением домовладениями. Отсутствие криминологической экспертиза при

проектировании любого строительства особенно в пределах населенных пунктов для исключения условий способствующих совершению преступлений. Отсутствие достаточного освещения территорий и домовладений, дворов, подъездов, автомобильных стоянок и т.д.. Слабая защищенность жилищ и иных хранилищ материальных ценностей, отсутствие или слабая система сигнализации и видеонаблюдения, отсутствие или ненадежность системы вызова сотрудников полиции. Отсутствие средств видео контроля посторонних лиц особенно в спальных районах;

2) отсутствие эффективной системы противодействия скупке краденого и его реализации. Одним из заслонов является ст. 175 УК РФ (Покупка или сбыт имущества, о котором заранее известно, что оно добыто преступным образом). Однако это не останавливает скупщиков краденого и грабитель, которые без особого труда реализуют похищенные вещи, продавая их практически за бесценок, чему способствует низкий уровень жизни и отсутствие морально-нравственных критериев у определенной группы населения нашей страны, скупающей похищенное.

3) беспечное отношение собственников к хранению своего имущества. Граждане в ряде случаев крайне небрежно относятся к сохранности своих материальных ценностей, что провоцирует потенциальный криминальный контингент на совершение хищений имущества, в том числе и открыто, особенно в отношении лиц, находящихся в алкогольном опьянении. Нередкими являются факты и отказа потерпевшим от подачи заявления по факту грабежа, что существенно

затрудняет или полностью исключает раскрытие грабежа.

Анализ причин и условий, способствующих совершению грабежей в нашей стране, перечисленных выше, позволяет сделать вывод о необходимости решения многих вопросов, но первоочередными, на наш взгляд, являются вопросы экономического характера, направленные на повышения жизненного уровня населения и обеспечения тотальной трудовой занятости для каждого гражданина позволяющей вести достойный образ жизни. Ведь именно разрушение экономических связей и рост безработицы в начале девяностых в нашей стране привели к резкому повышению уровня преступности и началу преступного передела собственности. Параллельно с экономическими вопросами необходимо решить вопросы воспитания и перевоспитания населения нашей страны, вывести из состояния корыстного отношения к окружающим и вещизму, паразитизму и тунеядству. Необходимо повысить морально-нравственный уровень населения, уничтожив культ насилия и вседозволенности и создать в государстве атмосферу всеобщего уважения и доброжелательности. Ведь грабеж по своей сути - это преступление, совершаемое тунеядцем из корыстных побуждений не имеющего ни каких морально-нравственных ориентиров, открыто бросающий вызов пренебрежения и отрицания государству и обществу. В этой связи нам необходимо вернуться к заветам наших предков, создавшим и отвоевавшим нам эту страну - жить, по совести, в мире и согласии с собой и обществом.

Список цитируемой литературы:

1. Рожков, В.Д. Вопросы практики расследования грабежей и разбойных нападений/ В.Д. Рыжков // Криминалистические чтения, посвященные 100 – летию со дня рождения профессора Б.И. Шевченко. Тезисы выступлений. М.: МАКС – Пресс, 2004. С. 187-191.

2. Преступность и правонарушения (1991-1995). Статистический сборник. – Москва: Министерство внутренних дел Российской Федерации, 1996. - 187 с.

3. Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс] /https://мвд.рф/dejatelnost/statistics URL: (дата обращения 18.09.2022 г.).

4. Зарипов, З.С., Кбулов, Р.К. Квалификация краж, грабежей, разбоев, совершенных путем проникновения в помещение или иное хранилище: лекция / З.С. Зарипов, Р.К. Кбулов – Ташкент: Ташкентская высшая школа МВД СССР, 1991. – 24 с.

Макарова М.Е., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М

Makarova M.E., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer Shagunova V.M.

УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА.

CRIMINAL PENALTIES IN THE STATES OF THE ROMANO-GERMANIC SYSTEM OF LAW.

Аннотация.

В статье раскрывается начала уголовного наказания в государствах романо-германской системы права.

Abstract.

The article reveals the beginning of criminal punishment in the states of the Romano-Germanic system of law.

Ключевые слова: преступление; наказание; система права; романо-германская система права; уголовное наказание.

Keywords: crime; punishment; system of law; Romano-Germanic system of law; criminal punishment.

Послевоенные годы в Германии характеризуются недостаточным количеством исправительных учреждений, перенаселением тюрем, проблемами, связанными с исполнением наказания в виде содержания под стражей, и отсутствием квалифицированного персонала.

В 1962 г. появляются положения о служебных обязанностях и исполнении наказаний, которые представляют собой единое административное распоряжение, действующее на всей территории Германии.

С 70-х годов наблюдается значительное улучшение обеспечения, исправительных учреждений. В 1972 г. Федеральный конституционный суд требует разработать правовые положения в отношении исполнения наказаний.

1 января 1977 г. вступает в силу Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы, а также связанных с ним мер исправления и безопасности (далее - Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы). Поправки, внесенные в него позднее, касались в основном голодовок, переписки осужденных, охраны их здоровья, а также данных, не подлежащих оглашению, и новых правил охраны труда.

Исполнение наказания в виде лишения свободы в Германии осуществляется в пенитенциарных учреждениях открытого и закрытого типа. В учреждениях открытого типа содержатся осужденные к кратким срокам. Сеть таких учреждений невелика. Основную часть пенитенциарной системы составляют тюрьмы закрытого типа. Законодательством

предусмотрены различные пенитенциарные заведения для взрослых преступников и лиц, не достигших 21 года. В некоторых землях выделены специальные заведения для заключенных в возрасте от 21 года до 25 лет. Раздельно содержатся впервые судимые и так называемые случайные рецидивисты и привычные преступники. Заключенные в зависимости от опасности их личности направляются в пенитенциарные заведения с разной степенью изоляции. Всего в Германии около 250 тюрем.

Особый порядок отбывания наказания установлен для малолетних правонарушителей, который с 1953 г. распространен и на лиц в возрасте до 21 года. Предусмотрено два вида учреждений, связанных с исполнением лишения свободы этих лиц: воспитание под надзором в закрытых заведениях и отбывание наказания по приговору в специализированных заведениях.

Все осужденные к лишению свободы на срок более шести месяцев находятся первые полгода во вступительном отделении в условиях строгого одиночного заключения. За это время производится обследование личности заключенного. Результаты обследования обсуждаются каждые два месяца. На основании данных предварительного изучения, проводимого во вступительном отделении, определяются форма заключения, вид работы, обучения, медицинский надзор, характер воспитательного, в том числе религиозного, воздействия.

В Германии исполнение наказаний регламентируется законодательством федеральных земель. Целостного законодательства страны в этой сфере нет, поэтому мы приводим описание исполнения наказания в виде лишения свободы в одной из земель —

Баварии. Бавария является одной из крупных федеральных земель, имеющей большой исторический опыт разработки законов в пенитенциарной сфере, практики исполнения наказания в виде лишения свободы.

1 января 2008 г. в федеральной земле Бавария вступил в силу Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы, об исполнении наказаний в отношении несовершеннолетних правонарушителей и исполнении превентивного заключения.

Согласно ст. 2 Закона об исполнении наказания в виде лишения свободы об исполнении наказаний в отношении несовершеннолетних правонарушителей и исполнении превентивного заключения исполнение наказания в виде лишения свободы призвано защищать общество от дальнейших преступлений и должно способствовать адаптации осужденного к жизни на свободе и корректировке его сознания, исключающего совершение дальнейших преступлений (задача-реабилитации).

Данная задача определяет обязанности для всех лиц, ответственных за исполнение наказания:

а) во время исполнения наказания в виде лишения свободы предпринять все возможные меры, чтобы предостеречь осужденного от совершения повторного преступления и подготовить его к жизни на свободе с осознанием социальной ответственности;

б) заботиться о безопасности законопослушного населения и защите общества от дальнейших преступлений.

В Баварии функционируют 36 исправительных учреждений (21 основное исправительное учреждение и 15 исправительных учреждений, подчиненных основным ИУ), а также 6 учреждений для содержания

несовершеннолетних правонарушителей. Для подготовки и переподготовки служащих, осуществляющих правосудие, в г. Штраубинге создана Баварская школа правосудия.

Исправительные учреждения федеральной земли Бавария: - основные исправительные учреждения; - исправительные учреждения, подчиненные основным ИУ; - учреждения, специализирующиеся на обучении осужденных; - учреждения для содержания несовершеннолетних правонарушителей. В исправительных учреждениях федеральной земли Бавария оборудовано 11 662 места, среди них: - 10 875 мест для мужчин (включая 843 места в исправительных учреждениях открытого типа), а именно: 7058 мест - одиночные камеры, 3817 - общие камеры; 787 - для женщин (включая 18 мест в исправительных учреждениях открытого типа), а именно: 473 места — одиночные камеры, 314 мест - общие камеры.

В последние годы в федеральной земле Бавария произошло увеличение численности осужденных. Так, в конце марта 2007 г. в исправительных учреждениях находилось 13 019 осужденных.

Существенными причинами таких изменений стали: - значительное увеличение численности осужденных, подданных других государств (лиц, находящихся под следствием и ожидающих вынесения решения суда, и осужденных, совершивших уголовно наказуемые деяния), после открытия границ с восточными странами; - усиливающаяся глобализация тяжкой преступности, особенно бандитизма, наркомании.

В настоящее время примерно 45 % лиц в Баварии, находящихся под следствием и ожидающих вынесения решения суда, являются гражданами других государств.

Относительно общего числа осужденных доля осужденных иностранных граждан составляет 30 %. По состоянию на 31 марта 2007 г. в исправительных учреждениях федеральной земли Бавария находилось 3806 осужденных из 108 государств.

Перелимит исправительных учреждений Баварии составляет 1357 человек. Администрация исправительных учреждений может лишь в незначительной мере влиять на соотношение вместимости ИУ и численности осужденных.

Список цитируемой литературы

1. Дворецкий М.Ю., Кузина А.А. Система наказаний в законодательстве Российской Федерации и Федеративной Республики Германии: проблемы эффективной реализации уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1 (117).
2. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / науч. ред. Д.А. Шестаков, пред. Г.-Г Йе-шек, пер. Н.С. Рачкова. СПб., 2003.
3. Преступность в странах мира. Информационно статистический портал. URL: http://stattur.ru/ joumal/20180227/ (дата обращения: 25.04.2019).
4. Жабский В.А. Наказания по уголовному законодательству зарубежных стран: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011.
5. Стромов В.Ю. Система уголовных наказаний: реализация и эффективность: дис. . канд. юрид. наук. Волгоград, 2009.

6. Есаков ГА., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М.: Проспект, 2009.

Марчуков Д.Г., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Иванова М.А.

Marchukov D.G., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Ivanova M.A.

ОБЩАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

GENERAL CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CORRUPTION-RELATED CRIMES

Аннотация.

Данная статья посвящена криминалистической характеристике коррупционных преступлений. В статье рассмотрены основные элементы криминалистической характеристики преступлений коррупционной направленности, к которым относятся способы совершения коррупционных преступлений, обстановка совершения преступления, личность преступника, цели и мотивы совершения преступления.

Abstract.

This article is devoted to the criminalistic characteristics of corruption crimes. The article considers the main elements of the criminalistic characteristics of corruption-related crimes, which include the methods of committing corruption crimes, the crime scene, the identity of the criminal, the goals and motives of the crime.

Ключевые слова: коррупционные преступления, способ совершения и сокрытия преступления; обстановка совершения преступления; личность преступника; цели и мотивы совершения преступления.

Keywords: corruption crimes, the method of commission and concealment of the crime; the situation of the commission of the crime; the identity of the criminal; goals and motives of the crime.

Криминалистическая характеристика должностных преступлений коррупционной направленности позволяет систематизировать сведения о значимых признаках данных преступлений для разработки типовой методики расследования.

Несмотря на различия уголовно-правовых характеристик и квалификации преступлений коррупционной направленности, все они входят в одну родственную в криминалистическом отношении группу преступлений. При этом для них характерно сходство не только в части ряда важных элементов и признаков криминалистических характеристик, но и принципов, подходов и средств противодействия.

Прежде всего, необходимо определить, что же относиться к преступлениям коррупционной направленности.

Под коррупционным преступлением Сотников К.И. понимает предусмотренное уголовным кодексом общественно опасное деяние, которое непосредственно посягает на авторитет и интересы государственной службы и выражается в противоправном получении государственным, муниципальным или иным публичным служащим, либо служащим коммерческой или иной организации имущества, материальных выгод, услуг, льгот в связи с незаконным предоставлением каких-либо преимуществ заинтересованным субъектам правовых и иных отношений [3, с. 76 – 77]. Это мнение теоретика, которое заслуживает внимание, но в нашем случае необходимо разобраться есть ли нормативное закрепление данного перечня?

Начнем с анализа действующего Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который, в первой статье определил перечень деяний, относимых к коррупционным: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение перечисленных деяний от имени или в интересах юридического лица [2, ст. 1]. Несмотря на предпринимаемые попытки законодателем, определить в специальном законе важные положения, решить данную проблему он не смог. В частности, отсутствует

исчерпывающий перечень коррупционных преступлений (открытые положения в виде «…иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства…») и их классификация.

Следующим серьезным шагом в сторону нормативного закрепления перечня преступлений коррупционной направленности предприняла Генеральная прокуратура Российской Федерации Министерство внутренних дел Российской Федерации, которая утвердила совместное Указание от 13 декабря 2016 года № 797/11/2 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» с приложением Перечня классификации коррупционных преступлений. Цель такой классификации заключалась в упорядочивании системы отчетности по рассматриваемым видам преступлений. Указанный нормативный правовой акт позволяет формировать статистическую отчетность. Согласно пункту 1 Перечня № 23 к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные ниже признаки:

1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к статье 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к статье 201 УК РФ;

2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;

3) обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

4) совершение преступления только с прямым умыслом. [1, п. 1]

Исключением служат преступления, хотя и не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды [1, п. 1].

Во втором пункте представлен перечень составов, содержащих данные признаки и относящихся к коррупционному перечню без каких-либо дополнительных условий. Это составы преступлений предусмотренные статьями 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ст. 204, 204.1, 204.2, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ [1, п. 2].

В третьем пункте сформулирован перечень преступлений, которые можно отнести только при наличии определенных условий: так, в пункте 3.1 указаны преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке основного

преступления отметки о его коррупционной направленности, деяния, предусмотренные статьями 174, 174.1; 175 УК РФ и частью 3 статьи 210 УК РФ.

В пункте 3.2 названы преступления, относящиеся к перечню в соответствии с международными актами при наличии в статистической карточке все той же отметки о его коррупционной направленности (ст.ст. 294, 295, 296, 302, 307, 309 УК РФ) [1, п. 3.2]. Преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления с корыстным мотивом, приведены в пункте 3.3 Указания, к которым относятся «Регистрация незаконных сделок с землей» (ст. 170 УК РФ), «Злоупотребление полномочиями» (ст. 201 УК РФ), «Злоупотребление должностными полномочиями» (ст. 285 УК РФ) и др.

В пункте 3.4 перечислены преступления, которые будут считаться коррупционными только в случае совершения их должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации (ч. 4 ст. 188, п. «в» ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.1, ч. 2 ст. 228.2, п. «в» ч. 2 ст. 229, чч. 3 и 4 ст. 229.1 УК РФ) [1, п. 3.4].

Согласно пункту 3.5 преступление будет считаться коррупционной направленности, если его совершит тот же субъект, перечисленный в пункте 3.4, но при этом с корыстным умыслом (частями 3 и 4 ст. 183, п. «б» ч. 4 ст. 228.1, п. «б» ч. 2 ст. 228.4, ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 258.1, п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 260, чч. 1 и 3 ст. 303, ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ) [1, п. 3.5].

В отдельный пункт 3.5.1 выделен состав преступления, предусмотренный пунктом «б» части 3 статьи 228.1 УК РФ, который будет считаться

коррупционным в случае возбуждения его после 1 января 2013 года и при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации и с корыстным мотивом [1, п. 3.5].

Пунктом 3.6 к коррупционным преступлениям относятся деяния при наличии в статистической карточке отметок о коррупционной направленности преступления, о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, с использованием своего служебного положения, например различные виды мошенничества, совершенные с использованием служебного положения (чч. 3, 4, 5, 6 и 7 ст. 159, чч. 3 и 4 ст. 159.1, чч. 3 и 4 ст. 159.2, чч. 3 и 4 ст. 159.3, ст. 159.4, чч. 3 и 4 ст. 159.5, чч. 3 и 4 ст. 159.6, чч. 3 и 4 ст. 160, чч. 3 и 4 ст. 229 УК РФ) [1, п. 3.6].

По аналогии в пункте 3.7 преступление, предусмотренное частью 5 статьи 228.1 УК РФ, относится к коррупционным при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, с использованием своего служебного положения и с корыстным мотивом [1, п. 3.7].

В пункте 4 указаны преступления, которые могут способствовать совершению преступлений

коррупционной направленности, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке сведений о совершении преступления, связанного с подготовкой, в том числе мнимой, условий для получения должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества либо незаконного представления такой выгоды (ст. 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.4, 159.5, 159.6 (за исключением случаев, указанных в п. 3.6), ст. 169, 178, 179 УК РФ) [1, п. 4].

Фактически какой-либо конкретной системы отнесения преступления к категории коррупционной направленности, по мнению автора, в этом документе не прослеживается. В нем даны признаки деяний данной категории, а в пунктах перечислены составы преступлений, которые либо по своей сути являются коррупционными или могут иметь коррупционную направленность при наличии каких-либо дополнительных признаков, в том числе не указанных в пункте 1, например отметок в статистической карточке.

Таким образом, можно сделать вывод, что представленный выше документ является основным источником, позволяющим выделить преступления коррупционной направленности из общей массы преступных деяний по характерным признакам, также используемых для формирования статистической отчетности. И предварительно определить, что коррупционные преступления – это собирательное понятие, включающее в себя общественно опасные противоправные деяния, совершаемые при непосредственном участии в самом посягательстве должностного лица, использующего с корыстной целью

свои служебные права, полномочия, служебное положение [3, с. 82].

Анализируя характеристики отдельных видов преступлений, входящих в рассматриваемую группу, можно свидетельствовать об их сходстве в части основных сторон механизма совершения преступления, следообразования, источников информации, необходимой для установления обстоятельств совершенного деяния. Такое сходство не является случайным. Оно обусловлено проявлением специфических для всех анализируемых преступлений, единых по своей сути закономерностей. Важнейшими, определяющими среди них являются, во-первых, закономерная связь коррупционных преступлений с деятельностью должностного лица; во-вторых, закономерности осуществления этой деятельности и ее отражения в документах; в-третьих, последствия – существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых интересов общества или государства

Поскольку рассматриваемые преступления совершаются в процессе деятельности должностных лиц, то способ их совершения и отражения во многом предопределяется действием закономерностей объективной действительности и внутренних психических процессов и состояний должностного лица, детерминирующих решение совершить преступление. Полагаем, именно этим и объясняется тот факт, что основными типичными источниками сведений, данных, используемых при расследовании преступлений коррупционной направленности, являются:

1) юридические и физические лица, непосредственно взаимодействующие с должностным лицом;

2) документы, отражающие незаконную деятельность должностного лица и деятельность граждан и организаций, и другие материальные объекты, выступающие в качестве предметов, результатов указанной деятельности и средств реализации ее целей;

3) результаты оперативно-розыскной деятельности, заключения и показания специалистов, осуществляющих документальные и иные проверки, административно-правовые расследования (служебные расследования и разбирательства), заключения и показания судебных экспертов.

Анализирую точки зрения различных ученых можно выделить обстоятельства, которые объединяют все виды преступлений рассматриваемой группы:

1) общая область реализации деятельности должностных лиц;

2) специальный субъект – должностное лицо;

3) криминальная активность указанных субъектов реализуется в связи с решением задач и обязанностей путем нарушения установленных уголовным законом запретов или (и) путем нарушения правил нормативного характера, регулирующих осуществляемый вид деятельности;

4) деятельность указанных субъектов сопряжена с функционированием государственных и муниципальных органов и учреждений;

5) ключевым средством достижения преступного результата при этом служит деятельность, направленная на сокрытие, незаконного характера

деятельности, либо осуществление деятельности на законных основаниях за незаконное вознаграждение;

6) сходство в основных, принципиальных чертах механизма подготовки, совершения, сокрытия и отражения преступной деятельности;

7) сходство типичных носителей и источников отражательной (следовой) информации.

Таким образом, в зависимости от характера поставленных задач, могут предлагаться различные классификации коррупционных преступлений. Однако все они должны обладать непременными признаками коррупционного преступления: участие специального субъекта, использование служебного положения в личных целях; корыстный характер деяния; участие в преступлении заинтересованных организаций или юридических лиц; близких родственников; наличие в действиях сторон подкупа и др.

Список цитируемой литературы:

1. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генпрокуратуры России N 797/11, МВД России N 2 от 13.12.2016

2. О противодействии коррупции : федер. закон Рос. Федерации от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 декабря 2008 : одобр. Советом Федерации Федер.Собр. Рос. Федерации 22 декабря 2008

3. Сотников К.И. Противодействие коррупции : социально-правовые и криминалистические аспекты : моногр. – СПб.: РПА Минюста России, 2019. – 261 с.

Мешков А.М., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель., Шагунова В. М.

Meshkov A.M., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer., Shagunova V.M.

КРИТЕРИИ ПРИЗНАНИЯ ДЕЯНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ
CRITERIA FOR RECOGNIZING AN ACT AS A CRIME IN CRIMINAL LAW: PROSPECTS AND CHALLENGES

Анотация.

В уголовном праве одним из ключевых вопросов является определение, что именно считается преступлением. Для этого существует ряд критериев, на основе которых суды и правоприменительные органы определяют, было ли совершено деяние, которое следует квалифицировать как преступление. Однако в последнее время возникают вопросы и вызовы в отношении этих критериев и их применения. В данной статье мы рассмотрим основные критерии признания деяния преступлением в уголовном праве, а также перспективы и вызовы, связанные с их применением.

Abstract.

In criminal law, one of the key issues is the definition of what exactly is considered a crime. To do this, there are a number of criteria on the basis of which courts and law enforcement agencies determine whether an act has been committed that should be classified as a crime. However, recently there have been questions and challenges regarding these criteria and their application. In this article, we will consider the main criteria for recognizing an act as a crime in criminal law, as well as the prospects and challenges associated with their application.

Ключевые слова: преступление; сущность преступления; признаки преступления; состав преступления; уголовное право; противоправность; общественная опасность; вина; наказание; деяние; поведение.

Keywords: crime; essence of the crime; features of a crime; corpus delicti; criminal law; wrongfulness; public danger; guilt; punishment; act; behavior.

Основные критерии признания деяния преступлением в уголовном праве:

1. Общественная опасность деяния. Один из основных критериев признания деяния преступлением заключается в определении степени его общественной опасности. Следует отметить, что общественная опасность деяния может быть связана не только с его последствиями, но и с самой сущностью деяния, его целями и мотивами. Таким образом, общественная опасность может быть как прямой, так и косвенной, и определяется с учетом социальных, экономических и политических условий[1. ст. 14].

2. Не законность деяния. Для того чтобы деяние было признано преступлением, оно должно быть

противозаконным. Это означает, что оно должно быть запрещено законом, а также должно быть предусмотрено уголовной ответственностью. Кроме того, существует принцип невиновности, согласно которому никто не может быть признан виновным в совершении преступления, если такое преступление не было установлено законом на момент его совершения.

3. Вина субъекта. В уголовном праве вина является одним из важнейших критериев признания деяния преступлением. Для того чтобы деяние было квалифицировано как преступление, необходимо, чтобы субъект был виновен в его совершении. Вина, в свою очередь, может быть различной степени тяжести, и это также учитывается при определении квалификации[2. ст. 49].

Перспективы и вызовы в применении критериев признания деяния преступлением

Не смотря на то, что вышеупомянутые критерии являются ключевыми в уголовном праве, в последнее время возникают вызовы и перспективы в их применении. Среди них можно выделить следующие:

1. Влияние новых технологий и социальных изменений. С развитием технологий и изменением социальных условий возникают новые виды преступлений, которые ранее не были известны или не были квалифицированы как преступления. Это вызывает необходимость в пересмотре и адаптации критериев

2. Неоднозначность критериев. В связи с тем, что критерии признания деяния преступлением являются неоднозначными и подвержены толкованию, существует риск ошибочного

3. Необходимость баланса между правами и свободами человека и общественной безопасностью. В

уголовном праве необходимо учитывать и права и свободы человека, и общественную безопасность. В связи с этим возникают сложности в применении критериев признания деяния преступлением, так как необходимо найти баланс между этими двумя аспектами.

Также стоит отметить, что существуют различные точки зрения на определение критериев признания деяния преступлением. Например, некоторые авторы подчеркивают необходимость учитывать общественную опасность деяния, тогда как другие авторы считают, что важно учитывать мотивы и цели действия. Есть и те, кто утверждает, что критерии должны учитывать только объективные характеристики деяния, такие как причиненный ущерб или наличие насилия, в то время как другие придерживаются субъективной теории преступления, согласно которой деяние является преступлением только в том случае, если у лица было преступное намерение.

Важно также учитывать различия между национальными законодательствами и культурными традициями. Некоторые критерии признания деяния преступлением могут быть приняты в одной стране, но не применяться в другой, из-за различий в правовых традициях и национальных обычаях. Это могут быть вызовы для разработки универсальных критериев, пригодных для использования в различных культурах и национальных законодательствах.

Таким образом, можно сделать вывод, что критерии признания деяния преступлением являются важной темой для исследования в уголовном праве. Они должны учитывать не только объективные характеристики деяния, но и мотивы и цели действия, а также соответствовать современным вызовам и

перспективам. Однако, при разработке критериев необходимо учитывать различия между национальными законодательствами и культурными традициями, чтобы предотвратить ошибки в их толковании.

Для разработки эффективных критериев признания деяния преступлением необходимо также учитывать принципы справедливости и правопорядка, а также защиты прав и свобод граждан. Один из способов разработки критериев - проведение исследований, которые позволяют оценить социальную опасность деяния и учитывать социальные факторы, такие как возраст, социальный статус, образование и т.д.

Кроме того, для уточнения критериев признания деяния преступлением в уголовном праве необходимо использовать опыт других стран и законодательств, а также практику правоприменения в конкретных ситуациях. Это позволит уточнить и дополнить существующие критерии и сделать их более эффективными для современного общества.

Также важно отметить, что разработка критериев признания деяния преступлением должна осуществляться в тесном сотрудничестве с научными и практическими экспертами в области уголовного права, а также с участием представителей общественности и правозащитных организаций. Это поможет учесть различные точки зрения и обеспечить максимальную общественную поддержку для разработанных критериев.

В заключении можно сказать, что разработка эффективных критериев признания деяния преступлением является важной задачей для уголовного права. Критерии должны учитывать не только объективные характеристики деяния, но и мотивы и цели действия, а также соответствовать современным

вызовам и перспективам. Разработка критериев должна проводиться с учетом принципов справедливости и правопорядка, а также с участием научных и практических экспертов и общественности.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.
2. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

Мещерякова Я.О., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.п.н., доцент
Егоров В.А.

Mesheryakova Y.O., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Pedagogical sciences, Associate Professor
Egorov V.A.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH QUALITY

Аннотация.

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные со снижением качества криминологических исследований и публикаций, падением престижа и востребованности криминологии, а также с осознанием необходимости серьезных перемен.

Abstract.

The article deals with topical issues related to the decline in the quality of criminological research and publications, the decline in the prestige and relevance of

criminology, as well as awareness of the need for serious changes.

Ключевые слова: криминология, наука, публикации, законодательство, правоприменительная практика.

Keywords: criminology, science, publications, legislation, law enforcement practice.

Представляется интересным рассмотреть те проблемы, которые в настоящее время возникают в ходе проведения прикладных криминологических исследований, связанные с тематикой, методологией таких исследований, внедрением их результатов в практическую деятельность правоохранительных и иных государственных органов.

А.Н. Варыгин указывает, что: «Изучение преступности осуществляется, прежде всего, путем проведения криминологических исследований.

Криминологическое исследование можно определить, как последовательные, научно-обоснованные действия криминологов по решению стоящих перед ними задач (изучение преступности, ее причин и условий, личности преступников, разработка мер предупреждения преступности и конкретных преступлений)»[2, с. 147]. Фактически любое криминологическое исследование носит прикладной характер, так как в конечном итоге его результаты направлены на практику борьбы с преступностью: предупреждение преступности или ее разновидностей, воздействие на лиц, совершающих преступления.

В последние годы важность криминологических исследований в обществе, несомненно, возрастает, что связано с изменениями преступности, появлением новых малоисследованных видов преступлений,

вовлечением в преступную деятельность новых слоев населения страны, изощренностью преступников и, как не обидно, – неспособностью порой правоохранительных органов противостоять криминалу. В.В. Панкратов полагает, что: «В российской криминологии методы исследования элементов, составляющих ее предмет, проработаны в недостаточной степени. В основном им уделяется внимание в учебниках криминологии в разделах о предмете и методе данной социально-правовой науки. Специальных трудов по методам криминологии явно недостаточно. Кроме того, они посвящены разным видам преступности»[5, с. 122]. Методы, используемые при исследовании конкретных видов преступности, ее детерминант, личности преступников, предупреждения преступности в целом и ее отдельных видов рассматриваются, как правило, во введениях диссертаций, а при описании этих методов их специфика, как правило, не выделяется. Методы криминологии включают в себя три относительно самостоятельных, однако взаимосвязанных между собой явления: методологию, общенаучные и частнонаучные методы познания.

По мнению В.Г. Афанасьева: «Методология познания как таковая представлена в виде либо диалектического, либо метафизического метода.

Если отвлечься от терминологических разногласий в характеристике этих методов в работах различных исследователей, то можно отметить, что диалектический метод предполагает познание природных или общественных явлений в их постоянном качественном изменении.

Напротив, метафизический метод предполагает познание этих явлений как неизменных в своей

сущности либо в развитии только форм проявления этой сущности»[1, с. 10]. «Применение диалектического метода при изучении социальных явлений предполагает изучение их развития во взаимосвязи и взаимозависимости в конкретно-исторических условиях»[8, с. 420].

Р.А. Сабитов считает: «Применение метафизического метода познания не отрицает необходимости изучения социальных явлений в этих условиях.

Однако диалектика рассматривает их качественное изменение, метафизика же признает неизменность их сущности и изменение только форм ее проявления. В криминологических исследованиях используются и диалектика, и метафизика»[6 с. 148]. «Применение метафизического метода познания не отрицает необходимости изучения социальных явлений.

Различие в подходах диалектического и метафизического методов познания состоит в концепциях определения преступления»[9, с. 185], а именно в его формальном или материальном определении, а также в характеристике детерминант преступности, понимании личности преступника и проблем предупреждения преступности. Отметим, что все исследователи не отрицают необходимости рассмотрения исторического подхода к этим понятиям.

Однако одностороннее использование методов диалектики сказалось на том, что некоторые исследователи отстаивают формальный подход к определению понятия преступления, наиболее часто применяемый в уголовных законодательствах различных стран. Они утверждают, что: «Преступлением является такое поведение человека,

которое указано в уголовном законе в качестве такового, и только»[3, с. 242].

В качестве общенаучных методов исследования в криминологии применяются общенаучные походы и теории среднего уровня.

Наибольшее распространение в исследованиях преступности получили «системный подход и философское учение о человеческой деятельности»[7, с. 286].

Среди частных методов исследования, разработанных в основном социальными науками, применяются прежде всего статистические и социологические методы. Статистические методы применяются для характеристики количественно-качественных показателей преступности (состояния, структуры, динамики, вреда). При этом специфика статистических методов состоит в ограниченной возможности получения с их помощью информации о преступности, поскольку уголовная статистика оперирует только данными о зарегистрированной преступности, отраженной в документах первичного учета. Преступления, образующие латентную преступность, статистическими методами описаны быть не могут.

Среди социологических методов при изучении преступности используются различные виды опросов лиц, совершивших преступления, их родных и близких, населения (анкетирование, беседа, интервью), экспертная оценка для выявления мнения судей, сотрудников прокуратуры и правоохранительных органов о состоянии и противодействии преступности, анализ документов (документов первичной и вторичной статистики, уголовных дел, учетно-профилактических дел, дел оперативного учета и т.д.), наблюдение за

преступной средой и деятельностью органов уголовной юстиции по противодействию преступности.

Метод сравнительного правоведения применяется для сравнения отечественного уголовного и иного законодательства, создающего правовые основы противодействия групповой преступности, и соответствующего зарубежного законодательства с целю заимствования позитивного правового опыта. Логико-языковой метод, основанный на сочетании правил формальной логики и языка, применяется для содержательного анализа уголовно-правовых и криминологических терминов с точки зрения адекватности отражения ими конкретных проявлений преступности. Математические методы изучения преступности в криминологических исследованиях широкого применения не получили. Как указывает А.Э. Жалинский: «Практика показала, что использование их в отдельных исследованиях не дало каких-либо ощутимых результатов для развития криминологии и практики противодействия преступности. Исследователи объясняют это тем, что преступность как любое социальное явление не может быть описана и объяснена вне системы моральных оценок и ценностей»[4, с. 41].

Интеграция методологии, общенаучных и частнонаучных методов познания, особенности их применения при исследовании конкретных криминологических проблем образуют методику криминологического исследования. О такой методике можно говорить применительно к исследованию групповой преступности. Для изучения преступных и криминогенных объединений применяются социометрические и стратометрические методики.

Итак, методы криминологии включают в себя методологию познания элементов предмета криминологии (философию познания в виде диалектики и метафизики), общенаучные методы познания (общенаучные подходы познания или теории среднего уровня) и частнонаучные методы познания (конкретные методы, разработанные в основном социальными науками). Сочетание методологии, общенаучных и частнонаучных методов познания образует методику исследования предмета криминологии.

Таким образом, по итогам заключительной главы были сформулированы основные выводы.

Проблема методологии криминологических исследований достаточно сложна и дискуссионна, требует дальнейшего научного анализа, а также, что самое главное, – учета и использования новейших методов и методик исследований, выработанных другими науками.

Фундаментальные научные исследования – экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, государства, окружающей природной среды.

Многие исследователи в криминологии критически оценивают целесообразность новых подходов к методологии исследования правонарушений и преступности, поскольку именно преступность является весьма сложным многомерным социальным феноменом объективной реальности. В таких условиях, когда динамично изменяются масштабы и формы преступности ученым-криминологам требуется определить направления исследований, теоретический

подход и концепцию фундаментальной криминологии на дальнейшую перспективу.

Список цитируемой литературы:

1. Афанасьев, В.Г. Основы философских знаний. – Москва : Мысль, – 1987. – С. 10.
2. Варыгин, А.Н. Основы криминологии и профилактики преступлений: учеб. пособие. – Москва : Юрайт, – 2019. – С. 147.
3. Гилинский, Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. – Санкт–Петербург : : Юрид. центр Пресс, – 2004. – С. 242.
4. Жалинский, А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико–инструментальный анализ. – Москва: Проспект, – 2009. – С. 41.
5. Панкратов, В.В. Методология и методика криминологических исследований. – Москва : Юрид. лит., – 1972. – С. 122.
6. Сабитов, Р.А. Основы научных исследований. – Челябинск : Челябинск. юрид. ин–т МВД России, – 2006. – С. 148.
7. Фадеев, В.Н. Логическое обоснование предмета неоклассической криминологии // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 3. – С. 286.
8. Фадеев, В.Н. Российская криминология на перепутье // Российский криминологический взгляд. – 2013. – № 3. – С. 420.
9. Шеслер, А.В. Понятие преступления в российском уголовном законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 2. – С. 185.

Минаева М.И., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Minaeva M.I., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ О НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: ОСНОВАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ

FORENSIC MEDICAL EXAMINATION IN CASES OF VIOLENT ACTS OF A SEXUAL NATURE: THE BASIS, FEATURES, PROCEDURAL ORDER OF APPOINTMENT AND CONDUCT

Аннотация.

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с понятием, сущностью и назначением судебной экспертизы. Определено, что при расследовании насильственных преступлений наиболее проблемной и часто назначаемой является судебно-медицинская экспертиза живых лиц. Представлены

возможности судебно-медицинских экспертиз живых лиц.

Abstract.

The article considers the issues related to the concept, the essence and purpose of forensic examination. The author states that when investigating violent crimes forensic medical examination of persons alive is the most problematic and frequently-set expertise. The possibilities of forensic medical examinations of living persons are presented.

Ключевые слова: судебная экспертиза, насильственные преступления, судебно-медицинская экспертиза.

Keywords: forensic expertise, violent crimes, forensic medical examination.

Разрешение вопросов при расследовании преступлений нередко требует применения специальных знаний в определенной области науки, технике или ремесле. Такие вопросы разрешаются экспертами – субъектами, обладающими соответствующими специальными знаниями и наделенные в этих целях соответствующими полномочиями [10, с. 305]. При этом реализация специальных знаний может протекать в двух формах: процессуальной и непроцессуальной (организационной). Наиболее важным видом процессуальной формы применения специальных знаний является назначение и производство судебной экспертизы. В процессе расследования преступлений, несомненно, важную роль играют судебные экспертизы. Законодателем уделяется большое внимание судебной

экспертизе, процессуальному порядку и обязательным случаям ее назначения, правам и обязанностям экспертов, правам подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, комиссионному, комплексному, дополнительному и повторному характеру, а также процессуальному порядку оформления экспертиз, содержанию и доказательственному значению экспертных заключений, условиям, при которых они не могут быть признаны по уголовному делу в качестве источников доказательств. Не вдаваясь в полемику с мнениями ученых относительно определения понятия «судебная экспертиза», укажем, что оно закреплено в ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в котором указано на то, что судебная экспертиза представляет собой процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания лицом, производящим дознание, следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [5]. С учетом сказанного сущность судебной экспертизы заключается в том, что это следственное действие, назначаемое к производству в соответствии с требованиями закона и осуществляемое в установленной форме, исследование вещественных доказательств и других выявленных при расследовании преступлений материалов и объектов, которое проводится на основании мотивированного постановления органа расследования незаинтересованным в исходе дела лицом, сведущим в

науке, технике или других специальных отраслях знаний, в целях составления обоснованного заключения по специальным вопросам, возникающим при расследовании уголовного дела [4]. Не менее важным для понимания сущности судебной экспертизы является уяснение юридических целей, для которых она используется. В соответствии с действующим законодательством экспертиза представляет собой средство получения доказательств. Заключение эксперта как доказательство – это совокупность фактических данных, содержащихся в его сообщении следователю и суду и установленных в результате исследования материальных объектов, а также сведений, собранных в уголовном деле, проведенного лицом, сведущим в определенной области науки, техники или иных специальных знаниях. Ход и результаты исследования фиксируются с соблюдением указанного в законе процессуального порядка. Оно проводится на основании специального задания органа расследования или суда [8, с. 161–162; 9, с. 700]. Как и любое следственное действие, назначение судебной экспертизы имеет этап подготовки, который включает в себя такие элементы, как определение вида судебных экспертиз и экспертного учреждения; формулирование задач экспертизы; определение объектов, подлежащих направлению на экспертное исследование; получение образцов для сравнительного исследования; составление постановления о назначении соответствующего вида судебных экспертиз. В зависимости от того, какие вопросы необходимо разрешить и какие объекты будут направлены на экспертное исследование, следователь определяет вид судебной экспертизы. Данное действие заключается в том, что следователь выявляет, в соответствии с приложением № 2 к приказу МВД

России от 29 июня 2005 г. № 511, подходящий вид судебной экспертизы. В случае отсутствия того или иного вида экспертного исследования следователю необходимо обратиться в иные государственные судебно-экспертные учреждения России. В настоящее время система государственных судебно-экспертных учреждений в России представляет собой широкую сеть соответствующих учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, соответствующие учреждения имеются также в Федеральной службе безопасности Российской Федерации, Министерстве обороны Российской Федерации и т. д. Определившись с видом судебной экспертизы, следователь должен разрешить вопрос о том, в какое экспертное учреждение будет направлено постановление о назначении и производстве судебной экспертизы. Большинство судебных экспертиз производится в государственных судебно-экспертных учреждениях. По делам о насильственных преступлениях, как правило, назначаются судебные экспертизы, которые относятся к криминалистическим, медицинским и психофизиологическим классам. В зависимости от конкретных ситуаций по указанной категории преступлений могут назначаться и другие судебные экспертизы. Как правило, класс криминалистических судебных экспертиз представлен такими видами, как судебная дактилоскопическая экспертиза, судебная трасологическая экспертиза, экспертиза материалов, веществ и изделий (физико-химическая), судебная баллистическая экспертиза, экспертиза холодного и метательного оружия. Класс медицинских и психофизиологических судебных

экспертиз представлен такими видами, как судебно-медицинская экспертиза трупа, судебно-медицинская экспертиза живых лиц, судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств биологического происхождения, судебно-психиатрическая экспертиза, судебно-психологическая экспертиза. Проанализировав практику расследования преступлений против жизни и здоровья (причинение вреда здоровью, побои, истязания и др. (гл. 16 УК РФ), против половой свободы и неприкосновенности личности (изнасилование, насильственные действия сексуального характера (гл. 18 УК РФ), мы пришли к выводу, что наиболее проблемной и часто назначаемой является судебно-медицинская экспертиза живых лиц. В соответствии с ч. 1 ст. 58 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинской экспертизой является проводимое в установленном порядке исследование, направленное на установление состояния здоровья гражданина в целях определения его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также установления причинноследственной связи между воздействием какихлибо событий, факторов и состоянием здоровья гражданина. В части 2 рассматриваемой статьи законодатель указывает на то, что в Российской Федерации проводятся следующие виды медицинских экспертиз: экспертиза временной нетрудоспособности, медико-социальная экспертиза, военно-врачебная экспертиза, судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы, экспертиза профессиональной пригодности и экспертиза связи заболевания с профессией, экспертиза качества медицинской помощи [6]. В систему судебно-

медицинских экспертных учреждений Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации входят Российский центр судебно-медицинской экспертизы, региональные (по субъектам) бюро судебно-медицинской экспертизы, бюро судебно-медицинской экспертизы городов Москвы и Санкт-Петербурга. Наиболее распространенными видами судебных экспертиз, которые производятся в системе органов здравоохранения Российской Федерации, являются судебная медицинская экспертиза (живых лиц, трупов, вещественных доказательств биологического происхождения) и судебная психиатрическая экспертиза [2]. Формулирование задач экспертизы определяется исходя из вопросов, которые необходимо разрешить при производстве судебной экспертизы. При этом следует помнить, что вопросы не должны выходить за рамки компетенции эксперта и не могут носить правового характера. Вопросы, разрешение которых возможно при производстве судебной экспертизы, должны отвечать таким требованиям, как определенность, конкретность, краткость, исключающим возможность их двоякого толкования. Также вопросы должны быть перечислены в логической последовательности, предусматривающей, что от решения предыдущих вопросов будет зависеть решение последующих. Кроме того, многие ученые указывают на то, что целесообразно обращаться за консультациями к специалистам или самим экспертам при формулировании вопросов [10, с. 311]. До назначения экспертизы следователь отбирает соответствующие объекты экспертизы. Последние находят свое закрепление в материалах уголовного дела и предусмотрены в уголовнопроцессуальном законодательстве как источник информации. К таковым относятся вещественные доказательства (ст. 81 УПК

РФ). Кроме вещественных доказательств для разрешения вопросов, поставленных эксперту, могут направляться и образцы для сравнительного исследования. В теории нет однозначного толкования, что понимается под образцами для сравнительного исследования. Последние представляют собой материальные объекты с фиксированными на них отражениями признаков другого объекта, предназначенные для сравнения с идентифицируемыми или диагностируемыми объектами (например, вещественными доказательствами) [10, с. 312]. В то же время более полное определение образца для сравнительного исследования предлагает Н. И. Долженко, под которым предлагает понимать «материальный объект, несомненно, происходящий от другого объекта и являющийся его частью либо отражающий его признаки, получаемый для проведения специальных исследований в целях идентификации или установления родовой (групповой) принадлежности идентифицируемого объекта, а также для установления других обстоятельств расследуемого преступления» [3, с. 6]. Основанием к назначению и производству судебно-медицинских экспертиз является наличие соответствующего постановления. Прибегая к возможностям судебно-медицинских экспертиз, можно решить ряд важных для расследования преступлений вопросов: о времени причинения телесных повреждений, причинах, характере и тяжести телесных повреждений, наличии и групповых признаках выделений человеческого организма и многих других [7, с. 526–541]. Назначение судебно-медицинской экспертизы в рамках уголовного судопроизводства произво- дится на основе и в соответствии с требованиями уголовно-процессуального

законодательства Российской Федерации, а также приказов и инструкций, издаваемых Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Так, в соответствии со ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Обязательное назначение судебной экспертизы» судебно-медицинская экспертиза назначается в обязательном порядке для установления: 1) причины смерти; 2) характера и степени вреда, причиненного здоровью; 3) психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве; 4) психического состояния подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии); 5) психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией; 6) психического или физического состояния потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания; 7) возраста подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение. Подводя итог, отметим, что значение судебно-медицинской экспертизы при расследовании насильственных преступлений велико и находит свое выражение не

только в получении нового доказательства по уголовному делу (материалов проверки), но и проверке уже имеющейся информации (доказательств), следственных версий, а также установлении причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

Список цитируемой литературы:

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации) : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации от 29 июня 2005 г. № 511 // Рос. газ. – 2013. – 13 февр. 2. Государственные экспертные учреждения России [Электронный ресурс] // Библиофонд. – Режим доступа: http:// www.bibliofond.ru/view.aspx?id=443580 (дата обращения 24.08.2015).

3. Долженко, Н. И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов : учеб.-практ. пособие / Н. И. Долженко ; под ред. А. Г. Филиппова. – М. : Юрлитинформ, 2003. – 112 с.

4. Зайцева, Е. А. Совершенствование правового института судебной экспертизы в стадии расследования :автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. А. Зайцева ; Высш. следств. шк. М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – Волгоград, 1994. – 19 с.

5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

7. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. – 688 с.

8. Смородинова, А. Г. Проблемы использования специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Г. Смородинова. – Саратов, 2001. – 226 с.

9. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин [и др.] ; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрид. лит., 1973. – 735 с.

10. Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. – М. : Кнорус, 2003. – 593 с

Муровлянников К.П., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Murovlyannikov K.P., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer Shagunova V.M.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ ПРИ ОТГРАНИЧЕНИИ ОТ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FRAUD IN THE FIELD OF INSURANCE WHEN SEPARATING FROM RELATED CRIMES

Аннотация.

В данной статье рассматривается проблема, связанная с квалификацией мошенничества в сфере страхования (статья 159.5 УК РФ) при отграничении от смежных составов преступлений (статьи 159, 159.2 УК РФ). Для правильной квалификации мошенничества в сфере страхования необходимо отграничивать данное преступление от признаков основного состава преступления мошенничества и специальных составов преступления мошенничества. Однако постановление Пленума Верхового Суда Российской Федерации от

30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» не предусматривает отграничение признаков состава мошенничества в сфере страхования, предусмотренного статьей 159.5 УК РФ, от основного состава мошенничества (статья 159 УК РФ), специальных составов мошенничества (статья 159.2 УК РФ), других преступлений.

Abstract.

This article discusses the problem related to the qualification of fraud in the insurance industry (Article 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation) when separating from related crimes (Articles 159, 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). For the correct qualification of fraud in the insurance sector, it is necessary to distinguish this crime from the signs of the main corpus delicti of fraud and special constituents of the crime of fraud. However, the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.11.2017 No. 48 "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement" does not provide for the delineation of the signs of fraud in the insurance sector provided for in Article 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation from the main composition of fraud (Article 159 of the Criminal Code), special compositions of fraud (Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), other crimes.

Ключевые слова: мошенничество, мошенничество в сфере страхования, смежные преступления, квалификация, страхование.

Keywords: fraud, insurance fraud, related crimes, qualification, insurance.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 разъясняет определенные вопросы, разграничивающие страховое мошенничество с другими составами. На ст. 159.5 УК РФ данные разъяснения в большинстве случаев распространяются с учетом характера однородности. Однако не приводятся полные разъяснения квалификации данного преступления, не учитывается специфика отношений по данному составу преступления, не приводятся отграничения специальной нормы 159.5 УК РФ с общей нормой ст. 159 УК РФ [1].

Необходимо рассмотреть разграничение общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) и специальной нормы о мошенничестве в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ).

Для наглядности при сравнении данных составов отобразим их признаки.

При квалификации данных составов необходимо обратить внимание на наличие таких признаков:

1. Субъектом страхового мошенничества выступает страхователь и выгодоприобретатель, что отличает его от субъекта статьи 159 УК РФ;

В связи с этим аргументируется квалификация, например, при продаже недействительных полюсов страховыми агентами по ст. 159 УК РФ.

2. При страховом мошенничестве обман относится к размеру страхового возмещения, подлежащему выплате, или наступлению страхового случая.

3. По ст. 159.5 УК РФ объектом является право собственности страховщиков на их имущество. Предметом преступления выступают денежные средства, выплачиваемые в качестве страхового возмещения, которые являются имуществом страховщика.

Приведем показательный пример из практики. В. осуждена по ч. 1 ст. 159 УК РФ - за 37 эпизодов, а по ч. 1 ст. 160 УК РФ - за 3 эпизода в соответствии с приговором мирового судьи судебного участка № 2 Ливенского района Орловской области. Совершены эти эпизоды при следующих обстоятельствах.

В., как индивидуальный предприниматель, осуществляла полномочия на основании агентского договора, который был заключен со страховой компанией «С». Тем самым В. имела полномочия по оказанию услуг от имени страховщика: оформление договоров ОСАГО, своевременному перечислению денежных средств на расчетный счет страховщика, обеспечению их сохранности, а также ведению учета всех бланков отчётности.

Заключив договор ОСАГО с Лицом 1, В. оформила страховой полис и получила страховую премию в размере 2268 рублей. Путем обмана и злоупотребления доверием Лицо 1, преследуя корыстные цели, с целью личного обогащения, получил денежные средства в размере 2268 рублей, которые были получены по квитанции. Страховщику не были предоставлены сведения для поставки на учет лица 1, который приобрел страховой полис ОСАГО, а также ему не были предоставлены денежные средства. Лицо 1 не оповестили, что он не был поставлен на учет в качестве зарегистрированного в базе страховщика. Также его полис ОСАГО не был действителен при наступлении страхового случая. Таким образом, В. похитила денежные средства (страховая премия в размере 2268 рублей), которые принадлежали Лицу 1, а после чего потратила их на собственные нужды. После этого В. совершила еще 36 аналогичных эпизодов [2].

Следующий состав, который следует отграничить от страхового мошенничества - мошенничество при получении выплат. Мошенничество при получении выплат (159.2 УК РФ) - это хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Предметом преступления выступают субсидии, компенсации, пособия и другие указанные социальные выплаты.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, является имущество в виде денежных средств, которое по наступлению страхового случая необходимо выплатить страхователю или иному лицу. Тем не менее, сфера применения данной нормы не отграничивается. То есть ее функционирование распространяется на:

1. разнообразные формы страхования;
2. различные виды обязательного страхования;
3. разные виды форм страхования;
4. разнообразные виды добровольного страхования.

Законодателем не предусматривается отграничения пределов действия норм 159.2 и 159.5 УК РФ [3].

В мошенничестве при получении выплат могут встречаться случаи, когда предметом выступают социальные выплаты из фондов, формирование которых имеет «страховой» характер. Система норм, предусмотренная доктриной уголовного права,

предусматривает правила о компенсации вреда страховыми организациями и государством; она также направлена на гарантирование благоприятного существования гражданина при утрате его трудоспособности. Для лиц, находящихся на военной службе в органах государственной власти, и лиц, работающих по трудовому договору, различаются механизмы возмещения причиненного вреда.

Фонд социального страхования Российской Федерации является первым источником возмещения вреда гражданам. В такой ситуации мошеннические действия квалифицируются по ст. 159.2 УК РФ, так они посягают на отношения в сфере социального обеспечения. Однако, когда денежные средства возмещаются за военные травмы, то выплаты осуществляются из фондов страховых организаций. Для осуществления услуг для государственных нужд страховщик выбирается на конкурсной основе. Вследствие этого, лицо подлежит уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования, когда предметом выступает страховое возмещение, которое возмещается военнослужащим в порядке государственного социального страхования жизни и здоровья.

Подтверждая вышесказанное, дискуссионным вопросом выступает квалификация мошенничества, в случае, когда в качестве предмета выступают денежные средства, выплачиваемые страхователю из фондов страховой организации, с целью субсидирования ему части затрат на страхование государству. Государство оказывает помощь в виде бюджетных субсидий с целью возмещения части затрат по страхованию, в том числе коммерческое страхование, с возмещением

страхователю ущерба из средств фонда страховой организации.

Приведем показательный пример из практики. Я. была осуждена ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 1 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах.

Директор ООО Я. с использованием своего служебного положения и корыстной заинтересованности совершила хищение в размере 114702 рублей 91 копейки. На основании ФЗ от 29.12.2006 года № 255 «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности в связи с материнством» выплата пособий по беременности и родам застрахованному лицу осуществляется на всех местах работы. Обеспечение на выплату денежных средств осуществляется из средств бюджета Фонда социального страхования.

Осведомленная об этом Я., как единственный учредитель и директор ООО, являющаяся обязанной по социальному страхованию своих работников, решила совершить хищение денежных средств из фонда социального страхования, которые перечисляются работодателем на оплату пособий по беременности и родам. Я. предложила работу Х., зная о том, что она находилась на пятом месяце беременности, и не ставила последнюю в известность относительно своих противоправных намерений. После этого Х. подписала с Я. бланк трудового договора и передала последней все необходимые документы.

Я. внесла в трудовой договор ложные сведения о том, что Х. работала в ООО менеджером по закупу, а также в должностном окладе в размере 25000 тысяч рублей. Помимо этого Я. указала заведомо ложные сведения в расчете пособия по беременности и родам,

что Х. отработала в ООО «А.» 59 день, получив денежные

средства в качестве заработной платы общей суммой 50 000 рублей.

В последующем Я. представила данные документы в региональный Фонд социального страхования РФ.

По итогу Фонд перечислил денежные средства в размере 229 405,82 рублей. Денежные средства в сумме 114 702,91 рублей были перечислены в качестве пособия по беременности и родам для Х.

Денежные средства в сумме 229 405,82 рубля были обналичены Я.; из них 20 000 рублей передала Х. в качестве пособия по беременности и родам, в результате чего хищение было совершено в пользу третьих лиц. Остальными денежными средствами она распорядилась по своему усмотрению [4].

Следующий состав, который следует отграничить от страхового мошенничества - причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (ст. 165 УК РФ). Их отличие состоит в субъективной направленности обмана. По ст. 159.5 УК РФ обман - средство незаконного завладения имуществом, а по ст. 165 УК РФ обман выступает как средство незаконного удержания имущества от передачи его лицам, имеющим на него право. Вследствие этого, помимо имущественного вреда извлекается выгода для себя или для других лиц [5].

Приведем показательный пример из практики. По приговору О. осужден по ч. 1 ст. 165 УК РФ за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверия при отсутствии признаков

хищения. О. совершил преступление при следующих обстоятельствах.

О. работая водителем такси в ООО «А», из корыстных побуждений, при оформлении страхового полиса ОСАГО, сообщил страховой организации ложные сведения о том, что будет использовать данное транспортное средство как личный автомобиль. Он заплатил страховую премию в размере 1584 рублей вместо положенных 2372 рублей, которые подлежали уплате в случае страхования ОСАГО при эксплуатации транспортного средства в качестве такси. Вследствие этого О. причинил имущественный ущерб в виде упущенной выгоды [6].

Исходя из данного примера, также следует обратить внимание на следующие факторы: из сложившейся ситуации кажется, что преступное посягательство затрагивает страховые отношения, и квалификация будет по ч. 1 ст. 159.5 УК РФ. Однако отсутствует посягательство на имущество страховой компании, принадлежащей ей на праве собственности.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

С целью разграничения основной нормы мошенничества со специальной нормой мошенничества в сфере страхования были установлены признаки состава. На практике встречаются ситуации, при которых похищение чужого имущества физического лица, квалифицируется по ст. 159.5 УК РФ. Однако с учетом проведенного разграничения по объекту и предмету преступления, необходимо отметить, что если преступление совершается в сфере страхования, то оно квалифицируется по 159 УК РФ в случае, когда похищается имущество физического лица.

Дискуссионным вопросом выступает квалификация мошенничества, предметом которого являются денежные средства, которые выплачены страхователю из фондов страховой организации, при субсидировании государством страхователю части затрат на страхование. В случае, когда предметом преступления выступают денежные средства из Фонда социального страхования Российской Федерации, то возникают сложности при применении статьей 159, 159.2, 159.5 УК РФ. Вследствие этого необходимо дополнить постановление Пленума Верховного Суда критериями разграничения указанных составов. Сформулировано данное разграничение должно быть следующим образом: «В случае получения страховых выплат из Фонда социального страхования РФ, содеянное необходимо квалифицировать по ст. 159.2 УК РФ».

Список цитируемой литературы:

1. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. N 48 // Официальный интернет-портал правовой информации. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

2. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 г. Ливны и Ливенского района от 29 февраля 2012 г. по делу № 1-11/2012 // РосПравосудие. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://rospravjmnxyxlu3.onion.ws/court-sudebnyj-uchastok-24ivenskogo-rajona-orlovskoj

3. Боровских, Р.Н. Мошенничество при получении выплат и в сфере страхования: проблемные вопросы

квалификации // Журнал «Юридическая наука правоохранительная практика. - 2015. - №3 (33). - С. 50-52.

4. Приговор Кировского районного суда г. Астрахани от 18 августа 2011 г. по делу № 1516/2011 // РосПравосудие. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://goo.su/I2zEH.

5. Маслов В.А. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования: Дис... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. - Екатеринбург, 2015. - С. 116-119.

6. Приговор мирового судьи судебного участка № 3 Алексинского района Тульской области от 15 марта 2011 г. по делу № 1-475/11 // РосПравосудие. - [Электронный ресурс]. -Режим доступа: https://rospravjmnxyxlu3.onion.ws/court-sudebnyj-uchastok-3-g-aleksin

Никешина И.С., студент 4 курса
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Nikeshina I.S., 4th year student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

CRIMINAL LIABILITY FOR ABUSE OF OFFICIAL AUTHORITY

Аннотация.

В статье раскрывается оценка предусмотренного уголовным законом наказания за превышение должностных полномочий. Проводится сравнительный анализ наказания предусмотренного действующим законодательством и законодательством дореволюционного и советского периода, а также описывается практика привлечения к уголовной ответственности. Делается вывод о неполном использовании потенциала привлечения к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий.

Abstract.

The article reveals the assessment of the punishment provided for by the criminal law for abuse of official authority. A comparative analysis of the punishment provided for by the current legislation and the legislation of the pre-revolutionary and Soviet periods is carried out, and the practice of criminal prosecution is described. The conclusion is made about the incomplete use of the potential of criminal prosecution for abuse of official authority.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий; наказание; штраф за превышение должностных полномочий.

Keywords: abuse of official authority; punishment; fine for abuse of official authority.

Превышение должностных полномочий – одно из имеющих широкую распространенность должностных преступлений, отличающихся повышенной общественной опасностью, чрезвычайным характером. Совершение данного преступного деяния влечет за собой нарушения в нормальной, регламентированной деятельности государственных и муниципальных органов, ущемлению прав и законных интересов граждан и организаций, а также интересов общества и государства.

Данное преступное деяния является наиболее опасным, так как оно направлено против личности, общества и государства в целом. Также, с точки зрения морального аспекта такое преступление ослабляет авторитет органов власти.

Как верно пишет Д.Д. Доиджашвили, должностные преступления, и превышение

должностных полномочий в их числе, влекут за собой нередко далеко идущие отрицательные последствия [3, с.7]. Подобные преступления формируют негативное представление о государстве в целом, которое допускает наличие подобных его представителей. Такое положение весьма опасно, может привести к возникновению конфликтов, противодействию граждан государству, о котором сложилось негативное мнение.

В структуре должностной преступности, как пишет П.М. Курбанова, превышение должностных полномочий составляет более 12% от всего числа должностных преступлений [5]. На сегодняшний день к числу характеристик данного преступления относятся высокий уровень латентности и отсутствие действительно эффективного наказания за его совершение.

В науке обращается внимание на тот факт, что действующее уголовное законодательство закрепляет менее строгие меры ответственности за превышение должностных полномочий по сравнению с уголовным законодательством РСФСР. А это не соответствует состоянию должностной преступности и снижает уровень общего предупреждения таких преступлений.

Т.В. Колосовская называет главным отличием действующего УК РФ содержание меньшего числа составов должностных преступлений и наличие значительно более мягких чем прежде наказаний за совершенные деяния [6]. Такое положение не отвечает состоянию должностной преступности и снижает уровень общего предупреждения таких преступлений.

Согласно ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации за превышение должностных полномочий предусмотрена уголовная ответственность в виде [2]:

• штрафа – в размере до восьмидесяти тысяч рублей или заработной платы осужденного максимально за шесть месяцев – для простого состава, от ста до трехсот тысяч рублей или заработной платы за период от одного года до двух лет – для квалифицированного состава;

• лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – на срок до пяти лет;

• принудительных работ – на срок до четырех лет – простой состав преступления, до пяти лет – квалифицированный состав;

• арест на срок от четырех до шести месяцев – для простого состава преступления;

• лишение свободы максимально на срок до десяти лет (особо квалифицированный состав).

Как можно увидеть, максимально строгое наказания заключается в лишении свободы на срок десять лет. Между тем, анализ статистических данных показывает, что заключение на столь длительный срок практически не применяется.

В последние годы уголовные дела, основанные на превышении должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов, рассматривается все чаще.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в первой половине 2021 года за совершение должностных преступлений было осуждено 3 342 человека. Причем подавляющее большинство граждан (1812) получили в качестве наказания штрафы, и лишь 461 человек был приговорен к лишению свободы.

Арест не был назначен в качестве наказания ни одному лицу по рассматриваемому составу

преступления, принудительные работы – двоим лицам, и по отношению к двадцати пяти было применено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Что касается сумм назначенных штрафов, в 73% случаев она составила от двадцати пяти до ста тысяч рублей. Свыше этой суммы штраф был назначен в размере от ста до трехсот тысяч рублей в шести процентах случаев, и одному лицу был назначен штраф в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей. Все же остальные случаи назначения штрафа ограничились присуждением суммы менее двадцати пяти тысяч рублей.

Между тем, в науке уже давно ведутся споры относительно целесообразности применения штрафа в качестве основной меры уголовно- правового наказания. Применение данного наказания не способствует формированию у лица правопослушного поведения, достижению цели наказания. Когда лицо испытывает лишь материальные последствия своего деяния, оно не осознает полностью серьезность своего правонарушения и наступивших последствий.

Тем более это актуально по отношению к представителям государства – должностным лицам. Выступая представителем государства и совершая при этом преступное деяние, лицо должно нести очень строгую ответственность за свои проступки.

Несмотря на наличие подобных представлений, на практике наиболее распространенной мерой наказания выступает именно денежное наказание, а не «реальное» - лишение свободы.

Ранее действовавшее законодательство и советского, и дореволюционного периода

предусматривало более суровые меры наказания за рассматриваемые преступления.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. за должностные преступления сотрудников полиции предусматривало наказание в виде отрешения от должности, исключения со службы, заключения в крепость от года до двух лет, ссылки от года до двух лет с лишением прав и преимуществ. За нарушение запрета на применение насилия в отношении содержащихся под стражею предусматривалась ответственность вплоть до увольнения, а также наказание розгами от 30 до 40 ударов.

Также к полицейским при превышении ими полномочий могли быть применены заключение в смирительном доме на срок от полугода до одного года, лишение всех особенных прав и преимуществ, ссылка в отдаленные местности Сибири (Томскую или Тобольскую губернии), лишение всех прав состояния, каторжные работы на срок от 6 до 8 лет.

Как видим данные наказания более строгие по сравнению с предусмотренным современным законодательством.

Первый советский кодифицированный акт уголовного права - УК РСФСР 1922 г. – продолжил традицию закрепления суровых мер наказания за должностные преступления. Наказание формулировалось весьма специфичным для современного периода способом – путем указания лишь на минимум наказания («не ниже»)24, однако ответственность была строга, вплоть до применения высшей меры, которой согласно ст. 33 был расстрел.

Принятый в 1926 г. следующий УК РСФСР за превышение должностных полномочий предусматривал наказание в виде лишения свободы со строгой

изоляцией на срок не ниже шести месяцев. За совершение же квалифицированного состава преступления, то есть сопровождающегося насилием, применением оружия или мучительными и оскорбляющими личное достоинство потерпевшего действиями, предусматривалось наказание вплоть до расстрела.

В после военный период вопросы противодействия должностной преступности стали уже не столь актуальными, что сразу же отразилось на законодательстве. Если первые уголовные кодексы предусматривали за превышение должностных полномочий наказания вплоть до расстрела, то в УК РСФСР 1960 г. максимально строгое наказание за данное преступления - лишение свободы на срок до десяти лет. И современный УК РФ продолжил эту традицию.

Между тем, на мой взгляд, наказание, предусмотренное за превышение должностных полномочий и практика его применения не соответствуют общественной опасности данного преступления. Как уже отмечалось, должностные преступления посягают на основы государственной власти, на авторитет государства, его имидж как в глазах населения страны, так и в глазах мирового сообщества. Практика назначения мягкого наказания за совершенные преступления, с одной стороны, дает основание для появления представления о лояльности государства к своим представителям, нарушившим закон, основание для появления мнения иных служащих о том, что и им дозволено так себя вести и при этом сурового наказания к ним применено не будет.

С другой стороны, граждане, наблюдая подобные явления, утратят веру и в государство, и в его

справедливость, соответственно уровень доверия к государству и его представителям сразу же снизиться.

Наказание, применяемое к нарушителям, должно профилактически на них действовать. Между тем профилактическое значение штрафа не всегда обосновано. Человек, не лишившись свободы, не ощутив на себе действительного реального наказания, а не просто денежного взыскания, не сформирует у себя внутренней установки на несовершение подобных деяний в будущем.

В УК РФ содержится возможности для действительного наказания виновных в превышении должностных полномочий, однако они не используются на практике. Наиболее применяемой мерой наказания является штраф, но и его размеры не значительны - согласно приведенным данным, в 73 % случаев сумма штрафа составила от двадцати пяти до ста тысяч рублей. Подобное наказание не способно ни выступить реальной мерой ответственности за совершенное преступление, ни стать средством профилактики подобных деяний в будущем как у самого осужденного лица, так и у них лиц.

Соответственно, считаю возможным присоединиться ко мнению об отсутствии в настоящее время в России адекватных мер ответственности за превышение должностных полномочий, которые бы позволили действительно противостоять данному преступлению. По сравнению с законодательством дореволюционного периода и первым советским уголовным законодательством, наказание не отличается строгостью, а потенциал предусмотренного в законе наказания не используется должным образом.

Таким образом, на сегодняшний день практика привлечения к уголовной ответственности за

превышение должностных полномочий не соответствует общественной опасности данного деяния. Для решения вышеуказанных проблем предлагается основательно контролировать дисциплину должностных лиц и правоохранительных органов в целом, проводить своевременные проверки. Также осуществлять различные меры для предупреждения должностных преступлений. Например, организационные меры, направленные на совершенствование практики подбора кадров; меры экономического характера, которые улучшает материальную обеспеченность должностных лиц в целях повышения их ответственности и сокращения преступлений, совершенных в корыстных целях; меры по повышения качества законодательства.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

3. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Преступления против правосудия // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2017. Т. 2. – 466 с.

4. Доиджашвили, Д.Д. Уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий: автореферат дис … канд. юрид. наук. М., 1989. С. 7.

5. Курбанова, П.М. Правоприменительные аспекты превышения должностных полномочий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 85. С. 341.

6. Козаченко И.Я. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.,2018. С. 451.

7. Колосовская, Т.В. Ответственность за должностные преступления в России // Научный альманах. 2016. № 4-1 (18). С. 364.

Облов Д.Н., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Oblov D.N., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

FEATURES OF PROCEEDINGS IN COURT WITH THE PARTICIPATION OF JURORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация.

В статье раскрываются понятие и история производства в суде с участием присяжных заседателей, особенности подготовки к судебному заседанию, порядок постановки вопросов, а также особенности производства в суде с участием присяжных заседателей.

Abstract.

The article reveals the concept and history of proceedings in court with the participation of jurors, the specifics of preparing for the trial, the procedure for raising

questions, as well as the specifics of proceedings in court with the participation of jurors.

Ключевые слова: преступление; правосудие; преступления против правосудия; ответственность; интересы правосудия.

Keywords: crime; justice; crimes against justice; responsibility; interests of justice.

Суд с участием присяжных заседателей является специфической формой организации суда, заключающейся в том, что рассмотрение и разрешение в судебном разбирательстве уголовного дела осуществляется как профессиональным судьей (председательствующим), так и коллегией присяжных заседателей.

В Российской империи суд присяжных был введен вследствие реформ Александра II и действовал с 1864 г. по 1917 г. Декретом Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР о суде от 24 ноября (5 декабря) 1917 г. № 1 суды присяжных были упразднены. Вопрос о возрождении соответствующего суда в России был поставлен в Концепции судебной реформы 1991 года, где в качестве одного из важнейших направлений развития судопроизводства считалось признание за каждым лицом права на рассмотрение его дела в установленных законом случаях судом с участием присяжных заседателей (п. 3).

16 июля 1993 года был принят Закон Российской Федерации № 5451-1, который создал правовую основу для возрождения суда присяжных в России. При этом в УПК РСФСР был введен раздел 10 «Производство в суде присяжных».

В соответствии с Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. № 5451/1-1133 о порядке введения в действие соответствующего закона с 1 ноября 1993 г. суды присяжных заседателей были образованы в пяти субъектах России (в Ставропольском крае, Ивановской, Московской, Рязанской и Саратовской областях), а с 1 января 1994 г. еще в четырех (Алтайском и Краснодарском краях, Ростовской и Ульяновской областях).

Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г., окончательно закрепила обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей по делам за особо тяжкие преступления против жизни, за которые уголовным законом устанавливается в качестве исключительной меры наказание в виде смертной казни (ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 47 и ч. 4 ст. 123).

В УПК Российской Федерации производству по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей, посвящена глава 42.

Федеральным законом от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ было предусмотрено поэтапное создание суда присяжных во всех субъектом Российской Федерации.

Так, например, в Чеченской Республике рассмотрение уголовных дел таковым осуществляется с 1 января 2010 г.

В соответствии с Федеральным законом от 5 мая 2014 г № 91-ФЗ положения, касающиеся соответствующего суда, применяются в таких субъектах России как Республика Крым и город федерального значения Севастополь с 1 января 2018 года.

Производство в суде с участием присяжных заседателей ведется в соответствии с общими

правилами, определяющими порядок производства по уголовным делам в суде первой инстанции, с учетом следующих особенностей.

1. К рассмотрению и разрешению уголовного дела по существу привлекаются представители народа, участие которых в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей является их гражданским долгом.

Ограничение соответствующего права устанавливается только в отношении отдельных категорий граждан. Так, согласно ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ (далее – Закон о присяжных заседателях) присяжными заседателями и кандидатами в таковые не могут быть лица:

1) не достигшие к моменту составления списков кандидатов в присяжные заседатели возраста 25 лет;

2) имеющие непогашенную или неснятую судимость;

3) признанные судом недееспособными или ограниченные судом в дееспособности;

4) состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств.

В порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, не допускаются в качестве присяжных заседателей также лица: подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений; не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство; имеющие физические или психические недостатки, препятствующие полноценному участию в

рассмотрении судом уголовного дела (ч. 3 ст. 3 Закона о присяжных заседателях)

Согласно ст. 7 указанного закона лица, включенные в список и запасной список кандидатов в присяжные заседатели округа, общий и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели субъекта РФ, исключаются из них высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ в случаях:

а) выявления обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 3 Закона о присяжных заседателях;

б) подачи гражданином письменного заявления о наличии обстоятельств, препятствующих исполнению им обязанностей присяжного заседателя, если он является:

лицом, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство;

лицом, не способным исполнять обязанности присяжного заседателя по состоянию здоровья, подтвержденному медицинскими документами;

лицом, достигшим возраста 65 лет;

лицом, замещающим государственные должности или выборные должности в органах местного самоуправления;

военнослужащим;

гражданином, уволенным с военной службы по контракту из органов ФСБ, федеральных органов государственной охраны или органов внешней разведки, – в течение пяти лет со дня увольнения;

судьей, прокурором, следователем, дознавателем, адвокатом, нотариусом, должностным лицом службы судебных приставов или частным детективом – в период осуществления профессиональной деятельности и в течение пяти лет со дня ее прекращения;

имеющим специальное звание сотрудником ОВД, таможенных органов или органов и учреждений УИС, а также гражданином, уволенным со службы в указанных органах и учреждениях, – в течение пяти лет со дня увольнения; священнослужителем.

2. Согласно пунктам 2 и 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей осуществляется в следующем составе:

судья верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда и коллегия из восьми присяжных заседателей;

судья районного суда, гарнизонного военного суда и коллегия из шести присяжных заседателей.

3. Полномочия председательствующего и коллегии присяжных заседателей различаются. Так, если присяжные заседатели согласно ч. 1 ст. 334 УПК РФ решают вопросы факта (имело ли место событие преступления; доказано ли, что деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния), то председательствующий решает вопросы, касающиеся применения права, т.е. квалификация деяния, назначение наказания, разрешение гражданского иска и других вопросов, разрешаемых при постановлении приговора (ч. 2 ст. 334, ст. 347 УПК РФ).

4. Судебное разбирательство в суде с участием присяжных заседателей делится на два этапа: с участием присяжных заседателей – до провозглашения вердикта (ст.ст. 327-345 УПК РФ) и без участия присяжных заседателей – после провозглашения вердикта (ст.ст. 346- 352 УПК РФ).

5. Присяжные заседатели не могут быть ознакомлены с доказательствами, которые были признаны недопустимыми. При этом если вопрос о недопустимости доказательств возникает в ходе судебного разбирательства, он рассматривается без участия присяжных заседателей. Судья, выслушав мнение сторон, принимает решение об исключении доказательства, признанного недопустимым (ч. 6 ст. 335 УПК РФ).

6. Принимая решение о виновности или невиновности подсудимого, присяжные заседатели, хотя и основываются на исследованных в суде доказательствах, не обязаны мотивировать свои выводы. Указанное положение обеспечивает самостоятельность и независимость каждого присяжного заседателя, а также обусловливает невозможность обжалования вынесенного на основе вердикта присяжных заседателей приговора по мотиву необоснованности содержащихся в нем выводов.

Рассмотрение уголовных дел судом с участием присяжных заседателей осуществляется при наличии следующих условий.

1. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством:

- судья верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда и коллегия из восьми присяжных заседателей рассматривают уголовные дела о преступлениях, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, за исключением уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 1 ст. 212, ст.ст. 275, 276, 278, 279, 281 УК РФ (п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ);

- судья районного суда, гарнизонного военного суда и коллегия из шести присяжных заседателей рассматривает уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 5 ст. 228.1, ч. 4 ст. 229.1, ст.ст. 277, 295, 317 и 357 УК РФ, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь в соответствии с ч. 4 ст. 66 и ч. 4 ст. 78 УК РФ, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, за исключением уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет.

При этом необходимо обратить внимание на правовую позицию Конституционного Суда РФ относительно возможности рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, по которым в соответствии с положениями УК РФ в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, если в таких преступлениях обвиняются женщины, лица, не достигшие ко времени их совершения восемнадцатилетнего возраста, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста.

Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П137 пункт 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, не предполагающий возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о соответствующих преступлениях, совершенных несовершеннолетними, лицами в возрасте до восемнадцати лет, которым в силу положений Уголовного кодекса Российской Федерации не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или

смертная казнь, признан соответствующим Конституции РФ.

При этом в обоснование положена следующая позиция «отступление от такой процессуальной формы, как суд с участием присяжных заседателей, допустимо и не может рассматриваться как ухудшающее их положение с точки зрения обеспечения конституционных гарантий судебной защиты: специфика разрешения вопросов, связанных с определением виновности несовершеннолетних в совершении уголовно наказуемых деяний, требует осуществления судебного разбирательства в их отношении с соблюдением требований, направленных на тщательное исследование всех данных о личности несовершеннолетнего, сопряженное с ограничением гласности, обеспечением конфиденциальности судебного процесса и основных процессуальных гарантий на всех этапах судебного разбирательства, что не может быть в полной мере обеспечено при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей, предполагающем исследование данных о личности подсудимого лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления».

В то же время в целом ряде решений Конституционного Суда положения пункта 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ признаны не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ, ими исключается возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовного дела по обвинению женщины в совершении преступления, за которое в качестве наиболее строгого вида наказания

соответствующей статьей (частью статьи) УК РФ предусматривается пожизненное лишение свободы или смертная казнь, – притом что уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом присяжных.

Таким образом, с учетом указанной правовой позиции женщинам должна быть обеспечена реализация права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей на основе принципов юридического равенства и равноправия и без какой бы то ни было дискриминации.

Аналогичную позицию занял Конституционный Суд РФ и в Постановлении от 16 марта 2017 г. № 7-П139, в котором признал указанные выше нормативные предписания несоответствующими Конституции РФ в той части, в которой ими исключается возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовного дела по обвинению достигшего шестидесятипятилетнего возраста мужчины в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, притом что уголовное дело по обвинению мужчины в возрасте от 18 до 65 лет, а также женщины старше 18 лет в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в этом составе.

2. Обвиняемым заявлено ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

В соответствии с положениями п.п. 2 и 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей возможно только по ходатайству обвиняемого.

Согласно ч 5 ст. 217 УПК РФ следователь при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела обязан разъяснить последнему не только право ходатайствовать о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, но и особенности его рассмотрения данным судом, права обвиняемого в судебном разбирательстве и порядок обжалования судебного решения, о чем в протоколе ознакомления с материалами дела делается соответствующая запись и отражается его желание воспользоваться этим правом или отказаться от него (ч. 2 ст. 218 УПК РФ).

При этом необходимо отметить, что никто, кроме обвиняемого, не имеет права ходатайствовать о рассмотрении дела таким судом, в том числе его защитник.

Невыполнение следователем указанного выше требования, как отмечает Пленум Верховного Суда РФ в п. 1. постановления от 22 ноября 2005 г. № 23140 (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 23), является препятствием для рассмотрения уголовного дела судом. Соответственно, уголовное дело подлежит возвращению прокурору со стадии предварительного слушания в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 236 УПК РФ.

Если один или несколько обвиняемых заявляют ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных, а остальные отказываются от него, а также когда один или несколько обвиняемых являются несовершеннолетними, следователь в соответствии с пунктом 1 части 5 статьи 217 УПК РФ решает вопрос о выделении уголовных дел в отношении этих обвиняемых в отдельное производство.

Ходатайство о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей может быть заявлено как после ознакомления с материалами дела на

предварительном следствии, так и после направления прокурором уголовного дела с обвинительным заключением в суд в течение 3 суток со дня получения обвиняемым копии обвинительного заключения. Для рассмотрения такого ходатайства назначается предварительное слушание (п. 5 ч. 2 и ч. 3 ст. 229 УПК РФ).

Обвиняемый также имеет право заявить ходатайство о рассмотрении его дела судом присяжных на предварительном слушании, о проведении которого заявлено ходатайство им или другими участниками процесса по иным основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 229 УПК РФ (п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 23). Следователь и суд обязаны выполнять требования п. 6 ч. 1 ст. 51 УПК РФ об обязательном участии защитника, если уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей. При этом его участие обеспечивается каждому обвиняемому с момента заявления хотя бы одним из обвиняемых ходатайства о рассмотрении уголовного дела указанным составом суда (п. 5 Постановления Пленума ВС РФ № 23). Согласно ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не является обязательным для следователя и суда.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] //

Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

3. Бриллиантов А.В., Косевич Н.Р. Преступления против правосудия // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2017. Т. 2. – 466 с.

4. Лебедев, В.Н. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) /Отв. ред. В.М. Лебедев.-13-е изд. –М.,2018.

5. Козаченко И.Я. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.,2018. С. 451.

Опарина С.А., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель, Шагунова В.М.

Oparina S.A., Bachelor student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer Shagunova V.M.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНИЮ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST THE PERSON UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Аннотация.

В статье исследуются нормы Уголовного положения Федеративной Республики Германии. А именно уголовная ответственность за посягательства на личность.

Abstract.

The article examines the norms of the Criminal Law of the Federal Republic of Germany. Namely, criminal liability for personal attacks.

Ключевые слова: Уголовное уложение, Германия, личность, государство, деяние, посягательство, ответственность.

Keywords: Criminal code, Germany, personality, state, act, encroachment, responsibility.

Жизнь является самым ценным благом человека. Все цивилизованные страны гарантируют защиту от преступных посягательств на нее, обеспечиваемую уголовно-правовыми средствами.

Кто же может быть субъектом преступления. Субъектами преступного деяния по уголовному праву ФРГ являются физические лица, достигшие установленного законом возраста и вменяемые. Закон об отправлении правосудия по делам молодежи 1953 года устанавливает, что уголовной ответственности могут подвергаться несовершеннолетние от 14 и до 18 лет и молодежь от 18 до 21 года. Согласно этому же закону несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности, если во время совершения деяния они по своему духовному и физическому развитию были достаточно зрелы, чтобы предвидеть неправомерность деяния и поступить в соответствии с этим предвидением. Существуют определенные ограничения по применению наказаний по данным категориям субъектов. Лица, не достигшие 14 летнего возраста, согласно статье 19 УК ФРГ презюмируются невменяемыми. Считается, что ребенок в силу своих возрастных особенностей еще не способен осознавать противоправность своих действий либо руководить ими, - так называемая возрастная невменяемость.

Перейдем к элементам системы преступных деяний, Первым элементом системы преступных деяний против личности являются преступные деяния против

жизни (разд. XVI Особенной части УК). По мнению германских правоведов, именно с этих составов преступных деяний в будущем должна начинаться Особенная часть УК. Но пока эта точка зрения не получила своего законодательного подкрепления.

Нормы данного раздела были частично изменены Шестым Законом о реформе уголовного права от 26 января 1998 г. В настоящее время составы преступлений, посягающих на жизнь, можно разделить на следующие группы: 1) убийство; 2) оставление в опасности; 3) прерывание беременности.

Ответственность за преступления против здоровья установлена нормами Раздела 17 Уголовного кодекса Германии [4] «Преступные деяния против телесной неприкосновенности». Соответствующими нормами отграничиваются три вида телесных повреждений: телесное повреждение, опасное и тяжкое телесное повреждение. Особенность этих статей в том, что в §223 «Телесное повреждение» предусмотрена ответственность за причинение телесных повреждений другому лицу или вред его здоровью. Второй вид в §224 «Опасное телесное повреждение» отличается от предыдущей статьи способами причинения таких повреждений: посредством применения яда или других вредных для здоровья веществ; посредством применения оружия или другого опасного орудия; с помощью вероломного нападения; совместно с другим лицом; с помощью опасного для жизни лечения. В §226 «Тяжелое телесное повреждение» определены признаки такого рода повреждения: потеря зрения на один или оба глаза, слуха, речи или способности к деторождению, потеря важного органа тела или лишение возможности на протяжении длительного времени им пользоваться или ситуация, при которой лицо в значительной степени

и надолго остается уязвленным или хроническим больным, парализованным, или приобретает душевное заболевание или какие-либо физические, или умственные отклонения. В целом квалифицирующие признаки тяжкого вреда здоровью в уголовном законодательстве России и Германии совпадают, однако в Германии тяжесть вреда здоровью не связывается с утратой трудоспособности. Уголовными законами названных государств предусмотрена уголовная ответственность также за неосторожное причинение вреда здоровью — в Германии действует §229 «Телесное повреждение, нанесенное по небрежности». Что касается особенностей немецкого законодательства, то обратить снимание следует сразу на несколько из них. Во-первых, §228 Уголовного кодекса Германии предусматривает ответственность за телесные повреждения, нанесенные с согласия потерпевшего лица — уголовная ответственности за такое деяние наступает исключительно в том случае, когда оно нарушает общепринятые нравственные обычаи.

В разделе 16 Уголовного уложения ФРГ о посягательствах на жизнь установлена также ответственность за оставление в опасности (§ 221) [4, с. 321]. В абз. 1 §221 предусматриваются два состава оставления в опасности: в первом - общий субъект преступления («кто поставляет в беспомощное состояние человека»), субъектом второго выступает лицо, которое «оставляет человека в беспомощном состоянии, хотя он находится под присмотром виновного, или тот, кто иным образом обязан оказывать ему помощь». Оставление в опасности наказывается лишением свободы продолжительностью от трёх месяцев до пяти лет (абз. 1) либо продолжительностью от 1 года до десяти лет (абз. 2) [4, с. 322].

За представляющий повышенную опасность для общества специальный случай оставления в опасности, повлекшего смерть человека, предусматривается лишение свободы продолжительностью не менее 3 лет (абзац 3 § 221 Уголовного уложения ФРГ) [4, с. 322].

Уголовное уложение ФРГ относит к преступным посягательствам на личность подмену ребёнка (при этом мотивы умышленной подмены ребёнка в п. 1 § 169 - «кто подменяет ребёнка, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или денежным штрафом» [2, с. 322] - не указаны), различные виды похищений людей (похищение несовершеннолетних (§ 235), похищение человека с целью вымогательства (§ 239а) и захват заложников (§ 239б) раздела ХУШ «Преступные деяния против личной свободы» Уголовного уложения ФРГ), которые признаются смежными и предусма-

тривают одинаковое наказание - лишение свободы на срок не менее 5 лет [4, с. 347-348].

В литературе высказываются суждения о тождественности признаков этих преступлений, ответственность за которые установлена § 239а и § 239б Уголовного уложения ФРГ. Так, А.В. Бриллиантов похищение человека и захват заложника, исполненные из корыстных побуждений и соединённые с выдвигаемыми к третьей стороне требованиями, считает одним составом [7, с. 373; 8, с. 16]. В этой связи представляется целесообразным объединить составы преступлений, ответственность за которые установлена ст.ст. 126 и 206 УК РФ (по примеру ст. 183 УК Швейцарии «Незаконное лишение свободы и похищение» [6, с. 70] и ст.ст. 1 и 2 главы 4 «О преступлениях против свободы и общественного спокойствия» УК Швеции [9, с. 39]).

Следует отметить, что Уголовное уложение ФРГ устанавливает ответственность не только за оскорбление и клевету (в § 185 (оскорбление), § 186 (злословие), § 187 (клевета), § 188 (клевета и злословие в отношении политического деятеля), § 199 (взаимные оскорбления) раздела 14 «Оскорбление» (в котором честь и достоинство ценится выше, чем жизнь - преступления против жизни закреплены в разделе 16 УК; в соответствии с § 194 Уголовного уложения, требуется ходатайство потерпевшего о возбуждении уголовного дела), порочение (оскорбление) памяти умершего (наказывается лишением свободы на срок до двух лет или денежным штрафом в § 189 Уголовного уложения)), но также и за диффамацию.

На наш взгляд, законодателю Германии следовало бы: 1)исключить положение, предусматривающее возможность направления в превентивное заключение лиц, совершивших уголовное правонарушение, поскольку оно не соответствует принципу вины, и 2) предусмотреть в Уголовном уложении ФРГ альтернативный типичным исправительным учреждениям институт социально-терапевтических организаций, что придаст международной общественности новый импульс к действительно кардинальному реформированию уголовного законодательства.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть / Под ред. И.Д.Козочкина. М., 2004. С. 388.

2. Капинус О. С. Преступления против правосудия. С. 1199.

3. Уголовный кодекс ФРГ / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой. М., 1996. С. 129.

4. Серебренникова А.В. Виды убийств по уголовному кодексу Федеративной Республики Германии // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. 2016. № 1. С. 47-49.

5. Сурков, А. С. Особенности уголовной ответственности за преступления против здоровья в зарубежных странах / А. С. Сурков. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 26 (368). — С. 219-222. — URL: https://moluch.ru/archive/368/82778/

6. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии от 15 мая 1871 г. / Пер. с немецк. Н.С. Рачковой; науч. ред. Д.А. Шестаков. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. - 524 с.

7. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия. - URL:http://www.gesetze-im-intemet. de/bundesrecht/stgb/gesamt.pdf/, свободный (дата обращения 04.03.2023).

8. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / Под ред. И.Д. Козочкина. - М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2003. - 576 с.

Павленко С.Ю. студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель
Шагунова В. М.

Pavlenko S. U., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer
Shagunova V.M.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ГЕРМАНИИ

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE SPECIAL PART OF THE GERMAN CRIMINAL CODE

Аннотация.

В статье рассматривается общая характеристика особенной части уголовного кодекса Германии, а также разделы и преступления, которые в нее входят.

Abstract.

The article discusses the general characteristics of the special part of the German Criminal Code, as well as the sections and crimes that it includes.

Ключевые слова: особенная часть; деяния; преступления; нормы; состав.

Keywords: special part; acts; crimes; norms; structure.

В странах, где законодательство максимально кодифицировано, отсутствуют ссылки на доктринальные труды по уголовному праву, своды полуофициального характера. К таким странам относится ФРГ. [2]

Основным источником уголовного права ФРГ является УК ФРГ, принятый 15 мая 1871 г., в редакции от 13 ноября 1998 г. УК ФРГ, как и УК большинства стран континентальной правовой семьи, делится на две части — Общую и Особенную.

Значение Особенной части УК ФРГ, как и Особенной части УК любого современного государства, состоит прежде всего в том, что она дает конкретные определения и описания тех деяний, которые законодательно признаются преступными, а также определяет наказание за их совершение. По своей сути Особенная часть УК ФРГ является воплощением учения о составе деяния, развитом в Общей части. В связи с этим каждое из конкретных преступных деяний, описанных в Особенной части, должно иметь те признаки преступного деяния, которые определены в Общей части: оно должно быть противоправным, виновным, наказуемым и осуществляющим предусмотренный законом состав (Tatbestandmdssigkeit). Таким образом, Общая часть УК устанавливает основные нормы преступных деяний, а Особенная — законодательно применяет их к конкретным составам преступных посягательств [3].

Нормы Особенной части УК расположены в определенной системе. Под системой Особенной части любого УК понимается установленная законом

определенная последовательность составов преступных посягательств и их разделение на специфические группы, которое имеет существенное нормотворческое и правоприменительное значение.

По вопросу о системе Особенной части распространенным является мнение о необходимости деления преступных деяний по объекту посягательства (которым в каждом конкретном случае является специфическое правоохраняемое благо), а в необходимых случаях — по средствам посягательства. Именно эти признаки являлись критерием систематизации Особенной части в действующем УК ФРГ и в УК ряда зарубежных стран.

Особенная часть УК ФРГ в действующей редакции начинается с разделов, устанавливающих уголовную ответственность за преступные посягательства на интересы государства. Это ни в коем случае не свидетельствует о том, что в ФРГ защита интересов государства имеет приоритет над защитой интересов личности.

Большинство германских правоведов предлагают специфическую последовательность параграфов Особенной части действующего УК, т.е. они располагают параграфы но своей системе, которая, на их взгляд, и должна быть учтена при систематизации Особенной части действующего УК.

Система Особенной части УК 1871 г. в последней редакции представляет собой систему уголовно-правовых институтов и норм, определяющих признаки составов конкретных преступных деяний и санкций за них.

Под системой Особенной части УК принято считать ее иерархическую структуру, т.е. последовательность расположения в ней разделов (в

разд. I Особенной части — глав), а внутри них — специфическое расположение уголовно-правовых норм [3].

Принятое в российском уголовном праве деление объектов на общий, родовой, видовой и непосредственный в теории германского уголовного права не отражено. Хотя фактически законодатель ФРГ выделяет в Особенной части разделы исходя из специфики правоохраняемого блага — родового объекта (в терминологии российского уголовного права).

Именно он служит основным критерием систематизации, используется для определения групп преступных деяний и вытекает из названий разделов Особенной части.

Поэтому, говоря об Особенной части любого УК, нужно прежде всего рассмотреть ее систему. Для системы Особенной части действующего УК характерны следующие особенности:

1) дифференциация преступных посягательств прежде всего ориентирована на специфику охраняемых уголовным законом правовых благ, на которые посягает каждое из преступных деяний;

2) если преступные деяния посягают на одно и то же правоохраняемое благо, то в идеале они должны образовывать самостоятельный раздел Особенной части УК. Однако действующий УК делает некоторые исключения из этого правила. Следует иметь также в виду, что в УК существуют и всегда будут существовать преступные деяния, посягающие одновременно на два различных объекта, например: разбой, вымогательство и т.д.;

3) в разделах Особенной части (кроме разд. I) отсутствует деление на главы;

4) в отдельных группах преступных посягательств Особенной части действующего УК преступные деяния различаются по формам вины (умышленные или неосторожные), существуют также специфичные для германского права составы с ошибкой в запрете — § 23 УК (например, § 123, 240, 253, 356).

Для Особенной части УК характерно также деление составов преступных деяний на основные, с отягчающими признаками (квалифицированные составы) и со смягчающими признаками (привилегированные составы), и на дополнительные составы. Такое деление, к примеру, четко прослеживается в отношении составов умышленных убийств в разд. XVI УК «Преступные деяния против жизни». По мнению германских правоведов, введение таких разновидностей составов позволяет более полно реализовать принципы виновной и личной ответственности, когда различные умышленные преступные деяния посягают на одно и то же правоохраняемое благо — жизнь человека, что обеспечивает тем самым и точность квалификации содеянного, и наказуемость виновного лица.

Особенностью системы Особенной части УК является также и то, что некоторые составы обусловлены процессуальными предпосылками, такими, например, как жалоба по делам частного обвинения (§ 77). Российскому правоведу может показаться более обоснованным расположение данных норм в УПК.

Эта же особенность характерна и для составов с обстоятельствами, исключающими либо смягчающими вину (§ 35 УК), а также рядом других обстоятельств, таких, например, как случай, подобный крайней необходимости (§ 157), ответная мера (§ 199) и ненаказуемость беременной (§ 218, 218а и др.).

В ряде составов Особенной части получают существенное развитие нормы об обстоятельствах, исключающих наказание (например, при добровольном отказе — § 24), которые допускаются также при оконченном деянии (например, при наличии деятельного раскаяния при государственной измене Федерации и земле, исправлении ложных показаний).

Неразрывная связь Общей и Особенной частей УК позволяет сделать вывод о существовании определенной системы последней, основной задачей которой является уголовно-правовая защита конкретных правовых благ. Именно специфика охраняемого нормой правового блага является предпосылкой для систематизации норм Особенной части УК.

Если рассматривать данную проблему в историческом аспекте, то отметим, что впервые современный порядок охраняемых уголовным законом благ был воспринят в 1851 г. в Прусском УК, в котором исходной точкой уголовно-правовой защиты являлись интересы государства. Дальнейшая классификация государственных преступлений в данном документе проводилась по принципу разделения властей на три самостоятельные ветви: преступные посягательства на законодательную, исполнительную и судебную власть. Второй раздел Прусского УК 1851 г. включал преступные посягательства против религии, семьи и нравственности. Затем следовал раздел о преступных посягательствах на интересы личности: против чести, жизни и здоровья, личной свободы, собственности и имущества, включая преступные посягательства, связанные с подделкой. Замыкали данную систему общеопасные преступные деяния и преступные деяния по службе.

Как уже отмечалось, преобладающее число германских правоведов (например, Р. Маурах, Э. Мецгер, Х. Вельцель), а также все ранее обсуждавшиеся проекты УК предлагали и предлагают изменить принятую последовательность разделов и начинать Особенную часть УК с преступных посягательств на личность. Но, несмотря на все научные обоснования и дискуссии, Особенная часть действующего УК, как и в УК 1871 г., начинается с норм о преступных посягательствах на интересы государства. [3]

Особенная часть действующего УК ФРГ состоит из 30 разделов, 358 параграфов. Исключение представляет разд. 1 «Измена миру, государственная измена и создание опасности демократическому государству», в который включены четыре главы:

1) гл. 1 «Измена миру»;
2) гл. 2 «Государственная измена»;
3) гл. 3 «Угроза демократическому правовому государству»;
4) гл. 4 «Общие предписания».

В основу выделения разделов положен объект преступления. В качестве объекта преступного деяния признаются конкретные права и свободы человека, другими словами, правоохраняемое благо. Как отмечает А. В. Серебренникова, «основная предпосылка для построения Особенной части заключается в определении правоохраняемого блага, называемого в уголовном праве объектом преступного посягательства. Поэтому, располагая составы преступных посягательств в определенной последовательности, германский законодатель учитывает специфику правовых благ, охраняемых уголовным законом, их содержание, соподчинение и взаимоотношения друг с другом» [9]. Не случайно в разд. 1 УК подчеркивается, что современное

немецкое государство является демократическим правовым государством. Многогранность содержания прав и свобод человека обусловила значительное число разделов [3].

Параграфы четко разделены на диспозиции и санкции, в зависимости от характера деяния и сложности его описания параграф может начинаться либо с определения мер наказания, либо с описания признаков деяния.

Описание деяния отталкивается от лица, которое, если совершит действия, приведенные в диспозиции, подлежит наказанию. Отсюда в Уголовном кодексе отсутствуют бланкетные диспозиции, но широко используются ссылочные диспозиции и санкции.

Однако не все параграфы имеют диспозицию и санкцию, многие носят рекомендательный характер. Особенная часть УК содержит уголовно-процессуальные нормы, например касающиеся обвинительного заключения, порядка осуществления отдельных процессуальных действий, указания относительно деятельного раскаяния применительно к ряду конкретных преступлений, наказуемости покушения. Все это вместе взятое обусловливает тот факт, что параграфы изложены многословно, занимают от двух и более листов, и зачастую их установления воспринимаются участниками процесса с той или иной стороны как руководство к действию. [1]

Возвращаясь к характеристике разделов, необходимо отметить, что в отличие от УК РФ система Особенной части УК ФРГ построена исходя из приоритета интересов общества и государства над интересами личности, хотя не все разделяют данную точку зрения, объясняя такое построение чисто техническим приемом.

Расположение разделов в системе Особенной части зависит не от важности охраняемого блага, а от усмотрения законодателя. Так, преступления против жизни регламентированы только в разд. 16, что вызвало бурную дискуссию и критику, однако Уголовный кодекс был принят именно в таком варианте.

Составы опасных посягательств на интересы общества и государства помещены в разд. 1—10. Это не только посягательства на политическую, финансовую систему государства, но и преступные деяния против общественной безопасности, спокойствие граждан.

В Уголовном кодексе Германии отсутствуют нормы о традиционных для уголовного права деяниях, например таких, как воинские преступления.

Следует иметь в виду, что УК ФРГ является основным, но далеко не единственным источником уголовного права. И, как уже указывалось выше, среди иных источников уголовного права важное место занимают дополнительные уголовные законы, которые восполняют пробелы Уголовного кодекса. В их числе можно назвать Закон об отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних от 11 декабря 1974 г., Закон об ответственности за воинские преступления от 24 мая 1974 г., Закон о дальнейшем упрощении правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за экономические преступления 1954 г. (в ред. от 23 декабря 2001 г.), Закон об обороте наркотиков от 1 марта 1994 г. (в ред. от 7 января 1998 г.) и др.

Список цитируемой литературы:

9. Крылова Н. Е. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть: учебник для вузов

/ Е. Н. Крылова, Н. А. Голованова, В. Н. Еремин, М. А. Игнатова, И. Д. Козочкин, А. В. Серебрянникова. М., 2023. С. 397.

10. Мухтаров Н. К. Сравнительно-правовой анализ источников уголовного права зарубежных стран // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2017. №1(61). С. 80-83.

11. Серебрянникова А. В. Уголовное право Германии. Учебное пособие для вузов / А. В. Серебрянникова. М., 2023. С. 124.

Панкратов А.М., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С..

Pankratov A.M., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ ИЛИ ИМЕЮЩИМ СУДИМОСТЬ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF DRIVING A VEHICLE IN A STATE OF INTOXICATION BY A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT OR HAVING A CRIMINAL RECORD

Аннотация.

В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации и расследования повторного управления автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения (ст. 264.1 УК РФ). Обозначается важность административной преюдиции в уголовном

законодательстве, необходимой для совершенствования борьбы с рассматриваемыми правонарушениями.

Abstract.

The article deals with the actual problems of qualification and investigation of repeated driving of a car, tram or other mechanical vehicle by a person in a state of intoxication (Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The importance of administrative prejudice in criminal legislation is indicated, which is necessary to improve the fight against the offenses under consideration.

Ключевые слова: административная преюдиция, нарушение правил дорожного движения; лицо, находящееся в состоянии опьянения, уголовная ответственность за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Keywords: administrative prejudice, violation of traffic rules; a person in a state of intoxication, criminal liability for repeated driving of a vehicle in a state of intoxication.

Ст. 264.1 была введена в УК РФ Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ. Она включает два состава преступления. Первый состав закреплен в ч. 1. Здесь предусмотрена ответственность за управление автомобилем лицом в состоянии опьянения, если оно ранее было подвергнуто административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Таким образом, особенностью данного состава преступления выступает факт повторности совершения

правонарушения: если в первый раз за такое правонарушение предусмотрена административная ответственность, то за повторное совершение аналогичного деяния уже наступает уголовная ответственность. Законодатель не указывает на момент совершения повторного правонарушения, образующего преступление, поэтому в таком случае необходимо обращаться к положениям административного законодательства.

Срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, определен ст. 4.6 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Здесь говорится, что срок административного наказания начинает исчисляться со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания. Оканчивается срок по истечении одного года со дня окончания исполнения данного постановления».

Соответственно, если лицо, подвергнутое административному наказанию в течение года со дня вступления в силу соответствующего постановления, совершит то же правонарушение повторно, то оно понесет уголовную ответственность, а не административную

Еще одним актуальным вопросом, влияющим на отсутствие вины, а соответственно, состава преступления, выступает совершение деяния в результате провокации преступления, совершенной сотрудниками правоохранительных органов или иными лицами, действующими по их поручению.

Так, А. П. Дмитренко отмечает, что особенность провокации преступлений, совершаемой сотрудниками правоохранительных органов или иными лицами, действующими по их поручению, состоит в том, что она

является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность спровоцированного лица[1, с. 58].

Нормативное закрепление провокация получила в ст. 5 федерального закона Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которой под провокацией понимается подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий.

Каких-либо разъяснений судебными и иными органами относительно провокации преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, не имеется. В первую очередь это связано с единичными случаями в практической деятельности, где зачастую сотрудников ГИБДД обвиняют в провокация дабы избежать наказания или свести его к минимуму, при этом такого рода заявления твердой почвы под собой не имеют.

Тем не менее приведенная трактовка понятия «провокация» говорит о моменте и природе возникновения у лица умысла на совершение определенных действий, что, несомненно, позволяет говорить о причастности провокации к элементам субъективной стороны преступления.

Так, Самарским областным судом в 2016 году были отменены обвинительный приговор и оставившее его без изменения апелляционное постановление в отношении С., так как суд принял во внимание доводы последнего. В свою очередь, С. утверждал, что к управлению автомобилем его принудил сотрудник полиции (ГИБДД), заведомо зная, что С. находится в состоянии опьянения[3, с. 32].

Суд установил, что С. прибыл к РЭО ГИБДД для оформления документов совместно со своей женой, которая управляла автомобилем. В период времени,

когда жена С. ушла для оформления документов, к С. подошел сотрудник ГИБДД, почувствовал запах алкоголя от С., но, несмотря на это, потребовал переставить автомобиль. На требование сотрудника полиции С. отвечал отказом, однако инспектор настаивал на своем требовании, и С. переставил автомобиль, при этом сотрудник ГИБДД произвел на сотовый телефон видеозапись движения автомобиля под управлением С.

Областной суд указал на упущения судов первой и апелляционной инстанций, касающиеся проверки действий сотрудника ГИБДД на наличие в них провокации. Вопрос правомерности действий сотрудника полиции должен быть рассмотрен на этапе предварительного расследования, когда при грамотной правовой оценке имеющихся обстоятельств уголовное дело подлежало прекращению по реабилитирующим основаниям, или должно быть отказано в возбуждении при рассмотрении материала проверки по данному факту.

Как отмечают специалисты, наличие следующих критериев свидетельствует о провокации со стороны сотрудников правоохранительной системы: 1) отсутствие объективных подозрений; 2) вынуждение лица к совершению преступления.

Для отнесения конкретного факта к провокации не требуется совокупности факторов, в данном случае достаточно наличия хотя бы одного из названных признаков.

Завершая анализ итогового решения суда по вышеприведенному факту, следует обратить внимание на то, что именно действия инспектора ГИБДД напрямую повлияли на поведение С., у которого умысел на совершение преступного деяния отсутствовал даже

после того, как инспектор впервые потребовал переставить автомобиль на другое место, и только последующие неправомерные призывы сотрудника возымели эффект, тем самым склонив С. к совершению преступных действий.

По мнению А. П. Дмитренко и Н. Г. Кадникова, в данном случае повторение инспектором ГИБДД, знавшим о том, что провоцируемое им лицо находится в состоянии опьянения, своего предложения, настойчивое поторапливание, выступает критерием вынуждения совершения преступления[2, с. 145].

Итак, формулируя выводы, следует определить следующие критерии провокационных действий сотрудников правоохранительных органов или иных лиц, действующих по их поручению: 1) совершенные действия могли способствовать формированию у лица умысла на совершение преступления; 2) отсутствие проверяемых данных о том, что умысел на совершение преступления сформировался без участия сотрудников правоохранительных органов или иных лиц, действующих по их поручению (презумпция наличия провокации преступления); 3) действия были направлены на ускорение совершения преступления провоцируемым лицом[1, с. 59]; 4) критерий вынуждения - повторность и настойчивость совершения неправомерных действий провоцируемым лицом.

Таким образом, осуществление действий сотрудниками правоохранительных органов или иными лицами, действующими по их поручению, приведшие в результате к формированию у лица умысла на совершение преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, и его последующее совершение, должны быть признаны провокацией, и как следствие, обстоятельством, исключающими, уголовную

ответственность провоцируемого лица.

Совершение преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, без признаков провокации, то есть с прямым умыслом, с уголовно-правовой точки зрения выглядит так: потенциальный субъект преступления, в рассматриваемом нами случае - водитель, будучи подвергнутым административному наказанию за управление механическим транспортным средством в пьяном виде или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а равно имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4, 6 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ, в полной мере осознаёт общественную опасность (интеллектуальный момент) своего деяния (управления механическим транспортным средством в состоянии опьянения) и желает этого (волевой момент).

Для квалификации рассматриваемого состава преступления такие факультативные признаки субъективной стороны преступления, как мотив и цель, значения для квалификации не имеют, в связи с чем не входят в предмет нашего исследования. Притом следует отметить, что более чем в 80 % изученных дел мотивацией совершения деяний были комфорт, нежелание пользоваться услугами такси, экономия денежных средств и т. п.

Вместе с тем могут иметь место ситуации, когда лицо выполняет работу или оказывает услуги, не отвечающие требованиям безопасности, управляет при этом механическим транспортным средством и является участником дорожного движения. В этом аспекте самостоятельного исследования заслуживают критерии отграничения преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, от преступного деяния, указанного в ст. 238 УК

РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». Так, в случае управления водителем такси (автобуса, троллейбуса, трамвая и т. п.) механическим транспортным средством в состоянии опьянения при осуществлении своей деятельности (оказания услуг по перевозке людей), предоставляемая им услуга не отвечает требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. В данном случае водителем производится посягательство на два объекта: основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, и непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, т. е. отношения, обеспечивающие здоровье населения и безопасность товаров, работ и услуг для жизни и здоровья потребителей. Как отмечают специалисты, предметом преступления в данном конкретном случае выступают услуги, не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

В случае управления механическим транспортным средством в состоянии опьянения без пассажиров действия водителя - при наличии соответствующих оснований - следует квалифицировать только по признакам состава рассматриваемого преступления.

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что если уголовная ответственность за нарушение специальных требований или правил установлена в других статьях Особенной части УК РФ, то содеянное не должно квалифицироваться по ст. 238 УК РФ независимо от того, совершены эти деяния при выполнении тех или иных работ, оказании услуг. Например, нарушение лицом, управляющим автомобилем или другим механическим транспортным

средством, соответствующих правил при оказании услуги по перевозке пассажиров, повлекшее по неосторожности тяжкие последствия или смерть, необходимо квалифицировать в соответствии со ст. 264 УК РФ, а не по ст. 238 УК РФ. Следует отметить, что, если лицо, выполняя те или иные работы или оказывающее услуги, совершает преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, и при этом не наступают последствия, указанные в ст. 264 УК РФ, то такие деяния следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ и соответствующей части ст. 238 УК РФ.

В завершении хотелось бы отметить, что ещё достаточно много актуальных проблем остается в нашем уголовном законодательстве. Благодаря огромной работе практиков становятся видны все пробелы «бумажных» законов, однако следует обратить внимание на то, что все эти пробелы достаточно быстро дорабатываются, особенно в нынешнее время, когда внимание законодателя достаточно четко сконцентрировано на дорожной смертности, а именно на желании уменьшить её показатели.

Список цитируемой литературы:

1. Дмитренко, А. П. Соотношение провокации преступления и подстрекательства к преступлению // Общество и право. – 2018. – № 4 (66). – С. 58.

2. Дмитренко, А. П., Кадников Н. Г. Правовая позиция Европейского суда по правам человека о провокации преступления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 145.

3. Жуков, А. М. Субъективная сторона нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4 (54). – С. 32

Парахин Д.Р., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор
Соловьева В.В.

Parakhin D.R., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: PhD in History,
Solovieva V.V.

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ СОХРАНЕНИЯ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF VIOLATION OF THE REQUIREMENTS FOR THE PRESERVATION OR USE OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS FROM RELATED CRIMES

Аннотация.

В статье анализируются проблемы разграничения нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия от смежных составов преступлений

Abstract.

The article analyzes the problems of distinguishing violations of the requirements for the preservation or use of cultural heritage objects from related offenses

Ключевые слова: нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия; разграничение от смежных составов.

Key words: violations of the requirements for the preservation or use of cultural heritage sites; distinction from adjacent compositions.

Уголовное законодательство Российской Федерации содержит ряд норм, в той или иной степени направленных на охрану объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия народов России: это ст. 243 «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей»; ст. 243.1 «Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, либо выявленных объектов культурного наследия»; ст. 243.2 «Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания»; ст. 214 «Вандализм», ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронений».

Анализ применения указанных норм в следственной и судебной практике свидетельствует о том, что правоприменитель при квалификации преступлений зачастую сталкивается с трудностями, ввиду необходимости обращения к положениям иных, смежных отраслей права, а также в связи с особенностями конструкции самих норм.

Статья 243.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение требований сохранения или современного использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, либо выявленных объектов культурного наследия, была введена в УК РФ сравнительно недавно – Федеральным законом от 23.07.2013 № 245-ФЗ.

Проведенный в предыдущей главе анализ объективных и субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, позволяет четко разграничивать смежные составы.

Подробнее остановимся на отграничении норм, предусмотренных ст. 243.1 от ст. 243 УК РФ – уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей.

По нашему мнению, появление в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за нарушение

требований сохранения или использования объектов культурного наследия, обусловлено тем, что ст. 243 УК РФ на определенном этапе развития отечественного законодательства потребовала конкретизации ответственности за содеянное в отношении памятников истории и культуры. В исходной редакции ст. 243 УК РФ предусматривала возможность привлечения к ответственности широкого круга лиц, вне зависимости от характера и степени общественной опасности содеянного.

При этом собственники или иные законные владельцы объектов государственной охраны при возникновении определенных необратимых последствий в отношении памятника истории и культуры избегали уголовной ответственности. Они ссылались на «естественный износ, естественное обветшание» исторической постройки. С этим соглашались органы государственной охраны объектов культурного наследия, правоохранительные органы.

Полагаем, что в большинстве случаев уничтожение или повреждение объекта охраны становилось определенным результатом действий (бездействий) собственника, либо иного законного владельца, не принявшего мер по его должной эксплуатации, сохранению. Отсутствие в законе указания на эти обстоятельства лишало правоприменителя возможности привлечь виновных к уголовной ответственности.

Как уже отмечалось, применение исследуемых норм в практической деятельности во многом затруднено ввиду особенностей их законодательной конструкции. Более того, рассматриваемые составы преступлений имеют ряд схожих (смежных) признаков.

Во-первых, идентичны их родовой и видовой объекты.

Во-вторых, диспозиции ст. 243 и ст. 243.1 УК РФ являются бланкетными. Применение следователем (дознавателем), прокурором либо судьей уголовно-правовой нормы, сформулированной бланкетным способом, отличается спецификой, которая проявляется в необходимости установления конкретного нормативного акта (актов) иной отрасли права, являющегося ее источником, наряду с уголовным законом[1].

Так, при установлении предмета преступного посягательства в ст. 243, 243.1 УК РФ следует руководствоваться ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ. В данной статье произведено видовое деление объектов культурного наследия исходя из конструктивных особенностей и соотношения отдельных составных элементов. Так, достопримечательное место – это творение, созданное природой, либо совместное творение человека и природы, в том числе места традиционного бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории России. Деление по категориям историко-культурного значения дано в ст. 4 Федерального закона № 73-ФЗ. В соответствии с ней все памятники истории и культуры, находящиеся под охраной государства, отнесены к объектам федерального, регионального и местного значения.

Определенную сложность для правоприменителя представляет необходимость обращения по

рассматриваемым составам преступления к ранее не опубликованным нормативным актам иной отрасли права. Так, Л.Р. Клебанов отмечает, «что в отдельных случаях отнесение памятника к категории особо ценных объектов культурного наследия народов России, ответственность за повреждение либо уничтожение которых установлена ч. 2 ст. 243 УК РФ, затруднено необходимостью применения ранее неопубликованных правоустанавливающих нормативных актов, что противоречит ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации»[2].

Несмотря на схожесть, исследуемые статьи УК РФ обладают целым рядом отличий, имеющих существенное значение для квалификации содеянного.

Прежде всего, различия указанных составов проявляются в характеристиках непосредственного объекта преступления. Такими, применительно к ст. 243.1 УК РФ, выступают общественные отношения, возникающие в области сохранения историко-культурной ценности, физической сохранности объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ, выявленных объектов культурного наследия, а также использования указанных объектов без ухудшения их физического (технического) состояния, изменения ценностных (историко-культурных) характеристик. Основным критерием отнесения общественных отношений к непосредственному объекту уголовно-правовой охраны в составе преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, является характеристика совершаемых действий (бездействий) в виде сохранения и (или) современного использования объектов культурного наследия народов

России, выявленных объектов культурного наследия. Непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, выступают «общественные отношения, складывающиеся по поводу физической сохранности объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, культурных ценностей»[3; с.400]. При этом субъект преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, не принимает на себя установленныест. 47.6 Федерального закона № 73-ФЗ обязательства собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия, культурной ценности по их должному использованию и сохранению.

Различие, рассматриваемых составов преступлений, имеется в признаках объективной стороны. По нашему мнению, преступление, предусмотренное ст. 243.1 УК РФ, может совершаться как в форме действия, так и бездействия, тогда как преступление, предусмотренное ст. 243 УК РФ, совершается только в форме действия. Применительно к нарушению требований сохранения объектов культурного наследия, детерминантой наступивших необратимых последствий является преступное действие (бездействие) лица в части его обязанности заботиться о надлежащей конструктивной целостности памятника истории и культуры, его составных частей и элементов, без ухудшения их технического состояния. Требования к сохранению объекта должны быть изложены в охранном обязательстве и предусматривать консервацию, ремонт, реставрацию, приспособление объекта культурного наследия к современной эксплуатации либо сочетание указанных мер. Непринятие мер по сохранению памятника истории и

культуры с течением времени, под воздействием внешних факторов (природного, техногенного происхождения), ведет к утрате его уникальных свойств, вплоть до полного уничтожения. К примеру, без принятия должных консервационных мер невозможно сохранить от утраты уникальные свойства или сам объект деревянного зодчества. Без проведения реставрационных работ затруднено сохранение объектов культурного наследия, находящихся в крупных мегаполисах и подвергающихся вредному техногенному воздействию окружающей среды.

Нарушение требований использования объектов культурного наследия может произойти и в результате совершения собственником или иным законным владельцем действий, установленных охранным обязательством, но нарушающих требования эксплуатации памятника истории и культуры. По своему содержанию действие (бездействие) по использованию и сохранению взаимосвязаны и взаимодополняемы друг другом. К примеру, нельзя должным образом использовать объект культурного наследия без соблюдения требований его сохранения.

Таким образом, при квалификации преступления по ст. 243.1 УК РФ правоприменителю необходимо руководствоваться ст. 47.2, 47.3, 47.6, гл. IV Федерального закона № 73-ФЗ, которые раскрывают понятия «требование к сохранению, содержанию и современному использованию объектов культурного наследия», «единый государственный реестр», «охранное обязательство собственника или иного законного владельца объекта культурного наследия». Только путем применения указанных статей Федерального закона № 73-ФЗ возможно принятие решения о наличии либо отсутствии состава

преступления.

Преступления в отношении памятников истории культуры следует различать и по субъекту. Исходя из диспозиции исследуемых норм, в соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности за содеянное подлежат лица, достигшие возраста 16 лет. Указанная позиция является не вполне корректной и требует определенного уточнения. По нашему мнению, субъект, предусмотренный ст. 243.1 УК РФ, имеет определенные, присущие только ему особенности. Им, исходя из диспозиции статьи, может быть только собственник объекта охраны или иной законный владелец, с которым, в соответствии со ст. 47.6 Федерального закона № 73-ФЗ, заключено охранное обязательство. При отсутствии указанного правоустанавливающего документа действия лица, собственника или иного законного владельца, вне зависимости от имущественных прав на объект охраны, подлежат квалификации по ст. 243 УК РФ.

Таким образом, критериями разграничения ст. 243 и ст. 243.1 УК РФ являются следующие различия:

- в характеристиках непосредственного объекта, которым применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, выступают общественные отношения, возникающие в области сохранения историко-культурной целостности, физической сохранности, а также современного использования собственником (иным законным владельцем) объектов культурного наследия. Непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, являются общественные отношения исключительно по поводу физической целостности памятника истории и культуры.

- в признаках объективной стороны в части возможности совершения преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, только в форме действия, при этом преступление, предусмотренное ст. 243.1 УК РФ, может быть совершено как в форме действия, так и преступного бездействия.

- в субъекте, которым применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 243.1 УК РФ, могут быть только собственник, представитель собственника или иной законный владелец, с которым в соответствии со ст. 47.6 Федерального закона № 73-ФЗ заключено охранное обязательство, предусматривающее наступление уголовной, административной или иной юридической ответственности в случае его нарушения. Определенную сложность вызывает разграничение ст. 243.1 и ч. 2 ст. 243.2 УК РФ – поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без разрешения (открытого листа), повлекшие повреждение или уничтожение культурного слоя, совершенные в границах территории объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, или выявленного объекта культурного наследия.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, в отличие от объективной стороны ст. 243.1 УК РФ, характеризуется деянием в виде незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания, повлекшее повреждение или уничтожение культурного слоя. При этом действия по незаконному поиску и изъятию археологических ценностей могут быть произведены и на территории памятника истории и

культуры, непосредственно на самом объекте охраны (отдельное захоронение, некрополь, иной объект археологического наследия). В результате совершенных противоправных действий может быть нарушена конструктивная целостность объекта культурного наследия, произойти его повреждение или полное разрушение. В случае наступления общественно опасных последствий, характеризующих объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 243.1 УК РФ, содеянное образует совокупность преступлений с ч. 2 ст. 243.2 УК РФ. Особо квалифицирующим признаком состава, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ, является совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения, то есть специальным субъектом. В контексте рассматриваемой статьи им может быть должностное лицо, например, получившее информацию о месте нахождения культурных ценностей и использовавшее ее для организации их незаконного поиска и изъятия[4; с.167].

Изложенное подтверждает мнение о необходимости дополнения ст. 243.1 УК РФ частью второй, предусматривающей возможность привлечения к ответственности лицо, совершившее преступление с использованием своего служебного положения.

Отграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 214 и ст. 243, 243.1 УК РФ, следует проводить на основе тщательного установления всех объективных и субъективных признаков[5; с.132]. В используемый правовой инструментарий преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ – «осквернение», «порча», законодателем изначально заложена характеристика противоправного поведения виновного. Лицом, совершающим преступление, движет

желание путем внешнего воздействия на объект материального мира, вне зависимости от его историко-культурного статуса, выразить свое отношение к нему, социальной, религиозной или этнической группе, оскорбить их чувства, дестабилизировать работу предприятий, организаций, оказывающих услуги населению и т.п. Мотив совершаемых действий в диспозиции статьи не указан, но он, как правило, хулиганский[6; с. 67]. Беспричинно, либо используя ничтожный (малозначительный) повод, лицо, совершающее преступление, воздействует на объект материального мира, расположенный в общественном месте. Преступник в большинстве случаев относится с безразличием к статусу предмета преступного посягательства[7]. При этом, если виновный «оскверняет» охраняемый государством памятник, то его действия следует квалифицировать по ст. 214 УКРФ. Термины «порча» и «повреждение» являются синонимами, соответственно критерием разграничения ст. 214 и ст. 243, 243.1 УК РФ в случае совершения одного из указанных преступлений является предмет преступного посягательства. Содеянное следует квалифицировать по ст. 243, 243.1 УК РФ при порче (повреждении) объекта культурного наследия.

В июле 2017 г. в г. Торжке Тверской области РФ неизвестными лицами были нанесены оскорбительные надписи и рисунки на стенах объекта культурного наследия федерального значения – деревянной «Старо-Вознесенской, Тихвинской церкви» 1653 г. постройки и стенах объекта культурного наследия регионального значения «Климентовской церкви» 1854 г. постройки. Надписи и рисунки, по мнению представителей

органов прокуратуры Тверской области РФ, «осквернили» своим содержанием памятники истории и культуры, но не повредили их конструктивно. Действия неустановленных лиц обоснованно были квалифицированы сотрудниками правоохранительных органов г. Торжка по ч. 2 ст. 214 УК РФ[8].

Следственная практика в регионах Российской Федерации не всегда руководствуется предложенным правилом. Так, сотрудниками органов внутренних дел ОМВД по Усть-Абаканскому району Республики Хакасия РФ в марте 2017 г. возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 243 УК РФ. В ходе проведенного расследования установлено, что один из посетителей места расположения древних артефактов, рядом с высеченными на склоне горы Кюнь-Тах Абаканского района Республики Хакасия РФ петроглифами, нанес краской надпись непристойного содержания. Петроглифы на склоне горы признаны объектом археологического наследия федерального значения «Писанница Куня-1», давностью создания более двух тысяч лет. Свое поведение гражданин К. объяснил желанием оставить память о своем пребывании в привлекательном своей природой месте. О том, что склон горы с нанесенными на него результатами творчества «людей древности», является объектом археологического (культурного) наследия, он не знал [9].

В отсутствии судебной практики по ст. 243.1 УК РФ указанный пример наглядно иллюстрирует возникающие затруднения в разграничении составов преступлений. Полагаем, что содеянное К. следует квалифицировать по ч. 1 ст. 214 УК РФ, поскольку он своими действиями, не повредив памятник истории и

культуры, нанес краской надпись непристойного содержания, тем самым «осквернил» его, подверг поруганию. Кроме этого, в случае совершения противоправных действий в отношении объекта культурного наследия виновное лицо должно знать о характере предмета преступления, о его особом историко-культурном значении, нахождении его под защитой со стороны государства, что в рассматриваемой ситуации установлено не было.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 214 и ст. 243, 243.1 УК РФ, проводится по объективным признакам. В ст. 243, 243.1 УК РФ особый предмет правовой охраны, повреждение (порча), уничтожение которого влечет наступление уголовной ответственности за совершение преступления в отношении объектов культурного наследия.

По нашему мнению, следует провести разграничение преступлений, предусмотренных ст. 243.1 и ст. 244 УК РФ. Они имеют определенную схожесть по объективным признакам своих составов [10]. Общим видовым объектом рассматриваемых преступлений могут быть нравственные требования к поведению потомков по отношению к памяти умерших и местам их захоронения. Объективная сторона составов преступлений выражается в совершении схожих по характеру действий (бездействий) по повреждению, уничтожению мест захоронения, надмогильных сооружений, кладбищенских строений[11; с.167].

В соответствии со ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ в качестве предмета преступления в ст. 243.1, 244 УК РФ могут быть объекты культурного

наследия, а именно памятники – мавзолеи и отдельные захоронения; ансамбли – некрополи; достопримечательные места – места захоронения жертв массовых репрессий, религиозно-исторические места. В случае признания поврежденного или уничтоженного места захоронения, надмогильного сооружения или кладбищенского строения, предназначенного для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением, объектом культурного наследия, содеянное следует квалифицировать по совокупности ст. 243 и 244 УК РФ, поскольку непосредственный объект рассматриваемых преступлений разный. Если схожие признаки объективной стороны состава преступления – повреждение или уничтожение – характеризуют уже не действия (бездействия), а последствия сохранения места захоронения – объекта культурного наследия, то содеянное следует квалифицировать по совокупности рассматриваемых преступлений.

Значение отграничения исследуемых составов преступлений возрастает с увеличением количества нарушений, связанных с ненадлежащим сохранением объектов культурного наследия – некрополей, отдельных захоронений граждан СССР, погибших во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.[12]. Так, прокуратура Волгоградской области РФ выявила нарушение ст. 6 Федерального закона № 73-ФЗ, выразившееся в непринятии органами местного самоуправления г. Волгограда мер по учету, предотвращению разрушения объекта культурного наследия регионального значения – «Братской могилы советских воинов, погибших в период Сталинградской битвы Великой

Отечественной войны (пос. Песчанка Советского района г. Волгограда)», включенного в единый государственный реестр памятников истории и культуры Волгоградской области РФ. На месте некрополя в ноябре 1942 г. вели ожесточенные бои 62-я, 64-я и 57-я армии РККА. В результате непринятия мер по сохранению объекта охраны мемориальный комплекс, на месте погребения советских солдат, был практически полностью разрушен [13]. Однако привлечь виновных лиц по ст. 243.1 УК РФ невозможно в связи с тем, что ответственные за сохранение памятника истории должностные лица администрации города не приняли на себя обязательство по его сохранению. Кроме того, ст. 243.1 УК РФ не предусматривает возможность наступления ответственности должностных лиц за нарушение требований сохранения и (или) современного использования объектов культурного наследия.

Список цитируемой литературы:

1.Боровиков, Н.С. Бланкетные нормы в уголовном праве: специальность 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право: автореферат диссертации кандидата юридических наук / Боровиков Никита Сергеевич; [Место защиты: Акад. эконом. безопасности МВД РФ]. - Москва, 2009. - 22 с.

2.Клебанов, Л.Р. Бланкетность уголовно-правовых норм и защита культурных ценностей /Л.Р. Клебанов // Журнал российского права. – 2009. – № 9. – С. 78–88.

3.Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: специальность 12.00.08

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право: автореферат диссертации доктора юридических наук / Клебанов Лев Романович; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. - Москва, 2012. - 47 с.

4. Уголовное право России. Особенная часть в 2 т. Том1 : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.] ; под редакцией О. С. Капинус. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 556 с.

5. Калининская, Я. С. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры: специальность 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право: автореферат диссертации кандидата юридических наук. / Калининская Яна Сергеевна; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. - Москва, 2008. - 24 с.

6. Уголовное право России. Особенная часть в 2 т. Том1 : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.] ; под редакцией О. С. Капинус. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 556 с.

7. Скляров, К.А. Проблемы разграничения вандализма (ч. 1 ст. 214 УК РФ) и уничтожения или повреждения памятников истории и культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность / К.А. Скляров // Наука и образование: хозяйство и экономика. – 2012. – № 3 (22). – С. 107–112.

8. В Торжке вандалы осквернили две старинные церкви URL: http:// tverigrad.ru/publication/v-torzhke-vandaly-oskvernili-dve-starinnye-cerkvi

9. В Хакасии нашли тех, кто закрасил древние петроглифы на горе Куня. URL: http://www.19rus.info/index.php/obshchestvo/item/67647-

v-khakasii-nashli-tekh-kto-zakrasil-drevnie-petroglify-na-gore-kunya

10. Калининская, Я.С. Разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 214, 243, 244 Уголовного кодекса Российской Федерации: объективные критерии / Я.С. Калининская, А.А. Чугунов // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 106–109.

11. Уголовное право России. Особенная часть в 2 т. Том1 : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.] ; под редакцией О. С. Капинус. - 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. - 556 с.

12. О пресечении надругательства над памятниками, связанными с историей государства и ее символами: Указ Президента СССР от 13.10.1990 № УП-870 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – № 42. – Ст. 881.

13 Волгоград заставили взять на баланс бесхозные братские могилы. URL: http://news.vdv-s.ru/incident/?news=278659

Петрухин А.С., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Petrukhin A.S., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ВОПРОСЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

FEMALE CRIME: DETERMINATION AND PREVENTION ISSUES

Аннотация.

В статье рассматриваются причины женской преступности, а также факторы, влияющие на ее количественные и качественные изменения. Предупреждение женской преступности является одним из важнейших направлений сложной, многогранной деятельности органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов по профилактике правонарушений. Особенности личности женщин, их объективного положения в системе социальных отношений обусловливают необходимость последовательной интенсификации мер борьбы с

данной формой преступных проявлений и находятся в прямой зависимости от научной обоснованности соответствующих общих и индивидуальных профилактических мер, их целенаправленности, последовательности и взаимной согласованности. Работа по профилактике женской преступности может быть успешной только в том случае, если она базируется на положениях криминологии, педагогики, психологии, достижений других наук. На основе проведенного исследования, а также с учетом особенностей детерминант женской преступности делается вывод о необходимости применения для предупреждения данного вида преступности общесоциальных, а также специальных мер правового, организационного, психолого-педагогического и иного характера.

Abstract.

The article discusses the causes of female crime, as well as factors affecting its quantitative and qualitative changes. Prevention of women's crime is one of the most important areas of complex, multifaceted activities of internal affairs bodies, bodies and institutions of the penal enforcement system and other law enforcement agencies for the prevention of offenses. The peculiarities of the personality of women, their objective position in the system of social relations necessitate a consistent intensification measures to combat this form of criminal manifestations are directly dependent on the scientific validity of the corresponding general and individual preventive measures, their purposefulness, consistency and mutual consistency. The work on the prevention of female crime can be successful only if it is based on the provisions of criminology, pedagogy, psychology, achievements of other

sciences. Based on the conducted research, as well as taking into account the peculiarities of the determinants of female crime, it is concluded that it is necessary to apply to prevent this type of crime from general social, as well as special legal, organizational, psychological, pedagogical and other measures.

Ключевые слова: женщины, женская преступность, преступление, причины преступности, предупреждение преступности.

Keywords: women, female crime, crime, causes of crime, crime prevention.

Причины преступности представляют собой систему обстоятельств, которые исходят из существующей действительности (объективные обстоятельства), а также особенностей конкретного человека (субъективные обстоятельства), которые порождают общественно опасные деяния. Это характерно и для женской преступности. Анализ женской преступности показывает, что в основу ее причин заложены определенные процессы и явления. Криминологи выделяют следующие причины: – активное участие женщин в производстве, а также в общественной жизни; – ослабление роли социально значимых институтов, и в первую очередь семьи; – возросшая напряженность в обществе, появление в нем конфликтов и враждебности; – увеличение числа антиобщественных явлений. Причины женской преступности тесно взаимосвязаны с особенностями женской психологии и исходят из искаженной волевой и нравственной сферы личности женщин. Для такой категории лиц свойственны определенные качества личности и потребности (например, стремление к

совершенству, повышенная в отношениях с окружающими чувствительность, предрасположенность к неврастении и психопатии, конформизм). Необходимо отметить, что женщина большое значение придает поиску дополнительных доходов для удовлетворения своих потребностей, который нередко приводит к угасанию внимания в отношении таких социально значимых институтов, как семья, культура, спорт.

В последнее время прослеживается тенденция, что после рождения ребенка женщина достаточно часто остается одна, без поддержки близких людей, без трудоустройства и постоянного дохода. Именно эти обстоятельства толкают женщину на совершение преступления. Значительную долю в структуре женской преступности занимают преступления против собственности (более 50 %), в частности, мошенничество и кража. Причиной данных преступлений выступает в основном нехватка денежных средств, а также невозможность законного приобретения желаемых ценностей. По статистическим данным, большинство женщин, которые совершили преступление, имеют среднее образование или слабую профессиональную подготовку и вынуждены заниматься неквалифицированным трудом. Вследствие этого на их плечи ложится тяжелый груз, с которым мало кто из них может справиться, не нарушая закон. Данный факт в дальнейшем осложняет их реабилитацию и адаптацию в обществе посредством труда, исходя из чего появляется вероятность совершения ими повторного преступления. В. А. Казакова, проводя анализ состава женщин-преступниц, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, утверждает, что в настоящее время в структуре женской

преступности преобладают преступления с элементами физической агрессии.

Преступления против собственности (мошенничество, кража, разбой, грабеж) составляют одну третью от числа всех преступлений, против здоровья и общественной нравственности (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств или их аналогов) – больше пятой части от общего числа женских преступлений. У значительной части женщин-преступниц, отбывших наказание, отсутствуют семьи, прервана связь с детьми, утрачены навыки работы во время пребывания в исправительных учреждениях, ухудшено их общее психическое состояние (увеличиваются стрессы, усиливается тревога). В связи с этим необходимо разрабатывать и принимать меры по их реабилитации. Представляется, что государство должно разрешать проблемы женщин, которые отбывают наказания, не имеют постоянного места жительства, а также постоянного источника дохода. Данные обстоятельства требуют разработки специальных мер постпенитенциарной социальной адаптации, которые будут учитывать индивидуальные особенности осужденных.

Необходимо отметить, что в последнее время существенно изменилась роль женщины в обществе. Как правило, считалось, что она заключается лишь в создании, поддержке уюта и комфорта в семье, а также в воспитании детей. Однако изменение роли женщины в социуме происходит болезненно не только для самой женщины, но и для общества как с экономической, так и с моральной позиции. Разрушение либо ослабление семьи часто приводит к тому, что женщина перестает выполнять возложенные на нее обязанности

(воспитание детей, занятие домашним хозяйством) либо делает это ненадлежащим образом. Кроме того, нередко употребление алкоголя, наркотических средств в результате приводит их к социальной деградации, а также совершению деяний, запрещенных уголовным законом. Даже в благополучной семье конфликты и неблагоприятная обстановка могут повлиять на преступное поведение женщин. По мнению И. И. Карпеца, семья закладывает практически все в человека и определяет его как личность. Семья формировала, формирует и будет формировать в преступниках, в том числе в женщинах, как положительные, так и отрицательные качества, потребности, интересы, жизненные ориентации. Семья выступает также положительным фактором для женщин, которые совершили преступление и отбывают наказание в местах лишения свободы, поскольку именно она дает женщине необходимую поддержку и сдерживает ее от совершения преступлений. У женщин по сравнению с мужчинами наблюдается быстрый подрыв психологических установок, связей, стереотипов. Указанное явление обосновывает склонность женщин к деградации личности (алкоголизм, наркомания), в связи с чем женщина легче вовлекается ни к чему не обязывающему образу жизни.

На второй план отходят такие важные для женщины ценности, как дети, семья, работа, что способствует ведению ей асоциального образа жизни. Значительное распространение получило такое явление, как женская наркомания. Большинство криминологов склонны полагать, что у женщин быстрее наступает физическая и психическая зависимость от наркотических средств и психотропных веществ при низких дозировках, чем у мужчин. Вышеуказанные

отрицательные процессы во многом происходят из-за изменений в системе моральных ценностей в обществе. Эти ценности позволяют людям определять меру нравственной ответственности перед самим собой и обществом, формулировать собственное понимание добра и зла, порядочности и безнравственности. Такие факторы, как пропаганда в обществе тем секса, насилия, жестокого обращения, ловкости преступников, бессилия и продажности сотрудников правоохранительных органов, действуя через средства массовой информации, формируют стереотипы поведения молодых женщин и побуждают их к ведению асоциального и антисоциального образа жизни.

Анализируя причины женской преступности, следует обратить внимание как на внешние (объективные) обстоятельства, так и на специфику женской психологии и психики (субъективные обстоятельства). Детерминанты женской преступности представляют собой совокупность негативных процессов и явлений, которые присутствуют в общественной жизни (первостепенны экономические, организационно-управленческие, духовно-нравственные), непосредственном окружении женщин (семейное неблагополучие, сложные отношения в трудовых коллективах), а также в личностных недостатках самих женщин (наркотическая и алкогольная зависимость, агрессивность, низкий образовательный уровень и т. п.). Рассматривая вопросы предупреждения женской преступности, отметим, что их необходимо решать в рамках борьбы с преступностью в целом.

Предупреждение женской преступности включает в себя комплекс целенаправленных воздействий, влияющих на причины и условия возникновения

женской преступности, реализующихся путем применения различных мер на общесоциальном, социально-криминологическом и индивидуальном уровнях. Из-за специфических обстоятельств, обусловливающих особенности женской преступности, предопределяется необходимость осуществления ряда специальных мер правового, организационного, психолого-педагогического и иного характера.

Достижение качественно иного состояния общества выступает обязательным условием успешности специальных мер по предупреждению женской преступности. В первую очередь женщине необходимо иметь иной статус в обществе, ее следует избавить от роли основной, в том числе равной с мужчинами, «добытчицы» материальных благ. Внимание и силы женщины должны быть сосредоточены на детях, семье.

В докладе на IV Всемирной конференции по положению женщин в качестве стратегической цели предусмотрено «изменение целенаправленного распределения государственных ассигнований и структуры в целях равного доступа к производственным ресурсам женщин, поощрения их экономических возможностей, а также удовлетворения специальных медицинских и образовательных потребностей женщин, особенно которые проживают в условиях нищеты» (Пекинская декларация, принятая IV Всемирной конференцией по положению женщин, Пекин, 4–15 сентября 1995 г.). Милосердие и гуманность должны выступать базовыми принципами профилактической работы с женщинами. Именно они должны пронизывать уголовный, уголовнопроцессуальный и уголовно-исполнительный законы, а также подзаконные нормативноправовые акты. Следует отметить, что

нельзя сдерживать преступность исключительно только с помощью наказания. Предупреждение преступлений должно сводиться к ликвидации причин, способствовавших их совершению.

Первостепенно обществу необходимо достичь иного состояния защищенности людей, в соответствии с которым человек должен ощущать на себе заботу государства и у него не должно возникать потребности добывать себе средства к нормальному существованию преступным путем. Однако в настоящее время переход к такому состоянию по-прежнему является глобальной проблемой общества. В современном обществе важная роль принадлежит разнообразным движениям и некоммерческим организациям, которые отстаивают права женщин и защищают их интересы. Значительное влияние на предупреждение женской преступности оказывают также подразделения органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Данные отделы проводят индивидуально-профилактическую работу по предупреждению преступлений с неблагополучными семьями и трудными подростками.

Следует обратить внимание на такую проблему, как занятость женщин на полный рабочий день, поскольку, помимо работы, на женщину возложена и обязанность заботы о детях и семье. В связи с этим ей необходим полноценный отдых, чтобы она не испытывала чувство постоянной спешки, депрессии, усталости, неудачливости. Необходимо проводить комплекс мероприятий, направленных на раннюю профилактику сексуальной деморализации. В данном случае помощь могут оказывать психологи, медицинские работники. Им следует выявлять женщин, которые начали совершать аморальные действия, а

также источник развращающего влияния на несовершеннолетних. В настоящее время значительную роль в предупреждении женской преступности играет церковь, проповедуя гуманность, провозглашая любовь, взаимопомощь, послушание и скромность.

Предупреждение женской преступности является одним из важнейших направлений сложной, многогранной деятельности органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов по профилактике правонарушений. Особенности личности женщин, их объективного положения в системе социальных отношений обусловливают необходимость последовательной интенсификации мер борьбы с данной формой преступных проявлений и находятся в прямой зависимости от научной обоснованности соответствующих общих и индивидуальных профилактических мер, их целенаправленности, последовательности и взаимной согласованности. Работа по профилактике женской преступности может быть успешной только в том случае, если она базируется на положениях криминологии, педагогики, психологии, достижений других наук.

Библиографический список

1. Казакова В. А. Характеристика женщин, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.). URL : https://wiselawyer.ru/poleznoe/62505- kharakteristika-zhenshhin-otbyvayushhikh-lishenie-svobody-materialam-specialnoj (дата обращения: 03.03.2019).

2. Алексеев Д. Ю. Алкоголизм и наркомания как причины женской преступности // Актуальные

проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 2. С. 177–178.

3. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. 432 с.

4. Луговенко Т. П. Некоторые аспекты предупреждения женской преступности // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Естественные, общественные науки. 2012. № 1. С. 30–36.

5. Бартасюк А. А., Контанистов И. В. Основные направления предупреждения женской преступности: актуальные проблемы и перспективы развития // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т. 4. № 4. С. 539–547

Пивоварова В.Н., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Брусенцева В.А.

Pivovarova V.N., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Brusenceva V.A.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: ПОЧЕМУ ЭТО ОСОБЕННО ВАЖНО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ?

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF COMBATING CRIME: WHY IS IT ESPECIALLY IMPORTANT AT THE PRESENT STAGE?

Аннотация.

В статье рассматривается деятельность правоохранительных органов, направленная на международное сотрудничество в сфере предупреждения, предотвращения и 260 пресечения уголовно наказуемых деяний. Особое внимание обращено на противодействие 260 транснациональной преступности, а также способы и меры международного взаимодействия в данной области. Приводятся примеры

международных организаций, показана их роль в противодействии преступности.

Abstract.

The article examines the activities of law enforcement agencies aimed at international cooperation in the field of prevention, prevention and 260 suppression of criminally punishable acts. Particular attention is paid to countering 260 transnational crimes, as well as ways and measures of international cooperation in this area. Examples of international organizations are given, their role in combating crime is shown.

Ключевые слова: преступление, международное сотрудничество, взаимодействие, предупреждение, противодействие, пресечение, экстрадиция, транснациональная преступность

Keywords: crime, international cooperation, interaction, prevention, counteraction, suppression, extradition, transnational crime

В качестве одного из наиболее приоритетных направлений для международного сотрудничества различных государств мира выделяется предупреждение преступности и противодействие ей. Пожалуй, в условиях современных реалий, это не представляется удивительным, ведь в последние несколько десятилетий, учитывая быстрые темпы цифровизации всех сфер функционирования государства и социума, преступность стала носить глобальный и трансграничный характер (об этом пишет ряд ученых-правоведов, в частности, М.А. Андреева[1, с. 162]). Со всей очевидностью можно утверждать, что эффективное решение проблемы национальной безопасности Российской Федерации (далее по тексту - Россия, РФ)

больше не может основываться исключительно на внутригосударственном законодательстве, а требует в своей основе принятия коллективных усилий, которые бы опирались на конвенции, декларации, пакты, соглашения (в частности, ООН, БРИКС, ОДКБ, ШОС и др.), разработанных, заключенных, подписанных на международно-правовом уровне.

Кроме того, следует также отметить, что на современном этапе потребность в международном сотрудничестве по противодействию преступности обостряется еще больше в силу недавно произошедших во всем мире социально-экономических и политических событий. В их числе, в частности, находится пандемия COVID-19:об этом пишут аналитики Европола, отмечая, что преступники, в том числе и организованные преступные группировки, активно используют сложившуюся во всем мире кризисную ситуацию в собственных корыстных целях, изобретая новые, усложненные формы и способы совершения преступления (в особенности, это касается трансграничных киберпреступлений, раскрытие которые представляет повышенную сложность для национальных правоохранительных органов конкретного государства, функционирующих «в одиночку»)[2, с. 228].

Другим фактором, усугубившим распространение преступности на транснациональном уровне, стал кризис, обусловленный сложившейся внешнеполитической обстановкой между Россией и Украиной (речь здесь идет о проведении специальной военной операции по денацификации последнего государства), повлекшей за собой применение в отношении России со стороны мирового сообщества серьезнейших экономических санкций. Очевидно, что

организованная преступность на этом фоне только лишь активизируется как никогда раньше, ведь сейчас ведется жесткая информационная война и пропаганда, в ходе которой сознание подавляющего большинства обывателей подвергается достаточно серьезному негативному воздействию извне. Отсюда, собственно, участились случаи кибермошенничества (к примеру, звонки, якобы, мобилизованных родных со спецоперации, с просьбами о перечислении денежных средств на фронт, или же звонки якобы президента Украины Владимира Зеленского с рассказами о том, что близкий человек попал в плен)[3, с. 140].

Безусловно, выход России в текущий момент из большого числа международных организаций не способствует стабилизации ее национальной безопасности, однако, ее выход из международных организаций, призванных оказывать содействие в противодействии трансграничной преступности может быть и вовсе фатальным. В силу чего, международное сотрудничество в области противодействия преступности на сегодняшний день должно быть не только не прекращено, но и усилено во множество раз.

Список цитируемой литературы:

1. Андреева М.А. Основы теории национальной и международной безопасности: курс лекций. – Тегеран: Ketabe Rira Publication, 2018. – 384 с. – (Проф. образование). – Текст: непосредственный.

2. Овчинский В.С., Ларина Е.С. COVID-19: предчувствие апокалипсиса. – Москва: Книжный мир, 2020. – 448 с. – (Проф. образование). – Текст: непосредственный.

3. Шалагин А.Е. Транснациональная преступность: понятие, признаки, меры противодействия // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 9. – С. 138-141.

Пивоварова В.Н., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Брусенцева В.А.

Pivovarova V.N., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Brusenceva V.A.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF COMBATING CRIME

Аннотация.

В статье рассматриваются принципы борьбы с преступностью, признанные международным сообществом. Отмечена роль ООН в вопросах борьбы транснациональной организованной преступностью. Исследованы положения международных нормативных правовых актов в сфере противодействия транснациональной преступности, а также современное состояние международной преступности. Отмечена динамика совершения преступления в сфере

информационно-телекоммуникационных технологий, преступлений с использованием персональных данных. Определены ключевые факторы, способствующие транснациональной организованной преступности.

Abstract.

The article discusses the principles of combating crime recognized by the international community. The role of the UN in the fight against transnational organized crime was noted. The provisions of international normative legal acts in the field of combating transnational crime, as well as the current state of international crime, are studied. The dynamics of the commission of a crime in the field of information and telecommunication technologies, crimes involving the use of personal data are noted. The key factors contributing to transnational organized crime are identified.

Ключевые слова: международное сотрудничество, транснациональная преступность, наркоторговля, киберпреступность, экологические преступления, незаконный оборот наркотиков, торговля человеческими органами, изменения, законодательство.

Keywords: international cooperation, transnational crime, drug trafficking, cybercrime, environmental crimes, drug trafficking, trafficking in human organs, changes, legislation.

Одним из наиболее приоритетных направлений для международного сотрудничества различных государств мира является предупреждение преступности и противодействие ей: первоочередно это связано с тем, что преступность к сегодняшнему дню приобрела поистине глобальный и трансграничный характер (в особенности это касается организованной

преступности)[1, с. 73]. Россия не стала исключением в данном вопросе, и в настоящее время обеспечивает собственную национальную безопасность не только посредством внутригосударственных мер, но и за счет организации и реализации международного сотрудничества по противодействию преступности, однако, к большому сожалению, его вряд ли, можно считать полностью «безоблачным».

Так, достаточно весомую роль в организации и дальнейшем осуществлении международного сотрудничества в области противодействия преступности играет Организация Объединенных Наций (далее по тексту – ООН): к примеру, Генеральная Ассамблея ООН в 1973 г. одобрила Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания виновных в военных преступлениях и в преступлениях против человечества.

Указанные принципы неоднократно в практике собственной реализации претерпевали так называемую «проверку на прочность», когда страны Западной Европы пытались интерпретировать их по-своему, в ущерб интересам России. Так, Великобритания в далеком 2007 г. требовала выдать ей и экстрадировать на ее территорию российского гражданина А. Лугового, в рамках возбужденного и расследуемого уголовного дела «Литвиненко», попросту игнорируя предписания Конституции РФ, Уголовного кодекса РФ, что идет вразрез с установленными международно-правовыми стандартами.

В другом случае коллегами из правоохранительных органов США была попросту проигнорирована информация, переданная в их адрес российскими спецслужбами о готовящемся теракте со

стороны братьев Царнаевых, накануне Бостонского марафоне, в результате чего теракт был свершен 15 апреля 2013 года, и, как следствие, 3 человек погибло, еще 280 было в числе пострадавших.[2, с. 69].

Тем самым, налицо проблема отсутствия взаимоуважения российского суверенитета, отсутствие принятия ценности разведывательной информации, полученной российскими спецслужбами, что приводит зачастую к необратимым последствиям. Указанная проблема, разумеется, должна найти свое собственное решение, и оно, на наш взгляд, тесным образом связывается с укреплением авторитета Российской Федерации на международно-правовой арене (однако, к большому нашему сожалению, в виду обострившейся внешнеполитической ситуации между Россией и Украиной в 2022 году, это решение не сможет быть практически реализовано на протяжении еще достаточно длительного периода времени).

Список цитируемой литературы:

1. Андреева М.А. Основы теории национальной и международной безопасности: курс лекций. – Тегеран: Ketabe Rira Publication, 2018. – 384 с. – (Проф. образование). – Текст: непосредственный.

2. Марченко М.С. Проблемы международного сотрудничества в целях противодействия преступности. – Москва: Книжный мир, 2020. – 238 с. – (Проф. образование). – Текст: непосредственный.

Пивоварова В.Н., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Кузнецов В.А.

Pivovarova V.N., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kuznetsov V.A.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И СУДОВ ПО ВОПРОСУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

THE CONCEPT AND SIGNS OF INTERNATIONAL COOPERATION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND COURTS ON THE ISSUE OF COMBATING CRIME AND CRIMINAL JUSTICE

Аннотация.

В статье рассматривается деятельность правоохранительных органов, направленная на международное сотрудничество в сфере предупреждения, предотвращения и пресечения уголовно наказуемых деяний. Особое внимание обращено на противодействие транснациональной

преступности, а также способы и меры международного взаимодействия в данной области. Приводятся примеры международных организаций, показана их роль в противодействии преступности.

Abstract.

The article examines the activities of law enforcement agencies aimed at international cooperation in the field of prevention, prevention and suppression of criminally punishable acts. Particular attention is paid to countering transnational crime, as well as ways and measures of international cooperation in this area. Examples of international organizations are given, their role in combating crime is shown.

Ключевые слова: преступление, международное сотрудничество, взаимодействие, предупреждение, противодействие, пресечение, экстрадиция, транснациональная преступность.

Keywords: crime, international cooperation, interaction, prevention, counteraction, suppression, extradition, transnational crime.

Для понимания содействия государств в вопросах правового поля, касающегося противодействия преступной деятельности, необходимо понимать, что данный аспект является отдельным видом сотрудничества, а значит, отличается некоторыми особенностями, которые относятся исключительно к нему. Подробнее изучим каждую из таких особенностей.

Что касается предметом воздействия содействия государств, то к нему можно причислить преступление, как частную область, и преступность в целом.

Рассматривая вопросы межгосударственного содействия, то здесь одним из самых важных правил можно считать отсутствие преступного деяние, в том случае, когда оно не отмечено в законе, равно как и нельзя говорить об использовании наказания, которое также не отражено в законных актах[3, с. 34]. Говоря иначе, учитывая разность юридической базы и законодательных актов различных стран, можно понять, почему продолжительное время содействие в борьбе с преступностью среди государств велось только в масштабе ограниченного списка преступлений, отраженном в специализированной области международного права.

Обращая внимания на опыт прошлых лет, становится очевидным, что хоть и не представляется возможным противодействие международным преступным деяниям без содействия и слаженной работы нескольких задействованных стран, однако помимо содействия есть и другая практика, являющаяся не менее значимой.

Как правило, с развитием науки и технологии, преступные деяния приобретают всё более масштабный и международный характер, что, в свою очередь, приводит также к значительной редактуре самого понятия «международной преступности». Говоря о преступности прошлых лет и, даже прошлого века, имеется в виду исключительно практика преступных деяний, совершаемая на международном уровне, однако если мы говорим о международной преступности сегодня, то мы подразумеваем также и «коммерческую деятельность криминальных корпораций, осуществляемую на территории нескольких стран противоправными средствами и (или) с привлечением запрещенных товаров и услуг»[2, с. 245].

Стоит отметить, что при противодействии преступной деятельности, совершаемой ограниченно на территории одного государства, однако, может потребоваться содействие других стран, в связи с тем, что в отдельных случаях проблематичным становится сводка доказательной базы, задержание и арест преступника, если он пересек границу страны, изъятия денежных средств (если таковые числятся за границей), а также возмещение понесенного государством ущерба и т.д.

Субъектами, которые фигурируют в вопросах содействия государств при противодействии международной преступности, значатся национальные права страны, а также международное право.

Рассматривая данный вопрос подробнее, сделаем акцент на том, что вопрос субъектности государств-участников международной борьбы с преступностью не подвергается сомнению.

Что касается таких субъектов, как международное право, то здесь остановимся подробнее. К таким субъектам относятся, в частности, суды, работающие на межгосударственном поле, то есть в компетенции которых значится решение юридических вопросов по интернациональным преступлениям и вынесение решений по ним[4, с. 196]. Важно подробнее остановится на этом аспекте, так как известным является тот факт, что вынесение приговора в отношении граждан остается прерогативой государства, являющегося домом для преступника. Тем не менее, существует ряд особо опасных преступлений, которые могут нанести непоправимый вред сразу нескольким государствам, в связи с чем, в данном случае и может быть применено международное право, а также суд. Также важно помнить, что составленные несколькими

государствами или странами-сторонниками договоры, также подписанные организациями, в состав которых входят несколько стран одновременно, и являются источниками интернациональных прав. Говоря иначе, для корректного и полноценного содействия между государствами в процессе борьбы с преступностью международного характера, важно искать взаимосвязь и проводить параллель между международным правом и государственным, относящимся к той или иной стране конкретно.

Как известно, любая страна, которая ставит во главу угла вопрос о безопасности внутригосударственной кампании и не забывает о важности позиционирования себя как стабильного и крепкого государства на поле международной политики, придерживается специализированных и определенных правил работы правоохранительных органов. То есть, говоря иначе, каждое государство стремиться обеспечить порядок и безопасность внутри сраны, используя для этого все доступные инструменты.

Не стоит забывать, что если мы говорим о разделении правоохранительных органов по типу воздействия, то можно смело называть борьбу с преступной деятельностью отраслью, которая осуществляет функции предупреждения, выявления и устранения преступной деятельности. Во время исполнения своего долга, правоохранители сталкиваются с необходимостью выполнения следующих функций: предупреждение, выявление, раскрытие, пресечение, расследование, изобличение, уголовное преследование, наказание, принятие мер по установлению причин совершения преступлений[1, с. 42].

Отметим также, что контроль и регламентирование действий выше установленных лиц (правоохранителей), а также их функции, действия и полномочия строго прописаны в надлежащей области правовых актов.

Однако не стоит забывать, что область правоохранительной деятельности распространяется достаточно широко, соответственно, не ограничиваются какой-либо одной структурой, а также имеют обширный круг возможностей. В свою очередь система законодательной и судебной власти, которая, казалось бы, не участвует активно в непосредственной борьбе с международной преступностью, делает это с другого угла и по-своему. Так, главной обязанностью вышеупомянутых систем является охраны права и осуществления функций правосудия. Существуют также и некоторые другие органы и структуры, которые также косвенно участвую в борьбе с преступной деятельностью. К таким относятся некоторые общественные организации, юридические лица и пр. Ещё одной категорией субъектов международного права являются физические лица, которые принимают непосредственное участие или выполняют функцию поддержки в вопросах борьбы с международными преступлениями.

Важным является тот факт, что не смотря на различия вышеперечисленных субъектов, а также вне зависимости от того, наделены ли они правами и полномочиями на юридическом уровне или являются просто непосредственными участниками, главной функцией для них всех остается одно – борьба с преступной деятельностью.

Все рассмотренные нами аспекты позволяют выразить общую концепцию понятия борьбы с

преступностью, которая заключается в следующем: борьбой с преступностью можно назвать взаимодействие государственно-правовых структур с органами законодательной и судебной структуры, а также в некоторых случаях, физическими лицами, социальными организациями, а также юр. лицами. Главной целью противодействия преступности является защита прав и свобод человека, а также выявление нарушений данных прав, а как следствие, расследование, пресечение, раскрытие, изобличение и прочие действия, направленные на разрешения возникшей антиправовой ситуации. То есть, говоря о борьбе с преступной деятельностью, важно заметить, что в первую очередь, она ведется на уровне устоя внутри страны и лишь в тех случаях, когда преступление выходит за рамки, необходимо подключать понятие «международной борьбы с преступностью».

Список цитируемой литературы:

1. Бирюков, П.В. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы / П.В. Бирюков. – Москва: Проспект, 2001. – 290 с.
2. Губернская, А.А. Правовое регулирование деятельности международных полицейских организаций / А.А. Губернская. – Москва: Юрайт, 2018. – 408 с.
3. Калугин, А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики: учебное пособие / А.Г. Калугин, Д.В. Шинкевич. – Красноярск: Издательство МВД России, 2006. – 410 с.

4. Михайленко, К.Е. Межгосударственное регулирование оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (на примере стран СНГ) / К.Е. Михайленко. – Москва: Юрайт, 2003. – 230 с.

Полуэктова Е.И., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель. В М. Шагунова.

Poluektova E.I., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Supervisor: Senior lecturer M. Shagunova

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ФРАНЦИИ

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE SPECIAL PART OF THE FRENCH CRIMINAL CODE

Аннотация.

В исследовании будут раскрываться следующие моменты, которые затрагиваю особенную часть уголовного кодекса Франции. А именно как состоит система особенной части УК Франции. Как применяются нормы данного законодательства к лицам совершивших противоправное деяние, и какую ответственность они понесут.

Abstract.

The study will reveal the following points that affect a special part of the French Criminal Code. Namely, how the system of the special part of the Criminal Code of France consists. How the norms of this legislation are applied to

persons who have committed an illegal act and what responsibility they will bear.

Ключевые слова: преступление; характеристика; ответственность; зарубежное законодательство; уголовное право; нормы; виды наказаний; смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Keywords: crime; characteristics; responsibility; foreign legislation; criminal law; norms; types of punishments; mitigating and aggravating circumstances.

Начать статью по данной темы можно с того что уголовное законодательство Франции имеет правовые нормы, которые регламентируют привлечение к уголовной ответственности и наказание, в случае совершение правонарушения. Идеей реформирования Уголовного Кодекса Франции выступает защита прав человека, его жизни, безопасности труда, передвижения, экологическая безопасность, свобода конституционных граждан. В настоящее время действует кодекс от 01.03.1994 года, который пришел на смену кодексу в период правления Наполеона 1810 года.

И так уголовный кодекс Франции состоит из двух частей: законодательной (Первой) и регламентационной (Второй) частей, каждая часть включает семь книг. Также хотелось отметить о нумерации статей в уголовном кодексе. Первая цифра означает номер Книги кодекса, вторая – раздел, третья -главы, а затем следует порядковый номер статьи в главе. Но более подробно мы познакомимся с особенной частью данного кодекса.

Система Особенной части уголовного права Франции сложна. Данный факт объясняется тем что помимо УК в этом государстве действуют и другие нормативно – правовые акты, которые тоже

устанавливают уголовную ответственность за преступное деяние. [2]

Также можно выделить основные черты Особенной части УК Франции: реализация принципов и норм международного права; приоритет защиты прав личности; усиление ответственности за тяжкие преступления против личности, собственности и государства; применяется нормы позволяющие освободить от наказания или смягчить его в случае деятельного раскаяния виновного.

Особенная часть УК Франции включает семь книг. Открывает Особенную часть УК Книга «2», которая содержит вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений против человечества и человеческого рода, а также преступных посягательств на человеческую личность. [3]

Книга «3» содержит положение об уголовной ответственности за имущественные преступления и проступки. К ним относят6 хищение, вымогательство, мошенничество, укрывательство, уничтожение, повреждение и порча имущества, отмывание денежных средств полученных преступным путем.

Структура «4» книги имеет самый обширный ряд ответственности за преступления. Это преступные посягательства на основополагающие интересы нации; преступления террористической направленности, должностные злоупотребления, посягательство на судебную деятельность и преступления против государственной власти (например: шпионаж, измена, разглашение государственной тайны).

Нормы, регламентирующие привлечение к уголовной ответственности за совершение преступлений в сфере здравоохранения, включены в содержание книги «5» (например: трансплантация

органов, незаконные действия с человеческим эмбрионом).

Книга «6» содержит положения касающиеся деяний, которые имеют наименее опасную категорию. Это диффамация и оскорбление, причинение вреда здоровью, не повлекшее полной траты трудоспособности или не более 8 дней.

Книга Седьмая классифицируется на разделы, посвящённые правовым положениям, подлежащим применению «в заморских территориях», а также положениям, применяемым в территориальной общности «Майот».

При исследование особенной части УК Франции отмечается, что в данном акте имеются диспозиция статей. К ним относят: ст. 222-40, устанавливающие наказание за покушение на совершение соответствующего преступления (ст. 222-36), а также отдельные статьи, предусматривающие особые правила (условия) привлечения к ответственности за конкретное преступление физических, а в ряде случаев и юридических лиц и применения к ним того или иного наказания (освобождения от него), в том числе в зависимости от роли лица в совершении преступления и характера его постпреступного поведения (ст. 224-1). [1]

А в сравнение с УК.РФ во французском уголовном законодательстве посягательства на жизнь человека делятся на умышленные и неумышленные. Первые, в свою очередь, состоят из умышленного убийства, предумышленного убийства и отравления (по УК РФ убийство совершается либо с прямым, либо с косвенным умыслом, т. е. не может быть неумышленным).

По УК Франции, в отличие от российского уголовного права, предметом кражи может быть

энергия; диспозиция статьи о краже в УК Франции не содержит указания на тайность в качестве способа изъятия; кража может совершаться и с применением насилия, что сближает ее с преступлениями, предусмотренными ст.ст. 161, 162 УК РФ (грабеж, разбой).

Таким образом, система УК Франции имеет своих характерные особенности, которые не свойственны уголовному кодексу РФ и следует отметить стремление законодателя к наиболее полному описанию признаков преступных деяний.

Представляет интерес то, что согласно установленной УК Франции классификации преступных деяний, все наказания, закрепленные в УК Франции, подразделяются на три группы, каждая из которых предназначена для соответствующей категории преступлений, – уголовные, исправительные и полицейские наказания соответственно. [4]

Такого разделения наказаний для соответствующей категории преступления не встречалось ни в одном уголовном кодексе.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Франции 1994 года. Электронный ресурс. URL: https://lektsii.org/17-39027.html (Дата обращения 03.03.2023)

2.Крылова Н.Е. уголовное право Франции // Москва: Юрайт, 2023.- 159с.

3.Сизова В.Н. Формирование, развитие и современное состояние системы Особенной части уголовного законодательства УК Франции // Вестник Санкт – Петербург университета МВД России. 2021.№1.С.137-145.

4.Фисун А.В. Понятие преступления и их категоризация по законодательству некоторых зарубежных стран // международный научно – исследовательский журнал. 2020.№4.С.92-94.

Пономарев М.О., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор
Соловьева В.В.

Ponomarev M.O., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: PhD in History, Professor
Solovieva V.V.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

THEORETICAL FOUNDATIONS OF CIRCUMSTANCES PRECLUDING CRIMINALITY OF AN ACT IN CRIMINAL LAW

Аннотация.

Статья посвящена рассмотрению принудительных мер медицинского характера. Уголовный закон содержит ряд противоречивых положений, что затрудняет восприятие сущности рассматриваемого института. Представляется, что данный пробел может быть восполнен с учетом имеющихся доктринальных исследований, однако и в юридической литературе возникают определенные трудности при решении заявленной проблемы.

Abstract.

The article is devoted to the consideration of compulsory medical measures. The Criminal Law contains a number of contradictory provisions, which makes it difficult to perceive the essence of the institution in question. It seems that this gap can be filled taking into account the available doctrinal studies, however, certain difficulties arise in the legal literature when solving the stated problem.

Ключевые слова: уголовная ответственность; иные меры уголовно-правового характера; принудительные меры медицинского характера; меры безопасности.

Keywords: criminal liability; other measures of a criminal-legal nature; compulsory medical measures; security measures.

Введение в Уголовный кодекс института обстоятельств исключающих преступность деяния ознаменовано возникновением, до сих пор нерешенных проблем нормативного и практического характера. Разрешение возникших проблем, необходимо для эффективной и верной с точки зрения права организации процесса правосудия и уголовного судопроизводства, а также в целях формирования полноценного правового общества.

Уголовное право знакомо с рядом теорий, содержащих в себе теоретические наработки природы обстоятельств, исключающих преступность деяния. Первая теория содержит в себе основания возникновения таких обстоятельств при отсутствии материального признака преступности – отсутствует общественная опасность деяния, либо же отсутствие вреда, «нейтральность» вреда или же социальная

необходимость причиненного вреда, как необходимого условия предотвращения вреда большего. Разработка данной теории занималась советская уголовно-правовая доктрина[6, с. 12].

На современном этапе развития уголовно-правовой доктрины, исследователями уголовного-права предпринимаются попытки разработки новых путей разрешения проблем института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Наибольшее любопытство с точки зрения доктринальной составляющей представляет собой теория «внешнего фактора» из содержания которой следует что преступность деяния исключается не ввиду фактора отсутствия общественной опасности, а ввиду отсутствия противоправности. Причиненный вред присутствует, однако законодательно одобряем, ввиду социальной необходимости[3, с. 23].

Отдельной попыткой признается теория «социальной полезности» действий, хотя формально и признаваемых преступлениями, но все же законодательно одобряемые[2, с. 33].

Ключевое решение, некоторые специалисты находят в признании комплексности характера обстоятельств, отсутствие уголовного преследования при формально совершенном преступлении в этом случае говорит о признании отсутствия противоправности, ввиду отсутствия общественной опасности, а также в связи с отсутствием признаков субъективной стороны, например, отсутствии вины в совершенном деянии.

Необходимо при этом признать, что в уголовной доктрине есть и иные концепции, целью которых является рассмотрение указанных обстоятельств.

Нетрадиционной для классической доктрины

уголовного права является концепция состава обстоятельств, исключающих преступность деяния. Теоретики уголовного права признают сходность структурной сущности обстоятельств, исключающих преступность деяния с составом преступления. Так, выделять критерии состава обстоятельств, исключающих преступность деяния, предлагает А.А. Пионтковский[4, с. 255]. Наличие специфичных признаков состава содержится в оборонительных действие[7, с. 30]. Признаки объективной стороны при совершении деяний ввиду обстоятельств исключающих преступность деяния, выделял также Э.Ф. Побегайло[5, с. 5]. Субъективную и объективную - Т.Г. Шавгулидзе[1, с. 145].

Состав так называемого «правомерного поступка» был введен в теорию уголовного права Ю.В. Баулиным, исследуя состав, теоретик вывел наличие объект, субъект, объективную сторону и специфичный признак субъективный контроль.

Продвигаясь дальше, ученый Г.С. Курбанов, предлагал вводить понятие «состава» применительно к практически любому юридическому факту в том числе и к данному. Теоретиком совершена попытка рассмотрения обстоятельств с точки зрения состава при отсутствии критерия общественной опасности и противоправности деяния. Однако данная позиция не нашла единогласной поддержки в ученом сообществе. Так, например, по мнению А.И. Ситниковой «автором допущена подмена понятий и вместо обозначенных ученым обстоятельствами исключающих ответственность, автор рассмотрел деяния при наличии таких обстоятельств».

Теоретические изыскания не традиционалистов поддержаны рядом ученых последователей. Так идея

состава обстоятельств, исключающих преступность деяния в примере необходимой обороны поддержаны Г.В. Назаренко и В.Н. Винокуровым, сформулировавши вывод о необходимости выделения состава правомерного деяния для эффективного выделения критериев описания законности причинения вреда, выявления существенных признаков устранения опасности и совершенствования правоприменительной деятельности.

Ключевым значением является монография В.В. Меркурьева, в которой автором обосновывается необходимость введения модели необходимой обороны как единой и целостной системы элементов состава, подобно составу преступления.

В свою очередь ученый-теоретик А.И. Ситникова в своих разработках приводит необходимость введения в научный оборот понятий «правомерного (непреступного» причинения вреда». Такая дефиниция позволила бы по мнению Ситниковой, сформировать комплекс признаков, характерных для состава правомерного причинения вреда: объект защиты, цель причинения вреда, пределы действий и условия правомерности.

Рассмотренные теории несмотря на положительные аспекты и объективную актуальность все же не отвечают требованиям эффективной теории, поскольку обладают громоздкими наложениями теории, что в поле практического применения создаст массу проблем.

Из приведённого анализа позволим себе остаться приверженцами традиционной концепции, и сконцентрировать исследовательский взор на анализе и попытках решения теоретическим проблем в рамках устоявшейся уголовно-правовой доктрины.

Обстоятельства исключающие преступность деяния, самостоятельно обладают довольно сложной спецификой применения, разрешения теоретических проблем должно быть предпринято в максимально лояльном к правоприменительному субъекту – быть понятным и эффективным инструментом для уголовной правовой оценки.

Условия рассматриваемых обстоятельств содержат в себе дихотомичное разделение на группы характеризующие прежде всего опасность (объективную угрозу, воспринимающую субъектом) и приемлемое с точки зрения поведение лица по реализации своих прав и обязанностей.

Рассматриваемые обстоятельства, исключающие преступность деяния, содержатся в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации. Описанный комплекс обстоятельств является наиболее содержательным и за исключением ст. 40 УК РФ, представляют собой реализацию законных прав и интересов гражданина и сотрудников правоохранительных органов, гарантированных законодательством РФ от преступных или неправомерных посягательств иных лиц.

С принятия действующего уголовного закона минуло 20 лет, однако тем не менее практика применения положений главы 8 УК РФ до сих пор не имеет единообразного подхода и сталкивается с серьёзными правоприменительными трудностями.

Определенные изъяны имеются в законодательных формулировках самих норм с точки зрения законодательной техники. Кроме того, определенными проблемами обладают законодательное соотнесение отдельных положений и норм нормативно-правовых актов между собой. В особенности это актуально, в условиях практически повсеместного бланкетного

характера норм уголовного закона.

Наличие определенных признаков обстоятельств, исключавших преступность деяния в иных нормативно-правовых актах, нежели в Уголовном кодексе, представляют собой естественное затруднение эффективного применения положений Главы 8 УК РФ. Специфические нормативные акты органов правоохраны зачастую имеют определенный набор не явных, но тем не менее важных критериев правомерного поведения, например, в условиях задержания или проведения специальных операций. Кроме того, бланкетность критериев обладает нередко противоречивым характером, создающим проблемы при уголовно-правовой оценке совершенного лицом деяния, вынуждая применять общие положения уголовного закона как общего не противоречивого положения.

При этом необходимо также и подчеркнуть то, что содержание норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния по своей правовой сущности являются дозволительными, подразумевающие возможность собственного использования лицами, не имеющими юридического образования. Действующие норм, обладают таким набором специфичных характеристик, что эффективное применение, лицом, не имеющим на то образования затруднительно.

Своевременной и актуальной идеей выглядит предложение о корректировки некоторых положений Главы 8 УК РФ. В частности авторами настоящего исследования предлагается исключить, на взгляд автора чужеродных составов, закрепленных в ч. 1 ст. 40 и ст. 42 УК РФ.

Теоретические изыскания в отношении легальной дефиниции правомерного причинения вреда являются наиболее актуальными в контексте настоящего

исследования, поскольку позволят сформулировать критерии допустимого причинения вреда, а, следовательно, получить эффективный инструментарий для уголовного правовой оценке причинения вреда.

Таким образом считаем необходимым определить обстоятельства, исключающие преступность деяния как закрепленные уголовным законодательством условия причинения вреда законным интересам, осуществленным для защиты более значимых и охраняемых интересов, совершенное при условии общественной полезности.

Закрепление указанной дефиниции в уголовном законе, в качестве определенного эпиграфа в Главе 8 УК РФ, по мнению автором настоящего исследования разрешить теоретический спор о природе и границах обстоятельств, исключающих преступность деяния и сформировать направления для выработки единообразного подхода к действующим обстоятельствам, закрепленными нормами Уголовного законодательства РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Ю.В. Баулин. - Х.: Изд-во при Харьк. ун-те 1991. - С. 145.

2. Меркурьев, В.В. Состав необходимой обороны / В.В. Меркурьев. - СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. - С. 33.

3. Пархоменко, С.А. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости / С.А. Пархоменко. - СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. - С. 23..

4. Пионтковский, А. А. Курс советского уголовного права. Т. 2. / А.А. Пионтковский. - М.: Наука, 1970. - С. 255

5. Побегайло, Э.Ф. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел / Э.Ф. Побегайло, В.П. Ревин. - М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1987. - С. 5.

6. Слуцкий, И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / И.И. Слуцкий. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. - С. 11-12.

7. Ткаченко, В.И. Необходимая оборона по уголовному праву, / В.И. Ткаченко. - М.: Юрид. лит., 1979. - С. 30.

8. Шавгулидзе, Т.Г. Необходимая оборона / Т.Г. Шавгулидзе. - Тбилиси, 1966. - С. 25-26.

Пономарёва В.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Ponomareva V.V., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior lecturer, Shagunova V.M.

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА США В ДВАДЦАТОМ ВЕКЕ

THE DEVELOPMENT OF U.S. CRIMINAL LAW IN THE TWENTIETH CENTURY

Аннотация.

В данной статье рассматривается уголовное законодательство США и какие главные изменения происходили в нём на рубеже 20 века, перечисляются основные нововведения и пути дальнейшего развития в рамках данной отрасли права.

Abstract.

This article examines the criminal law of the United States and what major changes took place in it at the turn of the 20th century, lists the main innovations and ways of further development within this branch of law.

Ключевые слова: уголовное право, история, уголовное право зарубежных стран, уголовное право США, уголовное право США в 20 веке.

Keywords: criminal law, history, criminal law of foreign countries, US criminal law, US criminal law in the 20th century.

Еще до середины прошлого века американское уголовное законодательство представляло собой картину весьма неприглядную. Считалось, что каждый или почти каждый штат имеет свой уголовный кодекс. Однако в большинстве случаев он был таковым лишь по названию, ибо представлял собой сборник принятых в разное время актов или норм, как правило, расположенных в алфавитном порядке. Уголовные кодексы, принятые в.разное время, испытали влияние различных направлений в карательной политике и уголовно-правовой доктрине, а также социально-экономических и политических условий. Эти и другие причины обусловили их отличия друг от друга по всем основным параметрам: структуре, кругу уголовно наказуемых деяний, по регулированию вопросов Общей и Особенной части, санкциям за сходные или одинаковые преступления. Так, кровосмешение в Калифорнии каралось сроком до 50 лет, а в Пенсильвании — до 5, гомосексуализм в одном штате можно было наказывать пожизненным тюремным заключением, а в другом — штрафом [2, с. 7].

Одним из результатов движения за унификацию уголовного законодательства штатов стала разработка Институтом американского права в 1962 г. Примерного уголовного кодекса. Хотя этот Кодекс имеет неофициальный характер и служит лишь как образец. В штате Нью-Йорк с 1828 г., а в других штатах позднее

стали периодически издаваться официальные сборники (компиляции) законодательства штата. В 1848 г. в штате Нью-Йорк были приняты кодексы гражданского и уголовного судопроизводства, которые затем послужили образцом для других штатов. С конца XIX в. в США начинается движение за унификацию права в штатах. С этой целью в 1889 г. был создан специальный комитет, который разработал проекты некоторых унифицированных законов (по продаже товаров, торговым бумагам и т. д.), связанных главным образом с регулированием торговли, и рекомендовал их к принятию легислатурами штатов.

В 1892 г. была создана Национальная конференция уполномоченных по унификации права штатов. В XX в. проявилась потребность проведения кодификационных работ и в сфере федерального права. В 1909 г. был принят федеральный Уголовный кодекс, который охватил сравнительно узкий круг вопросов, отнесенных Конституцией США к ведению федерации (государственная измена, подделка валюты, пиратство и некоторые другие). Быстрый рост числа федеральных законов и актов делегированного законодательства сделал необходимым в XX в. проведение крупномасштабных работ по систематизации и ревизии федерального законодательства. В 1926 г. был составлен, периодически обновляется и один раз в шесть лет переиздается федеральный Свод законов. Он состоял из 50 разделов. Каждый раздел связан с определенной сферой правового регулирования (например, «промышленность и торговля», «сельское хозяйство» и т. д.) или с конкретной отраслью и институтом права. Некоторые разделы представляют собой инкорпорацию действующего законодательства.

Но в 1984 г. при президенте Рейгане в период разгара борьбы с возросшей преступностью, особенно организованной, Конгресс принял Комплексный закон о контроле над преступностью, предусмотревший усиление уголовной репрессии по отношению к особо опасным видам преступности (терроризм, сбыт наркотиков и т. д.).

Практика применения этого закона показала, что для эффективной борьбы с преступностью нужны не отдельные уголовные законы и изолированные меры, а направленная и скоординированная государственная политика, осуществляемая как штатными, так и федеральными органами.

Разработка такой государственной политики борьбы с преступностью, представляющей собой одну из самых острых социальных проблем американского общества, сделала необходимым и сближение уголовно-правового законодательства разных штатов.Именно на уровне штатов преступность приобрела особенно большие размеры, а многочисленные уголовные акты и кодексы штатов, которые приняты во всех 50 штатах, оказались недостаточными. Низкому уровню результативности. борьбы с преступностью способствовал большой разнобой, далеко не всегда оправданный, в уголовном законодательстве разных штатов.

Противоречия, а также и пробелы в уголовном законодательстве отдельных штатов легко использовались преступным миром. Поэтому в середине XX в. параллельно с движением за модернизацию федерального Уголовного кодекса развернулось движение за унификацию уголовного законодательства на уровне штатов.

Одним из результатов этого движения стала разработка Институтом американского права в 1962 г. Примерного уголовного кодекса. В ходе реформы уголовного законодательства в штатах схема примерного УК не была применена ни в одном из них [1, с. 137]. Хотя этот кодекс имеет неофициальный характер и служит лишь как образец рационального и более совершенного в технико-юридическом отношении документа, он оказал большое влияние на уголовные кодексы отдельных штатов, способствовал их сближению. Итогом стало принятие новых уголовных кодексов в более чем 40 штатах.

Эти кодексы в большей степени, чем предыдущие, отличаются единообразием, более высоким уровнем систематизации и общей либеральной направленностью.

Как было указано выше, деление преступлений на две основные группы - фелонии и мисдиминоры - было позаимствовано в США из английского права. В ходе развития законодательства по штатам эта классификация претерпела заметное изменение, фелонии и мисдиминоры были в свою очередь разделены на несколько классов. Но тем не менее эта традиционная классификация сохранилась и во второй половине XX в., когда в самой Англии в результате реформы права эта средневековая классификация была упразднена.

В уголовном праве США фелонии по сравнению с мисдиминорами - это тяжкие преступления, которые влекут за собой лишение свободы на срок более года. Соответственно группу мисдиминоров составляют менее тяжкие деяния.

Различия между этими двумя группами преступлений имеют не только материально-правовое, но и процессуальное значение. Так, в отношении лиц,

совершивших тяжкие преступления, требуется меньше формальностей для ареста, но в то же время необходимо привлечение к делу адвоката.

Основными видами наказаний в XX в. в США на федеральном и штатном уровне выступают смертная казнь, лишение свободы, пробация и штраф. В качестве дополнительных наказаний судом назначаются конфискация имущества, установление обязанности возместить причиненный ущерб, лишение прав (например, на вождение машины) и т. д.

В целом в XX в. система наказаний в американском праве по сравнению с XIX в. существенно либерализировалась, что нашло отражение, в частности, в отношении к смертной казни. В прошлом веке она предусматривалась как в федеральном законодательстве, так и в законах отдельных штатов в случае совершения тяжких государственных или общеуголовных преступлений.

Широкое движение за отмену смертной казни развернулось в США позже, чем во многих странах европейского континента, лишь во второй половине XX в. В результате некоторые штаты приняли законы об отмене смертной казни. Сократилось число смертных приговоров и в тех штатах, где таковые предусматривались законодательством. С 1967 г. в США, по существу, был установлен мораторий на исполнение смертных приговоров, что привело к образованию своеобразной “очереди смертников”.

Поскольку указанный мораторий не имел официального значения, а суды штатов выносили новые смертные приговоры, в 1972 г. Верховный суд США сформулировал свою принципиальную позицию по этому вопросу. Суд признал смертные приговоры, вынесенные на основе действовавших тогда уголовных

законов штатов, в качестве “жестоких и необычных” мер наказания, противоречащих VIII поправке к Конституции.

Суд рекомендовал штатам пересмотреть их законодательство с тем, чтобы более точно определить условия назначения смертной казни как исключительной меры наказания. Законодательные органы штатов последовали указанию Верховного суда, и в новом своем решении 1976 г., а затем и в последующих решениях Верховный суд признал, что в существующих условиях смертная казнь в принципе не является антиконституционной мерой наказания, но, ссылаясь на ту же Конституцию, Суд ограничил возможность ее применения некоторыми условиями: совершение тяжкого убийства или убийства, последовавшего в результате другого тяжкого преступления. Применение смертной казни не допускалось к лицам, не достигшим к моменту преступления 16 лет. При вынесении приговора суду присяжных должна была быть предоставлена возможность выбора между смертной казнью и пожизненным заключением.

К началу 90-х гг. XX в. смертная казнь (электрический стул, газовая камера и т. д.) продолжала сохраняться как мера наказания в 36 штатах. Смертная казнь предусматривается также и федеральным законодательством, главным образом в случаях совершения тяжких государственных, воинских, а также некоторых общеуголовных преступлений. Так, специальным актом в 1988 г. Конгресс предусмотрел установление смертной казни в случае убийства торговцами наркотиков федерального служащего.

Список цитируемой литературы:

12. Козочкин И.Д. Уголовное право США / И.Д. Козочкин. М.: Юрайт, 2023. С. 218
13. Козочкин И.Д. Уголовное право США, успехи и проблемы реформирования. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2007. С. 478

Попова Ж.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Popova Z.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВЕНСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

PROBLEMS OF ENSURING EQUALITY OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация.

Автор рассматривает проблемы возникающие в процессе доказывания у сторон в рамках уголовного процесса. Определяются конкретные проблемы правового обеспечения равенства в уголовном процессе, которые негативно сказываются на судебной практике.

Abstract.

The author considers the problems arising in the process of proving the parties in the framework of the criminal process. Specific problems of legal provision of

equality in the criminal process, which have a negative impact on judicial practice, are identified.

Ключевые слова: равенство сторон, доказывание, следствие, дознание, судебное разбирательство, потерпевшие, состязательность.

Keywords: equality of the parties, proof, investigation, inquiry, trial, victims, competitiveness.

Актуальность изучаемой темы заключается в комплексном анализе особенностей положения сторон уголовного процесса, возникающих у них в процессе доказывания тех или иных обстоятельств, имеющих отношение к уголовному делу. Доказывание – это один из наиболее важных этапов в уголовном процессе, в рамках которого собираются, проверяются и оцениваются сведения о фактах, полученных в ходе расследования уголовного дела, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие преступности в деянии.

Равенство сторон в уголовном процессе при доказывании должно обеспечиваться законодательно. Все участники уголовного процесса, наделяются определенными правами и обязанностями, которые реализуются и в процессе доказывания вины или невиновности сторон. Несмотря на установленное равноправие сторон, сторона защиты и сторона обвинения имеют разные права в процессе доказывания. В соответствии со ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1] о презумпции невиновности, подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне

обвинения. В свою очередь, сторона защиты, на которой реализует свою профессиональную деятельность адвокат, в соответствии со ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» [2] обязан честно и добросовестно отстаивать права и интересы доверителя, но не несет обязанности доказывания обстоятельств дела, при этом фактически у стороны обвинения больше возможностей, в силу должностного положения. Несмотря на это, сторона защиты вправе собирать доказательства невиновности подзащитного и получать их путем сбора показаний, сведений и предметов, относящихся к преступной деятельности, а также адвокатского запроса, получения официальных документов, ответов и писем от физических лиц, организаций и органов государственной власти.

Следует отметить, наличие у обвиняемого или подозреваемого определенных гарантий, которые законодательно закреплены. Помимо презумпции невиновности, которая учитывается в процессе доказывания, подозреваемым или обвиняемым гарантируется разъяснение имеющихся у него прав, информацию в каком преступлении он обвиняется или подозревается, а также то, что имеет право на квалифицированную юридическую помощь и право хранить молчание. Данные права можно назвать центральными, и они имеют значение для доказывания. Основная форма доказывания подозреваемым, обвиняемым своей невиновности, меньшей виновности, смягчающих обстоятельств и пр. – дача показаний, сопровождающаяся изложением системы аргументов, с помощью которых подозреваемый, обвиняемый объясняют те обстоятельства, которые обусловили возникшее подозрение или предъявленное им обвинения.

Специфика уголовно-процессуального доказывания по уголовному делу в отличие от других видов познания, прежде всего научного, заключается в: наличии уголовно-процессуальных сроков (сроков предварительного расследования и судебного разбирательства и др.); противодействии установлению истины некоторыми участниками уголовного процесса; производстве доказывания управомоченными уголовно-процессуальным законом органами и должностными лицами; использовании указанных в уголовно-процессуальном законе средств доказывания; производстве доказывания в порядке и формах, установленных уголовно-процессуальным законом; необходимости принятия итогового уголовно-процессуального решения. [6, с.1] При этом в ходе уголовного процесса стороны сталкиваются с рядом проблем, большинство проблем касается стороны защиты, обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления. Процесс доказывания, это всегда спор, но одна из сторон спора обладает преимуществами, что игнорируется судом.

Суд в процессе рассмотрения уголовных дел зачастую не соблюдает принцип равенства сторон. Это проявляется в момент, когда суд пренебрежительно относится к рассмотрению ходатайств и жалоб, которые заявляются и подаются представителями сторон в ходе рассмотрения того или иного уголовного дела. Наиболее часто это выражается либо в отсутствии требования суда обосновать заявляемое ходатайство, либо в немотивированных постановлениях. [3, с. 140] Следует отметить, что и сторона обвинения может столкнуться с подобной ситуацией, но в соответствии с данными судебной статистики, обвиняемые и

подозреваемые чаще сталкиваются с ущемлением их прав в процессе доказывания.

Так, адвокат сталкивается с трудностями при сборе доказательств. Во-первых, те сведения, документы и предметы, которые предоставляются адвокатом не являются доказательствами, ими они становятся только после определенных процессуальных процедур; во-вторых, такой способ сбора сведений, как адвокатский запрос, на практике очень часто не работает, поскольку должностные лица органов, которым назначается запрос, либо игнорируют запрос вовсе, либо ссылаются на государственную или иную, охраняемую законом тайну. [4, с. 38] В дальнейшем, сторона защиты сталкивается и с проблемой опровержения установленных доказательств, т.к. адвокаты не обладают необходимыми властными полномочиями. Далеко не многие граждане идут на контакт с адвокатами в процессе их опроса, утаивая необходимую информацию. Но даже полученная адвокатом информация, может отклоняться судом, зачастую по формальным основаниям. Сторона обвинения использует чаще всего такие причины для отклонения: является попыткой смягчить наказание обвиняемого, сведения представлены заинтересованной стороной, сведения имеют поверхностный характер. В свою очередь суды, принимают подобные причины в качестве обоснованных и отклоняют, тем самым формируя почву для издания приговора с ошибкой.

При проверке и оценке доказательств стороны обвинения судам не следует отказываться от информации, представленной стороной защиты, исключительно по формальным основаниям, а принимать ее во внимание и давать ей оценку с содержательных позиций ее относимости и

достоверности. С точки зрения этих стандартов, в частности судами, не может априори отвергаться доказательственное значение адвокатского опроса – такая информация должна выступать поводом для всесторонней проверки судом соответствующих обстоятельств по делу. [5, с. 22]

Также, при исследовании имеющихся доказательств суду непозволительно опираться на уровень взаимоотношений с участниками судебного разбирательства. Кроме того, суд не должен выступать ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты, а, напротив, обязан осуществлять свою деятельность лишь в пределах, предусмотренных уголовно-процессуальным законом и исключительно в целях установления истины по тому или иному уголовному делу.

Хотим отметить, что на сегодняшний день положение защитника в процессе доказывания имеет и свои преимущества, т.к. адвокаты знакомятся с материалами дела и могут добиться исключения тех или иных доказательств, которые получены стороной обвинения с нарушением установленных уголовным законодательством правил и принципов. Защитник также оспаривает обвинение путем грамотного юридического анализа, расследуемого и рассматриваемого судом события. В процессе доказывания, сторона защиты преимущественно опирается на свои профессиональные умения и ведение дискуссии, установления незначительных проблем и недостатков в работе стороны обвинения. Доказательственная деятельность защитника не противоречит задачам предварительного расследования или судебного разбирательства. Предметы и документы, собираемые защитником, способствуют более полному

и всестороннему исследованию обстоятельств дела, обеспечивают стороне защиты возможность противостоять стороне обвинения, поэтому в теории не отрицается право стороны защиты представлять эти предметы и документы. Процедура собирания представляемых стороной защиты доказательств отличается от их собирания органами расследования лишь свободной, не связанной процессуальными предписаниями, формой.

Таким образом, в процессе доказывания, сторона защиты, обвиняемый или подозреваемый сталкиваются с рядом проблем, которые сформировались на протяжении длительного времени. В последнее время положение защиты значительно улучшилось, но ключевые проблемы, касающиеся сбора и анализа доказательств по уголовному делу.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

3. Вершенко В. Ю. Проблемы доказывания в судебном производстве по уголовным делам // Правовые, социально-экономические, психологические аспекты обеспечения национальной безопасности: Материалы IV Всероссийской с международным

участием студенческой научно-практической конференции. Пермь: Прикамский социальный институт, 2019. С. 137-141.

4. Воронина Е.С. Реализация принципа состязательности и равенства сторон уголовного процесса // Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 20-летию принятии Уголовного кодекса РФ. Воронеж: АМиСта, 2016. С. 34-40.

5. Закотянский А. С. Принципы равенства сторон и права на защиту как гарантии нравственных основ уголовного процесса: декларация или реальность? // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 15-23.

6. Нагоева М. А. Доказывание как способ установления объективной истины в уголовном процессе // Вестник научных конференций. 2016. № 3. С. 79-82.

Решетникова А.В., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Кузнецов В.А.

Reshetnikova A.V., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kuznetsov V.A.

ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ЛИЦА, ПРИЗНАННОГО ВИНОВНЫМ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

FEATURES OF TAKING INTO ACCOUNT THE PUBLIC DANGER OF THE IDENTITY OF A PERSON FOUND GUILTY OF COMMITTING CRIMES

Аннотация.

Статья посвящена уголовно-правовым и криминологическим проблемам индивидуализации и дифференциации уголовной ответственности. Поставлен вопрос об официальной государственной оценке степени общественной опасности личности преступника при вынесении решения об освобождении от уголовной ответственности и наказания. Проанализированы уголовно-правовые и криминологические проблемы

исключения из Уголовного кодекса института неоднократности.

Abstract.

The article is devoted to the criminal law and criminological problems of individualization and differentiation of criminal responsibility. The question is raised about the official state assessment of the degree of public danger of the criminal's personality when making a decision on release from criminal responsibility and punishment. The article analyzes the criminal-legal and criminological problems of exclusion from the Criminal Code of the institution of repetition.

Ключевые слова: личность преступника, общественная опасность личности, судимость, неоднократность.

Keywords: criminal identity, public danger of the individual, conviction, repeated.

Общественная опасность личности лица, признанного виновным в совершении преступления, влияет на индивидуализацию уголовного наказания наряду с общественной опасностью совершенного преступления. Следует признать, что такие понятия, как характер и степень общественной опасности совершенного преступления применимы и к характеристике общественной опасности личности виновного, совершившего преступление. Представляет интерес система учета при назначении наказания личности виновного, заключающаяся в дифференциации направленности деятельности личности и выделения пяти категорий ее опасности: а) минимальная опасность; б) опасность ниже среднего (небольшая опасность); в) средняя

опасность; г) опасность выше среднего (высокая опасность); д) максимальная опасность (особая опасность). Данная система предполагает комплексную оценку общественной опасности личности на основе такого критерия, как направленность ее деятельности, т. е. ценностно–ориентационной системы личности, иерархии ее базовых потребностей, устойчивых мотивов поведения, ее основного системообразующего качества, определяющего содержание и социальную ценность индивида, в целом указывающих на ее отрицательный, нейтральный или положительный характер.

Системный подход к проблеме назначения справедливого уголовного наказания предполагает полное и максимально точное установление криминологической личности человека, представшего перед судом в качестве подсудимого за совершенное преступление. Личность – основное и важнейшее звено всего механизма преступного поведения, ее особенности, которые порождают такое поведение, должны быть непосредственным объектом предупредительного воздействия и индивидуализации уголовного наказания. В криминологической науке несложилось единства мнения не только относительно понятия « личность преступника», но и понятия «личность подсудимого, виновного». Некоторые авторы отрицают существование особой «личности преступника» и приводят в обоснование своей позиции следующие аргументы: 1) изменение уголовного закона в пространстве и во времени приводит к декриминализации определенных деяний, в связи с чем теряет криминологическую значимость изучение личностных особенностей лиц, их

совершивших; 2) все люди в течение жизни в той или иной мере нарушают уголовно–правовые запреты, а поэтому выделение категории «личность преступника» нецелесообразно; 3) нельзя выделить личностные свойства, присущие только преступникам, все они в большей или меньшей мере свойственны всем людям. Многие из сторонников данной точки зрения полагают, что для криминологии достаточно традиционно и очень точно по– своему содержанию понятие «субъект преступления»[3, с. 103]. В противовес данной позиции ряд авторов полагают, что понятие «личность преступника», включающее в себяпонятия «субъект преступления» и « личность виновного», представляет гораздо многообразнее личность того, кто совершил преступление. Криминологияизучает, как личность формировалась, как взаимодействовала с внешними условиями в конкретной ситуации, что привело к совершению преступления, какие свойства личности проявились в процессе совершения преступления, как проявила себя личность после совершения преступления.

Мы полагаем более корректным, с определенной долей условности, использование понятия «личность лица» со словосочетанием «признанного виновным в совершении преступления». Аналогичную или близкую позицию поддерживают в последние годы ряд авторов. Если бы возможно было установить все свойства личности преступника, проблема борьбы с преступностью фактически была бы разрешена, что желательно, но не реально. Многие люди имеют относительно равные свойства личности, но одни становятся примерными гражданами, другие преступниками. Личность человека, признанного

виновным в совершении преступления, глубоко индивидуальна, требующая индивидуального подхода к назначению наказания в целях достижения ее целей. Человек, совершивший преступление, в уголовно процессуальном законодательстве в различной стадии уголовного процесса предстает как подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и осужденный, степень общественной опасности виновного при этом не является неизменной и проявляется как до совершения преступления, как и во время совершения преступления и посткриминального поведения.

Личность человека, признанного виновным в совершении преступления, представляет собой систему правовых, социальных и психических свойств, образующих его общественную опасность. Личностная общественная опасность во многом производна от общественной опасности совершенного преступления, или, по крайней мере, они тесно взаимосвязаны.

Общие начала назначения наказания, закрепленные в статье 60 УК РФ, обязывают суд при назначении наказания учитывать личность виновного, однако какие свойства личности и как их оценивать, законом не определено. В целях обеспечения правильного и единообразного учета свойств личности виновного Пленум Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 11 января 2007 года « О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснил судам, что в силу требований статей 73, 307, 308 УПК РФ в приговоре следует указывать сведения, характеризующие личность виновного, мотивы принятых решений по всем вопросам, относящимся к

назначению уголовного наказания.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 20 от 29 октября 2009 года « О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовных наказаний» разъяснено, что при назначении наказания необходимо учитывать сведения о личности виновного, к которым относятся как данные, имеющие юридическое значение, так и иные характеризующие личность виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора.

Однако следует признать, что данные разъяснения не дают судам достаточных рекомендаций для обоснования и учета данных о личности лица, признанного виновным в совершении преступления.

Изучению личности виновного посвящены работы социологов[2, с. 25], психологов, криминологов, криминалистов. Полученные научные результаты служат всестороннему исследованию личности подсудимого в процессе судебного разбирательства и использования при индивидуализации наказания[1, с. 5]. В данных и ряда других работах предложены различные классификации свойств личности, каждая из которых имеет научную и практическую значимость.

Вместе с тем единого подхода к такой систематизации нет. Она, по–видимому, определяется тем, для чего соответствующая классификация предназначена: для целей профилактики преступлений; для успешного расследования, совершенного преступления; для назначения наказания или иных целей, или их совокупности. Некоторые ученые выделяют широкий перечень

свойств личности, которые связаны с различными сферами человеческой деятельности. Например, М. Г. Коршик и С. С. Степичев предложили различать в личности обвиняемого: а) установочные данные; б) сведения об образовании, профессии, месте работы, занимаемой должности, партийности, отношении к воинской обязанности, наличии наград и званий; в) семейное положение; г) состояние здоровья; д) жизнь и деятельность в прошлом, условия жизни в момент совершения преступления; е) прошлую преступную деятельность; ж) данные об образе жизни и связях обвиняемого; з) личностные качества в чертах характера[4, с. 43]. Другие авторы классифицируют рассматриваемые признаки по трем группам, объединяя в них демографические, социальные и психологические черты. Так, Б. В. Волженкин выделил три группы признаков: а) общие признаки личности виновного как члена общества; б) особые признаки личности, отличающие от остальных граждан, но общие для всех преступников; в) индивидуальные признаки личности преступника, выражающие характер и степень общественной опасности именно данного лица или данной категории преступников. А.Б. Сахаров выделяет социально – демографические, социально–психологические, социально– биологические признаки. К первой группе отнесены признаки, характеризующие различные сферы общественного существования виновного: общегражданскую, семейную, бытовую, производственную. Социально психологическую группу составляют морально–политические, нравственные, интеллектуальные, эмоциональные, волевые свойства личности. Социально–биологическую группу составляет

биофизиологическая основа (пол, возраст, состояние здоровья, особенности).

Список цитируемой литературы:

1. Золотых, В. Исследование данных о личности подсудимого // Российская юстиция. –2016. – №8. – С. 5.
2. Иванов, Н. Социальное и биологическое в преступном поведении // Российская юстиция. 2013. – № 9. – С. 25.
3. Карпец, И.И. Проблема преступности. – М., – 2009. – С. 103
4. Коршик, М.Г., Степичев С.С. Объем и методы изучения личности обвиняемого // Социалистическая законность. – 1965. – № 3. – С. 43.

Ролдугина Л.Н., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Иванов М.А.

Roldugina L.N., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Ivanov M.A.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ СЕКСУАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, КАК ОТДЕЛЬНОМУ ВИДУ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

COUNTERING SEXUAL CRIMINALITY, AS A SEPARATE TYPE OF LATENT CRIME

Аннотация:

В данной статье рассматривается понятие латентности в преступления сексуальной направленности, как скрытая часть преступности, как один из самых высоколатентных видов данного явления. Определяются причины возникновения данного вида латентной преступности, а также пути ее минимизации. Предлагаются профилактические меры по ее устранению.

Abstract.

This article discusses the concept of latency in sexual crimes, as a hidden part of crime, as one of the most highly latent types of this phenomenon. The causes of this type of latent crime are determined, as well as ways to minimize it. Preventive measures to eliminate it are proposed.

Ключевые слова: латентная преступность, преступления сексуального характера, профилактические меры, влияющие факторы, сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних.

Keywords: latent crime, sexual crimes, preventive measures, influencing factors, sexual crimes against minors.

Подход к преступности как социальному негативному явлению предполагает соответствующую стратегию борьбы с нею, главным направлением в которой является воздействие на причины, ее порождающие. На сегодняшний день предупреждение преступности - главное направление деятельности государства и общества в борьбе с этим социальным негативным явлением. Если уголовное наказание оказывает влияние на преступность посредством воздействия на личность преступника, то меры предупреждения направлены на устранение или нейтрализацию причин и условий, порождающих преступность.

Одна из самых важных проблем, которая стоит в современном обществе, это проблема сохранения половой неприкосновенности каждого человека. Понятие половой неприкосновенности несет в себе значение половой свободы, иначе говоря,

самостоятельного выбора с кем вступать в сексуальные отношения.

Законодательство не выступает в роли ограничителя этой свободы, но оно устанавливает жёсткие рамки, согласно нормам морали, правовым нормам, а также устоявшимися традициями и обычаями. В рамках регулирования законодатель выдвигает перед человеком ряд ограничений: достижение партнёрами определенного полового возраста (совершеннолетия); разнополость партнёров; добровольность с обеих сторон. Защита неприкосновенности зафиксирована в самом главном законодательном акте Российской Федерации- Конституции. Глава 2 Конституции Российской Федерации отражает права каждого гражданина, а также человека, находящегося на территории России, в том числе ст. 21 содержит положение, по которому никто не может подвергаться насилию [1].

Все преступления сексуальной направленности можно разделить на два вида:

1. Преступления, осуществляемые насильственным способом, либо осуществление действий, сопряженных с насилием. К данной категории относится: изнасилование (ст. 131 УК РФ), насильственные действия сексуального характера (ст.132 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ).

2. Преступления, которая нарушают все правила морали в рамках воспитания правильного сексуального поведения несовершеннолетних. Под данную категорию относятся: половые сношения и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК

РФ), совершение развратных действий (ст. 135 УК РФ) [2].

Совместно с вышеуказанной проблемой, выделяется проблема наличия латентной преступности, в том числе в преступлениях сексуальной направленности. Если давать определение данному виду преступлению, то можно сказать, что латентная преступность – незарегистрированная часть фактически совершенных преступлений [3, с.71].

Различные группы преступлений наделены различным коэффициентом латентности. Есть виды преступлений, в которых латентность выражена сильнее из-за определенных субъективных и объективных факторов, такие, например, как экономические преступления, коррупционные, преступления, связанные с насильственными действиями сексуального характера.

Дать оценку латентной преступности в современных реалиях практически невозможно, ведь проведя различные способы ее оценки могут дать лишь приблизительные данные.

Специфика преступлений сексуальной направленности заключается в том, что потерпевший, по законодательству Российской Федерации, обязан сам обратиться к правоохранительным органам. Данный вид преступления оказывает на потерпевшего сильное эмоциональное, психологическое давление. Ведь половая неприкосновенность – одна из основ, неотчуждаемых, естественных прав каждого человека. Становясь жертвой насилия, потерпевший не стремится предать огласку произошедшему, в большинстве случаев заявление о совершении данного вида преступления в правоохранительные органы не поступает.

Выявление данного вида преступления в большинстве случаев осуществляется через анализ обращения граждан в органы здравоохранения, с целью получения медицинской помощи. Сюда можно отнести также медицинские осмотры несовершеннолетних, которые в ряде случаев позволяют выявить лиц, подвергнутых сексуальным преступлениям, но утаившие этот факт, стараясь сокрыть преступные деяния кого-то из родственников, друзей. Стоит отметить, что в некоторых случаях несовершеннолетнее лицо не осознает, что над ним совершаются развратные деяния сексуального характера. Согласно исследованиям, более 44% несовершеннолетних через социальные сети подвергаются сексуальному домогательству, а также 90 % детей сталкивались в сети с порнографией, а 65 % искали ее целенаправленно [4, с.441].

Половые преступления, совершенные в отношении сексуальных меньшинств, стремятся к абсолютной латентности. В связи с непринятием обществом в Российской Федерации сексуальных отношений нетрадиционной формы, сексуальные меньшинства находятся в абсолютной незащищенности: они боятся обратится к правоохранительным органам, дабы не произошла огласка их сексуального ориентира.

Также стоит учитывать, что ряд преступлений совершенной в данной категории, совершаются в случае некорректного поведения жертвы: вызывающего поведения, нахождения в алкогольном опьянении, дача изначального согласия на вступление в сексуальные отношение. Тут стоит отметить и тот факт, что жертва может обратиться в правоохранительные органы не сразу, а через сутки, уничтожив гигиеническими средствами все биологические материалы преступника.

Проблема причин сексуальных преступлений во многих случаях представляет собой сложный комплекс эмоциональных, психических и физиологических противоречий отдельных лиц. Как отмечено, удовлетворение сексуальных потребностей является далеко не единственной причиной совершений сексуальных преступлений. В большинстве случаев преступник стремится подавить волю жертвы, унизить ее и при этом получить сексуальное удовольствие. Внешние и внутренние характеристики потерпевших (параметры тела, цвет волос, темперамент) практически не играют роли. При внезапном нападении преступник вообще не успевает рассмотреть особенности своей жертвы. Таким образом, основной причиной совершения сексуальных преступлений являются внутренние противоречия самого преступника. При этом спектр этих противоречий разнообразен: неудовлетворенность своей сексуальной жизнью, желание доминировать, месть всем женщинам за предшествующее поведение матери или жены и т.д.

Латентная преступность нуждается в постоянном мониторинге, сдерживании, проводя эффективные меры на противодействие данного вида преступления. По мнению И.В. Крупнова, наибольшая латентность существует в тех сферах жизнедеятельности общества, в которых сформирована социальна среда с преобладанием ценностей и норм поведения, отличающихся от установленных государством [5.с.163-168]. На фоне понижения коэффициента уровня совершенных, зафиксированных преступлений сексуального характера, нельзя говорить о том, что их стало меньше. Нельзя сделать точного вывода о реальной картине данного вида преступления: потерпевшие меньше стали обращаться в

правоохранительные органы, либо действительно преступлений стало меньше.

Предупреждение данного вида преступления заключается в осуществлении комплекса мер, которые затрагивают различные сферы жизнедеятельности каждого человека, направлены, в -первую очередь, на раскрытие и противодействие. Сюда можно отнести: повышение общего уровня правосознания населения; совершенствование уголовного, уголовно – процессуального законодательства; установление взаимодействие обязательного характера между медицинскими учреждениями и правоохранительными органами в рамках передачи информации о наличии жертв сексуального характера; создание необходимых условий для допрашиваемых потерпевших наиболее точно изложить обстоятельства совершения преступления (нахождение на допросе один на один со следователем); организация службы доверия в рамках деятельности правоохранительных органов, деятельность которых будет направлена на оказание психологической помощи жертвам насилия; активное воздействие со средствами массовой информации: пропаганда правильного сексуального поведения, информация о возможностях оказания психологической помощи, а также алгоритм действия человека, подвергнувшегося преступлению сексуальной направленности; активная работа в рамках расследования преступления в социальных сетях, сети Интернет.

Одной из причин совершения преступлений, связанных с насильственными действиями сексуального характера, является отсутствие в России полового воспитания. Первые признаки полового созревания у подростков возникает на несколько лет раньше, чем он

созревает физически. Одна из задач школы познакомить несовершеннолетнего с правильным, здоровом поведением в рамках половых отношений между людьми. В школе практически не озвучивается информация о важности, а главное своевременности вступать в половую связь, использования контрацептивов. Отсутствие в России соответствующих социальных институтов привело к тому, что большое количество людей, длительное время вообще не имевших источников информации о сексуальной жизни, начало активно «поглощать» порнографическую продукцию и на ее основе сформировало неверные представления о взаимоотношениях между полами, зачастую сводя указанные отношения к половым связям без чувственного и эмоционального влечения.

Одним из условий, способствующих возникновению умысла на совершение рассматриваемого вида преступлений, является неудавшаяся личная жизнь людей, среди которых очень много склонных к сексуальной дисгармонии. Однако в Российской Федерации пока находится на уровне становления такие службы как психологическая помощь, а совсем на самом низком уровне службы по оказанию психиатрической помощи в рамках сексологии, сексопатологической. К тому же из-за недостаточного развитого полового воспитания, люди стыдятся обращаться за помощью к профессионалам, и решают свои проблемы наиболее лёгким для них способом, но способом запрещённым уголовным законодательством Российской Федерации. Сюда можно добавить употребление алкоголя, наркотических средств, как, с одной стороны, способ для человека уйти от его проблем, забыться на время. А с другой, данные вещества толкают на совершение преступных деяний,

так как направлены на ослабления самоконтроля личности.

Неустроенность жизни определенных слоев населения, прежде всего малоимущих и мигрантов, является питательной средой для совершения сексуальных преступлений. Несовершеннолетние, за которыми ослаблен контроль со стороны родителей и социальных институтов, могут стать как жертвами рассматриваемых преступлений, так и лицами, их совершившими. Групповые изнасилования совершаются в подавляющем большинстве случаев именно несовершеннолетними, что обусловлено, согласно особенностям возраста, сложностью принятия собственного решения и уступкой мнению своего окружения. Что касается поведения взрослых в контексте данной причины, следует сказать, что люди, вынужденные претерпевать постоянные лишения и трудности, легче встают на путь совершения преступлений, в том числе сексуальных. Безусловно, употребление алкоголя, наркотических средств и токсических препаратов только усиливает девиантное поведение рассматриваемой группы

Таким образом, латентность преступлений сексуального характера относится к высоколатентным, обусловлена в первую очередь, нежеланием жертвы предавать огласки произошедшее преступление, во-вторую, отсутствием явных следов совершения преступления, что не позволяет выявить совершенно уголовно наказуемое деяние.

Можно выделить основные меры противодействия для выявления и предупреждения данного вида преступлений: проверка обращений в медицинские учреждения по травмам, характерные для данного данной категории преступлений; оказания

психологической помощи потерпевшим, а также активная работа со средствами массовой информации.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.
2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июн. 1996 г. № 163- ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июн. 1996 г.: [ред. от 29 марта 2022 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 14, - Ст. 2219.
3. Иншаков С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. М.: ЮНИТИ-ДА-НА, 2011. - 839с.
4. Кобелева, Н.А. Мониторинговые исследования социальных сетей по выявлению фактов распространения запрещенной информации, склоняющей подростков к асоциальному поведению // Молодой ученый. — 2018. — № 21 (207). — 440-443 с.
5. Крупнов, И.В. К вопросу о понятии латентной преступности // 35 лет Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации и ее роль в развитии юридического образования: материалы международной научно-практической конференции: в 2-х т. М., 2005. С.163-168.

Романенко В. Н., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Romanenko V. N., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer Shagunova V.M.

НАРКОМАНИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

DRUG ADDICTION AND YOUTH CRIME

Аннотация.

В статье рассматриваются тенденции развития наркомании в молодежной среде и рост числа преступлений, совершенных молодыми людьми и подростками, а также предложены некоторые меры по профилактике распространения данных видов девиации.

Abstract.

The article examines the trends in the development of drug addiction among young people and the increase in the number of crimes committed by young people and adolescents, and also suggests some measures to prevent the spread of these types of deviation.

Ключевые слова: молодежь; наркомания; уголовные дела; токсикомания; наркоситуация; динамика преступлений.

Keywords: youth; drug addiction; criminal cases; substance abuse; drug situation; crime dynamics.

Одной из самых значимых для России проблем является возрастание наркотизации населения страны. Это пагубно влияет на здоровье и жизни многомиллионного населения страны, подрывает жизнеспособность всего российского общества. По данным ООН «за последнее время число населения, которое потребляет наркотики, выросло примерно на 60% и приблизилось к 8 миллиону человек» [2;16].

Проблема наркомании остается одной из самых масштабных проблем современного общества, так как затрагивает не только интересы отдельного гражданина, а всего общества в целом, что ведёт к моральной деградации и распространению преступности.

Наркоситуация в России за последние годы резко обострилась. По данным экспертов, объем незаконного оборота наркотиков в стране ежегодно почти удваивается. В Уголовном законодательстве предусмотрено ряд составов преступлений, связанных с наркотиками: гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» [1]: незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст.228), склонение к потреблению наркотических

средств, психотропных веществ или их аналогов (ст.230), незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ст.231), организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст.232), незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст.233). Кроме того, с наркотиками либо психотропными веществами могут быть связаны некоторые другие преступления, например, предусмотренные ст.151, 188 УК РФ.

Различают пять этапов постепенной наркотизации:

1. Единичное или редкое употребление наркотиков.

2. Многократное их употребление без признаков психической и физической зависимости.

3. Наркомания 1 степени: сформирована психическая зависимость. Поиск ради получения приятных ощущений, но еще нет физической зависимости, а прекращение приема наркотика пока не вызывает мучительных ощущений.

4. Наркомания 2 степени: уже сложилась физическая зависимость от наркотика; поиск уже направлен не столько на то, чтобы вызвать эйфорию, сколько на то, чтобы избежать мучений, абстиненции (ломки).

5. Наркомания 3 степени: полная - физическая и психическая деградация.

Считается, что остановится при приеме наркотиков возможно лишь на первых двух стадиях

Профилактика наркомании: организационные и методические аспекты.

В литературе выделено три стадии развития наркомании:

1. Стадия психического влечения к наркотику характеризуется возникновением синдрома психической зависимости от препарата и уменьшением его эйфоризирующего действия при повторных введениях. Психическая зависимость - это осознанная или неосознанная потребность в употреблении психоактивного вещества для снятия психического напряжения и достижения состояния психического комфорта.

Мысли о приеме наркотика приобретают навязчивый характер. Наркотик становится «лекарством» снимающим эмоциональное напряжение в конфликтных ситуациях - трансформируются характерологические и патохарактерологические черты. Происходит нарастание социальной дезадаптации. Человек утрачивает прежние положительные ориентации, у него снимается чувство ответственности, долга, способность к сопереживанию.

Выделяют два типа психической зависимости:

- позитивный - наркотик применяется для достижения и поддержки субъективно приятного эффекта (эйфории, чувства бодрости, повышенного настроения).

- негативный - наркотик необходим, чтобы избавиться от пониженного настроения и плохого самочувствия. Отказ от приема или невозможность, по каким - либо причинам повторного введения наркотика сопровождается изменением настроения, развитием депрессивных состояний, желание ввести повторную дозу наркотика начинает приобретать навязчивый

характер. Следует отметить, что позитивная психическая зависимость наблюдается только на начальных этапах развития наркомании [9;47].

Описание проведённого исследования среди школьников, влияние негативной информации о наркотиках на установки по отношению к ним, сенситивные периоды развития школьников и степень влияния на них негативной информации, эффект парадоксального искажения негативной информации.

Первая стадия может быть названа неврозоподобной (неврастенической), поскольку помимо расстройств настроения и сна, свойственных астеническим состояниям, здесь могут наблюдаться раздражительность, повышенная утомляемость, нарушение концентрации внимания, гиперестезии, умеренно выраженные негативные расстройства. Кроме того, на первой стадии формирования наркотической зависимости, как и на всем протяжении заболевания, наблюдается повышение толерантности, т.е. переносимости наркотика, адаптации организма ко все возрастающим дозам. В связи с этим наркоманы с каждым приемом для получения того же эйфорического или другого эффекта вынуждены повышать дозу вводимого вещества.

2. Формирование физической зависимости от наркотика. Под физической зависимостью понимается адаптивное состояние, которое проявляется интенсивными физическими расстройствами: организм адаптируется к приему наркотических веществ, наркотик как бы «вплетается» в обмен веществ.

Одним из самых тяжелых наркотиков считается героин. Рассмотрим на примере героина, как развивается физическая зависимость от наркотиков и к чему она приводит.

Для начала определим, когда человека называют зависимым наркоманом. Вся жизнь и мысли таких людей сконцентрированы на наркотиках - на добывании, на употреблении, на поисках путей и средств добыть еще. Они живут, чтобы употреблять и употребляют, чтобы жить. Очень просто: зависимый человек - это мужчина или женщина, чьей жизнью управляют наркотики.

Сначала человек испытывает желание повторно принять героин для того, чтобы повторно испытать приятные ощущения, вызванные первым приёмом. С точки зрения биохимии это обозначает, что он постоянно «посылает» в нервную систему уже готовые эндорфины, резко облегчая мозгу синтез этих веществ. Мозг, как достаточно гибкая система, начинает приспосабливаться к постоянному притоку регулирующих веществ. Это приспособление заключается в том, что нервная клетка как бы убивает сама в себе тонкие структуры, отвечающие за регуляцию её деятельности. Она «привыкает» существовать в условиях «более высокого напряжения». Для наркомана такое «привыкание» обмена веществ к избыточному напряжению выражается в постепенном исчезновении приятных ощущений «прихода» от привычной дозы наркотика. Для того чтобы получить приятные ощущения, дозу приходится увеличивать. Дозы начинают расти уже на 5-й день после начала приёма. В обычных условиях симптомы зависимости от героина дают о себе знать на 7-10 день постоянного приёма наркотика. «Плотно севшие на иглу» наркоманы довольно быстро замечают, что наркотик даже близко не приносит никакого удовольствия, как раньше. Они продолжают его употреблять для того, чтобы не испытывать страшных ощущений, связанных с отменой

наркотика. В медицине такое состояние называется «абстинентным синдромом» или синдромом отмены [10;10].

Основным моральным вредом наркотизации является возникновение социально индифферентной системы ценностей у человека, употребляющего наркотические вещества. Употребление молодежью наркотиков представляет серьезную угрозу здоровью нации, социальной сфере и правопорядку.

Необходимо отметить некоторые тенденции распространения наркомании в молодежной среде:

- Снижение возраста молодых людей, потребляющих наркотики. Подростки сегодня представляют максимально уязвимую для наркомании социальную группу.

- Рост распространения наркомании в образовательной среде. Так, в 33 субъектах Федерации отмечается рост преступлений с участием студентов, среди которых имеются и уголовные преступники, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Согласно результатам анкетирования, проведенного в 2006 г. Центром социологического прогнозирования, среди молодежи более 70 % пробовавших или потребляющих наркотики приобщились к ним по месту учебы.

- Увеличение числа преступлений, совершенных организованными наркогруппами с привлечением молодежи для распространения наркотиков.

Если с 2014 по 2016 годы наблюдается постепенное уменьшение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, то в 2017 году количество подобных преступлений незначительно выросло и практически не уменьшилось в 2018 году.

А.А. Янполова под наркоситуацией понимает «положение, характеризующееся состоянием в стране и ее регионах немедицинского потребления наркотиков, спросом на них, количеством больных наркоманией, наличием фактов незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, появлением новых потенциально опасных психоактивных веществ, ростом числа общеуголовных преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, и преступлений, совершенных с целью добычи средств для приобретения наркотиков, а также негативными последствиями в социально-демографической, экономической, общественно-политической, духовно-нравственной и иных сферах жизни общества» [3;50].

Видно, что в 2015 году произошел небольшой скачок преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения. С 2016 года можно видеть, что динамика данного вида преступления имеет тенденцию к снижению и к 2018 году их численность достигла 11998 преступлений. К сожалению, МВД России не предоставляет данных о том, сколько человек, совершивших преступлений в состоянии наркотического опьянения, являлись несовершеннолетними или молодежью. Однако само наличие такой статистики говорит об опасности наркотиков и обуславливает их применение как фактор риска совершения преступления.

Статистика численности наркоманов, несмотря на все профилактические меры и антинаркотические мероприятия со стороны государства и общества, печальна - с каждым годом их число увеличивается. «Каждый год наркотики начинают употреблять 90

тысяч граждан России, то есть почти 250 человек в день. В связи с этим постоянно растет количество лечебных центров для желающих излечиться наркозависимых. Сейчас медицинские учреждения страны могут принять на лечение в стационар не более 50 тыс. наркозависимых в год. Официально опубликованная ООН статистика наркозависимых констатирует, что за 10 лет наркоманов-россиян стало в 10 раз больше. Смертность от употребления наркотических препаратов увеличилась в 12 раз, при этом детская смертность - почти в 40. Это означает, что все чаще дети в возрасте до 15 экспериментируют с химическими веществами, желая испытать их действие на себе» [4].

Поведенческие проблемы со здоровьем, связанные с распитием спиртных напитков, курением, употреблением наркотических средств и психотропных веществ, проявлением насилия на этой почве, теперь являются ведущими причинами смерти для лиц в возрасте от 15 до 30 лет.

Чтобы эффективно предотвратить злоупотребление психоактивными веществами, важно понять характер проблемы, включая возраст начала. Вероятность употребления психоактивных веществ резко возрастает в подростковом возрасте. Например, самая высокая распространенность употребления «легких» наркотиков, таких как марихуана, спайсы, насвай, происходит в возрасте 15-17 лет. Употребление других наркотиков обычно начинается в более позднем возрасте.

Злоупотребление наркотическими средствами и психотропными веществами наносит вред как самому наркоману, так и окружающим его людям. Кроме того, раннее начало злоупотребления психоактивными веществами связано с различными негативными

последствиями, включая ухудшение отношений в семье, плохое поведение в школе, снижение психического здоровья, а также увеличение риска заболеваемости и смерти (например, отравление или несчастный случай) [5].

В России больше половины от общего числа официально зарегистрированных ВИЧ-инфицированных - это люди, заразившиеся инфекцией через употребление наркотиков, т.е. инъекционным способом. Большая часть (90%) людей, употребляющих наркотики больны гепатитом В или С. Однако всех этих фактов все равно не останавливает молодых людей, которые становятся на путь употребления наркотических препаратов.

Необходимо добавить один интересный факт, что один человек, употребляющий наркотики, способен привлечь к их употреблению еще шестьдесят человек путем распространения и перепродаже наркотиков. Чаще всего делает он это из-за отсутствия средств на приобретение наркотиков для самого себя.

Наркомания - это проблема, затрагивающая различные аспекты жизни общества: социальный, нравственный, юридический, медицинский, религиозный. Употребление наркотиков приводит к психической и физической и психической зависимости. Наркотики влияют на организм человека, вызывая непреодолимое желание употребить дозу, которое становится все больше и больше. Наркоманы, не получая дозы, мучаются и страдают. Их кидает в пот, тошнит и рвет. Также можно выделить такие симптомы как ломота в суставах, слабость, боли в животе, и даже дрожь во всем теле. Депрессия, внутренняя напряженность, тревога - обычные спутники абстиненции. Организм начинает неправильно

функционировать, развиваются сопутствующие заболевания. Также наркоманы теряют социальные связи.

«Формирующаяся психическая и физическая зависимость приводит к совершению человеком все более тяжких различных деяний: распространение наркотиков, мошенничество, воровство, разбой, проституцию, нанесение увечий ближнему, убийства. Зачастую можно наблюдать, что наркозависимый завершает собственную жизнь самоубийством. В обычном состоянии человек вряд ли решиться на такие преступные деяния, которые совершает в периоды наркотического употребления. Человек, приобретающий наркотики, вступает в связь с криминалом и становится на путь преступного бизнеса» [6;130].

Примерно с 2011 года распространилась система сбыта наркотиков через «закладки» в сети Интернет. Крупные наркоторговцы, оставаясь в тени, реализуют смертельный товар через посредников-дилеров, которые делают «закладки» или просто передают товар непосредственно заказчику. Сами организаторы наркобизнеса не реализуют товар, выдавая его лишь через сеть Интернет и используя дилеров-«закладчиков». И вот этот «несмышленыш» получает реальные сроки: от 10 до 15 лет лишения свободы. Надо отметить, что ответственность по ст. 228 УК РФ наступает с 16 лет. Тем же, кому было меньше 16 лет на момент совершения преступления, сулит постановка на учет в полицию, наркодиспансер или же отправка в спецшколу. Впервые совершившим преступление подросткам дают не больше 6 лет реального лишения свободы. «Омоложение» по данной статье обусловлено тем, что подросткам крайне сложно найти подработку с

хорошим заработком. Даже юноши из хороших семей не могут устоять перед соблазном быстро заработать большие деньги. Инфантилизм, правовая безграмотность и отсутствие юридической информированности делают из обычных юношей дилеров. Найдя простое объявление в Интернете о легком заработке, юноши часто даже не осознают какие последствия их ожидают. «Виртуальность» современной молодежи и инфантилизм играют на руку современной наркомафии. Часто им говорят, что они участвуют в квесте. Буквально на третью, четвертую закладку молодые люди попадают в руки правоохранительных органов. По ст. 228 УК РФ их ждут внушительные сроки. Тогда как истинные организаторы остаются в тени.

Большой процент осужденных по статьям за наркотики увеличивает статистику раскрываемости данных преступлений правоохранительными органами. Однако ряд проблем так и остаются острыми и нерешенными. Отсутствие или недостаточная работа по профилактике данных преступлений среди молодежи очевидна. Необходима периодическая информационная работа определенных подразделений ОВД в школах, колледжах и институтах. Организаторы наркобизнеса зачастую остаются безнаказанными, т. к. работают удаленно через Интернет. Но это не делает их недосягаемыми для правосудия. Правоохранительные органы должны добраться до них в первую очередь [7;172].

Отбывшие реальные сроки за эти статьи молодые люди вернутся в общество. В местах лишения свободы они не получат ни образования, ни должной рабочей квалификации. В условиях жесткой экономической конкуренции на рынке труда, наличие пресловутой

судимости не даст этим людям шанса интегрироваться в общество после отбытия наказания. Государство получит лишь криминализацию населения, фатальное умножение искалеченных судеб молодых людей, маргинализацию молодежи, переполненность тюрем и следственных изоляторов.

Необходимо отметить влияние наркомании на рождение детей. «Статистические данные гласят, что наркоманы довольно редко способны родить здоровое потомство. У 80% наркозависимых родителей, в разной степени употреблявших психотропные вещества, рождаются дети с различными пороками развития. Любые наркотические средства способны с током крови проникать через плаценту во вновь развивающийся организм». В частности, дети, рожденные матерьми, которые употребляют героин, с момента рождения полностью зависимы от него. Дети, рождённые от матерей, употребляющих героин, с первых минут жизни являются полноценно зависимыми от наркотических средств. Часто они не выживают из-за абстинентного синдрома. Выжившие дети страдают умственными отклонениями, нарушениями речи, неспособностью к обучению и т.п. Дети, рожденные наркоманами, употребляющими кокаин и амфетамин, часто гибнут еще в утробе матери из-за гипоксии. Даже если человек прекращает принимать наркотики, влияние на его организм последствий приема наркотиков длится около 10 лет. Неудивительно, что дети, рожденные ранее десятилетнего перерыва, часто страдают различными заболеваниями и проблемами в развитии. Употребление ЛСД приводит к мутации плода, отслоению плаценты, снижением уровня развития ребенка.

С.А. Павлова отмечает, что «незаконный оборот наркотиков и распространение наркомании

провоцируют широкий комплекс негативных последствий, которые, в свою очередь, могут способствовать углублению таких внутренних реальных и потенциальных угроз для страны, как сокращение доходной части бюджетов всех уровней, свертывание социальных программ, потери валового внутреннего продукта, снижение качества жизни граждан и, как результат, ослабление экономической и политической конкурентоспособности страны. При мониторинге наркоситуации следует просчитывать реальные и потенциальные угрозы от незаконного оборота наркотиков для личности, общества и государства и выстраивать предупредительные барьеры на пути наркоугрозы» [8;1815].

Учитывая серьёзные тенденции, хотелось бы предложить некоторые меры для снижения уровня преступности и распространения наркомании, делая ставку на комплексное решение проблем. Во-первых, необходимо усовершенствовать социально-экономическую ситуацию в стране, чтобы поднялся уровень материального благосостояния семей, так как прямо пропорциональная зависимость между уровнем материального благосостояния семьи и объёмом надлежащего внимания и воспитания родителей к своим детям обеспечит правопослушный образ поведения и мысли у детей и подростков.

Другой эффективной мерой может стать снижение возраста уголовной ответственности: по мнению психологов, уже в возрасте 13 лет несовершеннолетний может осознавать всю тяжесть им содеянного, а с другой стороны, боязнь претерпеть уголовную ответственность за содеянное будет сдерживать подростков от совершения преступлений.

Употребление наркотиков и проблема преступности в молодежной среде— одни из наиболее серьезных молодежных проблем в нашей стране, актуальность которых возрастает с каждым днём. В настоящее время молодёжная преступность в России прогрессирует, вовлекая в криминальную субкультуру всё новых и новых юных граждан страны.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 15.10.2020 г. №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 25. Ст. 228-233.

2. Кузьмина Е.В., Перевозчикова Е.В., Пухова Я.С. Наркотики - угроза духовной безопасности человека, семьи и общества // ОБЖ: основы безопасности жизни. 2017. №1. С. 15-20.

3. Янполова А.А. Тенденции антинаркотической политики в РФ // Научный альманах. 2017. №10-3. С. 49-51.

4. Туровский И.В. Криминологическая характеристика и предупреждение наркопреступности: региональный аспект: автореф. дис ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. С.50.

5. Орехова Н.А. Потребление несовершеннолетними наркотических средств: факторы риска и принципы профилактики // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. №3. С. 183188.

6. Коробкина З. В., Попов В. А. Профилактика наркотической зависимости у детей и молодежи: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2002. 192 с.

7. Лепешкова Д.Ф. Криминализация общества по статьям, связанным с незаконным оборотом наркотиков // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2018. № 2. С. 171-174.

8. Павлова С.А. Влияние незаконного оборота наркотиков на национальные интересы Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. №10. С. 1805-1817.

9. Гульдан В. В., Романова О. Л., Дрынков А. В. Психологическое исследование запугивания на установку подростков по отношению к наркотикам // Вопросы наркологии. 1990. № 4. С. 45-51.

10. Зазулин Г. В. В борьбе с наркоманией нет лёгких рецептов // Санкт-Петербургский университет. 2002. Специальный выпуск. С. 9-11.

Романенко С.А., студентка
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Рыжкова И.Д.

Romanenko S.A., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Rizhkova I.D.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

SOME ISSUES OF QUALIFICATION OF ABUSE OF OFFICE

Аннотация.

В статье рассматриваются вопросы отнесения и разграничения родственных составов к деяниям, предусмотренным ст. Статья 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). Также рассматривается сочетание понятий, содержащихся в правовых нормах, и влияние этого процесса на работу правоохранительных органов и государственных служащих. Предлагаемые рекомендации могут способствовать оптимизации уголовного законодательства. Также рассматривается

определение преступления превышения должностных полномочий.

Abstract.

The article deals with the issues of attribution and differentiation of related compositions to the acts provided for in art. Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation (abuse of official powers). The combination of concepts contained in legal norms and the impact of this process on the work of law enforcement agencies and civil servants is also considered. The proposed recommendations can contribute to the optimization of criminal legislation. The definition of the crime of abuse of official authority is also being considered.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, преступление, сотрудники органов внутренних дел, интересы государственной службы, коррупция, служебное положение.

Keywords: abuse of official powers, crime, employees of internal affairs bodies, interests of public service, corruption, official position.

Распространенность подобных преступлений в соответствующих структурах наглядно демонстрируется как следственной, так и судебной практикой. Европейцы считают, что в России слишком много чиновников, не подлежащих уголовному преследованию. И в настоящее время понятие взяточничества является наиболее децентрализованным. Статистика показывает, что большое количество дел против чиновников никогда не заканчивается в суде. Международное сообщество настаивает на том, что

Российской Федерации необходимо ограничить неприкосновенность судей, депутатов и сенаторов.

К сожалению, преступления с участием бывших высокопоставленных чиновников, как правило, остаются вне досягаемости правоохранительных органов, за исключением случаев массового общественного протеста.

Злоупотребление властью – это специфическое деяние, которое чаще всего встречается в следующих сферах: государственное управление, банковская и финансовая системы, военные заказы, создание стратегических объектов, сельское хозяйство, местное самоуправление и др. Основным способом совершения преступления является применение служебной силы и полномочий.

Данным актом ущемляются интересы службы в органах местного самоуправления и государственных органах, тем самым подрывается авторитет государственной власти, что недопустимо и отрицательно сказывается на всех сферах государственной общественной жизни. Объектом преступления является стабильная работа государственного аппарата.

Злоупотребление должностными полномочиями проявляется в ряде различных форм действия (бездействия). Например, это сокрытие воровства, предложение незаконных выгод, личное покровительство, продвижение по службе и т. д.

Правильная квалификация и применение статьи 285 УК РФ, задача очень сложная. Необходимо определить объем полномочий (прав и обязанностей) должностного лица, проанализировать содержание нормативно-правовых актов, в соответствии с которыми должностным лицам предоставляются определенные

полномочия, и определить, какие действия считаются злоупотреблением должностными полномочиями.

Решающим является мотив, цель и фактическая ситуация противоправного деяния, есть ли связь между действием (бездействием) должностного лица и последствиями, наносящими ущерб интересам общества и государства или влекущими тяжкие последствия.

Сегодня правоохранительные органы часто сталкиваются с трудностями в определении таких преступлений из-за того, что статья 285 УК РФ включает в себя расплывчатые признаки оценки. При попытке их понять возникает вопрос о разграничении соответствующих преступлений. В настоящее время не существует единообразной трактовки «злоупотребления властью», поскольку оно может быть использовано посредством активного действия виновного [1, С.115], а злоупотребление властью путем бездействия широко обсуждается в научной литературе.

Верховный Суд Российской Федерации внес ясность в этот вопрос. Согласно разъяснениям ВС РФ, для вменения бездействия как разновидности злоупотребления полномочиями необходимо определить, какие обязательные предписания необходимо было выполнить должностному лицу, входило ли совершение невыполненных действий в его компетенцию, и возлагалась ли на него обязанность их совершения, а также выяснить, имелась ли у соответствующего лица фактическая возможность совершения ожидаемых от него действий. Лишь при совокупности всех этих условий может быть поставлен вопрос о должностном бездействии лица [2].

Помимо прочего название ст. 285 УК РФ и ее диспозиция не совпадают. Так как в названии указаны «должностные полномочия», в диспозиции это

«служебные полномочия». Однако некоторые правоведы отождествляют эти понятия [3].

Оценивая существенность вреда, обязательно учитывается степень негативного влияния преступления на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ей материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда [4, С. 43].

Сложность так же представляет определение субъектов указанного преступления. УК РФ дает определение субъекта должностных преступлений в примечании к рассматриваемой статье (285). Термин должностное лицо не употребляется в качестве цельного, определенного понятия, а представляет собой смесь признаков лиц, наделенных властными полномочиями, и используется в качестве специальной категории уголовного права. Это, конечно же, приводит к широчайшему толкованию данного понятия, потому что на практике имеется большое количество случаев злоупотребления полномочиями лицами, которые не относятся к государственным служащим.

В целях эффективной борьбы со злоупотреблением служебным положением на различных должностях государственной службы рекомендуется расширить перечень субъектов, злоупотребляющих служебным положением. Отмечается также необходимость ужесточения методов наказания и их неотвратимости для высокопоставленных должностных лиц [5, С.42]. Эти меры способствуют расширению антикоррупционной кампании.

Отсюда преступление, предусмотренное ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными

полномочиями) является наиболее опасным деянием, способствующим росту и распространению коррупции. Для повышения эффективности борьбы необходимо расширить и конкретизировать данную статью. Особое внимание следует уделить четкому определению термина «должностное лицо» и критериям категории «значительный ущерб». Вышеуказанные меры помогут упростить определение деяния и его отличие от связанных с ним правонарушений.

Список цитируемой литературы:

1. Давитадзе М.Д. Злоупотребление должностными полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – №5. – С. 114-121.

2. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 8.

3. Авдеев С.В. Злоупотребление должностными полномочиями: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 5.

4. Постановление Пленума Верховного Суда от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. № 5031.

5. Щербакова Н.С. Некоторые проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями // Научные исследования. – 2016. – №2. – С. 40-43.

Романцова М.А., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Romantsova M.A., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАЛОЛЕТНЕГО

ISSUES RELATING TO THE QUALIFICATION OF MURDER OF A MINOR

Аннотация.

В статье рассматриваются актуальные вопросы, вызванные сложностью правильной квалификации деяний по п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ и ст. 106 УК РФ, противоречивостью моральных оценок квалификации, столкновением принципов уголовного права.

Abstract.

The article deals with current issues caused by the complexity of correct classification of acts under para. v,

part 2 of art. 105 of the Criminal Code and art. 106 of the Criminal Code, the contradiction of moral assessment of the qualification and the clash of principles of criminal law.

Ключевые слова: совершение детоубийства, уголовная ответственность, психическое расстройство, новорожденный ребенок, малолетний, психотравмирующая ситуация.

Keywords: Infanticide, criminal responsibility, mental disorder, newborn child, young child, psychotraumatic situation.

Право на жизнь признается естественным неотъемлемым правом каждого человека и подлежит защите со стороны государства, в том числе средствами уголовно-правового воздействия.

Кроме того, актуальность вопросов борьбы с обозначенными преступными проявлениями подтверждает и статистика распространения детоубийства в Российской Федерации, которая не может не волновать россиян и свидетельствует о том, что совершение данного преступления полноправно следует считать одной из важных и распространенных проблем в современном мире [7].

Ответственность за убийство детей предусмотрена несколькими статьями Уголовного кодекса РФ. Пункт «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ устанавливает ответственность за убийство малолетнего в рамках квалифицированного состава преступления, а ст. 106 УК РФ – за убийство матерью новорожденного ребенка в рамках привилегированного состава.

Уголовная ответственность за убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном

состоянии, а равно сопряженное с похищением человека предусмотрена п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ.

Многофункциональность признака «беспомощное состояние» в составе убийства заключается в том, что он: а) является квалифицирующим признаком состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ; б) выступает генетическим свойством потерпевшего и предопределяет специфику содержания и вида вины при убийстве; в) нередко служит для убийцы своеобразной «приманкой»; г) значительно упрощает убийство потерпевшего, так как у виновного, сознающего его состояние, складывается твердое убеждение о высокой результативности своего посягательства; д) позволяет утверждать, что состав убийства, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, проявляя свою содержательную стабильность, в каждом конкретном случае совершения преступления испытывает на себе функциональную коррекцию вида беспомощного состояния потерпевшего, в котором он находился в момент лишения его жизни; е) выступает критерием дифференциации уголовной ответственности за «простое» и «квалифицированное» убийство.

В п.7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» [4] говорится следующее: «по п. «в» ч.2 ст.105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть

отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее».

В связи с данным постановлением возникают следующие вопросы:

1) Какое определение дано понятию «малолетний ребенок» в российском законодательстве?

2) Какова разница между понятиями малолетний ребенок (см. п.7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

Для ответа на данные вопросы следует обратиться к семейному и гражданскому праву. В Гражданском кодексе РФ в статье 28 [1] записано следующее: «За несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет (малолетних), сделки, за исключением указанных в пункте 2 настоящей статьи, могут совершать от их имени только их родители, усыновители или опекуны. Малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать: 1) мелкие бытовые сделки; 2) сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; 3) сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения». То есть малолетними признаются дети до 14 лет.

Семейный кодекс РФ в отличие от Гражданского кодекса РФ не дает понятия – «малолетний ребенок», а дает лишь понятие «ребенок» которое закреплено в п.1 ст. 54 СК РФ (ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия).

Уголовный закон не раскрывает понятия «дети» и достаточно редко его использует. В Общей части УК РФ говорится лишь о наличии малолетних детей у виновного, как о смягчающем вину обстоятельстве (п. «г» ч. 2 ст. 61), а также об отсрочке отбывания наказания женщинам, имеющим малолетних детей (ст. 82). В Особенной части УК термин «дети» также упоминается крайне редко. Например, в ст. 145 УК РФ сказано о необоснованном отказе в приеме на работу или необоснованном увольнении женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет; в ст. 154 УК РФ – о незаконном усыновлении (удочерении) детей. Кроме этого, в диспозициях норм Особенной части УК также используется термин «ребенок», т.е. те же «дети», только в единственном числе. В ст. 106 УК РФ говорится об убийстве новорожденного ребенка, а в ст. 153 УК РФ – о подмене ребенка.

Наиболее же часто в Особенной части используются обезличенные термины, такие как: «малолетний» («малолетняя»), «несовершеннолетний» (п. «в» ч. 2 ст. 230 УК РФ), «несовершеннолетняя» (п. «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ).

Согласно ст. 54 Семейного кодекса РФ, «ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия)» [2], поэтому именно этим определением следует руководствоваться при определении уголовно-правового понятия «дети».

Убийство матерью новорожденного ребенка одно из распространенных и опасных проявлений против жизни личности. В практической деятельности органов дознания, следствия и суда вызывает затруднение не только выявление этого преступления, его квалификация, но и решение вопросов, связанных с назначением наказания. Причем особую трудность

представляет установление объективной стороны преступления. А между тем, данный элемент состава преступления является одним из исходных моментов при установлении квалификации деяния, разграничения схожих преступлений. Проводя экскурс в историю российского уголовного права, следует отметить, что вплоть до принятия УК РФ 1996 г. этот вид убийства не был предусмотрен. «Но учитывая распространенность негативного явления и специфические обстоятельства его совершения, законодатель закрепил его в качестве самостоятельной уголовно-правовой нормы, определив ее объектом общественные отношения, сложившиеся в сфере охраны жизни новорожденного и живорожденного младенца. Он же признается и потерпевшим, и объектом этого деяния» [4].

Кроме этого, следует заметить, что сложность конструкции ст. 106 УК РФ, включающей три самостоятельных состава преступления, использование в диспозиции таких неоднозначных терминов как, «новорожденный», «мать», «во время или сразу же после родов», отсутствие законодательного закрепления признака, положенного в основу смягчения наказания за совершение данного вида детоубийства – являются лишь основными проблемами, требующими незамедлительного законодательного урегулирования.

Вместе с тем, вместо понятия «новорожденный», которое употребляется в диспозиции ст. 106 УК РФ для характеристики потерпевшего от данного преступления, должен использоваться термин «ребенок». Целесообразность предлагаемого изменения обусловлена: во-первых, тем, что понятие «новорожденный», являясь чисто медицинским термином, различно толкуется отдельными отраслями медицины (судебной медициной, педиатрией,

неонатологией); во-вторых, такая законодательная регламентация не обусловлена историческими предпосылками использования этого понятия в уголовном законодательстве. В-третьих, закрепление понятия «новорожденный» (т. е. уже рожденный) не согласуется с необходимостью уголовно-правовой охраны права на жизнь рождающегося ребенка, поскольку новорожденного в процессе родов быть не может.

Основным критерием смягчения наказания за совершение детоубийства в российском уголовном законодательстве было особое психофизиологическое состояние роженицы (родильницы), вызванное беременностью и родами. Аналогичное состояние учитывается и УК РФ посредством смягчения ответственности за совершение детоубийства женщиной во время или сразу же после родов (ст. 106 УК РФ). Однако законодатель при конструировании диспозиции этой уголовно-правовой нормы прямо на данный факт не указал. В результате этого все совершаемые во время или сразу же после родов убийства детей автоматически квалифицируются сегодня по привилегированному составу (ст. 106 УК РФ) без всякого на то основания. Так, Закрепление в диспозиции ст. 106 УК РФ особого психофизиологического состояния, вызванного беременностью и родами, в качестве единственного условия смягчения уголовной ответственности позволит конкретизировать конструкцию нормы.

Временной период, в который может совершаться детоубийство, предусмотренное ст. 106 УК РФ, должен исчисляться с момента начала рождения до истечения 24 часов с момента рождения ребенка. Таким образом, в основу признака «во время родов» положен начальный период родов, а именно момент начала рождения, то

есть возникновение регулярных родовых схваток либо начало родоразрешающей операции по извлечению ребенка из организма матери. Проанализировав различные концепции, сложившиеся в доктрине уголовного права, считаем, что только судебно-медицинский критерий признака новорожденности – двадцать четыре часа с момента рождения ребенка – может быть положен в основу понятия «сразу же после родов» как показатель объективных признаков детоубийства, предусмотренного ст. 106 УК РФ. В связи с этим предлагаем заменить в диспозиции ст. 106 УК РФ слова «сразу же после родов» на формулировку «в течение двадцати четырех часов с момента рождения».

Еще одна разновидность рассматриваемого преступления – убийство матерью ребенка в условиях психотравмирующей ситуации. Здесь уже нет связи с процессом родов, зато есть указание на особый характер сопутствующей убийству ситуации. Из чего можно заключить, что эта категория детоубийств совершается в послеродовой период и обязательным его признаком является наличие психотравмирующей ситуации.

Последняя представляет собой психически отягощенную, хотя и не вызвавшую психического расстройства, ситуацию, связанную с психоэмоциональной напряженностью, чувством длительного по времени беспокойства, страха, неуверенности и т.п., которая на фоне психофизических перегрузок, имеющих место в периоды беременности, рождения ребенка, принимает для женщины особо значимый, обостренный характер. Подобная ситуация может быть порождена различными психотравмирующими факторами: беременность как результат изнасилования; пропуск срока беременности для производства аборта; беспокойное поведение

новорожденного, лишающее его мать на длительное время сна и отдыха и т.п. В такой ситуации поведение матери определяется во многом аффективной мотивацией, что снижает ее возможность адекватно оценивать окружающее и свои действия, ограничивает способность контролировать поступки и прогнозировать их возможные последствия.

Для квалификации по ст. 106 УК РФ совокупность проанализированных признаков необязательна: достаточно установить, что виновная в момент убийства либо находилась в условиях психотравмирующей ситуации, либо пребывала в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Так же хотелось бы отметить, что в диспозиции ст.106 УК РФ должно остаться лишь одно упоминание об особом состоянии женщины: «убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами». Все остальные действия, которыми мать умышленно причиняет смерть своему новорожденному ребенку, следует квалифицировать по ст.105 УК РФ, а выделяемые ранее в законе признаки учитывать в качестве смягчающих обстоятельств.

В последующих случаях детоубийства основанием для квалификации содеянного по ст. 106 УК РФ является особое состояние матери в послеродовой период, связанное с наличием либо психотравмирующей ситуации, либо с психическим расстройством женщины, не исключающим ее вменяемости. Однако, исходя из буквального толкования закона, такое состояние женщины рассматривается как смягчающее обстоятельство лишь до достижения ребенком одного месяца, то есть пока ребенок в соответствии с педиатрией считается

новорожденным. Получается, что, если женщина, находясь в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, развившегося в послеродовой период, убивает ребенка в возрасте, предположим, 6-7 недель, то она уже не является субъектом состава детоубийства. Нелогичность этого положения очевидна, ибо смысл существования привилегированного состава в этом случае теряется. Правильную позицию в этом вопросе, на наш взгляд, занимает О. В. Лукичев. Он считает, что понятие «психотравмирующая ситуация» и «состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости», точно не определены и не имеют четких границ. Они могут быть определены специалистами в каждом случае, В ходе комплексного исследования конкретной личности, исходя из конкретных обстоятельств совершенного деяния [6].

Несовершенство юридических конструкций норм вызывает трудности в научном толковании и порождает проблемы их практического применения. Поэтому в следственной и судебной практике имеют место ошибки при квалификации детоубийства и конкуренции уголовно-правовых норм, что свидетельствует о необходимости внесения изменений в действующее уголовное законодательство.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства. РФ. 1994. № 51-ФЗ.

2. Семейный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1995. № 223-ФЗ.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» (с изменениями от ред. от 03 марта 2015 г.) // СПС «Гарант».

5. Вакалюк Е.С. Особенности потерпевшего при квалификации деяния по ст. 106 УК РФ // Молодой ученый. 2012. №9. С. 204-206.

6. Лукичев О.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства. Автореф. дис.-канд. юрид. паук. С-Петербург, 1997.

7. Помнина С.Н. Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы теории и практики // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №6. С. 240-245.

8. Яхьяева, М.У. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения / отв. М. У. Яхьяева // Молодой ученый, 2015. № 24 (104). С. 808-811.

Рукавишникова А.Д., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Rukavishnikova A.D., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТОВ АМНИСТИИ И ПОМИЛОВАНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

IMPLEMENTATION OF AMNESTY AND PARDON INSTITUTIONS: PROBLEMATIC ISSUES

Аннотация.

В статье рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся проблем применения институтов амнистии и помилования. В связи с тем, что некоторые зарубежные правоприменители объявили амнистии при появлении опасного вируса COVID-19, в России данная проблема так же окружила себя множеством споров и дискуссии. В статье также выделены существующие пробелы в действующем законодательстве относительно рассматриваемых институтов. Особое внимание

уделяется проблемам амнистии и помилования по делам частного и частно-публичного обвинения для нахождения баланса между интересами государства и потерпевшего. Наряду с этим рассматривается вопрос о целесообразности применения амнистии на различных стадиях уголовного преследования. Рассмотрена новелла в законодательстве, такая как «институт условного помилования», который, в свою очередь, должен обеспечить сокращение рецидивной преступности.

Abstract.

The article deals with topical issues concerning the problems of applying the institutions of amnesty and pardon. Due to the fact, that some foreign law enforcers have declared amnesties when the dangerous COVID-19 virus appears, in Russia this problem has also surrounded itself with a lot of controversy and discussion. The article also highlights the existing gaps in the current legislation regarding the institutions under consideration. Special attention is paid to the problems of amnesty and pardon in cases of private and public-private prosecution in order to find a balance between the interests of the state and the victim. Along with this, the question of the expediency of applying amnesty at various stages of criminal prosecution is being considered. A novelty in the legislation, such as the "institution of conditional pardon", which, in turn, should ensure a reduction in recidivism, is considered.

Ключевые слова: амнистия, помилование, освобождение от уголовной ответственности, компетенция, стадии уголовного преследования.

Keywords: amnesty, pardon, humanization, exemption from criminal liability, competence, stages of criminal prosecution.

В настоящее время уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации идет по пути гуманизации. Об этом свидетельствует, в частности, замена наказания реальное лишение свободы на штраф, декриминализацию некоторых норм Уголовного кодекса Российской Федерации и смягчение уголовной ответственности за преступления небольшой тяжести.

Одним из главных инструментов уголовной политики России, реализующих принцип гуманизма, являются такие институты как амнистия и помилование.

К положительным сторонам реализации актов об амнистии и помиловании необходимо отнести:

– значительная финансовая экономия бюджетных средств в связи с освобождением лиц, отбывающих наказание, и лиц, в отношении которых проводится расследование, так как их в полной мере обеспечивает государство;

– стимул правопослушного поведения для амнистированных и помилованных лиц. Как замечает правовед Р.А. Ромашов, такой акт гуманизма является проявлением своего рода прощения со стороны государства к лицам, совершившим общественно опасное деяние, и он является свидетельством того, что общество (как минимум в лице государственных органов) готово принять человека, совершившего преступление и в дальнейшем раскаявшегося в содеянном, стремящегося вновь стать законопослушным и полноправным гражданином.

– возможность своевременной и наилучшей реабилитации таких лиц в социуме [2, с. 241–243]. В России с 1994 года было принято уже порядка 18 амнистий, в результате которых вольную получили более трехсот тысяч человек. Массовыми амнистиями являются:

1994 год – освобождено более двадцати тысяч человек;

2000 год – двести шесть тысяч заключенных;

2001 год – тридцать две тысячи узников.

Амнистия – дополнительный стимул для исправления лиц, подвергшихся уголовному преследованию, ее объявление обычно происходит в связи с памятными событиями и датами. Согласно статистике, рецидив среди осужденных, которые понесли в той или иной мере срок своего наказания за совершенное ими общественно опасное деяние, ниже, чем рецидив преступлений, совершенных амнистированными [3].

В январе 2020 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект об амнистии, приуроченный к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Его положения схожи с постановлением об амнистии в 2015 году, принятым в честь 70-летия Победы. По предварительным подсчетам, в 2020 году право выйти на свободу могли получить около 15000 амнистированных осужденных. Речь шла о людях, которые впервые оказались за решёткой, совершили преступление небольшой тяжести, у которых есть малолетние дети (женщины, мужчины, если они в одиночку воспитывают детей).

Под амнистию не попадали осуждённые за убийство, преступления в отношении малолетних и

другие тяжкие и особо тяжкие составы, а также рецидивисты и нарушители режима в местах лишения свободы. Данные послабления касаются только тех граждан, которые совершили преступления небольшой тяжести, и их освобождение не несёт опасности для окружающих.

В недавнее время на освобождение заключенных могло также оказать особое влияние новый разбушевавшийся вирус COVID-19. Многие правозащитники выдвигали требования к государственным органам о прекращении дел по «малозначительным преступлениям» и о при – остановлении производства по уголовным делам в отношении женщин с детьми и беременных, политических заключенных, пожилых и людей с хроническими заболеваниями, а также в отношении лиц, совершивших преступления небольшой тяжести.

Среди правоприменителей существует две точки зрения по данному вопросу.

Одни придерживаются позиции, что коронавирус мог в ближайшее время добраться и до исправительных колоний и тюрем, что повлекло бы за собой серьезную угрозу жизни и здоровью сотрудников ФСИН России и заключенных, поэтому как никогда актуальны были меры по внедрению нового акта об амнистии.

Противоположная точка зрения заключается в том, что от органов исполнения наказания необходимо требовать исполнения мер по снижению риска заражения, а принятие акта об амнистии должно проходить планово и спокойно.

Положительный пример амнистии из-за угрозы коронавирусной инфекции продемонстрировали заключенные в США, Великобритании, Германии, Канаде, Австралии, Аргентине, Ирландии, Индии,

Судане, Афганистане, Иране, Колумбии, Сирии и Эфиопии.

В УК РФ еще раз подчеркивается самостоятельность и независимость друг от друга институтов амнистии и помилования тем, что положения о каждом вынесено в отдельную статью. В гипотезе ст. 84 УК РФ не содержится положений о порядке применения амнистии, механизме ее действия, а также не раскрыта правовая природа данного института.

Поэтому необходимо продолжить законотворческую разработку федерального закона об амнистии и помиловании, чтобы более детально разграничить данные понятия, восполнить существующие пробелы действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства [4, с. 50–56].

Вопрос законодательного регулирования помилования отдельным нормативным правовым актом разделил точки зрения правоведов на два полюса.

Одни авторы (В.И. Селиверстов [5] и А.С. Михлин [5]) в качестве довода приводят тот факт, что право на помилование содержится в ст. 50 Конституции Российской Федерации и требует дополнительного разъяснения для его надлежащей реализации.

Другие авторы ссылаются на то, что в ст. 89 Конституции Российской Федерации правом на осуществление помилования наделяется Президент Российской Федерации. В случае же принятия федерального закона о помиловании право Президента Российской Федерации может быть ограничено. Также законодательно может быть закреплено право осужденного на рассмотрение ходатайства о помиловании в установленный срок [7, с. 7–13].

По моему мнению, отсутствие нормативного правового акта, предусматривающего порядок применения амнистии и помилования, а также устанавливающего критерии необходимости реализации амнистии или помилования в отношении определенных категорий преступлений или лиц, совершивших преступления, может вызвать низкую эффективность рассматриваемых институтов в правоприменительной практике.

Также при решении вопроса об амнистировании или помиловании необходимо уделить особое внимание анализу характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, возможностям рецидива среди определенной категории правонарушителей для того, чтобы не возникало возможности нивелировать положительные свойства данных институтов и не подрывать их авторитет среди населения [2, с. 241–243].

Необходимо обратить внимание на существующие вопросы в действующем законодательстве в области рассматриваемых институтов.

Амнистия объявляется в форме постановления и находится в ведении Государственной Думы согласно п. «е» ст. 103 Конституции Российской Федерации. На мой взгляд, отнесение вопросов объявления и применения амнистии только одной палате Федерального Собрания, а не двум занижает правовую значимость таких актов. Институт амнистии в условиях неоднозначного отношения населения к решениям органов государственной власти и в существующей социально-политической обстановке может выступить серьезным инструментом воздействия на общественное мнение, поэтому необходимо отнести решение вопроса об амнистии к ведению Федерального Собрания Российской Федерации с предварительным

обсуждением в обеих палатах парламента – Государственной Думе и Совете Федерации.

Согласно Конституции Российской Федерации, вопросы амнистии и помилования относятся к компетенции Российской Федерации. Право на принятие решений в отношении данных институтов, соответственно, не делегировано субъектам Федерации. Однако Президент, основываясь на приговорах судов, находящихся на территории субъектов Российской Федерации, реализует свое право на помилование.

Особого внимания заслуживает круг субъектов, в отношении которых осуществляется амнистия и помилование, который в настоящее время законодательно не определен. Если обратиться к применению акта об амнистии, то он распространяется на лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование или вынесен приговор.

Помилование, в свою очередь, применяется только в отношении осужденных. Необходимо проанализировать разделение уголовных дел на дела частного, частно-публичного и публичного обвинения в аспекте применения актов амнистии.

Возникает достаточное количество дискуссий среди ученых-правоведов о целесообразности применения амнистии и помилования на различных стадиях уголовного преследования. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ основанием для прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого может послужить акт об амнистии. Данное положение неоднократно подвергалось серьезной критике.

Действующее законодательство рассматривает институт помилования как полное основание освобождения от уголовной ответственности и

наказания, его сокращения или смягчения. Заставляет задуматься о целесообразности введения на территории России, в связи со случаями рецидива преступлений среди помилованных, института условного помилования. Применение условного помилования и установление испытательного срока должно быть также вверено Президенту Российской Федерации.

На мой взгляд, прототипом для условного помилования может выступить институт условного осуждения. Акт полного помилования вступит в свою законную силу только в том случае, если условно помилованный в течение испытательного срока не совершит нового умышленного преступления, зарекомендует себя с положительной стороны и оправдает оказанное ему доверие. Личность преступника и тяжесть совершенного общественно опасного деяния должны стать определяющими факторами при определении испытательного срока при условном помиловании, который, в свою очередь, не может подлежать сокращению. Контроль за его поведением должен осуществляться администрациями учреждений уголовно-исполнительной системы или органами внутренних дел в зависимости от места нахождения помилованного. Существование такого института в России будет большим стимулом для исправления виновного и поспособствует сокращению рецидивной преступности в стране.

Список цитируемой литературы:

1. Ромашов Р.А. Амнистия и помилование как виды государственного прощения вины // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 20. С. 4–7.

2. Кумаритова З.Б. Амнистия и помилование в уголовном праве Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 48. С. 241–243.

3. Курс российского уголовного права. Особенная часть / С.В. Бородин [и др.]; под ред.: В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – Москва: Спарк, 2002. 1040 с.

4. Аникина Д.И. Проблемы амнистии в современной России / Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. XXXI междунар. науч.-практ. конф. № 2 (30). – Новосибирск: СибАК, 2020. С. 50–56.

5. Селиверстов В.И. Проблемы законодательного регулирования помилования в Российской Федерации / Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территории субъектов Российской Федерации» (теоретические и практические аспекты реализации): материалы Всерос. науч.-практ. конф. (24–25 октября 2002 г., г. Брянск). – Брянск, 2003. С. 24.

6. Михлин А.С. Основные концептуальные идеи по совершенствованию института помилования в законодательстве Российской Федерации / Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территории субъектов Российской Федерации» (теоретические и практические аспекты реализации): материалы

7. Всерос. науч.-практ. конф. (24–25 октября 2002 г., г. Брянск). – Брянск, 2003. С. 21.

Рыжикова А.С., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Ryzhikova A.S., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

Аннотация.

В статье рассматривается уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации, выделяются основные составы преступлений.

Abstract.

The article examines the criminal-legal characteristics of crimes in the field of computer information, highlights the main elements of crimes.

Ключевые слова: преступления в сфере компьютерной информации; компьютерная информация; уничтожение информации; блокирование информации; модификация информации; копирование информации.

Keywords: crimes in the field of computer information; computer information; destruction of information; blocking of information; modification of information; copying of information.

Преступления в сфере компьютерной информации — это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, причиняющие вред или создающие опасность причинения вреда безопасности производства, хранения, использования либо распространения информации или информационных ресурсов. В уголовно-правовой литературе встречаются такие понятия, как «преступления в сфере компьютерной информации», «компьютерные преступления», «киберпреступления», «интернет-преступления» и др.

Ответственность за преступления в сфере компьютерной информации предусматривается гл.28 УК РФ и выражается в следующих составах:

1. Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ).
2. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ).
3. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ).

4. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ).

5. Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сети связи общего пользования (ст. 274.2 УК РФ).

В качестве родового объекта рассматриваемого преступления можно выделить общественные отношения, возникающие по поводу поддержания общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Видовым объектом являются общественные отношения, связанные с обеспечением доступности, целостности и конфиденциальности компьютерной информации, а также сохранности используемых для её обработки средств.

Предмет преступления выражен непосредственно в виде самой компьютерной информации, также сюда входят средства её передачи, хранения и обработки, информационно-телекоммуникационные сети, советующее оборудование.

Также помимо названых составов, некоторые учёные выделяют следующие преступления в сфере компьютерной информации:

- нарушение тайны сообщений граждан (ст. 138 УК РФ);
- нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ);
- мошенничество в сфере компьютерной информации

(ст. 159.6 УК РФ);

-незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ);

-незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ);

-изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1УК РФ);

-использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242.2 УК РФ);

-сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ).

Субъектом рассматриваемых преступлений являются лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъективная сторона преступления выражена в виде умысла или неосторожности. Обычно цели и мотивы не играют роли для классификации преступления. Наиболее часто такие преступления совершаются из корыстной цели для того, чтобы получить какие-либо имущественные и неимущественные выгоды. Нередко такие преступления совершаются из хулиганских побуждений, в целях интереса или самоутверждения, получения известности, не исключается также мотив в виде мести.

К общественно опасным последствиям отнесены:

-уничтожение;

-блокирование;

-модификация;
-копирование информации;
-крупный ущерб;
-тяжкие последствия или угроза их наступления.

Уничтожение информации – удаление ее полностью или частично из ЭВМ, с материальных носителей.

Блокирование информации – совершение действий, в результате которых возникает невозможность дальнейшего использования компьютерной информации.

Модификация – это любые изменения компьютерной информации, за исключением изменений, осуществляемых исключительно в целях обеспечения функционирования ЭВМ, программ для ЭВМ или баз данных на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя.

Копирование – воспроизведение информации на другом материальном носителе при сохранении неизмененной первоначальной информации.

Таким образом, уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации является основанием уголовной ответственности, а также служит целям квалификации преступлений, т.е. установлению в совершенном деянии признаков состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках

к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

3. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. – М.: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. 208 с.

Савченко М.С., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор Соловьева В.В.

Savchenko M.S., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: PhD of History, Professor Solovieva V.V.

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИИ И ДРУГИХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

PROBLEMS OF REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR THE DISSEMINATION OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION IN THE CONTEXT OF AN EPIDEMIC AND OTHER EMERGENCY CIRCUMSTANCES

Аннотация.

В статье исследуются новеллы уголовного и административного законодательства об ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации, установленные в ст. 207.1, 207.2 УК РФ, и проблемы осуществления правосудия по ним.

Abstract.

The article explores the novels of criminal and administrative legislation on liability for the dissemination of unreliable socially significant information, established in articles 207.1, 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and the problems of justice for them.

Ключевые слова: общественно значимая информация, публичное распространение, эпидемия, безопасность, тяжкие последствия, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера.

Keywords: socially significant information, public dissemination, epidemic, safety, grave consequences, natural and man-made emergencies.

В целях недопущения распространения заведомо ложной информации в условиях пандемии Федеральным законом от 01.04.2020 № 100-ФЗ введены в Отечественный Уголовный закон две новые статьи: ст. 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и ст. 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия»[5].

Рассматривая состав противоправного преступного деяния можно отметить, что его непосредственным объектом в ст. 207.1 УК РФ является «жизнь и безопасность граждан». Здесь возникает сразу два вопроса.

По мнению И.Д. Мотрович, Н.Л. Васильева: «что значит «граждан»? А лица без гражданства, с двойным гражданством, иностранные граждане, находящиеся на территории России, охраняются анализируемой

нормой? Или тут надо применять расширительное толкование, имея в виду, что термин «гражданин» применяется в противопоставлении юридическим лицам, безопасность которых не защищается ст. 207.1 УК РФ. И почему законодатель говорит об уголовно-правовой охране именно граждан, употребляя данный термин во множественном числе? А если угроза жизни и безопасности в конкретном случае проявляется в отношении одного человека? Как в данном случае квалифицировать рассматриваемое преступление? Думается, что в данной норме слово «граждан» следует заменить на слово «человека»[4, с. 39].

Н.Э. Мартыненко указывал: «Ложная информация распространяется молниеносно, приводит к панике, дезориентирует граждан, наносит им прямой психологический ущерб и препятствует принимаемым в стране мерам по недопущению ухудшения ситуации»[3, с. 37].

Думается, что в условиях пандемии короновируса введение уголовной ответственности за рассматриваемые противоправные преступные деяния не только было необходимо, но и обоснованно, с учетом степени общественной опасности содеянного.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, является заведомо ложная информация об обстоятельствах, перечисленных в примечании. Сюда относятся чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные

материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения.

Если же в этих двух нововведенных статьях речь идет о разной информации, то ст. 207.2 УК РФ явно не хватает примечания, поясняющего, о чем идет речь аналогично примечанию к ст. 207.1УК РФ. Также неясно, в чем заключается общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ. Так, Д.Ю. Вешняков задается вопросом: «…если я сообщу заведомо ложную информацию о том, что правительство направило не 100 млрд руб. на борьбу с коронавирусом, а 95 – стану ли я от этого преступником?».

Обязательным признаком объективной стороны противоправных преступных деяний, уголовная ответственность з которые предусмотрена в ст. 207.1 и 207.2 Отечественного Уголовного закона, является публичность распространения информации.

В отечественной уголовно-правовой науке дефиницию «публичность» рассматривают в основном по отношению к клевете.

Как указывают Н.Н. Черногор, М.В. Залоило: «Публичность – распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации (ч. 2 ст. 128.1УК РФ). В подобных случаях клеветнические сведения оглашаются на собрании, митинге, воспроизводятся в журнале или газете, в публикуемом литературном произведении, телевизионной передаче, интернете. Такой способ помогает довести заведомо ложные сведения, порочащие потерпевшего, до широкого круга лиц, в результате чего его чести, достоинству и репутации причиняется значительно более существенный вред»[6, с. 5].

Д.Ю. Вешняков[2, с. 36], акцентирует внимание, что: «Административная ответственность за деяния, предусмотренные частями 10.1 и 102 ст.13.15 КоАП РФ, установлена только для юридических лиц. Граждане, в том числе должностные лица, руководители юридического лица, при наличии в их действиях состава преступления, предусмотренного статьей 207.1 или 207.2 УК РФ, могут быть привлечены к уголовной ответственности».

Вместе с тем, очевидно, что в ст. 207.1, 207.2 УК РФ и ч. 101, ч. 102 ст. 13.15. КоАП РФ речь идет по сути об одном и том же явлении, но описываемом разными терминами, затрудняющими толкование закона.

Д.Ю. Вешняков по этому поводу указывает: «В обоих нормативных правовых актах законодателем используется различная терминология, соответственно нарушаются правила законодательной техники - полное, адекватное выражение воли законодателя; логическая последовательность изложения нормативных предписаний; ясность, простота и доступность языка правовых актов; взаимосвязь, согласованность и внутреннее единство правового материала; отсутствие внутренних и отраслевых противоречий».

Рассматривая субъективную сторону рассматриваемых противоправных преступного деяниях, ответственность за которые установлена в статьях 207.1 и 207.2 отечественного Уголовного закона, выражена виной в форме прямого умысла, что следует из определения «заведомо» ложная информация.

Один из авторов законодательных новелл Андрей Клишас, отметил, что: «Виновный должен осознавать, что информация ложная и, тем не менее, распространять ее. Таким образом, если человек распространяет

непроверенную информацию, например, осуществляет перепост какой-либо информации, размещенной в печатных изданиях или в сети «Интернет», не осознавая, что эта информация ложная, он не может быть субъектом этих преступлений, при этом, что речь идет о распространении заведомо недостоверной информации, то есть, когда лицо осознает недостоверность информации и, тем не менее, осуществляет ее распространение под видом достоверных сообщений».

«Именно по этой причине фигурант по делу, возбужденному в Санкт-Петербурге по ст. 207.1 УК РФ, разместившая публикацию в социальной сети «ВКонтакте» о распространении коронавирусной инфекции в одной из поликлиник города, сейчас проходит по уголовному делу в качестве свидетеля, а не виновного (подозреваемого, обвиняемого). Она сделала лишь перепост статьи из печатного издания, публикующегося в Санкт-Петербурге. Правоохранительные органы осуществляют мероприятия по установлению лица, давшего такую информацию в печать именно с умыслом на распространение заведомо ложной информации».

Состав противоправного преступного деяния в ст. 207.1 Отечественного Уголовного закона является формальным.

Составы противоправных преступных деяний во второй части ст. 207.2 Отечественного Уголовного закон являются материальными, поскольку распространённая информация повлекла последствия для общественных отношений. Поскольку, ч. 1 ст. 207.2 отечественного Уголовного закона устанавливает последствия в виде причинения вреда здоровью человека. В части 2 ст. 207.2 УК РФ предусмотрена

ответственность за распространение заведомо ложной информации, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Следовательно, по отношению к наступившим вредным последствиям вина субъекта противоправного преступного деяния выражается в виде преступного легкомыслия или преступной небрежности, то есть наблюдается неосторожная форма вины.

Вышеизложенное вызывает вопросы в правоприменительной практике. Так, В.М. Балекина отмечает: «Диспозиция ч. 2 ст. 207.2 УК РФ содержит условие наступления тяжких последствий, что является крайне недопустимым. Для кого-то тяжким последствием может стать потеря работы, а для кого-то установление инвалидности. Тем не менее, законодатель ставит наступление тяжких последствий на одну ступень со смертью».

Также В.М. Балекина обратила внимание на то, что: «Причинно-следственная связь между распространением фейков и последствиями, указанными в ст. 207.2, является сложно доказуемой, а потому, осознавая обвинительный уклон суда и общественную значимость подобных преступлений, хотелось бы более точно раскрыть возможность проявления преступной неосторожности»[1, с. 11].

Субъектами противоправных преступных деяний, ответственность за которые предусматривают ст. 207.1 и 207.2 Отечественного Уголовного закона, являются вменяемые физические лица, достигшие 16 лет.

Д.Ю. Вешняков указывает: «В векторных этим статьям частях 101 и 102 ст. 13.15 КоАП РФ субъектами правонарушений являются юридические лица. Однако в части 11 этой статьи КоАП РФ за повторное совершение деяний, предусмотренных частями 101 и 102 ст. 13.15,

уже предусмотрена градация ответственности для граждан, должностных лиц и юридических лиц. Тут опять возникает недоумение, как граждане и должностные лица могут совершить повторно административное правонарушение, субъектами которого они не являются? Очевидно, что повторное нарушение могут совершить те же субъекты, что и первичное, то есть юридические лица».

По мнению Д.Ю. Вешнякова: «Прослеживается несогласованность административных и уголовно-правовых мер борьбы с распространением заведомо ложной информации в условиях пандемии и других чрезвычайных обстоятельств, о которых идет речь в этих статьях. Является ли это продуманным решением законодателя или недочетами, вызванными экстренным характером принимаемых мер? Складывается впечатление, что составители административных норм и авторы норм уголовных принимали их разобщенно, не согласовывая тексты и смысл правовых новелл между собой».

Подытоживая сказанное можно отметить, что несмотря на разъяснения Верховного Суда РФ остается много нерешенных вопросов у правоприменителей.

Список цитируемой литературы

1. Балекина, В.М. Понятие заведомо недостоверной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, в праве // Административное и муниципальное право. – 2022. – № 2. – С. 11.

2. Вешняков, Д.Ю. Квалификация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих

угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК) // Законность. – 2021. – № 7. – С. 39.

3. Мартыненко, Н.Э. Влияние COVID-19 на изменение уголовного закона и состояние преступности // Российский следователь. – 2020. – № 9. – С. 37.

4. Мотрович, И.Д., Васильева Н.Л. Общественно значимая информация: проблемы терминологии в российском законодательстве // Административное право и процесс. – 2022. – № 10. – С. 39.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Рос. Газета. – 2020. – 3 апр. – № 72.

6. Черногор, Н.Н., Залоило М.В Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 5.

Самокрайняя В.О., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Samokraynyaya V.O., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ВСФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES ININ THE SPHERE OF ILLICIT DRUG TRAFFICKING,PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR ANALOGUES

Аннотация.

В статье раскрывается уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также проблемы при правоприменении данных уголовно-правовых норм.

Abstract.

The article reveals the criminal-legal characteristics of crimes in the field of illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, as well as problems in the enforcement of these criminal-legal norms.

Ключевые слова: преступление, наркотические средства, незаконный оборот наркотических средств, психотропные вещества

Keywords: crime, narcotic drugs, illicit drug trafficking,psychotropic substances

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, являются одной из наиболее угрожающих категорий уголовно наказуемых деяний, причиняющих значительный вред обществу и государству в целом.

В современном мире злоупотребление наркотиками стало одной из наиболее острых социальных проблем, масштаб которой является причиной ее отнесение к значительным угрозам международной безопасности. Незаконный оборот наркотических средств в России с каждым годом приобретает все более грандиозные масштабы.[3]

Незаконный оборот наркотических средств является значительным криминальным фактором, который оказывает колоссальное влияние на криминальную обстановку в стране, а ситуация в сфере незаконного оборота наркотиков всё более обостряется и является наиболее важной проблемой в современной России.

Обстановка, связанная с незаконным оборотом наркотических средств в стране, обусловливается активными темпами роста потребления и сбыта наркотиков. В условиях активного распространения

наркомании и роста преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, немаловажное значение имеет правильное применение уголовно-правовых норм действующего законодательства, которое предусматривает ответственность за совершение этих преступлений.

Особой чертой преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств является наличие специфического предмета посягательства – собственно наркотических средств, которые с точки зрения их значения для квалификации преступлений характеризуются физическими (медицинскими) и юридическими признаками.[4] С одной стороны, это их способность оказывать влияние на состояние человека, а с другой – факт включения конкретного наркотического средства в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации.[2]

Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств , психотропных веществ и их аналогов предусмотрена ст. 228-233 УК РФ.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, выступают наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги, а также растения, которые содержат наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества. Объектом же данного преступления выступает здоровье населения, но чаще всего здоровье одного индивида, так как по данной статье наркотические средства и психотропные вещества применяется для личного пользования.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ можно охарактеризовать как: незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; незаконное приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений либо их частей, содержащих наркотические средства и психотропные вещества.

Несмотря на большое количество судебной практики и частоты применения данных уголовно-правовых норм в современном российском праве всё же возникают сложности в некоторых правоприменительных вопросах по данным видам преступления.

Одним из главных является вопрос об ответственности за данное преступление. Ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, наркосодержащих растений (ч.1. ст.228) наступает тогда, когда совершённые лицом действия не имели цели на сбыт, а количество наркосодержащего средства ил вещества, по отдельности, имело значительный размер, либо ч.ч.2 и 3 ст. 228 УК РФ, т.е. те же деяния, совершенные в крупном или особо крупном размерах.[1]

Какой размер является значительным, крупным и особо крупным, указывается в Постановлении Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих

наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Для каждого наркотического средства и вещества, или их аналогов есть свой фиксированный значительный, крупный или особо крупный размер. Если обнаруженное наркотическое средство или вещество имеет размер меньше, чем значительный, то в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 – «лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, но оно будет привлечено к административной ответственности по ст. 6.8. Кодекса об административных правонарушениях РФ».

Тем не менее, если лицо, совершившее одно из тех действий, которые прописаны в ст. 228 УК РФ, с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами, а также растениями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества, либо их частями, содержащими наркотические средства или психотропные вещества, в значительном, крупном или особо крупном размере, достигло возраста 16-ти лет, то оно будет нести уголовную ответственность.[5]

Таким образом, проведя анализ указанных уголовно-правовых норм можно сделать вывод, что рост преступлений, связанных с наркотиками, с каждым годом растет, но и при расследовании, а также и при вынесении приговоров случаются проблемы. Зачастую это зависит от некорректной трактовки нормативно-правовых актов в сфере уголовного права. Характерной чертой преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, является наличие специфического предмета

посягательства- наркотические средства, психотропные вещества, аналоги наркотических средств и психотропных веществ, а также растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества.

Список цитируемой литературы:

4. Уголовный кодекс Российской Федерации.// Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.
5. Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 "Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации
6. Позднякова М.Е. Особенности современной наркоситуации в России / М.Е Позднякова. М., 2016. С. 201-227.
7. Рузевич О.Р, Фокеев А.Ю. Законодательная конструкция и общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Волгоград, 2014. С. 159-161.
8. Власевская В.С. Понятие незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов / В. С. Власевская. М., 2021. С. 413–417.

Сафаров Э.С., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Safarov E.S., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ОСОБЕННОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНУЮ РАБОТУ ТРАНСПОРТА С АДМИНИСТРАТИВНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ И СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

FEATURES OF DIFFERENTIATION OF VIOLATIONS OF THE RULES ENSURING SAFE OPERATION OF TRANSPORT WITH ADMINISTRATIVE VIOLATIONS AND RELATED CRIMES

Аннотация.

Рассматривается классификация правонарушений в области транспортных правоотношений. Актуальность вопросов, связанных с правонарушениями на транспорте, обусловлена тремя основными факторами. Первый из них — это сложный состав транспортных

правоотношений и разнообразие видов транспорта, что собственно и формирует разнообразие транспортных правонарушений. Вторым фактором считается двойственная природа анализируемого вида правонарушений, которая обусловлена их субъектным составом. Третий фактор — отсутствие четкой классификации ответственности за правонарушения на транспорте.

Abstract.

The classification of offenses in the field of transport legal relations is considered. The relevance of issues related to transport offenses is due to three main factors. The first of them is a complex composition of transport legal relations and a variety of modes of transport, which actually forms a variety of transport offenses. The second factor is considered to be the dual nature of the analyzed type of offenses, which is due to their subject composition. The third factor is the lack of a clear classification of responsibility for offenses in transport.

Ключевые слова: транспортные правоотношения, состав правонарушения, классификация правонарушений, транспорт, безопасность дорожного движения, транспортные объекты.

Keywords: transport legal relations, body of the offence, classification of offences, transport, traffic safety, transport objects.

На сегодняшний день с материально-правовой точки зрения и с позиций наказуемости деяния является весьма острой и не разработанной как в уголовном, так и в административном законодательстве проблема разграничения административных правонарушений и

уголовных преступлений. Прежде всего, это связано с отсутствием единой терминологии основ административного и уголовного права. В частности, это касается определения понятий «преступление» и «административное правонарушение».

Понятие административного правонарушения содержится в ч. 1 ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Так, согласно, данной статье административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Понятие уголовного преступления определено в ч. 1 ст. 14 УК РФ. Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания.

Проанализировав данные определения, можно отметить, что в УК РФ прослеживается признак общественной опасности. В законодательном определении административного правонарушения такой признак отсутствует.

Общественная опасность является основным критерием разграничения преступлений и административных правонарушений. Критерий общественной опасности рассматривается в науке административного и уголовного права с разных позиций[1, с. 2].

Первая точка зрения связана с отрицанием такого свойства административных проступков, как общественная опасность. Сторонники данной теории придерживаются мнения, что административные правонарушения рассматриваются как общественно

вредные, т.е. «правовая борьба ведется с ними потому, что они содержат потенциальную возможность нанесения ущерба интересам общества».

Некоторые авторы считают, что одни административные проступки общественно опасны, а другие не имеют этого признака, поскольку для проступков такое качество, как общественная опасность, не является обязательным.

Представители третьей позиции признают общественную опасность и за преступлениями, и за административными проступками. Состав административного проступка может быть формальным или материальным.

Материальный состав включает в себя помимо противоправного действия или бездействия обязательное наступление в результате их совершения общественно опасных (вредных) последствий, что само собой говорит об общественной опасности административного проступка.

Сторонники четвертой позиции, придерживаются мнения, что в любом правонарушении обязательно присутствует категория общественной опасности, пусть и не в большой степени. Авторы, которые придерживаются данной позиции, считают, что правонарушение посягает на общественные отношения, охраняемые нормами различных отраслей права, препятствует нормальному осуществлению правоотношений, причиняет или создает угрозу причинения вреда правам и законным интересам участников правоотношений.

А.В. Староверов придерживается позиции, согласно которой общественная опасность является сущностным признаком административного правонарушения[4, с. 128]. Если придерживаться

противоположной точки зрения, то можно прийти к выводу, что административные правонарушения свидетельствуют лишь о потенциальной возможности нанесения ущерба общественным интересам, не причиняя им при этом никакого вреда. Таким образом, если предположить, что административные правонарушения не представляют общественной опасности, то неясным становится смысл применения административной ответственности за совершение подобных правонарушений.

В юридической литературе неоднократно учеными высказывалось предложение о необходимости законодательного закрепления признака общественной опасности в ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, содержащей понятие административного правонарушения. Такой подход, по их мнению, способствовал бы закреплению единой терминологической основы в понятиях «административное правонарушение» и «преступление».

Достаточно часто объективные признаки составов используются законодателем для разграничения преступлений и смежных административных правонарушений. При этом общественно опасные последствия в системе такого рода признаков, являются наиболее распространенным обстоятельством[5, с. 162]. Например, общественно опасные последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека, смерти одному или нескольким лицам, являются теми самыми криминообразующими признаками, которые разграничивают состав административного правонарушения (ст. 12.29 КоАП РФ) и преступления, предусмотренного ст. 268 УК РФ.

Необходимо отметить, что внешне составы уголовных преступлений и административных

правонарушений в сфере нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, имеют сходство.

Общественная опасность нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, не была бы так высока при отсутствии общественно опасных последствий, которые предусмотрены в диспозиции ст. 268 УК РФ[3, с. 30].

В случае отсутствия последствий сам факт нарушения утрачивает материальный признак общественной опасности и переходит в категорию административного правонарушения.

Разграничение уголовного преступления и административного проступка в области нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, происходит именно по признаку наступивших последствий. Так, например, нарушение пешеходом, пассажиром или лицом, управляющим велосипедом правил дорожного движения, повлекшее тяжкие последствия, будет квалифицироваться по ст. 268 УК РФ. Но нарушение данных правил пешеходом, пассажиром или велосипедистом, не повлекшее серьезных последствий или только создавшее угрозу их наступления, будет расцениваться как административный проступок, предусмотренный ст. 12.29 КоАП РФ. Нарушение правил дорожного движения пешеходами, пассажирами или велосипедистами, повлекшее по неосторожности причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, потерпевшему тоже будут расцениваться, как административный проступок и привлекаться.

Таким образом, главным принципом разграничения уголовного преступления от административного проступка в данных смежных

деяниях, является наличие или отсутствие тяжких последствий. Если деяние не повлекло за собой тяжкие последствия или потерпевшему был причинен вред легкой или средней тяжести, то ответственность наступает, как за административное правонарушение по нормам статей КоАП РФ. Если же в результате действий лица наступили тяжкие последствия, такие как причинение тяжкого вреда здоровью человека, смерти одному или двум и более людям, то ответственность для такого лица наступает по норме ст. 268 УК РФ.

Таким образом, анализ соответствующих норм уголовного и административного законодательства позволил сделать вывод о том, что основным разграничительным признаком между уголовным преступлением и административным правонарушением в сфере нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, является степень общественной опасности содеянного, которая зависит от ряда моментов, в том числе от наличия или отсутствия последствий в результате допущенных нарушений. Уголовная ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, в отличие от административного проступка, возникает не за сам факт нарушения правил, а за такое их нарушение, которое повлекло за собой причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерти двум и более лицам.

Ошибки допускаются при квалификации преступления, предусмотренного ст. 268 УК РФ и смежным составом, предусмотренным ст. 264 УК РФ. Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их

неправомерным завладением без цели хищения» под механическими транспортными средствами в статьях 264 и 264.1 УК РФ понимаются автомобили, автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, квадрициклы, мопеды, иные транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения, предоставляется специальное право, а также трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины. Лица, управлявшие транспортными средствами, не относящимися к указанным механическим транспортным средствам (например, велосипедами), и допустившие нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, при наличии к тому оснований несут ответственность соответственно по частям 1, 2 или 3 статьи 268 УК РФ.

Таким образом, основным критерием разграничения данных составов являются признаки субъекта. В статье 268 УК РФ определен круг субъектов, которые привлекаются к ответственности за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта. Такими субъектами являются пассажиры, пешеходы и другие участники движения, за исключением тех лиц, которые указаны в ст. 263 и 264 УК РФ. Кроме признаков субъекта отграничительным признаком является техническая характеристика транспортного средства. Если тяжкий вред здоровью или смерть причинены в результате нарушения правил дорожного движения лицом, управляющим транспортом, не соответствующим критериям мощности двигателя и другим требованиям,

предъявляемым к механическому транспортному средству, то содеянное следует квалифицировать по ст. 268 УК РФ, а не по ст. 264 УК РФ[2, с. 56].

В связи с тем, что дорожно-транспортные преступления – это частный случай по причинению тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности, на практике возникают трудности при отграничении данных составов. Необходимо разграничивать состав, предусмотренный ст. 268 УК РФ и преступления против личности, предусмотренные ст. 109 УК РФ и ст. 118 УК РФ. Разграничение данных преступлений происходит пообъективнее признакам состава. Если тяжкий вред здоровью или смерть причинены в результате нарушения правил дорожного движения лицом, управляющим транспортом, не соответствующим критериям мощности двигателя и другим требованиям, предъявляемым к механическому транспортному средству, содеянное квалифицируется по ст. 268 УК РФ.

Субъекты, которые управляли указанными транспортными средствами, совершившие нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, которое повлекло причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека по неосторожности, при наличии к тому оснований привлекаются к ответственности соответственно по частям 1, 2 или 3 статьи 268 УК РФ. Если же преступные последствия наступили от виновных действий лиц, не являющихся результатом нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспорта, то ответственность должна наступать как за преступления против личности соответственно по ст. 109 и ст. 118 УК РФ

В составах же статей 109 и 118 УК РФ, которые относятся к преступлениям против личности, жизнь и

здоровье человека - основной объект, на который направлено преступное посягательство. Следовательно, при разграничении данных преступлений очень важно учитывать объект, на который они направлены, поскольку деяние может быть совершено на транспорте, но направлено не на создание помех для безопасности движения, а на неосторожное причинение вреда здоровью либо смерти человеку. В последнем случае деяние подпадает под санкцию ст. 109 или ст. 118 УК РФ.

Таким образом, для разграничения состава, предусматривающего ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта (ст. 268 УК РФ), и составов, предусматривающих ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности (ст. 109 и ст. 118 УК РФ), необходимо точно и достоверно определить объект преступного посягательства

Список цитируемой литературы:

1. Иваненко И.Н., Пенькова А.С. Разграничение административного правонарушения и преступления // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2019. – № 129(05). – С. 2.

2. Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений. Научно-практическое пособие. – М.:, 2011. – С. 56.

3. Семенов В.Р. Уголовная ответственность за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, по Уголовному кодексу Российской

Федерации 1996 г. и Уголовному кодексу Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1960 г.: сравнительный аспект // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 2 (22). – С. 30.

4. Староверов А.В. Некоторые вопросы разграничения преступлений и административных правонарушений // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 4. – С. 128.

5. Староверов А.В. Разграничение преступлений и административных правонарушений по объективным признакам составов // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 3. – С. 162.

Сафонкина Ю.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Кружилин В.С.

Safonkina Y.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kruzhilin V.S.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОБОРОТА ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF THE RULES OF FIREARMS TURNOVER

Аннотация.

Автор рассматривает правовые особенности привлечения к административной ответственности за нарушение установленных правил хранения, производства, продажи, изготовления огнестрельного оружия.

Abstract.

The author examines the legal features of bringing to administrative responsibility for violation of the established rules of storage, production, sale, manufacture of firearms.

Ключевые слова: административная ответственность, оружие, лицензирование деятельности, контрольно-надзорная деятельность.

Keywords: administrative responsibility, weapons, licensing of activities, control and supervisory activities.

За нарушение установленных законом требований в сфере оборота оружия, действующим законодательством предусмотрена административная ответственность в соответствии с нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1].

Статистика, совершения правонарушения в данной сфере по-прежнему не утешительна. Данные за последние 3 года представлена на таблице 1:

Табл. 1 – Статистика административной ответственности

	Статья КоАП РФ	**2021**	**2020**	**2019**
	ст.20.8	21 226	19 667	27 123
	20.9; 20.15	24	37	47
	20.10; 20.12-20.14	8 580	1 866	1 858
	Всего:	29 830	21 570	29 028

Как видно в 2020 году наблюдался спад совершения соответствующих правонарушений, что мы

можем связать с распространением коронавирусной инфекцией, необходимостью большинству людей находится дома на самоизоляции, а также переходу на дистанционный режим работы или учебы в новых условиях.

Привлечение к административной ответственности за указанные правонарушения базируется на определенных принципах, которые принято называть общими, специальные принципы определены специализированными правовыми актами. О соответствующих принципах пишут А.С. Мамин и Р.А. Мельников: «Так, презумпция невиновности предполагает, что виновность лица должна быть доказана без неустранимых сомнений достаточной совокупностью допустимых и достоверных доказательств» [4, с. 124]. Исходя из этого, административная ответственность за правонарушения в сфере оборота оружия базируется на принципе виновности, по мнению авторов. Данное мнение преимущественно не разделяется современными учеными, т.к. противоречит правовым основам в современном государстве, в связи с которыми устанавливается принцип презумпции невиновности.

В качестве основных видом административного наказания предусмотрены предупреждение, административный штраф, конфискация огнестрельного оружия и патронов к нему, лишения права на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия, административное приостановление деятельности. Рассмотрим особенности каждого из составов административных правонарушений.

Так, в ст. 20.8 КоАП РФ предусмотрено 9 частей. Первая из них предусматривает ответственность за нарушение установленных правил производства,

продажи, хранения, уничтожения или учета оружия и патронов к нему, взрывчатых веществ и взрывных устройств, пиротехнических изделий IV и V классов, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Указанные правила установлены федеральным законодательством, в соответствии с которым каждая единица оружия должна иметь индивидуальный номер, а именно цифровую и (или) буквенную маркировку и пр. Нарушение заключается в нарушении установленных правил, которое чаще всего совершается юридическими лицами, имеющими лицензию на производство оружия.

Во второй части статьи предусматривается ответственность за грубое нарушение лицензионных требований и условий производства, продажи, хранения или учета огнестрельного оружия, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Законодатель не раскрывает понятие «грубое нарушение». Условно, под грубым нарушением следует назвать такое нарушение, что влечет причинение существенного вреда общественным отношением, а именно срыв общественных мероприятий, нарушение нормальной деятельности предприятий и организаций, нарушение спокойствия неопределенного круга лиц и пр.

В ч. 3 данной статьи предусматривается ответственность за нарушение порядка выдачи свидетельства о прохождении подготовки и проверки знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием или медицинских заключений об отсутствии противопоказаний к владению оружием.

Данный порядок устанавливается приказом Росгвардии «Об утверждении Порядка проведения

проверки у граждан Российской Федерации знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием в организациях, определяемых Правительством Российской Федерации» [2], в соответствии с которым в отношении лиц, претендующих на получение лицензии на приобретение оружие проводится проверка теоретических знаний и практических навыков, которая осуществляется в срок не более 10 рабочих дней со дня подачи заявления, также устанавливаются и другие требования.

А также приказом Минздрава Российской Федерации «Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием, в том числе внеочередного, и порядка оформления медицинских заключений по его результатам, форм медицинского заключения об отсутствии медицинских противопоказаний к владению оружием и медицинского заключения об отсутствии в организме наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов» [3], в соответствии с которым граждане, являющиеся владельцами оружия, приобретенного на основании лицензии на приобретение оружия, проходят медицинское освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием не реже одного раза в пять лет.

В ч. 4 установлена административная ответственность за нарушение правил хранения, ношения или уничтожения огнестрельного оружия гражданами, при этом в специально выделенных частях статьи установлена административная ответственность за ношение огнестрельного оружия лицом, находящимся в состоянии опьянения (ч. 4.1),

Невыполнение лицом, осуществляющим ношение огнестрельного оружия, законного требования сотрудника полиции или должностного лица Росгвардии (ч. 4.2), Нарушение правил хранения или ношения оружия гражданами, повлекшее его утрату, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния (ч. 4.3), Нарушение правил хранения инициирующих и воспламеняющих веществ и материалов (пороха, капсюлей) для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию гражданами (ч. 4.4), Нарушение требований законодательства об оружии участником собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования, религиозного обряда и церемонии, культурно-развлекательного, спортивного и иного публичного мероприятия (ч. 4.5).

Данные нарушения устанавливаются преимущественно не в ходе плановых или внеплановых проверок Росгвардии, а в рамках проверок, осуществляемых правоохранительными органами с целью охраны общественного порядка.

Нарушение правил коллекционирования или экспонирования оружия и патронов к нему, предусмотрено ч. 5 ст. 20.8 КоАП РФ, которое выражается в несоблюдении требований к количеству коллекционируемых единиц оружия, порядка их хранения и охраны.

В ч. 6 статьи устанавливается ответственность за нарушение правил приобретения или передачи оружия, не содержащие признаков уголовного преступления. Данные правонарушения выявляются преимущественно в рамках внеплановых проверок юридических лиц, которые реализуют огнестрельное оружие.

В ст. 20.9 устанавливается ответственность за изменение гражданского оружия посредством установления приспособления для бесшумной стрельбы или прицела (прицельного комплекса) ночного видения, которые не предназначены для гражданского оружия, в связи с чем законодатель ограничил подобные установки на гражданское оружие. Данные правонарушения устанавливаются в ходе проверок на соответствие юридических документов и фактическому состояния оружия в рамках плановых и внеплановых мероприятий.

Ст. 20.10 установлена административная ответственность за незаконные изготовление, приобретение, продажу, передачу, хранение, перевозку, транспортировку, ношение или использование оружия, основных частей огнестрельного оружия и патронов к нему.

Под изготовлением следует понимать создание огнестрельного оружия самостоятельно или по заказу. Приобретение – это получение огнестрельного оружия любым способом. Продажа – это обмен огнестрельного оружия на деньги, с подтверждающими документами. Передача – перемещение огнестрельного оружия. Хранение – это сокрытие огнестрельного оружия с целью обеспечить его сохранность. Перевозка – это перемещение на любом виде транспорта. Транспортировка – это процесс перемещения в место назначения посредством использования транспортных средств. Ношение – ситуация, при которой огнестрельное оружие находится в руках человека, на его теле или в ручной клади. Использование – это действия с оружием, включающие в себя ношение, демонстрацию и применение, т.е. производство выстрела.

В примечании указано, что все действия объективной стороны данного правонарушения совершаются в нарушение установленных законом правил и требований, в том числе для реализации которых требуется специальное разрешение.

В ст. 20.11 дифференцируется ответственность физических и должностных лиц за нарушения сроков регистрации и/или перерегистрации оружия или сроков постановки его на учет. Так в соответствии с ч. 1 статьи устанавливается ответственность за нарушение сроков регистрации или сроков продления (перерегистрации) разрешений на оружие. В ч. 2 установлена ответственность должностных лиц за нарушения сроков постановки оружия на учет или перерегистрацию.

Статья 20.12 установила ответственность за пересылку оружие, нарушение правил перевозки, транспортирования или использования оружия и патронов к нему. В ч. 4 данной статьи предусмотрена административная ответственность за нарушение правил перевозки, транспортирования или использования оружия, повлекшее его утрату, т.е. выбывшее в незаконный оборот оружия в стране.

В ст. 20.13 законодатель предусмотрел административную ответственность за стрельбу в отведенных для этого местах с нарушением установленных правил, по ч. 1 или в не отведенных для этого местах, по ч. 2 – в населенных пунктах и других местах. Квалифицирующим признаком, по ч. 3 статьи, является совершение стрельбы в не отведенных для этого местах, группой лиц или лицом, в состоянии опьянения.

Как справедливо отмечают О.С. Гоман и В.И. Сургутсков: «Правильность квалификации правонарушений в данной области определяют

незаконные действия по продаже, приобретению, хранению, перевозке или ношению, т.е. следует в каждом случае выяснять, выдано ли уполномоченным органом разрешение на определенные действия с оружием. Когда такого разрешения нет или срок на реализацию этих действий истек, они должны быть признаны незаконными» [5, с. 105].

Учитывая наличие полномочий Росгвардии и сотрудников МВД РФ в сфере оборота оружия, а именно контроля за соблюдением действующего законодательства о хранении, использовании, распоряжении оружием, а также за счет возможности привлечения физических лиц, в т.ч. должностных лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц к ответственности за установленные нарушения, а также статистические данные о совершении правонарушений в указанной сфере, можно сделать вывод о соответствующих проблемах.

Изменения административного законодательства с целью ужесточения ответственности за нарушение установленных правил оборота оружия, призваны обеспечить безопасность общественных отношений. Тем не менее, на сегодняшний день существует необходимость выявления актуальных проблем и их решения.

Таким образом, как показывает теория и практика, к административной ответственности за нарушение законодательства в сфере оборота оружия привлекают в рамках проведения плановых и внеплановых проверок, а также в ходе реализации функций по обеспечению общественного порядка. В качестве часто используемых мер административной ответственности выступает административный штраф, конфискацию и предупреждение.

Список цитируемой литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

2. Об утверждении Порядка проведения проверки у граждан Российской Федерации знания правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием в организациях, определяемых Правительством Российской Федерации : приказ Росгвардии от 26 декабря 2018 г. № 661. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 11.01.2023).

3. Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием, в том числе внеочередного, и порядка оформления медицинских заключений по его результатам, форм медицинского заключения об отсутствии медицинских противопоказаний к владению оружием и медицинского заключения об отсутствии в организме наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов : приказ Минздрава России от 26 ноября 2021 г. № 1104н.

4. Мамин А. С., Мельников Р.А. Принципы административной ответственности за нарушение правил оборота гражданского оружия // Вестник науки. – 2018. – Т. 4. – № 8(8). – С. 122-125.

5. Гоман О. С., Сургутсков В.И. Административная ответственность за незаконный оборот гражданского оружия // Научный портал МВД России. – 2021. – № 2(54). – С. 101-108.

Седых С.И., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преп.
Шагунова В. М.

Sedykh S.I., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer
Shagunova V. M.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК «УБИЙСТВО С ЦЕЛЬЮ СКРЫТЬ ДРУГОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ ОБЛЕГЧИТЬ ЕГО СОВЕРШЕНИЕ, А РОВНО СОПРЯЖЕННОЕ С ИЗНАСИЛОВАНИЕМ ИЛИ НАСИЛЬСТВЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

THE QUALIFYING SIGN "MURDER IN ORDER TO CONCEAL ANOTHER CRIME OR FACILITATE ITS COMMISSION, AS WELL AS ASSOCIATED WITH RAPE OR VIOLENT ACTS OF A SEXUAL NATURE" IN DOMESTIC AND FOREIGN CRIMINAL LEGISLATION

Аннотация.

В статье рассматривается история развития квалифицирующего признака убийства «с целью скрыть

другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряжённое с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера» в отечественном уголовном праве, проводится сравнительно-правовой анализ аналогичных норм, содержащихся в законодательстве зарубежных стран. Авторы приходят к выводу о наличии указанного квалифицирующего признака убийства в Уголовных кодексах стран, относящихся к различным правовым семьям.

Abstract.

The article examines the history of the development of the qualifying attribute of murder "in order to conceal another crime or facilitate its commission, as well as associated with rape or violent acts of a sexual nature" in domestic criminal law, a comparative legal analysis of similar norms contained in the legislation of foreign countries is carried out. The authors conclude that there is a specified qualifying attribute of murder in the Criminal Codes of countries belonging to different legal families.

Ключевые слова: преступление; убийство; наказание; степень общественной опасности, изнасилование; насильственные действия сексуального характера.

Keywords: crime; murder; punishment; degree of public danger, rape; violent acts of a sexual nature.

Одна из важнейших задач уголовно-правовой политики — охрана прав и свобод граждан. Одним из главных прав человека является жизнь. Жизнь — это важнейшее, данное людям от природы благо. Право на жизнь провозглашается как в международных актах — Декларации прав человека[1], Пакте о гражданских и

политических правах так и в Конституциях стран, в том числе и Российской Федерации [2].

Убийство является одним из тяжких преступлений, которое осуждается как морально, так и силой закона. Определённое место среди всех убийств занимает убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряжённое с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера[3].

Убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряжённое с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, предусмотренное п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ является смешанным квалифицирующим признаком и включает в себя одновременно субъективный критерий — цель скрыть другое преступление или облегчить его содержание и объективный критерий — обстановку (условия совершения другого преступления). Одновременно этот объективный критерий неразрывно связан с субъективным (мотив) — убийство из мести за оказанное сопротивление при изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера.

Степень общественной опасности данного преступления крайне велика, поскольку преступник совершает убийство уже после того, как им было совершено иное тяжкое или особо тяжкое преступление (грабеж, разбой, изнасилование и др.). То есть, преступление совершается «с подстраховкой» и «на всякий случай» для того, чтобы избежать уголовной ответственности[4]. Необходимо отметить, что на квалификацию содеянного, в данном случае, не будет влиять тяжесть и категория преступления, которое

субъект попытался скрыть или облегчить путем совершения убийства.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда № 1, под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанных преступлений или с целью их сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этих преступлений или с целью их сокрытия. При квалификации по данному признаку исключено одновременно вменение по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства.

Отдельно в официальной статистике не выделяется статистический параметр данного вида убийства, однако, согласно базе данных Верховного Суда РФ (СудАкт), судами Российской Федерации вынесено 3677 приговоров и определение по данному квалифицирующему признаку. Согласно данным Судебного Департамента по Забайкальскому краю в период с 2011 пол 2015 годы вынесены обвинительные приговоры в отношении 59 лиц . Наибольшее количество осужденных приходится на 2014 год — 28, по стальным годам этот показатель не превышает 10 лиц.

История развития отечественного уголовного законодательства свидетельствует о том, что впервые данный признак появился в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Там, в ст. 1930 указывается на совершение убийства, «при содеянии какого какого-либо преступления, соединённого с насильственными действиями, например, насильственное завладение чужой собственностью».

С 1922 года пункт «г» статьи 142 УК РСФСР предусматривал наказание в виде не менее 8 лет строгой изоляции за совершение «убийства с целью облегчить или скрыть другое – тяжкое преступление». В то время, как УК РСФСР 1926 года увеличил наказание за данное преступление до 10 лет лишения свободы[9]. УК РСФСР 1960 года дополнил преступление признаком «сопряженное с изнасилованием» и предусмотрел ответственность за его совершение в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет или смертной казни.

В действующем Уголовном кодексе РФ 1996 г. формулировка исследуемого преступления несколько изменилась, помимо изнасилования указываются насильственные действия сексуального характера. В итоге отягчающее обстоятельство звучит следующим образом: «… с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера». Помещение законодателем данного признака в разряд квалифицированных, обусловлено его высокой степенью общественной опасности. [5]

Убийство с целью скрыть другое преступление — один из распространённых признаков в уголовном праве стран, относящихся к различным правовым семьям: Аргентины (ч. 8 ст. 80), Болгарии (п. 8 ст. 116) Боливии, Бразилии, Вьетнама, Гватемалы, Германии (ч. 2 § 211), Республики Доминикана, Израиля (ч. 3 ст. 300) Италии, Канады, Колумбии, Коста-Рики, Кодивуар, Кубы, Макао, Мадагаскар, Монголии, Маршаловых Островов, Нидерландов, Норвегии (§ 23з), Панамы, Парагвая, Перу, Румынии, Соломоновых островов, Таиланда,

Тувалу, Турции (п. 7, 9 ст. 450) Уругвая, Франции (абз. 2 ст. 221–2), Эквадора).

Например, в ст. 80 УК Аргентины анализируемая норма сформулирована следующим образом: «причинение смерти с целью подготовки, облегчения совершения, исполнения или сокрытия другого преступления либо для того, чтобы гарантировать его эффективность или обеспечить собственную или иного лица безнаказанность, либо потому, что не удалось добиться желаемого результата при покушении на другое преступление (п. 7)» Из формулировки статьи видно, что данный пункт схож по содержанию с признаком, соответствующим п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но в УК Аргентины совершенно отсутствует обстоятельство изнасилования и применения действий сексуального характера.

В Уголовном кодексе Соединенных Штатов Америки (далее УК США) убийство трактуется как преступное человекоубийство. Выделяется три вида убийств: тяжкое, простое и убийство по небрежности. В ст. 210.2 расписываются квалифицирующие признаки тяжкого убийства. В их числе находится убийство «по опрометчивости при обстоятельствах, обнаруживающих крайнее безразличие к ценности человеческой жизни.

Такие опрометчивость и безразличие резюмируются, если деятель осуществляет совершение или является соучастником совершения или покушается на совершение разбоя, изнасилования или извращенного полового сношения путем применения насилия или угрозы насилием, поджога, похищения человека или являющегося попыткой побега из-под стражи либо если деятель осуществляет бегство после совершения или покушения на совершение таких преступлений. Помимо этого, в УК США указываются отягчающие

обстоятельства, в их числе находится следующее: «тяжкое убийство было совершено в то время, когда подсудимый осуществлял совершение или был соучастником совершения или покушался на совершение разбоя, изнасилования или извращенного полового сношения с применением насилия или угрозы насилием, поджога или похищения человека или когда подсудимый осуществлял бегство после совершения или покушения на совершение таких преступлений». Данная формулировка по смысловому значению схожа с формулировкой, указанной в п. «к» ч.2 ст. 105 УК РФ. Норма об ответственности за убийство с целью скрыть или облегчить совершение другого преступления нашла свое отражение в Модельном уголовном кодексе для государств-участников СНГ (п. «л» ч. 2 ст. 111) . Подобная норма есть в уголовных кодексах всех стран — бывших союзных республик (ст. 120.2.6 УК Азербайджана, п. 11 ч. 2 ст. 104 УК Армении, п. 8 ч. 2 ст. 139 УК Белоруссии, п. «л» ч. 2 ст. 109 УК Грузии, п. «к» ч. 2 ст. 96 УК Казахстана, п. 13 ч.2 ст. 97 УК Кыргызстана, п. 8 ст. 117 УК Латвии, п. 11 ч. 2 ст. 129 УК Литвы, п. «i» ч. 3 ст. 145 УК Молдовы, п. «м» ч. 2 ст. 104 УК Таджикистана, п. «л» ч. 2 ст. 101 УК Туркменистана, п. «о» ч. 2 ст. 97 УК Узбекистана, п. 3 ст. 101 УК Эстонии. Для сравнительно-правового анализа остановимся только на некоторых из них.

Например, в Уголовном кодексе Республики Армения под убийством понимается противоправное умышленное лишение жизни другого человека. Среди квалифицирующих признаков присутствуют: убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение и убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера. В статье они разделены на два

самостоятельных признака (ст.104). Уголовный кодекс Кыргызской Республики трактует убийство и сопряженность с изнасилованием практически, как и УК РФ. В ч. 2 ст. 97 этот признак раскрыт в пунктах 7 и 13 следующим образом: «убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственным удовлетворением половой страсти в иных формах» (п. 7); убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение» (п.13)
В Уголовном кодексе Узбекистана выделяется умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах сопряженное с изнасилованием или насильственным удовлетворением половой потребности в противоестественной форме (п «з», ст. 97) и убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п «о», ст. 97). Уголовный кодекс Эстонской Республики указанный квалифицирующий признак сформулировал в ст. 101: следующим образом: «с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения, а равно сопряженное с изнасилованием». Что фактически идентично УК РФ.

На основании изложенного, приходим к выводу о том, что в уголовных кодексах бывших союзных республик, как и в некоторых зарубежных странах (например, США), признак сопряженности убийства с иными посягательствами закреплен максимально идентично с российским законодательством. Вместе с тем, имеются государства (например КНР, Аргентина), где в уголовном законе не указана сопряженность с половыми преступлениями. Таким образом, национальное и зарубежное уголовное законодательство, закрепляя квалифицирующие признаки исследуемого состав убийства, учитывают

степень общественной опасности данного преступления.

Список цитируемой литературы:

1. «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // «Ведомости Верховного Совета СССР», 28.04.1976, N 17, ст. 291.
2. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №. 31.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.
4. Бабичев, А. Г. Цель преступления как признак квалифицированного состава убийства // Вестник экономики, права и социологии. — 2013. — № 4 Право [Электронный ресурс] //. URL: http://cyberleninka. ru/article/n/tsel-prestupleniya-kak-priznak-kvalifitsirovannogo-sostava-ubiystva#ixzz4imctM7KO
5. Грызыхин, С. А. Отягчающие обстоятельства убийства по зарубежному уголовному законодательству // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2008. № 2 (15). с. 145–150. // [Электронный ресурс] URL:https://m. cyberleninka. ru/article/n/otyagchayuschie-obstoyatelstva-ubiystva-po-zarubezhnomuugolovnomuzakonodatelstvu

Селиванова О.С., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Selivanova O.S., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

ПОНЯТИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

THE CONCEPT OF RECIDIVISM AND ITS CRIMINAL LAW CONTENT

Аннотация.

В данной статье раскрывается понятие и признаки рецидива преступлений. Определяются конкретные разновидности рецидива. Обосновывается, что уголовно-правовое содержание рецидива преступлений заключается в наличии судимости за предыдущее преступление. В случае рецидива за ранее совершенное преднамеренное преступление соответствующее лицо должно иметь судимость.

Abstract.

This article discusses the concept and characteristics of recidivism. Specific types of relapse are defined. In the event of recidivism for an earlier intentional crime, the person concerned must have a criminal record.

Ключевые слова: рецидив преступлений, уголовное законодательство, назначение наказания, судимость, особо тяжкое преступление, лишение свободы, множественность преступлений, виды рецидива.

Keywords: recidivism, criminal legislation, sentencing, conviction, especially serious crime, imprisonment, multiple offences, repeat offenders.

В Уголовном кодексе Российской Федерации в ст.18 раздела II Общей части УК «Понятие преступления и виды преступлений» регламентированы случаи рецидива преступлений. В то же время совершение лицом двух или более преступлений могут при соответствующих условиях образовывать совокупность и повторность (например, совершение грабежа лицом, которое раньше совершило кражу), повторность и рецидив (например, совершение вымогательства лицом, которое имеет судимость за мошенничество). Это предопределяет необходимость определить нормативное содержание понятия рецидива преступлений, отграничить рецидив от указанных проявлений множественности преступлений и установить некоторые особенности уголовной ответственности в случае рецидива преступлений [1].

Проблемы рецидива преступлений исследовали в своих трудах А. В. Иващенко А. В., Д.Ю, Краев, Ю. А.

Красиков, К. А. Панько и другие ученые, В работах данных ученых вопрос рецидива преступлений освещается в контексте учения о множественности преступлений.

Уголовный кодекс 1996 г. закрепил определение рецидива преступлений и его правовых последствий. Понятие рецидива определено в ст. 18 УК как совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, а в п.5 данной статьи было установлено, что рецидив преступлений учитываются при квалификации преступлений и назначении наказания влечет более строгое наказание.

Из законодательного определения рецидива преступлений можно выделить такие его признаки:

– совершение двух или больше преступлений;

– все преступления в пределах рецидива являются преднамеренными;

– преступления, которые образуют рецидив отделенные один от другого определенным промежутком времени;

– на момент совершения нового преступления лицо имеет судимость за предыдущее преступление (преступления).

Уголовный кодекс выделяет рецидив, опасный и особо опасный рецидив. Однако здесь следует выделить несколько важных моментов. Одним по них есть то, что все преступления в пределах рецидива являются преднамеренными. В то же время умысел может быть и прямой, и не прямой. То есть понятие рецидива, которое содержится в ст. 18 УК, ограничивает его лишь случаями совершения нового преднамеренного преступления лицом, осужденным за преднамеренное преступление. Совершение после совершения

преднамеренного преступления одного или нескольких новых неосторожных или, напротив, совершения после одного (или нескольких) неосторожных преступлений нового преднамеренного преступления рецидива не образуют. Такая позиция законодателя критикуется в уголовно-правовой литературе. Например, А. В. Иващенко отмечает, что название ст. 18 УК не согласовывается с ее диспозицией. В соответствии с определением ст. 18 УК, ее название должно было бы быть «рецидив преднамеренных преступлений», поскольку название «рецидив преступлений» должен включать преступления, совершенные по неосторожности и судимость за неосторожное преступление. Соответственно, научный работник предлагает такое определение рецидива преступлений — это совершение нового преднамеренного преступления лицом, которое имеет судимость за совершенное ранее преднамеренное или неосторожное преступление, или совершение лицом, которое имеет судимость за раньше совершенное преднамеренное преступление. преступления по неосторожности [2, с. 12].

Если обратиться к законодательству зарубежных государств, то, например, в УК Латвии рецидив определен как совершение лицом нового преступного деяния после осуждения этого лица за ранее совершенное преступное деяние, если судимость за него не снята или не погашена [3, с.41].

Такая трактовка рецидива преступлений не содержит указания на преднамеренную форму вины. При таких условиях очевидно, что рецидивом может быть признано совершение лицом нового преднамеренного или неосторожного преступления после осуждения за преднамеренное или неосторожное

преступление, если судимость за него не снята или не погашена.

Такой подход со стороны законодателя, как отмечает Д. Ю. Краев, объясняется тем, что неосторожные преступления являются отображением недостаточно заботливого, недобросовестного отношения виновного к интересам отдельной личности, общества или государства и не свидетельствуют о наличии у виновного устойчивых антисоциальных взглядов. В отличие от этого, преднамеренная форма вины говорит о негативной установке виновного к общественным отношениям, которые охраняются уголовным законом. Учитывая указанное, повторное совершение преднамеренного преступления дает возможность констатировать его неслучайный характер, глубокую степень моральной деградации виновного, наличие укоренившихся антиобщественных убеждений, которые являются характерным признаком рецидива [4, с. 33].

Следующим важным моментом, который определяет уголовно-правовое содержание рецидива преступлений является наличие судимости за предыдущее преступление. в случае рецидива за ранее совершенное преднамеренное преступление соответствующее лицо должно иметь судимость.

Судимость представляет собой правовое состояние лица, которое возникает из-за его осуждения и, при перечисленных в законе условиях, влечет наступление для него определенных негативных последствий.

В юридической литературе судимость определяется как мера уголовно-правового характера, который применяется к лицу за совершение преступления, возникает на основании вступившего в

силу обвинительного приговора, с назначением наказания, законной силы и влечет наступление неблагоприятных правовых последствий. Это значит, что за отмеченное преступление относительно этого лица должен существовать обвинительный приговор, который вступил в законную силу.

Ю. А. Красиков связывает судимость с личностью человека, и определяет ее как особенное правовое состояние. Такой же мысли придерживаются и другие авторы, который также отмечает, что данное правовое состояние характеризует социальную позицию и роль в обществе того или иного человека. Исходя по этого, важно отметить, что исследование правовой сущности и социальной природы судимости имеет чрезвычайно важное значение, ведь все негативные последствия, которые порождает судимость, потом играют важную роль в жизни конкретно взятого лица, преимущественно не слишком позитивную. Потому, что судимость, как явление, влияет на человека не только с моральной или психологической точки зрения, но и с практической [5, с. 25]. Судимому лицу тяжелее найти хорошую работу, к нему нет сто процентного доверия со стороны других членов общества и т. п.

Судимость, прежде всего, направлена на решение одной, но безусловно важной проблемы, — противодействие рецидивной преступности. Действительно, на сегодняшний день, тема судимости достаточно актуальна, и она по праву занимает важное место среди тех институтов, которые направлены на защиту конституционного строя и целостности государства, а также прав и законных интересов граждан. Понятно, что судимость, как институт осуждения лица, дает возможность осуществлять определенное влияние на лицо, которое уже отбыло

наказание, но еще не вернулось к обычной жизни.

Принимая во внимание все выше сказанное, можно утверждать, что институт судимости является важной и просто неотъемлемой составной частью современного уголовного права, который исполняет чрезвычайно важную роль — помогает лицам исправиться и начать жить обычной жизнью, в рамках закона. Однако, на сегодняшний день существуют проблемные моменты именно в сфере применения законодательства относительно погашения или снятия судимости, и именно они не дают возможность функционировать данному институту должным образом. Наверно, наиболее удачными наглядными примерами, на основе которых можно с уверенностью судить, в том числе и о неправильности применения законодательства, есть реальные решения (приговоры) судов в уголовных делах, где возникали разнообразные спорные ситуации, которые удавалось решить лишь с помощью кассационной инстанции.

Например, Липецкий областной суд от 10.02.2009 N 22–163–2009 рассматривал дело относительно лица, к которому якобы должно быть применено положение о рецидиве преступлений. В соответствии с обстоятельствами дела, лицо было ранее осуждено за совершение двух преднамеренных преступлений за что и отбыло наказание в виде лишения свободы. Не прекратив статус ранее судимого лица, данный гражданин совершил новое преступление, но по неосторожности, и суд первой инстанции учел факт непогашенной судимости как отягчающее обстоятельство и применил положение о рецидиве преступлений. Областной суд упразднил решение районного суда, опираясь на статью 18 Уголовного кодекса, где четко прописано, что рецидив

преступления наступает только тогда, когда лицо, которое имеет судимость за совершение преднамеренного преступления, опять совершает преднамеренное преступление, а не преступление по неосторожности. [6].

Как показывает вышеприведенный пример, только с помощью Апелляционной инстанции удается решить дела по справедливости, тем самым обеспечив защиту прав и интересов лица.

Главное, что здесь нужно отметить, так это то, что времени нужно потратить на подобные судебные споры и доводы, — очень много, при том, что лицо находится в местах отбывания наказания, и оно ограничено в том, чтобы качественно защитить свои права. Поэтому, эта ситуация является наглядным примером того, что профессиональные судьи из-за своей халатности и безответственности, могут допускаться подобные ошибки.

Исследование практики применения законодательства о погашении и снятии судимости, позволило сформулировать следующий вывод: представляется целесообразным разработать и принять рекомендации относительно обязательных шагов профессионального судьи по определению наличия или отсутствия судимости у обвиняемого лица.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019 // Собрание законодательства РФ. — 1996. — N 25. — ст. 2954.

2. Уголовное право. Общая часть. В 2 т. Том 1: учебник для \вузов /ответственный редактор И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 5-е изд.,

перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — С. 118–124.

3. Иващенко А. В. Многократные рецидивисты, не признанные особо опасными; криминологический и уголовно-правовой аспект: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Томск, 1986. — 20 с.

4. Максимов В. В. Новый Уголовный кодекс Латвийской Республики // Российский следователь. — 2001. — № 8. — С. 41–43.

5. Краев Д. Ю. Множественность преступлений. Санкт-Петербург. 2016. — Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. — 120 с.

6. Красиков Ю. А. Формы и виды множественности преступлений // СЮ, 1987. — № 33. – С.25–26.

7. Определение Липецкого областного суда от 10.02.2009 №22–163–2009 // URL:https://resheniya-sudov.ru/2009/80376/ (Дата обращения: 04.03.2023 г.)

Смыкова Е.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Иванова М.А.

Smimkova E.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Ivanova M.A.

ОПЬЯНЕНИЕ КАК ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ

INTOXICATION AS A MENTAL DISORDER IN DETERMINING INSANITY ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND WESTERN CRIMINAL LAW PRACTICE

Аннотация.

Статья посвящена сравнению института невменяемости в российской уголовно-правовой науке и зарубежной уголовно-правовой науке, закрепления понятия невменяемости по причине состояния

опьянения в российском уголовном законодательстве, а также развития указанного института в зарубежной уголовно-правовой науке. В статье также уделяется внимание роли института невменяемости в современном уголовном праве.

Abstract.

The article is devoted to the comparison of the institute of insanity in Russian criminal law science and foreign criminal law science, the consolidation of the concept of insanity due to intoxication in Russian criminal legislation, as well as the development of this institute in foreign criminal law science. The article also pays attention to the role of the institution of insanity in modern criminal law.

Ключевые слова: вменяемость, невменяемость, международное уголовное право, понятие невменяемости, состояние опьянения, уголовное право.

Keywords: sanity, insanity, international criminal law, the concept of insanity, state of intoxication, criminal law.

Интерес к преступлениям, совершенным людьми в состоянии алкогольного и наркотического (токсикологического) опьянения вызвавшего временное или постоянное помешательство, в современном мире как никогда актуален, поскольку многообразие токсических веществ, так или иначе влияющих на психику и состояние организма человека, только растет.

В разных странах с учетом их национальных особенностей, традиций и форм законодательства, отношение к таким преступлениям имеет свои различия, но все они сходятся в одном, как правило,

ответственность за преступления, совершенные лицом в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, не наступает, здесь имеется ввиду не обычное опьянение, которое только отягощает тяжесть совершенного деяния, а патологическое опьянение, с синдромом параноидным (бредовым) или галлюцинаторно-бредовым.

В странах различных правовых семей процессуально вопрос определения наказания или освобождения от ответственности лиц, находящихся в момент совершения преступления в состоянии опьянения также различается.

Кроме того, важно отметить, что практически во всех ниже рассмотренных странах опьянение подразделяют на добровольное и недобровольное, в таком случае, если доказано, что лицо, зная, что оно в состоянии опьянения может совершать необдуманные поступки, несущие угрозу обществу и его устоям, все же злоупотребляет алкогольными напитками или наркотическими веществами, при совершении противоправного деяния будет нести уголовную ответственность.

Так, в странах, относящихся к англосаксонской системе, вопрос определения наказания или освобождения от ответственности решается присяжными заседателями. В английском законодательстве бремя доказывания недобровольного опьянения лежит на самом виновнике.

Говоря о мерах медицинского воздействия на душевнобольных, стоит отметить, что при совершении даже менее тяжких преступлений, чем убийство, они после лечения (или отбытия наказания), долго остаются «под присмотром местной полиции». Лица, «привычно» совершающие преступления, получают к своему

«положенному» сроку, ещё от пяти до десяти лет. Особо строго стоит вопрос о половых или насильственных преступлениях, где неизменно применяются такие «продлённые приговоры». К лицам, злоупотребляющим алкоголем либо наркотиками, может быть применено «добровольное» лечение по приказу суда до трёх лет и содержание в специальном заведении для алкоголиков.

В Соединённых штатах Америки, применяются похожие меры. Что касается лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, необходимо отметить, что по Федеральному закону от 1966 года «О социальном восстановлении наркоманов» к ним применяется в виде меры безопасности изоляция от общества и принудительное лечение.

В странах романо-германской правовой семьи, преступлениям, совершенным в рассматриваемых состояниях посвящены отдельные статьи Кодексов.

Так, например, по статье 122-1 Уголовного кодекса Франции «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое в момент совершения преступного деяния было подвержено психическому либо нервно-психическому расстройству, лишившему его способности сознавать или контролировать свои действия». Те же обстоятельства, при снижении способности осознавать либо контролировать свои действия, служат только смягчающими, при определении наказания. Это записано в Главе второй (книги I), - «обстоятельства ненаступления уголовной ответственности или её смягчения». В случае невменяемости или ненаступления возраста, необходимого для привлечения к уголовной ответственности (122-8 Кодекса), уголовное преследование прекращается.

Применяются к этим категориям соответственно меры медицинского или воспитательного характера. Суть этих мер безопасности – превенция, то есть направление на устранение некоего опасного состояния лица, совершившего преступное посягательство.

При рассмотрении Уголовного кодекса Франции, заслуживает внимания, приверженность к абсолютно-определённой санкции. По той же причине и меры безопасности во французском праве не могут быть с неопределённым сроком. Допускается впоследствии пересмотр решения суда, когда изменится «опасное состояние» лица. В случаях опасности для окружающих такие же меры могут быть применены к лицам, страдающим алкогольной и наркотической зависисмостью.

По немецкому уголовному законодательству, для лиц, совершивших преступление с психическим «дефектом», предусмотрены такие меры исправления и безопасности, как помещение в учреждение изоляции для алкоголиков или наркоманов.

Согласно Уголовному кодексу Италии (статья 85 УК) состояние, в котором лицо теряет способность сознавать и желать признается невменяемостью. В этой статье рассматривается и такая категория лиц, как «лица, находящиеся в алкогольном или наркотическом опьянении по причине непредвиденного случая или непреодолимой силы».

Как указано выше, невменяемыми признаются и лица, находящиеся в момент совершения противоправного деяния в состоянии опьянения, если они теряли «способность сознавать и желать». Если эта способность только ограничивалась, то положенное наказание снижается (статья 91 УК). Но это в случае, когда опьянение возникло в виду «непредвиденного

случая или непреодолимой силы». При добровольном опьянении такое лицо не освобождается от наказания и не смягчается его ответственность. К лицам, употребившим наркотики, применяются те же правила.

Лица, признанные судом невменяемыми, либо оправданные ввиду хронического алкогольного либо наркотического опьянения, помещаются в специальное психиатрическое учреждение сроком не менее двух лет.

Таким образом, мы видим, что зарубежное уголовное право определяет: лицо не несет уголовной ответственности, если в момент совершения им деяния оно находится в состоянии опьянения (интоксикации), которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или сообразовывать свои действия с требованиями закона, если только это лицо не подверглось добровольно опьянению при таких обстоятельствах, при которых это лицо знало, что в результате опьянения им может быть совершено деяние, представляющее собой преступление, подпадающее под юрисдикцию суда, либо проигнорировало опасность совершения им такого деяния.

В российском уголовном праве, согласно ст.23 УК РФ лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности.

Однако, согласно ст. 21 УК РФ, лицо, совершившее общественно опасное деяние в период патологического опьянения (острого психоза),

признается невменяемым и не подлежит уголовной ответственности.

Криминогенное значение алкоголизма обусловлено как увеличением в последнее время количества лиц, злоупотребляющих алкоголем и наркотиками, так и частотой совершаемых ими правонарушений. Среди лиц, поступающих на судебно-психиатрическую экспертизу, почти 1/4 (23,4%) составляют больные алкоголизмом и наркоманией.

Такие лица, совершающие противоправные действия, относятся к группе повышенного риска - чаще правонарушения совершаются в состоянии алкогольного опьянения.

Судебно-психиатрическая оценка лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, как правило, не представляет значительных трудностей. Учитывая наличие у них ряда психических расстройств при этих заболеваниях и в то же время деградация личности, отсутствие грубых изменений восприятия, мышления, сознания, двигательно-волевой сферы, критики, они не лишены способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, поэтому, как правило, признаются вменяемыми.

При экспертизе лица, совершившего правонарушение в состоянии простого алкогольного опьянения, учитывают все особенности клинической картины опьянения, для чего существенны следственные данные, а также анамнестические и клинические данные, полученные при судебно-психиатрической экспертизе, которые могут или подтвердить диагноз этого состояния, или его исключить, что особенно важно в случаях дорожно-транспортных правонарушений.

Больной алкоголизмом или наркоманией признается невменяемым при одновременном наличии двух критериев: медицинского (биологического) и юридического (психологического). Первый критерий предполагает наличие у лица болезненного состояния психики. Психологическим критерием невменяемости служат как неспособность лица осознавать значение своих действий (интеллектуальный критерий), так и невозможность руководить ими (волевой критерий).

Отличием патологического опьянения является неспособность лица в этом состоянии к контакту с окружающими, к совместным действиям. Поступки его не вытекают из окружающей обстановки, но в то же время представляют нередко внешне упорядоченные действия.

В российской уголовной практике при признании лица невменяемым, суд выносит определение о прекращении уголовного дела и одновременно назначает принудительную меру медицинского характера: амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра или принудительное лечение в психиатрическом стационаре.

Для всех больных алкоголизмом, наркоманией, признанных невменяемыми, целесообразна рекомендация стационарного типа принудительного лечения.

Основанием для отмены принудительного лечения является исчезновение социальной опасности больного и достижение планируемого терапевтического эффекта, полное купирование продуктивной психопатологической симптоматики, смягчение интеллектуально-мнестического и эмоционально-волевого дефекта, дезактуализация патологического влечения к алкоголю, наркотикам, психотропным

веществам, выработка установки на трезвость, реальная возможность реадаптации к окружающей среде.

Таким образом, можно сделать выводы, что при наличии некоторых различий в правовых системах разных стран, в общем, отношение к преступлениям, совершенным лицами, в состоянии опьянения, практически одинаковое, и за рубежом и у нас объективным доказательством невменяемости лица, является заключение медицинского эксперта, психиатрическая экспертиза лица, совершившего преступление. Такое же отношение у нас, как и в зарубежных странах и к добровольности употребления алкогольных и психотропных веществ. Наблюдается некоторая однообразность в определении наличия уголовной ответственности, несмотря на различные правовые системы и традиционные взгляды.

Список цитируемой литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 31. - Ст. 4398. - Текст: непосредственный.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации.: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.: [ред. от 29 декаб. 2022 г.] // Собрание

законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25, - Ст. 2954. - Текст: непосредственный.

3. Берг, Л. Н. Теория права: правовое воздействие и правовое регулирование: учебник для вузов / Л. Н. Берг, Е. А. Березина. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - 393 с- ISBN 978-5-534-14900-5. - Текст: непосредственный.

4. Уголовное право России. Общая часть [Текст]: учебник / [Арзамасцев М. В., Бойцов А. И., Бурлаков В. Н. и др.; под редакцией В. В. Лукьянова и др.]; Санкт-Петербургский государственный университет. - Изд. 3-е, испр. и доп. - Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, сор. 2018. - 626 с. - ISBN 978-5-288-05844-8. – Текст непосредственный.

5. Батанов, А.Н. Эволюция института невменяемости в уголовно-правовой науке россии XIX века / А.Н. Батанов // Грамота. - 2012. № 8 (22). Часть 1. С. 38-41. - 8 июня - URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_8-1_07.pdf. - Режим доступа: свободный - Текст: электронный.

6. Греку, В.П. Зарубежный опыт некоторых государств по применению мер безопасности к душевнобольным и иным лицам, совершившим преступное деяние / В. П. Греку. // Молодой ученый. - 2013. - № 8 (55). - С. 285-290. - URL: https://moluch.ru/archive/55/7515/ - Режим доступа: свободный - Текст: электронный.

7. Згага, С. Опьянение и уголовная ответственность в международном уголовном праве. Zgaga S. intoxication and criminal liability in International criminal law // право: журнал высшей школы экономики. - М. 2014. № 2. - URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/2015-01-045-zgaga-s-opyanenie-i-ugolovnaya-otvetstvennost-v-mezhdunarodnom-ugolovnom-prave-zgaga-s-intoxication-and-criminal-liability-in. - Режим доступа: свободный - Текст: электронный.

8. Константинова, Д. В состоянии невменяемости / Д. Константинова // Адвокатская газета. - 2015. - 11 дек. - URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/v-sostoyanii-nevmen

yaemosti/ - Режим доступа: свободный - Текст: электронный.

9. Haselby, S. Criminally insane / S. Haselby // Aeon. - 2020. - 8 июня - URL: https://aeon.co/essays/what-can-be-done-to-rehabilitate-the-insanity-defence - Режим доступа: свободный - Текст: электронный.

10. Россия. Законы и постановления. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. - Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. - [4], IV, 898, XVII с.; 16 см. - URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002889696?page=1&rotate=0&theme=white. - Режим доступа: РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА [сайт]. - Текст: электронный.

11. Чернышова, И.А. Уголовное право. Общая часть. Конспект-лекций / - Новочеркасск, 2011. – 305 с.

Сокольских О.И., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Sokolskikh O.I., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer, Shagunova V.M.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

PROBLEMS OF QUALIFYING TERRORIST CRIMES

Аннотация.

В статье анализируются, раскрываются некоторые проблемы квалификации террористических преступлений. Анализируется понятие «терроризм», что приводит к соответствующим выводам о пределах квалификации терроризма.

Abstract.

The article analyzes and reveals some problems of qualification of terrorist crimes. The concept of "terrorism" is analyzed, which leads to the corresponding conclusions about the limits of qualification of terrorism.

Ключевые слова: терроризм, террор, террористический акт, преступления террористической направленности.

Keywords: terrorism, terror, terrorist act, terrorist crimes.

Анализ криминогенной ситуации в России и мире свидетельствует о непрекращающемся росте террористических группировок, а значит возрастает риск совершения террористических актов. Перед правоохранителями часто в период расследования преступлений террористического характера возникает множество проблем и вопросов, связанных с квалификацией содеянного в отношении иных статей уголовного закона. В самых негативных формах это проявляется в том, что российские правоприменители не всегда могут точно определить состав преступления по причине размытости понятийно – категориального аппарата юридических формулировок.[3, с. 84] Поэтому именно правильная квалификация играет важную роль в соблюдении основополагающих принципов и норм уголовного законодательства[1, с. 228].

Отметим, что отягчающие обстоятельства в рамках конкретного преступления, установленные Особенной частью Уголовного Кодекса, являются квалифицирующими. Как вид преступления террористический акт обозначен в ст. 205 Уголовного Кодекса Российской Федерации (УК РФ) и имеет ряд следующих признаков, согласно ч.2 ст.205 УК РФ:

1) совершение деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 205 УК РФ, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

2) повлекших по неосторожности смерть человека;

3) повлекших значительный имущественный ущерб либо наступление иных тяжких последствий.

Обратимся к такому признаку как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Данное обстоятельство является часто употребляемым в Кодексе и является одной из форм соучастия. На основании ч.2 ст.205 УК РФ необходимо учитывать следующие необходимые условие, а именно, во – первых, если совершение террористического акта совершено группой из двух и более лиц, заранее сговорившихся о преступлении, во – вторых, имеется наличие сговора между соучастниками (ч. 2 ст. 35 УК РФ). Согласно Постановлению Верховного Суда от 9 февраля 2012 года №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» «При квалификации террористического акта по пункту «а» части 2 статьи 205 УК РФ следует учитывать, что под организованной группой понимается устойчивая группа из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Об устойчивости организованной группы могут свидетельствовать большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, их техническая оснащенность и распределение ролей между ними, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы).

В случае признания террористического акта совершенным организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении этого преступления, независимо от их

фактической роли следует квалифицировать по соответствующей части статьи 205 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ»[2].

Данный пример показывает, что для совершения террористического акта группой лиц по предварительному сговору происходит тщательная всесторонняя подготовка. Если хотя бы одно лицо, участвовавшее в планировании и совершении подобного преступления, но не обладающее в силу возрастных, психофизиологических и иных особенностей, хотя бы одним признаком субъекта преступления, то такое деяние переквалифицируется и не соотносится с формами соучастия.

Вторым квалифицирующим признаком, отображенным в пункте «б» ч. 2 ст. 205, являются деяния, повлекшие по неосторожности смерть человека. Сложно говорить, при наличии прямого умысла, например, совершения взрыва в общественном месте, о неосторожном отношении к вероятным последствиям, поскольку, совершая теракт в людном месте говорить о неосторожности причинения смерти человеку, невозможно. Когда речь идет о взрывах, поджогах и иных особо опасных действий объективная сторона не дает оснований говорить о неосторожности как форме вины. Единственная форма вины, о которой здесь можно говорить, за исключением прямого умысла, это косвенный умысел. Так как сам факт совершения террористического акта –это умысел прямой, то последствия, которые он несет в зависимости от обстоятельств конкретного дела, могут быть рассмотрены как косвенный умысел вины.

Следующий пункт «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ – причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий. Что

относится к последним четко регламентировал Верховный Суд в Постановлении Пленума от 9 февраля 2012 года «к иным тяжким последствиям...относиться, в частности, причинение тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку, средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам, дезорганизация деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; длительное нарушение работы предприятия (предприятий) и (или) учреждения (учреждений) независимо от их ведомственной принадлежности, формы собственности, организационно – правовой формы; существенное ухудшение экологической обстановки (например, деградация земель, загрязнение поверхностных и внутренних вод, атмосферы, морской среды и иные негативные изменения окружающей среды, препятствующие ее сохранению и правомерному использованию, устранение последствий которых требует длительного времени и больших материальных затрат)».

Однако сегодня среди юристов идет дискуссия о целесообразности выделения этого пункта как самостоятельного. Поскольку сама сущность террористических актов предполагает наступление таких последствий и включены в основной состав преступления (ч.1 ст.205 УК РФ).

Что касается вопросов расследования и проблем, стоящих перед правоохранителями в ходе следствия, то здесь так же существует множество вопросов.

Во-первых, сложность выработки единой методики расследования невозможна из–за региональных особенностей. А так как региональным уголовное законодательство в отношении терроризма быть не может, необходимо учитывать особенности

проявления отдельных внешних признаков подготовки к данному преступлению.

Во-вторых, терроризм представляет собой достаточно сложный механизм противодействия государству, ведь в основе терроризма лежит мотив приведения сложной иерархической системы сдержек и противовесов к анархии. При этом, терроризм разительно отличает жестокость и пренебрежительность к человеческим жизням, прикрытая при этом призмой праведности своих действий. Сложность борьбы с таким идеологическим терроризмом представляет то, что последователи таких группировок борются за самое ценное, что есть у человека – идея собственной правоты.

Подводя итог, еще раз подчеркнем рост совершаемых преступлений террористической направленности. Однако, не смотря на уже достаточную изученность и правовую регламентацию, квалифицирующие признаки преступлений террористической направленности имеют неоднозначную трактовку и как следствие уголовно – правовые проблемы в вопросе квалификации и правоприменительной практики.

Список цитируемой литературы:

1. Галачиева ,М.М. Терроризм глазами общественности // Сборник научных трудов. - 2017. - № 3. - С. 226-232.

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 //

Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2012. - № 4.

3. Сопов, Д.В. Уголовная ответственность за терроризм: проблемы квалификации: дисс. канд. юрид. наук. - М.: Академия управления МВД России, 2014. - С 84.

Сокольских С.Р., бакалавр
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель Шагунова В.М.

Sokolskikh S.R., bachelor
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer Shagunova V.M.

ПРЕСТУПНЫЕ ДЕЯНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ГЕРМАНИИ

CRIMINAL ACTS AGAINST SEXUAL SELF-DETERMINATION IN GERMAN CRIMINAL LAW

Аннотация.

В статье раскрываются преступные деяния против полового самоопределения, рассмотренные в особенной части уголовного кодекса Германии, субъекты преступления и состав.

Abstract.

The article reveals criminal acts against sexual self-determination, considered in a special part of the Criminal Code of Germany, the subjects of the crime and the composition.

Ключевые слова: преступление; половое самоопределение; изнасилование; ответственность; принуждение.

Keywords: crime; sexual self-determination; rape; responsibility; coercion.

Преступные деяния против полового самоопределения включены в разд. XIII Особенной части УК, который носит одноименное название. В этот радел также вошли составы преступных деяний, посягающих на иные правоохраняемые блага (например, содействие занятию проституцией (§ 180a)). Поэтому преступные посягательства, рассмотренные в данном разделе, условно можно разделить на две группы.

Первую из них образуют преступные деяния против полового самоопределения. К ним германский законодатель относит следующие составы: сексуальные действия в отношении опекаемых (§ 174); сексуальные действия в отношении заключенных, лиц, подвергшихся административной ответственности, больных и лиц, нуждающихся в помощи, находящихся в медицинских учреждениях (§ 174a); сексуальные действия, связанные с использованием лицом своего служебного положения (§ 174b); сексуальные действия, связанные с использованием отношений по консультации, лечению (врачебному наблюдению) и обслуживанию (§ 174c); сексуальные действия в отношении детей (§ 176); тяжкие сексуальные действия в отношении детей (§ 176a); сексуальные действия в отношении ребенка, повлекшие его смерть (§ 176b); принуждение к сексуальным действиям; изнасилование (§ 177); принуждение к сексуальным действиям и изнасилование, повлекшие за собой смерть

потерпевшего (§ 178); сексуальные действия в отношении лиц, не способных оказать сопротивление (§ 179); сексуальные действия в отношении несовершеннолетних (§ 182).

Ко второй группе относятся составы, условно связанные с преступными деяниями против полового самоопределения: пособничество сексуальным действиям малолетних (§ 180); содействие занятию проституцией (§ 180a); сутенерство (§ 181 a); эксгибиционистские действия (§ 183); нарушение норм общественной морали (§ 183a); распространение порнографических изданий (§ 184); распространение порнографических материалов, содержащих насилие или описывающих сексуальные действия людей с животными (§ 184a); распространение, производство и хранение материалов, содержащих детскую порнографию (§ 184b); распространение порнографических материалов по радио, в средствах массовой информации или по телевидению (§ 184c); занятия запрещенной проституцией (§ 184d); занятие проституцией, наносящее угрозу нравственности молодежи (§ 184e). Многие из данных преступных деяний посягают на общественную нравственность и мораль.

Рассмотрим некоторые составы преступных деяний, посягающих на свободу полового самоопределения. В § 177 предусмотрена уголовная ответственность за сексуальное принуждение и изнасилование. Объединение двух самостоятельных уголовно-правовых норм в одну — нововведение действующего УК. Оно объясняется тем, что по доктрине германского уголовного права изнасилование является разновидностью особо тяжкого случая сексуального принуждения (абз. 2 § 177), его

квалифицированным видом. Состав сексуального принуждения имеет место, если лицо, совершая его, применяет насилие, создает реальную угрозу для жизни и здоровья потерпевшего или использует беззащитное положение жертвы. Изнасилование определяется как половой акт или подобные сексуальные действия, преимущественно связанные с проникновением в тело, которые особо унижают потерпевшего.

Для состава изнасилования в старой редакции специфичным являлось принуждение женщины с использованием при этом насилия или создания реальной угрозы для ее жизни или здоровья к вступлению во внебрачную половую связь с субъектом преступления или с третьим лицом. В новой редакции указание на внебрачную половую связь отсутствует, поэтому данная норма может применяться для квалификации действий, связанных с сексуальным принуждением, если они совершены в браке. Потерпевшим может быть как мужчина, так и женщина. Наказанием является лишение свободы на срок не менее одного года.

Типичным для УК являются составы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение сексуального насилия в отношении определенного круга лиц: детей, опекаемых, лиц, неспособных оказать сопротивление, лиц, доверенных виновному для консультации, лечения (врачебного наблюдения) или обслуживания и др.

Так, § 174 предусматривает уголовную ответственность за совершение сексуальных действий в отношении опекаемых. Цель данной правовой нормы — защита нормального полового развития потерпевших, которыми могут быть согласно № 1 абз. 1 подростки моложе 16 лет независимо от пола, а по № 2 абз. 1 —

подростки моложе 18 лет. Субъектом данного преступного деяния может быть лицо, которому подросток был вверен для воспитания, обучения или для социального попечения (№ 1 абз. 1), или лицо, которому подросток подчинен по службе или работе и в связи с этим находится в определенной зависимости от него. Наказанием по абз. 1 данной нормы является лишение свободы на срок до пяти лет или денежный штраф, по абз. 2 — лишение свободы на срок до трех лет или денежный штраф.

В § 174a приведен специальный перечень лиц, которые могут подвергаться сексуальному насилию: заключенные, находящиеся в местах лишения свободы, лица, подвергшиеся административной ответственности, больные и лица, нуждающиеся в помощи, находящиеся в медицинских учреждениях. Субъектами данных преступных посягательств являются служащие соответствующих учреждений, если потерпевшие находятся от них в административной зависимости. Наказанием является лишение свободы на срок до пяти лет или денежный штраф.

Субъектом преступного деяния, указанного в § 174b, является должностное лицо. Диспозиция данной нормы предусматривает «совершение любых сексуальных действий должностным лицом, назначенным для участия в уголовном процессе либо в производстве по назначению мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы, или в производстве по назначению мер, связанных с административным задержанием, в отношении лица, находящегося в процессуальной зависимости от данного должностного лица либо если оно допускает совершение таких действий зависимым лицом в

отношении себя». Наказанием является лишение свободы на срок до пяти лет или денежный штраф.

Потерпевшим от преступных посягательств — сексуальных действий, предусмотренных § 176, является ребенок, т.е. лицо, не достигшее 14-летнего возраста. Поданной норме наказываются любые сексуальные действия, если исполнитель преступного деяния совершает их в отношении ребенка сам или допускает совершение таких действий ребенком в отношении себя. Уголовная ответственность по данной норме наступает и для того, кто склоняет ребенка к сексуальным действиям с третьим лицом или допускает совершение этих действий третьим лицом в отношении ребенка.

Вторую группу преступных деяний в системе данного раздела составляют составы, связанные с половыми преступлениями. Большинство из них являются преступными деяниями против общественной морали и нравственности, хотя и посягают на иные правоохраняемые блага, т.е. являются двухобъектными (по используемой в российской уголовно-правовой доктрине терминологии).

В § 180 установлена уголовная ответственность за пособничество сексуальным действиям малолетних. По абз. 1 потерпевшими могут являться лица, не достигшие 16-летнего возраста, по абз. 2 — лица, не достигшие 18-летнего возраста. Охраняемым данной нормой правовым благом является нормальное половое развитие ребенка. Однако эта точка зрения может показаться спорной, так как по диспозиции данной нормы несовершеннолетний регулярно по своему желанию или со своего согласия может вступать в половую связь с третьим лицом при пособничестве субъекта преступления, которое может выражаться,

например, в создании им условий для совершения таких действий. Пособничество может также заключаться и в содействии субъекта данного преступного деяния установлению контакта несовершеннолетнего и третьего лица. Однако сам субъект преступления наряду с третьим лицом может участвовать в сексуальных контактах с несовершеннолетним. Предусмотренное наказание — лишение свободы на срок до трех лет или денежный штраф.

В § 180a установлена уголовная ответственность за содействие занятию проституцией. Охраняемым данной нормой правовым благом является личная и материальная свобода лица, занимающегося проституцией. Этим лицом может быть любой человек независимо от пола и возраста.

По абз. 1 данного параграфа уголовной ответственности подлежит лицо, которое в виде промысла содержит и руководит заведением, в котором лица занимаются проституцией, если:

1. указанные лица состоят в личной или материальной зависимости от данного лица;

2. данное лицо оказывает содействие занятию проституцией, предоставляя квартиру, место жительства или место пребывания, и несет связанные с этим дополнительные расходы.

По смыслу данной нормы понятие «заведение» включает функциональные и пространственные характеристики, т.е. в данном случае имеется в виду прежде всего специфическая предпринимательская деятельность, направленная на извлечение прибыли. Для квалификации действий виновного по данной норме необходимо, чтобы на подобном предприятии «трудились» по меньшей мере два человека и хотя бы один из них занимался проституцией, причем в четко

определенном территориально месте, здании, квартире и т.п.

По смыслу данной нормы субъект должен содержать заведение, т.е. быть его единоличным владельцем или владеть им наряду с другими собственниками либо руководить его деятельностью. В связи с этим подчиненные ему по должности лица на практике могут быть признаны соучастниками в данном преступном деянии. Предусмотренное наказание — лишение свободы на срок до трех лет или денежный штраф.

Три состава преступных деяний, включенных в данный раздел, на наш взгляд, посягают на нормы общественной морали и нравственности: эксгибиционистские действия (§ 183), нарушение норм общественной морали (§ 183а), которое с объективной стороны состоит в совершении сексуальных действий публично, и распространение порнографических изданий (§ 184).

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии // редакции от 13 ноября 1998 г

2. Аистова Л.С., Краев Д.Ю. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / Л.С Аистова., Д.Ю. Краев . М., 2013. С.25

3. Борзенкова Г.Н. Курс уголовного права. Особенная часть. Том 5. Учебник для вузов / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комисарова. М., 2016.- 118 с.

Сухачева К.А., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: преподаватель Валюлин Р.Р.

Sukhacheva K.A., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: lecturer Valulin R.R.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ В СЛУЧАЯХ СОВЕРШЕНИЯ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ON THE QUESTION OF RECOGNIZING A PERSON AS A VICTIGE IN CASES OF AN UNCOMPLETE CRIME

Аннотация.

На основе проведенного анализа норм уголовно-процессуального права, а в частности части 1 статьи 42 УПК РФ, а также правоприменительной практики лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу, в настоящей статье поднимается дискуссионный вопрос, касающийся наличия фактических оснований для признания потерпевшим по уголовному делу лица, которому неоконченным

преступлением не причинен тот или иной вид вреда, указанный в части 1 статьи 42 УПК РФ. Существующая проблематика в вопросах наделения лица процессуальным статусом потерпевшего по уголовному делу, возбужденному по факту совершения неоконченного преступления, в данной статье раскрывается через обращение к полярным мнениям различных ученных процессуалистов, а также к решениям Конституционного суда РФ.

Abstract.

Based on the analysis of the norms of criminal procedural law, and in particular part 1 of article 42 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the law enforcement practice of persons conducting a preliminary investigation in a criminal case, this article raises a debatable issue regarding the existence of factual grounds for recognition as a victim in a criminal case a person who, as a result of an unfinished crime, has not caused one or another type of harm, specified in part 1 of article 42 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The existing problems in the issues of granting a person the procedural status of a victim in a criminal case initiated on the fact of an unfinished crime are revealed in this article through an appeal to the polar opinions of various learned proceduralists, as well as to the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Ключевые слова: потерпевший, неоконченное преступление, процессуальный статус, физическое лицо, юридическое лицо, вред.

Keywords: victim, unfinished crime, procedural status, individual, entity, harm.

Из анализа закрепленной в ч.1 ст.42 УПК РФ [1] нормы, согласно которой потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации, следует, что для признания лица потерпевшим, необходимо фактическое причинение преступлением ему указанного в законе вида вреда. Однако, в правоприменительной практике, наделение лица процессуальным статусом потерпевшего осуществляется и в случаях, когда ввиду того, что преступление не окончено какой-либо вред не причинен. Подобный подход породил в теории уголовного процесса полемику, развертывающуюся на тему возможности признания лица потерпевшим, в отношении которого совершено неоконченное преступление, не причинившее ему тот или иной вид вреда.

Ряд авторов придерживаются мнения, что в рассматриваемом случае нет основания для признания лица потерпевшим. Например, В.М. Савицкий и И.И. Потеружа в своей работе отмечают нецелесообразность наделения подобного лица процессуальным статусом потерпевшего, а также обременительность производства следственных и иных процессуальных действий с его участием как для него самого, так и для органов, осуществляющих предварительное расследование, и суда [2, с. 9]. Также в правоприменительной практике встречаются подобные случаи. Так, например, в Конституционный суд РФ была подана жалоба от граждан Еременко Т.А. и Кривцова Е.В. на нарушение их конституционных прав, выразившиеся в отмене постановления о признании лица потерпевшим. Изначально указанное уголовное дело было

возбужденно по признакам преступления, предусмотренного пунктами «в», «г» части четвертой статьи 290 УК РФ [3], по которому Е.В. Кривцов был признан потерпевшим. Однако после переквалификации преступного деяния на часть 3 статьи 30 и часть 4 статьи 159 УК РФ, то есть совершение покушения на мошенничество в особо крупном размере, постановление о признании его потерпевшим было отменено ввиду того, что действиями С., который так и не реализовал свой преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества, не был причинен вред Кривцову Е.В. [4]. На наш взгляд, данная позиция является не совсем верной, потому что отказ от признания лица потерпевшим по уголовному делу лишает его процессуальных правомочий, направленных на реализацию его законных интересов и прав.

Другие ученые, например такие как Д.В. Шаров, В.А. Дубривный, считают, что необходимо наделить лицо, в отношении которого было осуществлено неоконченное преступление, не причинившее ему вреда, правом самостоятельно решать будет ли оно выступать потерпевшим по уголовному делу, на основе чего лицу, осуществляющему предварительное расследование, и следует принимать соответствующее решение о признании подобного лица потерпевшим. Данный подход возможно сравнить с механизмом возбуждения дел частного обвинения, который реализуется на основе выражения частным обвинителем своего волеизъявления, заключающегося в желании осуществления уголовного преследования в отношении лица, совершившего преступление.

Однако в рассматриваемом случае разрешение вопроса о необходимости признания потерпевшим лица, зависит сугубо от субъективного отношения данного

лица к совершаемому в отношении него преступного деяния, что, по нашему мнению, является не совсем правильным, потому что такое важное процессуальное действие, как наделение лица процессуальным статусом, ставится в зависимость от уровня правосознания и психического развития лица, в отношении которого было осуществлено приготовление или покушение на преступление.

Стоит отметить, что правоприменительная практика идет по наиболее целесообразному пути положительного разрешения вопроса о наделении лица процессуальным статусом потерпевшего во всех случаях, когда в отношении лица совершается неоконченное преступление вне зависимости от фактически причиненного ему вреда подобным преступным деянием, потому что при подготовке или покушении на преступление создается реальная угроза причинения того или иного вида вреда лицу, что следует рассматривать как основание для признания лица потерпевшим. Ведь потерпевший может быть заинтересован не только в возмещении вреда, причиненного преступлением, но и в изобличении и наказании виновного. Подобного мнения придерживаются многие процессуалисты, например такие как В.И. Рохлин, В.Г. Казанцев и другие, а также об этом указывается и в определении Конституционного суда РФ от 21.05.2015 № 1178-О, где отмечается, что потерпевший имеет в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы, которые не сводятся только к возмещению причиненного вреда, но связаны также с решением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания [5].

Таким образом, разрешая вопрос о наделении лица процессуальным статусом потерпевшего при совершении в отношении него неоконченного преступления, не причинившего ему того или иного вида вреда, необходимо признавать лицо потерпевшим вне зависимости от фактически причиненного ему вреда. Однако формулировка ч.1 ст.42 УПК РФ указывает на наличие коллизии в законодательстве, которая требует регулирования. Ввиду этого, целесообразно изменить ч.1 ст.42 УПК РФ, указав в качестве фактического основания признания лица потерпевшим не только причинение преступлением того или иного вида вреда, но и случаи, когда при совершении неоконченного преступления какой-либо вред не причиняется.

Список цитируемой литературы:

1.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс]. - Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс»

2. Савицкий В.М., Потеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе / В.М. Савицкий, И.И. Потеружа – М.: Госюриздат, 1963. - 171 с.

3. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс]. - Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс»

4. Определение Конституционного Суда РФ от 11.10.2016 № 2164-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Еременко Тамары Александровны и Кривцова Евгения Валерьевича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации

и статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

5. Определение Конституционного Суда РФ от 21.05.2015 № 1178-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мещерякова Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

Ткач А.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО Липецкий государственный технический университет, Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Ю.И. Дук.

Tkach A.A., Master's student
Russia, Lipetsk State Technical University, Lipetsk Branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor Y.I. Duk.

ВЫМОГАТЕЛЬСТВО КАК ПРЕСТУПНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

EXCESSION AS A CRIMINAL MANIFESTATION OF MODERNITY

Аннотация.

Статья посвящена вопросам противодействия вымогательству как уголовно наказуемому деянию, совершаемому в Российской Федерации. Авторы анализируют уровень и динамику регистрируемой преступности в Российской Федерации с начала периода «перестройки» до сегодняшних дней. Анализу подвергаются причины и условия, способствующие совершению вымогательств, а также дается краткая характеристика субъектам данного преступного деяния. На основе анализа, авторами определяется направления активного противодействия преступному поведению, характеризующемуся как вымогательство.

Abstract.

The article is devoted to the issues of countering extortion as a criminally punishable act committed in the Russian Federation. The authors analyze the level and dynamics of registered crime in the Russian Federation from the beginning of the "perestroika" period to the present day. The causes and conditions that contribute to the commission of extortion are analyzed, and a brief description of the subjects of this criminal act is given. Based on the analysis, the authors determine the direction of active counteraction to criminal behavior, characterized as extortion.

Ключевые слова: преступность, вымогательство, рэкет, противодействие, причины, условия, организованная группа.

Keywords: crime, extortion, racketeering, opposition, causes, conditions, organized group.

Проблемы выявления, квалификации, расследования и противодействия вымогательству как преступному деянию не утратили своей актуальности в современной России. В начале девяностых годов прошлого столетия данный вид корыстной преступности приобрел значительные размеры. Этим видом преступной деятельности промышляли и криминальный элементы со стажем и вновь влившиеся в криминальные ряды молодые соотечественники и граждане бывших союзных республик. Многообразие способов завладения чужим имуществом посредством вымогательства его распространённость, дерзость, безнаказанность привели к организованным формам совершения преступлений и даже к формированию организованных преступных группировок, специализировавших на вымогательстве.

В «лихие девяностые» появился даже такой термин - рэекет (англ. racket от итал. ricatto — шантаж) – вымогательство, обычно принимающее формы организованной преступности с применением угроз, жестокого насилия, взятия заложников [2]. Рэкетиры создавали группировки, которые вырабатывали и успешно применяли криминальные способы завладения чужого имущества посредством вымогательства, чему способствовала сложившаяся обстановка в стране. Так, переход от социалистических к капиталистическим правоотношениям, осуществлялся без предварительной правовой подготовки. Законодательные акты принимались порой после возникновения проблемы, а требовались коренные изменения практически всей законодательной базы регулирующей жизнь нашей страны, в социальной, политической, экономической, культурной и иных сферах, с целью формирования необходимой, работоспособной правовой базы, опережающей негативное влияние криминалитета пользовавшегося отсутствием механизмов управления обществом в новых условиях. Уголовное законодательство не стало исключением, а новый Уголовный кодекс Российской Федерации был принят только в 1996 году, т.е. по истечении десяти лет с начала «перестройки», которая наметила глобальные изменения в жизни нашей страны.

Криминалитет, пользуясь отсутствием стройной системы противодействия преступности, используя огромный объем неучтенной денежной массы и иных материальных ценностей полученных, в том числе преступным путем, стал активно применять

самые разнообразные способы вымогательства в отношении граждан с целью завладения их имуществом. Источник доходов иногда и сам был криминального происхождения, заработанный, например, с использованием разнообразных мошеннических схем или путем злоупотребления служебным или иным положением. Данное криминальное или полу криминальное происхождение доходов чаще всего исключало обращение потерпевшего в правоохранительные органы по факту вымогательства под страхом легализации источников доходов, ставших объектом вымогательства. Не редкими были случаи вымогательства за «крышевание» бизнеса с предварительной угрозой в отношении бизнесмена, который соглашался на договор с преступниками, отдавая им часть своей прибыли с целью уберечь свой бизнес от различного рода конкурентов и других вымогателей. Доходило до вымогательства денежных средств и иных материальных ценностей за торговлю на рынках, за проезд по дороге и даже за отдых во время стоянки на обочине автодорог с водителей-дальнобойщиков и людей, занимавшихся бизнесом, перевозивших различные товары на личном автотранспорте. Преступный доход позволял рэкетирам совершенствовать свою техническую вооруженность, расширял возможности подкупа или установления криминальных связей в различных структурах государственной власти, в том числе и среди сотрудников правоохранительных органов.

Анализ статистических данных МВД РФ динамики преступности, систематизированных в таблице, указывает, что ее уровень достаточно высок. Зарегистрированная преступность по своей численности

в 2021 году примерно равна уровню начала «лихих девяностых». Аналогичен и уровень преступлений против собственности. Данный факт говорит об отсутствии эффективных механизмов, препятствующих криминализации населения. Велика доля вымогательства, составляющая 0,4–0,6% от общего количества регистрируемых преступлений в год.

Таблица 1. Динамика зарегистрированной преступности в Российской Федерации

	1987	1991	2003	2007	2016	2021
Всего зарегистрировано	1185914	2167964	2756398	3582541	2160063	2004404
Преступлений против собственности	514595	1462513	1302810	2203665	1232421	11955838
Вымогательство			10715	11540	4561	6556
Совершенных группой лиц	110921	213951	312999	270222	141478	104828

При этом отечественные ученые в области криминологии и криминалистики утверждают, что в силу высокой латентности реальное количество совершаемых вымогательств превышает регистрируемые в десятки раз. Это связано в первую очередь с большой общественной опасностью данного вида преступления, выражающейся в прямой угрозе жизни и здоровью потерпевшего или с большими

материальными потерями несоизмеримыми с вымогаемой суммой в случае отказа вымогателям. Вымогательство как преступное деяние проявляется в самых различных формах и совершается самыми различными способами. Такое разнообразие является негативным фактором, влияющим на противодействие данному виду преступного посягательства. Государство уделяет недостаточное внимание противодействию вымогательства, хотя общественная опасность его, на наш взгляд, гораздо выше, чем грабеж или даже разбой. При вымогательстве потерпевший встает перед предполагаемой, озвученной преступником угрозой и как далеко эта угроза может зайти при невыполнении требования потерпевшему неизвестно. Это связано с тем, что у вымогателей имеются преимущества в достижении преступных целей, наличие современных технических средств, вооружение, преступники используют конспирацию, применяют объединение усилий для психического и физического воздействия на потерпевших.

Изучение уголовных дел и публикаций в средствах массовой информации, о фактах вымогательства указывает, что преступления совершаются во всех сферах жизни нашего общества. Наибольшее распространение данный вид криминальной деятельности проявляется в сферах связанных с производством различных промышленных товаров, финансово-кредитной сфере, в торговле, в сфере компьютерной информации, в сфере управления собственностью, образовании, туризме и т.д. Таким образом, в настоящее время трудно найти область жизнедеятельности человека, в которую не проникло вымогательство. Практически все непрозрачные общественные отношения подвергаются

криминальному вторжению, и вымогательство один из таких способов.

Сферы проявления вымогательства тесно связаны со сферами организованной преступности, и вымогательство является одним из характерных направлений деятельности организованной преступности.

Кризисные явления социально-экономического характера, наблюдаемые в нашей стране, являются катализатором преступности и особенно организованной, которая использует вымогательство как наиболее доходный вид преступной деятельности способный приносить не только единовременную приступную прибыль как грабеж или разбой, а прибыль длительного периода, рэкет или «крышевание» тому яркое доказательство.

Преступность как негативное проявление в жизни нашего общества опасно не только своим существованием, но и последствиями, вызывающими социальное напряжение в обществе, формирующее неуверенность населения, страх и недоверие к государственным органам, осуществляющих управленческие функции. Вымогательство как открытый преступный вызов населению, государству является одним из наиболее опасных преступных деяний особенно в части нравственно-психологических последствий.

История человечества не раз отмечало опасность вымогательства как явления и пыталось противостоять ему.

Однако, в различные исторические периоды распространенность, а, следовательно, и уголовная наказуемость вымогательства были разными, как неодинаков был к нему и научный интерес [5, с.

14.]. Надо заметить, что подходы к исследованию вымогательства изменялись соответственно тому, как изменялось содержание науки уголовного права. Содержание данной науки, изучавшей в продолжение долгих веков преступления, в том числе и вымогательство, только и с юридической точки зрения было расширено исследованием преступления в социологической плоскости и изучением самого преступника. В частности, в научных трудах многих ученых вымогательство стало изучаться и как социальное явление. Стали появляться соответствующие криминологические исследования, связанные с раскрытием причин вымогательств и выяснением психологии личности преступника [7, с. 41].

Личность преступника-вымогателя обладает определенной спецификой. Мы ранее отмечали, что вымогательство проявляется в самых различных формах и приникло практически во все сферы жизни нашего общества. Необходимо указать тот факт, что всего лишь 15% от общего количества вымогательств совершаются преступниками-одиночками, а 85% из них совершаются в группе. При этом уровень организованности и внутренней сплоченности таких групп является достаточно высоким [1, с.5.] Соответственно совершение такого рода преступлений требует от преступников проведение большой подготовительной работы. Вымогателям необходимо обладать подробной информацией об объекте преступного посягательства, его особенностях, наличии у собственника связей в государственных организациях, связях с правоохранительными органами, криминальных связях, то есть информации, способствующей и препятствующей преступному замыслу. Это

накладывает определенную специфику на формирование и организацию преступного сообщества, на его лидера, который должен обладать определенными криминальными способностями. Криминальный авторитет лидера непосредственно влияет на устойчивость преступной группировки и ее общественную опасность. В организованных преступных группах, специализирующихся на вымогательстве чрезвычайно велика роль лидера. Лидер планирует преступную деятельность, распределяет роли и обязанности внутри преступной группы, имеет своих «информаторов», которые поставляют таким группам информацию о лицах, имеющих собственность или материальные ресурсы, которые можно обратить в свою собственность. Группировки вымогателей достаточно устойчивы, такие лица объединяются для совершения, как минимум, 2-3 вымогательств, а в случае успешного продолжения своей преступной деятельности количество эпизодов может превысить 15-20 [6, с. 122]. Нейтрализация лидера организованной группы вымогателей приводит к ее распаду.

Подводя итог, следует отметить, что решение вопросов повышения уровня жизни населения нашей страны, динамичного развитии нашего общества, невозможно без снижения уровня преступности, которое возможно лишь при детальном научном анализе ее причин и условий. Только на этой основе возможна разработка мероприятий социального, экономического и уголовно-правового характера способных свести к минимуму криминализацию нашего населения. Наличие вымогательств как способов завладения

чужим имуществом в нашей криминальной статистике является одним из показателей наличия кризисных явлений в нашем обществе, которые невозможно преодолеть только уголовно-правовыми нормами.

Список цитируемой литературы:

1. Грудинин, Н.С. Современное состояние и статистика вымогательств в Российской Федерации / Н.С. Грудинин // Научный вестник Крыма - 2018. - № 2 (13) [Электронный ресурс] URL: //https://cyberleninka.ru/ (дата обращения 18.09.2022 г.).
2. Значение слова [Электронный ресурс] URL: https://kartaslov.ru/
3. Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс] URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics (дата обращения 18.09.2022 г.).
4. Преступность и правонарушения. 1991: статистический сборник. – Москва: Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации., 1992. – 176 с.
5. Скорилкина, Н.А. Групповые формы вымогательства: автореф. дисс.… канд. юрид. наук: 12.00.08 / Скорилкина Надежда Анатольевна - Москва, 1995. – 28 с.
6. Ступина, С.А. Вымогательство: криминологическая характеристика и уголовно-правовые средства противодействия. Монография. / С.А. Ступина. - Красноярск: Сибирский юридический институт ФСКН России, 2015. - 188 с.
7. Шишов, О.Ф. Уголовное право и криминология. Исторический аспект исследования / О.Ф. Шишов. - Москва: Юридическая литература, 1990. – 384 с.

Толубаева М.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Левашова О.В.

Tolubaeva M.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Levasova O.V.

СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНАЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

SPECIAL CRIMINOLOGICAL MEASURES FOR THE PREVENTION OF JUVENILE CRIMES

Аннотация.

В статье рассматриваются меры специально-криминологической профилактики преступности несовершеннолетних. В результате проведенного анализа сформулированы предложения по реализации специально-криминологического предупреждения преступности несовершеннолетних, которые позволяют правильно определить направления деятельности государственных органов, правоохранительных структур и иных субъектов в профилактике указанных преступлений.

Abstract.

The article discusses measures of special criminological prevention of juvenile delinquency. As a result of the analysis, proposals have been formulated for the implementation of special criminological prevention of juvenile delinquency, which allow us to correctly determine the activities of state bodies, law enforcement agencies and other entities in the prevention of these crimes.

Ключевые слова: общественная опасность, несовершеннолетние, преступность, предупреждение, предупредительные меры.

Keywords: public danger, minors, crime, prevention, preventive measures.

Деятельность по профилактике преступности несовершеннолетних и молодежи требует правового урегулирования.

Среди правовых средств борьбы с преступностью несовершеннолетних особое место занимает уголовное законодательство, в частности, в Уголовном кодексе РФ 1996 г. выделен самостоятельный раздел V, посвященный особенностям уголовной ответственности несовершеннолетних.

В главе 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указанного раздела дается понятие уголовной ответственности несовершеннолетних, виды наказаний, назначаемых данной категории лиц, определяются порядок назначения наказания, условия, при наличии которых несовершеннолетние освобождаются от уголовной ответственности и наказания, дается

перечень принудительных мер воспитательного воздействия и определяется их содержание[1, с. 25].

Несовершеннолетие учитывается законодателем и при определении видов наказаний, перечень которых дается в ст. 88 УК.

«1. Видами наказаний, назначаемых несовершеннолетним, являются:

а) штраф;

б) лишение права заниматься определенной деятельностью;

в) обязательные работы;

г) исправительные работы;

д) ограничение свободы;

е) лишение свободы на определенный срок.

2. Штраф назначается как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. Штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Штраф назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев.

3. Обязательные работы назначаются на срок от сорока до ста шестидесяти часов, заключаются в выполнении работ, посильных для несовершеннолетнего, и исполняются им в свободное от учебы или основной работы время. Продолжительность исполнения данного вида наказания лицами в возрасте до пятнадцати лет не может превышать двух часов в

день, а лицами в возрасте от пятнадцати до шестнадцати лет – трех часов в день.

4. Исправительные работы назначаются несовершеннолетним осужденным на срок до одного года.

5. Ограничение свободы назначается несовершеннолетним осужденным в виде основного наказания на срок от двух месяцев до двух лет.

6. Наказание в виде лишения свободы назначается несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления в возрасте до шестнадцати лет, на срок не свыше шести лет. Этой же категории несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления, а также остальным несовершеннолетним осужденным наказание назначается на срок не свыше десяти лет и отбывается в воспитательных колониях. Наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые.

7. Суд может дать указание органу, исполняющему наказание, об учете при обращении с несовершеннолетним осужденным определенных особенностей его личности»[4, с. 57].

Значительную роль в профилактике правонарушений играет то, что «несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Несовершеннолетнему могут быть назначены следующие принудительные меры воспитательного воздействия:

а) предупреждение;

б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;

в) возложение обязанности загладить причиненный вред;

г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Содержание указанных мер воспитательного воздействия проявляется в следующем:

«1. Предупреждение состоит в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных настоящим Кодексом.

2. Передача под надзор состоит в возложении на родителей или лиц, их заменяющих, либо на специализированный государственный орган обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю над его поведением.

3. Обязанность загладить причиненный вред возлагается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков.

4. Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего могут предусматривать запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного

государственного органа. Несовершеннолетнему может быть предъявлено также требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа».

Кроме вышеуказанных нормативных правовых актов представляет определенный интерес глава 17 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, в которой также рассмотрены особенности исполнения наказания в отношении несовершеннолетних преступников. Так, например, в ст.142 УИК дается понятие одного из таких специфических субъектов профилактики преступлений несовершеннолетних, как родительские комитеты: «в целях повышения эффективности воспитательного воздействия на осужденных и оказания помощи администрации воспитательных колоний при отрядах колоний могут создаваться родительские комитеты из родителей, лиц, их заменяющих, и других близких родственников осужденных»[3, с. 23].

При осуществлении профилактики и исправления осужденных несовершеннолетних соответствующую роль играют положения ст. 141 УИК:

«1. В целях исправления осужденных к лишению свободы и подготовки их к самостоятельной жизни организуется единый учебно-воспитательный процесс, направленный на формирование у осужденных законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, профессиональное обучение и получение среднего профессионального образования, повышение образовательного и культурного уровня.

2. Общее образование, среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих и профессиональное обучение осужденных

осуществляются в общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях и учебно-производственной (трудовой) мастерской воспитательной колонии.

3. Несовершеннолетним осужденным разрешается обучаться по заочной форме в образовательных организациях высшего образования и профессиональных образовательных организациях».

Одно из главных мест в деятельности Федеральной службы исполнения наказания РФ занимает работа по формированию профессионального мастерства сотрудников исправительных учреждений с целью исправления несовершеннолетних преступников осужденных, что вполне закономерно.

Исправительно-воспитательное воздействие на осужденных в воспитательных колониях (ВК) имеет значительную специфику. Прежде всего, следует указать на то, что единая для всех видов исправительных учреждений (ИУ) задача по достижению исправления осужденных в ВК наиболее отчетливо выдвигается на первый план. Важность и первостепенность воспитательных задач, стоящих перед исправительными учреждениями для несовершеннолетних, подчеркивается самим фактом названия этих колоний – воспитательные.

В процессе осуществления организации исправительного воздействия на несовершеннолетних осужденных следует учитывать их приверженность к соблюдению неформальных правил, следованию нормам асоциальной субкультуры, в основе которой лежат ценности, традиции, обычаи преступной среды[2, с. 16]. В силу возрастных особенностей стремление к самоутверждению у несовершеннолетних осужденных сопровождается противозаконными действиями.

Воспитательная работа с несовершеннолетними, содержащимися в следственных изоляторах, – это большая и комплексная проблема. Более того, это особый воспитательный, психолого-педагогический процесс, поскольку он по своему содержанию обращен к несовершеннолетним лицам, заключенным под стражу. Именно там указанные лица, в основном, приобретают социально-негативный опыт (на этапе предварительного следствия), когда взрослые их обучают «законам» тюремной жизни.

В настоящее время сотрудниками психологической службой ФСИН России разработана примерная схема, которая позволяет: решать задачи социально-психологической поддержки несовершеннолетних осужденных; диагностировать на ранних стадиях антисоциальные наклонности подростков и осуществлять их профилактику; выявлять психические аномалии и пограничные состояния у несовершеннолетних по мере прибытия их в воспитательную колонию, с учетом состояния их психики, индивидуальных особенностей при организации с ними воспитательной работы.

Проблемы, связанные с привлечением подростков к уголовной ответственности, и, как следствие – применение к ним мер уголовно- процессуального пресечения, стоят весьма остро, но ювенальная юстиция (специальная система правосудия для несовершеннолетних) в должной мере в нашей стране не развита до сих пор. Целенаправленное применение уголовно-правовых мер к несовершеннолетним, в том числе и мер пресечения, может реально способствовать предупреждению совершения ими правонарушений, обеспечивая их исправление.

Наказание по российскому уголовному закону не является самоцелью, что имеет большое значение по делам о преступлениях, совершенных подростками. Так, например, содержание под стражей несовершеннолетних до суда является крайней мерой и на краткий период времени. На первом месте должно быть именно предупреждение.

Активную профилактическую работу с освобожденными из мест лишения свободы и постоянный контроль за их поведением необходимо проводить именно в самом начале пребывания указанных лиц на свободе. В этом плане, представляется необходимым, создание специальных реабилитационных центров, где будут работать освободившиеся из мест лишения свободы до тех пор, пока не найдут себе желаемую работу, так как на практике многим из освободившихся в приеме на работу отказывают, зачастую это обусловлено тем, что уровень их профессиональной подготовки и производительности труда не в полной мере соответствует современным требованиям.

Список цитируемой литературы

1. Боровиков, В. Б. Вина и уголовная ответственность несовершеннолетних // Российская юстиция. – 2018. – № 6. – С. 25.
2. Пищелко, А.В. Педагогические проблемы ресоциализации личности осужденного // Право и юридическая психология. – 2015. – №1. – С.16.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 8 января 1997 г. №1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. –1997. –№ 2. – Ст. 198.

4. Уголовный Кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. – №25. – Ст. 2954.

Третьякова Д.В., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Кузнецов В.А.

Tretiyakova D.V., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Kuznetsov V.A.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЯ ЗАКОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТА

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF OBSTRUCTION OF LEGITIMATE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A JOURNALIST

Аннотация.

Статья посвящена вопросам уголовно-правового противодействия воспрепятствованию законной профессиональной деятельности журналистов по Уголовному кодексу Российской Федерации. В работе рассматриваются нормы, посвященные уголовно правовой охране профессиональной деятельности журналистов. Характеризуется содержание способа

данного преступления как принуждения, обобщаются его основные формы.

Abstract.

The article is devoted to the issues of criminal legal counteraction to the obstruction of the legitimate professional activity of journalists under the Criminal Code of the Russian Federation. The work examines the norms devoted to the criminal legal protection of the professional activities of journalists. The content of the method of this crime as coercion is characterized, its main forms are generalized.

Ключевые слова: Российская Федерация, Уголовный Кодекс Российской Федерации, конституционные права, воспрепятствование деятельности, журналист, уголовная ответственность.

Keywords: Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, constitutional rights, obstruction of activity, journalist, criminal liability.

В электронных СМИ также раскрываются многочисленные факты воспрепятствования деятельности журналистов специальными субъектами – должностными лицами, представителями власти, руководителями организаций, обслуживающим персоналом. Специалисты отмечают, что статья, охраняющая законную деятельность журналистов, достаточно редкая и трудно доказываемая. Существует несколько проблем при квалификации рассматриваемого преступного деяния.

Автор-юрист Борис Пантелеев, представляющий Центр экстремальной журналистики, в статье «Журналист, помоги себе сам!», анализируя комментарии нескольких редакций, приходит к выводу,

что перечень форм воспрепятствования не является полным. В комментариях, исследуемой статьи, нет четкого пояснения объема воздействия на журналиста, который может быть определен как минимальный или максимальный[4]. Это, по мнению автора, повышает уровень защиты работников прессы, но одновременно процесс применения нормы становится менее очевидным.

Другим языком уголовный запрет включает ряд оценочных признаков, создающий сложности в определении понятия основного состава.

Исходя из диспозиции статьи 144 УК РФ, можно подытожить, что ответственность по уголовному законодательству за воспрепятствование журналистской деятельности в процессе сбора материалов не наступает, закон охраняет лишь процесс распространения собранного материала. Потому как в диспозиции указаны два способа совершения преступного деяния - принуждение к отказу от распространения и принуждение к распространению информации. В связи с этим возникают проблемы при определении квалификации общественно опасного деяния.

Малоизученным с точки зрения уголовно-правовой характеристики остается вопрос содержания информации, например, как расценивать факт содержания в информации ложных сведений. В том случае, когда мы ведем речь о воспрепятствовании деятельности журналистов способом принуждения к отказу от распространения информации, обязательным условием является – правдивая информация. Законной и профессиональной деятельность журналистов являться не может, если в ней содержатся сведения не соответствующие действительности. Тогда встает вопрос, является ли преступным деяние обвиняемого,

препятствующего распространению ложной информации.

На квалификацию рассматриваемого деяния влияет и профессиональная деятельность потерпевшего, являющаяся дополнительным признаком состава преступления. Этот признак является обязательным для доказывания в рамках статьи 144 УК РФ.

В главном Федеральном законе «О средствах массовой информации», регламентирующим работу СМИ, приводится понятие «журналист». В законодательном акте дается перечень признаков и условий, присущих именно журналисту.

Под журналистом понимается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию. В тоже время автор поясняет, что принципиального значения не имеет, как именуется должность лица, занимающегося редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений. Это может быть «корреспондент», «специальный корреспондент», «комментатор», «обозреватель» или «репортер». Для квалификации значение имеет лишь содержание его обязанностей.

Другим сложным моментом при квалификации преступления по статье 144 УК РФ следует назвать отсылочный способ изложения данной нормы.

Так, при рассмотрении дел необходимо учитывать сразу несколько нормативных документов: Конституцию Российской Федерации, Федеральные законы «О средствах массовой информации», «Об информации, информатизации и защите информации»,

«О рекламе», гражданский и уголовный кодексы, иные источники международного, федерального и регионального уровня. По подсчетам юристов, на территории России действуют более 30 законов, указов, постановлений прямо или косвенно регулирующих деятельность журналистов или СМИ. Этот факт значительно усложняет применение статьи, в связи с тем, что приходится постоянно ссылаться на законы и подзаконные акты.

Наиболее часто вмешательство в законную профессиональную деятельность журналиста выражается посредством:

1) отказа журналистам в доступе к информации (в том числе путем наличия запрета производить аудио- и видеозапись, фотосъемку; отказ в аккредитации; ограничение права на посещение и присутствие на мероприятиях в органах государственной власти, на предприятиях, в учреждениях);

2) угрозы в адрес журналистов и средств массовой информации;

3) отказ от печатания (распространения) СМИ;

4) отключения от эфира, прекращение вещания средств массовой информации;

5) прекращение выхода СМИ;

6) изъятие (скупка, арест) тиража;

7) препятствование деятельности интернет-изданий.

По мнению Л.Г. Мачковского, воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов с объективной стороны может выражаться и в форме бездействия, то есть пассивном поведении виновного. Формами данного бездействия, по его мнению, могут выступать отказ в предоставлении запрашиваемой информации,

уклонение от ответов на поставленные в запросе редакции вопросы и прочее[3, с. 468]. Указанное утверждение представляется нам ошибочным.

Бездействие не может выступать в качестве формы деяния в статье 144 УК, так как воспрепятствование предполагает активную роль, заключающуюся в принуждении журналиста к определенной линии поведения. Соответственно, признание преступным бездействия противоречит основной идее криминализации общественно опасного деяния, предусмотренного статьей 144 УК.

Простое создание неудобств в деятельности журналиста является недостаточным для привлечения к уголовной ответственности. Гайнутдинов Д.Р., рассматривая вопрос об уголовной ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов, предлагает исключить указание на такой обязательный признак состава преступления как способ его совершения. Указанный автор обосновывает это тем, что законодатель в статье 144 УК РФ не разъясняет, что следует понимать под принуждением.

Анализ российского и зарубежного законодательства позволяет сделать вывод о признании существования двух форм принуждения — физического и психического воздействия. Описывая способы воспрепятствования, законодатель говорит лишь о принуждении к распространению либо к отказу от распространения информации. В то же время, например, незаконный отказ в предоставлении информации либо в присутствии на прессконференции или заседании органа государственной власти без законных оснований, под действие статьи 144 УК РФ не подпадают. Гайнутдинов Д.Р. полагает, что законодатель,

формулируя данную статью, исходил из того, что препятствование профессиональной деятельности журналистов, не сопряженное с физическим или психическим принуждением, представляет меньшую общественную опасность, что не позволяет данному автору согласиться с такой позицией[1, с. 203].

Указанное деяние, каким бы способом оно не совершалось, является посягательством на одно из важнейших конституционных прав граждан свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию. Названное право подлежит особой защите, поскольку является одновременно гарантией соблюдения всех прочих прав и свобод, а также способствует реализации человеческого существования путем формирования индивидуального самоопределения каждого через общение с другими людьми.

Признавая объектом воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов право на свободный поиск, получение, производство и распространение массовой информации, необходимо внести изменения в закон и изложить диспозицию статьи 144 УК РФ в таком виде: «воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов любым способом и в любой форме». Данное расширение сферы преступного путем нивелирования способа совершения преступления представляется нам абсолютно неоправданным, так как ведет к излишней криминализации общественных отношений.

Более верной представляется позиция о возможности дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за деяние, предусмотренное статьей 144 УК, путем дальнейшего выделения способов воспрепятствования законной профессиональной

деятельности журналистов, например, в виде принуждения, соединенного с угрозой жизни или здоровья журналиста и (или) его близких, а также с угрозой причинения вреда имуществу журналиста.

Преступление, предусмотренное статьей 144 УК, считается оконченным с момента воспрепятствования, так как состав данного преступления сформулирован в УК по типу формального.

Таким образом, преступление окончено с момента совершения самого деяния независимо от того, удалось ли добиться от журналиста распространения или отказа от распространения какой-либо информацию Голикова А.В. при описании последствий рассматриваемого преступления отмечает, что они носят достаточно абстрактный характер. Ближайшие последствия наступают в виде отказа от распространения собранной или подготовленной информации, так и в виде распространения ее. Отдаленные последствия преступной деятельности носят преимущественно моральный характер и вероятность их наступления просчитать сложно. Не всегда можно определить и круг потерпевших, в связи с чем описание преступления путем указания лишь на характер общественно опасного деяния с ее точки зрения представляется оправданным[2, с. 175].Таким образом, только на основании правильной уголовно-правовой квалификации, в том числе с точки зрения анализа объективной стороны преступления, можно оценить действия виновного и избежать квалификационных ошибок

Резюмируя вышесказанное, отметим, что, несмотря на то, что в уголовной практике чаще стали встречаться судебные решения по статье 144 УК РФ, однако, нельзя дать однозначного ответа, какие

причины послужили этому. Можно предположить, что данный факт связан не только с ужесточением уголовно-правовой нормы и вводом квалифицирующих признаков, вниманием со стороны ученых-юристов к данной проблематике, но и не последнюю роль здесь играет прогрессирующее количество средств информации, закрытость должностных и официальных лиц от прессы и иные косвенные причины.

Список цитируемой литературы:

1. Курманов, А. С. Уголовно-правовая охрана свободы средств массовой информации. Пути совершенствования диспозиции ст.144 УК РФ // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 9(28). – С. 102-104
2. Курсаев, А. В. Вопросы квалификации воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (статья 144 УК РФ) по объективной стороне // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 5. – С. 172-177.
3. Мачковский, Л.Г. Уголовная ответственность за нарушение равноправия, личных, политических и социально-экономических прав. – М.: 2005. – 468 с.
4. Пантелеев, Б.Н. «Журналист, помоги себе сам!»: статья, [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/statii/komment_st144_UK_RF_0.htm

Трунова Е.Н., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Trunova E.N., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕУПЛАТЫ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ ИЛИ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

THE MAIN PROBLEMS OF QUALIFICATION OF NON-PAYMENT OF FUNDS FOR THE MAINTENANCE OF CHILDREN OR DISABLED PARENTS

Аннотация.

Автор анализирует существующие проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ. Особое внимание уделяется вопросам установления объективной стороны преступления, а также основных направлений по совершенствованию современного уголовного законодательства.

Abstract.

The author analyzes the existing problems of qualification of the crime under Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to the issues of establishing the subjective side of the crime, as well as the main directions for improving modern criminal legislation.

Ключевые слова: неуплата средств, родители, нетрудоспособность, несовершеннолетние дети, алименты, уголовная ответственность.

Keywords: non-payment of funds, parents, disability, minor children, alimony, criminal liability.

В соответствии с данными МВД России в 2022 году зарегистрировано на 1,6 % больше преступлений, квалифицируемых по ст. 157 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» [1], таким образом, за январь-октябрь уже зарегистрировано 50 019 указанных преступлений, из их удалось раскрыть 44 145 [8]. Повышение данного показателя свидетельствует об общественной опасности деяния и обуславливает актуальность темы исследования.

Несмотря на высокие показатели раскрываемости, тот факт, что ежегодно увеличивается число указанных преступлений, возникает необходимость анализа квалификации и раскрываемости неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. По нашему мнению, особое внимание необходимо уделить вопросам квалификации преступления. На современном этапе развития уголовного законодательства, а также теории уголовного права, проблемы квалификации неуплаты средств на содержание детей или

нетрудоспособных родителей рассматриваются множество ученых и практиков.

Так, одной из основных проблем квалификации стоит назвать определение объективной стороны преступления, которая в соответствии с нормой УК РФ, выражается в бездействии. Практика не редко сталкивается с тем фактом, что лицо, имеющее умысле на неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, осуществляет ряд активных действий, направленных на сокрытие имеющегося имущества. По нашему мнению, такое деяние следует характеризовать как более общественно-опасное, тем не менее, современный законодатель не выделяет отдельный состав преступления для такого деяния. На сегодняшний день, подобные действия зачастую квалифицируются, при наличии исчерпывающих доказательств, по совокупности со ст. 312 УК РФ «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации». Практики по привлечению лица к административной ответственности за неуплату и к уголовной ответственности за сокрытие имущества, в настоящий момент нет, т.к. в данном случае правонарушения имеют ярко выраженную дифференциацию.

Другой не менее сложной проблемой является установление наличия или отсутствия уважительной причины для неуплаты средств. Напомним, что недавно законодатель использовал в объективной стороне указанного преступления термин «злостное уклонение», который вызывал множество трудностей при квалификации преступления. После внесения соответствующих изменений в ст. 157 УК РФ, квалификация значительно упростилась, но остается

открытым вопрос, что следует считать уважительной причиной для неуплаты средств на содержание? Зачастую дознаватель и суд дают данному признаку собственную – субъективную оценку, с опорой на имеющиеся Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ [3]. Так, к таким причинам предлагают относить: болезнь, задержка или неправильное перечисление банком алиментов, несвоевременная выплата заработной платы, наличие обстоятельств непреодолимой силы. К общим причинам, которые могут рассматриваться судом как уважительные относят также сложное материальное или семейное положение.

Указание на существование материальных или семейных трудностей может трактоваться по-разному. Например, суд может расценивать наличие других детей, в особенности трех и более в новой семье должника, как уважительную причину, что является прямым нарушением интересов несовершеннолетнего ребенка из прежней семьи. В этой связи мы склонны согласиться с мнением М. А. Горбатовой и В. Е. Лесина, которые пишут: «В связи с этим приходится констатировать, что отсутствие уважительных причин для неуплаты алиментов – очередной оценочный признак, используемый законодателем при конструировании состава данного преступления» [4, с. 94].

Свое мнение высказывает и О.И. Матышева, которое предлагает следующее решение проблемы: «…представляется наиболее верным оставить перечень неуважительных причин открытым, так как в каждом конкретном случае необходимо обращать внимания на обстоятельства данного дела и потом устанавливать являются ли они уважительными или нет. Это связано с

тем, что все варианты обстоятельств предусмотреть невозможно» [7, с. 341]. Полагаем, подобный подход мог бы благотворно повлиять на практику привлечения к ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Соответствующий список можно предусмотреть указанными выше Методическими рекомендациями.

Другой признак неуплаты средств на содержание – неоднократность, которое определяет наличие административной преюдиции для ст. 157 УК РФ. Так, в ст. 5.35.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» указано, что административная ответственность наступает в случае установления нарушения решения суда или нотариально удостоверенного соглашения в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства. Данное правило идет в разрез с правилом о ежемесячной уплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

После привлечения к административной ответственности, повторное нарушение в течении года влечет за собой уголовную ответственность. И здесь, наличие временного промежутка равного году, законодатель дает легальное основание для невыплаты средств еще в течении двух или более месяцев, а нарушители уходят от уголовной ответственности. Об этом пишет и У.Р. Баймах: «Следовательно, можем определить, что на сегодняшний день на законодательном уровне ограничена возможность привлечения к уголовной ответственности за неуплату виновным лицом алиментов определенными временными рамками — периодом, когда должник

считается привлечённым к административному наказанию» [4, с. 687]. Полагаем, что сегодня можно рассмотреть возможность дифференциации ответственности не только в зависимости от повторности, но и от срока неуплаты два и более месяца.

При решении возникающих проблем в сфере привлечения к уголовной ответственности за неуплату средств на содержание, следует обратиться и к опыту зарубежных стран. Например, в соответствии с нормами права США, вопросы привлечения к ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей регулируются нормами уголовного и семейного права. Система расчета алиментов и задолженности по ним представляет в американской правовой системе множеством сложных математических формул и может отличаться в зависимости от штата. Законодатель также использует термин «злостное уклонение», максимальное наказание за которое предусматривает в среднем два года лишения свободы.

В Великобритании, как страны англосаксонской правовой семьи, система привлечения к уголовной ответственности за неуплату средств имеет сходство с американской, за исключением того факта, что нарушитель может быть заключен в тюрьму не более чем на полтора месяца. Полагаем, что законодатель идет по пути максимального взыскания средств на содержание, для чего предусмотрены и другие альтернативные виды наказания, направленные на заработок.

Опыт данных стран для России мало применим, тем не менее, следует присмотреться к практике оптимизации законодательства для взыскания средств

на содержание детей или нетрудоспособных родителей, а не наказания должника. В данном случае наибольшее значение имеет материальное обеспечение нуждающегося лица, чем установление социальной справедливости путем наказания, в т.ч. с реальным отбыванием наказания в местах лишения свободы.

В странах континентальной правовой семьи, к которой относится и Россия, вопросы привлечения к уголовной ответственности за неуплату средств решаются по-разному. Так, А.С. Грицкова пишет: «Французским законодательством предусмотрена уголовная ответственность и наказание в виде тюремного заключения, максимальный срок которого составляет 2 года, с назначением также штрафа в размере 100 тыс. франков за противоправное деяние, выраженное в неисполнении судебного приказа о выплате в пользу несовершеннолетнего средств на материальное содержание. При этом в законодательстве устанавливает минимальный срок такого неисполнения, а именно 2 месяца. Виновное лицо может быть также подвержено применению дополнительных видов наказаний, в том числе выраженных в лишении водительских прав, запрете на выезд заграницу и т.д.» [6, с. 96]. В Российской Федерации также существует ряд ограничений, вплоть да лишения родительских прав, при этом срок заключения не превышает года лишения свободы.

В Германии для привлечения к уголовной ответственности необходимо установить факт существенного нарушения права ребенка или нетрудоспособного родителя на поддержание достойного уровня жизни и содержания, их физическому и психическому развитию. При этом,

предусмотрено наиболее строгое наказание в виде тюремного заключения до трех лет.

Еще более строго к вопросам содержания детей и нетрудоспособных родителей подходят азиатские страны, например, в Китае за неуплату средств, неисполнение обязанностей по содержанию детей или нетрудоспособных родителей предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет.

Что касается мусульманских государств, то в число религиозных обязанностей каждого мусульманина входит содержание родителей, проявление уважения, терпимости и милосердия к ним. Такого рода положения содержатся и в правовых актах мусульманских государств. Данная правовая обязанность вытекает из положений религиозных предписаний. Некоторые религиозные государства предусматривают даже телесные наказания за нарушение «святой» обязанности по содержанию детей или родителей. Подобный подход не характерен для российского общества, но подчеркивает важность исполнения обязанности по содержанию детей или нетрудоспособных родителей в различных культурах.

Таким образом, существующие проблемы квалификации, возникающие в связи с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, связаны с имеющимися оценочными признаками в объективной стороне преступления, наличия административной преюдиции, а также реализации должниками различных способов по сокрытию имеющегося имущества. Для совершенствования практики привлечения к уголовной ответственности за неуплату средств, необходимо внести ряд изменений в уголовное законодательство, а

также рассмотреть опыт зарубежных стран, который помог бы обеспечить материальную безопасность детей и нетрудоспособных родителей, нуждающихся в регулярных выплатах.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 сентября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04 ноября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

3. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей)»: утв. ФССП России 25 мая 2017 г., 26 мая 2017 г. № 0004/5 // Бюллетень ФССП. – 2017. – № 7.

4. Баймах, У. Р. Об ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в свете изменений уголовного закона / У. Р. Баймах // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 21. – С. 684-688.

5. Горбатова, М. А. Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей: проблемы теории и практики / М. А. Горбатова, В. Е. Лесин // Право: история и современность. – 2020. – № 3(12). – С. 92-99.

6. Грицкова, А. С. Особенности уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в отдельных зарубежных странах / А. С. Грицкова // Юридический факт. – 2019. – № 46. – С. 94-98.

7. Матышева, О. И. Проблемы квалификации неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей / О. И. Матышева // Наука среди нас. – 2019. – № 5(21). – С. 335-342.

8. Состояние преступности в России за январь-октябрь 2022 года [Электронный ресурс]. – Официальный сайт МВД России. – URL: https://мвд.рф

Трунова Е.Н., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Trunova E.N., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕУПЛАТУ СРЕДСТВ НА СОДЕРАЖНИЕ РОДИТЕЛЕЙ

FEATURES OF BRINGING TO RESPONSIBILITY FOR NON-PAYMENT OF FUNDS FOR THE MAINTENANCE OF PARENTS

Аннотация.

Автор рассматривает существующие особенности привлечения к ответственности за неуплату совершеннолетних трудоспособных детей средств на содержание нетрудоспособных родителей, при отсутствии многочисленной практики, высокого уровня латентности данного преступления.

Abstract.

The author examines the existing features of bringing to responsibility for non-payment of adult able-bodied children for the maintenance of disabled parents, in the absence of numerous practices, a high level of latency of this crime.

Ключевые слова: неуплата средств, родители, нетрудоспособность, уголовная ответственность, обязанность, семейное право.

Keywords: non-payment of funds, parents, disability, criminal liability, duty, family law.

В статистической отчетности, предоставляемой МВД РФ и Генеральной прокуратуры нет конкретных указаний о совершении преступлений по ч. 1 и ч. 2 ст. 157 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [1]. Показатели судебной статистики свидетельствуют о том, что за 2021 год было возбуждено 26 уголовных дела по ч. 2 ст. 157 УК РФ, в то время как по ч. 1 ст. 157 УК РФ 46 947 дел [8]. Данные показатели, в большей степени связаны с высоким уровнем латентности преступлений, совершаемых совершеннолетними трудоспособными детьми.

В соответствии с действующим законодательством за указанное деяние предусмотрена административная ответственность, регламентированная ч. 2 ст. 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2]. Ответственность наступает при неуплате средств на содержание нетрудоспособных родителей в течение двух или более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства. Уголовная ответственность за указанное деяние наступает в случае повторного правонарушения в течении года после

вынесения постановления о привлечении к административной ответственности, что предусматривается ч. 2 ст. 157 УК РФ.

В современной теории и практике мало внимания уделяется вопросам ответственности совершеннолетних и трудоспособных родителей за неуплату средств на содержание родителей. По мнению большинства, такой недостаток сформировался на фоне незначительной практики по делам, квалифицируемым по ч. 2 ст. 157 УК РФ. Зачастую нетрудоспособные родители не обращаются в соответствующие правоохранительные органы, тем самым ряд преступлений обходит официальную статистику стороной.

При этом, необходимо помнить, что у детей существуют не только права, но и обязанности. Так, С.Д. Джалалов пишет: «Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей следуют из противоположной обязанности родителей по содержанию и обеспечению своих детей до совершеннолетия. По сути, эти взаимные обязанности должны осуществляться на добровольных началах, так как принцип добровольности относится в основным принципам создания и существования семьи» [5, с. 113]. Добавим, что в современных условиях частых изменений в экономике страны и мира, пожилые граждане больше других нуждаются в дополнительной помощи, даже при получении законных пенсий и пособий. Сумма ежемесячных выплат на содержание родителей не закреплена законодательно, а напрямую зависит как от финансовой обеспеченности родителей, так и от финансового и семейного состояния детей, а также наличия у них своих детей на иждивении и их количество.

При квалификации данного преступления прежде всего необходимо обратить внимание, что ответственность наступает при нескольких специфических условиях: 1) обязанность по выплате средств на содержание накладывается только на совершеннолетних и трудоспособных детей; 2) выплаты предусматриваются для нетрудоспособных родителей.

Дети, которые являются по различным причинам нетрудоспособными не смогут осуществлять выплаты на содержание родителей, т.к. сами нуждаются во всесторонней поддержке. При этом, не имеет значение родные это дети или приемные, если они были записаны в органах записи актов гражданского состояния как дети соответствующих лиц. Все дети нетрудоспособного родителя несут солидарную обязанность по содержанию родителей, что не исключает возможность привлечения к ответственность только тех лиц, которые не реализуют свою обязанность.

Проблемным является вопрос, выплаты средств на содержание родителей, которые не принимали участие в воспитании ребенка. Такая ситуация возникает, когда один из родителей не подает официально требование о выплате алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка, а второй родитель не принимает никакого участия в воспитании и содержании ребенка. В таком случае, совершеннолетний трудоспособный ребенок должен доказать отсутствие материального и иного участия в своей жизни такого родителя. Доказывание данного факта является крайне сложным процессом, в особенности до сегодняшних дней, когда отсутствовали какие-либо системы электронного перевода денежных средств. Полагаем, на сегодняшний день следует предусмотреть механизм доказывания подобных

жизненных обстоятельств, которые рассматриваются судом всегда индивидуально. Полагаем, что лица, которые не реализовывали свои обязанности по воспитанию и содержанию детей, не вправе

О причине, по которой дети могут быть освобождены от обязанности по выплате средств пишет Т.С. Гирина: «…трудоспособные совершеннолетние дети могут быть освобождены от обязанности по содержанию своих нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей, если судом будет установлено, что родители в свое время уклонялись от выполнения родительских обязанностей, в том числе были лишены родительских прав» [4, с. 96].

При этом, спорным остается и вопрос о содержании лиц, которые были лишены родительских прав и восстановлены в них. Будет ли такое содержание пропорционально содержанию, которое осуществлялось такими родителями? В современной отечественной практике не используются расчеты при определении сумм, затраченных на содержание детей, что, по нашему мнению, невозможно, т.к. это зависит не только от финансовых возможностей детей и родителей, но и экономической обстановки в мире и стране. При этом, в США некоторые штаты придерживаются мнения о возможности рассчитать потраченные средства на ребенка за все время его воспитания. В отечественной практике суды делают акцент на ухудшение материальных условий жизни нетрудоспособного родителя.

Так, в приговоре Чесменского районного суда Челябинской области от 18 февраля 2022 г. по делу № 1-150/2021 суд указал следующее: «Будучи привлеченной к административной ответственности Ф. пренебрегая нормами морали и общечеловеческими принципами,

сознавая противоправность своего деяния, предвидя наступление последствий в виде ухудшения материальных условий существования матери, достоверно зная о необходимости погашения долга, будучи трудоспособной и не имея хронических заболеваний, препятствующих занятию трудовой деятельностью, без уважительных причин, неоднократно уклонялась от уплаты алиментов по решению суда» [7]. Отметим, что решения по ч. 2 ст. 157 УК РФ как правило выдержаны в подобном стиле, могу касаться материального состояния как одного, так и двух родителей.

Также, родитель должен быть признан нетрудоспособным, т.е. иметь заболевание, которое ограничивает его возможность работать, или статус пенсионера. Практика также идет по пути установления достаточности получаемых пенсионерам средств ежемесячно, для поддержания нормального уровня жизни. По данному вопросу в теории сформировалось неоднозначное мнение, так, Г.Ю. Галинов пишет следующее: «…для назначении алиментов суду необходимо выяснить реальные условия жизни родителя и определить в состоянии ли он сам содержать себя в материальном плане на необходимый минимум» [3, с. 766]. В данном случае полагаем следует отметить, что после определенного возраста на материальную помощь от детей могут рассчитывать даже работающие пенсионеры, т.е. официально трудоспособные граждане. Это связано с необходимостью приобретения дорогостоящих лекарственных препаратов, лечения и пр. Для всесторонней поддержки нетрудоспособных родителей существует объективная необходимость установить обязанность по содержанию не только

нетрудоспособных родителей, но и лиц, достигших возраста, например, 80-ти лет.

Также, следует отметить необходимость профилактической работы, направленной не только на предупреждение невыплат на содержание детей, но и нетрудоспособных родителей. В отличии от современных молодых людей, которые обращаются за выплатами алиментов на содержание детей, старшее поколение зачастую не знают куда следует обращаться, но испытывают стеснение, стыд, иные негативные эмоции, которые мешают им обращаться за помощью. Для решения данного вопроса следует работать органам социальной защиты и пенсионного обеспечения с детьми нетрудоспособных родителей. Как справедливо отметила М.Р. Новрузова: «…семья сегодня, помимо вышеупомянутых факторов, еще одна из ступеней социализации не только для детей, но и для взрослых» [6, с. 116]. Именно этот факт сегодня практически не проецируется в обществе.

Необходимо обязать органы социальной защиты и пенсионного обеспечения, в случае наблюдения соответствующих проблем материальным обеспечением нетрудоспособных пожилых людей, обращаться к трудоспособным совершеннолетним детям, а в случае отказа, обращаться и в правоохранительные органы. Сегодня закон исключает вероятность привлечения к участию в деле всех совершеннолетних детей, если этого не потребует истец. за счет чего и формируется латентность указанного преступления, с чем необходимо бороться на всех уровнях: федеральном, региональном, местном.

Таким образом, современная практика привлечения к уголовной ответственности совершеннолетних трудоспособных детей к уголовной

ответственности за неуплату средств на содержание нетрудоспособных родителей является немногочисленной. Причинами тому является незнание родителей о возможности обращения в суд за предоставлением детьми соответствующих выплат на свое содержание, которые и формируют латентность данного преступления и сравнительно низкие показатели возбуждения уголовных дел по ч. 2 ст. 157 УК РФ. В современных условиях многие пожилые люди нуждаются в дополнительной материальной помощи, которую обязаны оказывать все трудоспособные и совершеннолетние дети. Важным условием является то, что родители не должны быть лишены родительских прав. В случае если прежде такой родитель или родители не участвовать в материальном обеспечении ребенка и его воспитании, у ребенка должно быть право доказать отсутствие у него взаимной обязанности по содержанию родителей. Отдельно отметим, что в теории уголовного права данным вопросам уделяется недостаточно много внимания, что и формирует ряд проблем квалификации и толкования правовых норм, регламентирующих обязанность детей обеспечивать нормальный уровень жизни родителей.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 сентября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04

ноября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

3. Галинов, Г. Ю. Алименты совершеннолетних детей на родителей / Г. Ю. Галинов, Е. А. Иванова // E-Scio. – 2019. – № 9(36). – С. 762-767.

4. Гирина, Т. С. Обязанности детей по отношению к своим родителям по законодательству Российской Федерации / Т. С. Гирина // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 1(46). – С. 95-96.

5. Джалалов, С. Д. Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей / С. Д. Джалалов // Эпомен. – 2018. – № 22. – С. 112-115.

6. Новрузова, М. Р. Теоретические аспекты уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей / М. Р. Новрузова // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 4. – С. 116-119.

7. Приговор Чесменского районного суда Челябинской области от 18 февраля 2022 г. по делу № 1-150/2021 [Электронный ресурс]. – Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru

8. Статистика по ст. 157 УК РФ [Электронный ресурс]. – Агентство правовой информации. – URL: http://legalpress.ru

Труфанова А.В., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: д.и.н., профессор
Соловьева В.В.

Trufanova A.V., master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: PhD in History,
Solovieva V.V.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА

HISTORICAL ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR CAUSE OF HARM TO HUMAN HEALTH

Аннотация.

Анализируя историю института развития уголовной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью человека, можно отметить, что рассматриваемые преступления прошли в своем развитии долгий путь, начиная от расплывчатых конструкций и заканчивая стабильными обобщенными описаниями составов преступлений в современном уголовном законодательстве нашего государства.

Abstract.

Analyzing the history of the institute for the development of criminal liability for causing grievous harm to human health, it can be noted that the crimes in question have come a long way in their development, starting from vague constructions and ending with stable generalized descriptions of the elements of crimes in the modern criminal legislation of our state.

Ключевые слова: история, тяжкий вред, преступление, наказание, развитие законодательства.

Key words: history, grievous harm, crime, punishment, development of legislation.

Вопросы возникновения и развития законодательства о преступлениях, причиняющих вред здоровью человека в российском уголовном законодательстве решались в разные периоды неодинаково. В связи с этим представляется необходимым и целесообразным проследить основные этапы становления уголовного законодательства о преступлениях, причиняющих вред здоровью человека.

1.Возникновение н развитие законодательства о преступлениях, причиняющих вред здоровью человека в X-XVIII вв.

В самый ранний период за преступления, причиняющие вред здоровью, следовало наказание по принципу талиона, т.е. виновному причинялся такой же вред, который был причинен потерпевшему. Впервые о телесных повреждениях говорится в договорах великих русских князей Олега (911 г.) и Игоря (945 г.) с греками. Здоровье человека в них еще не рассматривалось как публичное, общественное благо, а представляло собой частный интерес, защита которого была делом

потерпевшего или заинтересованных лиц, применявших то или иное принуждение либо насилие к виновному. Дальнейшее свое развитие нормы об ответственности за причинение вреда здоровью получили в Соборного уложения 1649 г. (Судебник царя Алексея Михайловича) [1]. В данном нормативно-правовом акте содержались нормы о противоправных действиях, связанных с посягательством на личность. В частности, обнаружение умысла на причинение вреда здоровью государя наказывалось смертной казнью: «Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известия, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию» [2; с.86].

Следующий документ был издан при Петре I - Артикул воинский 1715 г. Новеллой данного закона послужила норма, устанавливающая уголовную ответственность за причинение вреда здоровью человека в драке в состоянии алкогольного опьянения [3; с. 353], при этом данное обстоятельство усиливало размер наказания.

2. Царское уголовное законодательство о преступлениях, причиняющих вред здоровью.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало группу преступлений против здоровья в отдельной главе под наименованием «О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью» (разд. X, гл. 3, ст. 1477-1496). Данное Уложение содержало обширный перечень преступлении против здоровья, но не образовывало единой системы.

Уложение называло семь возможных последствий соответствующего вида повреждения, указанных в законе: потерю зрения, слуха, языка, руки, ноги, детородных частей организма, а также неизгладимое обезображивание лица (ст. 1477). Каждый из указанных признаков в отдельности имел самостоятельное уголовно-правовое значение и независимо от наличия или отсутствия остальных означал необходимость квалификации содеянного по соответствующей статье Уложения.

По Уголовному Уложению 1903 г. преступлениям, непосредственно причиняющим вред здоровью, была посвящена гл. 23 - «О телесном повреждении и насилии над личностью», состоящая из 14 статей (467-480). Это Уложение, в отличие от ранее действовавшего 1845 г., придерживалось определенных критериев при конструировании системы преступлений, в том числе и преступлений против здоровья [4; с.235].

3. Развитие уголовного законодательства о преступлениях, причинивших вред здоровью в период Советской власти.

С момента установления советской власти в 1917 г. руководство нового государства отказалось от всего прошлого, в том числе и от царского уголовного законодательства и законодательства Временного правительства. Однако некоторое время царское уголовное законодательство отчасти продолжало фактически применяться. Весьма важно подчеркнуть, что уголовное право с советского периода становится абсолютно светским и религия перестает влиять на законодательный процесс [5; с.137].

До принятия УК 1922 РСФСР г. на территории РСФСР не ранее 9 марта 1921 г. Народный комиссариат юстиции в одном из своих циркуляров № 38/16

опубликовал частичные итоги работы комиссии кодифицированного отдела. «В этом циркуляре впервые пытались дать определение некоторым из наиболее важных или наиболее распространенных в то время преступлений. Этот циркуляр имел важное значение потому, что приведенные в нем определения конкретных преступлений были по сути обобщением практического опыта советских судей и советского уголовного законодательства».

Так, в циркуляре телесным повреждением определялось всякое повреждение, нарушающее нормальную отправку (т.е. функционирование – прим. автора) или нормальное существование человеческого организма. Телесное повреждение есть постоянное или продолжительное существенное нарушение нормальной деятельности человеческого организма; такими тяжелыми телесными повреждениями являются: а) причинение опасности для жизни или неизлечимой или тяжелой болезни; б) причинение душевной болезни; в) отделение какого-либо важного органа тела или повреждение этого органа, вызвавшее длительное или существенное нарушение его функций. Остальные телесные повреждения относятся к легким. Согласно вышеизложенному, впервые было наиболее полно разъяснено определение телесного повреждения и названы признаки тяжкого телесного повреждения. Анализ признаков данных повреждений дает возможность сделать следующие выводы: во-первых, неизлечимая или тяжелая болезнь как признак телесного повреждения еще до принятия УК РСФСР 1922 г. включала признаки других преступлений против здоровья лица, а именно: заражение вирусом иммунодефицита человека или иного неизлечимого инфекционной болезни и венерической болезни; во-

вторых, не целесообразно осуществлять разделение органов на «важный» и «неважный», все органы важны для нормального функционирования и существования организма человека; в-третьих, «существенное нарушение функций организма» в настоящее время соответствует одному из признаков тяжелого телесного повреждения – стойкая потеря трудоспособности не менее одной трети. Законодательно определялось только два вида степени тяжести: тяжелое и легкое, но один из признаков тяжелого телесного повреждения «длительное нарушение функций организма» в настоящее время относится к одному из признаков средней тяжести телесного повреждения. Поэтому можно констатировать, что в то время впервые была заложена главная идея, которая получила развитие в первом законе об уголовной ответственности.

Истязанием, содержащимся в циркуляре, считались «посягательства на личность, сопровождающуюся жестокостью и моральными или физическими страданиями, хотя бы и не подвергают жизни опасности». В этом определении предусматривались действия (действие, бездействие), которые могут посягать не только на здоровье личности, но и на другие (честь, достоинство, свободу и жизнь) ценности. Это обусловлено тем, что терминология «посягательства на личность» с принятием УК РСФСР 1922 г. законодатель воспринимал как преступления, которые в дальнейшем нашли отражение в главе V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». Кроме того, «истязание» является понятием более широким, чем «страдание», поэтому нецелесообразно отдельно их выделять. Относительно возможного следствия истязания – «не подвергают жизнь опасности» – это один из признаков

телесного повреждения, кроме тяжкого. В этом случае можно считать, что это последствия в виде средней тяжести и легких телесных повреждений [6; с.173].

Попытаемся провести сравнительный анализ кодексов 1922 и 1927 годов.

В УК РСФСР 1922 г. в ст. 149 «Умышленное тяжкое телесное повреждение» раскрыты признаки такого повреждения, что повлекло за собой опасное для жизни расстройство здоровья, душевную болезнь, потерю зрения, слуха или какого-либо другого органа, или непоправимое уничтожение лица. Непонятным остается признак – «опасное для жизни расстройство здоровья». Статья 146 УК РСФСР 1927 г. предусматривала уголовную ответственность за умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее потерю зрения, слуха, речи или полное нарушение функций какого-либо другого органа, непоправимое уничтожение лица, душевную болезнь или другое тяжелое расстройство здоровья. Законодатель значительно расширил признаки данного повреждения, а именно: предусмотрел «полное нарушение функций любого органа», «потерю речи» и определил «другое тяжелое расстройство здоровья». Согласно п. 8 «Правил для составления вывода о тяжести повреждения», утвержденных Наркомдравом и Наркомюстом 27 января 1928 г., «другое тяжкое расстройство здоровья» – это такое расстройство здоровья личности, приведшее к значительной потере трудоспособности не менее как на одну треть. Следовательно, в отличие от УК РСФСР 1927 г., Правила в полной мере раскрывали содержание данной признаки умышленного тяжкого телесного повреждения. В частях других анализируемых статей УК РСФСР 1922 и 1927 гг. непонятным остается позиция законодателя по причинению систематических

деяний (мучения и пытки), которые приводят к легким повреждениям.

Сравнение ст. 150 УК РСФСР 1922 г. и ст. 147 УК РСФСР 1927 г., которые предусматривали уголовную ответственность за «преднамеренное менее тяжкое телесное повреждение», также отличались определенными признаками. В ст. 150 УК РСФСР 1922 г. менее тяжкое повреждение характеризовалось одним из признаков – безопасное для жизни, но вызывающее постоянное расстройство здоровья. Этот признак в УК РСФСР 1927 г. был изменен с терминологического оборота – «постоянное расстройство здоровья» на «длительное расстройство здоровья». Кроме того, в диспозициях статей, предусматривающих уголовную ответственность за «менее тяжкое телесное повреждение», говорилось о долговременном нарушении функций любого органа. Сравнение между собой статей «преднамеренного тяжкого телесного повреждения» и «менее тяжкого телесного повреждения» кодексов 1922 и 1927 гг. свидетельствует о возможных осложнениях при квалификации на практике. Следовательно, с течением времени законодатель совершенствовал терминологию и признаки, являющиеся содержанием телесных повреждений.

Ст.151 УК РСФСР 1922 г. и ст. 148 УК РСФСР 1927 г. «Умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное под влиянием сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием над лицом или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего», имеют единственную, но важную особенность. В УК РСФСР 1922 г. субъективная сторона данного состава преступления включала обязательный признак

«воздействие сильного душевного волнения», а в УК РСФСР 1927 г. речь идет об определенном состоянии «сильного волнения», в котором совершается преступление.

Особое отличие ст. 152 УК РСФСР 1922 г. и ст. 149 РСФСР УК 1927 г. «Превышение пределов необходимой обороны, повлекшее тяжкие телесные повреждения» заключается в том, что в статье Кодекса 1922 г. законодатель предусмотрел «превышение пределов необходимой обороны, повлекшее тяжкое телесное повреждение лицу, равнозначного повреждения задержанному с поличным преступнику с превышением мер необходимых для его задержания». По результатам сравнения данных статей УК РСФСР 1922 г. и 1927 г., УК РСФСР 1922 г., в отличие от УК РСФСР 1927 г., предусматривал уголовную ответственность не только за превышение пределов необходимой обороны, но и за превышение мер, необходимых для задержания преступника. Следовательно, уголовная ответственность в период с 1927 по 1960 гг. не применялась к лицам, причинившим тяжкое телесное повреждение при превышении мер, необходимых для задержания преступника.

Не были изменены диспозиции ст. 153 УК РСФСР 1922 г. и ст. 150 УК РСФСР 1927 г. «Умышленное легкое телесное повреждение», а также ст. 157 УК РСФСР 1922 г. и ст. 153 УК РСФСР 1927 г. «Умышленное нанесение удара, побоев или других насильственных действий, повлекших физическую боль». Диспозиции данных статей, по нашему мнению, не изменялись, потому что: во-первых, не содержали определенных признаков, например, легкого телесного повреждения, являющихся дискуссионными по сей день; во-вторых, имели терминологию, которая является

оценочной (физическая боль), что давало возможность суду и работникам правоохранительных органов интерпретировать эту терминологию по своему усмотрению.

В ст. 154 УК РСФСР 1922 г. предусматривалась уголовная ответственность за неосторожное легкое телесное повреждение, другие виды телесных повреждений в статье не предусматривались, поэтому можно констатировать наличие в этой статье определенных доработок. В УК РСФСР 1927 г. законодатель криминализировал и другие виды телесных повреждений, совершенных по неосторожности, а именно: в ч. 1 ст. 151 – нанесение неосторожного телесного повреждения, если это результат осознанного несоблюдением правил осторожности и повлекло последствия, указанные в ст. 147 (менее тяжкое телесное повреждение) и ст. 148 (тяжелое и менее тяжкое телесное повреждение). В данном случае логично указать на последствия, предусмотренные в УК РСФСР 1927 г., ст. 146 (тяжелое телесное повреждение) и ст. 147 (менее тяжкое телесное повреждение) без ссылки на номера этих статей. В ч. 2 ст. 151 УК РСФСР 1927 г. Речь идет о неосторожном телесном повреждении, что не повлекло за собой последствий, предусмотренных в ч. 1 данной статьи. Следовательно, в данном случае – это неосторожное легкое телесное повреждение, о чем говорилось в ч. 1 ст. 154 УК РСФСР 1922 г.

Уголовная ответственность за сознательное заражение тяжелой венерической болезнью в УК РСФСР 1922 г. предусмотрена в ст. 155. В диспозиции законодатель отметил, что лицо должно сознательно заражать, кроме того, болезнь должна быть «тяжелой». В то же время, такие признаки отсутствуют в ст. 152 УК

РСФСР 1927 г. Следовательно, к принятию УК РСФСР 1927 г. по данной статье привлекались все без исключения лица, страдавшие тяжелой венерической болезнью и сознательно заражавшие других. Конкретизация законодателя относительно «тяжелой венерической болезни» позволяет сделать вывод о том, что были предусмотрены и другие ее виды. Однако анализ законодательства того времени свидетельствует о том, что такое разделение венерических заболеваний на «группы» отсутствует. Только Советом Народных Комиссаров 25 августа 1926 г. было утверждено Постановление «Об обязательной регистрации заразных и остро эпидемических болезней и сообщения о них». В документе приведен только перечень этих болезней, а именно: чума, холера, брюшной тиф, паратиф, дизентерия, поворотный тиф, сыпной тиф, натуральная оспа, дифтерия, скарлатина, корь, коклюш, эпидемический энцефалит, эпидемический цереброспинальный менингит, оспа, бешенство, проказы, трахомы, чесотка, малярия, желтая лихорадка, туберкулез, сифилис, гонорея, мягкий шанкр. Некоторые из этих болезней не являются венерическими, но являются инфекционными и относятся к неизлечимым, что опасно для жизни человека. Последние делятся на уголовно наказуемые – это болезни вирусной этиологии и невирусной этиологии – не уголовно наказуемые. Сегодня такое деление позволяет правильно квалифицировать деяния виновного лица. В то же время и до 1987 г., после внесения изменений в УК в 1960 г., исключалась уголовная ответственность за заражение вирусом иммунодефицита человека или другой неизлечимой инфекционной болезни.

Как свидетельствуют результаты сравнения характеристики УК РСФСР 1922 и 1927 гг. преступлений против здоровья личности, УК РСФСР 1922 г. включал ст. 156 «Сознательная постановка работающего в такие условия работы, при которых он полностью или частично потерял или мог потерять свою трудоспособность». Эта норма, по нашему мнению, должна содержаться в разделе «Преступления против безопасности производства», поскольку на УК в целом возлагается и обязанность обеспечивать охрану трудовых прав личности. Кроме того, субъект данного состава преступления является специальным, то есть лицом, на которое законом возлагается обязанность обеспечивать соблюдение требований законодательства об охране труда.

Также недоработанным в УК РСФСР 1922 г. является положение ст. 158 (насилие над лицом, если оно вызвано равным или более тяжким насилием, приравнивается к требуемой обороне). Эта норма не имеет санкции и обобщает признаки, присущие одному из институтов Общей части УК – обстоятельства, исключающие преступность деяния, поэтому структурно эта норма и размещена в Общей части действующего УК. С принятием УК РСФСР в 1927 г. эти «ошибки» были устранены.

Кроме того, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР приняли Постановление «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР» от 20 июня 1932 г., которым предполагалось дополнить ст. 691 УК РСФСР 1927 г. частью 2 и изложить ее в следующей редакции: «Нанесение побоев или совершение других насильственных действий в отношении общественных активистов, ударников на производстве, а также

колхозников в связи с общественной или производственной их деятельностью – в случаях, когда эти действия по характеру, обстановке их совершения или последствиям не могут рассматриваться как террористический акт». В данном случае, по нашему мнению, принятие этой нормы стало предпосылкой ее внесения в преступления против здоровья личности, не определяя специального потерпевшего – общественного активиста, ударника на производстве, колхозников.

Анализ санкций статей преступлений против здоровья личности УК РСФСР 1922 и 1927 гг., как и некоторых диспозиций, также был «использован» законодателем. Особенностью санкций преступлений против здоровья личности УК РСФСР 1922 г. было то, что при альтернативной санкции (ст. 152-154, 156, 157) размер наказания был указан только в последней санкции. К примеру, в ст. 152 «Лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года» и в других статьях УК РСФСР 1922 г., а именно: ст. 153, 154, 156, 157.

С принятием УК РСФСР 1927 г. в санкциях некоторых норм преступлений против здоровья лица изменен размер наказания или санкция дополнена новым видом наказания. Так, например, у упомянутой нами ранее норме в альтернативной санкции уже был предусмотрен размер наказания лишением свободы сроком до одного года или принудительными работами (ст. 149 УК РСФСР 1927 г.). В то же время, это не решало всех вопросов, поскольку другой вид наказания оставался не определенным, без сроков.

Что касается изменений размера наказания, то в ч. 1 статьи «Умышленное тяжкое телесное повреждение» был установлен размер не менее трех (УК РСФСР 1922 г.), а в УК РСФСР 1927 г. увеличен размер до шести лет

лишения свободы. В ч. 2 настоящей статьи, в санкции которой был указан размер наказания не ниже пяти лет лишения свободы со строгой изоляцией (УК РСФСР 1922 г.), заменен на лишение свободы до восьми лет (УК РСФСР 1927 г.).

Некоторые санкции статей УК РСФСР 1927 г. были дополнены новым видом наказания – принудительные работы (ч. 1 ст. 148, 153 и ч. 2 ст. 151).

Гуманизация наказания в УК РСФСР 1927 г. произошла по ст. 152 (УК РСФСР 1922 г. – лишение свободы до трех лет на лишение свободы до двух лет – ст. 149 УК РСФСР 1927 г.), а также в ч. 1 ст. 157 УК РСФСР 1922 г. с одного года до шести месяцев лишения свободы или принудительные работы – ч. 1 ст. 153 УК РСФСР 1927 г.

Что касается структуры кодексов УК РСФСР 1922 и 1927 гг., то в УК РСФСР 1922 г. преступления против здоровья личности структурно размещены в Особенной части главы V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» раздела 2. «Телесные повреждения и насилие над личностью». В отличие от УК РСФСР 1927 г., эти статьи были размещены в главе VI «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» без дальнейшего разделения на разделы.

Заключительным существенным этапом в развитии законодательства об ответственности за преступления против здоровья человека в советский период стал УК РСФСР 1960 г. Двучленное деление телесных повреждений УК РСФСР 1927 г. было признано нецелесообразным, и Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. вновь возвратился к формуле трехчленного деления, установленной УК РСФСР 1922 г. [7; с.89]. Неизменными в УК РСФСР 1960 г. по

сравнению с предыдущими кодексами остались положения ст. 102 «Умышленное средней тяжести телесное повреждение» в части «нанесения длительного нарушения функций любого органа».

Уголовный кодекс 1960 г. выделил новый специальный состав преступления - истязание (ст. 113), систематическое нанесение побоев или иные действия, носящие характер истязаний, если они не повлекли за собой последствий (ст.ст. 108, 109 УК). Следует напомнить, что в Кодексе 1926 г. истязание рассматривалось как квалифицированный вид нанесения ударов, побоев и иных насильственных действий, причиняющих физическую боль (ч. 2 ст. 146). Наряду с ответственностью за заражение венерической болезнью (ст. 115 УК), в 1971 г. в Уголовный кодекс был введен новый состав - «Уклонение от лечения венерической болезни» (ст. 115.1) [8]. Кроме того, в ст. 115 УК были введены такие квалифицирующие признаки, как: заражение лица венерической болезнью лицом, ранее судимым за такое же преступление, заражение двух или более лиц либо заражение несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 115 УК). За эти действия было установлено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

В целях разъяснения процессуальных моментов судебно-медицинским экспертам для определения степени тяжести телесного повреждения Министерством здравоохранения РСФСР 10 июня 1961 г. утверждены «Правила для определения тяжести телесных повреждений, в которых развиваются и детализируются положения указанных статей» (далее – Правила 1961 г.). Правила 1961 г. отмечали, что "под нарушением функций любого органа следует понимать

ослабление функций органов" зрения, слуха, языка, ног, рук и другое», но не полную их потерю».

К примеру, повреждение глаза, которое хоть и травмировано, но продолжает выполнять свои функции – зрения, хоть и не в полном объеме. «Под другим продолжительным расстройством здоровья без последствий, указанных в статье 101 настоящего Кодекса – повреждение, вызывающее временную потерю трудоспособности не менее 12 дней или постоянную потерю трудоспособности менее чем на 1/3».

С целью унификации судебно-медицинских критериев оценки тяжести телесных повреждений утвержден приказ Министерства здравоохранения СССР «О введении в практику общесоюзных «Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений» от 11 декабря 1978 г. № 1208. Общесоюзные правила 1978 г. разработаны и действовали во всех республиках Советского Союза и объединяли все критерии телесных повреждений. Так, например, в то время действовал УК РСФСР 1960 г., который в ст. 102 определял «преднамеренное средней тяжести телесное повреждение», а общесоюзные Правила 1978 г. содержали другую терминологию, а именно «преднамеренное менее тяжкое телесное повреждение».

Судебно-медицинские эксперты для определения степени тяжести телесных повреждений использовали общесоюзные правила 1978 г.. Поэтому, определяя признаки, содержащую диспозицию ст. 102 УК РСФСР 1960 г., утверждали, что потерпевшему причинено менее тяжкое телесное повреждение. В дальнейшем судья (суд) назначал новую экспертизу в связи с несоответствием положениям УК РСФСР 1960 г., в

котором говорилось о средней тяжести телесного повреждения. Позже законодатель исправил данную неточность, определив в примечании к статье «употребленное в этой статье и ст. 103, 105, 215 понятие «средней тяжести телесное повреждение» соответствует понятию «менее тяжкое телесное повреждение», принятое в статье в соответствии со статьей 8 Закона СССР «Об уголовной ответственности за военные преступления» в редакции 15 декабря 1983».

Кроме того, общесоюзные Правила 1978 г. отмечали, что «длительность заболевания устанавливается для данного вида телесного повреждения на срок более трех недель (более 21 дня)». Общесоюзные Правила 1978 г. в дальнейшем определили, что «кратковременное расстройство здоровья (ч. 1 ст. 106 УК РСФСР 1960 г.) – это расстройство, которое длится более шести дней, но не более трех недель (21 дня). Кратковременная потеря трудоспособности – это стойкая потеря общей трудоспособности до 10%».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» от 17 декабря 1971 г. № 343-VIII227 УК РСФСР 1960 г. дополнена ст. 108-1, что предусматривало ответственность за «уклонение от лечения венерической болезни». «В уголовном праве превентивная функция должна оказывать влияние на общество, проводить массовую профилактику возникновения преступности. Именно страх перед наказанием останавливает некоторых членов общества от совершения преступных посягательств на охраняемые законом объекты». И по этой причине законодатель включил эту норму в УК РСФСР в 1960 г. С 1984 г. в Кодексе РСФСР об

административных правонарушениях в ст. 45 «Уклонение от обследования и профилактического лечения лиц, больных венерической болезнью» установлена административная ответственность за «уклонение от обследования лиц, в отношении которых имеются достаточные данные о том, что они больны венерической болезнью, или от лечения лиц, находившихся в контакте с больными венерической болезнью и нуждаются в профилактическом лечении, продолжающемся после предупреждения, сделанного им органами здравоохранения». Обязательное обследование крови на выявление антител ВИЧ проводят без согласия пациента согласно действующему законодательству. Цель такого обследования – выявление зараженных ВИЧ для их своевременного лечения и оценка эпидемиологической ситуации и профилактика СПИДа».

Таким образом, советское уголовное законодательство было способно противостоять различного рода преступным посягательствам, в том числе и связанным с непосредственным нанесением вреда здоровью.

Действующий УК РФ 1996 г. применил новую классификацию оценки тяжести вреда, причиненного потерпевшему (вместо термина «телесные повреждения» в законе появился новый «вред здоровью»); разумной корректировке подвергся практически каждый состав, входящий в группу рассматриваемых преступлений (в одном случае, полностью менялась редакция статьи, в другом - производились необходимые дополнение в отдельные ее части, кроме того, закономерно расширялся круг квалифицирующих и иных признаков).

Список цитируемой литературы:

1. Маньков, А.Г. Уложение 1649 года - кодекс феодального права России / А.Г. Маньков. - 2. изд., испр. - М. : Гос. публич. ист. б-ка России, 2003 (Тип. ГПИБ). – 370 с.

2. Российское законодательство X-XX веков : в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. - Москва : Юридическая литература, 1984. - Т. 3: Акты Земских соборов конца XVI - начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов. Т. 3 / ответственный редактор заслуженный деятель РСФСР, доктор исторических наук А. Г. Маньков. - 1985. – 511 с.

3. Российское законодательство X-XX веков : в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. - Москва : Юридическая литература, 1984. - Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. Т. 4 / ответственный редактор заслуженный деятель РСФСР, доктор исторических наук А. Г. Маньков. - 1986. – 511 с..

4. Курс уголовного права : В 5-ти т. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак.; Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. (Учебник для вузов). - Т. 3: Особенная часть. Т. 3 / [Борзенков Г. Н., Зубкова В. И., Кузнецова Н. Ф. и др.]; Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. - М. : Зерцало-М, 2002.- 592 с.

5. Расторопов, С.В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств: специальность 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация доктора юридических наук / Расторопов

Сергей Владимирович; [Место защиты: Академия управления МВД России].- М., 2003. – 487 с.

6. Советское уголовное право [Текст] : Часть Особенная : [Учебник для юрид. ин-тов и фак.] / [Отв. ред. засл. деят. науки, проф. Н. И. Загородников]. - Москва : Юрид. лит., 1973. – 576 с.

7. Курс советского уголовного права [Текст] : Часть общая : В 6 т. Т.1. / Ред. коллегия: заслуж. деят. науки РСФСР, чл.-кор. АН СССР А. А. Пионтковский и др.] ; [АН СССР. Ин-т государства и права]. - Москва : Наука, 1970. – 648 с.

8. Об усилении ответственности за распространение венерических заболеваний: указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1971 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1971. - № 40. - Ст. 392.

Устюхина А.Е., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Ustyukhina A.E., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ДЕТЬМИ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

PROBLEMS OF COUNTERING TRAFFICKING IN CHILDREN AS A CRIME OF INTERNATIONAL CHARACTER

Аннотация.

Статья посвящена актуальной проблеме защиты прав детей, реализации ответственности за одно из самых опасных преступлений против свободы человека - торговлю людьми, совершаемую в отношении несовершеннолетних. В первую очередь, необходим комплексный подход к решению данного вопроса, для этого важно совершенствовать национальное законодательство путем внедрения международных норм.

Специалисты правозащитных центров работают

над стратегическими, техническими и правовыми направлениями защиты детей. В наше время торговля людьми – одно из тяжелейших международных преступлений, т. к. посягает на достоинство, самоопределение и неприкосновенность в человеке личности, превращая его в «товар». По всему миру торговля людьми проявляется по разному: начиная от торговли людьми и заканчивая торговлей органами человеческими.

Abstract.

The article is devoted to the actual problem of protecting the rights of children, the implementation of responsibility for one of the most dangerous crimes against human freedom - human trafficking committed against minors. First of all, an integrated approach to solving this issue is needed, for this it is important to improve national legislation by introducing international norms.

Specialists of human rights centers are working on strategic, technical and legal directions for the protection of children. In our time, human trafficking is one of the most serious international crimes, because it encroaches on the dignity, self-determination and inviolability of a person, turning him into a “commodity”. Throughout the world, human trafficking manifests itself in different ways: from human trafficking to human organ trafficking.

Ключевые слова: преступления против свободы человека; торговля детьми; защита; нарушение; ответственность.

Keywords: crimes against human freedom; child trafficking; protection; violation; responsibility.

Проблема защиты детей от жестокого обращения и

их торговли становится все более актуальной и особенно остро проявляется в современных реалиях.

Для защиты детей, следует принимать внутригосударственные методы. Международное сообщество признает права ребенка, как самостоятельные в силу неопытности и незрелости. Случилось это из-за недочетов национального законодательства

В ряде международных документах выделяют косвенные и прямые права ребенка. Права ребенка отражены в: Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года, Декларация о социальных и правовых принципах, которая затрагивает благополучие детей, когда это касается усыновления и воспитания.

Также, одним из примечательных документов является Конвенция о правах ребенка по версии детей. Данная конвенция включает в себя обширный спектр прав: политических, гражданских, социальных, экономических-относящихся к детям в одном документе. В статье 19 указано, что государства-участники принимают необходимые меры с целью защиты ребенка от всех форм психического и физического насилия, эксплуатации и грубого обращения [1].

Российское законодательство представляет гарантии на защиту прав детей.

Данные гарантии можно найти в Федеральном законе от 24.07.1998 №124-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»

Данный закон подразумевает: органы государственной власти, местного самоуправления и субъектов местного самоуправления утверждают меры

по противодействию эксплуатации детей. Также общественные объединения, некоммерческие организации оказывают поддержку органам местного самоуправления в осуществлении мер по противодействию торговле детьми и эксплуатации детей. Граждане за деятельность, связанную с торговлей детьми несут гражданско-правовую, уголовную, дисциплинарную ответственность.

Юридические лица за создание условий торговли детьми несут ответственность в соответствии с законодательством [2].

Торговля является высокоприбыльным предприятием с низким уровнем риска по сравнению с торговлей наркотиками и оружием. Получателями прибыли являются транснациональные организации торговцев и сутенеров.

Исследование Международной Организации по Миграции показывает, что прибыли торговцев огромны.

Торговля детьми подразумевает нарушение прав человека множественного характера, которое затрагивает правосудие, миграцию, здравоохранение и социальную сферу. Способы внутригосударственной охраны помогают защищать права детей. К сожалению, нарушают права ребенка сами законные представители. Благодаря различным международным актам, а именно: Конвенция ООН 1989 года о правах ребенка, Конвенция 1950 года о защите прав человека и основных свобод, Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях от 3 декабря 1986 года Генеральная Ассамблея, ссылаясь на Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных

правах, Международный пакт о гражданских и политических правах

Предотвращение торговли детьми – одно из ведущих направлений противодействия названной торговле. В России существует институт Уполномоченного по правам ребенка при Президенте Российской Федерации, уполномоченной является Анна Юрьевна Кузнецова. Основная задача данного института -это улучшение положения детей и восстановление нарушенных прав детей, путем проведения независимого контроля за деятельностью органов государственной власти и субъектов Российской Федерации [3].

Кроме этого, торговлю людьми порождают факторы социального характера. Среди факторов, оказывающих влияние на распространение данного вида преступлений, следует назвать семейное неблагополучие, проявляющееся в безнадзорности, утрате связей с семьей и родителями, моральной и материальной поддержки со стороны родных и близких. Это, в свою очередь, порождает довольно широкое распространение в последнее время торговли несовершеннолетними. Об этом свидетельствуют данные МВД России и других стран. Несовершеннолетних продают в Германию, Бельгию, Нидерланды, Испанию, Азию, Израиль, Турцию Грецию, Францию, Таиланд, Японию, Австралию, США, ОАЭ, Канаду. Вместе с тем юношей 16–18 лет, после соответствующей идеологической и наркотической подготовки могут использовать в «горячих точках» для участия в боевых действиях и террористических актах.

Должностные лица и сотрудники выполняющие определенные функции, связанные с защитой и охраной

несовершеннолетних, сами участвуют в преступных схемах. Успешное противодействие торговле детьми зависит от правового обеспечения решений этой проблемы как на международном, так и на внутригосударственном уровне. Торговля подразумевает определенные формы: в целях сексуальной эксплуатации; для принудительного труда; для удочерения/усыновления; для трансплантации органов. Можно выявить пути решения этой международной проблемы:

-Совершенствование имеющего законодательства.

-Усовершенствование работы правоохранительных органов, органов государственной власти.

-Развитие и улучшение социальных, экономических условий.

Также важно выявить специальные меры по предотвращению торговли детьми:

-Вовлечение самого общества и полиции в борьбу с торговлей детьми.

-Своевременное выявление и ликвидации торговли.

-Проведение разъяснительно-правовых кампаний среди населения.

Прежде всего, государство должно стремиться к реализации международных Конвенций и договоров, кроме того, принимать национальные законопроекты, отвечающие по международным конвенциям.

К сожалению, в повседневной жизни родители и работники детских домов продают детей как «живой» товар. Поводом для продажи детей чаще всего является принудительный труд. Так, насильно несовершеннолетних зачисляют в вооруженные силы различных стран и используют как для политических

целей, так и для прямых ролей в боевых действиях [4].

Право ребенка не быть похищенным закреплено в международных нормах, такие как ст. 11 Конвенции ООН о правах ребенка 1989г., в соответствии чего государства-участники обязаны принимать меры для борьбы с незаконным перемещением и невозвращением детей из других стран. В данной статье положен подход, закрепленный в Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года, которая была принята раньше Конвенции о правах ребенка.

В рекомендации комитета Министров Европейского Совета учтены юридические акты, в которых содержатся права человека и вопросы, связанные с торговлей людьми, которые регулируют, и накладывают наказание. Это: Европейские права человека и Конвенция (1950) основных свобод и ее протоколы, Европейская Социальная хартия (10/18/1961), Переработанная Европейская Социальная хартия (1996) и дополнительный протокол Социальной хартии, предусматривающий систему коллективных жалоб, а также следующие рекомендации комитета Министров государствам-участницам Европейского Совета: Рекомендация R(91) 11 «О сексуальном использовании детей и юношей, порнографии, проституции и торговле», Рекомендация R(96) 8 «О политике борьбы с преступностью в Европе в переходный период». При необходимости, предусмотреть соответствующий состав преступления, а также ввести или увеличить карательные санкции, которые пропорциональны степени тяжести совершенного преступления, включая тюремное заключение, которое оказывало бы превентивное воздействие, и разрешило бы эффективное юридическое

сотрудничество и выдачу обвиняемого или осуждённого лица, для выполнения всех необходимых мероприятий.

Всё это необходимо чтобы, не нарушая права третьих лиц, изымать и конфисковывать средства торговли людьми и полученные от данной торговли доходы, а также способствовать учреждениям полиции в расследовании и мониторинге, в которых использованы жертвы торговли людьми.

Комитет по правам ребенка рекомендует государствам присоединение к Гаагской конвенции 1980 года, как действие направленное на выполнение их обязательств по ст.11 Конвенции ООН о правах ребенка. Данную рекомендацию Комитета Российская Федерация выполнила. В 1980 году Конвенция дала определение похищению ребенка, как незаконное перемещение и удержание ребенка. Конвенция 1980 года предусматривает порядок возвращения ребенка в государство его постоянного места жительства с целью восстановления нарушенных прав детей. Можно сказать, что на международном уровне право ребенка не быть похищенным не только нормативно закреплено в Конвенции о правах ребенка, но и разработан порядок защиты, предусмотренный Конвенцией 1980 года [5].

На данный момент проблема противодействия торговле детьми остается во внимании международных организаций, в том числе ООН. Важно имплементировать международно-правовые нормы в национальное законодательство, создавать эффективные уголовно-правовые нормы и организовывать механизмы противодействия торговле детьми. важно отметить, что

Уголовный закон нашей страны устанавливает неоправданно низкие санкции за совершение преступлений, связанных с торговлей детьми, что в свою очередь также способствует значительному

увеличению их числа. Вместе с тем, к сожалению, необходимо признать, что на сегодняшний день зачастую средства массовой информации, в какой-то мере, способствуют процветанию торговли людьми посредством осуществления агрессивной, циничной пропаганды деятельности организаций, занимающихся предоставлением сексуальных услуг, а также различных форм подневольного труда.

Список цитируемой литературы:

1. Тригубович Н.В.Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года: научно-практический комментарий Москва: Статут, 2018. 319 с.
2. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».
3. Тригубович Н.В. Незаконное перемещение или удержание ребенка согласно Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года и российскому законодательству / Н.В. Тригубович // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 6–11.
4. Клейменов М.П. Понятие криминальной эксплуатации детей. Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики:– Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2020. − С. 88.
5. Хазова О.А. Присоединение России к Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей и вопросы российского семейного права / О.А. Хазова // Закон. 2019. № 5. С. 175–184.

Фомин В.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В.М.

Fomin V.V., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior Lecturer, Shagunova V.M.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

FEATURES OF QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF COMPUTER TECHNOLOGIES

Аннотация.

Статья посвящена проблемам ответственности за преступления, совершенные с использованием компьютерных технологий. В частности, в ней рассматриваются критерии последующего разграничения использования вредоносных программ при осуществлении преступной деятельности и что делать, если использование таких программ представляет собой способ совершения преступления, а не результат.

Abstract.

The article is devoted to the problems of responsibility for crimes committed with the use of computer technologies. In particular, it discusses the criteria for subsequently distinguishing between the use of malware in criminal activities and what to do if the use of such programs is a method of committing a crime, and not a result.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, преступления, хищения, мошенничество в сфере компьютерной информации, использование вредоносных программ, уголовная ответственность, неправомерный оборот средств платежа.

Keywords: information and communication technologies, crimes, theft, fraud in the field of computer information, the use of malicious programs, criminal liability, illegal circulation of means of payment.

В теории уголовного права под квалификацией преступления понимается установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно–правовой нормой.

На практике при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации довольно часто встречаются моменты, требующие разграничения отдельных преступлений в области компьютерной информации между собой, а также отграничение указанных от иных преступных посягательств, предусмотренных уголовным законодательством.

Стоит отметить, что применительно к статьям 272 и 273 УК РФ не каждый случай такого неправомерного доступа или же создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ подпадает под действие санкций данных статей. Правоприменителю необходимо доказывать, что действия правонарушителя (преступника) повлекли за собой наступление неблагоприятных последствий, указанных в диспозициях к данным статьям.

Если создание или использование вредоносных компьютерных программ или внесение изменений в существующие программы, а также создание или использование иной компьютерной информации аналогичного характера для неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации образует приготовительную преступную деятельность, выраженную в изготовлении им средства совершения или создания условий для совершения преступления. И, в данном случае, приготовительную преступную деятельность, и перечисленные выше действия лица при их окончании необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, ответственность за которые предусмотрена соответствующими частями статьи 272 и статьи 273 УК РФ.

Иначе говоря, каждая дальнейшая стадия в совершении преступления поглощает предыдущие, и они уже не требуют самостоятельной уголовно–правовой оценки.

Статья 274 под заголовком «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно–телекоммуникационных сетей» устанавливает ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или

передачи компьютерной информации и информационно–телекоммуникационных сетей. Соответственно, объективная сторона данного преступления состоит в нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно–телекоммуникационных сетей, которое повлекло за собой уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, причинившее крупный ущерб. То есть, необходимым элементом преступления должно быть причинение крупного ущерба. Состав преступления – материальный. Между фактом нарушения и наступившим ущербом должна быть установлена причинная связь. Таким образом, наступившие последствия должны являться результатом нарушения правил эксплуатации, а не программной ошибкой либо действиями, предусмотренными иными статьями главы «Преступления в сфере компьютерной информации» Уголовного кодекса Российской Федерации.

Но не всегда предварительная преступная деятельность, выраженная в использовании вредоносных компьютерных программ, приводит лицо к неправомерному доступу к компьютерной информации. Иное правило будет действовать при квалификации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. Часть 2 ст. 274.1 УК РФ регламентирует ответственность за совершения таких действий в качестве единого преступления – учтенной законодателем совокупности преступлений.

Соответственно, при осуществлении неправомерного доступа к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической

информационной инфраструктуре РФ, с помощью использования вредоносных компьютерных программ либо иной компьютерной информации, который повлек за собой причинение вреда критической информационной инфраструктуре РФ, квалифицируется только по ч. 2 ст. 274.1 УК РФ.

В случае, если такое деяние повлекло только уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации или нейтрализацию средств защиты без причинения вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации, то его следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 274.1 УК РФ и ч. 1 ст. 272 УК РФ.

Следовательно, можно прийти к выводу, что если приготовление или покушение на какое – либо преступление полностью совпадает с другим составом преступления в сфере компьютерной информации, то такие действия стоит квалифицировать по совокупности преступлений, кроме случаев, когда имеется наличие законодательно – учтенной совокупности преступлений по ч. 2 ст. 274.1 УК РФ.

В качестве покушения к преступлению в сфере компьютерной информации необходимо квалифицировать преступные деяния, в которых субъекту не удалось окончить преступную деятельность по совершению преступления с квалифицированным составом.

Также на практике приходится разрешать вопросы квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, в том числе и с другими видами преступлений. В данном случае стоит уделять внимание проблемам определения видового объекта

посягательства. При квалификации преступлений, посягающих на несколько объектов, на практике, зачастую возможны ошибки при установлении идеальной совокупности данных преступлений. К числу таких преступлений можно отнести следующие: нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ); нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ); нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ); нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ); разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ); кража (ст. 158 УК РФ); вымогательство (ст. 163 УК РФ); незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ); государственная измена (ст. 275 УК РФ); шпионаж (ст. 276 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ) и другие.

Например, в диспозиции ст. 138 УК РФ имеется перечень преступных деяний, в котором наряду с другими, содержатся иные сообщения граждан. Получение несанкционированного доступа к такой информации, последствием которого будет блокирование, модификация или копирование данной информации необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, а именно по ч. 1 ст. 272 УК РФ и ч. 1 ст. 138 УК РФ. Если же данное преступное деяние совершает лицо с использованием своего служебного положения, то квалифицировать его необходимо по ч. 2 ст. 272 УК РФ и ч. 2 ст. 138 УК РФ.

Еще одним примером является, статья 146 УК РФ посягает на авторское право, которое подразумевает

возможность разрешать или запрещать использовать и распространять произведение, программу.

В подобном примере прежде всего необходимо установить объект преступления. Так, если объектом преступления, предусмотренного статьей 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, являются общественные отношения в сфере охраны безопасности и конфиденциальности компьютерной информации, соответственно и нарушения должны посягать на безопасность компьютерной информации, то нарушение авторских и смежных прав посягает на интеллектуальную собственность. Предметом первого из представленных выше преступлений является компьютерная информация, которая охраняется законом, а предметом второго – исключительно объекты авторского права. Стоит отметить, что объективная сторона нарушения авторских и смежных прав в качестве необходимого признака включает наступление общественно опасных последствий в виде причинения крупного ущерба автору объекта авторского права в форме упущенной выгоды или морального вреда. Для привлечения виновного к уголовной ответственности по статье «Неправомерный доступ к компьютерной информации» данный признак обязательным не является. Также немало важным признаком отделения представленных составов является тот факт, что нарушение авторских и смежных прав связано либо с присвоением авторства, либо с незаконным использованием объектов авторского права, а при неправомерном доступе к компьютерной информации ее дальнейшее использование виновным не обязательно. Стоит отметить случаи, при которых виновный, с целью присвоения права автора, копирует компьютерную программу, а воспроизведенные копии незаконно

использует в своих преступных интересах.

В случае если деяние причинило автору или иному правообладателю данной авторской информации крупный ущерб, то данное преступление следует квалифицировать по совокупности ст. 272 и 146 УК РФ. Если лицо устанавливает на свой компьютер нелицензионное программное обеспечение или копирует нелицензионную информацию, то это деяние нельзя квалифицировать по совокупности преступлений, так как по совокупности ст. 272 и 146 УК РФ подлежит квалификации только взлом защищенной программы или информации с последующей ее модификацией, позволяющей ее беспрепятственное копирование[1, с. 162]. Сложность квалификации при незаконном получении и разглашении сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ). состоит в том, что сведения, составляющие коммерческую, налоговую или банковскую тайну, являются частью охраняемой законом информации.

Отличием данных составов преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена по совокупности ст. 183 УК РФ и 272 УК РФ, заключается в цели деяний – сбор сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ч. 1 ст. 183 УК РФ), либо незаконное разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ч. 2 ст. 183 УК РФ), т.е. корыстная или иная личная заинтересованность. Неправомерный доступ к сведениям, составляющим коммерческую, налоговую или банковскую тайну, находящимся на носителе в виде электронной (компьютерной) информации, и который совершается без цели их

дальнейшего использования или разглашения, либо без корыстной или иной личной заинтересованности, должен квалифицироваться только по ст. 272 УК РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Гребенькова, А.А. Проблемы разграничения неправомерного доступа к компьютерной информации с другими составами преступлений // Известия юго-западного государственного университета. серия: история и право. - №2-1. – 2012. - С. 159 - 163.
2. Киселев, А.А. Криминологические и уголовно–правовые проблемы преступлений в сфере компьютерной информации / А.А. Киселев // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и европейского союза: состояние и эффективность. – Саратов. – 2017. – С. 170–172.
3. Кочкина, Э.Л. Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений / Э.Л. Кочкина // Сибирские уголовно–процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 3. – С. 162–169.
4. Кругликов, Л.Л. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для бакалавров / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. – 4–е изд. , перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2014. – 816 с.

Халеев А.М., бакалавр
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель Шагунова В.М.

Khaleev A.M., bachelor
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer Shagunova V.M.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ США

CRIMES AGAINST THE PERSON IN US CRIMINAL LAW

Аннотация.

В статье раскрываются преступные деяния против личности в различных штатах США, регулирование ответственности против личности, свободы и половой неприкосновенности.

Abstract.

The article reveals criminal acts against the individual in various US states, the regulation of liability against the individual, freedom and sexual integrity.

Ключевые слова: преступление против личности; убийство; ответственность; уголовное законодательство штатов.

Keywords: crime against the person; murder; responsibility; state criminal law.

В настоящее время личность — наиболее приоритетный объект уголовно-правовой охраны. Не случайно в новых УК, например Франции, Испании и других зарубежных стран, преступления против личности находятся в начале их Особенной части. Важнейшим объектом уголовно-правовой охраны они являются и по уголовному праву стран англосаксонской системы, в том числе по американскому уголовному праву.

В области регулирования ответственности за преступления против личности в американском уголовном праве сохраняются некоторые старые, архаичные доктрины, от которых в самой Англии отказались. Следует также заметить, что в отличие от английского уголовного права в американском законодательстве преступления против личности, как правило, подразделяются на степени. И хотя многие штаты в ходе реформирования своего уголовного законодательства в этом отношении не восприняли рекомендацию Примерного УК, при решении некоторых других конкретных вопросов ответственности за преступления против личности они в той или иной степени учитывали его предложения.

В УК эти преступления чаще всего рассматриваются после изложения вопросов Общей части. Однако, например, в УК штата Калифорния они следуют за преступлениями против трех ветвей власти, а в УК штата Пенсильвания, так же как в Примерном УК, — после раздела под названием «Посягательства на существование и безопасность (стабильность) государства».

Круг преступлений против личности в уголовных кодексах разных штатов существенно отличается, и группируются они по-разному. Так, в УК штата Миннесота эти преступления находятся в двух разделах: «Убийство и самоубийство» и «Преступления против личности». В первом разделе рассматриваются: тяжкое убийство трех степеней, простое убийство двух степеней и самоубийство. Во втором — нападение пяти степеней, вред, причиненный собакой, серьезный телесный вред, причиненный распространением наркотиков, использование наркотиков с целью причинения вреда или содействия совершению преступления, простое и тяжкое ограбление, похищение человека (киднепинг), неправомерное лишение свободы, умыкание и др.

В УК штата Техас преступления против личности находятся в его одноименном пятом разделе, состоящем из четырех глав. В гл. 19 «Уголовно наказуемое убийство» рассматриваются тяжкое убийство, убийство, караемое смертной казнью, простое убийство и убийство по преступной небрежности; в гл. 20 «Похищение человека и неправомерное (ложное) лишение свободы» — неправомерное (ложное) лишение свободы, похищение человека и похищение человека при отягчающих обстоятельствах; в гл. 21 «Половые посягательства» — гомосексуальное поведение, публичное половое сношение, непристойное обнажение, непристойное поведение с ребенком; и в гл. 22 «Посягательства, связанные с нападением» — нападение, сексуальное нападение, тяжкое нападение и тяжкое сексуальное нападение, оставление или поставление в опасность ребенка, опасное поведение, террористические угрозы, содействие самоубийству,

манипуляции с потребительскими товарами, оставление ребенка в транспортном средстве и др.

В УК штата Нью-Йорк рассматриваемые преступления находятся в титуле Н «Посягательства против личности, включающие в себя причинение физического вреда, половое поведение, ограничение свободы и запугивание». Он состоит из четырех разделов. В первом — «Нападение и родственные посягательства» — предусматривается ответственность за различные виды нападений (11 статей), угрозы трех степеней, поставление в опасность, содействие самоубийству, преследование (stalking) четырех степеней и другие преступления. Во втором — «Убийство, аборт и родственные посягательства» — за преступное убийство по небрежности, простое транспортное убийство двух степеней, простое убийство двух степеней, тяжкое убийство двух степеней, аборт и самоаборт двух степеней и др. В третьем подразделе — «Половые посягательства» — за изнасилование трех степеней, гомосексуализм трех степеней, половое злоупотребление трех степеней (простое и при отягчающих обстоятельствах), рецидивное сексуальное поведение в отношении ребенка двух степеней и др. В четвертом — «Похищение человека, принуждение и родственные посягательства» — за неправомерное лишение свободы двух степеней, похищение человека двух степеней, увод ребенка двух степеней, подмену ребенка и принуждение двух степеней.

При таком разнообразии преступлений против личности по уголовному законодательству штатов представляется возможным дать лишь их самую общую характеристику на примере регулирования ответственности за некоторые наиболее опасные из них,

а именно: за преступления против жизни (убийство), здоровья (телесные повреждения), свободы (похищение человека) и половой неприкосновенности (изнасилование).

Список цитируемой литературы:

1. Крылова Н. Е. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 1. Общая часть. Англия. США : учебник для вузов / Н. Е. Крылова, Н. А. Голованова, И. Д. Козочкин ; ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2018. — 240 с.
2. Наумов А.В. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]. — Москва : Издательство Юрайт, 2017. — 285 с.
3. Аистова Л. С. Уголовное право зарубежных стран : учебное пособие / Л. С. Аистова, Д. Ю. Краев. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 132 с.

Хотеенко М.А., Студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель, Шагунова В.М

Khoteenko M.A., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior lecturer Shagunova V.M.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО И ИНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL AND OTHER PREVENTION OF ORGANIZED CRIME

Аннотация.

В статье рассматриваются основные проблемы профилактики и предупреждения организованной преступности. Со второй половины прошлого столетия научное и экспертное сообщества обсуждают и разрабатывают понятийный аппарат организованной преступности, а также основные направления борьбы с данным явлением. Важнейшей государственной задачей было и остается предупреждение преступности, в том числе в ее наиболее опасных организованных формах.

Abstract.

The article deals with the main problems of prevention and prevention of organized crime. Since the second half of the last century, the scientific and expert communities have been discussing and developing the conceptual apparatus of organized crime, as well as the main directions in the fight against this phenomenon. The most important state task has been and remains the prevention of crime, including in its most dangerous organized forms.

Ключевые слова: профилактика, организованная преступность, борьба, основные проблемы, понятийный аппарат, предупреждение, правонарушение, общесоциальная и специальная профилактика, причины и условия

Keywords: prevention, organized crime, struggle, main problems, conceptual apparatus, prevention, offense, general social and special prevention, causes and conditions

Борьба с организованной преступностью предполагает единство уголовно – правовых, организационных, превентивных мер, принимаемых органами власти на всех уровнях.

Специфика борьбы с данным видом преступлений определяется в первую очередь с учетом обозначенных выше закономерностей организованной преступности и ее определения, причинности, а также результатов изучения присущих только ей особенностей в конкретных пространственно-временных границах.

Так, согласно статистической информации, представленной Генеральной прокуратурой РФ[5] организованными группами и преступными сообществами было совершено в 2017 год 17 899 преступлений, в 2018 году – 15 153 и в 2019 году 15 663 тяжких и особо тяжких уголовно наказуемых деяний, их

удельный вес в общем числе расследованных преступлений названных категорий вырос за последний год на +3,2%.

Многие российские ученые неоднократно выражали свое мнение, в части того, что различные «социально-правовые явления, в той или иной мере связанные с понятием преступности, носят отчетливо выраженный случайный, вероятностный характер»[4, с. 84].

Некоторые авторы говорят о том, что «относительно массовым видам и родам преступности также присущ вероятностный характер. Относится сказанное и к организованной преступности»[2, с. 25].

Анализ организованной преступности проводится как в общем контексте преступности в целом, так и во взаимосвязи с прочими преступными деяниями и иными различными негативными явлениями.

Не только в России, но и по всему миру организованная преступность рассматривается в качестве некоторого определенного процесса, в котором количественные изменения, постоянно изменяясь, накапливаясь и развиваясь, превращаются в качественные и параллельно при этом постоянно создаются совершенно новые государства не только организованной преступности, но и преступности в целом, а также социума.

Данная информация крайне важна и ее нужно учитывать сотрудникам правоохранительных органов для успешной работы с организованной преступностью, а также для принятия мер по постоянному совершенствованию способов и методов борьбы с ней.

Постоянная разработка новых методов и способов борьбы с преступностью необходима по ряду

причин. Главной из них является то, что с каждым днем в распоряжении организованной преступности есть все больше и больше современных технологий и их профессионализм с каждым днем все возрастает. Правоохранительным органам важно не допустить деформации общества, и, следовательно, нужно в темпах развития быть на шаг впереди преступности. Кроме того, хотелось бы отметить, что нет необходимости в выявлении какой-либо оценки организованной преступности и оценки деятельности правоохранительных органов в борьбе с ней.

Кроме того, в вопросе изучения организованной преступности существует необходимость не только в определении общих черт организованной преступности в различных регионах страны, но и важно принимать во внимание ряд особенностей и различий для их разделения с учетом сложившейся практики.

Не менее важно обратить внимание не только на самые распространенные и типовые характеристики организованной преступности, но и на те, которые встречаются достаточно редко, но при этом в той или иной мере могут характеризовать организованную преступность в целом. Так же важно определять природу данных характеристик. При появлении новой объединенной преступной группы с нестандартным набором характеристик важно в короткий срок провести анализ данной группы. Благодаря этому станет возможно мгновенно реагировать на появление новых тенденций в преступном сообществе, и, следовательно, принимать соответствующие меры. Иначе эти, вновь появляющиеся изменения, станут гораздо более четкими.

Очень важно при осуществлении разработки той или иной стратегии борьбы с организованной

преступностью, в приоритете держать следующие характеристики:

- наличие организованных преступных групп, которые ведут активную преступную деятельность;

- главным мотивационным аргументом для работы данных групп является получение сверхприбыли, а также достижение политических интересов. Как правило, это является основной причиной для постоянного развития криминального рынка[3, с. 9].

Классификация мер предупреждения преступлений, совершаемых организованной преступностью, возможна по трем основным уровням ее предупреждения: общесоциальный (общая профилактика), специально-криминологический (криминологическая профилактика), индивидуальный (индивидуальная профилактика).

Применительно к предупреждению преступлений, совершаемых организованной преступностью, на специально-криминологическом уровне можно выделить следующие основные направления:

– предупреждение общеуголовных преступлений насильственной направленности (разбои, бандитизм, похищения людей, вымогательство);

– предупреждение других общеуголовных преступлений, в которых насилие может быть, но не является обязательным элементом состава преступления (торговля оружием, торговля людьми, вымогательство денег под обеспечение защиты, завуалированное под выполнение различных работ и услуг, угон автомобилей и др.);

– предупреждение преступлений, связанных с пороками общества (незаконный оборот наркотиков, сутенерство, проституция, незаконные азартные игры);

– предупреждение преступлений в экономической (хозяйственной) деятельности;

– предупреждение преступлений, основанных на симбиозе общеуголовной и экономической преступности.

По нашему мнению, самыми важными вопросами в части предупреждения преступлений, совершаемых преступными группами, являются:

а) организация и создание системы, которые в своей работе будут заниматься только прогнозированием практических результатов преступления;

б) необходимо систематически выявлять не только причины, но и условия при которых возникла та или иная организованная преступность.

Эти меры будут иметь успех, только в том случае, если сотрудники правоохранительных органов будут иметь определенный уровень знаний, навыков, учитывать при этом не только национальный опыт в борьбе с организованной преступностью, но и, безусловно, опыт международный.

Все это возможно и эффективно, только если вести регулярный и постоянный обмен информацией между представленными выше субъектами посредством, например, семинаров, вебинаров, обучений с привлечением различных узкоспециализированных специалистов.

Мы солидарны с мнением многих авторов[1, с. 68], которые считают, что для обеспечения качественного функционирования системы по борьбе с организованной преступностью, важно наличие стабильных конструкций уголовно-правовых запретов при наличии комплекса сил и средств, при помощи которых можно было бы наиболее оперативно

реагировать на факты проявления организованной преступности, данные меры должны быть закреплены законодательно.

Кроме того, для эффективного функционирования представленных выше мер, важно проводить постоянный мониторинг состояния преступности.

Все превентивные и иные мероприятия, представленные выше, по нашему мнению, необходимо проводить в рамках национальной стратегии противодействия организованной преступности, утверждаемой указом Президента РФ. Кроме того, указанная стратегия может использоваться в качестве так называемой «дорожной карты».

Вместе с федеральным уровнем управления должен активно использоваться региональный уровень организации и контроля. Так, на федеральном уровне целесообразно решать вопросы законодательного обеспечения, перспективного и межведомственного планирования, контроля и ресурсного снабжения. Региональный уровень предоставляет больше возможностей для оперативного управления выделенными силами и средствами, организации и реализации практических мероприятий, а также получения исходной информации.

Представляется, что сочетание научно обоснованных методов планирования практических мероприятий в сочетании с гибкой системой оперативного планирования и стабильными уголовно-правовыми запретами позволяет не только повысить эффективность противодействия организованной преступности, но и значительно расширить спектр и действенность профилактического воздействия.

Список цитируемой литературы:

1. Антонян, Ю.М., Бражников Д.А. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор. – Москва, ФГКУ «ВНИИ МВД России», – 2019. – С. 68.

2. Васин, Ю.Г. О тенденциях уголовно-правовой политики противодействия организованной преступности // Актуальные проблемы Российского права. – Москва, – 2017. – №10. – С. 23-27.

3. Васин, Ю.Г. Организованная группа в уголовном законе: тенденции развития // Государство и право. – Москва, – 2015. – № 5. – С. 48-57; Васин, Ю.Г. Уголовно-правовая политика: предложения по совершенствованию // Научный вестник Омской академии МВД России. – Омск, – 2015. – № 1. – С. 8-12.

4. Забрянский, Г.И. Методика статистического изучения преступности. – Краснодар, - 2009. – С.84.

5. Организованная преступность: статистические данные [Электронный ресурс] – Официальный сайт Генпрокуратуры РФ. – URL: https://genproc.gov.ru

Чесноков Н.Д., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Климов А. С.

Chesnokov N.D., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A. S.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЙДЕРСТВА

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF RAIDING

Аннотация.

В статье раскрывается понятие рейдерства как преступления и его уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия рейдерскому захвату.

Abstract.

The article reveals the concept of raiding as a criminal offense and its criminal-legal and criminological aspects of countering raider seizure.

Ключевые слова: преступление; рейдерство; правовые аспекты рейдерства; ответственность.

Keywords: crime; raiding; legal aspects of raiding; responsibility.

При выявлении признаков преступления, ученые и практики уделяют внимание определению общественной опасности и противоправности конкретного деяния, определению совокупности фактических признаков преступления. При обозначении внешнего проявления общественно опасного поведения законодатель употребляет термин “деяние”.

Категория “деяние” включает две формы конкретного, выраженного вовне, преступного поведения: действие или бездействие. Большая часть преступлений совершается путем действия, то есть хищение, изнасилование, терроризм.

Всякое преступление влечет те или иные изменения во внешнем мире, в окружающей обстановке и вызывает наступление определенных последствий, вредных для охраняемых уголовным законом личных и общественных интересов.

При переходе к рыночным отношениям происходит изменение структуры преступности, переоценка общественной опасности явлений. Одним из таких деяний является рейдерство. Действия рейдеров направлены на группы предприятий (сети), на предприятия, связанные технологической цепочкой либо крупный бизнес, получили транснациональное значение. Квалификация рейдерского захвата, как захвата предприятия, становится частным примером, а наиболее общим, охватывающим данное противоправное явление, явился противоправный захват бизнеса.

Захватом, согласно российскому уголовному законодательству, являются внезапные для потерпевшего агрессивные действия виновного,

которые соединены с насилием или угрозой применения насилия. [1] Нападение и следующее за ним насилие (или угроза) составляют органическое единство двух противоправных актов, которые объединены единой целью - завладение материальным производственным комплексом либо установлением контролях над бизнесом.

Рейдеры разрушают социальную стабильность, реализуя схемы массового протеста на предприятиях. Большинство рейдерских схем расшатывают социальную стабильность. Как правило, миноритарными акционерами являются сами работники предприятия. Убеждая их продать акции, рейдеры нередко прибегают к дестабилизирующей аргументации, сеют панику, доводят целые коллективы до забастовок, пикетов и голодовок. Кроме того, одним из способов борьбы с нелояльностью миноритарных акционеров становится увольнение. Менеджменту компании приходится расставаться с квалифицированными кадрами, что еще более дестабилизирует обстановку и увеличивает риск возникновения точки социальной напряженности. Рейдеры становятся проводниками революционных методов [2, с.66-67].

Рейдерство признается преступлением, так как оно общественно опасно, совершенно виновно и определено как конкретное преступление, т.е. состав преступления отражает виновность, противоправность и общественную опасность деяния. К объективной стороне рейдерства относятся: общественная опасность деяния, совершенного группой лиц (действие и бездействие); общественно опасные последствия наступают в виде ликвидации предприятия, лишения жизни и здоровья собственников бизнеса, лишения

собственников бизнеса права на бизнес; причинная связь между рейдерством и его последствиями; время, место, способ, обстановка, орудие и средство совершения захвата бизнеса [3, с.34-35].

Рейдерский захват невозможен без проведения арбитражных судебных процедур в отношении хозяйствующего субъекта, ее крупных акционеров и руководства. Для предотвращения рейдерских захватов необходимо внимательное изучение предпосылок и причин захватов и недружественных поглощений, а также способов, которыми действуют рейдеры.

Рейдерство, неразрывно связанное с поведением преступников, проявляется также в реакции потерпевшего на совершаемые преступные действия. Отношения между этими фигурами носят правовой характер и регулируются уголовным законодательством, Акт преступного посягательства преобразует существующую до него связь этих лиц, носившую личный характер, в связь криминальную. От поведения потерпевшего во многом зависит юридическая классификация совершенного преступления и мера ответственности виновного. Потерпевшему принадлежат право на восстановление нарушенных свобод, право на возмещение причиненного ущерба и т.д. Права порождают обязанности, в том числе и для самого потерпевшего. Несмотря на то, что потерпевший является жертвой рейдерства, его обязанности специфичны: требовать восстановления прав и свобод в объеме понесенного ущерба; отвечать в рамках уголовного закона, если такая ответственность предусмотрена. В связи с чем, возникают особенности поведения потерпевшего в условиях рейдерского захвата бизнеса, его личной безопасности, применения мер административного

давления, методов уголовного преследования. На мой взгляд, действующее законодательство содержит и другие пробелы, которые активно используются рейдерами при противоправном завладении имущественными активами в ходе арбитражного процесса.

В целом, совершенствование законодательства и правовой системы в области противодействия рейдерству требует изменения системы государственного управления и мер по борьбе с коррупцией, а также есть потребность в преобразовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства в борьбе с этим противоправным явлением.

Список цитируемой литературы:

4. Уголовный кодекс Российской Федерации. //Собрание законодательства РФ. 2022. № 53-П.

5. Федоров А.Ю. Корпоративные конфликты и рейдерство / А.Ю. Федоров // Российская юстиция. - 2008. - № 4. - С. 66-67.

6. Киреев А. Рейдерство на рынке корпоративного контроля: результат эволюции силового рейдерства / А. Киреев // Вопросы экономики - №8-2007- С.34-35.

Чурсина Н.И., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Chursina N.I., student
Russia, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk Branch
Klimov A.S.

ПОНЯТИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

THE CONCEPT OF RECIDIVISM OF CRIMES AND ITS CRIMINAL-LEGAL CONTENT

Аннотация

Данная статья посвящена одной из актуальных проблем уголовного права - рецидивной преступности. Рецидивная преступность занимает весомую долю в общей структуре преступности. В статье раскрывается понятие и признаки рецидива преступлений. Определяются разновидности рецидива. Обосновывается, что уголовно - правовое содержание рецидива преступлений заключается в наличии судимости за предыдущее преступление. В случае рецидива за ранее совершенное преднамеренное преступление соответствующее лицо должно иметь судимость.

Abstract

This article is devoted to one of the urgent problems

of criminal law- recidivism. Recidivism occupies a significant share in the overall structure of crime. The article reveals the concept and signs of recidivism of crimes. The types of relapse are determined. It is proved that the criminal - legal content of recidivism of crimes consists in the presence of a criminal record for a previous crime. In case of recidivism for a previously committed intentional crime, the person concerned must have a criminal record.

Ключевые слова: рецидив преступления, судимость, особо тяжкое преступление, лишение свободы, опасный и особо опасный рецидив.

Keywords: recidivism, criminal record, especially serious crime, imprisonment, dangerous and especially dangerous recidivism.

Институт рецидива известен давно и вряд ли вызывает вопросы в необходимости его существования. Актуальность исследования этого института объясняется, в первую очередь, его распространенностью на практике. Содержание понятия рецидива преступления правильно раскрывать на основании Уголовного кодекса и практики его применения, так как рецидив является уголовно - правовым понятием. Так, согласно Уголовному Кодексу Российской Федерации в ст.18 раздела II Общей части УК «Понятие преступления и виды преступлений» регламентированы случаи рецидива преступлений. В то же время совершение лицом двух или более преступлений могут при соответствующих условиях образовывать совокупность и повторность (например, совершение грабежа лицом, которое раньше совершило кражу), повторность и рецидив (например, совершение вымогательства лицом, которое имеет

судимость за мошенничество). Это предопределяет необходимость определить нормативное содержание понятия рецидива преступлений, отграничить рецидив от указанных проявлений множественности преступлений и установить некоторые особенности уголовной ответственности в случае рецидива преступлений [1].

Уголовный кодекс 1996 г. закрепил определение рецидива преступлений и его правовых последствий. Понятие рецидива определено в ст. 18 УК как совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, а в п.5 данной статьи было установлено, что рецидив преступлений учитываются при квалификации преступлений и назначении наказания влечет более строгое наказание.

На основании данной статьи можно выделить следующие признаки рецидива:

1) совершение одним лицом более двух и более преступлений;

2) умышленный характер, совершенных преступлений;

3) наличие судимости за ранее совершенное умышленное преступление;

4) на момент совершения нового преступления лицо имеет судимость за предыдущее преступление.

Основным признаком рецидива является совершение лицом двух или более умышленных преступлений. Этот признак характерен для всех форм множественности преступлений. Но особенностью рецидива является то, что его образуют не все преступления, а лишь те, которые имеют умышленный характер. Это обусловлено психологической сущностью рецидива, определяющей повышенную опасность

личности виновного. Данный вид преступления, по сравнению с неосторожными преступлениями, имеет повышенную социальную опасность. Выделяя эти правонарушения, законодатель принял во внимание место, которое занимает противозаконное поведение, во всей системе индивидуальных личностных качеств лиц, совершивших преступное деяние. Действие является осознанным в том случае, когда правонарушитель предвидит вероятность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, желает или относится к этому безразлично [2, с.25].

Уголовный кодекс выделяет рецидив, как опасный и особо опасный. Однако здесь следует выделить несколько важных моментов. Одним из которых является то, что все преступления в пределах рецидива являются преднамеренными. В то же время умысел может быть прямой и косвенный. То есть понятие рецидива, которое содержится в ст. 18 УК, ограничивает его лишь случаями совершения нового преднамеренного преступления лицом, осужденным за преднамеренное преступление.

Рецидива не образует:

а) совершение неосторожного преступления, когда преступление, за совершение которого лицо имело судимость, было умышленным,

б) совершение умышленного преступления, если преступление, за совершение которого лицо имело судимость, было неосторожным. Судимость за преступление, совершенное в несовершеннолетнем возрасте, при определении рецидива не учитывается.

Д. Ю. Краев объясняет, что неосторожные преступления являются отображением недостаточно заботливого, недобросовестного отношения виновного к интересам отдельной личности, общества или

государства и не свидетельствуют о наличии у виновного устойчивых антисоциальных взглядов. В отличие от этого, преднамеренная форма вины говорит о негативной установке виновного к общественным отношениям, которые охраняются уголовным законом. Учитывая указанное, повторное совершение преднамеренного преступления дает возможность констатировать его неслучайный характер, глубокую степень моральной деградации виновного, наличие укоренившихся антиобщественных убеждений, которые являются характерным признаком рецидива [3, с. 123].

Следующим важным моментом, который определяет уголовно-правовое содержание рецидива преступлений является наличие судимости за предыдущее преступление. В случае рецидива за ранее совершенное преднамеренное преступление соответствующее лицо должно иметь судимость.

Судимость представляет собой правовое состояние лица, которое возникает из-за его осуждения и, при перечисленных в законе условиях, влечет наступление для него определенных негативных последствий.

В юридической литературе судимость определяется как мера уголовно-правового характера, который применяется к лицу за совершение преступления, возникает на основании вступившего в силу обвинительного приговора, с назначением наказания, законной силы и влечет наступление неблагоприятных правовых последствий. Это значит, что за отмеченное преступление относительно этого лица должен существовать обвинительный приговор, который вступил в законную силу.

Ю. А. Красиков связывает судимость с личностью человека, и определяет ее как особенное правовое

состояние. Такой же мысли придерживаются и другие авторы, которые также отмечает, что данное правовое состояние характеризует социальную позицию и роль в обществе того или иного человека. Исходя по этого, важно отметить, что исследование правовой сущности и социальной природы судимости имеет важное значение, ведь все негативные последствия, которые порождает судимость, потом играют важную роль в жизни конкретно взятого лица, преимущественно не слишком позитивную. Потому что судимость, как явление, влияет на человека не только с моральной или психологической точки зрения, но и с практической [4, с. 25].

Судимость, прежде всего, направлена на решение одной, но, безусловно, важной проблемы - противодействие рецидивной преступности. Действительно, на сегодняшний день, тема судимости достаточно актуальна, и она по праву занимает важное место среди тех институтов, которые направлены на защиту конституционного строя и целостности государства, а также прав и законных интересов граждан. Понятно, что судимость, как институт осуждения лица, дает возможность осуществлять определенное влияние на лицо, которое уже отбыло наказание, но еще не вернулось к обычной жизни.

Принимая во внимание все выше сказанное, можно утверждать, что институт судимости является важной и просто неотъемлемой составной частью современного уголовного права, который исполняет чрезвычайно важную роль - помогает лицам исправиться и начать жить обычной жизнью, в рамках закона. Однако на сегодняшний день существуют проблемные моменты именно в сфере применения законодательства относительно погашения или снятия

судимости, и именно они не дают возможность функционировать данному институту должным образом.

Наверно, наиболее удачными наглядными примерами, на основе которых можно с уверенностью судить, в том числе и о неправильности применения законодательства, есть реальные решения (приговоры) судов в уголовных делах, где возникали разнообразные спорные ситуации, которые удавалось решить лишь с помощью кассационной инстанции.

Например, Липецкий областной суд от 10.02.2009 № 22–163–2009 рассматривал дело относительно лица, к которому якобы должно быть применено положение о рецидиве преступлений. В соответствии с обстоятельствами дела, лицо было ранее осуждено за совершение двух преднамеренных преступлений, за что и отбыло наказание в виде лишения свободы. Не прекратив статус ранее судимого лица, данный гражданин совершил новое преступление, но по неосторожности, и суд первой инстанции учел факт непогашенной судимости как отягчающее обстоятельство и применил положение о рецидиве преступлений. Областной суд упразднил решение районного суда, опираясь на статью 18 Уголовного кодекса, где четко прописано, что рецидив преступления наступает только тогда, когда лицо, которое имеет судимость за совершение преднамеренного преступления, опять совершает преднамеренное преступление, а не преступление по неосторожности. [5].

Как показывает вышеприведенный пример, только с помощью Апелляционной инстанции удается решить дела по справедливости, тем самым обеспечив защиту прав и интересов лица.

Главное, что здесь нужно отметить, так это то, что времени нужно потратить на подобные судебные споры и доводы - очень много, при том, что лицо находится в местах отбывания наказания, и оно ограничено в том, чтобы качественно защитить свои права. Поэтому эта ситуация является наглядным примером того, что профессиональные судьи из-за своей халатности и безответственности, могут допускаться подобные ошибки.

Исследование практики применения законодательства о погашении и снятии судимости, позволило сформулировать следующий вывод: представляется целесообразным разработать и принять рекомендации относительно обязательных шагов профессионального судьи по определению наличия или отсутствия судимости у обвиняемого лица.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 05.04. 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Красиков Ю. А. Формы и виды множественности преступлений // РИО ВЮЗИ. 1987. № 33. С.25–26.

3. Кондратьев С.В. Об усилении ответственности при специальном рецидиве преступлений // Экономика и право. 2012. № 4. С. 122-127.

4. Краев Д. Ю. Множественность преступлений. Санкт-Петербург. 2016. Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 120 с.

5. Определение Липецкого областного суда от 10.02.2009 № 22–163–2009

Шанк В.В., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Левашова О.В.

Shank V.V., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Levashova O.V.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

FEATURES OF QUALIFICATION OF VIOLATION OF PRIVACY

Аннотация.

Конституционное право на неприкосновенность частной жизни рассматривается как комплекс составных прав. Статья посвящена анализу основных проблем обеспечения данного права в современном обществе. В статье указывается на необходимость совершенствования конституционно-правового регулирования отношений в сфере обеспечения права на неприкосновенность частной жизни.

Abstract.

The constitutional right to privacy is considered as a complex of composite rights. The article is devoted to the analysis of the main problems of ensuring this right in modern society. The article points to the need to improve the constitutional and legal regulation of relations in the field of ensuring the right to privacy.

Ключевые слова: конституция, уголовный кодекс РФ неприкосновенность частной жизни, личная тайна, семейная тайна, сталкинг.

.**Keywords:** the Constitution, the Criminal Code of the Russian Federation inviolability of private life, personal secret, family secret, stalking.

Нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) является одним из преступлений против конституционных прав и свобод личности. При совершении данного преступления имеет место собирание и распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну потерпевшего, совершенное без его согласия, либо публичное распространение этих сведений.

С учетом сформировавшегося в законодательстве определения понятия «частная жизнь» как всеобъемлющего, охватывающего сферы не запрещенной и не противоправной деятельности человека, реализацию им личных интересов, собственное усмотрение относительно круга лиц, с которыми он осуществляет контактное взаимодействие, можно заключить, что уголовно-правовая охрана имеет в данном случае практически неограниченный характер.

В судебной практике нарушением неприкосновенности частной жизни признаются любые действия, направленные на сбор и предание огласке, в

том числе, публичной, информации о частной жизни лица[1, с. 206].

В контексте нарушения неприкосновенности частной жизни достаточно интересно рассмотреть перспективы криминализации «сталкинга» (преследования лица, сопряженного с высказыванием угроз либо оскорблений или же с применением насилия). В основе данного явления лежит та же мотивация, что и для нарушения неприкосновенности частной жизни – враждебные отношения, возникшие на почве личной неприязни, ревности, мести, нетерпимости. Осуществляя незаконное преследование, субъект осознает, что он действует вопреки воле жертвы, что он вмешивается в сферу ее частной жизни, и желает этого. При этом нарушение неприкосновенности частной жизни в форме собирания сведений о ней без согласия потерпевшего сочетается с данными действиями (например, при установлении наблюдения за его жилищем, при попытке вмешательства в его личные дела, досуг, рабочий процесс). Кроме того, эти деяния могут предшествовать осуществлению сталкинга (преследования), имея разведывательный характер.

Общественная опасность явления сталкинга выражается в том, что создается угроза личной безопасности человека, появляются препятствия для свободного определения им личного пространства, нарушается его эмоциональное состояние.

В свою очередь, общественная опасность нарушения неприкосновенности частной жизни состоит в том, что осуществляется грубое вмешательство в сферу, закрытую для постороннего вторжения помимо воли человека. Как видно, эти поля пересекаются. Более того, совершение сталкинга может предшествовать

более тяжким преступлениям, посягающим на жизнь, здоровье, половую свободу и другие блага, принадлежащие потерпевшему. При нарушении неприкосновенности частной жизни также могут быть созданы условия для совершения этих преступлений в будущем.

Именно поэтому в законодательстве некоторых зарубежных стран (Австрия, Бельгия, Голландия, Польша, ФРГ и др.) сталкинг является уголовно наказуемым. Например, в ст. 190а УК Польши он называется «упорным преследованием» и наказывается в тех случаях, когда существенно нарушает частную жизнь потерпевшего, либо вызывает у него «оправданное обстоятельствами чувство опасности». По сути, такой подход отражает, что сталкинг выступает наиболее тяжкой разновидностью нарушения неприкосновенности частной жизни.

При этом становится более понятным, что лежит в основе побуждений ко вторжению в частную жизнь человека, и какие иные деяния охватываются умыслом виновного. На страницах польской юридической печати высказаны позиции относительно критериев существенности нарушения частной жизни: в этих целях рассмотрена частота и интенсивность воздействия на жертву (например, назойливые телефонные звонки в ночное время, отправка текстовых сообщений), активность противоправного поведения (подкарауливание возле дома, попытки установить личный контакт и пр.). Необходимо упомянуть и о том, что криминализации сталкинга в Польше предшествовали масштабные виктимологические исследования, по результатам которых было установлено, что более 10% респондентов хотя бы один раз в жизни подвергались сталкингу[2, с. 153].

В странах англосаксонской правовой семьи сталкинг рассматривается как разновидность «психологически оскорбительного поведения», однако необходимый акцент на том, что в данном случае осуществляется грубое вторжение в частную жизнь, также делается. Из этого можно заключить, что навязчивость преследования и вмешательство в частную жизнь человека рассматриваются во взаимосвязи. Они достаточно часто имеют и «сексуальную» подоплеку, поскольку или совершаются отвергнутым поклонником жертвы, или направлены на понуждение ее к интимной связи. Уголовно-правовой запрет на понуждение к действиям сексуального характера российскому законодательству известен.

Однако ст. 133 УК РФ ограничена именно направленностью против половой свободы личности и не охватывает иных сфер реализации человеком принадлежащих ему нематериальных благ (например, случаев преследования из ревности, из ненависти, из мести). При этом интенсивность угроз рассматривается исследователями как достаточно низкая.

Для сравнения, ст. 119 УК РФ, устанавливающая ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью не охватывает тех проявлений сталкинга, которые не связаны с выражением таких намерений. Более того, действия, совершаемые на почве, например, ревности и сопряженные с нарушением неприкосновенности частной жизни, не могут быть квалифицированы иначе как по ст. 137 УК РФ.

При этом из поля зрения правоприменителя выпадает главное – создание условий для возможного совершения другого преступления. Положения УК РФ о доведении до самоубийства также не охватывают

проявлений сталкинга, если субъект не высказывал угроз и не допускал жестокого обращения с потерпевшим. Если угрозы в адрес потерпевшего имели место, и им была предпринята попытка самоубийства, квалифицировать это по соответствующей части статьи 110 УК РФ возможно, но при условии, что умыслом виновного охватывались такие последствия. В противном случае эта норма так же не работает, и содеянное может быть рассмотрено только как нарушение неприкосновенности частной жизни.

Следует отметить и то обстоятельство, что гражданско-правовые способы защиты частной жизни от произвольного вторжения не охватывают проявлений сталкинга, поскольку распространяются на иные случаи. Например, ч. 1 ст. 152.2 ГК РФ запрещает сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни лица без его согласия. Однако во взаимосвязи с иными нормами этой статьи становится ясно, что имеются в виду случаи предания огласке этой информации, т.е. ее обнародование неограниченному кругу лиц.

Гражданско-правовые инструменты защиты неприкосновенности частной жизни получили научное одобрен, но в наибольшей степени они показывают свою работоспособность в тех случаях, когда вмешательство осуществляется в целях использования полученных данных для совершения юридически значимых действий или же в целях привлечения общественного внимания к какой-либо персоне.

Сталкинг же как явление, охватывающее поведение только одного лица – нарушителя неприкосновенности частной жизни – не подразумевает ни пробуждения общественного интереса или формирования общественного мнения о конкретном

лице, ни использования полученных данных при заключении или исполнении обязательств.

С последним, по сути, можно сравнить противоправную деятельность коллекторских агентств[2, с. 159], существенно минимизированную с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

В связи с изложенным представляется необходимым дополнить ст. 137 УК РФ частью 4 следующего содержания:

«4 Незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, сопряженное с систематическим преследованием потерпевшего или иным вмешательством в его частную жизнь, - наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период до трех лет, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок». Относительная строгость наказания, по сравнению с ч. 1 ст. 137 УК РФ, означает, в том числе, криминализацию сталкинга как преступления средней тяжести.

Как представляется, криминализация сталкинга создаст условия для уголовного преследования лиц, которые своим агрессивным и навязчивым поведением осуществляют вторжение в чужую частную жизнь и создают препятствия для реализации потерпевшим принадлежащих ему нематериальных благ.

В целях придания большей правовой определенности предлагаемому запрету необходимо дополнить ст. 137 УК РФ примечанием, в котором разъяснить следующие понятия: – систематическое преследование – совершенное три и более раза в агрессивной навязчивой форме воздействие на потерпевшего, в том числе, сопряженное с угрозами применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения сведений, порочащих потерпевшего и его близких; - иное вмешательство в частную жизнь – осуществление контактов с потерпевшим против его воли лично или с использованием телефонной или почтовой связи, средств массовых коммуникаций, ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Тем самым способы сталкинга, наиболее распространенные на практике, получат прозрачное описание в уголовно-правовой норме. Уголовный закон в этой части станет более понятен правоприменителям (появится четко определенное основание для применения мер уголовно-правовой, а не гражданско-правовой охраны), а также гражданам, которые, столкнувшись с противоправным поведением, будут точно осведомлены о порядке защиты от него.

Диспозиция ст. 137 УК РФ является неоправданно узкой, так как охватывает только незаконные сбор и распространение информации о частной жизни человека, составляющей его личную и семейную тайну. Необходимо криминализировать незаконные сбор и распространение иной информации о частной жизни человека, не являющейся его личной или семейной тайной, а также хранение такой информации, если она находится на материальном носителе.

Под незаконным собиранием информации о частной жизни человека следует понимать любые начавшиеся и продолжающиеся целенаправленные незаконные действия виновного, в результате которых он получает информацию о частной жизни потерпевшего. При этом целенаправленность позволяет содержательно определить степень общественной опасности, являющуюся основанием для признания собирания преступлением, и отличить от подобных деяний, которые в силу отсутствия общественной опасности преступлениями не являются. Вторая важная характеристика собирания - это её определённость, предполагающая наблюдение, прослушивание и т.д., как правило, конкретного индивидуально-определённого человека или группы людей для получения конкретной информации.

Развитие правовых норм, предусматривающих защиту права на неприкосновенность частной жизни, отражает стремление законодателя к закреплению в нормативно-правовых актах приоритета прав и свобод граждан. Исходя из того, что степень индивидуальной свободы определяет степень свободы общества в целом и выступает показателем уровня правового и демократического государства, можно сделать вывод, что формирование в России правового государства и становление гражданского общества является невозможным при отсутствии оптимальных правовых условий обеспечения реализации конституционного права на неприкосновенность частной жизни.

Список цитируемой литературы

1. Баринов, С. В. Реформирование административно-правовой нормы об ответственности

за нарушение законодательства в области персональных данных как повод для подготовки соответствующих изменений в ст. 137 УК РФ // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: Сборник научных статей, Курск, 01 апреля 2018 года / Редколлегия: А.А. Гребеньков [и др.]. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. – С. 205-209.

2. Голонка, А. Упорное преследование как новый тип запрещенного деяния // Социальные и гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 154-160.

Шеховцева Д.Н., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Климов А.С.

Shehovtseva D.N., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Klimov A.S.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

CRIMES ATTACKING THE SEXUAL INTEGRITY OF MINORS

Аннотация.

В данной статье рассматриваются теоретические аспекты преступлений, связанных с посягательством на половую неприкосновенность несовершеннолетних, а также негативные последствия, которые влечет за собой совершенное преступление и основные вопросы, которые перед собой ставит научное сообщество, ответы на которые позволят предупреждать совершение преступлений данного характера.

Annotation.

This article discusses the theoretical aspects of crimes related to the infringement of the sexual integrity of minors, as well as the negative consequences that the committed crime entails and the main questions that the scientific community poses, the answers to which will prevent the commission of crimes of this nature.

Ключевые слова: преступление против несовершеннолетних, педофилия, профилактические меры, лечение, жертва.

Keywords: crime against minors, pedophilia, preventive measures, treatment, victim.

Посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности (половые преступления) являются одними из наиболее опасных криминальных деликтов. Именно поэтому законодатель относит их к категории тяжких и особо тяжких преступных деяний, устанавливая за их совершение санкции вплоть до лишения свободы. Вопросам совершенствования уголовно-правового механизма противодействия половым преступлениям уделялось внимание многими российскими исследователями.

Изнасилование и другие формы сексуального насилия, вероятно, являются одним из самых серьезных нарушений физической неприкосновенности, которые могут произойти.

Сексуальные преступления, направленные против несовершеннолетних, всегда присутствовало в истории человечества. Даже ранние религиозные тексты и греческая мифология содержали упоминания о сексуальных преступлениях. Сексуальные преступления сами по себе не изменились с течением времени,

изменились наши представления, определения и законы, регулирующие сексуальные преступления.

Каждый год миллионы девочек и мальчиков во всем мире сталкиваются с сексуальным насилием и эксплуатацией. Сексуальное насилие происходит повсюду – в каждой стране и во всех слоях общества. Ребенок может подвергаться сексуальному насилию или эксплуатации дома, в школе или в своем сообществе [4].

Преступление оказывает травмирующее воздействие на жертв. Когда эти жертвы - дети, это воздействие принимает еще большие потери. Помимо физических, психологических и эмоциональных травм, полученных в результате совершенного преступления, дети могут быть запуганы, сбиты с толку и повторно травмированы в результате участие в системе уголовного правосудия, особенно при даче показаний в суде.

В последние годы внимание средств массовой информации все больше сосредотачивается на сексуальном насилии над детьми, что повышает осведомленность общественности о необходимости и важности профилактических программ для этой конкретной группы правонарушителей.

Дети, которые по определению нуждаются в опеке и заботе взрослых, относятся к числу наиболее уязвимых и невинных жертв преступлений. Преступления против детей включают физическое и эмоциональное насилие, эксплуатацию, например, через детскую порнографию или торговлю несовершеннолетними в целях сексуальной эксплуатации. Преступления, связанные с детьми, не редко совершаются ближайшими родственниками: родителями, опекунами и другими лицами, на которых возложена их забота и руководство. Школьные

чиновники, врачи, полицейские и другие авторитетные лица обязаны сообщать о любых признаках жестокого обращения или эксплуатации в отношении ребенка.

Для правоохранительных органов и общественности сексуальные посягательства, особенно сексуальные посягательства на маленьких детей, являются серьезной социальной проблемой. Воспитатели опасаются таких нападений, когда их дети находятся вне поля зрения. Правоохранительные органы, службы защиты детей и законодательные органы работают над сокращением числа таких преступлений. Однако, хотя в общественном сознании запечатлелись несколько получивших широкую огласку инцидентов, эмпирической информации об этих преступлениях мало. До недавнего времени у правоохранительных органов и политиков было мало неопровержимых фактов, на которых они могли бы основывать свой ответ на эти преступления, их жертв и их преступников. Например, в период с 2010 по 2018 годы в Соединенных Штатах было зафиксировано 197 000 случаев изнасилования и 110 000 случаев других сексуальных посягательств с участием жертв в возрасте 12 лет и младше [4].

В литературе предложено множество определений преступлений, направленных против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Их объединяет то, что преступление не обязательно должно включать физический контакт между преступником и ребенком. Вместо этого определения относятся к различным видам сексуальных домогательств, которые могут иметь место в континууме власти и контроля, начиная от бесконтактного сексуального насилия (например, эксгибиционистских действий) и заканчивая контактным сексуальным насилием (например,

насильственное изнасилование). Изнасилование относится к сексуальным отношениям с участием кого-то моложе «возраста согласия». Несовершеннолетние люди не могут по закону дать согласие на секс, поэтому любая форма сексуальной активности с ними нарушает закон.

Основными видами преступных посягательств против половой неприкосновенности несовершеннолетних в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации являются: изнасилование (ст.131 УК РФ); насильственные действия сексуального характера (ст.132 УК РФ); понуждение к действиям сексуального характера (ст.133 УК РФ); половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшем шестнадцатилетнего возраста (ст.134 УК РФ); развратные действия (ст.135 УК РФ).

Состав преступлений против половой неприкосновенности является формальным, оконченным признается с момента совершения действий, независимо от результата таких действий. Преступления против половой неприкосновенности могут быть совершены в отношении лиц обоего пола, не достигших на момент совершения преступления двенадцатилетнего, четырнадцатилетнего либо шестнадцатилетнего возраста. Статьей 134 и 135 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение действий в отношении лица, не достигшего возраста половой зрелости. Половая зрелость представляет собой такое состояние организма, когда он способен выполнять половые функции. Мужской организм при достижении половой зрелости способен к половому сношению и оплодотворению, а женский к совокуплению, зачатию, вынашиванию и родам [1].

Несовершеннолетние составляют почти половину от числа жертв насильственных преступлений сексуального характера, являются каждой четвертой жертвой изнасилования, каждой третьей жертвой, вовлеченной в занятие проституцией.

Обычно жертвами сексуального порочного отношения являются дети моложе 12 лет. Взрослые преступники пользуются тем, что в этом возрасте ребенок еще не понимает происходящего, его легче запугать, склонить к тому, чтобы он никому не говорил о том, что произошло.

Раннее начало половой жизни подростков отрицательно влияет на их поведение, вредит их физическому и психическому здоровью, лишает необходимых социально полезных качеств, делает трудновоспитуемыми, калечит их морально, в чем и выражается совокупный вред половых посягательств на несовершеннолетних. Кроме того, со стороны жертвы проявляются склонность к употреблению алкоголя и наркотических средств, половая распущенность, неразборчивость в выборе знакомых вследствие склонности к веселому времяпрепровождению при неоправданной обстоятельствами доверчивости.

Сексуальные посягательства причиняют существенный вред здоровью детей и подростков. Нравственно-психологический ущерб, который причиняется этими преступлениями, вообще не поддается оценке. Как правило, дети, подвергшиеся насилию, остаются один на один с причиненными нравственными травмами.

При сексуальном насилии высок риск суицида и глубоко выражена депрессия. У детей, подвергнувшихся сексуальным злоупотреблениям, в дальнейшем могут возникнуть глубокие эмоциональные нарушения [2].

Законодателем установлено, что совершение развратных действий без применения насилия преследует цель побуждения у жертвы преступления полового влечения, при условии осознания субъекта преступления своих действий, и наличии сведений о возрасте лица, в отношении которого совершается деяние. Наиболее распространенными являются такие формы развратных действий как: демонстрация несовершеннолетним обнаженного полового органа, дотрагивание руками до груди девочки либо половых органов, включая случаи повреждения девственной плевы ребенка, совершение полового акта в присутствии лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста.

Вследствие появления новых цифровых технологий и развития Интернета увеличились возможности совершения преступлений против сексуального самоопределения несовершеннолетних из-за экрана компьютера. Как незаконное распространение, приобретение и хранение материалов, связанных с сексуальной эксплуатацией детей, так и ухаживание и домогательство в Интернете, инициирование онлайн-контактов с детьми с намерением удовлетворить свое сексуальное желание посредством получения откровенно сексуальных изображений или киберсекса относятся к этой категории.

Глобальный охват и анонимность Интернета значительно облегчили распространение материалов о сексуальном насилии над детьми и доступ к ним. Правонарушители теперь могут создавать, обмениваться и даже направлять видео в прямом эфире о жестоком обращении с детьми, даже младенцами. Они также могут вступать в непосредственный контакт с

детьми через социальные сети и функции чата в играх или приложениях.

Исследования показывают, что количество преступлений на сексуальной почве в Интернете увеличилось, что можно объяснить доступностью и анонимностью онлайн-среды [2].

Сексуальный интерес к детям считается фактором риска как для возникновения, так и для прогрессирования преступлений против половой неприкосновенности. Сексуальное предпочтение детей, как правило, в препубертатном или раннем пубертатном возрасте, сопровождающееся постоянными сексуальными фантазиями и побуждениями с участием детей в течение периода не менее 6 месяцев, на которое действовал индивид или которое вызывает выраженный дистресс или трудности в межличностных отношениях, описывается как «педофилия». Тем не менее сексуальный интерес к несовершеннолетним не является ни необходимой, ни достаточной предпосылкой для преступлений против сексуального самоопределения детей. Напротив, по оценкам, только 50% лиц, совершивших сексуальное насилие над детьми, имеют сексуальную ориентацию по отношению к детям. Соответственно, правонарушителям должно быть предоставлено лечение независимо от потенциальных педофильских интересов.

Программы когнитивно-поведенческой терапии, использующие принципы «риск-потребность-реагирование» и работающие с динамическими факторами риска, оказались наиболее эффективными при лечении лиц, совершивших преступления на сексуальной почве [1].

В процессе разработки мер первичной профилактики большое значение имеет определение

факторов, ведущих к развитию склонности сексуализировать детей. В литературе есть много исследований и теорий, посвященных изучению людей, жестоко обращающихся с детьми. В последнее время были разработаны теории, утверждающие, что многие факторы, включая биологические, психологические и межличностные отношения, могут привести к возникновению педофильной тенденции. Основные вопросы, которые ученые анализируют при определении причин совершения сексуальных преступлений в отношении детей: Люди выбирают быть педофилами? Или они такими рождаются? Если они рождаются с этой тенденцией, может ли какое-либо лечение превратить этих людей в нормальную взрослую сексуальную ориентацию? [3]

Некоторые теории подчеркивают, что необходимо учитывать взаимодействие факторов развития, семьи и окружающей среды в возникновении педофильной тенденции. Хотя существует множество теорий и исследований по этому вопросу, пока нет достаточных экспериментальных данных о том, какие факторы риска являются более важными или как эти факторы взаимодействуют.

Таким образом, совершение преступлений против половой неприкосновенности детей несет ряд категорически негативных последствий, создавая серьезную угрозу для общества. Выявление причин, перетекающих в мотив для совершения данных преступлений, является краеугольным камнем в разработке мер, направленных на предотвращение и предупреждение совершения сексуальных преступлений.

Список цитируемой литературы:

1. Агафонов А.В. Профилактика половых преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Сборник материалов XII международной научно-практической конференции 19-20 февраля 2009 г. - Красноярск: СибЮИ МВД России, 2009, Ч. 1. - С. 197-200

2. Айнетдинова Н.Х. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, по делам о ненасильственных половых преступлениях, совершаемых в отношении несовершеннолетних // Следователь. Федеральное издание. - М., 2004, № 9. - С. 32-36

3. Николаева Ю.В. Уголовно-правовая охрана физического и психического развития несовершеннолетних от преступных посягательств // Право и политика, 2008, № 2

4. UNICEF: Сексуально насилие над детьми. URL: https://www.unicef.org/protection/sexual-violence-against-children

Шитикова М.Д., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель Шагунова В. М.

Shitikova M.D., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer Shagunova V. M.

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

THE CONCEPT OF CRIME IN THE CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Аннотация.

В статье раскрывается понятие преступления в уголовном праве зарубежных стран. Все правовые системы, которые существуют в мире по-разному определяют понятие преступления, соответственно за их совершение применяются отличающиеся друг от друга меры государственного принуждения. Данная статья подробно опишет как понимается преступление в зарубежных странах.

Abstract.

The article reveals the concept of crime in the criminal law of foreign countries. All legal systems that exist in the world define the concept of crime in different ways,

respectively, different measures of state coercion are applied for their commission. This article will describe in detail how crime is understood in foreign countries.

Ключевые слова: Преступление, Уголовное право, Право зарубежных стран, Законодательство, Источники права, Закон.

Keywords: Common law; Statutory law; Delegated legislation; Legislation of the European Community; crime; law; legislative acts; judicial precedent; statutes.

Прежде чем говорить о понятии преступления следует обратиться к истории. Еще во второй половине XVIII в. в зарубежных государствах Европы, на почве кризиса феодально-абсолютистской государственности возникает вопрос о сущности преступления.

Тогда продолжал действовать принцип, согласно которому безнравственные деяния тем быстрее искореняются, чем беспощаднее наказуются. Мыслители того времени (Дж. Локк, Ш. Монтескье, Д. Юма) стремятся преодолеть традиционное понимание права и развить абсолютно новое его истолкование. Они придерживались того мнения, что под влиянием деспотизма репрессия неизбежно приводит к поводу или предлогу для систематической, расчетливо-корыстной терроризации населения, которая развращает общество «снизу доверху». Именно это и считалось преступлением, исходя из его нравственного понятия. Разумное ограничение карательного насилия - единственный способ оздоровления общества.

Понятие преступного деяния является основным в любой правовой системе, однако большинство зарубежных стран в УК их не дают. Понятие и признаки

преступления разрабатываются уголовно-правовой доктриной.

Нормативные определения в настоящее время существуют, например, в ФРГ, США, Испании, Нигерии и некоторых других государствах. Такие определения носят формальный характер и помещаются в разделы о толковании терминов. Так, согласно УК штата Нью-Йорк, преступление представляет собой "поведение, за которое наказание тюремным заключением на срок или штрафом предусмотрено любой нормой права данного штата или, вообще, любой нормой права, местным правом либо ордонансом органа государственной власти данного штата или любым приказом, правилом или инструкцией, которые приняты каким-либо правительственным учреждением в соответствии с предоставленными ему для этого полномочиями". Преступлением, согласно такому определению, является деяние, запрещенное "любой нормой права". Главный признак преступного посягательства - наказуемость деяния специфичным уголовным наказанием (тюремным заключением), а также штрафом. Вопрос о том, что представляет собой запрещенное уголовным правом поведение, какова его социальная направленность, в приведенном определении не решается.

Что касается доктринальных определений, то они отличаются большим многообразием. В традиционной англо-американской доктрине преступление характеризовалось двумя признаками, которые обозначались латинскими словами "actus reus" (преступное деяние) - материальный признак, характеризующий объективную сторону преступления, и "mens rea" (виновное состояние ума) - признак,

характеризующий субъективную сторону совершенного.

В действующем УК Франции, как и в двух предыдущих французских кодексах 1791 и 1810 гг., понятие преступного деяния отсутствует. Этот вопрос исследуется в уголовно-правовой доктрине. В современных курсах уголовного права преступное деяние определяется как "всякое действие или бездействие, которое общество запрещает под угрозой уголовной санкции"], либо как "нарушение фундаментальных групповых норм". Многие авторы определяют преступное деяние через перечисление его основных признаков. К ним, как правило, относят: а) материальный (действие или бездействие), б) законодательный (предусмотренность и наказуемость уголовным законом), в) психологический (вменение в вину) и г) так называемый признак "неоправданности". Последний означает, что отсутствуют причины для оправдания такого поведения (правомерная защита, состояние необходимости и т. п.).

Действующий УК ФРГ закрепляет формальное определение преступления. В уголовно-правовой доктрине Германии преступным деянием признается противоправное, виновное, соответствующее признакам состава, запрещенное под угрозой наказания деяние. При этом "противоправность" толкуется широко: как противоречие деяния правопорядку в целом. Вина трактуется как упречность поведения, соответствующего составу закона. "Упрек" суда в адрес правонарушителя считается предпосылкой вменяемости. Признак "соответствия составу закона" понимается как наличие в конкретном деянии законодательно определенных признаков какого-либо состава. Конструкция состава, по мнению германских

юристов, выступает только одним из оснований уголовной ответственности, предпосылкой признания деяния преступным. Наличие состава в действиях лица еще не означает, что деяние является противоправным и виновным.

Английская уголовно-правовая система, так же, как и законодательство не имеет четкой дефиниции термина преступление. Юристы Великобритании считают сложной и практически невозможной разработку объяснения, могущего охватить всесторонне это сложное понятие. Некоторые авторы даже считают необязательной легальную формулировку преступлений. Тем не менее, процесс поиска особенностей, которые могли бы создать базу для четкой дефиниции термина преступление, продолжается, и в уголовно-правовых доктринах Англии встречается несколько интерпретаций данного термина.

Известный Английский правовед Стифен в своих «Комментариях к законам Англии» дал нижеследующее объяснение преступлению: «Преступлением является всякое нарушение права, рассматриваемое с точки зрения вредной направленности (evil tendency) такого нарушения против общества в целом».

Другой интерпретацией преступления является та, которая отражена в Энциклопедическом Словаре Английского Права, согласно которой «… преступлением является действие или невыполнение обязанности, причиняющее вред обществу и запрещенное законом под страхом наказания, налагаемого государством».

Третьей, более развернутой формулировкой преступления является: «Преступлением или уголовным правонарушением является вред, запрещенный правом,

независимо от того, является ли он также деликтом, нарушением договора или нарушением доверия, главным последствием которого будет то, что преступник, если найден и подлежит уголовной ответственности, преследуется в уголовном порядке от имени государства и, если будет признан виновным, наказывается».

Очевидно, что первое объяснение термина преступление - лаконично и не полностью охватывает само значение преступления. Третья же интерпретация - слишком запутана из-за ее детального объяснения. Наиболее удачным с точки зрения четкости и охвата данного понятия является второе объяснение, которое в то же время имеет свои недочеты. В таком определении преступление с одной стороны выступает как посягательство на правовой запрет, а с другой - на ценности общества. Все это говорит о том, что Английское право в основном не кодифицировано и основано на прецедентах, что делает процесс разработки интерпретации такого явления, как преступление усложненным.

В заключении хотелось бы уточнить и подытожить поставленную мною цель в рассмотрении понятия преступления в уголовном праве зарубежных государств Европы, а также провести их сравнительный анализ с уголовным законодательством России.

Почему же так важно изучать законодательство других государств? Самые ранние дошедшие до нас свидетельства истории человечества показывают, что обращение к правопорядку других государств всегда практиковалось великими умами либо с прагматической целью усовершенствования национальной правовой системы, либо с философской целью создания

идеальной мыслимой правовой системы, либо просто с целью лучшего познания права разных народов.

Понятие преступления в данной научной работе рассматривается с помощью «материнской» правовой системы через романо-германскую и англо-американскую правовые семьи, а в частности предметом исследования и сравнения явились Англия, Франция и Германия.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Франции 1992 года
2. Уголовный кодекс ФРГ 1871
3. Крылова Н. Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. - М., 1996
4. Учебник для вузов: В 2 т./ Под ред. Козочкина И. Д. - Т. 1: Общая часть. - М.: Издательство ИМП, 2001, стр. 386
5. Уголовное Право России: Учебник для вузов: В 2 т./ Под ред. Ветрова И. И., Ляпунова Ю. И. - Т. 1: Общая часть. - М., Новый Юрист, 1997, стр. 14

Щеглова М.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель, Шагунова В.М.

Sheglova M.V., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Senior lecturer, Shagunova V.M.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ, НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE CIRCULATION OF FALSIFIED, POOR-QUALITY AND UNREGISTERED DRUGS

Аннотация.

В статье рассматривается квалифицирующие признаки состава преступления связанные с обращением фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, затрагивается законодательный подход к пенализации обращения фальсифицированных, недоброкачественных

и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и перспективы его оптимизации.

Abstract.

The article discusses the qualifying elements of a crime associated with the circulation of counterfeit, substandard and unregistered medicines, medical devices and the circulation of counterfeit dietary supplements, touches upon the legislative approach to penalizing the circulation of counterfeit, substandard and unregistered medicines, medical devices and prospects for its optimization.

Ключевые слова: фальсифицированные лекарственные средства, недоброкачественные лекарственные средства, незарегистрированные лекарственные средства, преступления против фармацевтической безопасности.

Keywords: counterfeit medicines, substandard medicines, unregistered medicines, crimes against pharmaceutical safety, drugs.

Прежде всего, следует отметить, что приоритетная деятельность любого государства на современном этапе развития общества заключается непосредственно в обеспечение национальной безопасности, в процессе обеспечения которой вместе с необходимостью сохранения военной безопасности, должное внимание уделяется регулированию общественных отношений, лежащих в области невоенных угроз[4, с. 486].

Проблемы, возникающие в результате обеспечения здоровья населения, на современном этапе приобретают особое значение.

Так, следует отметить, что согласно Указу Президента Российской Федерации № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» область здравоохранения является сферой национальных интересов государства, для осуществления защиты, которых формируется долгосрочная государственная политика, стратегическими целями которой является увеличение его численности, а также повышение доступности и непосредственно качества медицинской помощи[1].

Вышеуказанные проблемы так или иначе приводят к недостатку лекарств, который в свою очередь обуславливает возрастание их стоимости и появлению на фармацевтическом рынке фальсифицированных лекарственных средств.

Исходя из того факта, что фальсифицированные лекарственные средства опасны, прежде всего, тем, что они принимаются потребителем в виде средств, которые непосредственно необходимы для осуществления и в некоторых случаях поддержания жизнедеятельности, в силу своей не качественности они не дают терапевтического эффекта и могут привести отсутствию эффективности проведенного лечения, в силу чего они представляют угрозу здоровью или даже жизни человека, принимающего такие лекарственные средства.

Таким образом, сегодняшняя ситуация в сфере оборота фальсифицированных лекарственных средств требует активного противодействия этим преступлениям. Однако, в этой связи необходимо отметить, что функционирующий на данный момент уголовно-правовой механизм охраны здоровья населения нельзя считать совершенным.

Так, сама норма, регулирующая ответственность уголовного характера в сфере оборота

фальсифицированных лекарственных средств является предметом многих дискуссий, а также подвергается многочисленной критике со стороны ученых и правоохранительных органов, ведь за период действия статьи 238.1 УК РФ[3] количество возбужденных дел уголовного характера составило всего 115.

Это связано с тем, что данное правило не лишено недостатков, так, если мы посмотрим на диспозиции указанной нормы, то заметим, что они раскрываются как производство или же незаконное производство, сбыт или импорт и, на первый взгляд, являются тождественными понятиями. Однако это не совсем так.

С учетом того, что статья 238.1 УК РФ является общим уголовным законом, следует сослаться на федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», в котором «лечение» определяется как «разработка, доклинические исследования, клинические испытания, экспертиза, государственная регистрация, стандартизация и контроль качества, производство, изготовление, хранение, транспортировка, ввоз в Российскую Федерацию, вывоз из Российской Федерации, реклама, отпуск, сбыт, передача, использование, уничтожение лекарственных средств».

Но это, на наш взгляд, не совсем правильно, так как в данном случае «крупный размер» относится к предмету преступления и должен учитываться при наступлении последствий, указанных в квалифицированных составах.

Неясно, что в данном случае, что подразумевается под производством лекарственных средств, следует ли включать хранение и реализацию изготовленных лекарственных средств, так как в соответствии с Федеральным законом № 61-ФЗ «Об обращении

лекарственных средств»[2], под производством понимается производство лекарственных средств организациями-производителями лекарственных средств на одной стадии, нескольких или всех стадиях технологического процесса, а также хранение и реализация произведенных лекарственных средств.

Таким образом, во избежание недоразумений при толковании понятий в примечании к рассматриваемой норме следует разъяснить, что имеется в виду под производством лекарственных средств.

Кроме того, нам представляется, что производство незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий само по себе, если оно не осуществляется на доклинической стадии, является незаконным, поэтому следует отказаться от использования этой формулировки.

Список цитируемой литературы:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [Электронный ресурс]. - Справочно-правовая система «Консультант». - URL: http://base.consultant.ru/con

2. Об обращении лекарственных средств: федер. закон Рос. Федерации от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (в ред. от 22 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2010. - № 16. - Ст. 1815.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

4. Федосенко, А.В., Гудкова О.В. Борьба с фальсификацией лекарственных средств в аспекте наднационального регулирования в рамках таможенного союза // Современные научные исследования и разработки. - 2017. - № 9 (17). - С. 486.

Щербатых В.Н., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: старший преподаватель
Шагунова В. М.

Scherbatykh V.N., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer
Shagunova V. M.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

CRIMES AGAINST SEXUAL FREEDOM AND SEXUAL INVIOLABILITY UNDER THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Аннотация.

В статье раскрываются преступления против половой свободы и половой неприкосновенности по законодательству зарубежных стран.

Abstract.

The article reveals crimes against sexual freedom and sexual inviolability under the legislation of foreign countries.

Ключевые слова: преступление; преступления против половой свободы; преступления против половой неприкосновенности; половое сношение; ответственность; интересы правосудия.

Keywords:. crime; crimes against sexual freedom; crimes against sexual integrity; sexual intercourse; responsibility; interests of justice.

Уголовными кодексами разных стран определяется разный круг сексуальных преступлений. При этом нередко встречается, что уголовное законодательство одной и той же страны на разных этапах её истории относит к категории сексуальных преступлений различные деяния.

В ст.3 Декларации прав человека провозглашается, что каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность. Защита этих ценностей - важнейшая задача действующего уголовного права развитых зарубежных стран.

В зарубежном праве Особенная часть обычно не ограничивается соответствующей частью уголовного кодекса. Нередко уголовная ответственность устанавливается либо в конституционных актах (США), либо в специальных законах (Франция, ФРГ), либо в других кодексах, действующих параллельно с уголовным (Франция). В некоторых государствах уголовная ответственность может быть установлена и подзаконными актами (Франция).

Наиболее четко Особенная часть выделяется в уголовном праве стран континентальной системы права (Франции, ФРГ, Испании и др.), где она имеет определенные систему и структуру, отражающие вид и ценность объекта посягательства. Наиболее полно

критерий ценности правоохраняемого блага учтен в новых кодексах Франции 1992 г. и Испании 1995г.

Большинство германских юристов под «насилием» понимают любой способ преодоления фактически оказанного или ожидаемого сопротивления потерпевшего, если этот способ заключается прежде всего в применении силы или иных действий, которые по своему характеру, интенсивности и методу воздействия направлены на лишение потерпевшего свободы или ее ограничение [1].

Понятие "половое сношение" дано в ст.44 Закона 1956г. Из этой нормы вытекает, что половой акт считается завершенным при наличии введения мужского полового органа в половой орган другого человека (причем в самой незначительной степени, без семяизвержения или нарушения девственности). Половое преступление может быть совершено только мужчиной.

Весьма важным моментом для наступления или освобождения от уголовной ответственности за половые преступления является также способность потерпевшего дать согласие на вступление в сексуальные отношения. Считается, что по достижении 16-летнего возраста человек может осознанно дать такое согласие. Однако, английский законодатель в целях защиты молодых людей пошел на повышение возрастной планки до 18 лет в тех случаях, когда преступник совершил деяние в отношении девушки или юноши, чьим доверенным лицом он являлся.

Помимо изнасилования английское уголовное законодательство предусматривает ответственность за другие преступления сексуального характера: понуждение к половому акту; применение лекарственного средства в целях совершения

незаконного полового акта; незаконное половое сношение с умственно отсталой женщиной или несовершеннолетней; инцест; нападение с непристойными целями; непристойные действия в отношении ребенка; содомию; грубую непристойность в отношении мужчины и злоупотребление полномочиями доверенного лица в отношении детей и молодых людей.

Преступлением является применение лекарственного средства в целях совершения незаконного полового акта. Суть его состоит во введение потерпевшему лекарства, при этом, совершен или нет сам половой акт, для наступления ответственности не имеет значения.

Виновным в этом преступлении может быть признано любое лицо, за исключением мужа жертвы, поскольку в этом случае речь идет только о сексуальных отношениях, осуществляемых вне брака. Если в намерения мужа, давшего жене лекарственное средство в такой ситуации, входило причинение ей вреда, он может быть привлечен к ответственности на основании Закона о преступлении личности 1861 г.

Инцест совершается мужчиной, вступающим в сексуальные отношения с женщиной, которая, как ему известно, является его внучкой, дочерью, сестрой или матерью, и женщиной (в возрасте 16 лет и старше), дающей согласие на вступление в сексуальные отношения с мужчиной, являющимся ее дедом, отцом, братом или сыном.

До 1967 г. в Англии гомосексуализм карался пожизненным лишением свободы, а покушение на него - 10 годами лишения свободы, поскольку сексуальные отношения между мужчинами были запрещены под страхом уголовного преследования. Оба участника деяния считались исполнителями и несли равную

уголовную ответственность, если достигли предусмотренного законом возраста.

Особенные части Примерного УК штатов США отличаются от Федерального УК. Рассматривая Особенные части УК нельзя не сказать несколько слов об УК Нью-Йорка, который оказал большое влияние на реформирование уголовного права в масштабе всей страны.

В системе содержится титул "Посягательства против личности, включающие в себя причинение физического вреда, половое поведение, ограничение свободы и запугивание".

Особый интерес представляет система Особенной части УК штата Калифорния, поскольку это - один из старейших действующих кодексов крупнейшего штата страны.

Его особенная часть "О преступлениях и наказаниях" состоит из 14 титулов. В частности титул №8 "О преступлениях против личности", включающий в себя половое нападение и преступления против общественной благопристойности добрых нравов.

В УК штата Техас преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности находятся в гл.20 "Половые посягательства" - гомосексуальное поведение, публичное половое сношение, непристойное обнажение, непристойное поведение с ребенком; и в гл.22 "Посягательства, связанные с нападением" - нападение, сексуальное нападение, тяжкое нападение и тяжкое сексуальное нападение, оставление и поставление в опасность ребенка.."

УК Франции воспроизводит определение изнасилования, данное в Законе об изнасиловании от 23 декабря 1980г., который усилил ответственность за

данное преступление. Такое посягательство определяется достаточно широко: "любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, совершенный в отношении другого лица путем насилия, принуждения, угрозы или обмана" (ст.222-23).

В ст. 181 УК Испании говорится о потерпевшем, не достигшим двенадцати лет, а в ст. 183 - старше двенадцати, но младше шестнадцати лет.

Изнасилование предполагает, что виновное лицо использует определенные в законе способы совершения преступления. Физическое насилие, угроза, психическое принуждение или обман в действительности исключает любую добровольность со стороны потерпевшего. Не имеет значения, что виновный использует свою силу или только пользуется слабостью жертвы, находящейся в особо уязвимом состоянии по причине болезни или какого-либо физического или психического недостатка либо кратковременного снижения ее сопротивляемости из-за употребления наркотиков или алкоголя.

Преступные деяния против полового самоопределения включены в раздел XIII Особенной части УК ФРГ, который носит одноименное название. В этот раздел также вошли составы преступных деяний, посягающих на иные правоохраняемые блага (например, содействие занятию проституцией (§ 180a)). Поэтому преступные посягательства условно можно разделить на две группы.

Первую из них образуют преступные деяния против полового самоопределения. К ним германский законодатель относит следующие составы: сексуальные действия в отношении опекаемых (§ 174); сексуальные действия в отношении заключенных, лиц подвергшихся административной ответственности, больных и лиц, нуждающихся в помощи, находящихся в медицинских

учреждениях (§ 174a); сексуальный действия, связанные с использованием лицом своего служебного положения (§174b); сексуальные действия связанные с использованием отношений по консультации, лечению (врачебному наблюдению) и обслуживанию (§174c); сексуальные действия в отношении детей (§176); тяжкие сексуальные действия в отношении детей (§176a); сексуальные действия в отношении ребенка, повлекшие его смерть (§176 b); принуждение к сексуальным действиям; изнасилование (§177); принуждение к сексуальным действиям; изнасилование, повлекшее за собой смерть потерпевшего (§178); сексуальные действия в отношении лиц, не способных оказать сопротивление (§179); сексуальные действия в отношении несовершеннолетних (§182).

Ко второй группе относятся составы, условно связанные с преступными деяниями против полового самоопределения: пособничество сексуальным действиям малолетних (§180); содействие занятию проституцией (§180a); против личности (§180 b,181,181a,183,183a, 184, 184a, 184 b). Многие из данных преступных деяний посягают на общественную нравственность и мораль.

Типичными для УК ФРГ являются составы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение сексуального насилия в отношении определенного круга лиц: детей, опекаемых, лиц, не способных оказать сопротивление, лиц, доверенных виновному для консультации, лечения (врачебного наблюдения) или обслуживания и др.

В § 174a приведен специальный перечень лиц, которые могут подвергаться сексуальному насилию: заключенные, находящиеся в местах лишения свободы, лица, подвергшиеся административной

ответственности, больные и лица, нуждающиеся в помощи, находящиеся в медицинских учреждениях. Субъектами данных преступных посягательств являются служащие соответствующих учреждений, если потерпевшие находятся от них в административной зависимости. Наказанием является лишение свободы на срок до 5 лет или денежный штраф.

Субъектом преступного деяния, указанного в § 174 b, является должностное лицо. Диспозиция данной нормы предусматривает "совершение любых сексуальных действий должностным лицом, назначенным для участия в уголовном процессе либо в производстве по назначению мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы, или в производстве по назначению мер, связанных с административным задержанием, в отношении лица, находящегося в процессуальной зависимости от данного лица либо если оно допускает совершение таких действий зависимым лицом в отношении себя". Наказанием является лишение свободы на срок до 5 лет или денежный штраф.

Ещё одну группу преступных посягательств на личность составляют запрещённые Уголовным уложением ФРГ виновно совершённые деяния против половой неприкосновенности детей. Так, § 176a Уголовного уложения ФРГ за сексуальные действия с детьми предусматривает лишение свободы на срок не менее одного года. В этом плане интересно заметить, что аналогичная ст. 187 УК Швейцарии содержит также и примечание, в соответствии с которым деяние не является наказуемым, если разница в возрасте между участвующими
в сексуальных действиях с детьми лицами составляет не

более трёх лет. Кроме того, компетентный орган Швейцарии может отказаться от преследования, передачи в суд или от наказания, если ко времени совершения преступного деяния лицо не достигло ещё двадцатилетнего возраста и существуют особые обстоятельства или потерпевшее лицо заключило с ним брак. § 176b Уголовного уложения ФРГ предусматривает пожизненное лишение свободы или лишение свободы на срок не менее десяти лет, если лицо в результате сексуальных действий, по крайней мере, по легкомыслию причиняет ребёнку смерть [2].

Если раньше особо тяжкие случаи данного преступного деяния были предусмотрены абз.3 данной нормы, то теперь их предусматривают § 176a (тяжкие действия в отношении детей) и §176b (сексуальные действия в отношение ребенка, повлекшие его смерть). В последнем случае, учитывая повышенную общественную опасность данного преступления, оно наказывается пожизненным лишением свободы на срок не менее 10 лет.

Параграф 182 устанавливает уголовную ответственность за сексуальные действия в отношении несовершеннолетних. субъектом данного преступного деяния может быть любой человек (мужчина и женщина) старше 21 года, а потерпевшим - лицо моложе 16 лет, также любого пола. По абз. 1 данной нормы наказанием является лишение свободы на срок до 5 лет или денежный штраф, по абз. 2 - лишение свободы на срок до 3 лет или денежный штраф.

Такова общая характеристика половых преступлений, предусмотренных разделом XIII УК ФРГ.

Вторую группу преступных деяний в системе данного раздела УК ФРГ Франции составляют составы,

связанные с половыми преступлениями. Большинство из них являются преступными деяниями против общественной морали и нравственности, хотя и посягают на иные правоохраняемые блага, т.е. являются двуобъектными.

Характеристика преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности по уголовному законодательству Японии. Как отмечают Сугияма и Вати, в целом нормами этой главы предусмотрена ответственность за деяния против половой морали при этом публичные непристойности действия (ст.174), изнасилование (ст.177-181) склонение к распутству (ст.182) и некоторые другие преступления рассматриваются как посягательства на правовые блага личностного характера начиная от целомудрия и до половой свободы, а двоебрачие (ст.184) - как посягательство на лежащий в основе семейной жизни принцип моногамии.

Лицо, публично совершившее непристойное действие, наказывается лишением свободы с принудительным трудом на срок до 6 месяцев, или штрафом в размере до 300тыс.иен, или арестом, или малым штрафом (ст.174). согласно ст.176 (развратные действия с применением насилия), лицо которое путем применения насилия или угроз совершило развратное действие в отношении лица мужского или женского пола, достигшего 13 лет, наказывается лишением свободы с принудительным трудом на срок от 6 месяцев до 7 лет. Так же наказывается лицо, которое совершило развратное действие в отношении лица мужского или женского пола, не достигшего 13 лет. Статья 177 (изнасилование) предусматривает, что лицо, которое путем применения насилия или угроз изнасиловало лицо женского пола, не достигшее 13 лет. Как гласит

ст.178 (преступные деяния, приравниваемые к развратным действиям с применением насилия и к изнасилованию), тот, кто совершил развратное действие в отношении другого лица или изнасиловал его, воспользовавшись бессознательным состоянием или неспособностью этого лица сопротивляться либо приведя его в бессознательное состояние или в состояние неспособности сопротивляться, наказывается по правилам двух предыдущих статей. По ст.179 (покушение) на совершение деяний, предусмотренных тремя статьями, наказуемо. В соответствии со ст.180 (частное обвинение и применение правила о частном обвинении), дела о преступлениях, предусмотренных четырьмя предыдущими статьями, рассматриваются только по жалобам потерпевших. Это правило не применяется, если преступления, предусмотренные четырьмя предыдущими статьями, совместно совершили на месте преступления двое или более лиц. Согласно ст.181 (причинение смерти или телесное повреждения в результате развратных действий с применением насилия или в результате изнасилования), тот кто в результате совершения преступных деяний, предусмотренных ст.176-179, причинил смерть или телесное повреждение другому лицу, наказывается лишением свободы с принудительным трудом без срока или на срок не менее 3 лет.

Таким образом, сравнительный анализ отношения к половым преступлениям (извращениям) общества, на различных этапах развития человечества, позволяет нам сделать вывод, что практически у всех народов удовлетворение половой страсти с применением насилия и половые извращения (хотя они понимались по-разному) осуждались церковью, государством и наиболее широко - общественной моралью. Это

полностью относится и к Российскому уголовному законодательству.

Список цитируемой литературы:

1. Крылова Н. Е. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть: учебник для вузов / Е. Н. Крылова, Н. А. Голованова, В. Н. Еремин, М. А. Игнатова, И. Д. Козочкин, А. В. Серебрянникова. М., 2023. С. 397.
2. Мулюков ФархаФ. Б. Ответственность за преступления против личности по Уголовному уложению Федеративной Республики Германия // ВЭПС. 2019. №3. С. 81-84.

Щирова В.В., студент
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: ст. преподаватель
Шагунова В. М.

Shcirova V.V., student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: senior lecturer
Shagunova V. M.

ИСТОЧНИКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА АНГЛИИ

SOURCES OF CRIMINAL LAW IN ENGLAND

Аннотация.

В статье раскрываются основные источники уголовного законодательства Англии. К ним можно отнести, во-первых, судебные прецеденты – решения судов, имеющие обязательную силу нижестоящих судов и для них самих, во-вторых, статуты – законодательные акты Парламента и акты делегированного законодательства.

Abstract.

The article reveals the main sources of the criminal legislation of England. These include, firstly, judicial precedents - court decisions binding on lower courts and for themselves, and secondly, statutes - legislative acts of Parliament and acts of delegated legislation.

Ключевые слова: Общее право; Статутное право; Делегированное законодательство; Законодательство Европейского Сообщества; преступление; закон; законодательные акты; судебный прецедент; статуты.

Keywords: Common law; Statutory law; Delegated legislation; Legislation of the European Community; crime; law; legislative acts; judicial precedent; statutes.

В современной Англии к основными источниками права, включая и уголовное право, относятся статуты (парламентское законодательство), а также судебные прецеденты. Рассмотрим источники уголовного законодательства Англии.

Общее право. Некоторые важные вопросы общей части в настоящее время получили свое законодательное решение, однако значительная их часть все еще существует в том виде, в котором они были сформулированы в судебных прецедентах. Отсутствие Уголовного кодекса в Англии является специфической особенностью уголовного права, вытекающей из всего хода исторического развития английского права. Можно сказать, что судебная практика является самым древним источником английского права.

Еще задолго до издания законодательных актов, начиная с XII в., королевские судьи, рассматривая дела и вынося приговоры, создавали правила, которые впоследствии легли в основу уголовного права Англии. Так, судьи Суда Королевской скамьи выработали правила об ответственности за наиболее тяжкие преступления - фелонии, а за менее тяжкие преступления - мисдиминоры.

И сегодня ответственность за некоторые преступления установлена общим правом. Это означает, что их определение можно найти не в парламентском

акте, а в судебных решениях. В данном случае речь идет не только об определении преступления как такового, но и о наказании, которое должно быть назначено виновному. Некоторые законы определяют наказания за преступления, ответственность за которые установлена в соответствии с общим правом. Тяжкое и простое убийство, например, являются преступлениями по общему праву. Определения этих деяний нельзя найти ни в одном законе, однако наказания за них предусмотрены в Законе о преступлениях против личности 1861 года и других законодательных актах.

В то же время следует помнить, что суды не имеют права устанавливать уголовную ответственность за какие-либо новые преступные деяния или расширять круг существующих преступлений.

Существуют разные мнения о том, кто и когда начал описывать споры сторон в суде и решения судей, рассматривавших дела, как в путевых, так и в вестминстерских судах: одни английские историки считают, что первые записи были сделаны клерками судов, другие - что первоначально это были заметки студентов-юристов. Тем не менее, к концу XIII века такие записи получили широкое распространение среди судей и членов возникшей в то время корпорации юристов-практиков. Первые записи такого рода, получившие название "Ежегодники", содержали краткие отчеты об обстоятельствах дела, аргументах и решении судей. Записи были написаны от руки, а затем, с изобретением книгопечатания, они были опубликованы в печатном виде под именами составителей.

В настоящее время наиболее известными и авторитетными являются Все английские судебные отчеты («ЛИ England Reports»), публикуемые

еженедельно, а также «The Criminal Appeal Reports», в которых публикуются решения по уголовным делам.

Следует отметить, что развитие общего права основывалось на установленных правилах применения прецедентов в судебной практике.

Нормы общего права, которые развивались на протяжении веков, постоянно дополнялись или заменялись нормами статутного права, в результате чего возник особый, довольно гибкий свод правил. Таким образом, в настоящее время ни в коем случае нельзя сказать, что в Англии судебный прецедент был заменен статутным правом. Статутное право, как уже отмечалось, является вторым основным источником современного уголовного права в Англии. В системе источников английского уголовного права роль статутов по сравнению с общим правом заметно возрастает. Законы либо декларировали, либо исправляли некоторые нормы общего права. Основные принципы уголовной ответственности по-прежнему устанавливаются нормами общего права, хотя некоторые из них получили законодательное регулирование в актах парламента.

Что касается развития статутного права на современном этапе, то обращает на себя внимание огромная законодательная работа, проведенная Комиссией по правовой реформе, созданной в 1965 году. Эта комиссия разработала множество законов по различным отраслям права. Помимо этой комиссии разработкой законопроектов занимаются специальные королевские комиссии и Комитет по пересмотру уголовного законодательства, созданные перед Второй мировой войной.

Следует отметить, что очень часто нормы материального уголовного права содержатся в законах

уголовно-процессуального характера. Практически нет ни одного законодательного акта, который содержал бы какие-то материальные или процессуальные нормы, независимо от названия закона, он содержит обе нормы.

Помимо специальных уголовных законов, в Англии издано большое количество актов по различным отраслям права, которые содержат нормы уголовного характера, устанавливающие ответственность за конкретные правонарушения. Наряду с современными уголовными законами продолжают существовать древние законы. Официально законодательные акты публикуются Королевским издательством в форме публикации отдельных актов или в форме ежегодного собрания парламентских актов.

Помимо статутов, делегированное законодательство относится к источникам английского уголовного права. По мнению английских юристов, преимущество делегированного законодательства заключается в том, что оно позволяет быстро принимать резолюции и вносить в них поправки, не предоставляя их на утверждение парламента.

Делегированное законодательство действует только тогда, когда оно не выходит за рамки полномочий, предоставленных парламентом. Если делегированный акт выходит за рамки полномочий, то он недействителен. Высшей формой делегированного законодательства является "порядок в Совете", посредством которого многие законы вводятся в действие.

Уголовные законы часто содержат ссылки, предоставляющие государственному секретарю полномочия, связанные с применением таких актов. Эти полномочия могут, например, относиться к исполнению определенных видов наказаний и т.д. Иногда

делегированные полномочия могут повлиять на очень важный вопрос. Так, Закон о детях и подростках 1969 года содержит норму, устанавливающую возраст уголовной ответственности с 14 лет (по общему праву уголовная ответственность наступает с 10 лет). Однако в действительности этот пункт может вступить в силу только после издания соответствующего приказа Государственного секретаря.

В Великобритании законодательство Европейского сообщества признано правом в силу Закона о европейских сообществах 1972 года. Это не может быть признано неким подзаконным актом, поскольку общественные институты никоим образом не подчинены парламенту Великобритании, и только определенные его виды можно назвать делегированными. По большей части это законодательство касается экономических вопросов, таких как честная конкуренция, таможня, регулирование автомобильного транспорта и вопросы, связанные с иммиграцией. Такие правовые нормы содержатся в контрактах, инструкциях, директивах и решениях органов сообщества. Следует отметить, что влияние законодательства Европейского сообщества на английское уголовное право минимально, и говорить об этом можно в основном тогда, когда возникают вопросы, связанные с иностранцами, морским рыболовством и транспортировкой.

Кодификация. Как уже упоминалось, особенностью английского уголовного права является отсутствие Уголовного кодекса. Попытки кодифицировать уголовное право Англии и Уэльса имеют долгую историю. Первые попытки такого рода были предприняты уполномоченными по уголовному праву в первой половине XIX века. Они подготовили

два законопроекта, охватывающих преступления против личности и воровство, которые, хотя и были приняты парламентом, не принесли большой пользы. В последующие годы также были предприняты шаги по подготовке Уголовного кодекса. Результатом работы комиссий по подготовке Уголовного кодекса стало опубликование в Англии в разные годы большого количества уголовных законов, часть из которых полностью состояла из материальных норм, а другая часть включала также процессуальные нормы.

С 1981 года в Англии ведется работа над очередным проектом Уголовного кодекса, его общая часть учитывает нормы как статутного, так и прецедентного права, регулирующие соответствующие правовые институты в настоящее время. Осознавая сложность принятия парламентом Уголовного кодекса в целом, Комиссия по правовой реформе, чтобы облегчить процесс кодификации, предложила провести через парламент ряд небольших законопроектов по определенным проблемам уголовного права.

Список цитируемой литературы:

1. История права: Англия и Россия. - М , 1990 С. 165.
2. Кросс Р. Прецедент в английском праве. - М., 1985. С. 26
3. Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. -М.,1990. С. 10.
4. Уголовное право зарубежных стран. Вып. 1. Источники уголовного права. - М., 1971. С. 93.
5. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: Справочник. - М., 1993. С. 177.

Юшкова Ю.А., магистрант
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации», Липецкий филиал
Научный руководитель: к.ю.н., доцент
Левашова О.В.

Yushkova Y.A., Master's student
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk branch
Scientific supervisor: Candidate of Law, Associate Professor
Levashova O.V.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

PROBLEMS OF THE APPLICATION OF PENALTIES RELATED TO DEPRIVATION OF LIBERTY

Аннотация.

В статье в ходе оценки системы исполнения наказания, связанного с лишением и ограничением свободы, сделано ряд заключений, среди прочего о том, что она не лишена проблем как умозрительного, так и практического свойства. Автор представил свои суждения по поводу определения базовых проблем данной системы и сделал ряд предложений по их устранению.

Abstract.

In the article, in the course of assessing the system for the execution of punishment associated with deprivation and restraint of liberty, a number of conclusions were made, among other things, that it is not devoid of problems of both speculative and practical nature. The author presented his views on the definition of the basic problems of this system and made a number of suggestions for their elimination.

Ключевые слова: ограничение свободы, система наказаний, назначение наказания, исполнение наказания, пожизненное лишение свободы, уголовно-исполнительная система.

.**Keywords:** restriction of freedom, system of punishment, sentencing, execution of punishment, life imprisonment, the penal system.

В соответствии с действующей системой уголовных наказаний к наказаниям, которые связаны с лишением свободы относятся: 1) арест; 2) содержание в дисциплинарной воинской части; 3) лишние свободы на определенный срок; 4) пожизненное лишение свободы. Арест как вид уголовного наказания в рамках уголовного закона предусмотрен с момента его принятия и вступления в законную силу. Однако данный вид наказания не исполняется по сей день. В рамках уголовно-исполнительного права законодатель «стремится» закрепить правовое регулирование данного наказания в пяти статьях третьего раздела УИК РФ. В Федеральном законе РФ «О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса РФ» содержится отлагательная норма, которая предусматривает введение в действие указанных положений об исполнении уголовного наказания в виде ареста по мере формирования соответствующих условий для его

исполнения, но не позднее 2006 года (ст.5).

Президент РФ со своей стороны поручил Правительству РФ подготовить проект Положения об арестных домах и нормативов их штатной численности и его утвердить. Однако и в 2019 г. арест как наказание не введено в действие, несмотря на указание выше обозначенного закона, а соответствующие Положение не было разработано и принято. В юридической литературе существуют различные мнения ученных относительно того, должен ли арест оставаться как вид наказания в системе уголовных наказаний. Можно выделить следующие подходы к рассмотрению данного вопроса. По мнению Е.В. Зайцевой трудно представить научное обоснование введению в действие такого нового вида наказания как арест. Законодатель предусматривает применение ареста за совершение преступлений небольшой тяжести, а если он будет применяться, то в большинстве случаев к лицам, которые для общества большой опасности не представляют. Основной целью ареста является устрашение преступников, т.е. в целях их юридического исправления. Чтобы содержать осужденных к аресту необходимо построить арестные дома. Если таких осужденных содержать в общих камерах, то по сути это будет «краткосрочные курсы повышения преступной квалификации», т.е. установление преступных связей, обмен знаниям и опытом и т.д. Значит, целесообразным является содержание арестованных в помещениях по одному[1, с. 46]. Помимо того, что с позиции экономики это обойдется государству в значительную сумму, это еще и отрицательным образом скажется на психологическом и физическом состоянии арестованных.

М.М. Кадакоева указывает, что в данном случае

основные сложности состоят в том, что из-за применения наказания в виде ареста вопрос о социальной реабилитации таких осужденных является неизбежным. Основная часть таких лиц, осужденных к аресту, будут из числа тех, кто не имеют постоянного места жительства и (или) постоянного рода занятий. Следовательно, возникает необходимость на законодательном уровне предусмотреть меры, направленные на трудоустройство таких лиц после освобождения, а также на обеспечение их жильем. В нынешних рыночных условиях решить данный вопрос применительно к таким осужденным будет не так просто. С другой стороны, при положительном решении государством данного вопроса, т.е. если осужденные после их освобождения будут иметь возможность трудоустроиться и получить жилье, это окажется заманчивым для безработных и лиц, не имеющих своего жилья, но ведущих добропорядочный образ жизни.

По мнению А.И. Трахова необходимость применения ареста не вызывает сомнения, т.е. благодаря данному виду наказания можно будет не осуждать лиц, которые совершили преступления небольшой тяжести, к длительному сроку лишения свободы, но в тоже время содержать их в условиях строгой изоляции. При помощи ареста можно будет обеспечить интенсивное карательное воздействие в отношении лиц, к которым применять штраф, исправительные работы и ограничение свободы является нецелесообразным. На некоторых лиц заключение под стражу даже на короткий срок будет действовать благотворнее, чем длительное воспитательное воздействие, оказываемое в условиях сохранения свободы[6, с. 71].

Самые главные трудности с практическим

введением ареста связаны с финансово-материальной стороной вопроса. Поэтому заслуживает внимания предложение В.А. Уткина о необязательности принципа «везде и сразу» и о предоставлении права субъектам Российской Федерации создавать учреждения для исполнения наказания в виде ареста «при наличии к тому оснований» [7, с. 24]. По мнению А.В. Поливцева указанный вариант, когда введение ареста в действие будет проходить поэтапно на уровне субъектов Российской Федерации, является наиболее реальным и приемлемым, учитывая сложившуюся экономическую обстановку в государстве. Более того, при подобном подходе можно будет накапливать эмпирические данные, анализировать достоинства и недостатки в практическом применении данного вида наказания в рамках действующих законодательных подходов, а также выявлять пути их совершенствования[4, с. 122].

Рассматривая проблемы применения наказаний, связанных с лишением свободы, рассмотрим отдельные проблемные вопросы, возникающие в практике применения содержание в дисциплинарной воинской части. В литературе отношения к исследуемому наказанию неоднозначно. Так некоторые авторы положительно оценивают данный вид наказания и высказывают рекомендации, по направлению на более эффективную реализацию его потенциала в достижении целей наказания.

Михеева А.А. считает, что закрепление в УК РФ этого наказания служит средством реализации принципа гуманизма, так как он является более лояльным по сравнению с лишением свободы и способствует обороноспособности страны[2, с. 864].

Шарыкина О.В. говорит, что нужно ликвидировать данный вид наказания, поскольку на практике

практически не применяется[9, с. 69].

Содержание в дисциплинарных воинских частях и в исправительных колониях общего режима является практически идентичными. «Дисциплинарная воинская часть практически не отличается по внешним признакам от исправительной колонии общего режима. Сходны требования охраны и перемещения осужденных, их правового положения и др.»[8, с. 10]. «От лишения свободы это наказание отличается не столько фактически, сколько юридически: осужденный сохраняет статус военнослужащего, хотя с существенным ограничением в правах»[5, с. 174]. Проанализировав данный вид наказания можно выделить следующие проблемы. Так, при проведении реформы в военной области с 2009 года количество дисциплинарных воинских частей неуклонно сокращалось, и сейчас их осталось только две, заполнены они частично, а содержание и обслуживание их продолжают осуществляться. Таким образом, экономическая обоснованность наличия названного наказания в УК РФ вызывает большие сомнения. Еще одной проблемой является то, что учреждения уголовно-исполнительной системы являются специализированными органами, обладающими опытом работы с осужденными, располагающими штатом сотрудников, имеющих специальное образование.

Наказание в виде лишении свободы на определенный срок в настоящее время является часто применяемой. Это один из наиболее строгих видов наказаний, оказывающий мощное воздействие на человека, так как его объектом является свобода. В юридической литературе достаточно много проблем, затирающие это наказание в виде лишения свободы.

Мясников В.В., что одной из проблем на сегодняшний день является то, что исправительные колонии утратили свой исправительный потенциал, исчезли коллективные формы воспитательного характера. И он говорил, что основными средствами исправительного воздействия на осужденного должны стать общественно-полезный труд и политико-воспитательная работа, для этого необходимо вернуть высокопроизводительный труд, интегрированный и государственный сектор экономики[3, с. 185]. Главной проблемой среди специалистов остается, верхние и нижние приделы наказания. В современной редакции лишение свободы может быть назначено на срок от 2 месяцев до 20 лет. Ранее лишение свободы устанавливалось от 6 месяцев.

Что качается распределения лишения свободы в уголовно-правовых санкциях, то необходимо исключить лишение свободы из санкций за преступления небольшой тяжести и сократить за преступления средней тяжести.

Таким образом, какие-либо значимые перспективы для таких осужденных отсутствуют, а сам осужденный при освобождении будет «отвергнут» обществом. Практика явно дает понять, что при отбывании таких длительных сроков лишения свободы, осужденные больше деградируют, чем исправляются. Так, сами сотрудники исправительных колоний, в которых содержаться осужденные к пожизненному лишению свободы говорят о том, что лишь 3-4% от общей численности таких осужденных сохраняют способность контролировать себя и здраво рассуждать.

Список цитируемой литературы:

1. Зайцева, Е.В. Цели наказания и средства их достижения в исправительных учреждениях. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 1998. – С. 46.
2. Михеев, А. А. Практика применения уголовного наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 864.
3. Мясников, В.В. Лишение свободы на определенный срок: Содержание, цели и средства их достижения: дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону. – 2003. – С. 185.
4. Поливцев, А.В. Правовое регулирование применение ареста как вида уголовного наказания. дисс. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону. – 2001. – С. 122.
5. Степашин, В.М. Особенности назначения специальных наказаний военнослужащим // Вестник Омского Университета. – 2011. – № 1. – С. 174.
6. Трахов, А.И. К вопросу о системе наказаний по новому Уголовному кодексу Российской Федерации // Совершенствование Российского законодательства и практика его применения. Сборник научных трудов молодых ученных. – Краснодар: КГУ, – 1996. – С. 71.
7. Уткин, В.А. Проблемы в системе альтернативных наказаний / Материалы межрегионального научного семинара молодых ученных. – Барнаул: Барнаульский госуниверситет, – 1997. – С. 24.
8. Федоров, С. Направление в дисциплинарную воинскую часть и лишение свободы // Законность. – 2005. – № 2. – С. 9-12.
9. Шарыкина, О. В. О ликвидации дисциплинарных воинских частей // Право в Вооруженных силах. – 2007. – № 6. – С. 69.

Научное издание

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Сборник трудов участников

II Заочная международная научно-практическая конференция (3 февраля 2022 г.)

Электронный сборник

Липецкий филиал РАНХиГС

г. Липецк,

ул. Интернациональная, 3

1160